О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПСАЛТИРИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

СВЯЩЕННИКА Н. ВИШНЯКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. И. Поповицкаго и Ѳ. Г. Елеонскаго, Невскій проспектъ, д. Гуляковыхъ, № 140

1875.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. Января, 16 дня, 1875 г.

Цензоръ Архимандритъ *Гелассій*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Высокое достоинство Псалтири и широкое употребленіе ея при богослуженіи и въ домашнемъ быту христіанъ въ древней Православ. и нашей Русской Церкви (**стр. 1—4**). Изученіе ея у древнихъ отцевъ и учителей Церкви (**стр. 5—8**). Историческій очеркъ изученія Псалтири въ нашемъ отечествѣ съ древнѣйшаго и до настоящаго времени (**стр. 8—33**). Недостатокъ научныхъ изслѣдованій о Псалтири и ихъ потребность въ настоящее время (**стр. 33—34**). Задача предлагаемаго изслѣдованія и планъ его (**стр. 34—35**).

I. ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ВЕТХОЗАВѢТНАГО ПСАЛМОПѢНІЯ.

Субъективныя и объективныя основанія свящ. поэзіи въ духѣ человѣческомъ (**стр. 36—38**). Начало свящ. поэзіи въ человѣчествѣ и первые замѣтные слѣды ея существованія въ періодъ патріархальный (**стр. 38 — 41**). Псалмопѣніе при Моисеѣ и І. Навинѣ и значеніе этого времени для послѣдующей исторіи псалмопѣнія (**стр. 41—47**). Упадокъ свящ. поэзіи въ періодъ Судей и возрожденіе ея во времена Самуила пророка (**стр. 47—49**). Время Давида—золотой вѣкъ свящ. ветхозав. псалмопѣнія (**стр. 49—69**). Состояніе псалмопѣнія при Соломонѣ (**стр. 69—71**). Упадокъ его во времена Царствъ и кратковременное пробужденіе при Іосафатѣ, Езекіи и Іосіи (**стр. 71—79**). Псалмопѣніе во времена плѣна Вавилонскаго и послѣ возвращенія изъ него (**стр. 79—82**). Времена послѣ-плѣнныхъ пророковъ—послѣднее время свящ. ветхозав. псалмопѣнія (**стр. 82—86**).

II. ПИСАТЕЛИ И ВРЕМЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ПѢСНЕЙ ПСАЛТИРИ.

Отношеніе этой части изслѣдованія къ предшествующей и задача ея (**стр. 87—88**).

А. Существующія мнѣнія о происхожденіи Псалтири.

Два господствующія мнѣнія о происхожденіи Псалтири: о написаніи ея однимъ царемъ Давидомъ и о постепенномъ происхожде-

ніи ея отъ многихъ, различныхъ писателей (**стр. 88**). Основанія въ пользу перваго мнѣнія и ихъ несостоятельность (**стр. 89—96**). Современные взгляды на это мнѣніе (**стр. 96**). Основанія въ пользу втораго мнѣнія (**стр. 97**). Разногласія между представителями его въ древнее и въ настоящее время (**стр. 98**). Болѣе вѣрный и надежный путь къ открытію истины (**стр. 100**). Извѣстные и неизвѣстные писатели псалмовъ (**стр. 102**).

Б. О писателяхъ и времени написанія псалмовъ въ частности.

а) Псаломъ Моусеевъ, — 89-й.

Надписаніе Псалма 89-го и настоящій смыслъ его (**стр. 103**). Доказательства написанія псалма пророкомъ Моусеемъ, законодателемъ, и неосновательность возраженій противъ того (**стр. 104—109**). Мнѣніе о принадлежности Моусею Псс. 90—99 и его несостоятельность (**стр. 109**).

б) Псалмы Давидовы.

Число Псалмовъ Давидовыхъ по надписаніямъ (**стр. 110 — 111**). Несомнѣнность существованія псалмовъ Давидовыхъ и ихъ сохраненія до нашего времени въ Псалтири (**стр. 111—122**). Надписанія псалмовъ, какъ свидѣтельства о писателяхъ и времени написанія псалмовъ, и достовѣрность такихъ свидѣтельствъ (**стр. 122 — 130**). Псалмы Давида съ указаніями въ надписаніяхъ времени и обстоятельствъ ихъ написанія: 58, 55, 33, 51, 56, 141, 53, 7, 59, 50, 3, 62, 17 и 29-й, и достовѣрность такихъ историческихъ указаній (**стр. 130 — 148**). Общія основанія принадлежности Давиду прочихъ, приписываемыхъ ему въ евр. текстѣ псалмовъ, съ надписаніями безъ историческихъ указаній (**стр. 148 — 164**). Частнѣйшее разсмотрѣніе содержанія такихъ псалмовъ, какъ доказательство принадлежности ихъ Давиду. — Псалмы Давида изъ времени пастушеской его жизни: 8-й (**стр. 165 — 167**) и 143-й (**стр. 167 — 169**). Псалмы изъ времени Сауловыхъ гоненій: 11, 12, 13, 15, 16, 21, 30, 34, 35, 68 и 108-й (**стр. 169—188**). Покаянные псалмы Давида послѣ его грѣхопаденія: 6, 31, 37, 38 и 142-й (**стр. 188—192**). Псалмы, имѣющіе отношеніе къ началу Авессаломова возстанія: 5, 10, 25, 40, 54, 57, 63 и 139-й (**стр. 192 — 202**). Псалмы, относящіеся къ тому же возстанію со времени бѣгства Давида изъ Іерусалима до окончательнаго усмиренія мятежниковъ: 4, 22, 24, 26, 27, 36, 60, 61, 85 и 140-й (**стр. 202 — 206**). Псалмы изъ времени войнъ Давида: 9-й (**стр. 206 — 210**), 123 (**стр. 210 — 212**), 19, 20 (**стр. 212 — 214**) и 67-й (**стр. 214 — 217**). Псалмы, имѣющіе отношеніе ко времени перенесенія ковчега завѣта въ Сіонскую скинію: 100-й, 14, 23 (**стр. 217—222**), 130 (**стр. 222—225**), и къ слѣдовавшимъ затѣмъ праздничнымъ собраніямъ въ Іерусалимѣ: 121, 132 (**стр. 226 — 235**) и 64-й (**стр. 235—239**). Псалмы, относящіеся къ полученію Давидомъ обѣтованія о вѣчномъ продолженіи царствованія въ его потомствѣ:

39-й (**стр. 239—247**), 137 (**стр. 247—250**) и 109 (**стр. 250—259**). Псалмы Давида безъ опредѣленнаго отношенія къ историческимъ обстоятельствамъ его времени: 18, 28, 102, 138 и 144-й (**стр. 259—263**). Псалмы Давида, составленные изъ другихъ псалмовъ его: 52, 69 и 107-й (**стр. 264 — 265**). Принадлежащіе Давиду псалмы изъ числа ненадписанныхъ въ евр. текстѣ его именемъ: 2-й (**стр. 266—273**), 1-й (**стр. 273—278**), 32, 70 и 103 (**стр. 278—284**).

в) Псалмы Соломоновы.

Псалмы, приписываемые Соломону по надписаніямъ въ евр. текстѣ Псалтири: 71, и 126-й (**стр. 285**). Неосновательность мнѣнія о написаніи 71-го Пс. Давидомъ и принадлежность его Соломону (**стр. 285 — 294**). Различныя мнѣнія о происхожденіи 126-го Пс. и доказательства принадлежности его Соломону (**стр. 294—301**). Вѣроятныя предположенія о написаніи Соломономъ псалма 131-го (**стр. 301—309**).

г) Псалмы Асафовы.

Число псалмовъ, надписываемыхъ именемъ Асафа. Историческія свѣдѣнія о пророкѣ Асафѣ, несомнѣнность существованія псалмовъ его и ихъ сохраненіе въ Псалтири (**стр. 309—311**). Отличительный характеръ псалмовъ, приписываемыхъ Асафу (**стр. 311—312**). Псалмы, принадлежащіе Асафу пророку, современнику Давидову, и вѣроятныя предположенія объ историч. обстоятельствахъ ихъ написанія: Псс. 77 (**стр. 312 — 318**), 49 (**стр. 318—320**), 80 (**стр. 320—322**), 81 и 72 (**стр. 322 — 326**). Вѣроятныя предположенія о писателяхъ прочихъ псалмовъ съ именемъ Асафа (**стр. 326—327**). Различныя мнѣнія о времени происхожденія Пс. 82-го и вѣроятныя основанія о написаніи его во времена Іосафата (**стр. 327 — 337**). Псалмы съ именемъ Асафа изъ времени Езекіи: 74 и 75 (**стр. 337—342**). Псалмы изъ послѣдняго времени царства Іудейскаго, между царствованіемъ Манассіи и Седекіи: 76 и 79-й (**стр. 342—347**). Псалмы изъ времени Халдейскаго нашествія и разрушенія Іерусалима: 73 и 78-й (**стр. 347—368**).

д) Псалмы Емана и Еѳана Езрахитовъ.

Различныя мнѣнія о лицѣ Емана и Еѳана Езрахитовъ и доказательства ихъ тожества съ Еманомъ и Еѳаномъ, пѣвцами Давидо-Соломонова времени (**стр. 368—375**). Мнѣнія о происхожденіи наименованія ихъ Езрахитами и вѣроятнѣйшее объясненіе такого наименованія (**стр. 375 — 377**). Вѣроятныя предположенія о времени и обстоятельствахъ написанія приписываемыхъ имъ псалмовъ: 87 и 88-го (**стр. 377—381**).

е) Псалмы сыновъ Кореевыхъ.

Число псалмовъ, надписывающихся именемъ сыновъ Кореевыхъ (**стр. 381—382**). Историческія свѣдѣнія о сынахъ Кореевыхъ (**стр.**

382—384). Сыны Кореевы—не пѣвцы только, но и писатели псалмовъ. Отличительный характеръ приписываемыхъ имъ пѣсней (**стр. 384 — 388**). Древнѣйшіе псалмы сыновъ Кореевыхъ: 41, 43, 48 и 83. Анонимный псаломъ 42-й, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ псалмовъ сыновъ Кореевыхъ, и отношеніе его къ Пс. 41-му (**стр. 388—389**). Псалмы сыновъ Кореевыхъ изъ времени возстанія Авессалома: 41, 42 (**стр. 389—394**), 83 (**стр. 394—396**) и 48 (**стр. 396—398**). Псаломъ изъ времени войнъ Давида, по случаю Идумейскаго нашествія: 43-й (**стр. 398—406**). Псаломъ изъ времени Соломона: 44-й, и вѣроятное опредѣленіе историческ. повода къ его написанію (**стр. 407—415**). Псалмы изъ времени царствованія Іосафата: 45, 46 и 47 (**стр. 415 — 420**). Псаломъ изъ времени Езекіи, по случаю избавленія отъ Ассирійскаго нашествія: 86-й (**стр. 421—426**). Псаломъ изъ времени по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго: 84 (**стр. 426—430**).

ж) Псалмы неизвѣстныхъ писателей.

Число псалмовъ неизвѣстныхъ писателей. Значеніе ихъ надписаній именами Давида и другихъ пророковъ у LXX и въ другихъ древнихъ переводахъ. Возможность приблизительнаго опредѣленія времени написанія этихъ псалмовъ (**стр. 430 — 431**). Псалмы неизвѣстныхъ писателей изъ времени Езекіи: 65, 66 (**стр. 431 — 438**). 90 и 91-й (**стр. 438—441**). Псалмы изъ времени Іосіи или послѣднихъ лѣтъ царствованія Манассіи: 92—99 (**стр. 441—454**). Псалмы изъ времени плѣна Вавилонскаго: 104, 105 (**стр. 454—459**) и 101-й (**стр. 459—462**). Псаломъ изъ времени вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна: 136-й (**стр. 462—467**). Признаки послѣ-плѣннаго происхожденія псалмовъ: 106, 110—118, 134, 135 и 145—150 (**стр. 467—494**). Время происхожденія извѣстныхъ подъ именемъ пѣсней степеней псалмовъ: 119, 120, 122, 124, 125, 127—129 и 133-го (**стр. 494 — 509**). Время происхожденія прибавочнаго къ Псалтири, неканоническаго Псалма 151-го (**стр. 509—513**). Выводы изъ изслѣдованія о писателяхъ и времени написанія пѣсней Псалтири (**стр. 513—514**).

III. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СОБРАНІЯ ПѢСНЕЙ ПСАЛТИРИ.

Непервоначальность настоящаго собранія псалмовъ (**стр. 515—517**). Существованіе прежде него нѣсколькихъ меньшихъ, разновременныхъ собраній (**стр. 517 — 526**). Вѣроятныя предположенія о составѣ, времени происхожденія, составителяхъ такихъ собраній и ихъ отношеніи къ составу нынѣшней Псалтири, и невозможность болѣе точныхъ о томъ свѣдѣній (**стр. 526—533**). Время происхожденія послѣдняго, полнаго собранія Псалмовъ и его составители (**стр. 533—541**). Неизмѣнное сохраненіе Псалтири въ первоначальномъ своемъ составѣ отъ времени послѣднихъ пророковъ до настоящаго времени (**стр. 541—548**).—Заключеніе.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ

ПСАЛТИРИ.

Книга Псалмовъ по содержанію своему составляетъ какъ бы сокращеніе всего Священнаго Писанія, изложенное въ видѣ молитвъ и благоговѣйныхъ пѣснопѣній. «Законъ повелѣваетъ, исторія поучаетъ, пророчества предвозвѣщаютъ тайны царствія Божія, нравоученіе назидаетъ и убѣждаетъ, а Книга Псалмовъ соединяетъ въ себѣ всё это, и есть нѣкоторая полная сокровищница спасенія человѣческаго [1])». «Она пророчествуетъ о будущемъ, воспоминаетъ о прошедшемъ, предписываетъ правила жизни, указываетъ, что должно дѣлать [2])», и какъ воздерживаться отъ худаго». «Въ ней, какъ въ раю, насаждено всё, что по частямъ содержится въ другихъ священныхъ книгахъ, и» всякій, читающій ее, можетъ найти въ ней всё, что для него нужно и полезно. Въ ней ясно и подробно изображена вся жизнь человѣческая, всѣ состоянія духа, всѣ движенія ума, и нѣтъ ничего въ человѣкѣ, чего бы не содержала она въ себѣ. Хочешь-ли ты каяться и исповѣдываться, постигла ли тебя скорбь и искушенія, гонятъ-ли тебя, унынie ли и безпокойство овладѣло тобою, или что нибудь подобное терпишь, стремишься-ли къ добродѣтели и преуспѣянію въ ней и видишь, что врагъ препятствуетъ тебѣ, желаешь-ли хвалить, благодарить и славословить Господа?—въ божественныхъ псалмахъ найдешь наставленіе для всего этого [3])» При такой важности своего

---

[1]) Св. Амвросій на пс. 1. Op. edit. Bened. T. 1, p. 738.

[2]) Св. Василій Великій на пс. 1 въ изд. Твор. Св. Оо. въ русск. пер. Т. V.

[3]) Св. Аѳанасій Александрійскій — посл. къ Маркел. по р. пер. Тв. Св. Оо. Т. XXII, стр. 2, 8, 9 и 34. Сводъ мнѣній Св. Отцевъ о важности Псалтири см. въ Воскр. Чт. 183⅜ г. № 47: «Похвала Св. Оо. Псалтири».

содержанія и особенной близости его къ душѣ человѣка, Книга Псалмовъ съ первыхъ же временъ Христовой Церкви получила въ ней особенно широкое употребленіе, сравнительно со всѣми прочими книгами Св. Писанія, и сдѣлалась, можно сказать, ручною книгою высшей премудрости какъ для церкви вообще, такъ и для каждаго изъ сыновъ ея въ особенности. Самъ Господь нашъ І. Христосъ примѣромъ своимъ освятилъ богослужебное употребленіе Псалтири, пѣніемъ псалмовъ заключивъ послѣднюю свою вечерю съ учениками (Мѳ. 26, 30, ср. Мрк. 14, 26. [1]); а слѣдуя Своему Божественному Учителю и Апостолы, какъ сами славили Бога пѣніемъ псалмовъ (Дѣян. 16, 25 [2]), такъ заповѣдали и всѣмъ вѣрующимъ назидать себя и вразумлять другъ друга псалмами, воспѣвая въ сердцахъ своихъ Господу (Еф. 5, 19. Кол. 3, 16). По примѣру Господа и Апостоловъ Св. Церковь Христова изначала приняла псалмы въ составъ своего Богослуженія, и, съ постепеннымъ его развитіемъ, распространила употребленіе ихъ на всѣ свои службы нетолько общественныя, но даже и частныя, совершаемыя по разнымъ нуждамъ отдѣльныхъ вѣрующихъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ почти ни одного церковнаго послѣдованія [3]), въ которое бы не входили или цѣлыя

---

[1] и [2]) Въ цитованныхъ мѣстахъ изъ Евангелія не говорится прямо о пѣніи псалмовъ, а только вообще замѣчается, что І. Хр. и Апостолы, въ заключеніе пасхальной вечери, *воспѣвше изыдоша въ гору Елеонску;* но такъ какъ І. Хр. совершалъ вечерю по обычаю іудейскому и особенныхъ для нея пѣсней никакихъ не составлялъ; то не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь идетъ рѣчь о пѣніи такъ называемаго *Галлелъ*, т. е. хвалебныхъ псалмовъ 113—118 (LXX: 112—117), которымъ сопровождалась и заканчивалась у іудеевъ пасхальная вечеря (Іерус. Талм. въ Pesach. 51: Buxtorf., in Sinagoga Iudaica; Zunz's Gottesdnstl. Vortr. S. 22. Также Послд. дни з. жизни І. Хр. — Иннокентія, — изд. Вольфа 1872 г., стр. 150 и 174 и Толк. Ев.—Михаила, на Мѳ. 26, 30). Равн. обр. и въ цитованномъ мѣстѣ Дѣян. Ап. не упоминается прямо о псалмахъ, а говорится лишь вообще, что заключенные въ темницу Апостолы Павелъ и Сила молясь воспѣвали Бога; но такъ какъ преимущественными пѣснями, какими въ то время воспѣвали Господу, были именно псалмы (Еф. 5, 19; Кол. 3, 16; Іак. 5, 13: εὐθυμεῖ τις ψαλλέτω); то, безъ сомнѣнія, и это общее указаніе о пѣніи надобно разумѣть о пѣніи псалмовъ.

[3]) За исключеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ благословенія и освященія, которыя впрочемъ на церковномъ языкѣ и не называются послѣдованіями, или чинами.

псалмы, или отдѣльныя изъ нихъ изреченія, и нѣтъ ни одного дня въ году, когда бы Псалтирь совершенно не употреблялась при Богослуженіи. Кромѣ этого богослужебнаго употребленія, по тому же примѣру и завѣщанію Апостольскому псалмы такъ же рано заняли почетное мѣсто и въ частной жизни вѣрующихъ, — въ быту ихъ домашнемъ. Пѣніемъ псалмовъ первенствующіе Христіане услаждали печальные дни гоненій и возбуждали себя къ мужественному перенесенію тяжкихъ страданій мученичества, а въ мирное время воодушевлялись въ подвигахъ благочестія; псалмы же, замѣняя свѣтскія народныя пѣсни, служили имъ пріятнымъ отдохновеніемъ во время различныхъ трудовъ и занятій и назидательнымъ развлеченіемъ во время отдыха. Путешественнику христіанскаго востока во времена бл. Іеронима нерѣдко вмѣсто свѣтскихъ пѣсенъ слышались псалмы, раздававшіеся на поляхъ и виноградникахъ. «Земледѣлецъ, пишетъ онъ изъ Св. земли къ Марцеллѣ[1])», идя за плугомъ, поетъ аллилуіа, покрытый потомъ жнецъ развлекается псалмами, и виноградарь, срѣзывая кривымъ ножемъ виноградныя вѣтви, поетъ что нибудь изъ Давида. И это — любимыя пѣсни, какъ говоритъ народъ. Онѣ—покрикиваніе пастуха, онѣ — орудіе земледѣлія». «Путешественники, дополнимъ это описаніе словами Св. Григорія Нисскаго, и плывущіе моремъ, или провождающіе жизнь сидячую за какими либо занятіями, и вообще всѣ мужчины и женщины всякаго состоянія, здоровые и больные — почитаютъ потерею для себя, когда не имѣютъ въ устахъ своихъ возвышенныхъ поученій Давидовыхъ. Даже на пиршествахъ и брачныхъ торжествахъ принимаютъ веселящіеся философію Давидову, какъ одну изъ принадлежностей веселія[2])».

Такая любовь христіанъ первыхъ вѣковъ къ Псалтири и особенная ревность ихъ къ употребленію ея въ своемъ домашнемъ быту съ теченіемъ времени значительно охладѣла, но, съ принятіемъ христіанства въ Россіи, она опять съ новою, еще большею силою и горячностію возобновилась въ нашемъ русскомъ народѣ, и чрезъ рядъ вѣковъ продолжаетъ сохраняться въ немъ отчасти и до настоящаго времени. Справедливо можно сказать, что ни одна книга не была въ

---

[1]) Твор. бл. Іеронима изд. Труд. К. Д. Акад. Т. 2, стр. 14, письмо 44.

[2]) О надписаніяхъ пс. кн. 1, гл. 3 — въ изд. Тв. Св. Оо. XXXVIII, стр. 9 — Подробнѣе объ употребленіи псалтири въ древ. Христ. Церкви — въ статьяхъ А. Благовѣщенскаго въ Дух. Бес. за 1872 г. Т. 2.

такомъ большомъ употребленіи и не имѣла столько вліянія на образованіе и жизнь древняго русскаго человѣка, какъ Псалтирь. Мы не говоримъ уже объ употребленіи ея при Богослуженіи, которое наша Русская церковь вмѣстѣ съ святою вѣрою приняла отъ православной Церкви Восточной и во всей широтѣ его сохраняетъ до настоящаго времени. Кромѣ этого собственно церковнаго употребленія, Псалтирь съ первыхъ же поръ принятія Христіанства употреблялась у насъ какъ книга учебная, изученіемъ которой долгое время ограничивался весь кругъ образованія большей части русскихъ книжныхъ людей;—вообще какъ книга назидательная для чтенія домашняго, нерѣдко сопровождавшая нашихъ предковъ даже въ ихъ путешествіяхъ, и какъ книга спасительная въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ жизни, какъ напр. для чтенія надъ тяжкими больными, особенно же надъ умершими, и даже для суевѣрнаго гаданія, чтобъ разрѣшить свои недоумѣнія и т. п. [1]). Развитіе Западно—Европейскаго образованія въ послѣднія десятилѣтія текущаго вѣка значительно измѣнило отношеніе къ Псалтири въ нашемъ русскомъ обществѣ; тѣмъ не менѣе исчисленные нами различные виды древняго употребленія ея, хотя и не въ такомъ широкомъ развитіи, какъ это было въ древности, остаются и доселѣ въ многочисленнѣйшей средѣ русскаго народа, и если въ образованныхъ его классахъ Псалтирь не употребляется уже болѣе ни въ качествѣ учебной книги для чтенія, и тѣмъ болѣе для суевѣрнаго гаданія, то и здѣсь для людей Христіанскиобразованныхъ и благочестивыхъ она не перестала и, конечно, никогда не перестанетъ быть молитвенною, назидательною и душеспасительною книгою. Многочисленныя, быстро распространяющіяся изданія Псалтири и частыя переложенія псалмовъ на стихотворную рѣчь, непрекращающіяся до настоящаго времени, служатъ наглядными доказательствомъ того, что въ русскомъ обществѣ, не исключая и образованныхъ его классовъ, продолжаетъ жить особенная любовь къ Псалтири и потребность разнообразнаго ея изученія, а постоянное употребленіе ея при Богослуженіи представляетъ надежное ручательство, что такая любовь къ ней сохранится въ сердцахъ русскихъ людей и навсегда, пока Россія останется, какъ и была, Православною Россіею.

---

[1]) См. обо всемъ этомъ въ Прав. Собесѣд. 1857 г. IV: «Употребленіе книги Псалтирь въ древнемъ быту русскаго народа».

Такое широкое и разнообразное употребленіе Псалтири въ Православной Церкви вообще и въ нашей Русской въ особенности естественно предполагаетъ наиболѣе полное и многостороннее ея изученіе сравнительно съ другими книгами Св. Писанія. Несовсѣмъ такъ оказывается на дѣлѣ. Обращаясь къ древнимъ временамъ Христовой Церкви, мы дѣйствительно находимъ, что отцы и учители церковные 3-го, 4 и 5-го вѣковъ, извѣстные какъ толкователи Св. Писанія, особенно любили останавливаться на Псалтири и рѣдко кто изъ нихъ не оставилъ намъ краткихъ или обширныхъ писаній, если не о всѣхъ псалмахъ, то по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Послѣ *Оригена*, изъ обширныхъ трудовъ котораго по исправленію текста и изъясненію псалтири дошли до насъ только незначительные отрывки [1]), надъ изученіемъ книги псалмовъ трудились: *Евсевій Кесарійскій* [2]), *Аѳанасій Александрійскій* [3]), *Василій Великій* [4]), *Григорій Нисскій* [5]), *Іоаннъ Златоустъ* [6]), *Бл. Ѳеодоритъ Кирскій* [7]), также на западѣ: *Иларій Поатьерскій* [8]), *Амвросій Медіоланскій* [9]), *бл. Іеронимъ* [10]),

---

[1]) Отрывки изъ экзапловъ Оригена собраны и изд. Монфокономъ — Paris 1713, а отрывки изъ его толкованій на псалмы въ переводахъ Іеронима и Руфина см. въ изд. de la Rue. Paris 1733—39 и Kleopas 1855.

[2]) Толков. на пс. 1—119 по евр. счисл. издан. Монфок. въ Coll. nova vet. Patr. Graec. T. I. Paris 1705.

[3]) Посланіе къ Маркеллину объ истолк. псалмовъ и Толк. на псалмы (за исключеніемъ 147—150) на русск. яз. въ изд. Тв. Св. Оо. Т. XXII. Москва, 1854.

[4]) Бесѣды на псалмы (1, 7, 14, 28, 29, 32, 33, 44, 45, 48, 59 61 и 114) въ изд. Тв. Св. Оо. Т. V. М. 1845.

[5]) О надписаніяхъ пс. и о пс. шестомъ—въ Тв. Св. Оо. Т. XXXVIII. М. 1861 г.

[6]) Бесѣды на пс. въ русск. перев. Спб. Д. Акад. 2 т. 1860 г.

[7]) Толкованіе на 150 пс.—въ изд. Тв. Св. Оо. Т. XXVII и XXVIII. М. 1856.

[8]) Tractatus in lib. Ps., содерж. изъясн. большей части псалмовъ съ общимъ введеніемъ—въ Op. Hilarii. Paris, 1652 г.

[9]) Enarrationes in Psalmos—въ Бенед. изд. его твореній Venet. 1748 и Migne. Paris, 1845.

[10]) Его переводы Псалтири въ Patrol. Curs. Compl. T. X; также замѣчанія на разные псалмы въ письмахъ къ разн. лицамъ въ р. пер. при Тр. К. Д. А. 1863—70.

бл. Августинъ [1]), не говоря уже о многихъ другихъ, которыхъ писанія о Псалтири не сохранились до настоящаго времени [2]). Само собою разумѣется, что въ трудахъ этихъ отцовъ и учителей Церкви нельзя искать полнаго и всесторонняго, а тѣмъ болѣе научнаго изслѣдованія о Псалтири. Соображаясь съ дѣйствительными современными нуждами и потребностями вѣрующихъ, они имѣли въ виду почти исключительно практическую цѣль—назиданіе, и потому въ своихъ трудахъ о Псалтири большею частію ограничивались простымъ разъясненіемъ содержанія псалмовъ, — именно раскрытіемъ ихъ смысла буквальнаго или таинственнаго, догматическаго или нравственнаго, не заботясь при этомъ о строго научномъ изложеніи своихъ толкованій и не вдаваясь въ ученыя библіографическія и филологическія изысканія. Въ основаніи ихъ толкованій обыкновенно лежитъ употребительный между тогдашними христіанами Греческій текстъ LXX или, какъ у западныхъ толкователей, текстъ древняго латинскаго перевода, впрочемъ также составленнаго по LXX; лишь только не многими изъ отцовъ и учителей Церкви сдѣланы были попытки къ сравнительному изученію текста Псалтири по различнымъ переводамъ и Еврейскому его подлиннику, какъ это видимъ отчасти въ сличеніяхъ различныхъ чтеній у Евсевія, св. Златоуста [3])

---

[1]) Enarrationes in Psalmos въ Бенед. изд. его твореній. Т. IV; также замѣч. на нѣкоторые псалмы въ кн. о градѣ Божіемъ, XVII гл. 12—19 въ р. пер. М. 1786.

[2]) Каковы напр. упоминаемые у бл. Іеронима въ письмѣ его къ Августину (въ русск. пер. его твореній. Т. 2, стр. 513): *Θеодоръ Праклійскій, Аполинарій Лаодик., Дидимъ Александрійскій, Астерій Скивопольскій*; также *Діодоръ Тарсійскій, Θеодоръ Мопсуетскій, Астерій Амасійскій, Исихій Іерусалимскій* и нѣк. др. Отрывки изъ нихъ, частію изданные отдѣльно, приводятся въ катенахъ Кордерія — Expos. Patr. Graec. in Psalmos. Antverp. 1643; у насъ въ Толков. Псалтири, перев. Максимомъ Грекомъ.—См. Опис. Слав. рукопис. Москов. Синод. Библ. Отд. II, стр. 90—94, № 76.

[3]) Впрочемъ св. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ на псалмы, хотя и часто приводитъ различные переводы Акилы, Симмаха, Θеодотіона и другіе изъ помѣщенныхъ въ экзаплахъ Оригена, но, не владѣя достаточно языкомъ Еврейскимъ, онъ пользуется ими для уясненія текста безъ всякой критической оцѣнки, предоставляя это суду самихъ своихъ слушателей.

и особенно бл. Іеронима [1]), и въ самостоятельныхъ переводахъ Псалтири съ Греческаго и Еврейскаго у этого послѣдняго. А что касается библіографическихъ свѣдѣній о Псалтири, или отдѣльныхъ ея пѣсняхъ, то они большею частію ограничиваются общимъ изложеніемъ содержанія и указаніями отношеній его къ различнымъ состояніямъ вѣрующихъ, или же общими похвалами Псалтири, и только въ немногихъ толкованіяхъ мы находимъ по мѣстамъ болѣе или менѣе научныя, краткія историческія и другія замѣчанія, относящіяся собственно къ области библіографіи [2]), такъ что краткія исагогическія свѣдѣнія о Псалтири въ *Синопсисѣ Св. Писанія*, приписываемомъ Св. Аѳанасію [3]), можно признать послѣднимъ результатомъ изученія Псалтири въ этомъ отношеніи за весь разсмотрѣнный періодъ. Не смотря однако на неполноту и недостаточность изученія Книги Псалмовъ въ писаніяхъ отцевъ и учителей Церкви 3—5 вѣковъ, здѣсь собственно и оканчивается самостоятельное ея изученіе въ Православной Церкви. Въ послѣдующіе вѣка мы мало встрѣчаемъ литературныхъ трудовъ по изученію Псалтири и тѣ немногіе представляютъ болѣе или менѣе удачно сгруппированныя собранія и компиляціи трудовъ предшествующихъ ея толкователей, таковы изъясненія псалмовъ на западѣ: *М. Авр. Кассіодора* (VI в.) [4]), *Беды Достопочтеннаго* (VIII в.) [5]),

---

[1]) Въ письмѣ его къ Сунніи и Фретеллѣ по русск. перев. его твор. при Тр. Кіев. Д. Акад. Т. 2, стр. 397 и дал.

[2]) Какъ напр. въ предисловіи къ изъясн. пс. Иларія (Op. ed. 1652. Paris, p. 632—3) и бл. Ѳеодорита (тв. Св. Оо. Т. XXVII, стр. 4—7); также въ началѣ изъясненія отдѣльныхъ псалмовъ у этого послѣдняго; у бл. Іеронима въ его письмахъ къ Кипріану (по р. пер. Т. 3, стр. 153—6) и ad Sophronium,—in Ps. praefatio (ed. Bened. T. I, p. 835), и пѣкот. др. Въ русск. пер. Толк. на пс. св. Аѳанасія и Златоуста помѣщены также краткія предисловія, содержащія въ себѣ исагогическія свѣдѣнія о Псалтири, но сами переводчики, вслѣдъ за Монфокономъ, ставятъ ихъ въ числѣ сомнительныхъ твореній этихъ отцевъ.

[3]) По мнѣнію Монфокона, этотъ синопсисъ явился не ранѣе половины V вѣка и не можетъ принадлежать св. Аѳанасію (Coll. n. Patr. Graec. T. 6, p. 368. Paris, 1835. См. также Историч. ученіе объ отцахъ церкви Филарета Т. 2, стр. 62—3). Русскій перев. его изъ сокращенной редакціи въ Христіанскомъ Чтеніи 1841 года.

[4]) Expositiones in omnes Psalmos, ed. Garetti Rothomag. 1679.

[5]) Op. ed. auct. Basil. Coloniae. 1688.

на востокѣ: *Максима Исповѣдника* (VII в.), [1]) *Анастасія Синаита* (VII в.) [2]), *Фотія патр. Константинопольскаго* (IX в.) [3]), *Никиты Митр. Ираклійскаго* (XI в.) [4]), и *Евѳимія Зигабена* (XII в. [5]). Не болѣе того сдѣлано для изученія Псалтири и въ нашей русской церкви. Мы уже очень рано имѣли на своемъ отечественномъ языкѣ *толкованія псалмовъ Св. Аѳанасія* и *бл. Ѳеодорита* [6]) и этими двумя толкованіями почти до половины XVI вѣка ограничивалась вся наша литература по изученію Псалтири. Преподобный *Максимъ Грекъ* обогатилъ ее переводомъ *Толковой Псалтири*, извлеченной изъ лучшихъ толкователей древней восточной церкви [7]). При этомъ въ своемъ *посланіи къ В. князю*, за-

---

[1]) Его объясненія на 59 пс. приводятся въ Catena in Pss. Montfanconii, Bibl. Coisliana.

[2]) Бес. его на 6 пс. на гр.—лат. яз. изд. Комбефизомъ въ т. I Auctarii nov. Par. 1648; въ слав. пер. имѣются въ ркп. Торжественникъ 1524 г. М. Дух. Ак., Толст., I, 31 и 384. Бес. на 6-й пс. пер. и на русск. яз. въ Душ. Чт. 1869 г. Т. I, стр. 199.

[3]) Его толк. на пс. доселѣ остается неизданнымъ. См. Montfauc. Bibl. Coisliana, p. 58—59.

[4]) По словамъ Делича (die Psalmen, S. 37, 1867 г.), въ полномъ составѣ эти катены хранятся еще въ рукописи на Аѳонѣ; въ извлеченіи же изданы Фолкманомъ 1601 г. Не онѣ ли изданы Кордеріемъ въ его Expositio patrum Graec. in Psalmos, Antverpiae, 1643, и потомъ переведены у насъ Максимомъ Грекомъ подъ именемъ Толковой Псалтири? (См. зам. 7 объ этой Псалт.).

[5]) На греч. яз. издано Venet. 1754—63. Т. IV; на Латинскомъ Paris, 1562; на обоихъ языкахъ вмѣстѣ изд. Migne въ Patrolog. curs. compl. T. CXXVIII, 1864. Съ 1873 г. Толкованіе Загабена на Псалтирь небольшими отрывками переводится и на русскій яз. въ Воскр. Чт.

[6]) По замѣчанію Востокова, переводъ Псалтири съ толкованіемъ Аѳанасія сдѣланъ въ самой глубокой древности: ибо имѣется въ пергаментныхъ спискахъ XI и XII вв., каковы напр. списки, хранящіеся въ И. Публичной Библіотекѣ,—бывшій митр. Евгенія XI в. изъ 10 пергам. листовъ и другой тоже неполный XII в. (См. Опис. Румянц. музея. № 331). Древнѣйшій списокъ перевода Ѳеодоритова толкованія относится къ XV вѣку, но въ языкѣ его, сохранившемъ слѣды древняго болгарскаго нарѣчія, есть несомнѣнные признаки, что переводъ сдѣланъ не позже XI вѣка (См. тамъ же, № 334).

[7]) Описаніе этой Псалтири см. въ оп. рукоп. Моск. Синод. Библ.

мѣнявшемъ предисловіе къ переводу, онъ впервые научнымъ образомъ ознакомилъ русскихъ съ различными способами толкованія, какимъ слѣдовали встрѣчающіеся тамъ толкователи [1]), и кромѣ того оставилъ намъ нѣсколько собственныхъ оригинальныхъ сочиненій, относящихся къ изъясненію нѣкоторыхъ псалмовъ и отдѣльныхъ изреченій Псалтири [2]). Въ то же время ученикъ и сотрудникъ Максима, его *толмачъ Димитрій Герасимовъ*, перевелъ другую *Толковую Псалтирь*, составленную на западѣ *Брюноном*ъ *Еп. Вюрцбургскимъ* въ XI вѣкѣ по лучшимъ западнымъ толковникамъ: Іерониму, Августину, Григорію В. [3]), Бедѣ и Кассіодору. Это тол-

---

отд. II, № 76, стр. 90 и дал. Кому принадлежитъ первоначальное составленіе толковой Псалтири, съ которой сдѣланъ переводъ Максима Грека, неизвѣстно. Близкое сходство съ *Кордеріевымъ* изданіемъ (сравненія обоихъ см. въ опис. рукоп. Москов. Синод. Библ., отд. II, стр. 91—94) даетъ предполагать, что это лишь нѣсколько передѣланный кѣмъ либо сводъ толкованій на псалмы одного и того же составителя, можетъ быть, Никиты Митр. Ираклійскаго (Серрскаго), на толк. псалмовъ котораго уже Димитрій Толмачъ ссылается, какъ на переведенныя вмѣстѣ съ толкованіями Василія В. и Григорія Нисскаго (См. опис. рукоп. М. Синод. Библ., отд. II, стр. 102), между тѣмъ какъ отдѣльно его толкованій мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ древнихъ списковъ, и имя его не упоминается между толкователями наряду съ названными отцами, которыхъ толкованія мы въ первый разъ получили въ перев. Максимомъ Толк. Псалтири (См. полный списокъ толкователей этой Псалтири—въ Москвит. 1842, № 11, стр. 66, примѣч. 57).

[1]) См. соч. препод. Максима при Прав. Собесѣдн. 1861 г., іюль, стр. 300 и дал.

[2]) Таковы: «Сказаніе нѣкоихъ рѣченій, недоумѣваемыхъ въ Божеств. Пс.», содержащее въ себѣ прекрасное объясненіе трудныхъ изреченій въ псалмахъ 1—3, 33, 140; «Сказаніе строки: «обновится яко орля юность твоя»; «сказаніе строкъ пс. 89: Господи прибѣжище»; «Сказаніе отчасти на пс. 18; сказаніе о птицѣ—Неясыти». См. соч. препод. Максима при Прав. Собесѣд.

[3]) Отдѣльно въ полномъ составѣ писанія св. Григорія В. на пс. не дошли до насъ. Извѣстное подъ его именемъ объясненіе 7 покаянныхъ псалмовъ, изъ которыхъ на пс. 50 переведено и на русскій языкъ въ Воскр. Чтеніи $18^{49}/_{50}$, по отзывамъ ученыхъ, принадлежитъ къ числу сомнительныхъ его твореній. См. Ист. уч. объ отцахъ ц., Филарета Черниг., т. III, § 239, примѣч. 12.

кованіе снабжено предисловіями, заимствованными, по всей вѣроятности, изъ той же Псалтири, въ которыхъ изложены общія свѣдѣнія о Псалтири и псалмахъ, ихъ надписяхъ, краткія сказанія о тѣхъ толковникахъ, которыми пользовался Брюнонъ, сказаніе о переводчикахъ Ветхаго Завѣта съ Еврейскаго на Греческій языкъ, о способахъ толкованія, употреблявшихся въ Западной Церкви въ среднихъ вѣкахъ,—историческомъ, тропологическомъ, аллегорическомъ, анагогическомъ [1]). Въ этихъ двухъ Толковыхъ Псалтиряхъ Русская Церковь получила на своемъ отечественномъ языкѣ большую часть того, что сдѣлано было по изученію Псалтири въ древнія времена Христовой Церкви на востокѣ и на западѣ, и это драгоцѣнное наслѣдіе древней вселенской Церкви, — съ прибавленіемъ небольшаго числа *экзегетическихъ сочиненій Преп. Максима, Кіевскихъ изданій Псалтири съ краткими объяснительными замѣчаніями*,—въ однихъ на поляхъ, извлеченными изъ святоотеческихъ толкованій, какъ полагаютъ *Св. Димитріемъ Митр. Ростовскимъ* († 1709 г.) [2]), въ другихъ—въ самомъ текстѣ предъ каждымъ псалмомъ, составленными намѣстникомъ Кіевопеч. Лавры. *Варлаамомъ Голенковскимъ* [3]), и еще немногихъ, большею час-

---

[1]) Ист. ц. Филарета, пер. III, изд. 2, стр. 144—145. Подробное описаніе этой Толковой Псалтири въ опис. ркп. Моск. Син. библ., отд. II, № 77, стр. 101 и дал.

[2]) Вѣроятно эти извлеченія составляли черновую, подготовительную работу Святителя къ предполагавшемуся имъ болѣе обширному труду объясненія Псалтири (см. его письмо къ Ѳеологу въ изд. соч. Т. V, стр. 136 М., 1839—40); но только, какъ замѣчается въ его жизнеописаніи, помѣщ. при I т. его соч. (стр. 26), «замышленному сему дѣлу препятствіе сотвори скорая смерть».

[3]) Напеч. въ 1715 г. Кромѣ объяснит. замѣчаній предъ каждымъ Пс., содержащихъ въ себѣ буквальное или аллегорическое объясненіе надписаній и краткое изложеніе содержанія и особенно таинственнаго смысла псалмовъ, или же указаніе повода къ написанію, цѣли и назначенія ихъ, въ началѣ этой Псалтири прилагается еще а) предисловіе къ благочестивымъ читателямъ предлагаемой имъ св. книги, приглашающее ихъ своеобразнымъ аллегор. объясненіемъ 150 Пс. *къ хваленію Бога* въ различныхъ (9) ликахъ *святыхъ Его*, изображаемыхъ будтобы въ Пс. наименованіями образа и различныхъ инструментовъ хваленія Господу, и б) предметный указатель содержащихся въ Псалтири

тію неисправныхъ *переводовъ Псалтири на современный языкъ*, —долгое время, далѣе половины прошлаго столѣтія, составляли для русскихъ людей единственный источникъ, пособіе и руководство къ изученію этой, такъ любимой ими книги Свящ. Писанія.—Самостоятельные труды по изученію Псалтири за весь этотъ длинный періодъ времени заключались у насъ только въ исправленіяхъ первоначальнаго ея, славянскаго текста и составленіи въ замѣнъ или объясненіе его новыхъ переводовъ на современный языкъ съ Еврейскаго и Греческаго, иногда съ Вульгаты и даже съ нѣмецкаго перевода. Какъ *исправленія*, такъ и *переводы*, имѣвшія цѣлію устраненіе допущенныхъ въ началѣ или вкравшихся впослѣдствіи погрѣшностей и болѣе ясное и понятное изложеніе мысли священнаго текста, съ раннихъ поръ и неоднократно съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ предпринимаемы были попечительными пастырями нашей Церкви, князьями и даже простыми вѣрующими, пока наконецъ не получили своей относительной законченности, первыя—въ изданномъ въ половинѣ прошлаго столѣтія (1751), вмѣстѣ съ прочими книгами св. писанія, нынѣшнемъ славянскомъ текстѣ Псалтири, послѣдніе въ употребляющихся теперь русскихъ ея переводахъ—изд. бывшаго Библейскаго Общества 1822 г. и изд. Святѣйшаго Синода 1871 г. [1]). Но съ половины прошедшаго столѣтія,

---

псалмовъ для удобнѣйшаго ихъ употребленія. Около того же времени въ 1707 г. подъ наблюденіемъ ректор. К. колл. и архим. Лавры, *Іосафа Кроковскаго* издано было еще въ Кіевѣ *Толкованіе на* 50-й Пс. (Обз. дух. лит. Филарета Харьк. 1 № 189), но которое также не подвинулось дальше средневѣковыхъ западныхъ толкованій.

[1]) Слѣды исправленій замѣтны уже въ спискахъ Псалтири XIII в. сравнительно съ древнѣйшими ихъ списками XI и XII вѣковъ (См. оп. ркп. М. Син. библ. отд. 1 № 13 стр. 181—2 и 185 примѣч.). Въ послѣдующее время намъ извѣстны исправленія Псалтири при Митрополитѣ *Кипріанѣ* (ок. 1400) (Оп. ркп. Царскаго № 327), Новгород. Архіепископѣ *Геннадіѣ* (его Библія напис. 1499), при изданіи *Острожской Библіи* (1580 г.) (См. оп. ркп. М. Син. библ. отд. 1 стр. 62—66), и отчасти при *царѣ Алексѣ Михайловичѣ* (См. предисл. къ Москов. изд. Библіи 1663 г.) и наконецъ при *Петрѣ В.* (съ 1712 г.) и его преемникахъ до времени *Елисаветинскаго изданія* 1751 г. (См. предисл. къ этому изд.). Составленіе новыхъ переводовъ Псалтири началось у насъ такъ же рано, какъ и исправленіе текста древняго ея перевода.

около времени окончанія послѣдняго исправленія славянской Библіи, наступаетъ у насъ новая эпоха для изученія Св. Писанія, а въ частности и для изученія Псалтири. Распространеніе образованія въ средѣ нашего духовенства, особенно развитіе языкознанія и знакомства съ результатами богословской науки на западѣ пробуждаютъ самодѣятельность мысли въ кругу нашихъ богослововъ, вызывая съ одной стороны критическое отношеніе ко вновь проникающимъ въ

Такъ въ предисловіи къ пергаменной Псалтири XIII вѣка (Новг. Соф. библ. См. объ этой Псалт. Журн. М. Народн. Просв. 1855 г. Дек.) выставлено имя ея переводчика съ Греческаго языка — какого-то *мниха Саввы*. Въ XV в., между 1464—1473 г. «благословеніемъ и приказаніемъ» Митр. Филиппа предпринимаемъ былъ у насъ переводъ Псалтири съ Еврейскаго *«новокрещеннымъ Евреемъ Θеодоромъ»*, но неизвѣстно какимъ образомъ вмѣсто Псалтири явился въ переводѣ сборникъ только сходныхъ съ псалмами Еврейскихъ молитвъ, оригинальный текстъ котораго въ недавнее время отысканъ Проф. Моск. Университ. Тихонравовымъ (См. оп. Сборн. XV в. Кирилло-Бѣлозер. библ. въ Зап. Акад. Н. 1859 г. кн. 5 и прибавл. къ Тв. Св. Оо. 1863 г. стр. 644). Послѣ этой неудачной попытки съ нач. XVI в. слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько различныхъ переводовъ: а) однихъ надписаній псалмовъ съ нѣмец. *Дм. Герасимовымъ* 1502 г. (въ сп. Псалтири Погодина. см. Москвит. 1859 № 9 смѣсь стр. 20); б) всей Псалтири на южно-русскій яз. съ Вульгаты *Скориною*, изд. въ Вильнѣ 1525 (См. Сахарова Лѣт. № 13, 14); в) буквальный переводъ всей Псалтири съ Греческаго на современный русскій яз. *Преп. Максимомъ* 1552 г. (Оп. ркп. Царскаго № 327); г) переводъ съ Еврейскаго на Русско-Славянскій *во Львовѣ* 1570 г. (См. Максимовича въ Кіевлянинѣ 1840 стр. 251 и Срезневскаго въ Ж. М. Нар. Просв. 1843 г.); д) *Авр. Фирсова* въ 1683 на народный русскій яз. съ Лютерова нѣмецкаго перевода (оп. ркп. М. Син. библ. Отд. 1 № 16 стр. 190—6), и е) съ Еврейскаго же на Церковно-Славянскій *Моск. Митр. Амвросія Зертисъ Каменскаго* (1771), изд. Рѣшетниковымъ въ собр. псалмовъ. М. 1809 (См. Обз. Р. Д. Литер. ч. 2 стр. 84, по 2-му изд.), за которымъ уже слѣдуетъ начинающій въ исторіи переводовъ Псалтири на русскій яз. новую эпоху—переводъ Павскаго, изд. Библ. Общ. 1822 г. О всѣхъ этихъ исправленіяхъ и переводахъ см. С. Сольскаго: «употребленіе и изученіе Библіи въ Россіи» въ Прав. Обозр. 1868 г. Окт. и Ноябрь 1869. Февр., Апр. и Іюнь и отчасти Новицкаго: «О первоначальныхъ пер. Св. Пис. на Слав. яз. Кіевъ 1837 стр. 55—70.

наше общество религіознымъ взглядамъ и выводамъ иноземной науки, а съ другой сознательную повѣрку и собственныхъ, традиціонно-унаслѣдованныхъ убѣжденій и вѣрованій. При этомъ взглядъ тогдашнихъ представителей нашей Церкви естественно всего болѣе останавливается на лучшемъ, основательнѣйшемъ изученіи самыхъ источниковъ вѣроученія—Св. Писанія и его истолкованія—Церковнаго Преданія [1]). Съ лучшимъ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній и введеніемъ въ нихъ болѣе правильныхъ методовъ преподаванія, древній способъ изученія Св. Писанія, состоявшій въ механическомъ заучиваніи на память разныхъ мѣстъ и даже цѣлыхъ священныхъ книгъ вмѣстѣ съ существующими святоотеческими толкованіями, по большей части безъ надлежащаго ихъ разумѣнія, постепенно уступаетъ мѣсто сознательно разумному и болѣе или менѣе научному усвоенію содержащихся въ нихъ божественныхъ истинъ [2]). Вскорѣ подъ вліяніемъ новыхъ началъ образованія Московская Академія даетъ намъ цѣлый рядъ экзегетовъ, которые въ многочисленныхъ своихъ толкованіяхъ Св. Писанія обнаруживаютъ уже значительную долю самостоятельности. Большая часть трудовъ ихъ по изученію Священнаго Писанія относится къ книгамъ Новаго Завѣта, какъ основанія христіанскаго вѣроученія; но въ то же время не мало было сдѣлано и для изученія Псалтири. Въ сохранившихся до насъ рукописныхъ трудахъ ректоровъ московской академіи изъ второй половины прошлаго столѣтія,—*Гавріила* (*Петрова*, 1761—63) впослѣдствіи *Митроп. С.-Петербургскаго* [3]), въ толкованіи на все Свящ. Писаніе *Θеофилакта* (*Горскаго*, съ 1769 до 1774) и въ запискахъ по классу чтенія Св. Писанія *Аѳанасія* (*Иванова* съ 1786 до 1788) [4]),—значительная доля посвящается изъясненію Книги Псалмовъ. Но особенно много потрудился въ изъясненіи ея бывшій наставникъ той же Моск. Академіи, а впослѣдствіи *Архіеп. Псковскій Ириней* (*Клементьевскій*). Составленное имъ обширное

---

[1]) См. Дух. Реглам. Л. 47, пунктъ 7 по изд. 1776.

[2]) См. Ист. Моск. Акад. въ Приб. къ Тв. Св. Оо. 1854, стр. 155 и дал.

[3]) Его объясненіе нѣсколькихъ псалмовъ въ ркп. въ Библ. Спб. Д. А. № 59.

[4]) Труды Горскаго хранятся между ркп. — Моск. и Спб. Академій, Иванова—Московской Акад. См. Прав. Обозр. 1869 г. Апр. 568—9.

толкованіе на Книгу Псалмовъ существуетъ въ двухъ различныхъ изданіяхъ, изъ коихъ въ первомъ (Москва 1791 г.) онъ, пользуясь западнымъ толковникомъ Беллярминомъ, главнымъ образомъ объясняетъ иносказательный и таинственный смыслъ; во второмъ (1807 г.), а также и другихъ послѣдующихъ изданіяхъ,—преимущественно излагаетъ смыслъ буквальный, при чемъ пользуется Еврейскимъ текстомъ, изданнымъ въ Вѣнѣ съ приложеніемъ латинскаго парафраза, перевода LXX толковниковъ и съ подстрочными примѣчаніями [1]). Объясненія его въ обоихъ изданіяхъ большею частію правильны и основываются на Церковномъ Преданіи, въ изложеніи отличаются простотою, ясностію, логическою послѣдовательностію, и, по крайней мѣрѣ во второмъ изданіи, не страдаютъ схоластикою предшествовавшихъ ему толкователей. Поэтому толкованіе Преосв. Иринея, съ первыхъ же поръ одобренное Св. Синодомъ, и доселѣ составляетъ почти единственное полное и лучшее толкованіе Псалтири. Но оно еще очень далеко отъ совершенства. Сообразно съ своимъ назначеніемъ для общенароднаго употребленія оно не имѣетъ строго научнаго характера и занимается почти исключительно положительною стороною книги, съ цѣлію дать простѣйшее изложеніе мысли свящ. текста въ томъ видѣ, какъ онъ употребляется при Богослуженіи. По этому при своихъ объясненіяхъ Преосв. Ириней обыкновенно слѣдуетъ славянскому тексту Псалтири и обращается къ еврейскому подлиннику лишь тогда только, когда первый представляетъ затрудненіе къ пониманію. По той же самой причинѣ довольствуясь простѣйшею передачею мысли, какая заключается въ буквѣ текста, или какая указывается въ немъ Церковнымъ Преданіемъ, онъ вовсе опускаетъ общія библіографическія свѣдѣнія о Псалтири, рѣдко и только мимоходомъ касается вопроса о писателяхъ псалмовъ [2]) и мало останавливается на точнѣйшемъ опредѣленіи историческихъ обстоятельствъ ихъ происхожденія, которыми большею частію обусловливается ихъ содержаніе, равно какъ не входитъ въ критическія изслѣдованія, которыя бы оправдывали его объясненія, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ догматическихъ мѣстъ, противъ нападеній экзегетовъ-раціоналистовъ. Эти недостатки историческо-

---

[1]) См. Прав. Обозр. 1869 Апрѣль стр. 571.

[2]) По выраженію Преосв. Иринея—«сіе къ матеріи псалмовъ не относится». См. на пс. 49 въ началѣ.

критическихъ изслѣдованій лишаютъ его объясненія надлежащей основательности и иногда приводятъ къ ошибкамъ, съ перваго взгляда, быть можетъ, незамѣтнымъ, но очень важнымъ въ своихъ послѣдствіяхъ, каково напр. допущенное имъ безъ всякой критической оцѣнки мнѣніе о Маккавейскомъ происхожденіи псалмовъ 43-го и 78-го, которое въ своемъ развитіи можетъ вести и дѣйствительно направляется раціоналистами къ подрыву ученія о богодухновенности Псалтири. Само собою разумѣется, что многія погрѣшности въ этомъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательномъ трудѣ могли произойти отъ поспѣшности его составленія; но съ другой стороны онѣ были естественнымъ слѣдствіемъ совершеннаго недостатка въ то время научной разработки священной библіографіи. Первый опытъ нѣсколько научнаго введенія въ кн. Св. Писанія является у насъ только въ 1799 г.; это—«*Руководство къ чтенію Свящ. Писанія В. и Н. Завѣта*» Преосв. *Митр. Амвросія*, составленное имъ въ бытность его ректоромъ москов. академіи по западному руководству Гофмана [1]). Но въ первомъ изданіи этого руководства почему-то опущенъ былъ трактатъ о Псалтири, и первое введеніе къ этой книгѣ мы получили только уже при 2 изд. въ 1803 г. Оно сообщаетъ краткія библіографическія свѣдѣнія о Книгѣ Псалмовъ и знакомитъ съ содержаніемъ, какъ цѣлой книги вообще, такъ и каждаго псалма въ отдѣльности; но какъ въ первомъ опытѣ подобнаго рода, конечно, въ немъ еще очень многаго недостаетъ для полноты обозрѣнія Псалтири, а сообщаемыя библіографическія свѣдѣнія страдаютъ неопредѣленностію и недостаткомъ научной критики. Говоря напр. о писателѣ Псалтири, составитель введенія сообщаетъ лишь относительно того различныя противоположныя мнѣнія, не произнося никакого рѣшительнаго сужденія, и въ подробномъ изложеніи содержанія псалмовъ старается обходить лице писателя, хотя по мѣстамъ и проглядываетъ сочувствіе издавна ходячему у насъ мнѣнію о принадлежности всѣхъ псалмовъ одному Давиду [2]). Тоже мнѣніе уже прямо высказывается и доказывается и въ составленномъ, безъ сомнѣнія, около того же времени *предисловіи къ переводу Псалтири* съ еврейскаго на церковно-славянскій *Москов. Митр. Ам-*

---

[1]) Обз. Р. Д. Лит., ч. 2, стр. 194, по 2 изд.

[2]) См. о содержаніи пс. 125 и 131.

вросія (*Зертисъ Каменскаго* 1771 г.) [1]). Не смотря впрочемъ на эту привязанность къ обычному мнѣнію нашей старины, составитель этого предисловія, которому, вѣроятно, принадлежитъ также составленіе нѣкоторыхъ замѣчаній и въ самомъ переводѣ [2]), дѣлаетъ шагъ впередъ въ изученіи Псалтири, какъ по сравнительной научности изложенія тѣхъ свѣдѣній объ этой книгѣ, какія изложены въ предшествующемъ ему опытѣ, такъ и потому, что обогащаетъ библіографію ея новыми изслѣдованіями о надписаніяхъ псалмовъ и переводахъ Псалтири въ нашемъ отечествѣ.

---

[1]) Въ вышеупомянутомъ изданіи этого перевода Рѣшетникова, М. 1809 г., означеннаго предисловія нѣтъ и оно доселѣ остается въ рукописи. Самому переводчику псалмовъ Преосв. Амвросію оно не принадлежитъ, а составлено уже послѣ его смерти кѣмъ-либо изъ его почитателей и цѣнителей его труда, какъ это видно изъ помѣщеннаго въ концѣ его (§ 62) очерка исторіи переводовъ Псалтири въ нашемъ отечествѣ, гдѣ составитель предисловія говоритъ о Митр. Амвросіѣ, какъ лицѣ умершемъ, и отзывается о немъ и его переводѣ псалмовъ съ глубокимъ уваженіемъ, стараясь извинить допущенные въ послѣднемъ недостатки. Высказываемое въ заключеніе замѣчаніе, что «Россійскій языкъ день ото дня въ совершенство приходитъ, народъ просвѣщеннѣе становится, пастыри воспитываются въ большемъ паче прежняго познаніи», — на чемъ авторъ основываетъ надежду на появленіе со временемъ новаго лучшаго перевода Псалтири,—даетъ основаніе предполагать, что составленіе предисловія относится къ извѣстнымъ своими реформами въ области просвѣщенія и открытіемъ множества учебныхъ заведеній первымъ годамъ царствованія Императора Александра I. Но во всякомъ случаѣ надобно думать, что оно появилось не позже 1808 г., когда произошло преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній; потому что въ слѣдующемъ 1809 г. оно уже пользовалось извѣстностію между студентами перваго курса Спб. Дух. Академіи, чрезъ одного изъ которыхъ, впослѣдствіи Спб. протоіерея И. Ф. Недешева, и была вынесена изъ Академіи имѣющаяся у насъ рукопись перевода псалмовъ митр. Амвросія съ означеннымъ предисловіемъ. Бумага, почеркъ письма и орѳографія рукописи вполнѣ соотвѣтствуютъ предполагаемому нами времени составленія предисловія—первымъ годамъ нынѣшняго столѣтія.

[2]) Къ этому предположенію приводятъ встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ ссылки на предисловіе, каковы напр. подстрочныя замѣчанія при пс. 42 и 50.

Съ преобразованіемъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній въ 1808 г. изученіе Св. Писанія должно было получить у насъ новые успѣхи. Съ этого времени чтеніе книгъ Св. Писанія введено было и въ семинарскіе курсы, въ которыхъ оно доселѣ не считалось обязательнымъ, а для академій начертана была новая программа преподаванія его съ строго научнымъ характеромъ. Псалтири въ этой программѣ давалось особенно важное положеніе между ветхозавѣтными книгами Свящ. Писанія и на нее обращалось особенное вниманіе преподавателей. Псалтирь, по новому уставу академій, должна была заключать чтеніе книгъ Ветхаго Завѣта, «потому что она есть какъ бы нѣкоторое сокращеніе Ветхаго Завѣта: въ ней есть исторія, поученія и пророчества; она относится ко всѣмъ временамъ Ветхаго Завѣта: ибо содержитъ пѣсни Моисея, Давида, Соломона и прочихъ свящ. писателей, жившихъ какъ прежде, такъ и послѣ плѣненія вавилонскаго, когда полагается печать на писанія Ветхаго Завѣта. Ея особенному употребленію въ Церкви Христіанской должно соотвѣтствовать особенное вниманіе къ ея изъясненію [1])» Замѣчательно при этомъ, что уже въ самомъ опредѣленіи новаго академическаго устава объ изученіи Псалтири высказывается и общій взглядъ относительно состава и происхожденія этой книги Св. Писанія, во многомъ существенно отличный отъ взглядовъ на нее, какіе высказывались нашими толкователями предшествующаго времени. Этотъ взглядъ на Книгу Псалмовъ съ того времени мало по малу и начинаетъ дѣлаться у насъ господствующимъ, вытѣсняя собою прежнія ненаучныя воззрѣнія, и полагается въ основу послѣдующаго затѣмъ изученія этой свящ. книги въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, хотя при этомъ надобно сознаться, что изученіе ея подвигалось впередъ слишкомъ медленно и до сихъ поръ еще не достигло того совершенства, какое предполагалось уставомъ академій 1808-го года. — Началомъ и первымъ образцомъ новаго научнаго изученія Псалтири послужило «*Руководство къ познанію Кн. Псалмовъ, особенно систематическому и богословскому* [2])», составленное вскорѣ по введеніи реформы, въ 1811 г., баккалавромъ перваго курса СПб. Д. Академіи Іеромонахомъ *Филаретомъ Дроздовымъ*, — впослѣдствіи извѣстнымъ Митрополитомъ Московскимъ. Оно предназначалось

[1]) См. Ист. Спб. Дух. Акад. И. А. Чистовича, стр. 277—278.

[2]) Впервые напечатано въ Чт. Общ. люб. дух. просв. за 1872 г. № 1.

быть учебникомъ для студентовъ академіи и потому, конечно, представляетъ лишь краткій конспектъ несохранившихся до насъ болѣе пространныхъ чтеній В. Преосв. Филарета о Псалтири, въ которомъ онъ, съ свойственною ему систематичностію и сжатостію, сгруппировывая въ одно цѣлое исагогическія свѣдѣнія о Псалтири, изложенныя прежде него частію въ Руководствѣ къ Чт. кн. В. и Н. З. Митр. СПб. Амвросія (Подобѣдова), частію въ предисловіи къ переводу Псалтири съ евр. Митр. Амвросія (Зертисъ-Каменскаго), провѣряетъ ихъ въ нѣкоторой степени критическимъ анализомъ и пополняетъ новыми свѣдѣніями о внутреннемъ порядкѣ въ составѣ отдѣльныхъ псалмовъ (§§ XV—XVI) и въ расположеніи частей цѣлой Псалтири (IX—X), и изложеніемъ содержащагося въ псалмахъ ученія о Христѣ и Церкви (XI—XIV). Само собою разумѣется, что это первое научнымъ образомъ составленное введеніе въ Кн. Псалмовъ, при всѣхъ достоинствахъ научнаго изложенія, обыкновенно отличавшихъ всѣ труды В. Преосв. Филарета, еще очень далеко отъ совершенства. Многихъ, и весьма важныхъ библіографическихъ свѣдѣній о Псалтири въ немъ еще совсѣмъ недостаетъ, каковы напр. свѣдѣнія о древней свящ. поэзіи и музыкѣ и въ частности о псалмопѣніи Евреевъ, о различныхъ родахъ пѣсней, содержащихся въ Псалтири, о времени и обстоятельствахъ происхожденія ихъ и образованіи настоящаго собранія псалмовъ. Изъ сообщаемыхъ же свѣдѣній не всѣ передаются съ надлежащею полнотою, ясностію и основательностію: одни изъ нихъ,—какъ свѣдѣнія о надписаніяхъ псалмовъ и о писателяхъ,—слишкомъ кратки и недостаточно опредѣленны; другія,—какъ напр. взглядъ на сыновъ Кореевыхъ, Емана и Ефама, происхожденіе нѣкоторыхъ псалмовъ (напр. 104 и 95) и на нѣкоторыя изъ надписаній (напр. Пс. 26 и 64, 119 и проч.) и т. п.,—недовольно провѣрены критикою; нѣкоторыя,—какъ предполагаемое, будто бы болѣе правильное дѣленіе Псалтири на 7 частей,—представляютъ собою безполезныя для изученія Псалтири схоластическія умствованія; иныя,—какъ мнѣніе о внутреннемъ порядкѣ Псалтири и пророческомъ смыслѣ нѣкоторыхъ псалмовъ,—замѣтно отзываются входившимъ тогда у насъ въ моду мистическимъ направленіемъ.—Но какъ ни были несовершенны эти первые академическіе уроки о Псалтири, положенное ими начало изученія этой свящ. книги вскорѣ уже дало прекрасный плодъ, много обѣщавшій въ будущемъ. Уроки эти расположили къ изученію Псалтири даровитѣйшаго изъ студентовъ перваго курса СПб. Д.

Академіи, впослѣдствіи профессора ея и СПб.Университета и заслуженнаго Протоіерея Герасима Петровича *Павскаго*, и къ концу его академическаго образованія (1814 г.) вызвали его ученый трудъ о Псалтири: «*Обозрѣніе Книги Псалмовъ*, *опытъ археологическій*, *филологическій и герменевтическій*[1]), значительно пополнившій пробѣлы въ обозрѣніи этой книги у его знаменитаго учителя. Предметомъ своего изслѣдованія Павскій избралъ тѣ именно стороны въ изученіи Псалтири, которыя были или совершенно опущены или недостаточно разсмотрѣны въ руководствѣ къ познанію Кн. Псалмовъ Филарета, какъ и вообще въ трудахъ его предшественниковъ, — это вопросы о происхожденіи и составѣ Псалтири, которые онъ подраздѣляетъ на слѣдующіе четыре: о писателяхъ псалмовъ, о содержаніи или предметахъ пѣсней Псалтири, о языкѣ ихъ и, какъ важнѣйшей части содержанія Псалтири, о псалмахъ пророческихъ, предваряя при этомъ все изслѣдованіе краткимъ очеркомъ исторіи свящ. ветхоз. поэзіи и псалмопѣнія. Въ разсмотрѣніи избранныхъ вопросовъ онъ вообще держится того взгляда, какой высказанъ былъ объ этомъ предметѣ въ уставѣ академіи; но, при своей зависимости отъ готоваго взгляда, трудъ его отличается всѣми достоинствами самостоятельнаго ученаго изслѣдованія. Конечно, разсматривая его въ настоящее время, при нынѣшнемъ состояніи науки, мы не можемъ не указать въ немъ многихъ недостатковъ. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о Псалтири, при всей ихъ научности, слишкомъ кратки и не полны[2]), не вездѣ довольно основательны[3]), и особенно страдаютъ недостаткомъ критическихъ изслѣдованій, которыя бы оправдывали его положенія и выводы противъ господствующихъ у западныхъ толкователей раціоналистическихъ взглядовъ на Книгу Псалмовъ,

---

[1]) По опредѣленію совѣта Академіи напечатано было въ томъ же 1814 г. въ Спб. синод. типографіи.

[2]) Такъ напр. у него почти вовсе нѣтъ указанія времени или историческихъ обстоятельствъ происхожденія псалмовъ, что особенно важно знать въ отношеніи псалмовъ сАафовыхъ и Кореевыхъ, которыхъ пѣвцы, нося одно и тоже имя, жили въ различныя эпохи.

[3]) Напр. его доказательство о принадлежности Давиду псалмовъ 65, 66 и 71 (стр. 32), или его дѣленіе Псалтири на 3 части, каждая по 50 псалмовъ, отъ котораго онъ и самъ потомъ отступаетъ, начиная вторую часть не съ 51, а съ 50 псалма, и третью не съ 101, а съ 100 псалма и проч. (стр. 29, 31 и 33).

стремящихся низвести ее въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ произведеній еврейской поэзіи. Послѣдняго рода изслѣдованія представляли, какъ и до настоящаго времени представляютъ, тѣмъ большую нужду и важность, что уже въ самомъ толкованіи псалмовъ Иннея Архіеп. Псковскаго, пользующемся у насъ авторитетомъ церковнаго критерія въ дѣлѣ толкованія Псалтири[1]), дается, какъ мы выше замѣтили, поводъ къ подобнымъ раціоналистическимъ выводамъ его гипотезою о существованіи псалмовъ Маккавейскаго происхожденія; между тѣмъ Павскій, находя нужнымъ опровергать ходячій у насъ невѣрный, но безвредный взглядъ о принадлежности всѣхъ псалмовъ одному Давиду, на этотъ разъ ограничивается лишь краткимъ категорическимъ замѣчаніемъ, что Книга Псалмовъ «во времена Ездры довершилась и во времена Маккавеевъ уже хранилась во Святилищѣ[2])». Но, во всякомъ случаѣ, своимъ Обозрѣніемъ Кн. Псалмовъ Павскій сдѣлалъ весьма важный шагъ впередъ въ дѣлѣ только-что еще начинавшагося у насъ научнаго изученія Псалтири и оказалъ ему великую услугу: онъ первый изъ нашихъ соотечественниковъ смѣлою ногою вступилъ на новый, указанный уставомъ академій путь изученія этой свящ. книги, первый прошелъ его

---

[1]) См. ссылки на него, какъ на такой авторитетъ въ предисловіи къ русской Псалтири изд. Библ. Общ., хотя означенное предисловіе предлагается отъ лица членовъ Синода,—митрополита и двухъ архіепископовъ,—которые и сами по себѣ пользовались авторитетомъ.

[2]) Стр. 15. — Кромѣ того и во внѣшнемъ составѣ обозрѣнія Кн. Псалмовъ Павскаго представляются нѣкоторые, довольно рѣзко бросающіеся въ глаза недостатки. Такъ напр. съ перваго взгляда легко замѣтить, что раздѣленіе его изслѣдованія на вышеозначенныя 4 части или главы совершенно неправильно: такъ какъ 4-я гл. о псалмахъ пророческихъ по правильно-логическому дѣленію должна бы входить въ составъ 2-й главы о содержаніи или предметахъ пѣсней Псалтири и не можетъ составлять отдѣльную самостоятельную часть его изслѣдованія; а гл. 3-я о языкѣ псалмовъ, какъ столько же относящаяся къ внѣшнему составу пѣсней Псалтири, сколько къ таковому составу и всѣхъ другихъ поэтическихъ писаній Ветхаго Завѣта, болѣе умѣстна въ введеніи вообще къ поэтическимъ книгамъ В. З., чѣмъ въ обозрѣніи состава одной Псалтири, а потому, по нашему мнѣнію, съ большею правильностію могла бы быть помѣщена въ началѣ изслѣдованія, послѣ общаго понятія о свящ. ветхозавѣтной поэзіи и псалмопѣніи предъ очеркомъ исторіи ихъ развитія.

со свѣточемъ науки и, по справедливости, замѣчательнымъ для того времени образомъ освѣтилъ его своими историческими, филологическими и экзегетическими изысканіями.

Положенное съ такимъ успѣхомъ въ первые же годы по введеніи духовно-учебной реформы начало новой эпохи въ изученіи Псалтири естественно подавало надежду на еще большій и лучшій успѣхъ въ дальнѣйшемъ продолженіи начатаго дѣла. Но эта надежда, поддержанная на первыхъ порахъ появленіемъ въ 1822 г. *русскаго перевода Псалтири* (*изд. Росс. Библ. Общ.*), составленнаго также *Прот. Павскимъ* [1]), вслѣдствіе различныхъ, сложившихся обстоятельствами времени неблагопріятныхъ условій для развитія духовной науки, не оправдалась на дѣлѣ. Послѣ разсмотрѣнныхъ нами трудовъ по обозрѣнію Псалтири В. Преосв. Филарета и Прот. Павскаго, въ теченіи болѣе чѣмъ полустолѣтія у насъ не появлялось ни одного научнаго изслѣдованія о Псалтири, и эти первые, еще, такъ сказать, недозрѣлые плоды совершонной тогда реформы оставались единственными у насъ учеными трудами по библіологіи Псалтири до времени недавно совершившагося вторичнаго преобразованія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній [2]). Незадолго до этого послѣд-

---

[1]) Объ этомъ переводѣ Псалтири см. въ «Исторіи перевода Библіи на р. яз.» И. А. Чистовича,—въ Христ. Чт. 1872 г., ч. I, стр. 436 — 442 и 1873 г., ч. III, стр. 6—7.

[2]) Въ академіяхъ и семинаріяхъ за все это время въ отношеніи къ библіологіи Псалтири обыкновенно ограничивались лишь повтореніемъ котораго-либо изъ двухъ обозрѣній этой книги Филарета или Павскаго, или же обоихъ вмѣстѣ, конечно съ большими или меньшими измѣненіями. Такъ напр. въ изданныхъ при Тр. Кіевск. Д. Ак. за 1873 г. лекціяхъ по Свящ. Пис., читанныхъ въ Спб. Д. Ак. въ 1823—25 гг. баккалавромъ *іеромонахомъ Арсеніемъ*, мы находимъ почти буквальное повтореніе руководства къ познанію Псалтири Филарета, и тоже руководство, только въ значительно сокращенномъ видѣ и съ нѣкоторыми пополненіями изъ Обозрѣнія Пс. Павскаго, встрѣчаемъ потомъ въ литографированныхъ урокахъ по Св. Пис. въ Спб. Д. Ак. уже въ концѣ 60-хъ годовъ, т. е. незадолго до послѣдняго преобразованія Академіи. Кромѣ того, отъ времени 60-хъ же годовъ у насъ имѣются списки уроковъ о Псалтири еще изъ одной академіи и 5 семинарій, и всѣ они представляютъ довольно сходное между собою сокращеніе обозрѣнія пс. Павскаго съ весьма немногими измѣненіями (ср. Замѣчанія о лекціяхъ

няго преобразованія, въ 1864 г., однимъ изъ членовъ общества распространенія полезныхъ книгъ, *А. Невскимъ*, въ составленномъ имъ «*жизнеописаніи царя Давида*», сдѣлана была попытка къ изученію псалмовъ, въ связи съ исторіею ихъ происхожденія,—что, конечно, при дальнѣйшемъ развитіи и научной постановкѣ дѣла могло бы внести много свѣта въ экзегетику Псалтири;—но эта прекрасная сама въ себѣ попытка, сообразно съ ближайшею цѣлію сочиненія дать назидательное чтеніе для народа, а не научное изслѣдованіе, сдѣлана была безъ всякихъ претензій на научность, ограничившись лишь краткими, голословными и, при отсутствіи критики, нельзя сказать, чтобы вездѣ правильными указаніями поводовъ къ написанію тѣхъ или другихъ псалмовъ изъ исторіи Давида, и, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не получила никакого дальнѣйшаго движенія и практическаго примѣненія. Еще по экзегетикѣ Псалтири время отъ времени появлялись нѣкоторые новые труды, но и тѣ большею частію проповѣдническаго, а не научнаго характера, и притомъ обыкновенно ограничивавшіеся объясненіемъ какого-либо одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ псалмовъ, или же, всего чаще, нѣсколькихъ стиховъ изъ которыхъ-нибудь псалмовъ, а не обнимавшіе собою цѣлой Псалтири и даже въ общей совокупности своей, за весь болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ, не составившіе собою толкованія и на половину этой свящ. книги. Весьма значительная часть

по Св. Пис. въ академіяхъ и семинаріяхъ за тоже время — въ Листкѣ дух. библіогр. при Воскр. Чт. 1873 г., стр. 122 и 138). Въ первое время по введеніи новаго устава въ дух. семинаріяхъ существовавшіе въ нихъ уроки о Псалтири, равно какъ и о другихъ кн. Свящ. Пис., замѣнены были краткимъ обозрѣніемъ ихъ, какое находится въ изд. въ 1861 г. «*Пособіи къ доброму чтенію и слушанію Слова Божія*», *свящ. В. Смарагдова;* но находящееся въ этой книгѣ обозрѣніе Псалтири, умѣщающееся на 3 стр. жиденькой печати, при совершенномъ отсутствіи научнаго характера, безъ преувеличенія можно сказать, представляетъ какую-то жалкую пародію на обозрѣніе Псалтири, состоя лишь изъ выписокъ: о важности и пользѣ чтенія Псалтири — изъ извѣстнаго посланія св. Аѳонасія Алекс., и о различныхъ родахъ пѣсней Псалтири—изъ предисловія къ кіевск. изд. Псалтири Варлаама Голенковскаго. А что касается до краткихъ библіологическихъ и экзегетическихъ замѣчаній о Псалтири въ другихъ отдѣлахъ названнаго Пособія, то они большею частію полны грубыхъ ошибокъ.

и притомъ лучшихъ трудовъ этого рода опять таки принадлежитъ перу В. Преосв. *Филарета*, которымъ положено было начало и научнаго обозрѣнія Псалтири. *Такъ еще въ бытность ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1814 г. напечатано было имъ замѣчательное въ то время по учености толкованіе на 67-й Пс.* [1]); а впослѣдствіи подобнаго же рода толкованіе составлено было еще *на Пс. 2-й* [2]). Кромѣ того во все время своей жизни, въ своихъ многочисленныхъ проповѣдяхъ онъ очень часто останавливался на различныхъ мѣстахъ тѣхъ или другихъ псалмовъ и оставилъ въ нихъ весьма много прекрасныхъ, рѣдкихъ по глубинѣ, новости и оригинальности мысли объясненій на разныя мѣста Псалтири [3]). За ними первое мѣсто между толкованіями псалмовъ безспорно принадлежитъ «*Толкованію на первые 26 Псалмовъ*» В. Преосв. *Арсенія, Митроп. Кіевскаго*. Этотъ обширный трудъ, болѣе чѣмъ въ 600 стр., только лишь годъ тому назадъ появившійся въ печати, состоитъ изъ бесѣдъ на псалмы, говоренныхъ В. Преосв. Арсеніемъ въ Варшавѣ, въ бытность его Варшавскимъ Архіепископомъ (1848—1860 гг.). Чтобы въ краткихъ словахъ дать о немъ возможно близкое понятіе, мы, кажется, не ошибемся и не преувеличимъ дѣла, если скажемъ, что этотъ высоконазидательный трудъ во всѣхъ почти отношеніяхъ представляетъ собою, въ переложеніи на современный русскій языкъ, свободное, но въ тоже время близкое воспроизведеніе бесѣдъ на псалмы св. Іоанна Златоустаго, примѣненное по возможности къ нуждамъ и потребностямъ времени и слушателей, для которыхъ оно предназначалось, и восполненное толкованіями другихъ св. отцевъ и учителей Церкви. Какъ на отличительныя особенности бесѣдъ на псалмы В. Преосв. Арсенія, сравнительно съ бесѣдами св. Іоанна Златоустаго, можно указать на то, что высокопочтенный авторъ ихъ, конечно вслѣдствіе пользованія толкованіями другихъ отцевъ и учителей Церкви, замѣтно болѣе, чѣмъ св. Іоаннъ Злато-

---

[1]) Вторично напечатано въ Прав. Обозр. 1869 г. Мартъ.

[2]) Впервые напечатано въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1873 г., № 1. По подписи: «8 іюля 1820 г.» составленіе этого толкованія относится къ пребыванію Филарета на Тверской архіер. каѳедрѣ.

[3]) См. Указатель мѣстъ Псалтири, истолкованныхъ въ его словахъ и бесѣдахъ по изд. 1845 г., въ Тр. Кіевск. Дух. Акад. 1868, Мартъ, стр. 601.

устъ, склоняется къ аллегорическо-таинственному смыслу [1]), а съ другой стороны, заботясь не столько о научной правильности объясненія, сколько главнымъ образомъ о назиданіи, менѣе св. отца придаетъ значенія уясненію историческихъ обстоятельствъ происхожденія объясняемыхъ псалмовъ [2]) и не останавливается, подобно ему, на объясненіи буквальнаго значенія отдѣльныхъ словъ и выраженій въ псалмахъ съ помощію еврейскаго текста и другихъ различныхъ переводовъ, ограничиваясь изложеніемъ смысла объясняемыхъ мѣстъ лишь въ цѣломъ ихъ составѣ и исключительно по тексту славянскому. Но за исключеніемъ этихъ особенностей, вообще можно сказать, что бесѣды В. Преосв. Арсенія заключаютъ въ себѣ всѣ достоинства подобныхъ же бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго и такимъ образомъ, съ одной стороны, какъ бы популяризируя ихъ для своего времени, а съ другой восполняя мѣсто утраченныхъ между ними бесѣдъ на цѣлые 16 пс. изъ числа первыхъ 26-ти [3]), представляютъ весьма важное пріобрѣтеніе и для экзегетики Псалтири, и для церковнаго проповѣдничества, и вообще для назидательной христіанской литературы. Изъ прочихъ трудовъ по изъясненію Псалтири за разсматриваемое время особеннаго вниманія заслуживаютъ *объясненія псалмовъ: 1-го и 2-го* Преосв. *Иннокентія*, *Еп. Пензенскаго* [4]), *2-го псалма іеромонаха Ѳеодора* [5]), *пѣсней степеней* въ Воскр. Чтеніи за 1856—7 г., *5-го и 7-го псалмовъ—Писарева* въ Душ. Чт. [6]), и *136-го пс. Архіеп. Игнатія* [7]). Сюда же можно

---

[1]) См. напр. объясненіе пс. 4, 7, стр. 69—73; пс. 5, 4, стр. 80—82; надп. 6 пс. стр. 99—103; также пс. 22, стр. 549 и дал., 23 пс. стр. 557 и дал. и т. п.

[2]) Такъ на стр. 196 усиліе указать историч. поводъ къ написанію псалма онъ называетъ безполезнымъ любопытствомъ и даже словами св. Кирилла Іерусалимскаго старается доказать, что и не слѣдуетъ усиливаться открыть то, что прямо не написано въ Словѣ Божіемъ. Под. обр. и на стр. 300.

[3]) Изъ числа первыхъ 26 псалмовъ до насъ сохранились бесѣды св. Іоанна Златоуста только на 10 пс.: 3—12; на остальные же псалмы: 1—2 и 13—26, утрачены.

[4]) Въ изд. его сочиненій. Москва, 1821 г., ч. II, стр. 129—239.

[5]) Въ Приб. къ Тв. Св. Оо. 1849 г.

[6]) 3-го псалма за 1861 г. Апр.; 7 пс. 1862. Мартъ.

[7]) Это собственно: Бесѣды изъ псалма: «на рѣкахъ вавилонскихъ»,

отнести еще и *систематическій обзоръ Мессіанскихъ псалмовъ*, впрочемъ довольно схоластичный по изложенію, въ статьяхъ Воскр. Чт., подъ заглавіемъ: «*пророческое ученіе о Обѣтованномъ Искупителѣ, содержащееся въ псалмахъ*» [1]). Если къ этому присоединить еще не поименованныя нами поученія, размышленія и замѣтки на нѣкоторые псалмы и преимущественно на разныя мѣста изъ псалмовъ, помѣщавшіяся въ свое время въ дух. журналахъ, особенно въ Воскр. Чт. [2]), то мы будемъ имѣть полный списокъ того, что сдѣлано у насъ для изученія Псалтири за разсматриваемый, болѣе чѣмъ полувѣковой періодъ отъ перваго преобразованія духовно-учебныхъ заведеній въ 1808 году.

Послѣ недавно совершившагося вторичнаго преобразованія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, въ изученіи Псалтири замѣтно происходитъ у насъ особенное оживленіе. Появленію ученыхъ трудовъ, конечно, независимо отъ произведенной духовно-учебной реформы, предшествуетъ появленіе въ 1869-мъ году *двухъ стихотворныхъ переложеній Псалтири*: надв. сов. *П. Носовича*, и различныхъ русскихъ поэтовъ съ приложеніемъ краткихъ объясненій историческаго, таинственнаго и нравственнаго смысла псалмовъ, изд. *Спб. книгопр. Шигина* [3]), которыя, не отличаясь поэтическими достоинствами, тѣмъ не менѣе представляютъ не безполезный трудъ, какъ для возбужденія въ народѣ вниманія и расположенія къ этой свящ. книгѣ, такъ и для уясненія ея смысла, въ славянскомъ текстѣ для многихъ теперь мало понятнаго. Затѣмъ слѣдуетъ появленіе въ свѣтъ одного за другимъ нѣсколькихъ новыхъ переводовъ Псалтири на русскій языкъ. Какъ бы предвѣстникомъ такого явленія служитъ изданіе въ 1868 г. при Душеп. Чтеніи (кн. Янв., Февр., Апр. и Май) *исправленной особенною коммиссіею при Московской Дух. Академіи* (1865 г.) *второй половины русскаго перевода*

говор. въ Петрозаводскомъ Соборѣ (Спб. 1849 г.); но по точности, краткости, ясности и простотѣ изложенія и глубокой назидательности они могутъ быть справедливо поставлены въ ряду лучшихъ толкованій Св. Писанія.

[1]) Воскр. Чт. 1851—2 г., №№ 50, 51 и 52 и 1852—3 г., № 7.

[2]) См. Указатель къ Воскр. Чт. за 25 лѣтъ, стр. 5—10, 40 и 133.

[3]) Это послѣднее въ началѣ 1874 г. вышло уже вторымъ изданіемъ.

Псалтири Павскаго (76—150 пс.). Вслѣдъ за тѣмъ въ 1869 году, въ исполненіе еще Павскимъ и послѣ архим. Макаріемъ (Глухаревымъ) высказанной мысли о необходимости отдѣльнаго перевода Св. Писанія на русскій языкъ съ греческаго, извѣстнымъ нашимъ ученымъ, Епископомъ Чигиринскимъ *Порфиріемъ* (*Успенскимъ*) сдѣланъ первый у насъ *опытъ перевода псалмовъ* (1—25) *съ греч. текста* [1]), доведенный теперь до 75 псалма включительно [2]); а спустя годъ послѣ того въ 1871 г. появились три русскіе перевода Псалтири: а) такъ называемый *буквальный переводъ съ еврейскаго* кандидата Спб. университета *Л. І. Мандельштама*, б) *переводъ съ еврейскаго же*, исправленнаго по мѣстамъ по греч. LXX,—Поневѣжскаго раввина *Пумпянскаго* и в) *переводъ изд. Св. Синода* [3]). Одновременно съ этими послѣдними переводами въ составл. наставникомъ Кіевской Дух. Сем. *Х. Ордою*: «*Руководствъ къ послѣдовательному чтенію учительныхъ книгъ Ветх. Завѣта*» мы получили наконецъ и новое библіологическое обозрѣніе Псалтири (стр. 41—151). Происхожденіемъ этого обозрѣнія Псалтири мы обязаны уже собственно реформѣ дух. семинарій. Оно составлено приспособительно къ утвержденной Св. Синодомъ программѣ преподаванія Св. П. въ преобразованныхъ семинаріяхъ и предназначалось въ учебное руководство для воспитанниковъ. При такомъ назначеніи своемъ оно, конечно, не могло представлять и не представляетъ какого либо ученаго библіологическаго изслѣдованія о Псалтири; но въ предположенныхъ имъ себѣ предѣлахъ оно дѣлаетъ значительный шагъ впередъ: такъ какъ кромѣ общихъ библіологическихъ свѣдѣній о Псалтири, которыя въ немъ пополнены двумя новыми, не встрѣчавшимися въ прежнихъ обозрѣніяхъ статьями: объ употребленіи Псалтири въ Прав. Церкви и о музыкѣ и музыкальныхъ инструментахъ Евреевъ, употреблявшихся при псалмопѣніи, мы находимъ уже въ немъ краткое, но въ тоже время вполнѣ до-

---

[1]) Съ древней греческой рукописи 862 г. См. Тр. Кіевск. Дух. Ак. за 1869 г.

[2]) Псалмы 26—75 помѣщены въ Труд. Кіевской Дух. Академіи за 1873 г. т. 3.

[3]) О достоинствахъ и недостаткахъ этихъ переводовъ см. въ «Исторіи перевода Библіи на русскій языкъ» И. А. Чистовича, въ Христ. Чт. 1873 г. ч. III, стр. 30—36.

статочное для послѣдовательнаго чтенія Псалтири изложеніе содержанія каждаго псалма въ отдѣльности, предваряемое притомъ и сопровождаемое при большей части псалмовъ различными историческими и экзегетическими замѣчаніями, относящимися къ уясненію смысла то цѣлыхъ псалмовъ, то отдѣльныхъ мѣстъ изъ нихъ, или нѣкоторыхъ надписаній. Изъ всего обозрѣнія, особенно же изъ этихъ послѣднихъ замѣчаній ясно видно, что авторъ его хорошо знакомъ съ древне-церковною письменностію о Псалтири, и что ему достаточно извѣстны также и новѣйшія ученыя изслѣдованія объ этой книгѣ, и хотя, при замѣтной поспѣшности въ составленіи своего труда, въ нѣкоторыхъ частяхъ его онъ не избѣгаетъ замѣченныхъ нами уже въ прежнихъ обозрѣніяхъ недостатковъ,—неполноты, неясности и неопредѣленности исагогическихъ свѣдѣній [1]) и самаго ихъ изложенія, и даже по мѣстамъ не чуждъ довольно грубыхъ ошибокъ и противорѣчій съ самимъ собою [2]), тѣмъ не менѣе трудъ

---

1) Таковы напр. свѣдѣнія о писателяхъ псалмовъ, ограничивающіеся голословнымъ и весьма сбивчивымъ перечнемъ ихъ по евр. и греч. надписаніямъ пс., мнѣніямъ нѣкоторыхъ Св. Оо. и талмудическимъ преданіямъ (стр. 42—44), изъ котораго трудно, особенно для учащихся, вывести опредѣленное заключеніе, какія изъ свидѣтельствъ о писателяхъ Пс. заслуживаютъ вѣроятія и кого именно слѣдуетъ считать дѣйствительными писателями. Недостатокъ полноты и ясности замѣчается также въ главѣ о надписаніяхъ надъ псалмами (стр. 48), гдѣ недостаетъ указаній самыхъ надписаній, о которыхъ идетъ рѣчь, между тѣмъ какъ такія указанія тѣмъ необходимѣе, что и послѣ, при обозрѣніи отдѣльныхъ псалмовъ, о многихъ надписаніяхъ вовсе не упоминается,—каковы напр. надписанія: שִׁגָּיוֹן Пс. 7, 1; עַל־עֲלָמוֹת Псал. 46 (Слав. 45); עַל־שׁוֹשַׁן עֵדוּת Пс. 60 (59); עַל־מַחֲלַת לְעַנּוֹת Пс. 88 (87), Въ такомъ же родѣ и нѣкоторыя изъ предварительныхъ замѣчаній при обозрѣніи отдѣльныхъ псалмовъ, особенно тѣ, въ которыхъ авторъ въ объясненіи надписи или происхожденія псалма ограничивается лишь недостаточно опредѣленными выписками изъ толк. Бл. Ѳеодорита, какъ напр. на Пс. 62, 64, 70, 126, 136, 138 и проч.

2) Такъ напр. на стр. 43 говорится, будто Еѳанъ, одинъ изъ начальниковъ хора при Давидѣ, принадлежалъ къ потомству Корея; на стр. 96,—будто сыны Кореевы сдѣлались пѣвцами только во времена Іосафата; на стр. 64, что встрѣчающееся въ надп. Пс. 53 и 88 слово махалоѳъ (?)—מַחֲלַת,—въ Слав. Маелеѳъ, по снес. съ 1 Ц. 10, 5 и

его составляетъ пока наиболѣе полное и лучшее изъ существующихъ у насъ обозрѣній Псалтири и, не только въ качествѣ руководства для воспитанниковъ семинарій, но и вообще, какъ пособіе къ вразумительному чтенію Псалтири для всякаго любителя Слова Божія, по справедливости можетъ быть названъ дорогимъ пріобрѣтеніемъ въ нашей духовной литературѣ [1]). Менѣе чѣмъ годъ спустя послѣ этого обозрѣнія появилось въ свѣтъ и новое «*толкованіе на псалмы*» Преосв. *Палладія*, *Еп. Сарапульскаго* (М. 1872 г.) [2]). Но это толкованіе не составляетъ пріобрѣтенія для науки, такъ какъ не имѣетъ ни малѣйшей претензіи удовлетворять современнымъ научнымъ требованіямъ экзегетики, и хотя составлено съ цѣлію дать своимъ соотечественникамъ «сколько нибудь удовлетворительное руководство къ объясненію псалмовъ» (Предисл. стр. V) въ замѣнъ существовавшихъ у насъ толкованій, которые и «мало извѣстны и не могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными» (стр. II), тѣмъ не менѣе, по сравненію съ нѣкоторыми изъ такихъ толкованій, напр. толкованіемъ Преосв. Иринея, Архіеп. Псковскаго и особенно В. Преосв. Арсенія Митр. Кіевскаго, должно быть признано во многихъ отношеніяхъ гораздо менѣе удовлетворительнымъ. Справедливо признавая, что «толкованіе Св. П. и въ частности толкованіе псалмовъ при однихъ пособіяхъ науки, хотя бы и современной, дѣло весьма смѣлое и опасное» (стр. IV), Преосв. Палладій,

---

Пс. 5, 12 «несомнѣнно означаетъ музыкальное орудіе, по переводу LXX свирѣль», между тѣмъ какъ въ цитованныхъ мѣстахъ это слово и не встрѣчается; на стр. 42, — что Давиду, по указанію 1 Пар. 16, 23, принадлежатъ не надписанные псалмы 95 и 96, между тѣмъ какъ въ цит. мѣстѣ 1 Пар. о пс. 96 вовсе не упоминается, а Пс. 95 на стр. 129 приписывается ко времени послѣ плѣна. Подобное же противорѣчіе себѣ во мнѣніи о происхожденіи Псалмовъ 104 и 105, ср. стр. 43 и 132 по 1-му изд.

[1]) Болѣе подробный разборъ этого обозрѣнія съ указаніемъ достоинствъ и недостатковъ—въ Журналѣ учебн. комитета при Св. Синодѣ отъ 10 Ноября 1871 г. за № 208 (См. Церк. Лѣт. при Дух. Бес. за 1872 г. ч. I стр. 324—333), и въ рецензіи С. Сольскаго въ Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1871 г. т. 3 стр. 431—444.

[2]) Около половины 1874 г. вышло уже вторымъ изданіемъ. Встрѣчающіеся далѣе въ разборѣ этого толкованія цитаты означены по 1-му изданію.

чтобы избѣжать опасности заблужденій, поставилъ себѣ задачею совсѣмъ не обращаться къ опаснымъ пособіямъ науки, и особенно современной [1]), а ограничиться лишь «извлеченіемъ толкованій на псалмы изъ сочиненій знаменитыхъ Отцевъ и Учителей Церкви», какъ самыхъ вѣрныхъ и надежныхъ руководителей въ предпринятомъ имъ дѣлѣ, и представляющихъ своимъ ученіемъ голосъ Св. Церкви, обязательный для всѣхъ вѣрующихъ православныхъ христіанъ на всѣ времена» (стр. III и IV). Сообразно съ такою задачею, толкованіе его представляетъ собою не что иное, какъ опытъ сокращеннаго изданія на русскомъ языкѣ средневѣковыхъ катенъ, или, такъ сказать, словарь святоотеческихъ толкованій на Псалтирь, но только словарь далеко не полный; такъ какъ въ немъ нѣкоторыя мѣста псалмовъ, вѣроятно казавшіяся автору достаточно ясными, оставляются безъ всякаго объясненія и притомъ извлеченія толкованій дѣлаются не изъ всѣхъ Отцевъ и Учителей Церкви, занимавшихся объясненіемъ Псалтири, а только изъ тѣхъ, которыхъ толкованія на псалмы ко времени его составленія существовали въ русскомъ переводѣ (стр. V). Кромѣ того и самый методъ, какому слѣдуетъ авторъ въ составленіи своего святоотеческаго толкованія Псалтири, не отличается удобствами для предположенной имъ цѣли. Обыкновенно онъ выписываетъ стихъ за стихомъ славянскій текстъ объясняемаго псалма; за нимъ помѣщаетъ краткій перифразъ выписаннаго стиха или приводитъ русскій переводъ съ еврейск., поясняя его иногда перифразомъ или же другими переводами греческими; затѣмъ дѣлаетъ краткія выписки изъ толкованій одного или нѣсколькихъ Отцевъ,—Василія Вел., Аѳанасія Алекс., І. Златоустаго или бл. Ѳеодорита, по существующимъ русскимъ переводамъ ихъ твореній, сопоставляя безъ всякихъ объяснительныхъ замѣчаній нерѣдко весьма несходныя и даже противоположныя между собою мнѣнія, и наконецъ къ составленному такимъ образомъ толкованію присоединяетъ по мѣстамъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ свои собственныя объясненія непонятныхъ словъ и выраженій, состоящія бо́льшею частію въ переводѣ или перифразѣ соотвѣтствующихъ имъ

---

[1]) Исключеніе въ этомъ случаѣ почему-то дѣлается по мѣстамъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ только для нѣкоторыхъ научныхъ замѣчаній и догадокъ Калмета, Тирина, и вообще тѣхъ западныхъ толкователей, которыхъ объясненія приводятся въ Curs. compl. s. Scripturae.

выраженій еврейскаго или греческаго текста и въ сопоставленіи ихъ съ текстомъ Вульгаты. При выборѣ изъ Отцевъ толкованій авторъ замѣтно отдаетъ предпочтеніе толкованіямъ иносказательнымъ мессіанскаго характера и изъясненіе буквальнаго смысла псалмовъ поставляетъ далеко не главною своею цѣлію: потому у него очень мало дается, а часто и совсѣмъ не дается мѣста для указанія историческихъ поводовъ къ написанію того или другаго псалма и для буквально-историческаго объясненія, не дѣлается предварительнаго изложенія какъ общаго содержанія псалма, такъ и частныхъ его отдѣловъ, и весьма мало встрѣчается указаній связи и послѣдовательности въ теченіи мыслей. Отъ этого толкованіе его является какъ то отрывочнымъ, безсвязнымъ, и сообщая читателю разнообразныя объясненія отдѣльныхъ словъ, выраженій и мыслей, не даетъ яснаго отчетливаго представленія о цѣломъ содержаніи псалмовъ, ихъ характерѣ и послѣдовательномъ развитіи мысли; «вслѣдствіе же дословнаго приведенія отеческихъ мнѣній, нерѣдко несходныхъ между собою и выраженныхъ притомъ не всегда приспособительно къ нашему образу пониманія, по справедливому замѣчанію рецензента Воскреснаго Чтенія, и пониманіе отдѣльныхъ выраженій не всегда легко дается», такъ что въ этомъ отношеніи толкованіе Преосв. Палладія много уступаетъ даже древнему толкованію Евѳимія Зигабена, въ которомъ отеческія объясненія передаются въ связной рѣчи, безъ дословныхъ выписокъ [1]). Нельзя также не замѣтить и того, что сопоставленіе несходныхъ между собою, а тѣмъ болѣе противоположныхъ одно другому мнѣній Отцевъ, не сопровождаемое указаніемъ точекъ зрѣнія или основаній, послужившихъ къ ихъ образованію, и вообще никакими примиряющими объясненіями, очень легко можетъ, совершенно вопреки намѣренію автора, вести къ униженію высокаго авторитета отеческихъ мнѣній, подрывая довѣріе къ нимъ, какъ общеобязательному голосу Церкви, которая, какъ единая и нераздѣльная, не можетъ противорѣчить себѣ. Впрочемъ не смотря на всѣ указанныя и нѣкоторыя другія недостатки, трудъ Преосв. Палладія—все же трудъ полезный и справедливо можетъ быть на-

---

[1]) См. Листокъ дух. библіогр. въ прилож. къ Воскр. Чт. 1872 г. № 9, стр. 137—138. Ср. также замѣчанія А. Полотебнова въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1872 г. № X стр. 172.

званъ *не малою услугою Церкви* [1]); такъ какъ онъ можетъ служить хорошимъ пособіемъ къ ознакомленію съ представляемыми въ немъ въ извлеченіи святоотеческими толкованіями Псалтири для того значительнаго большинства православныхъ и даже неправославныхъ нашихъ соотечественниковъ, которымъ недоступны творенія Отцевъ въ полномъ ихъ составѣ, ни въ подлинникѣ, ни въ русскомъ или другомъ какомъ переводѣ. Въ тоже время, кромѣ разсмотрѣнныхъ нами трудовъ, обнимающихъ собою всю Псалтирь, въ нашихъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ появилось не мало различныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ статей, относящихся къ изученію Псалтири, частію по разнымъ исагогическимъ вопросамъ, каковы напр. еще почти впервые появляющіяся въ нашей литературѣ изслѣдованія: *о древнееврейской музыкѣ и пѣніи* [2]), и *о ритмѣ и метрѣ ветхозавѣтной поэзіи* [3]) *А. Олесницкаго*, и *объ употребленіи Псалтири въ древней Христ. Церкви А. Благовѣщенскаго*, частію же экзегетическаго содержанія по изъясненію тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ псалмовъ, изъ числа которыхъ помѣщенныя въ Воскр. Чтеніи за 1872-й годъ *объясненія мессіанскихъ псалмовъ 2-го и 8-го* и *изъ восемнадцатой кавизмы псал. 119—123-го*, по рѣдкому умѣнью соединять съ научнымъ характеромъ краткость, ясность и простоту изложенія, можно назвать прекрасными образцами общедоступнаго объясненія Псалтири, въ какомъ всего болѣе и чувствуется потребность въ наше время. Сверхъ того въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. въ 1872 и въ 1873 гг. начато печатаніе отдѣльными статьями и двухъ обширныхъ, капитальныхъ трудовъ по изслѣдованію слав. текста Псалтири: *Свящ. М. Боголюбскаго*, подъ заглавіемъ: «*Замѣчанія на текстъ Псалтири по переводу* LXX *и славянскому*» [4]) и *Архим. Амфилохія*, подъ заглавіемъ: «*Замѣчанія на древнеславянскій текстъ Псалтири XIII—XIV в. съ греческимъ текстомъ изъ толковой Ѳеодоритовой Псалтири X в. по древ-*

---

[1]) См. отзывъ дух. учебн. комитета, почему-то впрочемъ не объявленный въ печати, и ссылки на него въ объявленіяхъ о второмъ изданіи книги.

[2]) Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1871 г. Ноябрь и Декабрь.

[3]) Тоже за 1872 г. Окт., Ноябр. и Дек.

[4]) Съ № 4 за 1872 г.

нимъ памятникамъ» [1]). Первый изъ этихъ трудовъ филолого-экзегетическаго характера и имѣетъ своею задачею подготовить матеріалъ для исправленія или по крайней мѣрѣ для научнаго объясненія славянскаго текста Псалтири, который, по своему церковному, а также и домашнему употребленію, будучи столько любимъ и уважаемъ нашимъ народомъ, представляетъ по мѣстамъ много неяснаго и неудобопонятнаго, въ чемъ сознавались въ свое время и сами исправители славянской Библіи, установившіе существующее чтеніе слав. текста. Послѣдній трудъ—историко-филологическаго характера и имѣетъ въ виду представить состояніе славянскаго текста Псалтири въ XI—XVI вв. и его измѣненіями въ различныхъ спискахъ объяснить постепенное образованіе настоящаго славянскаго текста Псалтири. Сообразно съ такою цѣлію составитель этого послѣдняго труда ограничивается лишь объективнымъ сличеніемъ, или, точнѣе сказать, простымъ сопоставленіемъ разностей текста различныхъ списковъ славянской Псалтири XI—XVI вв. и сравненіемъ ихъ съ текстомъ древнихъ списковъ греческихъ [2]); между тѣмъ какъ авторъ перваго труда, выписывая одно за другимъ неясныя мѣста и выраженія изъ нынѣшней славянской Псалтири и сличая ихъ съ текстомъ LXX, по разнымъ его спискамъ, Вульгатою и другими древними, преимущественно греческими переводами, особенно же съ объясненіями Отцевъ и Учителей Церкви, а также и съ существующимъ еврейскимъ текстомъ,—къ которому впрочемъ относится съ большимъ недовѣріемъ,—выводитъ изъ этого сличенія предполагаемый имъ правильный смыслъ и значеніе неяснаго мѣста или выраженія и сообразно съ тѣмъ, въ заключеніе каждаго изъ замѣчаній, проэктируетъ,—и, какъ кажется намъ, большею частію весьма удачно, новый ясный и понятный переводъ разсмотрѣннаго мѣста въ замѣнъ существующаго перевода неяснаго. До настоящаго времени труды эти не вышли еще и на половину, но, уже судя по началу, оба они, особенно трудъ о. Боголюбскаго, обѣщаютъ пролить много

---

[1]) Съ № 10 за 1873 г. Въ предисл. къ этому сочиненію (стр. 384) упоминается еще о *«филологическомъ изслѣдованіи Болонской толковой слав. Псалтири XII в. по древн. славянскимъ памятникамъ Срезневскаго;* но это изслѣдованіе доселѣ не издано.

[2]) Перечень сличаемыхъ имъ слав. и греч. списковъ см. въ предисл. къ замѣчаніямъ въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1873 г., № X, стр. 386.

свѣта на изученіе и изъясненіе славянскаго текста Псалтири, и потому каждый изъ любителей этой свящ. книги можетъ отъ души пожелать имъ скорѣйшаго окончанія и практическаго примѣненія.

Въ виду начавшагося въ послѣдніе годы особеннаго оживленія въ изученіи Псалтири, при которомъ, какъ мы видѣли, каждый годъ наша литература по этой свящ. книгѣ обогащается новыми и новыми, болѣе или менѣе обширными, болѣе или менѣе цѣнными трудами, есть основаніе надѣяться, что скоро мы дождемся и еще новыхъ, какъ ученыхъ, такъ и общедоступныхъ трудовъ о Псалтири, и по ея библіологіи, и по экзегетикѣ. Но до того времени, пока эта надежда не достигла своего осуществленія, въ заключеніе обзора существующей у насъ литературы о Псалтири мы должны еще сказать, что изученіе у насъ этой книги далеко не соотвѣтствуетъ тому широкому употребленію, какое она имѣетъ и при Богослуженіи, и какъ назидательная книга для домашняго чтенія. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ далеко наше изученіе Псалтири отстало отъ современной науки на Западѣ, гдѣ еще въ 1-й половинѣ прошлаго столѣтія разныхъ сочиненій объ этой свящ. книгѣ насчитывали до тысячи [1]); но мы не можемъ не замѣтить того, что оно много отстало отъ развитія нашей собственной науки по другимъ отраслямъ Богословія. Между тѣмъ религіозная жизнь нашего на-

[1]) Такъ извѣстный изъ западныхъ толкователей Св. Писанія 1-й половины прошлаго столѣтія Августинъ Калметъ число существующихъ на западѣ комментаріевъ и разныхъ сочиненій о Псалтири круглымъ счетомъ возводилъ до 1000 (Kirch.-Lexikon v. Wetzer u. Welte, 1852 г. Т. VIII, стр. 849); а жившій въ концѣ того же вѣка французскій ученый Молеттъ († 1793) такого рода сочиненій насчиталъ до 1300 (Воскр. Чт. 1873 г., № 39, стр. 216). Но сколько съ того времени расширилась и обогатилась на Западѣ литература о Псалтири! Послѣ сдѣланнаго нами очерка изученія Псалтири въ древней Христ. Церкви и потомъ въ нашемъ отечествѣ, намъ слѣдовало бы сдѣлать также, хотя самый краткій очеркъ изученія ея и на Западѣ; но въ виду указаннаго громадно-широкаго развитія литературы о Псалтири на Западѣ, не смотря на все наше желаніе познакомить съ нею читателей, мы никакъ не рѣшились касаться этого предмета, потому что при такой громадности его и простой перечень однихъ лучшихъ сочиненій о Псалтири, съ самою краткою ихъ характеристикою, составилъ бы цѣлую, довольно объемистую книжку.

рода, почерпающая пищу изъ этой богодухновенной книги, требуетъ глубокаго и серьезнаго всесторонняго изученія ея, и уже упомянутыя выше популярныя изданія стихотворныхъ переложеній Псалтири служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ сознаваемой въ нашемъ обществѣ этой потребности. Это сознаніе послужило и для насъ побужденіемъ изъ книгъ Св. Писанія избрать для изслѣдованія эту всѣмъ извѣстную свящ. книгу.

Изъ множества вопросовъ о Псалтири, ожидающихъ своего разсмотрѣнія и рѣшенія, мы останавливаемся на самомъ первомъ вопросѣ о ея происхожденіи, такъ какъ на рѣшеніи его, какъ мы выше дали замѣтить, основывается и правильное рѣшеніе вопроса о свящ. авторитетѣ Книги Псалмовъ, ея богодухновенности, а съ другой стороны и надлежащее, основательное ея разумѣніе. Безъ руководства исторіи даже и преданный сынъ Церкви, человѣкъ вполнѣ благочестивый, любящій и ищущій истины, всегда находится въ опасности впасть въ заблужденіе [1]), если только не предотвратитъ отъ него этой опасности особенная благодать Божія. Безъ свѣтильника исторіи, опъ и простое мѣсто Писанія найдетъ темнымъ и, безъ нужды, умножитъ число мнимыхъ аллегорій, къ явному подрыву смысла аллегорій дѣйствительныхъ [2]); а поставленный въ необходимость учить другихъ, придетъ въ необходимость учить, такъ называемымъ, благочестивымъ обманамъ, выдающимъ за истину то, что только кажется непротивнымъ благочестію, на самомъ же дѣлѣ вовсе не истина; или, въ болѣе правильномъ порывѣ благочестивой души своей, онъ ограничится молитвою. Какое же поле превратныхъ мнѣній, безумныхъ глумленій и безвыходныхъ споровъ откроется, и часто открывается, за незнаніемъ исторіи, для такого толкователя, который и Церкви не чтитъ, и совѣсти благой и вѣры нелицемѣрной не имѣетъ? Чтобы разумѣніе Писанія было сколько возможно правильное, для этого недовольно воспитать въ себѣ духъ

---

[1]) По замѣчанію Св. Іоанна Златоустаго, не зная историческихъ обстоятельствъ, «можно выводить нелѣпыя заключенія даже о Богѣ». «Для избѣжанія сего,—говоритъ онъ,—будемъ разбирать дѣло, не упуская изъ виду ни причины, ни намѣренія, ни времени, ни всего того, что можетъ служить къ оправданію онаго». Толк. на посл. къ Римл. 9, 3,— по русск. пер. Москва, изд. 1839 г., стр. 391—392.

[2]) Исид. Пелус. Epist. 195, Lib. 2.

благочестія, недовольно быть свѣдущимъ въ Преданіи Церковномъ и даже въ подлинномъ языкѣ Писанія, хотя и все это совершенно необходимо [1]): нужно еще, сколько возможно, большее знакомство съ положеніемъ вещей, современнымъ писателю и первоначальнымъ читателямъ той или другой свящ. книги. Только съ нимъ вмѣстѣ прочія условія толкованія проливаютъ должный, необманчивый свѣтъ на постижимую для разумѣнія сторону откровенія; ибо сторона его непостижимая навсегда и останется непостижимою. Только съ историческимъ знаніемъ и можно приблизиться къ истинѣ и вмѣстѣ къ истинному назиданію; ибо одно то назиданіе истинно, которое основано на истинѣ [2]).

Такъ какъ Книга Псалмовъ представляетъ собою сборникъ свящ. пѣсней ветхозавѣтныхъ разновременнаго происхожденія, то и вопросъ о ея происхожденіи въ нашемъ изслѣдованіи естественно подраздѣляется на два вопроса собственно о происхожденіи или написаніи псалмовъ и собраніи ихъ въ одну книгу. Но какъ происхожденіе каждаго отдѣльнаго псалма, кромѣ частнѣйшихъ историческихъ условій ближайшей эпохи, имѣетъ еще условія, общія ему съ другими явленіями жизни народа Божія и управляется общими законами Одного и Того же *Духа Божія*, *дѣйствующаго вся во всѣхъ*, и такимъ образомъ исторія отдѣльныхъ псалмовъ представляетъ только звѣно въ цѣлой непрерывной исторической цѣпи развитія ветхозавѣтнаго свящ. псалмопѣнія, изъ которой не можетъ быть выдѣлена безъ ущерба въ надлежащей ясности и связи; то мы и постараемся прежде представить общій связный очеркъ исторіи ветхозавѣтнаго псалмопѣнія, а потомъ уже перейдемъ къ изслѣдованію о писателяхъ и времени происхожденія отдѣльныхъ псалмовъ.

---

[1]) См. прекрасные отвѣты бл. Августина тѣмъ, которые, въ его время, говорили, что никакихъ правилъ толкованія Писанія не нужно, такъ какъ оно можетъ быть постигнуто при посредствѣ откровенія свыше. Христіанск. наука, стр. 3 и слѣд. по русскому перев. 1835. Кіевъ. Также Злат. на Ев. Іоанн. 1, 213.

[2]) См. Историч. обозр. Н. З.—М. Голубева. Спб. 1860, стр. 22—23.

I.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ ВЕТХОЗАВѢТНАГО ПСАЛМОПѢНІЯ.

Происхожденіе поэзіи у всѣхъ народовъ обыкновенно предшествуетъ происхожденію письменности. Человѣкъ по природѣ поетъ задолго прежде, чѣмъ начинаетъ писать и собирать свои поэтическія произведенія: есть народы, у которыхъ изустныя пѣсни доселѣ служатъ почти единственнымъ выраженіемъ внутренней ихъ духовной жизни взамѣнъ неразвившейся еще письменности. По тому же закону исторія и священнаго ветхозавѣтнаго псалмопѣнія, плодомъ и памятникомъ котораго служитъ для насъ Книга Псалмовъ, начинается задолго до происхожденія не только самой Книги Псалмовъ, но и самой ранней изъ входящихъ въ составъ ея пѣсней. Какъ непосредственное выраженіе религіознаго чувства человѣческаго, озареннаго силою Духа Божественнаго, псалмопѣніе по своему началу, конечно, должно быть современно происхожденію Богооткровенной религіи и въ своемъ развитіи близко совпадаетъ съ развитіемъ и состояніемъ ея въ человѣчествѣ. Чѣмъ живѣе въ человѣкѣ чувство о Богѣ, чѣмъ глубже въ немъ сознаніе отношенія своего къ Богу, тѣмъ скорѣе, чаще и сильнѣе сердце его изливается въ звукахъ священныхъ пѣсней; чѣмъ выше состояніе религіознаго духа въ народѣ, тѣмъ обильнѣе въ немъ дары священнаго поэтическаго генія и вдохновенія, и наоборотъ, какъ скоро охладѣваетъ религіозное чувство и его мѣсто заступаетъ равнодушіе, или какъ скоро начинается въ народѣ деморализація, съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ и поэтическое вдохновеніе священныхъ пѣвцовъ, священный геній псалмопѣнія какъ бы вымираетъ въ народѣ, такъ что, не смотря на свою

національную способность и достаточно высокую степень развитія, онъ становится тогда не въ состояніи производить пѣсни, достойныя имени священнаго псалмопѣнія. Такимъ образомъ, времена высокаго возбужденія религіознаго духа въ ветхозавѣтномъ обществѣ вѣрующихъ являются періодами процвѣтанія священнаго псалмопѣнія, равно какъ времена упадка перваго представляютъ періоды упадка и послѣдняго. Но такъ какъ истинная религія зиждется на откровеніи, и возвышеніе религіознаго духа въ Церкви Божіей на землѣ совершалось чрезъ возбужденіе силою дѣйствующаго въ ней Духа Божія, глаголавшаго чрезъ пророковъ; то мѣра священнаго поэтическаго дарованія и вдохновенія псалмопѣвцевъ естественно должна сообразоваться съ мѣрою сообщенія божественныхъ откровеній и степенью возбужденія духа пророческаго. Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать и проводить полную параллель между развитіемъ откровенія и въ частности пророчества и развитіемъ псалмопѣнія; тѣмъ не менѣе не можемъ отрицать близкаго отношенія ихъ между собою. Псалмопѣніе въ большинствѣ случаевъ служило отголоскомъ великихъ откровеній Божіихъ человѣчеству въ природѣ и исторіи, въ законѣ и вѣщаніяхъ пророковъ; въ нихъ весьма часто, какъ въ своемъ источникѣ, оно почерпало свой священный поэтическій восторгъ и изъ нихъ заимствовало матерію для своего содержанія [1]).

---

[1]) Нѣкоторую аналогію въ этомъ отношеніи представляетъ намъ даже исторія происхожденія и развитія поэзіи у народовъ языческихъ. Древнѣйшими поэтическими произведеніями у многихъ изъ нихъ являются изреченія оракуловъ или мнимыя богооткровенія. Въ Греціи сохранилось древнее сказаніе, будто первая жрица Аполлонова пѣла гекзаметрами; или, по другому сказанію, древнѣйшій оракулъ Аполлона Оленъ-гипербореецъ первый началъ пѣть древніе эпическіе стихи. Гекзаметръ и послѣ того до позднѣйшаго времени оставался тѣмъ родомъ стиховъ, на которомъ обыкновенно давалъ свои предсказанія Дельфійскій оракулъ. Вообще, изъ свидѣтельствъ греческихъ и латинскихъ классиковъ видно, что древніе язычники вдохновеніе своихъ пѣвцовъ и оракуловъ производили отъ боговъ и богинь, къ которымъ въ началѣ пѣсней ихъ и дѣлается обращеніе, какъ напр. въ Гомеровыхъ Иліадѣ и Одиссеѣ. См. также Herod. II, 83; IV, 79. Ovid. Metam. VI. 157 и дал. Cic. divin. 1, 40 и проч. Богатый подборъ свидѣтельствъ по этому предмету см. у Knobel'я въ его: «Prophetismus der Hebräer» 1 Th. S. 100 (Bresl. 1837 г.).

Съ другой стороны псалмопѣніе, представляя собою наилучшую форму для предсказаній и рѣчей пророковъ, нерѣдко само возвышалось до степени пророческаго созерцанія. Во всякомъ случаѣ развитіе пророчества и псалмопѣнія происходило въ однихъ предѣлахъ времени, и часто оба дара сходились въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, которые въ равной степени являлись и пророками и псалмопѣвцами; по крайней мѣрѣ у пророковъ нерѣдко встрѣчаются вдохновенныя пѣсни (какъ напр. Исаіи 12. Авв. 3. Іон. 2 и проч.), а въ псалмахъ находятся ясныя пророчества. Въ этомъ смыслѣ и Свящ. Писаніе нѣкоторыхъ псалмопѣвцевъ называетъ пророческимъ именемъ «*прозорливцевъ*»—חוֹזֶה (какъ Асафа 1 Пар. 25,5. 2 Пар. 29,30 и Идиѳума 2 Пар. 35,15. ср. 1 Пар. 29,29. 2 Ц. 29, 11. Иса. 30,10 и проч.), равно какъ и самое псалмопѣніе соединяетъ съ пророчествомъ въ одномъ общемъ понятіи—נָבָא (1 Пар. 25, 1—3 ср. προφητεύειν Лук. 1, 67), какъ выраженіе одного и того же сверхъестественнаго дара вдохновеннаго провѣщанія.

Какъ первое начало откровенной религіи и Церкви Божіей было въ раю, то тамъ же надобно искать начала и священнаго псалмопѣнія. Первымъ опытомъ его, безъ сомнѣнія, было первое выраженіе религіознаго сознанія, чувства хвалы и благодарности новосозданнаго человѣка своему Творцу и Господу, когда Онъ благоволилъ открыть Себя ему и вступить съ нимъ въ блаженный завѣтъ Свой. Всякое затѣмъ новое откровеніе свойствъ и совершенствъ Божественныхъ, каждое новое познаніе красотъ и совершенствъ въ прекрасной новосозданной природѣ, возвѣщавшихъ славу Творца, должны были служить для человѣка обильнымъ источникомъ молитвъ или духовныхъ пѣсней. Грѣхопаденіе и слѣдовавшее за нимъ наказаніе Божіе, вмѣстѣ съ первообѣтованіемъ о сѣмени жены, естественно должны были вызвать въ душѣ первыхъ людей глубокія чувства раскаянія и радостной надежды будущаго избавленія, и эти чувства, безъ сомнѣнія, имѣли соотвѣтственное себѣ выраженіе въ словахъ молитвъ и пѣсней. Каковы были эти первые опыты священной поэзіи первыхъ людей, конечно, мы не знаемъ; но довольно замѣтные слѣды поэтической формы рѣчи въ радостномъ восклицаніи Адама при видѣ новосозданной жены (Быт. 2, 23—24), и даже въ аллегорическихъ именахъ жены и дѣтей первыхъ людей (3,20. 4, 1—2 и 25), даютъ намъ основаніе предполагать возможность выраженія ихъ въ поэтической формѣ, близкой къ той, какая впослѣдствіи усвоена

была въ священной поэзіи или псалмопѣніи Евреевъ [1]). Вѣроятно въ подобныхъ же молитвахъ или начальныхъ опытахъ духовныхъ пѣсней состояло и то призываніе имени Господа Бога, какое, по сказанію Бытописателя, вскорѣ началось въ благочестивомъ племени Сиѳа (Быт. 4,26). Изобрѣтеніе музыки въ потомствѣ Каина, именно въ домѣ Ламеха, и торжественная пѣснь этого послѣдняго, представляющая первый и единственный письменный памятникъ довольно развитой уже мірской поэзіи людей этого времени (Быт. 4, 23—24), даютъ намъ основаніе заключать, что первобытная священная поэзія, у всѣхъ народовъ обыкновенно предшествующая поэзіи мірской, къ концу перваго міра достигла уже довольно значительной степени развитія. Доказательствомъ этого можетъ служить пророчество Ноя о судьбѣ потомства сыновей его (Быт. 9, 25—27), въ которомъ мы находимъ достаточно выработанную поэтическую форму рѣчи. составляющую собственную принадлежность священной поэзіи [2]). Со времени призванія родоначальника избраннаго племени—Авраама и при слѣдующихъ за нимъ патріархахъ Исаакѣ и Іаковѣ, частыя явленія и откровенія Божіи, возбуждая чувство вѣры и благочестія этихъ святыхъ мужей, служили для нихъ источникомъ призываній имени Господа (Быт. 12, 7—8 ср. 13, 4 и 18. 21, 33. 26, 25. и проч.), т. е. молитвъ, хваленій и благодареній Господу, которые

---

[1]) Въ словахъ Адама при видѣ новосозданной жены замѣтны уже слѣды параллелизма членовъ, составляющаго особенность еврейской поэзіи; ср. по евр. тексту выраженія ст. 23: «вотъ это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей» съ Пс. 38, 4 и ст. 24: «оставитъ человѣкъ отца своего» и проч., съ Пс. 27, 10. Въ выраженіи לְזֹאת יִקָּרֵא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ לֻקְחָה־זֹּאת, и въ цитованныхъ аллегорическихъ именахъ употреблена также свойственная поэтическому языку почти непереводимая игра словъ (*паронομазія*), ср. по евр. Быт. 49, 8. 16, 19. Пс. 102, 27 и проч.

2) Кромѣ указанныхъ выше поэтическихъ особенностей рѣчи,—параллелизма и игры словъ,—мы встрѣчаемъ здѣсь еще новую, состоящую въ повтореніи однихъ и тѣхъ же словъ въ заключеніи ст. 26 и 27: «Ханаанъ же будетъ рабомъ ему.» Подобнаго рода фигура (*припѣвъ*, Refrain) встрѣчается впослѣдствіи во многихъ псалмахъ, особенно предназначенныхъ для антифоннаго пѣнія, напр. Пс. 41, 6. 12 и 42, 5. Пс. 106, ст. 6 и 8, 13 и 15, 19 и 21, 28 и 31, также Пс. 135 и проч.

впослѣдствіи дали свое имя различнымъ псалмамъ [1]) и, безъ сомнѣнія, имѣли съ ними нѣкоторое сходство по своему содержанію и священно-поэтическому характеру. Это показываютъ уже тѣ немногіе, сохраненные Бытописателемъ, краткіе, но сильные и вдохновенные отрывки молитвенныхъ призываній имени Господа и изреченій патріарховъ, а также нѣкоторыхъ домочадцевъ ихъ, при различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, особенно по случаю явленій и откровеній Божіихъ. Таково изреченіе Іакова послѣ видѣнія имъ лѣствицы (Быт. 28, 16—17) и его молитва предъ свиданіемъ съ Исавомъ (32, 9—12); таковы слова Агари послѣ явленія ей Господа въ пустынѣ (16, 13) и молитва раба Авраамова, когда Господь благоволилъ указать ему невѣсту для Исаака въ домѣ брата господина его (24, 27). Даже внѣ избраннаго племени, среди міра языческаго, въ эти времена раздавались не однѣ только пѣсни мірскаго, чувственнаго характера, существованіе которыхъ подтверждается прямымъ свидѣтельствомъ Писанія (Быт. 31, 27), но изъ устъ остававшихся тамъ еще чтителей Бога Вышняго и хранителей первоначальныхъ преданій о Немъ слышатся также звуки и духовной, озаренной благодатію поэзіи, примѣръ которой Бытописатель представляетъ намъ въ благословеніи Мелхиседека Аврааму по возвращеніи его съ побѣды надъ царями, захватившими въ плѣнъ Лота (Быт. 14, 19—20), и въ словахъ родственниковъ Ревекки, которыми они напутствовали ее при отправленіи изъ дома родительскаго для вступленія въ супружество въ Исаакомъ (24, 60). Всѣ эти примѣры, и особенно вы-

---

[1]) Всѣ эти виды молитвенныхъ призываній, давшіе впослѣдствіи имя различнымъ псалмамъ (תְּפִלָּה Пс. 17. 86, 1. 90, 1. 102, 1. 72, 20 и проч. תְּהִלָּה Пс. 147, 1. 145, תּוֹדָה Пс. 100, 1 ср. Неем. 12, 27), заключаются въ понятіи קְרָא בְּשֵׁם — «призывать имя Господа», какъ видно изъ употребленія его въ Свящ. Писаніи, то въ смыслѣ просительной молитвы (какъ напр. 3 Цар. 18, 24 и 36; 4 Цар. 5, 11. Исаіи 64, 6), то въ значеніи хвалы и благодаренія (какъ напр. 1 Пар. 16, 8. Пс. 105, евр. 1. Ис. 12, 4. ср. Втор. 32, 3). Въ послѣднемъ случаѣ уже въ кн. Бытія оно замѣняется иногда синонимическимъ בָּרַךְ благословлять (Быт. 24, 48), откуда названіе בְּרָכָה для славословій, которыми, особенно во время втораго храма, заканчивалась значительная часть священныхъ литургическихъ пѣснопѣній. См. Пс. 41, 14. 71, 18—19. 88, 53. 106, 48. 150.

сокая вдохновенная поэзія пророческихъ благословеній патріарховъ Исаака (Быт. 27, 27—29 и 39—40) и Іакова (48, 15. 16. 20. гл. 49, 2—27) сынамъ своимъ не оставляютъ сомнѣнія въ возможности существованія священныхъ пѣсней въ періодъ патріархальный. Можно сказать даже, что въ книгѣ Іова мы имѣемъ самые образцы священныхъ пѣсней этого періода. Таковы приводимые въ рѣчахъ Іова и друзей его три отрывка древнихъ пѣсней, по содержанію и языку своему справедливо заслуживающіе имя псалмовъ, такъ какъ въ двухъ изъ нихъ (гл. 8, 11—19; гл. 15, 20—35) воспѣвается непрочность счастія нечестивыхъ, а въ третьемъ (гл. 12, 13 — 24)—свободно дѣйствующія въ мірѣ всемогущество и премудрость Божія, точно также какъ эти предметы изображаются во многихъ псалмахъ, и притомъ въ очень сходныхъ образахъ и выраженіяхъ [1]). Эти отрывки пѣсней, по замѣчаніямъ самой книги Іова, излились изъ сердца древнихъ мудрецовъ, отличавшихся особеннымъ долголѣтіемъ (Іов. гл. 8, 8—10. 12, 12), коимъ однимъ дана была земля и среди коихъ не проходилъ еще чужестранецъ (15, 19):—черты, свойственныя временамъ патріархальнымъ,—а если справедливо предположеніе о происхожденіи книги Іова около времени Моисея, то не подлежитъ сомнѣнію, что указанные отрывки представляютъ собою остатки священныхъ пѣсней или псалмовъ патріархальнаго періода [2]).

Слѣдовавшее за смертію патріарховъ время пребыванія избраннаго племени въ Египтѣ было для него временемъ тяжкаго рабства со всѣми его бѣдствіями и даже съ опасностію заразы отъ идолопоклонства и нравственной порчи своихъ поработителей, тогда какъ откровенія Божественныя, такъ частыя въ періодъ патріарховъ, надолго прекратились и Богъ какъ-бы забылъ данныя имъ Свои обѣ-

---

[1]) Ср. съ Іов. 8, 11—19 и 15, 20—35 мысли и выраженія псалмовъ 1, 6. 7, 13—17. 36, 2. 28. 35. 36 и 38. 49, 22. 72, 4—9 и 18—20 и проч.; съ Іов. 12, 13—24. ср. Пс. 32, 10—16 и 17. 75, 6—13. 103, 24. 29. 30. 32. 106. 25—41 и проч.

[2]) Патріархальное происхожденіе этихъ пѣсней признаютъ даже нѣкоторые изъ тѣхъ ученыхъ, которые вообще написаніе книги Іова относятъ къ позднѣйшему времени. См. напр. Otto v. Gerlach замѣч. на Іова 8, 10. Ср. его же Einleit. in die poet. Bücher des A. T. S. LXXXII ff. въ изд. его изъясн. Св. П. В. Зав. 1853. Berlin.

тованія (Исх. 2, 24). Правда, въ этой школѣ испытаній Евреи не потеряли вѣры въ истиннаго Бога и Его обѣтованія, но это была уже далеко не та твердая вѣра, какою одушевлялись Авраамъ и патріархи. Когда Богъ посылаетъ Моисея для ихъ освобожденія отъ рабства, они признаютъ его божественное посланничество и ожидаютъ избавленія, но при видѣ новыхъ гоненій и озлобленій падаютъ духомъ, теряютъ надежду на освобожденіе (Исх. 6, 9), не довѣряютъ обѣщанію Божественнаго посланника и вмѣстѣ съ тѣмъ могуществу Бога, именемъ и силою котораго онъ дѣйствуетъ. Такое состояніе Евреевъ не могло благопріятствовать развитію среди нихъ священной поэзіи, хотя, конечно, и въ это время она не прекращалась совершенно и, быть можетъ, на ея вдохновенномъ языкѣ раздавались тѣ вопли и стенанія, которыми Евреи взывали къ Богу о помощи (Исх. 2, 24. 3, 7 и 9). Во всякомъ случаѣ извѣстно, что у Египтянъ поэзія и музыка имѣли преимущественно религіозное значеніе [1]), а Евреи заимствовали отъ нихъ музыкальные инструменты и отчасти усвоили употребленіе пѣсней при религіозныхъ празднествахъ (Исх. 32, 18). Но со времени освобожденія Евреевъ изъ Египта наступаетъ для нихъ новая эпоха самостоятельнаго существованія, подъ непосредственнымъ правленіемъ Божественнымъ. При горѣ Синаѣ Богъ торжественно объявляетъ сонмъ сыновъ израилевыхъ Своимъ народомъ и священнымъ царствомъ, а Себя Царемъ его и дарованіемъ закона возводитъ его въ благоустроенное состояніе въ отношеніи жизни нравственной, церковной и гражданской. Вмѣстѣ съ этимъ началомъ новой жизни Израиля и для священной лирики долженъ былъ наступить новый періодъ развитія, который можно назвать періодомъ происхожденія собственно еврейской священной лирики, изъ которой возникла потомъ и Книга Псалмовъ. Величественное событіе освобожденія отъ рабства египетскаго, съ сопровождавшими его чудесными обстоятельствами, воскресило упавшій духъ Евреевъ, оживило въ нихъ вѣру и упованіе на Бога, пробудило и обновило всѣ подавленныя рабствомъ благородныя силы, а съ тѣмъ вмѣстѣ ожила сила и священнаго поэтическаго творчества. На берегу Чермнаго моря, чудеснымъ переходомъ чрезъ которое за-

---

[1]) Такъ, Hengstenberg въ исторіи псалмопѣнія, ссылаясь на свидѣтельства Rosellini monumenta II, 3, стр. 78 и Wilkinson manners and customs 2, стр. 316. Тоже и Павскій Обозр. Кн. Псал. стр. 19.

вершился великій фактъ освобожденія Евреевъ изъ Египта и рожденія ихъ въ самостоятельный народъ, Моисей и сыны израилевы воспѣли восторженную пѣснь хвалы и благодарности Богу—Спасителю Своему (Исх. 15, 1—18). Священный восторгъ поющихъ мужей обнимаетъ и женъ израилевыхъ: руководимыя пророчицей Маріамной сестрой Моисея, онѣ образуютъ собою не менѣе вдохновенный хоръ и, ударяя въ тимпаны съ ликованіемъ, вслѣдъ за мужами радостно вторятъ словамъ священнаго гимна (ст. 20 и 21). Такое религіозно—поэтическое возбужденіе еврейскаго народа не было скоропреходящимъ порывомъ минуты, но, какъ плодъ религіознаго и политическаго возрожденія, продолжалось и послѣ сего событія,—во время странствованія по пустынѣ и занятія имъ земли обѣтованной. Чудная судьба Израиля въ настоящемъ и великій его жребій въ будущемъ являются предметомъ вдохновенной пророчественной пѣсни даже въ устахъ иноплеменнаго прорицателя Валаама, призваннаго враждебными Израилю народами изъ языческой страны, чтобы проклясть его (Числъ 23, 7—10. 18—24, гл. 24, 3—9, 15—24). Тѣмъ болѣе въ самомъ Израилѣ, при обиліи въ немъ даровъ духовныхъ и благодатнаго озаренія (Числъ 11, 25 — 26), чудныя дѣйствія попеченія Божія не могли не возбуждать пѣвцовъ къ прославленію имени Іеговы и величественныхъ дѣлъ Его. Чувства благоговѣнія, радости и благодарности, наполнявшія сердца народа при новыхъ опытахъ благодѣяній Божіихъ къ нему, естественно должны были изливаться и изливались въ торжественныхъ хвалебныхъ пѣсняхъ. Число такихъ пѣсней уже во времена Моисея было настолько велико, что изъ нихъ составился цѣлый сборникъ пѣсней подъ именемъ «*Книги браней Господнихъ*» (Числъ 21, 14—15. 17—18. 27—30); а при его преемникѣ Іисусѣ Навинѣ и въ слѣдующія за тѣмъ времена мы встрѣчаемъ и другой подобный сборникъ подъ именемъ «*Книги Праведнаго*» [1]) (I. Нав. 10, 13—14. 2 Цар. 1, 18). Судя по сохра-

---

[1]) סֵפֶר הַיָּשָׁר,—книга праведнаго, т. е. книга пѣсней народа израильскаго, который въ Свящ. Писаніи нерѣдко называется יְשֻׁרוּן—праведный народъ (Втор. 32, 15. 33, 5—26. Ис. 44, 2) и יְשָׁרִים—праведные (Числъ 23, 10. Пс. 111, 1 съ евр.); иначе сказать: сборникъ національныхъ пѣсней израильскихъ, подобно какъ Псалтирь по 2 Ц. 23, 2 (по слав. чт.) называется книгою пѣсней израилевыхъ. Такое

нившимся до насъ незначительнымъ отрывкамъ изъ этихъ сборниковъ, можно полагать, что въ нихъ содержались пѣсни въ прославленіе благодѣяній Божіихъ къ еврейскому народу (Числъ 21, 16—18. I. Нав. 10, 13—14) и особенно одержанныхъ имъ, при помощи Божіей, славныхъ побѣдъ надъ врагами (Числ. 21, 15 и 27—30), а также пѣсни въ похвалу нѣкоторыхъ мужей, прославившихъ свое имя какими либо геройскими подвигами (2 Цар. 1, 19—27). Быть можетъ героическо-мірской характеръ этихъ послѣднихъ и былъ причиною того, что оба названные сборника не дошли до насъ, подобно какъ большая часть писаній Соломона мірскаго характера и содержанія; но очень вѣроятно, что они не остались безъ вліянія на происхожденіе нѣкоторыхъ пѣсней Псалтири, для коихъ они могли служить и образцами и источниками [1]). Къ числу пѣсней же торжественнаго хвалебнаго характера можно отнести и пророчественное благословеніе Моисея, которымъ онъ, подобно умирающему патріарху Іакову, предъ своею смертію благословилъ сыновъ израилевыхъ, предвозвѣстивъ каждому колѣну судьбу его и то призваніе и положеніе, какое, по вступленіи въ землю обѣтованную, должно занять оно въ отношеніи къ Богу и окружающимъ народамъ (Втор. 33 гл.).

Съ другой стороны въ жизни Израиля, за описываемое время, какъ и во все продолженіе дальнѣйшей его исторіи, кромѣ счастливыхъ и радостныхъ событій, чудныхъ дѣлъ милости къ нему Іеговы и величественныхъ обѣтованій о будущей судьбѣ его,—словомъ, кромѣ событій, служившихъ предметомъ торжественныхъ, хвалеб-

---

объясненіе дается и въ Талмудѣ. См. также Hebräisches Handwörterbuch v. Fürst Leipz. 1863 подъ словомъ—יָשָׁר.

[1]) Такое мнѣніе высказываетъ и O. v. Gerlach въ замѣчаніи на I. Н. 10, 13. Само собою разумѣется, что по чрезвычайной краткости сохранившихся до насъ отрывковъ изъ этихъ сборниковъ, мы не можемъ въ подтвержденіе такого мнѣнія привести прямыхъ положительныхъ доказательствъ, кромѣ сходства выраженій и образовъ въ цитованныхъ выше отрывкахъ съ немногими выраженіями и образами въ нѣкоторыхъ псалмахъ, преимущественно гдѣ рѣчь идетъ о пораженіи враговъ. Ср. напр. Числъ 21, 14 (וְהַב בְּסוּפָה) съ Пс. 83, 16. (בְּסוּפָתְךָ תְּבַהֲלֵם); Числ. 21, 28—30 съ Пс. 21, 10—13 и 83, 15. Также Пс. 134, 10—11 и 135, 19—20.

ныхъ и благодарственныхъ пѣсней, были также событія и обстоятельства печальныя, каковы многократные случаи непокорности Іеговѣ, нарушенія Его завѣта и слѣдовавшихъ затѣмъ наказаній Божіихъ. Уже при подножіи Синая, гдѣ совершилось вступленіе въ завѣтъ съ Іеговою, едва только умолкли трубные звуки и громы, сопровождавшіе Его явленіе, вѣроломный народъ поклонился золотому тельцу, совершивъ ему языческій праздникъ, и за такое вѣроломство едва не подвергся совершенному истребленію по суду правды Божіей. Въ виду земли Ханаанской, которую Богъ обѣщалъ дать Евреямъ во владѣніе и въ которую Онъ такъ чудесно велъ ихъ изъ Египта, неблагодарный народъ, забывши всѣ благодѣянія, всѣ чудеса могущества и попеченія Божія о немъ, водимый однимъ страхомъ человѣческимъ предъ силою жителей Ханаанскихъ, выказываетъ совершенное невѣріе обѣтованіямъ и открытое сопротивленіе намѣреніямъ Іеговы, чѣмъ навлекаетъ на себя грозное осужденіе Его на сорокалѣтнее странствованіе въ пустыни, въ теченіи котораго долженъ былъ умереть весь непокорный и мятежный родъ еврейскій, начиная съ двадцатилѣтнихъ юношей (Втор. 1, 21—40). Но и послѣ такого осужденія, во время самаго странствованія, Евреи не переставали прогнѣвлять Бога своею неблагодарностію и непослушаніемъ Ему, невѣріемъ и уклоненіемъ въ идолопоклонство и пороки языческіе, каждый разъ вызывая на себя праведный гнѣвъ Божій (Пс. 94, 8—10). Вѣрные рабы Іеговы, священные пѣвцы израилевы, не оставались бѣзмолвными и при этихъ печальныхъ обстоятельствахъ, но пѣсни ихъ принимали тогда характеръ скорбно-молитвенный или обличительный и поучительный. Это были или изліянія чувства скорби о грѣхахъ неблагодарнаго и непослушнаго народа, глубокой печали о постигшихъ его Божіихъ наказаніяхъ и молитвенныхъ воплей о помилованіи, или строгія обличенія грѣшниковъ съ увѣщаніями возвратиться отъ пути погибельнаго на правый путь служенія Іеговѣ. Отъ перваго рода пѣсней этого времени сохранился до насъ 89-й Псаломъ,—«*Молитва Моисея, человѣка Божія*», гдѣ онъ, въ виду исполненія надъ народомъ еврейскимъ грознаго осужденія Божія, когда погибалъ въ пустынѣ мятежный родъ, исшедшій изъ Египта, прославляя вѣчность и величіе Божіе, оплакиваетъ кратковременность и суету жизни человѣческой и молитъ Господа умилосердиться надъ рабами своими и превратить скорбь ихъ въ радость, дабы они опять возвѣщали славу Его. Отъ пѣсней вто-

раго рода мы имѣемъ *обличительную пѣснь Моисея* (Втор. 32, 1—43), гдѣ онъ, призывая небо и землю во свидѣтели, обличаетъ народъ еврейскій въ неблагодарности Богу за его благодѣянія и нарушеніи завѣта Его, и съ одной стороны страхомъ наказаній, съ другой—обѣщаніями милостей Божіихъ увѣщаваетъ его пребывать въ вѣрности своему Господу, исполняя всѣ слова закона Его.

Наконецъ, новое устройство богослуженія въ народѣ еврейскомъ въ описываемый періодъ въ свою очередь также послужило основаніемъ къ происхожденію новыхъ богослужебныхъ пѣсней, частію молитвенно-просительнаго, частію хвалебнаго характера, образцы которыхъ представляютъ намъ сохранившіеся въ книгѣ Числъ-*священническое благословеніе* (гл. 6, 24—26) и *слова Моисея*, произносившіяся имъ *при воздвиженіи и поставленіи ковчега* (гл. 10, 35—36).

Относительное обиліе, разнообразіе и внутреннее поэтическое достоинство вполнѣ или въ отрывкахъ сохранившихся до насъ, или же только упоминаемыхъ въ Свящ. Писаніи произведеній священной поэзіи Моисеева періода, съ присоединеніемъ къ нему бывшаго непосредственнымъ продолженіемъ его времени І. Навина,—свидѣтельствуютъ о значительно высокой степени развитія только что начавшейся съ Моисеемъ собственно еврейской свящ. лирики. Мы встрѣчаемъ уже здѣсь образцы всѣхъ родовъ свящ. пѣсней, какія впослѣдствіи находимъ въ Книгѣ Псалмовъ,—хвалебно-благодарственныхъ, элегически-молитвенныхъ и пророчественно-дидактическихъ. Правда, всѣ эти пѣсни отличаются еще первобытною простотою и безыскусственностію, не имѣютъ еще правильнаго строфическаго раздѣленія и соразмѣрности, но по высотѣ озареннаго благодатію поэтическаго вдохновенія, чистотѣ, живости и силѣ чувствованій, священной важности языка, при своей краткости и сжатости, изобилующаго богатствомъ прекрасныхъ возвышенныхъ образовъ,—представляютъ настолько совершенные образцы свящ. еврейской поэзіи, что совершенство ихъ въ такую раннюю пору исторіи еврейскаго народа рѣшительно изумляетъ собою безпристрастныхъ ученыхъ изслѣдователей и вынуждаетъ къ заключенію, что «исторія Израиля и его литература подчиняются иному закону, отличному отъ закона постепеннаго развитія отъ низшаго къ высшему [1])». Высокая личность Моисея, — освободителя,

[1]) Delitzsch, die Psalmen. S. 6. 1867. Leipzig.

вождя и законодателя еврейскаго народа, великое, безсмертное въ исторіи этого народа значеніе событій его времени, имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на происхожденіе и содержаніе означенныхъ пѣсней, еще болѣе возвышало ихъ цѣну и важность, дѣлая ихъ величественными, классическими образцами или прототипами для всѣхъ временъ развитія священнаго псалмопѣнія [1]). Оттого отголоски пѣсней Моисеева времени раздаются во всей Псалтири до пѣсней самого поздняго происхожденія [2]); а собиратели Псалтири даже прямо внесли молитву Моисея въ число псалмовъ (Пс. 89-й), и такимъ образомъ ясно засвидѣтельствовали, что Моисей положилъ начало священнаго псалмопѣнія Евреевъ и въ частности—происхожденію Книги Псалмовъ, болѣе чѣмъ на пять вѣковъ предупредивъ главнаго виновника ея, «сладкаго пѣвца израилева» (2 Ц. 23, 1).

Слѣдующее за правленіемъ преемника Моисеева I. Навина время Судей, извѣстное въ исторіи Евреевъ крайнимъ упадкомъ религіозно-

---

[1]) Въ частности о важномъ значеніи для послѣдующаго псалмопѣнія торжественной пѣсни Моисея по переходѣ чрезъ Чермное море вотъ что гов. одинъ нѣмецкій ученый — Keil въ своемъ Kommentüber Exod. cap. XV: «Такъ какъ событіе освобожденія Израиля отъ власти его поработителей имѣетъ вѣчное значеніе для народа Божія въ его борьбѣ съ враждебными силами міра, пот. что Господь во всѣ времена низлагалъ враговъ своего царства, подобно тому какъ низложилъ Фараона, погрузивъ его со всѣмъ воинствомъ въ водахъ морскихъ: то и хвалебная пѣснь Моисея при Чермномъ морѣ представляетъ матерію для хвалебныхъ пѣсней народа Божія во всѣхъ великихъ борьбахъ, какія приходилось вести ему съ силами міра въ теченіе историческаго своего развитія. Поэтому-то главные тоны этой пѣсни звучатъ нетолько во всѣхъ хвалебныхъ пѣсняхъ Израиля въ прославленіе величественныхъ дѣлъ всемогущества Іеговы для блага своего народа, но «пѣснь Моисея, раба Божія» будетъ воспѣваться еще и въ день совершенія царства Божія на «стекляномъ морѣ побѣдителями звѣря и образа его». Апок. 14, 2—3.

[2]) Ср. Исх. 15 гл. ст. 2 и 6 съ Пс. 117, 14—16; ст. 3 съ Пс. 23, 8; ст. 4—10 съ Пс. 135, 11—15 и 105, 11; ст. 8 съ Пс. 77, 13 ст. 9 съ Пс. 70, 10 и 11; ст. 11 съ Пс. 76, 14 и 15; 85, 8 и 88, 7. ст. 13 и 17 съ Пс. 77, 54. ст. 16 съ Пс. 32, 8 и 12 ст. 18 съ Пс. 445, 10 и проч. Втор гл. 32 ср. съ Пс. 49. 77. 93. 94 105 и проч. Числъ 6, 24—26 ср. Пс. 4, 7. 42, 3. 66, 2. 120, 7—8. 133, 3 и проч. Числъ 10, 34—35 ср. Псаломъ 67, 2—3 и проч.

нравственнымъ и политическимъ, съ неоднократными и продолжительными угнетеніями и порабощеніями отъ различныхъ Ханаанейскихъ народовъ,—не могло, конечно, благопріятствовать развитію священной поэзіи и непосредственно не представляетъ ничего для собранія псалмовъ. То было время, когда съ утратою субъективныхъ началъ священнаго творчества, изсякъ и внѣшній, общій ему съ пророчествомъ объективный источникъ благодатнаго озаренія свыше и непосредственнаго откровенія Божественнаго, когда, по замѣчанію св. историка, «слово Господне было рѣдко и видѣнія были нечасты» (1 Цар. 3, 1). Впрочемъ однажды и въ эту печальную эпоху изъ устъ *пророчицы Деворы* слышится торжественная *побѣдная пѣснь* (Суд. 5, 2—31), по высотѣ священнаго поэтическаго вдохновенія и величественной красотѣ своей достойная гораздо лучшей поры свящ. псалмопѣній, и въ свою очередь послужившая образцомъ для нѣкоторыхъ пѣсней Псалтири (напр. Пс. 1. 7. 67. 96 и проч). Въ ней уже мы находимъ искуственное строфическое расположеніе и дѣленіе[1]), свидѣтельствующее о ранней обработкѣ формы священныхъ пѣснопѣній Израиля. Другая священная пѣснь раздается уже въ самомъ концѣ судейской эпохи, на границѣ возвѣщаемаго ею лучшаго будущаго;—это благодарственная *молитва Анны*, матери того, кто помазалъ въ цари Псалмопѣвца Израильскаго.

---

[1]) По разнообразію содержанія своего и очевидной законченности тѣхъ или другихъ мыслей, образовъ и картинъ, побѣдная пѣснь Деворы замѣтно дѣлится на три части (2—12, 13—21 и 22—31), изъ коихъ каждая въ свою очередь довольно правильно подраздѣляется на три строфы. Въ 1-й части послѣ краткаго вступленія (ст. 2) слѣдуетъ изображеніе обстоятельствъ, предшествующихъ побѣдѣ, — въ строфахъ 3—5, 6—8 и 9—11; затѣмъ послѣ возбужденія себя и Варака къ прославленію Господа, даровавшаго побѣду—ст. 12, во 2-й части слѣдуетъ изображеніе похода противъ враговъ и самой побѣды: ст. 13—15, 16—18 и 19—21, съ краткимъ заключительнымъ обращеніемъ къ себѣ, подобно какъ въ ст. 12; въ 3-й части—картина бѣгства враговъ, предательскаго пораженія Сисары и обманутыхъ ожиданій его матери, ст. 22—24, 25—27 и 28—30; послѣ того общее заключеніе пѣсни воззваніемъ къ Богу, карателю нечестивыхъ и помощнику любящихъ Его (ст. 31). См. о строф. дѣленіи пѣсни Keil Comment über Richt. und Gerlach in d. O.

Съ Самуиломъ наступаютъ для Израиля предсказанныя въ пророчественной пѣсни его матери лучшія времена. Этотъ великій и вѣрный служитель Іеговы, послѣдній изъ судей и величайшій изъ пророковъ послѣ Моисея, во все время своего управленія Израилемъ сильно боролся противъ идолопоклонства и пороковъ, разрозненности колѣнъ между собою и другихъ общественныхъ золъ. Своими дѣйствіями, поученіями и обличеніями, ежегодными путешествіями по израильской землѣ, наконецъ учрежденіемъ пророческой школы и вообще своимъ могущественнымъ вліяніемъ-ему удалось возбудить религіозный духъ народа, поднять его нравственность и даже умственное состояніе, возстановить и закрѣпить надорванныя въ предшествующее время связи національнаго единства и такимъ образомъ возвратить еврейскому народу утраченную имъ политическую силу и дать ему наиболѣе прочное и обезпеченное положеніе среди постоянно враждебныхъ ему народовъ языческихъ. Такое религіозно-нравственное и вмѣстѣ политическое возрожденіе еврейскаго народа оживило въ немъ едва не угасшую силу священнаго поэтическаго творчества и подготовило *наступившій съ Давидомъ цвѣтущій, золотой вѣкъ свящ. еврейской поэзіи*. Особенную важность въ этой подготовкѣ имѣло Самуилово учрежденіе пророческихъ школъ, гдѣ молодые люди подъ руководствомъ самого великаго учредителя, въ удаленіи отъ мірскихъ заботъ и тревогъ, среди благочестивыхъ упражненій,— изученія Закона Божія, размышленія, общественной молитвы, музыки и пѣнія,—развивали и воспитывали въ себѣ внутреннюю воспріемлемость къ внушеніямъ Духа Божія; и такимъ образомъ подготовляли себя къ принятію пророческаго духовнаго помазанія [1]). При тѣсномъ взаимоотношеніи и связи между пророчествомъ и псалмопѣніемъ, равно какъ при свойственной тогдашнимъ временамъ нераздѣльности поэзіи отъ музыки и пѣнія и сочетаніи этихъ искусствъ большею частію въ однихъ и тѣхъ же лицахъ [2]), очевиднымъ становится высокое значеніе пророческихъ школъ для развитія и

[1]) О пророческихъ школахъ см. Начертаніе Церк.-Библ. Исторіи изд. 2. 1819 стр. 372 — 73; Kirchen Lexikon v. Wetzer und Welte, Bd. VIII. Freiburg 1852. S. 822 ff.; Hengstenberg's Psalmen IV, S. 550 ff.

[2]) Какъ это мы видимъ напр. въ Давидѣ и его [illegible]вцахъ — Асафѣ, Еманѣ, Идиѳумѣ и сынахъ Кореевыхъ.

процвѣтанія священной израильской лирики, тѣмъ болѣе, что не подлежитъ сомнѣнію сильное вліяніе этихъ учрежденій на возвышеніе въ Израилѣ духовной жизни вообще,—религіозной, нравственной и умственной. Одно уже простое вступленіе въ кругъ пророческихъ учениковъ, пророчествовавшихъ съ музыкою и пѣніемъ, производило неотразимое и потрясающее впечатлѣніе на душу человѣка, возвышая его самого до пророческаго вдохновенія (1 Цар. 19, 20—24). И Самуилъ пророкъ, помазавъ Саула въ цари надъ Израилемъ, прежде открытаго, и всенароднаго вступленія его на царство, посылаетъ его на «Холмъ Божій» къ сынамъ пророческимъ, чтобы огнемъ священнаго вдохновенія согрѣть и обновить его холодное сердце для будущаго высокаго служенія (1 Ц. 10, 5. 6. 9—10).

Раннимъ сношеніямъ съ Самуиломъ и основанною имъ пророческою школой, безъ сомнѣнія и Давидъ обязанъ, если не первоначальнымъ возникновеніемъ, то во всякомъ случаѣ развитіемъ и образованіемъ своего поэтическаго дара, какъ и вообще духовной своей жизни, отъ которой нераздѣльно его образованіе. Конечно, Давидъ отъ природы былъ музыкантъ и поэтъ, соединяя при этомъ съ природнымъ своимъ дарованіемъ сердце полное благочестія. Рука его касалась струнъ уже тогда, когда еще слишкомъ слаба была для военныхъ подвиговъ и борьбы, когда онъ еще въ нѣжномъ, почти дѣтскомъ возрастѣ пасъ на Виѳлеемскихъ пажитяхъ стада отца своего, между тѣмъ какъ старшіе братья его находились уже въ войскѣ. «Юнѣйшій въ домѣ отца моего, говоритъ отъ лица Давида неизвѣстный писатель псалма, помѣщеннаго въ греческой и нашей славянской Псалтири послѣ 150 псалмовъ, я пасъ овецъ отца моего. Руки мои сдѣлали органъ, персты мои настраивали Псалтирь» (ст. 1—2),—и очень вѣроятно, что тогда уже въ мирной тишинѣ дружественной природы онъ игралъ и пѣлъ не однѣ только чужія пѣсни, но слагалъ и свои собственныя. Во всякомъ случаѣ большая часть прекрасныхъ, заимствованныхъ изъ природы чувственныхъ образовъ, которые въ такомъ изобиліи встрѣчаются почти въ каждомъ изъ его псалмовъ, обязаны своимъ происхожденіемъ уже этому раннему впечатлительному періоду пастушеской жизни пѣвца на долинахъ и горахъ Виѳлеема. Съ помазаніемъ въ цари надъ Израилемъ совершилось и высшее посвященіе его въ псалмопѣвца Израилева. Духъ Божій, почившій съ сего времени на помазанникѣ, оживляетъ, возвышаетъ и освящаетъ богатыя его природныя дарова-

нія [1]), которыя теперь, подъ благотворнымъ вліяніемъ помазавшаго его Первосвященника-Пророка и въ общеніи съ сынами пророческими, а также, вѣроятно, и священниками, получаютъ возможность развиться полнѣйшимъ и всестороннимъ образомъ. Въ благочестивомъ семействѣ отца своего еще съ дѣтства, конечно, наставленный въ истинахъ вѣры и благочестія, Давидъ, безъ сомнѣнія, лишь въ этомъ, начавшемся со времени помазанія своего сообществѣ пророковъ и священниковъ уразумѣлъ всю ширину, глубину и высоту Закона Божія, здѣсь научился совершеннѣйшимъ образомъ познавать Бога-Творца и Промыслителя и безконечныя совершенства Его въ прекрасной величественной природѣ и судьбахъ жизни человѣческой,— что̀ такъ прекрасно онъ воспѣлъ потомъ во многихъ своихъ пѣсняхъ. Мы не имѣемъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ о сношеніяхъ Давида съ Самуиломъ, равно какъ и съ пророческою его школою и священниками, въ періодъ времени отъ помазанія его до начала гоненій его отъ Саула. Но намъ извѣстно, что при первыхъ покушеніяхъ Саула на жизнь его, онъ укрывается въ обществѣ сыновъ пророческихъ въ Наваѳѣ. въ Рамѣ, и открываетъ Самуилу о замыслахъ противъ него Саула (1 Цар. 19, 18); въ другой разъ онъ находитъ себѣ довѣріе и покровительство у священника Ахимелеха въ Номвѣ (1 Ц. 21, 1—9. 22, 14—15), и подъ его защиту убѣгаетъ сынъ этого священника, по умерщвленіи отца его Сауломъ (1 Цар. 22, 20—23). Всѣ эти обстоятельства предполагаютъ уже предварительное существованіе близкой связи и дружественныхъ отношеній между Давидомъ и пророкомъ Самуиломъ, равно какъ и его пророческою школою и священниками,—что въ свою очередь подтверждаетъ достовѣрность важнаго и благотворнаго вліянія таковыхъ отношеній и связи на развитіе молодаго помазанника въ будущаго сладкаго пѣвца Израилева, имѣвшаго слово Іеговы на языкѣ своемъ (2 Цар. 23, 1—2).

Нѣкоторые ученые съ увѣренностію утверждаютъ, что первые псалмы Давида написаны имъ лишь во время гоненій его отъ Саула [2]), и пѣсней изъ періода пастушеской жизни такъ же мало въ

---

[1]) Такъ именно впослѣдствіи самъ Давидъ изображаетъ дѣйствія Духа Божія въ сердцѣ своемъ. См. Пс. 50, 8, 12. 17.

[2]) Hengstenberg въ Comment. zu den Psalm. IV. 2 Abh. 2. 0. v. Gerlach, H. Schrift III, Einl. in die poet Bücb. A. T. X—XI. При-

Псалтири, какъ въ Новозавѣтномъ канонѣ-писаній апостольскихъ изъ времени до Пятидесятницы, или въ Евангеліяхъ — дѣлъ и рѣчей Господа до крещенія Его на Іорданѣ [1]). Мы тоже того мнѣнія, что въ Псалтири нѣтъ псалмовъ Давида прежде его помазанія, и что лишь съ того времени, какъ вмѣстѣ съ помазаніемъ въ царя израильскаго почилъ на немъ Духъ Божій, воспѣты были имъ псалмы, образовавшіе одну изъ составныхъ частей священнаго канона; но нѣтъ основаній отвергать происхожденіе нѣкоторыхъ изъ его псалмовъ и ранѣе гоненій его отъ Саула, въ тотъ не совсѣмъ короткій промежутокъ времени [2]), какой, судя по историческимъ сказаніямъ, должно предположить между началомъ гоненій и временемъ помазанія. Давидъ и послѣ своего помазанія не тотчасъ оставляетъ домъ отца своего и отзывается отъ стадъ его къ царскому двору, чтобы своей игрой на арфѣ разгонять унынie и успокоивать возмущенный духъ отверженнаго Богомъ Саула (1 Цар. 16, 13—19). Призванный ко двору царя, онъ нѣсколько времени служилъ при немъ, успѣлъ снискать его благоволеніе и сдѣлался его оруженосцемъ (ст. 21—22). Затѣмъ мы снова видимъ его въ домѣ отца его, при прежнихъ пастушескихъ занятіяхъ (1 Цар. 17, и

этомъ нѣмецкіе богословы слишкомъ односторонне держались вошедшаго въ пословицу древняго изреченія: «wo kämen Dawids Psalmen her, wenn er nicht auch versuchet wär».

[1]) Delitzsch, Comm. über den Psalter 7, 99, 763. — Тоже мнѣніе высказывали нѣкоторые и во времена бл. Ѳеодорита. См. его изъясн. Пс. 26 въ изд. Тв. Св. Оо. въ русск. пер. Т. XXVII, стр. 143.

[2]) Объ относительно-значительной продолжительности этого промежутка времени можно лишь приблизительно заключать изъ перечисленныхъ далѣе совершившихся въ теченіе его событій; но какова именно продолжительность его съ точностію опредѣлить нельзя, тѣмъ болѣе что хронологи разногласятъ и въ опредѣленіи времени Саулова царствованія, назначая для него одни 40 л. (Флав., Ю. Афр., Іер., Авг. и друг.; у насъ: Спасскій,—изслѣд. библ. хронол.; Богословскій въ хронологіи при Св. Ист. В. З. говоритъ вообще: «Самуилъ и Саулъ преемственно управляютъ 40 лѣтъ», но не опредѣляетъ въ частности время правленія каждаго изъ нихъ); другіе 25 л. (Сегаль-Ист. Евр. нар. 1870 г. Варш. стр. 86), иные 20 л. (Пезронъ L'Aptiquite de temps); еще другіе—8 л. (Смарагдовъ—Пособ. къ чт. Сл. Бож.); нѣкоторые 12½ л. (Прозоровскій—Странникъ 1862. Янв.).

28), и вѣроятно, довольно прошло времени до новой встрѣчи его съ царемъ, такъ какъ царь почти уже забылъ бывшаго своего музыканта и оруженосца и послѣ пораженія имъ Филистимлянина спрашиваетъ его: «чей ты сынъ юноша?» (1 Цар. 17, 58 также 55—56). Равнымъ образомъ и послѣ славнаго единоборства съ Голіаѳомъ до начала открытыхъ преслѣдованій отъ Саула не мало прошло времени, въ которое Давидъ успѣлъ пріобрѣсть извѣстность предъ народомъ въ качествѣ благоразумнаго и храбраго военачальника (1 Цар. 18. 5. 13—16); совершилъ нѣсколько отважныхъ военныхъ подвиговъ по порученію царя (ст. 5. 25 — 27), и за свою отважность получилъ въ супружество дочь его Мелхолу (ст. 26 — 27). И только послѣ этого супружества, когда любовь Мелхолы къ своему храброму супругу, расположенность народа и особенно слава новыхъ подвиговъ его въ возобновившейся войнѣ съ исконными врагами-Филистимлянами еще болѣе раздражили зависть и подозрительность въ омраченной душѣ Саула, онъ открыто становится врагомъ Давида и преслѣдуетъ его до своей смерти (1 Ц. 18, 25—30. 19, 1. 8 и проч.). Странно было бы представить, что весь промежутокъ времени до начала этихъ печальныхъ обстоятельствъ, въ который чрезъ цѣлый рядъ знаменательныхъ событій совершается постепенное возвышеніе Давида изъ низкой пастушеской доли до высокаго званія приближеннаго къ царю, военачальника Израильтянъ и зятя царскаго, прошелъ безслѣдно для Псалтири, что благочестивый и вдохновенный молодой пѣвецъ, при столькихъ побужденіяхъ прославлять Бога, во весь этотъ періодъ ни разу не воспѣлъ хвалу Ему за чудный промыслъ Его въ своей жизни, пока наконецъ скорби и страданія не разрѣшили языкъ его. Исторія свидѣтельствуетъ, что Духъ Божій почилъ на Давидѣ со дня его помазанія (1 Ц. 16, 13), а этого уже было вполнѣ достаточно, чтобы отъ природы пѣвецъ и музыкантъ, прославившійся вскорѣ своимъ искусствомъ даже при дворѣ царя, тогда же могъ сдѣлаться и псалмопѣвцемъ. Уже вскорѣ послѣ помазанія игра его производитъ благодѣтельное дѣйствіе на отверженнаго Саула, прогоняя мрачное вліяніе на него злаго духа, чего нельзя объяснить однимъ простымъ успокоивающимъ свойствомъ музыки, не приписывая музыкѣ Давида особеннаго вѣянія въ ней Духа Божія [1]); а если это справед-

[1]) См. бл. Ѳеодор. въ толков. на 1 Ц. вопросъ 39. Григорія Нисскаго о надписаніи псалмовъ кн. 2 гл. 16.

ливо, то, конечно, подобное же благодатное вѣяніе слѣдуетъ допустить и въ тогдашнихъ пѣсняхъ его, которыя, безъ сомнѣнія, соединялись съ его музыкою [1]). Равнымъ образомъ, если уже съ дѣтства онъ отличался благочестіемъ, которое привлекло къ нему Божіе благоволеніе, и въ юношескомъ возрастѣ его слова предъ единоборствомъ съ Голіаѳомъ дышатъ такою силою вѣры и упованія на Бога, какая впослѣдствіи открывается въ его пѣсняхъ зрѣлаго возраста (напр. Пс. 17, 29. 31 и проч.); то нѣтъ причины сомнѣваться и въ его внутренней, субъективной способности и готовности въ то время къ псалмопѣнію. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній происхожденіе первыхъ псалмовъ Давида относить лишь ко времени его гоненій, а скорѣе должно приписать ихъ слѣдующему за его помазаніемъ времени пребыванія его у стадъ отца или при дворѣ Саула [2]); и если нельзя несомнѣнно доказать существованіе такихъ псалмовъ въ Псалтири, то естественнѣе предположить утрату ихъ, чѣмъ отрицать самую возможность ихъ происхожденія. Но съ другой стороны надобно сознаться, что такъ же невозможно съ несомнѣнностію и отвергнуть существованіе въ Псалтири псалмовъ Давида изъ названнаго нами времени; покрайней мѣрѣ нельзя этого доказать относительно двухъ Давидовыхъ псалмовъ 8-го и 143-го. Содержаніе псалма 8-го, въ которомъ псалмопѣвецъ высказываетъ благоговѣйное изумленіе предъ величіемъ Творца и крайнимъ снисхожденіемъ и благоволеніемъ Его къ ничтожному падшему человѣку, коего Онъ поставляетъ господиномъ надъ дѣлами рукъ Своихъ, — всего болѣе идетъ ко времени пребыванія Давида у стадъ отца, вскорѣ послѣ помазанія, которымъ онъ,

---

[1]) Что музыка Давида соединялась съ пѣснями, за это ручается характеръ древней музыки, нераздѣльной съ пѣніемъ, и согласное свидѣтельство о томъ всѣхъ вообще толкователей и историковъ. Св. Григорій Нисскій именно «божественнымъ словамъ сладкопѣнія» приписываетъ то чудесное успокоительное дѣйствіе, какое музыка Давидова оказывала на Саула. См. о надпис. Псалм. кн. 1 гл. 3.

[2]) Мнѣніе это подробно и, по отзыву E. G. Bengel'я, cum magna veri specie раскрыто въ сочиненіи Nachtigal'я: Psalmengesungen vor Davids Thronbesteigung. 1797. Тоже высказываютъ: Cramer въ Einleitung in die Psalmen c. XVII. Tholuck въ своемъ Comm. in die Psalmen. Einl. u. Ps. VIII. Krummacher—Dawid d. König von Israel. 1867 г. Berlin, стр. 14—15 и др.

по Божію благоволенію, изъ низкой доли пастуха призывается къ высокому званію царя надъ Израилемъ. Самый образъ дарованнаго Богомъ господства человѣку, заимствованный изъ области пастушеской жизни, говоритъ уже въ пользу этого предположенія. А о псалмѣ 143-мъ въ греческомъ надписаніи его сохранилось до насъ, вѣроятно отъ LXX-ти, древнее преданіе, подтверждаемое халдейскимъ парафрастомъ и талмудистами [1]), которое относитъ написаніе псалма ко времени послѣ единоборства Давида съ Голіаѳомъ, и судя по содержанію, какъ это мы увидимъ далѣе, очень вѣроятно, что онъ есть благодарственная пѣснь Богу за дарованіе побѣды надъ грознымъ исполиномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ молитва о пораженіи всѣхъ враговъ еврейскаго народа и благоденствіи его.

Очень можетъ быть также, что, кромѣ двухъ названныхъ псалмовъ, есть въ Псалтири и еще нѣкоторыя хвалебно-благодарственныя пѣсни, относящіяся по своему происхожденію къ одному съ ними періоду, хотя, по общности ихъ содержанія и недостатку индивидуальныхъ особенностей времени, а еще болѣе по недостатку внѣшнихъ свидѣтельствъ о ихъ происхожденіи, нѣтъ возможности доказать это съ достаточною вѣроятностію. Во всякомъ случаѣ число пѣсней этого періода не могло быть значительно: не должно забывать, что здѣсь только начало исторіи священнаго псалмопѣвца и слѣдовательно время происхожденія лишь первыхъ опытовъ его псалмопѣнія; полное же развитіе его священно-поэтическаго дара безспорно принадлежитъ послѣдующему затѣмъ времени его гоненій отъ Саула.

Гоненіе и страданіе есть великая школа образованія, въ которой развиваются и крѣпнутъ духовныя силы и отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ, если только нравственныя силы людей, подвергаемыхъ испытанію, не слишкомъ разслаблены чувственностію и еще способны крѣпнуть и возвышаться. При такихъ условіяхъ въ школѣ скорбей и страданій, по свидѣтельству Апостола, на-

---

[1]) Въ греческомъ переводѣ, хотя не во всѣхъ его кодексахъ, находится надписаніе: πρὸς τὸν Γολιάθ, которое принято въ переводы латинскій и нашъ славянскій. Въ Таргумѣ хотя такого надписанія и не имѣется, но за то выраженіе стиха 10: «избавляющему Давида, раба Своего, отъ лютаго меча», — מִחֶרֶב רָעָה, — толкуется о мечѣ Голіаѳа (מִחַרְבָּא בִישָׁא דְגָלְיָת). Тоже и въ Мидрашѣ.

учаются терпѣнію, духовной опытности, упованію (Рим. 5, 3—4), словомъ, возрастаютъ и укрѣпляются въ вѣрѣ и добродѣтели. Посему горькими опытами различныхъ скорбныхъ посѣщеній воспитывалъ Господь народъ Свой къ предназначенной ему цѣли; путемъ страданій и скорбей возводилъ избранныхъ Своихъ къ предъуказанному имъ назначенію; тѣмъ же тернистымъ путемъ испытаній восходитъ на высоту своего призванія и св. Псалмопѣвецъ. Безвѣстный юноша-пастырь, благодаря искусству своему играть на арфѣ, призванный отъ стадъ отца своего ко двору Саула, сдѣлавшись побѣдителемъ Голіаѳа и удостоенный отъ народа торжественной встрѣчи, возбуждаетъ къ себѣ зависть царя (1 Ц. 18, 8—12), которая со дня на день быстро возрастаетъ по мѣрѣ возвышенія и новыхъ подвиговъ Давида въ званіи военачальника, и скоро переходитъ въ жестокую непримиримую ненависть и вражду противъ него (ст. 29). Расположенность народа къ молодому даровитому побѣдителю и полководцу (1 Ц. 18, 5—9. 16, 28), дружба сына царскаго, ходатайствующаго предъ отцомъ за своего невиннаго друга (гл. 18, 1—4. 20, 30—33), любовь царской дочери, сдѣлавшая его зятемъ царя (гл. 18, 20—21. 28. 19, 17), во всемъ особенное благоволеніе Божіе къ нему, не укрывшееся отъ Саула (гл. 18, 12, 28),—нетолько не укрощаютъ, но еще больше разжигаютъ въ душѣ его злобу противъ Давида, и тѣмъ быстрѣе подготовляютъ открытое его преслѣдованіе (19, 1. 11 и д.). Напрасно Давидъ думаетъ найти безопасное себѣ убѣжище у Самуила и преданныхъ ему людей, среди своего народа, еще такъ недавно къ нему расположеннаго: при множествѣ разсѣянныхъ по городамъ сыщиковъ Саула (1 Ц. 19, 1. 11. 19. гл. 22, 7—9. Пс. 58, 1. 7) трудно скрывать отъ него свое мѣстопребываніе, а жестокое мщеніе всякому, кто бы осмѣлился давать убѣжище или содѣйствовать гонимому (1 Ц. 22, 11—19), дѣлаетъ его пребываніе среди населенія родной земли своей рѣшительно невозможнымъ. Даже жители пустыни Зифъ считаютъ за лучшее выдать его Саулу (23, 19 и д. 26, 1 и д.) и граждане Кеиля, только что избавленные имъ отъ опасности со стороны Филистимлянъ, не рѣшаются укрыть его въ стѣнахъ своего города отъ преслѣдованія его гонителя (23, 1—12). Такимъ образомъ, будущій царь Израиля до самой смерти Саула долженъ былъ вести скитальческую жизнь, то укрываясь за предѣлами отечества у враговъ своего народа—Филистимлянъ (21,

10 и д. гл. 27) и Моавитянъ (22, 3), то стараясь найти себѣ убѣжище въ отдаленныхъ необитаемыхъ мѣстахъ земли іудейской, въ лѣсахъ (22, 5. 23, 15. 19), пустыняхъ (23, 14. 15. 24 гл. 24, 2. 25, 1), въ неприступныхъ горахъ—жилищахъ дикихъ сернъ (23, 14. 26 гл. 24, 3 и проч.), или въ горныхъ ущельяхъ и пещерахъ, служившихъ только временнымъ пристанищемъ для стадъ пустыни, (22, 1. 24, 4). Но и здѣсь онъ не былъ въ безопасности отъ своего гонителя, который съ войскомъ ищетъ его всюду по горамъ, лѣсамъ и пустынямъ (23, 14 и д. 24, 3 и дал. 26, 3 и д.), гоняется за нимъ, по выраженію Давида, «какъ гоняются за куропаткою». (26, 20), и только одному Божественному Промыслу, неусыпно бодрствовавшему надъ избраннымъ Своимъ помазанникомъ, нужно приписать сохраненіе жизни его (23, 14. 26 и 27 гл. 24, 4 и д.).

Мы привыкли представлять себѣ страждущихъ героевъ съ какимъ-то невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ стоическимъ умѣньемъ владѣть своими сердечными движеніями и не обнаруживать внутреннихъ своихъ страданій [1]): въ отношеніи къ Давиду, благочестивому герою Израиля, такое представленіе не вполнѣ приложимо. Во время своихъ гоненій онъ не стыдится проявленія человѣческихъ чувствованій страха, скорби и страданія, не скрываетъ своихъ слезъ и вздоховъ и открыто высказываетъ предъ Богомъ свои жалобы на бѣдственность своего положенія. Но при этомъ онъ не падаетъ духомъ: печаль его далека отъ всякой нетерпѣливости и отчаянія и жалобы его чужды всякаго малодушнаго ропота. Видя свое одиночество и безпомощность своего положенія среди окружающаго міра, вооружившагося противъ него всѣми враждебными своими силами, онъ живо чувствуетъ, что самъ Господь его помощникъ и избавитель, его спасеніе, щитъ и скала, на которой онъ безопасенъ (2 Ц. 22, 2—3 ср. Пс. 17, 2—3 и 30, 3—4). Посему на Господа онъ возлагаетъ все упованіе свое и въ этомъ безусловномъ упованіи сосредоточивается теперь вся духовная жизнь его. (Пс. 55, 4—5 и проч.). Но если Господь одинъ его помощникъ и избавитель, когда весь міръ оставилъ его и вооружился

---

[1]) Si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae!—изреченіе Горація. На основаніи подобнаго представленія Hitzig отрицаетъ возможность написанія Давидомъ 6-го пс., какъ слишкомъ робкаго и малодушнаго для такого героя. (См. объясн. его и Delitzsch'a на этотъ пс.).

на него, то не Онъ ли и виновникъ всѣхъ его несчастій, не Онъ ли попустилъ врагамъ преслѣдовать его? «Почто Ты оставилъ меня? (Пс. 21, 2) доколѣ будешь забывать меня; доколѣ будешь скрывать лице Твое отъ меня»? (Пс. 12, 2) съ стѣсненнымъ сердцемъ спрашиваетъ онъ Іегову при этой мысли, и взоръ страдальца невольно обращается къ себѣ, чтобъ въ своемъ сердцѣ и въ своей жизни отыскать причину оставленія своего Господомъ (Пс. 138). Но и по строгомъ самоиспытаніи, подобно праведному Іову, онъ не находитъ въ себѣ преступленія, которое могло бы навлечь на него столь тяжкій гнѣвъ Божій: потому что не уклонялся отъ путей Господнихъ, отвращался беззаконія, самымъ врагамъ своимъ дѣлалъ добро и не платилъ зломъ притѣснителю (Пс. 16, 3. 68, 6. 17, 22—24. 7, 5. 34. 12 и проч.). Но не ропотъ возбуждаетъ въ немъ сознаніе своей невинности и незаслуженныхъ страданій, а чувство безграничной преданности Промыслу, которому угодно было подвергнуть его испытаніямъ; не горькія жалобы предъ Богомъ на свое оставленіе, а пламенныя мольбы о помощи, въ которыхъ сквозь мракъ печали и сѣтованій свѣтится радостная надежда лучшаго будущаго и среди воплей раздается голосъ благодатнаго ликованія Богу-спасителю. По временамъ душа праведника возмущается представленіями несправедливости и злобы своихъ гонителей и, въ порывахъ благочестиваго негодованія, изрекаетъ на нихъ страшныя проклятія; но онъ не ищетъ погибели враговъ своихъ и чувство мщенія далеко отъ него; самому Богу предоставляетъ онъ судъ и воздаяніе и въ Богѣ успокоивается душа его. «Если Господь возбудилъ тебя противъ меня, говоритъ онъ Саулу, то да будетъ это благовонною жертвою» (1 Ц. 26, 19). «Да разсудитъ Господь между мною и тобою и да отмститъ тебѣ Господь за меня; но рука моя не будетъ на тебѣ» (24, 13).

Когда мы ясно представляемъ себѣ тяжесть и силу тѣхъ страданій, какія приходилось испытывать Давиду во время гоненій его отъ Саула, и понимаемъ внутреннее состояніе души гонимаго, то понятно становится и то вліяніе, какое могли производить описанныя гоненія на развитіе Давидова дара псалмопѣнія. Музыка и пѣніе, уже по общему признанію того времени, служившія наилучшимъ средствомъ разгонять тоску и унынie (1 Ц. 16, 16), и для Давида бывшія еще съ дѣтства любимымъ его занятіемъ и развлеченіемъ въ пустынномъ уединеніи у стадъ отца, конечно, теперь

должны были получить особенную цѣну въ глазахъ его и сдѣлаться необходимымъ и почти единственно доступнымъ ему средствомъ утѣшенія и успокоенія удручаемой скорбію души его. Напрасно возражаютъ, что въ опасностяхъ гоненія Давиду было не до пѣсней [1]): возраженіе это можетъ имѣть значеніе лишь въ приложеніи къ искусственнымъ произведеніямъ поэтовъ, чуждыхъ истиннаго вдохновенія, которыхъ пѣсни не составляютъ непосредственнаго излінія ихъ чувствъ. Напротивъ «жизнь» истиннаго «поэта есть его поэзія» [2]). и грустныя пѣсни его во время тяжелыхъ испытаній жизни столько же естественны [3]), какъ наши слезы и жалобы на горькую судьбу свою, когда насъ тяготятъ несчастія и наше сердце полно горькихъ печальныхъ чувствованій. Это тѣмъ болѣе должно сказать о нашемъ гонимомъ Псалмопѣвцѣ, котораго скорбное сердце полно при этомъ глубокихъ религіозныхъ чувствованій и жаждетъ излиться предъ Богомъ въ словахъ пламенной молитвы, и въ устахъ кото-

---

[1]) Hitzig въ объясн. 3 пс., противъ чего Hengstenberg (на тотъ же пс.) ссылается на пѣсни Арабовъ, составленныя въ самомъ пылу сраженія, и то обстоятельство, что поэтъ Лебидъ (Lebid) оставилъ по себѣ стихотворенія, написанныя имъ предъ самою своею смертію. Впрочемъ можно допустить, что нѣкоторые псалмы изъ времени гоненій Саула на Давида получили окончательную внѣшнюю обработку свою въ позднѣйшее, болѣе спокойное время, другіе же написаны впослѣдствіи по воспоминанію объ этомъ гоненіи, какъ пс. 17 надп. ср. 2 Ц. 22, 1.

[2]) «Das Leben eines Dichters sind seine Gedichte»,—изреченіе Лессинга.

[3]) Естественность этого явленія издавна признана въ общемъ сознаніи различныхъ народовъ и выразилась въ пословицахъ: такъ по индійской пословицѣ—пѣснь возникла изъ страданія— «çloka» изъ «çoka», или въ игривомъ нѣмецкомъ переводѣ: Das Lied ist aus dem Leid entsprossen (Delitzsch—die Psalmen. S. 7). Извѣстно также изреченіе Гвидо Арецкаго (1050 г.), своими начальными словами давшее имя нотнымъ знакамъ, когда онъ на вопросъ, для чего поетъ, отвѣчалъ: Ut repellam misera fata sollicitosque labores (Spanheim—Histor. Christ. Saec. XI, c. III. Genebrard. Chron. lib. IV). Здѣсь умѣстно также напомнить приведенную выше нѣмецкую пословицу: wo kämen Dawids Psalmen her, wenn er nicht auch versuchet wär, хотя ее нельзя понимать въ томъ крайнемъ исключительномъ смыслѣ, какъ Генгстенбергъ. См. выше стр. 52, примѣч.

раго вдохновенныя слова молитвы предъ «Святымъ, живущимъ среди славословій израилевыхъ (יוֹשֵׁב תְּהִלּוֹת יִשְׂרָאֵל, Пс. 21—въ евр. 22, 4). какъ бы невольно становятся славословіемъ, пѣснію (תְּהִלָּה). Среди тяжелыхъ испытаній разнообразныя чувства, то мрачныя, печальныя, то болѣе свѣтлыя, отрадныя,—наполняютъ душу Псалмопѣвца; но чѣмъ полнѣе и обильнѣе источникъ его чувствованій, тѣмъ чаще и сильнѣе изливается онъ въ священныхъ пѣсняхъ, такъ что время Давидовыхъ гоненій отъ Саула, равно какъ впослѣдствіи время возмущенія Авессаломова, относительно самое богатое псалмами время, какъ это уже показываютъ сохранившіяся до насъ надъ нѣкоторыми псалмами историческія надписанія (7. 33. 58. 51. 53. 55. 56. 141) [1]). Въ пѣсняхъ Давидъ изображаетъ предъ нами тяжесть и глубину незаслуженныхъ страданій гоненія; пѣснями онъ успокоиваетъ себя въ страхѣ, облегчаетъ скорбь свою, утишаетъ справедливые порывы гнѣва и негодованія при мысли о несправедливости къ нему и злобѣ людей, которымъ онъ не сдѣлалъ никакого зла; въ пѣсняхъ онъ изливаетъ предъ Богомъ глубокую печаль свою и умоляетъ Его о помощи; пѣснями онъ окрыляетъ духъ свой къ безропотному перенесенію страданій, укрѣпляетъ себя въ упованіи на Іегову-помощника и возсылаетъ Ему хвалу и благодарность за непрестанное Его попеченіе и охраненіе среди опасностей; пѣснію же наконецъ онъ оплакиваетъ смерть своего гонителя Саула вмѣстѣ съ сыномъ его, своимъ другомъ Іонаѳаномъ, чѣмъ и окончилось его гоненіе (1 Ц. 1, 17—27). Словомъ, духовныя пѣсни Давида сопровождаютъ собою всѣ важнѣйшіе моменты обстоятельствъ его гоненій отъ Саула, и раскрывая предъ нами внутреннее состояніе псалмопѣвца, такимъ образомъ пополняютъ самую исторію гоненій въ 1 кн. Царствъ, которая даетъ намъ только внѣшній очеркъ событій. При этомъ нерѣдко, отъ изображенія собственныхъ страданій и надежды избавленія, гонимый псалмопѣвецъ въ пророческомъ духѣ переносится въ пѣсняхъ своихъ въ

---

[1]) Бл. Августинъ всѣ эти псалмы называетъ псалмами гоненія: «Psalmi fugitivi». Но кромѣ этихъ пс. къ тому же времени гоненій отъ Саула, судя по содержанію, слѣдуетъ отнести и многіе другіе, неимѣющіе въ надписаніяхъ указаній о времени ихъ происхожденія; таковы псалмы: 11—13, 15, 16, 21, 30, 34, 35, 68, 108. — См. объ этихъ псалмахъ ниже.

отдаленное будущее и созерцаетъ другаго великаго страдальца—Мессію, въ невинныхъ страданіяхъ Котораго провидитъ всемірную побѣду надъ зломъ и открытіе новаго царства правды, имѣющаго обнять собою всѣ и невѣдущіе Бога народы земные.

Достигнувъ трона, Давидъ не оставилъ любимой своей арфы, которой обязанъ былъ первоначальнымъ призваніемъ своимъ отъ стадъ къ царскому двору и которая потомъ сопровождала и утѣшала его во время бѣгства отъ Саула. Прекрасное гармоническое сочетаніе геніальныхъ способностей пѣвца и музыканта съ высокимъ благочестіемъ ревностнаго чтителя Іеговы, необыкновеннаго проницательнаго ума съ мужествомъ и неустрашимостію героя,—замѣченное въ Давидѣ еще въ бытность его Виѳлеемскимъ пастухомъ (1 Ц. 16, 18), открывается въ немъ еще съ большею ясностію, когда онъ становится царемъ Израиля. Псалмопѣніе по прежнему остается для Давида средствомъ изліянія души его предъ Богомъ въ различныхъ обстоятельствахъ его жизни, только теперь оно получаетъ болѣе широкую и богатую сферу для своего развитія; такъ какъ со времени вступленія на царство съ личною судьбою его тѣсно и неразрывно связана многознаменательная судьба цѣлаго народа Божія. Многочисленныя и разнообразныя дѣла и предпріятія его царствованія къ обезпеченію и возвышенію внѣшняго положенія Израиля среди постоянно враждебныхъ ему окружающихъ народовъ, къ улучшенію и упроченію его внутренняго благосостоянія и особенно къ возвышенію и утвержденію первой и главнѣйшей силы народа—его вѣры и благочестія,—представляли вообще обильную матерію для псалмопѣнія, а успѣхъ великихъ дѣлъ и предпріятій царственнаго пѣвца, самымъ очевиднымъ для всѣхъ образомъ свидѣтельствовавшій объ особенномъ благоволеніи Божіемъ къ нему и его царству, при его высокомъ благочестіи, служилъ для него неотразимымъ побужденіемъ къ изліянію своихъ благочестивыхъ чувствованій предъ Богомъ-благодѣтелемъ въ новыхъ и новыхъ священныхъ пѣснопѣніяхъ. При отправленіи на войну противъ какихъ либо враговъ Израиля, или по одержаніи славной побѣды и разширеніи предѣловъ своего царства (Пс. 9. 17. 19. 20. 32. 59. 67. 123), равно какъ при мирномъ стеченіи народа на Сіонѣ, по случаю перенесенія ковчега завѣта въ новоустроенную скинію (Пс. 14. 23. 100. 130), или для празднованія Пасхи (Пс. 64. 121. 132)—словомъ, при «всякомъ дѣлѣ,»по свидѣтельству премудраго сына Сирахова,

царственный пѣвецъ Израиля «приносилъ благодарственное исповѣданіе Святому, всѣмъ сердцемъ своимъ воспѣвалъ Всевышнему слова хвалы. и любилъ Творца своего» (Сир. 47, 9—10).

Съ другой стороны псалмопѣніе, послѣ вступленія Давида на престолъ. становится для него однимъ изъ лучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ средствъ высокаго его служенія Израилю. Какъ слово поученія и обличенія въ устахъ пророковъ, такъ псалмопѣніе въ устахъ царственнаго пѣвца, въ которомъ говорилъ Духъ Божій (2 Ц. 23, 2), является могучимъ органомъ общенія его съ народомъ. живою дѣйственною силою для проведенія въ массу народа мудрыхъ его плановъ. желаній и намѣреній, къ возбужденію духа вѣры и благочестія (Пс. 1. 11. 13. 14. 18. 22. 28. 35. 64. 103. 104. 121. 144), національнаго единства (напр. Пс. 132), мужества (какъ Пс. 9. 19. 20. 32 и проч.), справедливости (Пс. 14. 36. и др.) и прочихъ гражданскихъ добродѣтелей. Псалмы Давидовы служили для народа вѣрнымъ зеркаломъ души славнаго царя его; въ псалмахъ онъ слышитъ всю программу его царствованія и узнаетъ, чего желаетъ его царь, чего можно отъ него надѣяться и въ чемъ должно его бояться (таковъ особенно Пс. 100) [1]).

Величественное обѣтованіе Божіе Давиду о вѣчномъ, непоколебимомъ престолѣ дома его было для него новымъ непосредственно-Божественнымъ побужденіемъ къ прославленію Бога въ пѣсняхъ своихъ. Обѣтованіе это представляетъ неисчерпаемый источникъ вдохновенія и возвышеннѣйшій предметъ пѣснопѣній и рѣчей для всѣхъ послѣдующихъ пророковъ и псалмопѣвцевъ; тѣмъ болѣе оно должно было являться таковымъ Давиду, для котораго служило величайшимъ доказательствомъ особеннаго благоволенія Божія къ нему и роду его. Мало того, теперь пророчественный взоръ царя—пророка на будущую судьбу его царства проясняется и расширяется.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи псалмы Давида можно сравнить съ Высочайшими указами, манифестами, рескриптами и тому подобными выраженіями царственной воли и желаній Государей къ своимъ народамъ, хотя сравненіе это, подобно какъ Сальвадорово сравненіе пророческихъ рѣчей съ свободою печатнаго слова, слишкомъ недостаточно (Джон. Ст. Милль о представ. правл.) и далеко не исчерпываетъ всей силы и дѣйственности вдохновенныхъ пѣсней царя-пророка, имѣвшаго слово Іеговы на языкѣ своемъ.

Въ возвышеніи израильскаго царства, съ видимымъ обитаніемъ Іеговы на св. горѣ въ городѣ мира, гдѣ царилъ нѣкогда священникъ Бога Вышняго, онъ созерцаетъ теперь образъ вѣчнаго священнаго царства Мессіи, котораго исповѣдуетъ Предвѣчнымъ Сыномъ Божіимъ, называя себя рабомъ Его; а въ своихъ побѣдахъ надъ окружающими народами онъ видитъ пораженіе враговъ Мессіи и всемірное расширеніе Его владычества. и въ торжественныхъ пѣснях возвѣщаетъ будущую славу царства Его (Пс. 2. 39 67. 109. 137).

Грѣхопаденія Давида и слѣдовавшія за ними наказанія отъ Бога въ семейныхъ его и общественныхъ несчастіяхъ, омрачаютъ на время славу его царствованія, но не лишаютъ насъ прекрасныхъ пѣсней сладкаго пѣвца Израилева. Глубокое, чистосердечное раскаяніе, которымъ падшій праведникъ спѣшитъ загладить вину свою предъ Богомъ, даетъ удобный случай его дару псалмопѣнія раскрыться въ новой формѣ прекрасныхъ покаянныхъ псалмовъ, которые съ того времени на всегда сдѣлались незамѣнимыми образцами молитвъ для всякаго кающагося грѣшника (Пс. 6. 31. 37. 38. 50. 142. [1]). Равнымъ образомъ, тяжелыя семейныя и общественныя несчастія, какія, по волѣ Божіей, должно было испытать псалмопѣвцу за свои грѣхопаденія, становятся новымъ обильнымъ источникомъ цѣлаго ряда трогательныхъ элегическихъ пѣсней, свидѣтельствующихъ о происходившей въ душѣ его жестокой борьбѣ человѣческихъ чувствованій скорби и страданія съ сознаніемъ заслуженности гнѣва Божія и святыми чувствами вѣры и упованія и преданности Промыслу. Такого рода пѣснями особенно богато время Авессаломова возмущенія: для псалмопѣвца, и вмѣстѣ съ тѣмъ для псалмопѣнія, въ это время повторились обстоятельства Саулова гоненія, только въ гораздо большей мѣрѣ и значеніи, — потому что теперь отецъ—преклонный старецъ спасаетъ жизнь свою отъ собствен-

---

[1]) Церковными Psalmi poenitentiales (бл. Авг.) считаются слѣдующіе семь псалмовъ, вѣроятно по числу семи дней недѣли: 6. 31, 37, 50, 101, 129, 142 (Христ. Чт. 1826 г. стр. 93 примѣч., также Delitzsch на пс. 6); но два изъ нихъ 101 и 129 не принадлежатъ Давиду, между тѣмъ какъ изъ Давидовыхъ псалмовъ, по содержанію, совершенно сходному съ прочими покаянными псалмами, съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесенъ къ числу ихъ и пс. 38.

наго сына и людей, которыхъ почиталъ друзьями и осыпалъ благодѣяніями, бѣжитъ въ пустыню царь, прославленный и возвеличенный, изъ столицы царства, самимъ имъ завоеванной, устроенной и посвященной въ жилище Іеговы, къ Которому всегда такъ пламенно стремилось его сердце. Правда, сохранившееся въ надписаніяхъ псалмовъ древнее преданіе относитъ къ Авессаломову возстанію только три пѣсни (Пс. 3. 62. и по греч. надписанію 142), но, судя по содержанію, съ достаточною вѣроятностію слѣдуетъ отнести къ тому же времени и многіе другіе (Пс. 4. 5. 10. 22. 24. 25. 26. 27. 40. 54. 57. 60. 61. 63. 70. 85. 139. 140 и можетъ быть еще нѣкоторые).

Вообще, прообразовательно сложившаяся жизнь Давида весьма богата была превратностями, которыя вызывали его то къ хвалебнымъ гимнамъ, то къ скорбнымъ элегіямъ и пламеннымъ молитвамъ. Примѣръ царя, на которомъ очевидно для всѣхъ почивало Божіе благоволеніе, конечно, не могъ остаться безъ вліянія въ его народѣ, не вызывая, по крайней мѣрѣ, лучшія, болѣе развитыя его натуры къ подражанію. И исторія свидѣтельствуетъ, что какъ личная храбрость и мужество Давида вызвали ему изъ среды народа многихъ храбрыхъ людей и изъ числа ихъ трехъ неустрашимыхъ героевъ-полководцевъ (2 Ц. 23, 8. 13. 18. 20); такъ псалмопѣніе его возбудило цѣлый рядъ искусныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, изъ которыхъ трое Асафъ, Еманъ и Еѳанъ съ искусствомъ пѣнія и музыки соединяютъ въ себѣ даръ и вдохновеннаго священно-поэтическаго творчества (1 Пар. 25, 1 и д.).

Особенно сильное вліяніе на возбужденіе въ еврейскомъ народѣ музыкальныхъ и поэтическихъ способностей и на развитіе псалмопѣнія во всей его красотѣ и совершенствѣ имѣло сдѣланное Давидомъ внесеніе музыки и пѣнія въ составъ еврейскаго богослуженія, съ учрежденіемъ при скиніи постояннаго хора пѣвцевъ и музыкантовъ. Хотя начало употребленія священныхъ пѣсней при богослуженіи, подобно какъ и употребленіе музыки, впрочемъ сперва почти подъ исключительною формою трубнаго звука при нѣкоторыхъ священныхъ торжествахъ (Числъ 10, 8), восходитъ къ болѣе раннимъ временамъ, но употребленіе это было только временное, внѣшнее, привходящее, случайное, между тѣмъ какъ сущность богослуженія составляла сторона его обрядовая, символическая. Великій реформаторъ судейскаго періода пророкъ Самуилъ,—первый прямо и рѣши-

тельно высказавшись о неудовлетворительности однѣхъ животныхъ жертвъ безъ внутренняго сердечнаго расположенія (1 Ц. 15. 22), внесеніемъ музыки и пѣнія въ число благочестивыхъ занятій въ устроенныхъ имъ пророческихъ школахъ (1 Ц. 10, 5. 10; ср. 19, 20). уже подготовляетъ путь къ внесенію этихъ искусствъ и въ составъ богослуженія, какъ внутренней, сердечной жертвы хвалы и исповѣданія Господу. Замѣчаніе 1 кн. Паралипоменонъ (15. 16). что Давидъ, еще прежде преобразованія богослуженія, при перенесеніи ковчега завѣта на Сіонъ «приказалъ начальникамъ Левитовъ поставить братьевъ своихъ пѣвцовъ съ музыкальными орудіями, чтобы они громко возвѣщали гласъ радованія». даетъ основаніе думать, что онъ засталъ уже левитское пѣніе и музыку и для совершеннаго имъ устройства богослуженія воспользовался еще до него подготовленными средствами. Но во всякомъ случаѣ музыка и пѣніе при Давидѣ въ первый разъ получаютъ общественно-богослужебный характеръ и значеніе. Утвердившись на престолѣ и сдѣлавъ завоеванный имъ отъ Іевусеевъ Іерусалимъ столицею своего царства. Давидъ совершаетъ торжественное перенесеніе ковчега завѣта изъ Кіріаѳ-Іарима въ новоустроенную на Сіонѣ скинію. Это торжество перенесенія въ столицу царства національной святыни, почти забытой во времена Саула, имѣвшее важное значеніе для возбужденія въ народѣ духа вѣры и благочестія, служившихъ всегдашнею основою и гражданскаго его могущества и славы, конечно, представляло для Давида прекрасный случай и побужденіе еще послужить Церкви Божіей своимъ вдохновеннымъ даромъ пѣнія, тѣмъ болѣе, что уже Моисей каждое поднятіе и поставленіе ковчега завѣта сопровождалъ благочестивыми изреченіями (Числъ 10. 35—36). Въ Книгѣ Псалмовъ мы имѣемъ подъ именемъ Давида двѣ пѣсни (Пс. 14 и 23), которыя, по содержанію ихъ и основанному на немъ мнѣнію почти всѣхъ толкователей, написаны именно на случай перенесенія ковчега на Сіонъ. Но при этомъ важно не столько написаніе Давидомъ пѣсней, которыми онъ обыкновенно славилъ Господа при всѣхъ случаяхъ своей жизни, но то особенно обстоятельство, что перенесеніе ковчега на Сіонъ совершается при звукѣ неслыханнаго до сихъ поръ цѣлаго оркестра музыкальныхъ орудій, причемъ, безъ сомнѣнія, пѣлись и упомянутыя, а можетъ быть и еще другія пѣсни Давида. Этимъ положено было начало общественно-богослужебнаго употребленія музыки и пѣнія, вслѣдъ за которымъ употребленіе это дѣ-

лается всегдашнимъ и получаетъ опредѣленный порядокъ и устройство. Совершонное въ первый разъ несеніе ковчега завѣта съ музыкою и пѣніемъ съ сего времени становится образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ шествій Евреевъ съ своей святынею. «Впереди, обыкновенно, шли поющіе, позади играющіе на музыкальныхъ орудіяхъ, въ срединѣ дѣвы съ тимпанами (Пс. 67, 25—6)» [1]). Но мало того, музыка и пѣніе, однажды употребленныя при богослуженіи, дѣлаются теперь постоянною, неотъемлемою его принадлежностію (1 Пар. 16, 17). Изъ 38 тысячъ левитовъ, Давидъ избралъ четыре тысячи пѣвцовъ и музыкантовъ для служенія при скиніи на Сіонѣ (1 Пар. 16. 4. 23, 5. 25 гл.) и отчасти въ Гаваонѣ, гдѣ оставалась скинія Моисеева (1 Пар. 16, 39 и д.), и «заповѣдалъ имъ воспѣвать святое имя Господа, съ ранняго утра возглашать во святилищѣ» (Сир. 47, 12), и вечеромъ славословить Его (1 Пар. 23, 30; ср. 16, 40—42). Этотъ огромный четырехъ-тысячный хоръ подчиненъ былъ управленію названныхъ выше искуснѣйшихъ въ музыкѣ и пѣніи благочестивыхъ представителей трехъ левитскихъ фамилій того времени: Асафу, Ееману и Ееану (Идуѳуну-1 Пар. 25, ср. 16, 17 и дал.), и раздѣлялся на 24 меньшіе хора для очереднаго служенія, изъ коихъ въ каждой чредѣ было по 12 начальствующихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учителей, составлявшихъ изъ себя отборный хоръ пѣвцовъ и музыкантовъ въ 288 человѣкъ (1 Пар. гл. 25). Понятно, при такомъ учрежденіи и прежнія и новыя священныя пѣсни Давида находятъ себѣ достойное мѣсто и постоянное широкое употребленіе, становятся вѣчною собственностію и величайшимъ богатствомъ народа Божія, распространяя свою чудную силу и освященіе на всю духовную жизнь его. Давидъ съ этого времени въ полномъ смыслѣ становится «сладкимъ, любимымъ, пѣвцомъ Израиля» (2 Ц. 23, 1), а псалмы его дѣлаются всегдашними образцами подражанія для всѣхъ израильскихъ пѣвцовъ и духовныхъ и мірскихъ пѣсней [2]). Слушая вдохновенныя

[1]) Въ приведенныхъ словахъ, какъ видно изъ ближайшаго контекста рѣчи (ст. 25: видѣна быша шествія Твоя Боже) и вообще всего содержанія псалма, при снесеніи его съ словами Моисея (Числ. 10, 35), дѣлается описаніе торжественнаго шествія съ ковчегомъ завѣта съ поля сраженія въ Іерусалимъ послѣ одержанія побѣды, можетъ быть, надъ Аммонитянами (ср. 2 Ц. 11, 1 и 11).

[2]) Ср. съ псалмами Давида псалмы позднѣйшаго происхожденія, также

пѣсни царя своего при своихъ священныхъ торжествахъ, равно какъ при каждомъ ежедневномъ богослуженіи, народъ еврейскій воспитываетъ въ себѣ любовь и способность къ священному пѣнію, которыя никогда его не оставляютъ (Пс. 136): и послѣ Давида онъ продолжаетъ славить Господа по установленію Давида словами пѣсней его и другихъ вдохновенныхъ пѣвцовъ (2 Пар. 29, 25—30. 35. 15), и во всѣ времена своей исторіи имѣетъ пѣвцовъ и пѣвицъ, какъ въ эпоху наибольшаго своего величія, такъ и самаго глубокаго униженія (3 Ц. 10, 12. 2 Пар. 5, 12—13 и проч. 1 Ездр. 2, 65. Неем. 7, 67. 73; 11, 22—23. 12, 24. 27 и дал. Сир. 50, 20. 1 Макк. 4, 54. 13, 51 и проч.).

Само собою разумѣется, что пробужденная и воспитанная Давидомъ въ народѣ еврейскомъ любовь къ священной музыкѣ и пѣнію всего сильнѣе и плодотворнѣе должна была проявиться при жизни самого Давида, подъ непосредственнымъ его вліяніемъ и руководствомъ. А нами уже было замѣчено, что еврейская музыка и пѣніе имѣли ту особенность, что оба эти искусства почти всегда соединялись въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, а лучшіе изъ музыкантовъ и пѣвцовъ при этомъ еще соединяли въ себѣ даръ вдохновеннаго поэтическаго творчества [1]). Примѣръ такого троякаго соединенія мы видимъ на самомъ Давидѣ; тоже самое обнаруживается и въ поставленныхъ отъ него троихъ начальникахъ хора, равно какъ въ пѣлой фамиліи пѣвцовъ сыновъ Кореевыхъ. Асафа, Емана и Идиѳума Св. Писаніе прямо называетъ пророками и прозорливцами и приписываетъ имъ даръ вдохновеннаго провѣщанія (1 Пар. 25, 1—5); а этого было вполнѣ достаточно, чтобы, занимаясь подъ руковод-

---

пѣснь Аввакума (гл. 3), нѣкоторыя мѣста Плача Іереміи и др. О подражаніи Давиду свѣтскихъ пѣвцовъ можно заключать изъ словъ пр. Амоса 6, 5 съ евр.

[1]) «Музыка еврейская не любила раздѣленія (съ словомъ): въ ней тоны безчувственныхъ орудій сливались съ голосами живыхъ разумныхъ существъ; голоса живые выражали мысль и чувство—мѣрнымъ и яснымъ словомъ; тону и звуку придавалъ ясность и самый голосъ; голосъ въ свою очередь выяснялся рѣчью и стихомъ. Оттого цѣлая музыка была въ одно и тоже время—музыка и пѣніе. Музыкантъ всегда былъ вмѣстѣ и пѣвецъ, и пѣвецъ нерѣдко бывалъ вдохновеннымъ стихотворцемъ». (О храмовомъ пѣніи и музыкѣ Евреевъ. Воскр. Чтеніе 184⁰/₁ г. № 43. См. также Musik bei Hebräer. въ Real-Encyclopädie von Herzog. Bd. X).

ствомъ Давида переложеніемъ на музыку и исполненіемъ пѣсней его при богослуженіи и національно-религіозныхъ празднествахъ, они и сами явились затѣмъ самостоятельными псалмопѣвцами. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто между ними занимаетъ Асафъ изъ левитскаго племени Герсона (1 Пар. 6, 39—43), котораго поучительныя пѣсни строгаго пророчественно-проповѣдническаго характера (Пс. 49. 72. 77. 80. 81), вѣроятно, уже при Давидѣ употреблялись при общественномъ богослуженіи, почему и въ послѣдующія времена ставились наравнѣ съ Давидовыми (2 Пар. 29, 30). За нимъ слѣдуетъ поставить сыновъ Кореевыхъ изъ левитскаго племени Каафа, къ которому принадлежалъ и Еманъ,—потомковъ Корея (1 Пар. 6, 33—38), пріобрѣтшаго себѣ печальную извѣстность своимъ возмущеніемъ противъ Моисея и Аарона (Числ. 16). Это—нѣжные, элегическіе пѣвцы, глубоко проникнутые искреннимъ патріотизмомъ, живою вѣрою и упованіемъ на Бога, привязанностію къ святому жилищу Его Сіону и Іерусалиму, избранному народу и царю, Его помазаннику (Пс. 41. 42. 43. 48. 83), отъ лица котораго воспѣты и нѣкоторыя ихъ пѣсни (41. 42 и 83). Св. Писаніе не сообщаетъ намъ именъ ихъ и не называетъ ихъ пророками, подобно какъ начальниковъ пѣвцовъ Давидовыхъ, но изъ содержанія приписанныхъ имъ пѣсней ясно видно, что это также были мужи богопросвѣщенные, обладающіе высокимъ даромъ пророческаго созерцанія, которые въ своихъ пѣсняхъ, по выраженію одного изъ послѣдующихъ пѣвцовъ той же Корейской фамиліи, являлись *тростію* въ рукахъ *книжника скорописца*—Духа Божія (Пс. 44, 2. Ср. 48, 2—4). Очень вѣроятно, что и прозорливцы Еманъ и Ефанъ также не ограничивались только музыкальнымъ исполненіемъ пѣсней Давидовыхъ, но составляли и собственныя пѣсни [1]), хотя въ Книгѣ Псалмовъ отъ каждаго изъ нихъ сохранилось до насъ по одной только пѣсни, о которыхъ притомъ мы не можемъ сказать съ опредѣленностію, въ какое именно время и при какихъ историческихъ обстоятельствахъ онѣ были написаны [2]).

---

[1]) Выраженіе 1 Пар. 25, 5: «чтобы возвышать славу его» (Давида), которымъ обозначается обязанность Емана, прозорливца царскаго, можно понимать, какъ указаніе на то, что онъ занимался составленіемъ пѣсней въ прославленіе милостей и обѣтованій Божіихъ Давиду, которыми, конечно, возвышалась слава царства его.

[2]) См. ниже о Пс. 87 и 88.

При сотрудничествѣ такихъ даровитыхъ и богопросвѣщенныхъ мужей боговдохновенный творческій геній Давида возвелъ псалмопѣніе на такую высокую степень процвѣтанія, какой оно никогда болѣе не достигало. Но это цвѣтущее состояніе псалмопѣнія окончилось со смертію Давида. Правда, современные ему псалмопѣвцы пережили его (2 Пар. 5, 12) и даже передали отличавшій ихъ даръ псалмопѣнія въ наслѣдіе своимъ потомкамъ, такъ что и послѣ нихъ, въ продолженіе всего періода царства іудейскаго и даже послѣ плѣна, во времена втораго храма, не переставали существовать пѣвцы, а также и являться самостоятельные псалмопѣвцы изъ фамиліи Корея (2 Пар. 20, 19) и особенно Асафа (2 Пар. 20, 14. 29, 13. 35, 15. 1 Езд. 2, 14. 3, 10. Неем. 7, 44. 11, 22); но ни сами пѣвцы Давидовы, ни ихъ потомки при всѣхъ своихъ естественныхъ и сверхъестественныхъ.—благодатныхъ дарованіяхъ, не могли замѣнить собою отца Псалмопѣнія и даже сравниться съ нимъ. Давидъ съ своимъ богатымъ всестороннимъ геніемъ псалмопѣнія былъ и остался для всѣхъ послѣдующихъ пѣвцовъ высокимъ идеаломъ псалмопѣнія [1]), къ которому можно было только стремиться, но котораго не могъ никто достигнуть.

Уже Соломонъ при всей мудрости и славѣ своего царствованія не могъ поддержать того цвѣтущаго состоянія псалмопѣнія, въ какое оно приведено было отцемъ его. Высокая мудрость этого знаменитаго царя, которою онъ славился между жителями всего Востока и Египта и превосходилъ самыхъ извѣстнѣйшихъ мудрецовъ израильскихъ, была болѣе разсудочнаго свойства, сроднаго скорѣе философіи, чѣмъ поэзіи, источникомъ которой служитъ сердце и непосредственное ощущеніе. Съ другой стороны поэзія псалмовъ требуетъ глубокаго проникновенія духомъ вѣры и благочестія, погруженія въ себя и внутреннюю духовную жизнь человѣка; а мудрость Соломона обращена была не столько къ себѣ и душѣ, сколько къ предметамъ внѣшняго окружающаго міра, къ благоустройству общественной и частной жизни въ сферѣ болѣе мірской, нежели духовной и религіозной. «Онъ говорилъ о деревахъ отъ кедра, что на Ливанѣ, до иссопа.

---

[1]) Подобно тому, какъ тотъ же Давидъ на всѣ времена остался идеаломъ царя и образомъ Мессіи въ предсказаніяхъ пророковъ, напр. Іер. 30, 9 (Давида царя ихъ возстанлю имъ); также Іез. 34, 23—25. Осіи 3, 5. ср. Лук. 1, 69 и 31—2.

выростающаго изъ стѣны. говорилъ о животныхъ и птицахъ, и о пресмыкающихся и о рыбахъ», т. е. заботился болѣе о томъ, чтобы распространять сокровища многосторонних знаній своихъ въ народѣ для общаго пользованія, нежели о воспитаніи духа вѣры и благочестія, и если до своего паденія онъ вообще отличался благочестіемъ и въ книгѣ Притчей и Екклезіаста старается научить людей богопочтенію и страху Божію, то нельзя не замѣтить, что и здѣсь онъ нерѣдко отступаетъ отъ главной своей цѣли и преподаетъ уроки обыкновеннаго житейскаго благоразумія и благопристойности, хотя ни мало непротивные требованіямъ закона Божія и добродѣтели. Такимъ образомъ по особенному характеру своей мудрости Соломонъ является не псалмопѣвцемъ, а творцомъ особеннаго рода священной дидактической поэзіи, извѣстной подъ именемъ Притчей. Правда, по свидѣтельству 3 Ц. 4, 32, онъ написалъ также 1005 пѣсней (3 Ц. 4, 32 по пер. съ евр.): но въ священномъ канонѣ находятся подъ его именемъ только два псалма, 71 и 126, и драматически-таинственная Пѣснь Пѣсней, и этимъ ясно показывается, что поэзія его большею частію мірскаго содержанія и характера и болѣе обращена къ царству природы, нежели къ царству благодати. Впрочемъ въ первой половинѣ своего царствованія Соломонъ отличался благочестіемъ и не только заботился о сохраненіи того устройства богослуженія, какое оно получило при Давидѣ, но и старался придать ему еще большую торжественность [1]), чѣмъ естественно *содѣйствовалъ къ поддержанію цвѣтущаго состоянія псалмопѣнія*, судьба котораго со времени Давида была тѣсно связана съ богослуженіемъ. Во все это время, сперва при Скиніи, а потомъ при построенномъ имъ храмѣ Іерусалимскомъ продолжали существовать учрежденные Давидомъ левитскіе хоры пѣвцовъ для славословія Господу (2 Пар. 8, 14-15), и раздаваться свящ. гимны, составленные Давидомъ и его пѣвцами (2 Пар. 5. 12-13. 7, 6), а по поводу нѣкоторыхъ, особенно торжественныхъ обстоятельствъ царствованія составлялись также и нѣкоторыя новыя пѣсни. каковы были напр. упомянутые выше Соломоновы псалмы 71 и 126 и вѣроятно псалмы: 44-й сыновъ Кореевыхъ,

---

[1]) Ср. празднованіе перенесенія ковчега завѣта на Сіонъ при Давидѣ 2 Ц. 6. 12—19 и 1 Пар. 15, 15—16 гл. ст. 3, съ празднованіемъ перенесенія ковчега въ новоустроенный храмъ Іерусалимскій и освященіе его послѣдняго при Соломонѣ 3 Ц. 8 и 2 Пар. 5—7 гл. 10 ст.

воспѣтый, какъ полагаютъ толкователи, по случаю брака Соломонова съ дочерью царя Египетскаго, и 131, не обозначенный именемъ писателя, но очень можетъ быть составленный самимъ Соломономъ на освященіе новоустроеннаго храма [1]).

Но Соломонъ не сохранилъ до конца жизни благочестивой своей ревности къ служенію Іеговѣ, а съ паденіемъ мудрѣйшаго царя израильскаго пало благочестіе и въ народѣ, всегда отличавшемся склонностію къ увлеченіямъ языческими заблужденіями и пороками. Въ свою очередь упадокъ вѣры и благочестія въ народѣ не могъ не отозваться неблагопріятно на псалмопѣніи, которое, какъ мы уже замѣтили, будучи тѣсно связано съ богослуженіемъ, всегда являлось какъ плодъ вѣрующаго благочестиваго сердца и служило къ выраженію и распространенію въ народѣ вѣры и благочестія. Но гораздо сильнѣе обнаружилось это послѣ смерти Соломона, когда возбужденное имъ подъ конецъ его царствованія недовольство въ народѣ, еще болѣе увеличившееся вслѣдствіе гордаго отказа его сына Ровоама—удовлетворить народныя требованія, произвело раздѣленіе царства еврейскаго, оторвавъ отъ дома Давида,—отчасти псалмопѣнія,—наибольшую часть его. Царь, избранный отложившимися десятью колѣнами, опасаясь, чтобы подданные его, ходя въ Іерусалимскій храмъ на поклоненіе, не возвратились подъ власть наслѣдника Соломонова, рѣшился окончательно разорвать единство народа, и на мѣсто единой Іерусалимской святыни, религіознаго центра всей націи, устроилъ въ двухъ концахъ своего государства двѣ новыя святыни, гдѣ народъ поклонялся не невидимому Творцу неба и земли, а двумъ золотымъ тельцамъ. Почти ни одинъ голосъ не поднялся въ Израилѣ противъ этого безнравственнаго дѣла. Вѣдь самъ Соломонъ, мудрѣйшій изъ царей, построилъ идолопоклонническіе жертвенники на горѣ предъ Іерусалимомъ, въ виду храма Господня, и такимъ образомъ пріучилъ народъ къ подобному зрѣлищу. Прежніе священники, учители народа, были удалены и безсмертные гимны Давида и пѣвцовъ его перестали раздаваться въ Израилѣ. Прежніе праздники, къ которымъ собирался весь народъ въ центральной святынѣ, чтобы наслаждаться чудными псалмами левитовъ, были отмѣнены и замѣнены новыми, во время которыхъ служили жрецы—невѣжды (3 Ц. 12, 26—33. 13, 33 и 2 Пар. 11, 13—15). Напрасны были всѣ

[1]) См. ниже объ этихъ псалмахъ.

старанія великихъ посланниковъ Божіихъ—возвратить Израильское царство къ служенію Іеговѣ; напрасна была возникавшая по временамъ, или лучше возбуждавшаяся пророками оппозиція язычеству со стороны уцѣлѣвшихъ тамъ чтителей истиннаго Бога: язычество, поддерживаемое правительствомъ, подавляло всякое сопротивленіе ему и уничтожало добрые плоды усилія святыхъ ревнителей истиннаго богопочтенія. Такимъ образомъ, Израильское царство навсегда погибло для исторіи псалмопѣнія [1]), для существованія и развитія котораго исключительнымъ поприщемъ становится со времени раздѣленія царства одна Іудея, гдѣ еще продолжала царствовать Давидова династія.

Іудея не падала такъ низко, какъ отдѣлившееся отъ нея царство десяти колѣнъ; но и въ ней не много было благочестивыхъ царей, которые являлись хранителями истинной вѣры и благочестія, любили благолѣпіе дома Божія и величественное богослуженіе, сопровождавшееся пѣніемъ псалмовъ Давида и пѣвцовъ его. Большинство преемниковъ Давида на престолѣ царства Іудейскаго не были достойны своего великаго предка, но предавались идолопоклонству и нечестію, которыя старались распространить и между своими подданными. Въ городѣ Давидовомъ умножались идольскія капища и курились идольскія жертвы, а храмъ Іеговы постепенно пустѣлъ и—было время, когда онъ стоялъ совершенно пустымъ, былъ затворенъ, ограбленъ для украшенія языческихъ капищъ и осквернѣнъ устроеніемъ въ немъ идольскихъ алтарей (2 Пар. 24, 7. 18. 28, 24. 25. 33, 4 — 7. 4. Ц. 21, 3 — 7 и др). Понятно, что въ эти времена упадка истиннаго Богопочтенія не могли являться псалмопѣвцы и даже не слышны были пѣвцы древнихъ пѣсней Давидовыхъ. *Псалмопѣніе*, такъ быстро развившееся и достигшее высокой степени процвѣтанія во времена, предшествующія раздѣленію царствъ,—вслѣдъ за раздѣленіемъ съ такой же быстротой *склонилось къ своему паденію*. Впрочемъ паденіе это не было совершен-

[1]) Единственное исключеніе въ этомъ случаѣ представляетъ пѣснь пророка Іоны въ его кн. гл. 2, 3—11, происходившаго изъ царства Израильскаго и пророчествовавшаго при Іеровоамѣ II (4 Ц. 14, 25), воспѣтая имъ впрочемъ не въ предѣлахъ Израильскаго царства, а во время бѣгства его въ Ѳарсисъ, во чревѣ китовѣ, послѣ чего онъ опять-таки отправляется не въ Израильское царство, а въ Ассирійскій городъ Ниневію.

ное и окончательное, какъ не было совершеннымъ и окончательнымъ въ царствѣ Іудейскомъ паденіе истинной вѣры, и благочестія и торжество идолопоклонства и нечестія. Въ продолженіи 370-ти лѣтняго существованія Іудейскаго царства *исаломпяніе еще три раза*, хотя и не на долгое время, *снова пробуждалось и опять возвышалось до значительной степени процвѣтанія*. Такъ было *въ правленіе благочестивыхъ царей Іосафата, Езекія и Іосіи*. Эти три царя, отдѣленные одинъ отъ другаго довольно длинными промежутками времени, съ рядомъ нечестивыхъ, идолопоклонническихъ царей, ревностно заботились о возстановленіи истинной вѣры и благочестія, и, благодаря ихъ усиліямъ, величественное богослуженіе храма Іерусалимскаго, послѣ своего упадка, снова являлось во всей полнотѣ своего благолѣпія, по установленію Давидову. Въ домѣ Господнемъ опять поставляемы были хоры левитскихъ пѣвцовъ изъ сыновъ Каѳовыхъ, Кореевыхъ и Асафовыхъ, съ кимвалами, псалтирями и цитрами, чтобы славить Господа словами Давида и другихъ вдохновенныхъ пѣвцовъ его (2 Пар. 20, 19. 28. 29. 25—30. 35. 15). Торжественныя празднества въ Іерусалимѣ по случаю возстановленія истиннаго богопочтенія, а также и другимъ важнымъ событіямъ, на которыя были созываемы нетолько всѣ Іудеи, но приглашались даже и отчуждившіеся отъ священнаго центра еврейской націи Израильтяне, какъ это было при Езекіи, и которыхъ празднованіе, кромѣ принесенія установленныхъ жертвъ, соединялось еще, какъ при Іосіи, съ чтеніемъ закона, наставленіями и всенародными обѣтами — хранить его,—все это, вмѣстѣ съ давно неслыханнымъ величественнымъ пѣніемъ безсмертныхъ гимновъ древнихъ вдохновенныхъ пѣвцовъ, естественно, должно было производить сильное религіозное возбужденіе, снова соединившее весь народъ во едино, какъ въ лучшія времена царствованія Давидова (2 Пар. 29, 36). Чтобы еще болѣе развить и упрочить въ народѣ такое пробужденіе національно-религіознаго сознанія, благочестивые цари старались поднять уровень религіозно-нравственнаго сознанія народа. Іосафатъ самъ обходилъ всѣ предѣлы своего царства, чтобы обратить отпадшихъ къ Господу Богу отцовъ ихъ и всюду внушить своимъ подданнымъ страхъ Божій и сознаніе долга, честности, справедливости (2 Пар. 19. 4—11), и кромѣ того учредилъ изъ князей, левитовъ и священниковъ миссіонерское общество проповѣдниковъ и учителей, которые

обходили всѣ города Іудеи съ книгою закона Божія и учили народъ вѣрѣ и благочестію (2 Пар. 17, 7—9). Езекія прилагалъ особенное попеченіе о собраніи и сохраненіи памятниковъ древней священной письменности и съ этою цѣлію образовалъ особенное общество просвѣщенныхъ мужей, трудами которыхъ, какъ несомнѣнно извѣстно, была собрана значительная часть книги Притчей (Притч. 25, 1) и вѣроятно также собраны были и многіе изъ древнихъ псалмовъ [1]), которымъ тогда снова дано было литургическое употребленіе, а можно полагать, и нѣкоторые священно-историческіе памятники—лѣтописи царей, веденныя современными пророками и государственныя записи.—послужившія впослѣдствіи къ составленію 3 и 4 книги Царствъ и Паралипоменонъ. Такому попеченію царей о вѣрѣ и религіозно-нравственномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умственномъ образованіи народа Іудейскаго, безъ сомнѣнія, содѣйствовали своею вдохновенною проповѣдію и высокимъ нравственнымъ вліяніемъ чрезвычайные посланники Божіи — пророки, которыми особенно богато это время, сравнительно со всѣмъ остальнымъ временемъ царства Іудейскаго [2]). Все это вмѣстѣ не могло не содѣй-

---

[1]) Такое мнѣніе, на основаніи Притч. 25, 1, высказываетъ Деличъ въ введ. къ объясн. Псалмовъ—Die Psalmen 1867 г. стр. 13.

[2]) При Іосафатѣ пророчествовали Іуій (2 Пар. 19, 1—3 и 20, 34), Іозіилъ (гл. 20, 14—17) и Елиезеръ (гл. 20, 35—37); при Езекіи—Исаія (4 Ц. 19, 3 и д. Исаіи 1, 1 и 36—39), Михей (Мих. 1, 1) и Наумъ (Начерт. Церк. Библ. Ист. 1819 г. стр. 477); при Іосіи-Олдама (4 Ц. 22, 14 и д. 2 Пар. 34, 22 и д.), Іеремія (Іер. 1, 2), Софонія (Соф. 1, 1), и можетъ быть Аввакумъ (Delitzsch—Comm. zu Habakuk 1843. Hengstenberg—на Пс. 94. O. v. Gerlach-Comment. Bd. IV Abth. 2). Другіе впрочемъ охотнѣе относятъ его ко времени царствованія Манассіи (Начерт. Ц. Библ. Ист. стр. 478; Голубевъ—кн. прор. Аввакума. Христ. Чт. 1867 г. Ноябрь. Keil-Comment. über die zwölf Propheten. Leipz. 1866 г. S. 403—колеблется между этимъ и предшествующимъ мнѣніемъ), а нѣкоторые даже ко времени Іоакима (de-Wette, Ewald, Umbreit также въ Real-Encyclop. von Herzog. Bd. V подъ словомъ Habakuk). Что касается первыхъ двухъ мнѣній, которымъ мы отдаемъ преимущество предъ послѣднимъ, то на нашъ взглядъ они не настолько противоположны, чтобъ нужно было, принимая одно, непремѣнно и со всѣмъ усиліемъ отвергать другое, какъ дѣлаетъ Голубевъ; такъ какъ царствованіе Манассіи отдѣлялось отъ времени Іосіи только двухлѣтнимъ царствова-

ствовать къ пробужденію въ народѣ даровъ священно-поэтическаго творчества и къ возрожденію псалмопѣнія, тѣмъ болѣе, что многіе пророки разсматриваемаго нами времени съ тѣмъ вмѣстѣ были и вдохновенные пѣвцы, какъ Іозиилъ при Іосафатѣ [1]), Исаія [2]) при Езекіи, Іеремія [3]), а можетъ быть и Аввакумъ [4]) при

ніемъ Амона, и самъ почтенный профессоръ (на стр. 692) время пророч. служенія Аввакума относитъ къ концу царствованія Манассіи, ок. 645 до Р. Хрпст., т. е. за два года до смерти Манассіи и за четыре года до Іосіи. Древнее преданіе о томъ, что пророкъ пережилъ разрушеніе Іерусалима Навуходоносоромъ (см. также у Голубева стр. 693—94), также побуждаетъ скорѣе къ примиренію обоихъ мнѣній. Изъ всѣхъ остальныхъ царей Іудейскихъ до начала плѣненія Вавилонскаго,—въ царствованіе Іоакима,—только при Озіи одновременно встрѣчаются трое пророковъ: Захарія (2 Пар. 26, 5), Іоиль (Начерт. Ц. Б. Ист. 475—6) и Исаія (Исаіи 1, 1).

[1]) Іозиилъ былъ левитъ изъ сыновъ Асафовыхъ (2 Пар. 20, 14), которые во весь періодъ царства Іудейскаго (2 Пар. 29, 13. 35, 15), и даже послѣ возвращенія изъ плѣна (Езд. 2, 41. Неем. 7, 44. 11, 22), принадлежали къ числу пѣвцовъ; почему большая часть толкователей съ вѣроятностію считаютъ его писателемъ Пс. 82, который надписывается именемъ Асафа, и есть молитва къ Богу о помощи по случаю нашествія на Іудею Аммонитянъ, Моавитянъ и соединенныхъ съ ними народовъ. O. v. Gerlach, Hengst., Keil, Delitzsch и нашъ отечественный толкователь псалмовъ Ириней (въ Толк. Псалм. изд. Св. Синода. Москва. 1823. стр. 90 и дал.).

[2]) Книга прор. Исаіи, подобно большей части книгъ пророческихъ, за исключеніемъ немногихъ историческихъ мѣстъ, вся написана языкомъ поэтическимъ; но при этомъ нѣкоторыя его пророчества по преимуществу излагаются въ видѣ пѣсней, которыя онъ влагаетъ въ уста сынамъ Израилевымъ, каковы напр. гл. 5, 1—30. 12, 1—6. 14, 4—21. 26, 1—21.

[3]) Пророкъ Іеремія написалъ пѣснь Плача по случаю разрушенія Іерусалима Халдеями (кн. Плача Іереміи) и другую недошедшую до насъ элегическую пѣснь на смерть Іосіи (2 Пар. 35, 25).

[4]) Книга прор. Аввакума вся написана прекраснымъ поэтическимъ языкомъ, съ правильнымъ строфическимъ раздѣленіемъ, и оканчивается вдохновенною пѣснію (въ 3 гл.), которая имѣетъ совершенное сходство съ псалмами, употреблявшимися въ храмѣ и, подобно имъ, назначена была для пѣнія съ музыкальными орудіями, какъ видно изъ приписки

Іосіи, и самъ царь Езекія, какъ показываетъ гимнъ его [1]) по случаю чуднаго выздоровленія (Иса. 38, 9—20), тоже былъ поэтъ, конечно, больше подражательный, нежели производительный-оригинальный. Кромѣ того при Іосафатѣ и Езекіи совершились такія великія и многознаменательныя для Іудеевъ чудесныя событія, которыя одни, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, долженствовали разомъ вызвать ихъ къ новой духовной жизни и, такъ сказать, мгновенно пробудить подавленный въ предшествующее время, но незаглохшій совершенно, природный поэтическій геній къ молитвеннымъ хвалебнымъ и благодарственнымъ пѣснямъ Господу силъ, защитнику Богу Іаковлеву. Таковы были: при Іосафатѣ предсказанное Іозіиломъ низложеніе многочисленныхъ сосѣднихъ народовъ, грозившихъ Іудеѣ совершеннымъ опустошеніемъ и порабощеніемъ (2 Пар. 20 гл.), при Езекіи предвозвѣщенное Исаіею чудесное истребленіе страшнаго войска Сеннахиримова подъ стѣнами Іерусалима (4 Ц. 18, 17—19 гл. 37). Впрочемъ пробужденіе псалмопѣнія, вызванное этими обстоятельствами, равно какъ и всею дѣятельностію царей Іосафата и Езекіи съ современными имъ пророками, пробужденіе хотя живое и сильное, не было глубоко и продолжительно: преемники этихъ царей дѣйствовали вопреки ихъ благочестивымъ намѣреніямъ, стараясь подавить въ народѣ истинную вѣру и благочестіе, и тѣмъ снова заставляли замолкнуть только что заговорившій геній псалмопѣнія. Оттого-то это время, не смотря на живость возбужденія, осталось довольно слабо отмѣченнымъ въ исторіи псалмопѣнія. Въ Кн. Псалмовъ мы имѣемъ нѣсколько весьма живыхъ и вдохно-

---

въ концѣ ея (ст. 19): «начальнику хора на струнныхъ моихъ орудіяхъ» (съ евр. переводъ Макарія). См. Павскаго Обозр. Кн. Псалмовъ стр. 14 примѣч.

[1]) LXX и въ нашемъ Слав.: молитва. מִכְתָּב собственно *писаніе* (Втор. 10, 4. 2 Пар. 35, 4), письмо (2 Пар. 21, 12), письменный документъ (Ездр. 1, 1); но поставленное въ заглавіи особеннаго рода сочиненій, напр. въ надписаніи нѣкоторыхъ псалмовъ (מִכְתָּם Пс. 16, 56, 57, 58, 59, 60 по евр.),—это слово значитъ пѣснь, гимнъ, почему въ надписаніи пѣсни Езекія въ нынѣшнемъ греческ. переводѣ предъ словомъ προσευχή прибавлено въ объясненіе: (Ὠδή). См. русск. перев. кн. Исаіи съ прим. на это мѣсто — Тр. К. Д. Академіи 1868 г., и Hebr. Handwörterbuch v. Jul. Fürst. Bd. I подъ словомъ מִכְתָּב и מִכְתָּם.

венныхъ пѣсней, большею частію Асафовыхъ и Кореевыхъ [1]), которыя, не смотря на отсутствіе у нихъ историческихъ надписаній, тѣмъ не менѣе должны быть отнесены ко временамъ Іосафата и Езекіи, такъ какъ своимъ содержаніемъ ясно указываютъ на обстоятельства ихъ царствованія и особенно на совершившееся тогда чудесное избавленіе отъ нашествія на Іудею страшныхъ враговъ; но число этихъ пѣсней очень незначительно въ сравненіи съ числомъ пѣсней предшествующаго и послѣдующаго времени.

Гораздо продолжительнѣе было пробужденіе и оживленіе псалмопѣнія при Іосіи, которое не только переживаетъ его, но проходитъ чрезъ весь періодъ вскорѣ наступившаго затѣмъ плѣна Вавилонскаго и даже продолжается послѣ плѣна, до времени возстановленія Іерусалима и храма. И на этотъ разъ не благочестіе царей, преемствовавшихъ Іосіи, и не религіозное возбужденіе народной массы давало жизненную силу пробудившемуся при Іосіи дару псалмопѣнія. Преемники Іосіи, подобно преемникамъ Іосафата и Езекіи, не слѣдовали его примѣру ни въ соблюденіи истиннаго богопочтенія, ни въ управленіи государствомъ. Служеніе Іеговѣ вытѣснено было идолослуженіемъ, которое въ самое короткое время такъ усилилось и распространилось, что, по словамъ Іереміи пророка, «сколько было городовъ въ Іудеѣ, столько Іудеи имѣли боговъ, и сколько площадей находилось въ Іерусалимѣ, столько тамъ было алтарей въ честь срамнаго Ваала» (Іер. 11, 13). Въ свою очередь идолопоклонство, съ его гнусными, отвратительными обрядами, служило источникомъ нравственной порчи [2]) въ народѣ іудейскомъ, больше и больше раз-

---

[1]) Ко времени Іосафата относятъ Псалмы: 82 Асафовъ, 45,46 и 47 сыновъ Кореевыхъ: ко времени Езекіи: 74 и 75 Асафовы, 86 сыновъ Кореевыхъ, и 65, 66, 90 и 91 неизвѣстныхъ писателей. См. ниже объ этихъ Псс.

[2]) Въ кн. пророковъ этого времени мы постоянно встрѣчаемъ обличенія въ неправосудіи, убійствахъ, насиліи, притѣсненіи вдовъ и сиротъ, прелюбодѣяніи, обманахъ, жестокомъ обращеніи съ рабами, совершеннаго презрѣнія и осквернения національной святыни, какъ-то: храма, праздниковъ и субботъ и пр. и пр. (См. напр. 2 Пар. 36, 13—16. Іер. 21, 12. 22, 3. 14. 23, 14. 34, 11. Іез. 9, 9. 11, 6. 22, 23—31 и мн. др.). Вообще, судя по обличеніямъ пророковъ, не было, кажется, ни одного порока, которому бы не предавались тогда Іудеи. И это не просто слѣд-

слаблявшей душевныя и тѣлесныя силы его. Только незначительная лучшая часть Іудеевъ осталась вѣрною святому служенію Іеговѣ, и въ этомъ-то святомъ сѣмени продолжалъ еще, какъ намъ кажется, жить и проявляться священный даръ пѣснопѣнія, пробудившійся въ благочестивое царствованіе Іосіи. Со смертію этого царя, когда завоевательныя стремленія Египта съ одной стороны, и возраставшее постепенно страшное могущество Вавилона съ другой, грозили поглотить нравственно и политически разслабленное царство Іудейское, для всѣхъ лучшихъ людей Іуды ясно стало, что Іудея стоитъ на краю своего политическаго существованія, что уже наступаетъ для нея исполненіе грозныхъ пророчествъ великаго Исаіи, повторявшихся послѣ него всѣми послѣдующими пророками. Близость ожидаемаго бѣдствія вызываетъ изъ ихъ сердца молитвенные вопли къ Богу о помилованіи, а предчувствіе неизбѣжности его побуждаетъ искать утѣшенія въ древнихъ непреложныхъ обѣтованіяхъ Божіихъ Израилю и въ возвѣщаемомъ ему пророками помилованіи и откровеніи новаго славнаго царства, которое обниметъ собою всѣ народы земные. Такимъ образомъ въ виду приближающейся халдейской катастрофы голосъ предвѣщавшихъ ее духовныхъ стражей Израиля вызываетъ отголоски изъ среды лучшей, внимательной къ нему части народа, пророчества сопровождаются цѣлымъ рядомъ вдохновенныхъ пѣсней, въ которыхъ слышится лирическое изложеніе и повтореніе того, что высказывалось въ нихъ подъ формою строгихъ обличеній, увѣщаній и угрозъ, или свѣтлыхъ созерцаній и ожиданій будущаго избавленія. Въ Книгѣ Псалмовъ находится не мало такихъ пѣсней, представляющихъ собою ясные отголоски пророческихъ предсказаній о плѣнѣ и будущемъ избавленіи, особенно изъ послѣдней части книги прор. Исаіи, которыя съ вѣроятностію слѣдуетъ отнести къ періоду времени отъ Іосіи до плѣна Вавилонскаго, когда, какъ мы уже замѣтили, близость и неизбѣжность его больше и больше выяснялись предъ взоромъ внимательныхъ къ божественнымъ откровеніямъ истинныхъ чадъ Израиля, которые не хотѣли, подобно неразумной и

ствіе обыкновенной человѣческой слабости или увлеченія, а плодъ крайней нравственной испорченности и глубокаго паденія, такъ что обычное у пророковъ сравненіе тогдашнихъ Іудеевъ съ погибельными городами Содомомъ и Гоморрою—нисколько не преувеличеніе.

развращенной толпѣ съ ея недостойными правителями, намѣренно скрывать отъ себя опасность своего положенія [1]).

Вскорѣ наступило и паденіе царства Іудейскаго, о которомъ предсказывали пророки и вслѣдъ за ними возвѣщали псалмопѣвцы. Навуходоносоръ царь Вавилонскій, уже дважды при преемникахъ Іосіи поражавшій и подчинявшій его своей власти, наконецъ совершенно разрушилъ его и положилъ конецъ его существованію. Іудейская страна была опустошена, Іерусалимъ взятъ и разрушенъ, храмъ сожженъ, сокровища его унесены въ Вавилонъ, священники, старѣйшины и вельможи большею частію умерщвлены мечемъ и голодомъ, народъ, за исключеніемъ самаго бѣднаго класса, отведенъ въ плѣнъ и обращенъ въ рабство. Псалмопѣвцы, можетъ быть тѣ самые, которые заранѣе предчувствовали и возвѣщали гнѣвъ Божій на Іудею, вслѣдъ за пророкомъ Іереміею (кн. Плача), оплакали теперь въ молитвенныхъ пѣсняхъ своихъ предъ Богомъ жестокія несчастія, постигшія избранный народъ Его, погибель святаго храма и города Давидова (Пс. 73 и 78-й).

Впрочемъ съ концемъ политическаго существованія народа іудейскаго и началомъ его плѣна, какъ мы уже замѣтили, не оканчивается исторія его псалмопѣнія. Грозный, карающій судъ Божій, потрясая всѣ основы народной жизни Іудеевъ, производитъ на нихъ нравственно-отрезвляющее и вразумляющее дѣйствіе, возбуждая съ одной стороны раскаяніе и отвращеніе къ идолопоклонству и тѣмъ преступленіямъ, въ которыхъ опомнившееся сознаніе указывало тайную причину всѣхъ постигшихъ несчастій, съ другой — возбуждая особенную горячность къ потерянному благу и готовность на всѣ жертвы для его сохраненія и возвращенія. Стѣсненіе свободы вѣроисповѣданія и открытыя возстанія язычества противъ служенія Іе-

---

[1]) Ко времени Іосіи и послѣ него до плѣна Вавилонскаго, кажется, слѣдуетъ отнести Псалмы: 76—79 Асафовы и 92—99 неизвѣстныхъ писателей. Пс. 76 имѣетъ въ себѣ много сроднаго съ пѣснію Аввакума, а Пс. 92 — 99 составляютъ какъ бы отголосокъ второй части пророчествъ Исаіи (40 — 66 гл.), почему германскими богословами послѣдняго времени и принято называть ихъ псалмами девтероисаіинными (Deuterojesajanische Psalmen. Генгстенбергъ, Деличъ и др.). Впрочемъ въ нихъ не мало выраженій и изъ другихъ пророковъ—Михея, Аввакума и Іереміи.

говѣ, которое въ своемъ отечествѣ Іудеи охотно мѣняли на служеніе Ваалу и другимъ мерзостямъ языческимъ, въ плѣну Вавилонскомъ только сильнѣе пробуждаютъ и укрѣпляютъ религіозное чувство, производятъ между ними исповѣдниковъ религіи, готовыхъ за нее на смерть и всевозможныя мученія и навсегда излечиваютъ ихъ отъ глубокой и застарѣлой наклонности къ идолопоклонству. Въ Іерусалимѣ, во дни нечестивыхъ царей, Іудеи равнодушно проходили мимо храма Іеговы въ языческія капища и холодно смотрѣли на опустѣвшій храмъ и заключенныя двери его: но изъ Вавилона горячія молитвы плѣнниковъ неслись въ ту сторону, въ которой стоялъ Іерусалимъ и глубоко трогались сердца воспоминаніемъ о храмѣ, теперь разрушенномъ, о благолѣпіи и священной торжественности совершавшагося въ немъ богослуженія. Теперь и сіонскія пѣсни, въ сопровожденіи музыкальныхъ инструментовъ оглашавшія нѣкогда слухъ ихъ въ потерянномъ отечествѣ, получаютъ въ ихъ глазахъ особенно высокую цѣну и вмѣстѣ съ пророчествами, которымъ прежде не внимали и отъ которыхъ отвращались, становятся наилучшимъ и единственнымъ средствомъ утѣшенія и ободренія, и уже не для однихъ только избранныхъ, какъ во времена предшествующія плѣну, а для всего вразумленнаго несчастіями народа іудейскаго. «На рѣкахъ вавилонскихъ сидѣли Іудейскіе плѣнники, повѣсивъ на ивахъ арфы свои, и плакали, вспоминая сіонскія пѣсни» [1]), которыя, если они не могли пѣть въ слухъ своихъ поработителей для ихъ праздная развлеченія и удовольствія, то, конечно, не переставали пѣть въ удаленіи отъ нихъ въ своихъ сонмищахъ для собственнаго утѣшенія и назиданія. При этомъ изъ возбужденной души вдохновенныхъ пѣвцовъ вслѣдъ за сіонскими пѣснями изливались и собственные ихъ молитвенные вопли къ Богу о помощи, выраженія живаго упованія на будущее избавленіе, или слова утѣшенія и вразумленія для плѣнныхъ соотечественниковъ, такъ что, если нельзя вполнѣ доказать, что нѣкоторые изъ древнихъ псалмовъ во время плѣна получили соотвѣтствующія обстоятельствамъ прибавленія [2]), то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣ-

---

[1]) Пс. 136, 1—4.

[2]) Такими прибавками считаютъ Пс. 13 ст. 7 (52, 7); 24, 22. 33, 23. 50. 20—21. 68, 36—37—Tholuck, а также и Delitzch, хотя нерѣшительно; кромѣ того о Пс. 50, 20—21 Rosenmüll., Umbreit, Köster,

нію, что *къ этому времени относится происхожденіе нѣсколькихъ находящихся въ Псалтири пѣсней*, каковы напр. Псалмы 101, 104 и 105.

Еще *больше написано было пѣсней послѣ возвращенія изъ плѣна.* Чувство возвращенной свободы, сознаніе себя опять націей и церковью Іеговы, многознаменательныя событія возстановленія Іерусалима и храма и торжественное освященіе ихъ, равно какъ торжество возстановленія завѣта съ Богомъ и законнаго Богослуженія; а съ другой стороны при этихъ торжествахъ всюду еще слѣды недавняго разрушенія и опустошенія и вслѣдствіе того еще продолжающаяся борьба съ различными недостатками и нуждами, а всего болѣе недоброжелательства и открытыя враждебныя дѣйствія со стороны сосѣднихъ народовъ, которые старались помѣшать національному возрожденію Іудеевъ,—все это такія обстоятельства, которыя поперемѣнно вызывали изъ сердца возвратившихся въ отечество плѣнниковъ то чувства скорби и глубокаго сокрушенія о грѣхахъ, то благодарной радости и ликованія предъ Богомъ и возбуждали между ними вдохновенныхъ пѣвцовъ пѣть новыя, то скорбно-молитвенныя, то торжественныя, хвалебно-благодарственныя пѣсни Господу. Кто были вдохновенные псалмопѣвцы этого времени, мы не знаемъ, какъ не знаемъ пѣвцовъ изъ времени предъ наступленіемъ и въ продолженіи плѣна. Можно впрочемъ догадываться, что это были потомки древнихъ левитскихъ фамилій, еще во времена Давида прославившихся даромъ псалмопѣнія, которые потомъ продолжали существовать въ періодъ царства іудейскаго и изъ которыхъ свящ. историки послѣ плѣннаго періода упоминаютъ о сынахъ Асафовыхъ (Ездр. 2, 41. 3, 10. Неем. 7, 44. 11, 22), хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что сохранившееся въ

Aben-Esra (Script. Sacrae Curs. Compl.) и нынѣшніе Евреи (см. Сегаль-Ист. евр. нар. стр. 101). Относит. Пс. 13, 7 (52, 7) и 50. 20—21 и бл. Ѳеодоритъ склоняется къ тому, что эти слова приличествуютъ плѣнникамъ, хотя на Пс. 50, 20—21 онъ смотритъ какъ на пророчество Давида о плѣнѣ Вавилонскомъ, а Пс. 13, 7 считаетъ молитвою Езекіи о плѣнныхъ Израильтянахъ. Впрочемъ всѣ эти мѣста удобно можно объяснить и въ связи съ цѣлымъ составомъ псалмовъ, не приписывая имъ отдѣльнаго происхожденія во время плѣна Вавилонскаго. (См. Hengstenberg и Delitzsch на Пс. 13, 7. 50, 20—21 и Ириней—толк. Псалмовъ).

надписаніяхъ псалмовъ древнее преданіе охотнѣе приписываетъ многія изъ пѣсней этого времени жившимъ тогда пророкамъ Аггею и Захаріи. Во всякомъ случаѣ поэтическое возбужденіе въ народѣ Іудейскомъ было тогда весьма живое и сильное, уступавшее по своей производительности только временамъ Давида, но за то далеко превосходившее всѣ послѣдующіе времена возрожденія священной лирики, такъ что въ Псалтири насчитываемъ мы столько же псалмовъ, относящихся своимъ происхожденіемъ ко времени послѣ плѣна, сколько ихъ приходится на весь болѣе чѣмъ 370 лѣтній періодъ существованія царства Іудейскаго, даже со включеніемъ и 70 лѣтъ плѣна Вавилонскаго [1]).

Только это время не было продолжительно какъ вообще не бываетъ продолжительно время сильнаго возбужденія чувства или усиленно-напряженной дѣятельности. Возстановленіе и освященіе стѣнъ города было послѣднимъ великимъ побужденіемъ пѣть новую пѣснь Господу. Вскорѣ затѣмъ великая реформаторская дѣятельность Ездры и Нееміи, державшая только что возродившійся народъ Іудейскій въ постоянно-напряженномъ религіозномъ состояніи, прерывается ихъ смертію. Въ тоже время прекращается въ Израилѣ и чудное пророческое служеніе: Малахія своею проповѣдію даетъ народу послѣднее завѣщаніе пророковъ помнить законъ Моусеевъ и божественныя обѣтованія и—съ тѣхъ поръ не раздается болѣе въ обществѣ Израиля тотъ живой небесный голосъ, божественною силою котораго оно было основано въ началѣ и руководимо во всѣ трудныя времена. Слѣдовавшіе затѣмъ правители и представители народные не шли по слѣдамъ Ездры и Нееміи, занимаясь болѣе своими личными, нежели общественными національными интересами, а учители и руководители народные, заступившіе мѣсто богодухновенныхъ учителей-пророковъ, были чужды духа пророческаго; ихъ вниманіе остановилось на одной внѣшности, на одной мертвой буквѣ закона, далѣе которой они ничего не хотѣли или не могли видѣть, а потому и дѣятельность ихъ ограничивается стремленіемъ

---

[1]) Къ этому времени относятъ слѣдующіе 29 Псалмовъ: 84. 106. 110—120. 122. 124—5. 127—9. 133—6. 145—150; тогда какъ за весь періодъ существованія царства Іудейскаго со включеніемъ и времени плѣна насчитываютъ только 27: 45—47. 65. 66. 73—76. 78. 79. 82. 86. 88. 90—99. 101. 104 и 105. См. объ этихъ псалмахъ ниже.

оградить законъ Моисеевъ отъ нарушенія одними внѣшними предписаніями, опредѣляющими каждый шагъ Іудеевъ, но въ сущности своей противными духу закона и не только не ограждающими, а прямо разоряющими заповѣдь Божію (Мѳ. 15, 6). Естественно при этомъ, что и духовная жизнь въ Іудейскомъ народѣ падаетъ и получаетъ неправильное направленіе, высокое религіозное возбужденіе постепенно слабѣетъ и святая ревность по Богѣ и благоугожденіе Ему уступаетъ мѣсто холодному, больше формальному и наружному, нежели внутреннему и искреннему, служенію буквѣ закона. Съ тѣмъ вмѣстѣ и священно-поэтическій восторгъ души и *даръ псалмопѣнія*, также какъ и даръ пророчества, всегда въ большей или меньшей степени жившій и проявлявшійся въ народѣ еврейскомъ, начиная съ древнѣйшихъ патріархальныхъ временъ, *прекращается съ проповѣдію послѣдняго ветхозавѣтнаго пророка Малахіи*. Отсюда начинается время естественной человѣческой письменности и изученія того, что изречено и воспѣто было Духомъ Божіимъ чрезъ Его орудія въ тѣ времена, когда народъ еврейскій проникало выше-человѣческое одушевленіе и когда въ немъ жило благодатное пророческое помазаніе. Конечно, народъ Іудейскій и послѣ сего не лишился своихъ духовныхъ дарованій, и всегда отличавшія его поэтическія способности сохранились въ немъ даже до настоящаго времени [1]). Равнымъ образомъ, въ послѣдующія за описанными времена его исторіи не было недостатка и въ высокомъ одушевленіи, доходившемъ иногда, какъ во времена Маккавеевъ, до геройскаго самоотверженія: но эти способности были естественныя, человѣческія и воодушевленіе было больше народно-патріотическое, нежели теократически-національное. Словомъ, народу Іудейскому недоставало теперь того благодатнаго озаренія, которое въ немъ жило и прекратилось съ пророческимъ служеніемъ; а безъ этого озаренія однѣ человѣческія способности, при всемъ своемъ

[1]) Во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ, гдѣ только живутъ Евреи, между ними очень часто и даже сравнительно чаще, чѣмъ между другими народностями, встрѣчаются замѣчательные ученые, поэты и особенно музыканты. Не рѣдкость также для настоящаго времени появленіе въ свѣтъ изъ среды Евреевъ новыхъ поэтическихъ произведеній духовнаго содержанія, составленныхъ по подражанію псалмамъ и вообще библейскимъ пѣснямъ, въ родѣ напр. недавно вышедшаго у насъ въ Россіи сборника духовныхъ стихотвореній на еврейскомъ яз. подъ заглавіемъ: כנור בת ציון.

возбужденіи, не могли произвести что либо высшее естественнаго-человѣческаго, достойное занять мѣсто на ряду съ Писаніями Божественными. Потому, если и по прекращеніи пророческаго служенія въ народѣ Іудейскомъ еще продолжали являться даровитые пѣснописцы и, по подражанію древнимъ вдохновеннымъ псалмамъ, составлялись новыя духовныя пѣсни, нелишенныя, конечно, поэтическихъ красотъ и своего религіозно-національнаго значенія, то эти пѣсни существовали отдѣльно отъ свящ. пѣсней пророческаго періода, составляя особенные сборники въ родѣ древнихъ сборниковъ «Книги Браней Іеговы» и «Книги Праведнаго» «или позднѣйшихъ,—Псалтири Соломона [1])» и богослужебныхъ пѣсней нынѣшнихъ Ев-

---

[1]) «Ψαλμοὶ καὶ ᾠδαὶ Σαλομῶντος» или «Ψαλτήριον Σαλομῶντος» сборникъ изъ 18 греческихъ псалмовъ, написанныхъ, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, первоначально на евр. языкѣ (Geschichte der Juden. Gratz. Bd. 3 стр. 489; ср. Павскаго Обозр. Кн. Псалмовъ стр. 13). Въ древнихъ манускриптахъ греческой Библіи эти псалмы помѣщались иногда между неканоническими книгами Св. Писанія, напр. въ рукописи Винера между Прем. Соломона и І. сына Сирахова (Lambecius 1 Ausg. Bd. III. 3, 20); въ знаменитомъ Codex Alexandrinus стояли нѣкогда, и именно одни изъ апокрифовъ, въ концѣ Н. Завѣта (Grube's Ausg T. 1 proleg. c. 1 § 2); упоминаются также между неканоническими книгами въ псевдо-Аѳанасіевомъ Synopsis Scripturae Sacrae (Athanasii op. ed. Bened. 1774. T. 71 p. 154), въ стихометріи Константинопол. Патріарха Никифора (въ Бонниск. изд. какъ прибавленіе къ Георгію Синкеллу) и др Изданы первоначально на греч. языкѣ въ 1626 г. іезуитомъ І. А. Дела-Цердою, потомъ Фабриціемъ въ его Codex pseudepigraph. Vet. Testam. T. 1 стр. 917—972. 1722 года. Содержаніе ихъ составляютъ: описаніе бѣдствій вторженія язычниковъ (Пс. 2, 8, 17), смиренное признаніе правосудія Божія въ постигшихъ бѣдствіяхъ (1. 2. 8. 9. 17), изображеніе благочестиваго и грѣшника (3, 4, 14), рѣзкое обличеніе лицемѣрія тѣхъ, которые засѣдали въ верховномъ судилищѣ и хотѣли считаться учителями и благочестивыми (4), прославленія мужа, который постоянно молится и обращается къ Богу (6. 10), молитвы о прекращеніи наказанія, объ очищеніи грѣховъ, о сохраненіи на пути истины и объ исполненіи обѣтованій относительно пришествія Мессіи (11. 12. 17. 18). Вообще, въ содержаніи ихъ много сходнаго съ древними псалмами и писаніями пророковъ не только въ мысляхъ, но и въ выраженіяхъ. Судя по описаніямъ нашествія языческаго царя, который сокру-

реевъ [1]); но ни сами писатели, ни послѣдующіе собиратели никогда не дерзали присоединять такихъ пѣсней къ составленному, вѣроятно, уже Ездрою сборнику Псалмовъ, или къ Псалтири, подобно тому, какъ никто не осмѣлился присоединить къ священному канону, такъ называемыхъ, книгъ неканоническихъ, не смотря на все уваженіе, какимъ онѣ всегда пользовались и пользуются въ Христіанской Церкви и у Іудеевъ [2]).

шилъ твердыя стѣны Іерусалима, съ своими язычниками вошелъ во святилище и осквернилъ его, многихъ жителей увелъ въ плѣнъ, овладѣлъ крѣпостію и стѣнами, пролилъ много крови и заставилъ благочестивыхъ скрываться въ тайныхъ мѣстахъ (Пс. 2, 8, 17),—можно относить происхожденіе этихъ псалмовъ ко времени Антіоха Епифана (ср. 2 Макк. 5 гл. и д.)—Ewald-Iahrbuch f. bibl. Wiss. III. S. 232 и Geschichte d. Volkes Israel. Bd. IV S. 347 ff). Нѣкоторые впрочемъ относятъ ихъ появленіе ко времени Лаодик. собора на томъ впрочемъ единственномъ основаніи, что 59-мъ его правиломъ (по нашей Кормчей 58: см. листъ 84 и наобор.) они объявляются неподлинными (Cramer-Einleit. in die Psalmen, Ausg. 1850. S. 5). См. Real-Encyclop. v. Herzog. Bd. XII. Pseudepigraphen стр. 305 и д. Тр. К. Д. Ак. 1865. т. II стр. 436 и дал.

[1]) Каковъ напр. евр. молитвенникъ, называемый—מַחֲזוֹר (circulus, cyclus, на нѣм. яз. Festgebete der Israeliten. Polnischer Ritus. Berlin 1860, и евр. текстъ съ русск. пер. Гольдштейна, Вильна 1872 г.), написанный на древнемъ евр. языкѣ по подражанію Псалмамъ и другимъ библейскимъ пѣснямъ, съ которыми имѣетъ много буквально сходныхъ выраженій, почему въ XV вѣкѣ (между 1464—1473 гг.) ошибочно принятъ былъ у насъ за кн. Псалмовъ и «благословеніемъ и приказаніемъ митрополита Филиппа I переведенъ былъ съ евр. яз.,—новокрещеннымъ Евреемъ Ѳеодоромъ» подъ именемъ «Псалтири съ девятью библейскими пѣснями» (см. Опис. Сбор. XV в., принадлеж. библіотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго Мон. въ учен. Запискахъ Ак. Наукъ кн. 5. 1859 г.).

[2]) Здѣсь умѣстно напомнить свидѣтельство Іудейскаго историка І. Флавія относительно неканоническихъ писаній, который причину невнесенія ихъ въ канонъ и меньшей важности сравнительно съ каноническими книгами поставляетъ именно въ происхожденіи ихъ послѣ прекращенія въ народѣ іудейскомъ служенія пророковъ. Сказавши о 22-хъ книгахъ божественныхъ (т. е. каноническихъ), въ которыхъ пророки отъ времени Моисея до персидскаго царя Артаксеркса изложили всю исторію еврейскаго народа, онъ замѣчаетъ: «впрочемъ и все, случившееся съ царствованія Артаксеркса до нашихъ дней, также заключено въ пись-

Нѣкоторые ученые прошлаго и нынѣшняго столѣтія старались впрочемъ и стараются доказать, что псалмопѣніе продолжалось и послѣ Ездры и Нееміи и во времена Маккавеевъ достигало даже цвѣтущаго состоянія, такъ что къ этому будто бы времени относится, если не бо́льшая, то значительная часть пѣсней Псалтири, приписываемыхъ обыкновенно древнѣйшимъ богодухновеннымъ писателямъ: мнѣніе рѣшительно противоположное высказанному нами и потому требующее отъ насъ болѣе или менѣе подробнаго критическаго разбора. Но такъ какъ рѣшеніе вопроса объ основательности или неосновательности этого мнѣнія находится въ тѣсной связи, или правильнѣе сказать, зависитъ отъ рѣшенія вопроса о писателяхъ и времени происхожденія пѣсней Псалтири, а также времени собранія ихъ въ Книгу Псалмовъ, то, не останавливаясь здѣсь на разборѣ его, мы прямо перейдемъ къ этимъ послѣднимъ вопросамъ и уже послѣ, на основаніи ихъ рѣшенія, постараемся высказать о немъ свои заключенія.

мена; но эти писанія уже не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ прежде упомянутыя, потому что прекратилось преемство пророковъ (διὰ τὸ μὴ γενέσθαι τὴν τῶν προφητῶν ἀκριβῆ διαδοχήν,—Contra Apion Lib. I §§ 7 et 8). Замѣчаніе это, конечно, имѣетъ полную свою силу и въ отношеніи ко всѣмъ поэтическимъ произведеніямъ послѣ временъ Артаксеркса, или что тоже послѣ Ездры и Нееміи, если таковыя дѣйствительно существовали: всѣ эти произведенія точно также не могли пользоваться одинаковымъ уваженіемъ съ псалмами и слѣдовательно быть принятыми въ Книгу Псалмовъ, какъ историческія книги того же періода не были приняты въ число священныхъ книгъ пророческаго періода, и никогда не пользовались равнымъ съ ними уваженіемъ.

II.

ПИСАТЕЛИ И ВРЕМЯ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ПѢСНЕЙ ПСАЛТИРИ.

Въ представленномъ очеркѣ исторіи ветхозавѣтнаго псалмопѣнія мы уже касались отчасти вопроса о писателяхъ и времени происхожденія пѣсней Псалтири, какъ главнаго и единственнаго сборника ветхозавѣтнаго псалмопѣнія; тѣмъ не менѣе посвящаемое ему настоящее изслѣдованіе не будетъ излишнимъ повтореніемъ: такъ какъ тамъ мы имѣли въ виду выяснить лишь общія условія и указать главные историческіе моменты развитія ветхозавѣтной священной лирики и потому касались этого вопроса только въ общихъ чертахъ, по отношенію къ цѣлому, болѣе или менѣе обширному циклу священныхъ пѣсней того или другаго періода, не останавливаясь на частнѣйшемъ примѣненіи его къ отдѣльнымъ пѣснямъ Псалтири, происхожденіе которой и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. При томъ же изложенныя нами въ исторіи псалмопѣнія общія положенія о времени и условіяхъ его развитія, сами по себѣ твердыя и несомнѣнныя, какими и были признаваемы всегда, въ отношеніи къ происхожденію Псалтири обыкновенно подвергались и подвергаются сомнѣніямъ и, подобно тамъ же высказанному положенію о времени прекращенія ветхозавѣтнаго священнаго псалмопѣнія и связаннаго съ нимъ заключенія Псалтири, могутъ получить свою твердость и значеніе доказанныхъ положеній только послѣ подробнаго изслѣдованія о писателяхъ и времени происхожденія пѣсней, входящихъ въ составъ Псалтири. Къ числу такихъ положеній слѣдуетъ отнести даже и то самое общее, что Книга Псалмовъ есть собраніе священныхъ пѣсней различныхъ писателей, жившихъ въ

разныя времена и при различныхъ обстоятельствахъ: потому что издавна существовало и еще доселѣ сохраняется другое мнѣніе, что она есть произведеніе одного только пророка и царя Давида и что слѣдовательно время происхожденія всѣхъ существующихъ псалмовъ ограничивается лишь непродолжительнымъ періодомъ жизни и царствованія этого единственнаго псалмопѣвца. Съ разсмотрѣнія этого мнѣнія мы и начнемъ наше изслѣдованіе о писателяхъ и времени происхожденія пѣсней Псалтири.

А. Существующія мнѣнія о происхожденіи Псалтири.

Относительно того, кѣмъ написана была Книга Псалмовъ, издавна существуютъ два мнѣнія: однимъ изъ нихъ всѣ псалмы приписываются Давиду; по другому предполагаются различные писатели. Въ числѣ представителей какъ того, такъ и другаго мнѣнія, кромѣ позднѣйшихъ богослововъ и толкователей Псалтири, мы встрѣчаемъ многихъ древнихъ извѣстнѣйшихъ отцевъ и учителей Церкви [1]). Такъ, первое мнѣніе, что всѣ псалмы принадлежатъ Давиду, высказывали: св. Григорій Нисскій, св. Амвросій Медіоланскій и св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Августинъ и бл. Θеодоритъ, также Кассіодоръ, Евѳимій Зигабенъ, Филястрій и нѣкоторые другіе учители и писатели церковные; другаго мнѣнія о нѣсколькихъ различныхъ писателяхъ псалмовъ держались: Оригенъ, св. Иларій Пиктавійскій,

---

[1]) Оба эти мнѣнія встрѣчаются и у Іудеевъ. Такъ въ Талмудѣ всѣ псалмы приписываются Давиду (Sebachim, fol. 117 a. Baba Bathra, 7, 146. 15 a.), а древній халдейскій парафрастъ и многіе ученые раввины признавали многихъ писателей,—большею частію тѣхъ, которыхъ имена указаны въ еврейскихъ надписаніяхъ (такъ и Сегаль-Пст. евр. нар. Варшава 1870 стр. 175). Впрочемъ это послѣднее мнѣніе уже въ Таргумѣ, и особенно у средневѣковыхъ раввиновъ, встрѣчается обезображенное вымыслами о псалмахъ патріарховъ — Авраама, Мелхиседека, Адама и проч. (См. надпис. Псс. 92, 89, 45, 46 въ Таргумѣ по Полиглоттѣ Вальтона; Cramer,—Einleit in die Psalmen III и Lengerke по Fabric. Cod. Ap. V. T. II p. 19, 290 и 404). Въ Руководствѣ къ чт. кн. В. и Н. З.» Амвросія (по изд. 1826, стр. 100) наряду съ другими вѣроятными мнѣніями о писателяхъ Псалмовъ, приводится и это, — что Пс. 91 (по евр. 92) принадлежитъ Адаму, а 109—Мелхиседеку.

св. Аѳанасій Александрійскій, св. Василій Великій, бл. Іеронимъ, Евсевій Кесарійскій и нѣкоторые другіе. Если обратить вниманіе на то, что Давидъ былъ въ полномъ смыслѣ отцемъ священнаго псалмопѣнія Евреевъ, что онъ возвелъ его на высшую степень процвѣтанія, какой оно ни прежде, ни послѣ никогда не достигало, и первый далъ ему важное богослужебное употребленіе, не только сохранявшееся во всѣ времена существованія ветхозавѣтной Церкви и сохраняющееся у нынѣшнихъ Евреевъ, но и перешедшее въ Церковь Христіанскую, что наконецъ Давиду дѣйствительно принадлежитъ большая часть прекраснѣйшихъ пѣсней Псалтири, которыя послужили образцомъ для всѣхъ остальныхъ пѣсней и современныхъ ему и послѣдующихъ писателей;—если принять все это во вниманіе, то, конечно, Давида безспорно можно называть виновникомъ и творцемъ цѣлой Псалтири, или лучше всего Священнаго Псалмопѣнія Евреевъ. Въ этомъ то смыслѣ, уже въ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта, излагающихъ исторію временъ послѣ Давида, въ повѣствованіяхъ объ употребленіи свящ. пѣсней при богослуженіи, большею частію ставится имя одного только изъ псалмопѣвцевъ—Давида, именно какъ учредителя богослужебнаго употребленія и преимущественнаго писателя такого рода пѣсней (2 Пар. 7, 6. 23, 18. 1 Ездр. 3, 10); въ этомъ же смыслѣ и въ Новомъ Завѣтѣ въ посланіи къ Евреямъ (4,7) псалмы приводятся подъ именемъ Давида какъ главнаго и какъ бы единственнаго ихъ писателя. Отсюда же произошелъ очень древній и донынѣ сохраняющійся обычай Церкви называть псалмы именемъ Давида или Псалтирью Давидовою [1]). Но

---

[1]) По замѣчанію Delitzsch'a (Die Psalmen. Berlin 1867 г. стр. 10. прим. 1) на языкѣ древней Восточной и Западной Церкви Псалтирь прямо называлась Давидомъ, напр. у Златоуста: «ἐκμαθόντες ὅλον τὸν Δαυίδ», или въ концѣ Ефіопской Псалтири: «конецъ Давида». Къ этому мы прибавимъ, что въ изданіяхъ греческой Псалтири съ давнихъ поръ помѣщается въ началѣ заглавіе: «Δαυὶδ τοῦ προφήτου καὶ βασιλέως μέλος», которое буквально перенесено и въ нашу славянскую: «Давида пророка и царя пѣснь» (см. отдѣльныя изд. Псалтири). Въ предисловіи къ толкованію псалмовъ св. Аѳанасія (помѣщ. въ Collectio nova Patrum et Script. Graecorum. T. II. ed Montfaucon. Paris. 1707, и въ русск. перев. Твор. Св. Оо. Т. XXII) объясняется и причина такого названія Псалтири, и именно сходно съ представленнымъ нами объясненіемъ: «Всѣ псалмы

этотъ основанный на библейскомъ словоупотребленіи обычай Церкви—называть Псалмы именемъ Давида—и послужилъ впослѣдствіи для названныхъ выше отцевъ и учителей Церкви основаніемъ признавать одного Давида писателемъ всей Псалтири: слѣдуя ему, какъ и всегда большая часть вѣрующихъ, безъ изслѣдованія дѣйствительныхъ его причинъ и основаній, они приняли и отнесли къ Давиду въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова то, что на языкѣ Св. Писанія и Церкви придавалось ему только по преимуществу, a potiori. При этомъ немаловажное значеніе имѣло и то еще обстоятельство, что многіе Псалмы, неимѣющіе въ еврейскихъ кодексахъ Библіи надписаній, а также нѣкоторые изъ надписанныхъ именами другихъ писателей, въ греческомъ переводѣ LXX и въ нѣкоторыхъ другихъ переводахъ надписываются именемъ Давида: нѣкоторые изъ защитниковъ мнѣнія о принадлежности всѣхъ псалмовъ Давиду вывели отсюда благопріятное для себя заключеніе, что первоначально всѣ псалмы имѣли въ подлинникѣ тѣ надписанія, какія имъ придаются у LXX и подобныхъ тому переводахъ, и настоящій недостатокъ ихъ въ еврейскомъ текстѣ объясняли или ненамѣренною утратою съ теченіемъ вѣковъ, или даже злонамѣреннымъ опущеніемъ со стороны Іудеевъ [1]). Но очевидно, что такія основанія далеко недостаточны для выводимаго изъ нихъ заключенія, которое прямо опровергается многими другими, болѣе ясными свидѣтельствами. Замѣтное и не для филологовъ, и не только въ еврейскомъ подлинникѣ, но и въ

извѣстны подъ именемъ Давидовыхъ, однако же въ надписаніяхъ показывается, кому принадлежитъ какой-либо псаломъ... Посему должно вникнуть въ таинственную причину, по которой, когда пѣвцы различны и псалмы не всѣ Давидовы, всѣ они приписаны Давиду... Надписаніе сіе сдѣлано потому, что самъ Давидъ былъ тому причиною. Онъ избралъ пѣвцовъ и потому, какъ учредитель, сподобился той чести, что все изреченное и другими пѣвцами приписано Давиду» (по русск. пер. стр. 41—42. Тоже и у Θеодора Ираклійскаго (Анонимъ Кордерія). См. Expositio Patrum Graecorum in Psalmos, a B. Corderio. Antverpiae 1643 въ предисловіи подъ заглавіемъ: «Τοῦ ἀνωνύμου εἰς τὴν βίβλον τῶν ψαλμῶν προοίμιον».

[1]) Такъ напр. Св. Григорій Нисскій въ своемъ трактатѣ о надписаніяхъ Псалмовъ, ч. 2 гл. 8 и 9 по русск. пер. въ изд. Твор. Св. От. Т. XXXVШ стр. 89 и 109. См. также Scr. S. Curs. Compl. Paris 1841. T. XIV p. 989.

переводахъ, различіе, или точнѣе превосходство языка псалмовъ, надписанныхъ въ еврейскомъ текстѣ именемъ Давида, предъ всѣми остальными, особенно предъ тѣми, въ надписаніяхъ которыхъ въ переводѣ LXX встрѣчаются имена однихъ позднѣйшихъ пророковъ: Іереміи, Аггея и Захаріи; встрѣчающіяся въ содержаніи псалмовъ, ненадписанныхъ именемъ Давида или надписанныхъ другими именами, ясныя указанія на времена позднѣе Давида, каковы времена послѣдующихъ царей іудейскихъ, разрушенія Іерусалима, плѣна Вавилонскаго и возвращенія изъ онаго; самыя надписанія псалмовъ, въ которыхъ, кромѣ имени Давида, встрѣчаются имена и другихъ лицъ—Моисея, Соломона, Асафа, Еѳама и сыновъ Кореевыхъ въ грамматическихъ сочетаніяхъ совершенно одинаковыхъ съ сочетаніемъ имени Давида, такъ что нѣтъ никакого основанія придавать имъ значеніе отличное отъ значенія сего послѣдняго; наконецъ несомнѣнное свидѣтельство 2 кн. Пар. 29, 30 [1]), самымъ очевиднымъ образомъ показывающее, что во время Езекіи кромѣ пѣсней Давида существовали еще пѣсни Асафа, прозорливца, которыя наравнѣ съ пѣснями Давида употреблялись при богослуженіи во храмѣ и слѣдовательно, какъ по своему происхожденію отъ пророка, такъ и по употребленію, имѣли не меньшее ихъ право на внесеніе въ Книгу Псалмовъ, гдѣ мы дѣйствительно находимъ нѣсколько псалмовъ надписанныхъ именемъ Асафа: все это говоритъ противъ мнѣнія о принадлежности всѣхъ псалмовъ Давиду, какъ писателю, и служитъ сильнымъ доказательствомъ другаго противоположнаго мнѣнія о многихъ писателяхъ Книги Псалмовъ. Силу этихъ доказательствъ чувствовали уже сами отцы и учители Церкви,—защитники пер-

---

[1]) «И сказалъ царь Езекія и князья левитамъ, чтобы они славили Господа словами Давида и Асафа, прозорливца; и они славили съ радостію и преклонялись и поклонялись». Что подъ *«словами»* Давида и Асафа разумѣются составленныя ими пѣсни, это видно изъ всего контекста рѣчи (ст. 25 — 26), гдѣ говорится о прославленіи Господа пѣніемъ и музыкою и изъ самаго выраженія *славили Господа* (לְהַלֵּל לַיהוָה), обыкновенно употребляющагося въ Св. Писаніи въ смыслѣ богослужебной музыки и пѣнія священныхъ пѣсней (напр. 1 Пар. 16, 4. 7 и 8. 2 Пар. 7, 3 и 6 и др.), отчего и произошло впослѣдствіи употребляющееся въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ названіе ихъ: «Аллилуіа» (הַלְלוּיָהּ) (Пс. 105. 110—112. 134. 145 и др.).

такъ же мало основательны и столько же произвольны, какъ и самое мнѣніе, для котораго они придуманы, во многихъ случаяхъ они, по сознанію самихъ изобрѣтателей, оказывались на столько недостаточными для предположенной цѣли, что побуждали для подтвержденія ихъ прибѣгать къ тому единственному, послужившему исходнымъ пунктомъ разсматриваемаго мнѣнія, основанію, что «ни Господь, ни Апостолы нигдѣ не упоминаютъ ни о какомъ другомъ писателѣ котораго нибудь псалма, кромѣ Давида» [1]). При всемъ томъ противорѣчіе этого мнѣнія съ надписаніями и самымъ содержаніемъ нѣкоторыхъ псалмовъ представлялось иногда такъ велико, что сами его защитники чувствовали невозможность устранить его и рѣшались лучше уступить своимъ противникамъ. Такъ бл. Θеодоритъ, собирая доказательства принадлежности всѣхъ псалмовъ Давиду, въ заключеніи соглашается допустить вѣроятность мнѣнія тѣхъ, которые, кромѣ Давида, приписываютъ нѣкоторые псалмы Асафу, сынамъ Кореевымъ и другимъ [2]). И св. Златоустъ, приписывая вообще всю Книгу Псалмовъ одному Давиду, высказавши мнѣніе, что всѣ пѣсни степеней (Пс. 119—133) составляютъ пророчества его о возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго [3]), вслѣдъ затѣмъ въ бесѣдѣ на Пс. 131-й, въ виду ясной несообразности содержанія его съ лицемъ Давида, какъ писателя, находитъ себя вынужденнымъ отнести написаніе его къ какому либо другому псалмопѣвцу изъ потомковъ Давидовыхъ [4]). Не смотря впрочемъ на очевидную несо-

---

утверждать, будто не всѣ пс. принадлежатъ Давиду, но принадлежатъ и тѣмъ лицамъ, принявшимъ отъ него псалмы, которыхъ имена ясно означены» (по русск. пер. Т. I стр. 4—5).

[1]) Въ заключеніи приведеннаго выше предисловія къ Бесѣдамъ на псалмы I. Златоуста (стр. 5). Тоже и у бл. Августина. См. о градѣ Б. кн. XVII гл. 14.

[2]) Предисловіе къ толк. псалмовъ. Твор. Св. От. Т. 27.

[3]) См. примѣч. на 92 стр.

[4]) Это мнѣніе св. I. Златоустаго относительно писателя 131 пс. почему то совершенно ускользнуло изъ вниманія толкователей, не смотря на то, что въ продолженіи бесѣды на этотъ псаломъ оно повторяется у св. Отца нѣсколько разъ. Такое обстоятельство представляется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что большая часть толкователей Псалтири указываютъ на этого замѣчательнѣйшаго изъ отцевъ церкви и толкователей Писанія, какъ на защитника мнѣнія о написаніи всѣхъ

стоятельность, признанную отчасти даже такими авторитетными представителями его, каковъ св. І. Златоустъ и бл. Θеодоритъ, мнѣніе о принадлежности всѣхъ псалмовъ Давиду, еще въ прошломъ столѣтіи находило себѣ горячихъ защитниковъ между учеными богословами и толкователями Писанія, какъ нашей православной, такъ и западной римской и протестантской Церкви, которые усиливались подтвердить и обосновать его научнымъ образомъ [1]). Но усилія

псалмовъ однимъ Давидомъ и въ подтвержденіе того приводятъ мѣста изъ его твореній. Вотъ подлинныя слова св. отца (по русск. пер. Т. 2 стр. 224): «Предположивъ говорить о кротости *Давида* и оставивъ дѣла *его* въ отношеніи къ Саулу, къ братьямъ, къ Іонаѳану, долготерпѣніе въ отношеніи къ воину, который осыпалъ его безчисленными порицаніями, и другія многочисленнѣйшія, *псалмопѣвецъ* обращаетъ рѣчь къ главному дѣлу, которое показывало особенно великую ревность»... И ниже: «Такъ какъ этимъ дѣломъ (ревностію къ дому Божію и богослуженію) особенно славился *Давидъ*, то какъ бы въ награду за его усердіе *псалмопѣвецъ* проситъ Бога о построеніи храма»... И еще яснѣе (на стр. 228): «Такъ какъ просившіе этого (возстановленія храма и богослуженія) сами были виновны во многихъ грѣхахъ, то *онъ* (псалмопѣвецъ) опять прибѣгаетъ къ *предку* и говоритъ «Давида ради раба Твоего... Упомянувъ о Давидѣ, о добродѣтели этого мужа, усердіи его къ храму, изложивъ древнія событія и высказавъ просьбу о возстановленіи прежняго ихъ общественнаго устройства, *онъ* (псалмопѣвецъ) теперь предлагаетъ самое главное, именно говоритъ о Божіихъ обѣтованіяхъ». Вообще, во всей бесѣдѣ св. отецъ ясно различаетъ псалмопѣвца или писателя псалма отъ Давида, заставляя его выражаться объ этомъ послѣднемъ въ 3-мъ лицѣ, чего въ другихъ подобныхъ случаяхъ при тожествѣ писателя съ Давидомъ онъ не дѣлаетъ, а употребляетъ выраженія въ родѣ напр. слѣд. на слова Пс. 143: избавляющему Давида раба своего,—«сказавъ о всѣхъ вообще, пророкъ говоритъ и о самомъ себѣ» и проч. Т. 2 стр. 406 ср. также Бесѣд. на Пс. 142, 3 стр. 377—8).

[1]) Мнѣніе это приводится и въ предисловіи къ Елизаветинскому изданію Библіи 1751 и 1802 г. гдѣ между прочимъ говорится «трижды пятдесятны Давидъ пояше псалмы, а стиховъ двѣ тысящи, и шесть сотъ пояше той», т. е. иначе сказать: всѣ 150 псалмовъ, въ которыхъ по принятому у насъ раздѣленію считается 2600 стиховъ, воспѣты однимъ Давидомъ. Составитель предисловія къ переводу Псалтири Митроп. Амвросія (Зертисъ-Каменскаго), усиливается доказать это мнѣніе снесе-

ихъ особенно въ виду возбужденной отрицательнымъ направленіемъ ученой разработки богословской науки, не могли достигнуть желаемаго результата. Въ настоящее время мнѣніе это продолжаетъ и, вѣроятно, еще долго будетъ жить только въ незнакомой съ научными основами и пріемами свящ. библіографіи и толкованія Писанія массѣ простыхъ вѣрующихъ, которые держатся его, конечно, не въ силу какихъ либо твердыхъ доводовъ, а главнымъ образомъ и, можно сказать, единственно основываясь на принятомъ издревле и освященномъ библейско-церковнымъ слово-употребленіемъ обычаѣ—называть Книгу Псалмовъ Давидомъ, или Псалтирью Давидовою, не входя въ изслѣдованіе самаго обычая. Что же касается болѣе или менѣе богословски-образованной среды и особенно ученыхъ богослововъ и толкователей Писанія, то они почти [1]) всѣ согласно признаютъ по-

---

ніемъ разныхъ мѣстъ Св. П. (§§ 6—11), допуская впрочемъ исключеніе для двухъ псалмовъ: 90-го (съ евр.) Моисея и 127-го (евр.) Соломона (§ 8 ср. § 31, 2).

[1]) Говоримъ *почти*; потому что въ наше время встрѣчается еще иногда въ нашей духовной литературѣ мнѣніе о происхожденіи всѣхъ псламовъ отъ одного Давида, и не далѣе, какъ два года тому назадъ въ Духовной Бесѣдѣ (1872 года № 41), напечатано было краткое обозрѣніе Псалтири, авторъ котораго усиливается доказать справедливость этого мнѣнія и опровергнуть противоположное тому мнѣніе о нѣсколькихъ писателяхъ Псалтири. Впрочемъ этотъ новый защитникъ древняго, отжившаго мнѣнія не высказываетъ въ защиту его ничего новаго, а только повторяетъ съ нѣкоторыми своеобразными измѣненіями и пополненіями прежнія, уже опровергнутыя доказательства, заимствуя ихъ изъ Histoire générale des auteurs sacrés et écclésiastiques Remy Cellier,—писателя первой половины прошлаго столѣтія, котораго онъ однако, для большаго авторитета, причисляетъ къ позднѣйшимъ писателямъ, конечно умалчивая при этомъ о времени его жизни и появленія въ свѣтъ названнаго его сочиненія (Paris, 1729). Поэтому, послѣ сказаннаго уже нами относительно мнѣнія о принадлежности всѣхъ псалмовъ Давиду, мы находимъ излишнимъ останавливаться на разсмотрѣніи этой новой его апологіи, тѣмъ болѣе что апологетъ, по самому способу своей защиты, конечно, расчитанному на легковѣріе читателей, не внушаетъ къ себѣ довѣрія; такъ какъ отличается крайне безцеремоннымъ отношеніемъ къ фактическимъ даннымъ и къ требованіямъ логики, путается въ противорѣчіяхъ (напр. оспаривая у Моисея

степенное происхожденіе Псалтири отъ многихъ различныхъ писателей и мнѣніе о написаніи ея Давидомъ въ цѣломъ составѣ если и находитъ себѣ мѣсто въ ихъ изслѣдованіяхъ о Книгѣ Псалмовъ, то только какъ историческій памятникъ постепенной разработки вопроса о писателяхъ Псалтири въ нынѣшнемъ его видѣ со стороны отрицательной.

Другое столь же древнее, какъ и первое мнѣніе, что Книга Псалмовъ состоитъ изъ пѣсней различныхъ писателей, жившихъ въ разныя времена, основывается съ одной стороны на свидѣтельствахъ надписаній псалмовъ, въ которыхъ называются имена ихъ писателей или указываются обстоятельства ихъ происхожденія и употребленія; съ другой—на свидѣтельствахъ содержанія и языка псалмовъ, сообразныхъ или несообразныхъ съ характеромъ и обстоятельствами жизни тѣхъ или другихъ предполагаемыхъ писателей ихъ, или извѣстной исторической эпохи, къ которой думаютъ относить ихъ написаніе. Только о немногихъ псалмахъ мы имѣемъ нѣсколько внѣшнихъ свидѣтельствъ изъ другихъ книгъ и мѣстъ Св. Писанія, которыя впрочемъ не всегда отличаются ясностію и опредѣленностію. Но не всѣ псалмы въ еврейскомъ текстѣ имѣютъ такія надписанія, по которымъ бы можно было опредѣлить писателей или время ихъ происхожденія; надписанія же, встрѣчающіяся въ греческомъ переводѣ LXX, а равно и другихъ переводахъ, за исключеніемъ впрочемъ большею частію сходнаго съ еврейскимъ текстомъ перевода халдейскаго, не рѣдко отличаются сбивчивостію и представляютъ явныя несообразности и противорѣчія съ нѣкоторыми изъ еврейскихъ надписаній,—что естественно порождаетъ недовѣріе къ надписаніямъ переводовъ, а отчасти и самаго еврейскаго текста. Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ при опредѣленіи писателей и времени происхожденія псалмовъ, какъ не имѣющихъ надписаній, такъ равно

---

90 псаломъ, который онъ въ одной изъ предшествующихъ своихъ статей о Св. П.,—Дух. Бес. 1871. № 49 стр. 388, — приписывалъ этому пророку), и не стѣсняется даже въ подтвержденіе защищаемаго мнѣнія придумывать совершенно ложныя свидѣтельства, утверждая напр. отъ имени Бунзена (Bibelwerk T. VI. Abth. 2, S. 546), будто такое мнѣніе «принято всѣми въ Англіи», чего Бунзенъ въ цит. мѣстѣ, да и нигдѣ, не говоритъ, или что Пс. 126 приписывается Соломону только въ Вульгатѣ и такого надписанія въ еврейской Библіи нѣтъ и т. п.

и имѣющихъ сомнительныя, естественно приходится довольствоваться большею частію одними внутренними свидѣтельствами, заимствуемыми отъ ихъ языка и содержанія. Между тѣмъ свидѣтельства этого рода вообще, какъ извѣстно, не отличаются ясностію и опредѣленностію и всегда представляютъ обширное поле догадкамъ различныхъ ученыхъ изслѣдователей. Въ отношеніи же къ псалмамъ это можно сказать по преимуществу. Написанные первоначально на языкѣ еврейскомъ, представляющемъ сравнительно съ другими языками особенную трудность въ точномъ опредѣленіи мало отличающихся одинъ отъ другаго періодовъ его развитія, а потому, конечно, и въ опредѣленіи времени происхожденія тѣхъ или другихъ памятниковъ его письменности,—псалмы при этомъ, по самому своему назначенію для употребленія при общественномъ богослуженіи, большею частію общаго назидательнаго содержанія, и мало заключаютъ въ себѣ ясныхъ индивидуальныхъ особенностей и признаковъ времени жизни и обстоятельствъ или характера ихъ писателей. Мало того, нерѣдко въ содержаніи и языкѣ псалмовъ, при недостаткѣ несомнѣнныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о ихъ происхожденіи, представляются еще нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя противорѣчія съ ихъ надписаніями, и этимъ въ глазахъ многихъ толкователей совершенно подрывается вѣра въ достоинство ихъ надписаній, какъ положительныхъ свидѣтельствъ о писателяхъ и вообще о времени написанія псалмовъ; а сходство однихъ историческихъ событій и обстоятельствъ съ другими, нерѣдко отдѣленными отъ первыхъ значительными промежутками времени, при неопредѣленности историческихъ указаній въ содержаніи псалмовъ, служитъ источникомъ разногласій или нерѣшительности въ опредѣленіи времени ихъ происхожденія. Отсюда уже и названные выше древніе отцы и учители Церкви, державшіеся мнѣнія о многихъ писателяхъ, вообще будучи согласны между собою въ этомъ мнѣніи, не сходились въ опредѣленіи писателей и времени написанія отдѣльныхъ псалмовъ. Еще болѣе разногласія въ этомъ отношеніи произвела отрицательная критика между новѣйшими толкователями Псалтири, такъ что объ нихъ безъ преувеличенія можно сказать: Quot capita, tot sensus. Все это достаточно ясно показываетъ, какими трудностями сопровождается для толкователя болѣе или менѣе точное рѣшеніе вопроса о писателяхъ или времени написанія псалмовъ, какъ не легко при этомъ отыскать твердую точку опоры, чтобы съумѣть въ разно-

образныхъ мнѣніяхъ толкователей отдѣлить истинное, или по крайней мѣрѣ болѣе вѣроятное отъ вымысловъ, часто остроумныхъ, но тѣмъ не менѣе по большей части относящихся къ области фантазіи. Мы впрочемъ не считаемъ нужнымъ и особенно полезнымъ для цѣли нашего изслѣдованія пускаться въ безконечный лабиринтъ разнообразныхъ предположеній и мнѣній различныхъ толкователей о писателяхъ и времени происхожденія псалмовъ, съ цѣлію опредѣлить относительную ихъ вѣроятность и достоинство. Замѣтимъ только, что всѣ вообще новѣйшіе толкователи псалмовъ, слѣдующіе началамъ отрицательной критики, въ своихъ изслѣдованіяхъ по этому вопросу не отличаются безпристрастіемъ, какого требуетъ здравая основательная критика, или лучше сказать, прямо забываютъ настоящую цѣль всякаго изслѣдованія — безпристрастное рѣшеніе даннаго вопроса, напередъ задавшись мыслію доказать позднѣйшее происхожденіе псалмовъ. Только изъ этого предзанятаго мнѣнія и можетъ быть объяснена большая часть высказываемыхъ ими сомнѣній въ подлинности и достовѣрности надписаній, часто безъ достаточнаго къ тому основанія,—большая часть отыскиваемыхъ ими противорѣчій и несообразностей между надписаніями и языкомъ или содержаніемъ псалмовъ, или же между тѣми и другими свидѣтельствами и историческими событіями временъ древнѣйшихъ, съ явнымъ желаніемъ вездѣ и во всемъ отыскать признаки происхожденія позднѣйшаго. При такомъ направленіи своихъ изслѣдованій о псалмахъ новѣйшіе толкователи впадаютъ въ другую крайность, противоположную той, въ которую вдавались защитники мнѣнія о происхожденіи всѣхъ псалмовъ отъ одного Давида [1]); но, какъ и эта крайность далека

[1]) Такъ Ferd. Hitzig (въ своемъ Historisch-Kritischen Psalmencommentar 1835—6 г. и новомъ его изданіи 1863—5 подъ заглавіемъ: Die Psalmen übersetz. und ausleg.) изъ всей Псалтири приписываетъ Давиду только 14 псалмовъ (Пс. 3. 4. 7—13. 15—19, по евр. счету); изъ остальныхъ 136 псалмовъ 2 относитъ ко времени царствованія Ахава (Пс. 45) и сына его Іорама (Пс. 68), 3 приписываетъ Исаіи пророку (Пс. 46—8), 4—другому Исаіи (Deutero Iesaja), писателю второй части книги пророчествъ, извѣстной подъ этимъ именемъ, котораго онъ отличаетъ отъ писателя первой части (Пс. 50—52 и 54), 27 пророку Іереміи или его современникамъ (Пс. 5. 6. 14. 22 — 40. 53. 55. 69. 70 и 71); о 4 псалмахъ не высказываетъ ничего рѣшительнаго

отъ истины, видно уже изъ полнаго несогласія ихъ между собою въ опредѣленіи времени происхожденія псалмовъ, простирающагося нерѣдко до рѣшительныхъ противорѣчій, которыми они взаимно исключаютъ и опровергаютъ другъ друга [1]). Очевидно, что вѣрное или въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе близкое къ истинѣ рѣшеніе вопроса о писателяхъ и времени происхожденія псалмовъ можетъ быть достигнуто только среднимъ прямымъ путемъ, чуждымъ крайностей и увлеченій предубѣжденія, на основаніи всѣхъ вмѣстѣ доступныхъ намъ свидѣтельствъ о псалмахъ, и внутреннихъ и внѣшнихъ, при осторожномъ и благоразумномъ пользованіи ими безъ всякихъ предзанятыхъ мнѣній, на началахъ здравой и безпристрастной критики. Мы съ своей стороны, при рѣшеніи этого вопроса, считаемъ за лучшее и болѣе надежное прежде всего держаться свидѣтельства надписаній еврейскаго текста [2]), вездѣ, гдѣ только

(Пс. 20. 21. 41. 49); всѣ же прочіе 96 псалмовъ относитъ частію ко времени владычества Птоломеевъ и Селевкидовъ, а преимущественно ко временамъ Маккавеевъ между 224 и 87 г. до Р. Хр., приспособляя ихъ къ разнымъ событіямъ тогдашней исторіи Іудеевъ. Caes. v. Lengerke (Die 5 Bücher d. Ps.-Königsb. 1847 г.) и Iust. Olshausen (Kurzgef. exeget. Handb. z. A. T. 14 Lief. Leipz. 1853), не соглашаясь съ Гитцигомъ, равно какъ и между собою въ частностяхъ, развили его гипотезу о позднѣйшемъ происхожденіи Псалтири до послѣдней крайности, не оставивъ уже ни одного псалма для Давида и его времени.

[1]) Какъ далеко простирается разногласіе толкователей въ опредѣленіи времени происхожденія псалмовъ, достаточно можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ: 2-й псаломъ по мнѣнію Ewald'a не позже времени Соломона, по мнѣнію Rudinger'a относится ко времени Іосафата, по мнѣнію Meier'a—къ Озіи, по мнѣнію Maurer'a—къ Езекіи, по Hitzig'y—есть одинъ изъ самыхъ позднѣйшихъ псалмовъ изъ времени Александра Іанная; Пс. 90-й по Ew. очень древній и во всякомъ случаѣ раньше Давида, по Hitz.—очень поздній, изъ времени Іонаѳана первосвященника около 150 г. до Р. Христова; Köster и Maurer хотятъ держаться средины, полагая, что онъ написанъ вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна, при чемъ послѣдній довольно наивно замѣчаетъ, что мнѣніе это во всякомъ случаѣ сомнительное (ср. также предшествующее примѣчаніе).

[2]) Нѣкоторые изъ современныхъ нашихъ богослововъ относятся къ тексту еврейскому съ большимъ недовѣріемъ, въ томъ опасеніи, что этотъ текстъ въ первыя времена Христіанства, находясь въ рукахъ его

таковыя находятся, пользуясь впрочемъ и надписаніями перевода LXX, а равно и другихъ переводовъ, когда это возможно безъ насилія и противорѣчія надписаніямъ еврейскимъ, а также и другимъ болѣе яснымъ признакамъ происхожденія псалмовъ. При этомъ всѣ прочія, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія свидѣтельства при согласіи съ надписаніями послужатъ подтвержденіемъ достовѣрности этихъ послѣднихъ; но преимущественно мы будемъ останавливаться на нихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какими либо толкователями усмотрѣны въ нихъ противорѣчія и несообразности съ надписаніями, подвергающія сомнѣнію ихъ подлинность и достовѣрность, чтобы при строгомъ критическомъ разборѣ, какъ самыхъ свидѣтельствъ, такъ и выводимыхъ изъ нихъ противорѣчій и несообразностей, показать, на сколько такіе выводы основательны или неосновательны. Само собою разумѣется, что относительно псалмовъ, вовсе не имѣющихъ надписаній, по необходимости нужно будетъ довольствоваться тѣми признаками и указаніями, какія представляются въ содер-

---

враговъ—Евреевъ, могъ подвергаться со стороны ихъ намѣренному поврежденію, и потому совѣтуютъ больше, хотя и не исключительно, держаться перевода LXX, представляющаго, по ихъ мнѣнію, зеркало текста еврейскаго, каковъ онъ былъ за двѣсти и болѣе лѣтъ до Р. Х. (См. Боголюбскаго — замѣчанія на текстъ Псалтири въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1872 г. кн. IV стр. 237 — 238. Ср. о догмат. дост. пер. LXX. Филарета Митр. Моск. въ Приб. къ Тв. Св. Оо. Т. XVII стр. 433). Но если справедливо, что еврейскій текстъ подвергался измѣненіямъ и не сохранился до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, въ какомъ вышелъ изъ рукъ свящ. писателей, и что нѣкоторыя мѣста Ветх. З. въ переводахъ имѣютъ лучшій смыслъ, чѣмъ въ евр. Библіи; то не менѣе справедливо, что и тексты переводовъ также подвергались измѣненіямъ и смѣшенію между собою, такъ что въ настоящее время мы не имѣемъ подлиннаго текста LXX, и что вообще, по свидѣтельству спеціалистовъ этого дѣла, на языкѣ еврейскомъ ветхозавѣтный библейскій текстъ сохранился до насъ относительно въ лучшемъ и болѣе близкомъ къ первоначальному видѣ, нежели въ какихъ бы то ни было переводахъ: потому что, какъ замѣчаетъ извѣстный ученый оріенталистъ и знатокъ ветхозавѣтнаго текста Д. А. Хвольсонъ, «древніе еврейскіе ученые въ Палестинѣ лучше и вѣрнѣе понимали текстъ, чѣмъ древніе переводчики въ Александріи и въ другихъ странахъ». (Христ. Чт 1874 г. Анр. стр. 574).

жаніи и языкѣ псалмовъ, или другими сохранившимися о нихъ свидѣтельствами.

По тексту еврейскому двѣ трети (100) псалмовъ имѣютъ въ надписаніяхъ указанія ихъ писателей, называя имена: Моусея, Давида, Соломона, Асафа, сыновъ Кореевыхъ, Емана и Еѳама. Изъ остальныхъ 50-ти псалмовъ, только у очень немногихъ (6—7 псалмовъ) можно съ достаточною вѣроятностію опредѣлить ихъ писателей; всѣ же прочіе должно отнести къ числу писаній неизвѣстныхъ писателей. относительно которыхъ мы можемъ только приблизительно опредѣлять время и обстоятельства происхожденія. Правда изъ числа анонимныхъ по еврейскому тексту псалмовъ въ различныхъ переводахъ очень многіе имѣютъ въ надписаніяхъ имя Давида, а также имена сыновъ Іонадавовыхъ и пророковъ: Іереміи, Іезекіиля, Аггея и Захаріи. Но соединеніе нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ именъ въ однихъ и тѣхъ же надписаніяхъ [1]) и особенно сопоставленіе ихъ съ именемъ Давида [2]) даже въ надписаніяхъ тѣхъ псалмовъ, которые приписываются ему какъ писателю и въ текстѣ еврейскомъ [3]), даютъ основаніе думать, что имена эти, за исключеніемъ только одного имени Давида, поставлены переводчиками въ надписаніяхъ анонимныхъ псалмовъ не въ смыслѣ указанія писателей, но какъ свидѣтельства преданія о литургическомъ употребленіи тѣхъ псалмовъ названными въ ихъ надписаніяхъ лицами и ихъ современниками, какъ это особенно ясно видно въ надписаніяхъ псалмовъ 64 и 70-го, изъ коихъ въ первомъ послѣ именъ Іереміи и Іезекіиля, а въ послѣднемъ послѣ сыновъ Іонадавовыхъ,

---

[1]) Напр. въ надписаніяхъ псалмовъ 145—148 по переводу греческому и нашему славянскому: «Аггея и Захаріи».

[2]) Какъ напр. Пс. 70: «Давиду псаломъ, сыновъ Іонадавовыхъ и первыхъ плѣнившихся», и 136 по Вульгатѣ и нашему слав.: «Давиду Іереміемъ».

[3]) Напр. Пс. 64: «псаломъ пѣснь Давиду. Пѣснь Іереміева и Іезекіилева, людей преселенія», а по Вульгатѣ съ прибавленіемъ еще имени Аггея: Psalmus David, canticum Aggeae, Ieremiae et Ezechiel... 137-го: Τῷ Δαυὶδ Ζαχαρίου,—въ слав.: Псаломъ Давиду, Аггея и Захаріи, и 138-го по греч. и слав.: «Давиду псаломъ Захаріинъ».

поставляемыхъ вслѣдъ за именемъ Давида, упоминаются еще въ одинаковомъ съ тѣми именами грамматическомъ сочетаніи «люди переселенія» и «первые плѣнники», которые, конечно, могли быть только пѣвцами, но не писателями означенныхъ псалмовъ. Что же касается псалмовъ, приписываемыхъ въ переводахъ Давиду, то происхожденіе ихъ отъ Давида только не во многихъ изъ нихъ, именно 5 псалмахъ, подтверждается другими внутренними и внѣшними свидѣтельствами, какъ это покажетъ ближайшее ихъ разсмотрѣніе.

Б. О писателяхъ и времени написанія псалмовъ въ частности.

а) Псаломъ Моисеевъ.

Моисею приписывается въ Псалтири одинъ только псаломъ 89 (евр. 90), который и въ еврейскомъ текстѣ и въ переводахъ носитъ надписаніе: «*Молитва Моисея человѣка Божія*». Наименованіемъ «*человѣка Божія*», какое придается здѣсь имени Моисея, ясно показывается, что по смыслу надписанія писателемъ псалма слѣдуетъ признавать великаго законодателя и вождя еврейскаго народа пророка Моисея, по преимуществу отличаемаго въ книгахъ Священнаго Писанія такимъ почетнымъ наименованіемъ (Втор. 33, 1. I. Нав. 14, 6. 1 Пар. 23, 14. 2 Пар. 30, 16; ср. Втор. 34, 5. I. Нав. 1, 1. Дан. 9, 11 и др.), и устраняется мнѣніе тѣхъ, которые предполагаютъ другаго современнаго пророку писателя псалма изъ числа Давидовыхъ пѣвцовъ, или сыновъ пророческихъ, или другихъ какихъ позднѣйшихъ левитовъ [1]). Въ этомъ случаѣ одно

---

[1]) Каково напр. мнѣніе въ предисловіи къ Бес. на Пс. св. Златоуста, будто бы одинъ изъ начальниковъ хора при Давидѣ носилъ имя Моисея (см. выше стр. 93 примѣч. 2), что прямо опровергается сообщаемымъ въ 1 Пар. гл. 25 именнымъ спискомъ какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ начальниковъ пѣвцовъ Давидовыхъ, между которыми имени Моисея не встрѣчается, или—предположеніе Cramer'a (въ Einleit. in die Psalmen), что можетъ быть «во времена Давида въ пророческихъ школахъ жилъ человѣкъ Божій этого имени». (См. также Saadias у Калмета въ толк. на Пс. 90). Относительно предположенія о существованіи во времена Давида или послѣ него какого то «*человѣка Божія*» съ именемъ Моисея нужно замѣтить, что оно невѣроятно по-

уже имя величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ въ надписаніи псалма служитъ весьма сильнымъ ручательствомъ достовѣрности надписанія, устраняя возможность подлога: потому что, при глубокомъ уваженіи Евреевъ къ Моисею и его писаніямъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ при существованіи прямаго повелѣнія ничего не прибавлять къ тому, что заповѣдано имъ (Втор. 4, 2; 12, 32), трудно представить, чтобы кто нибудь, по крайней мѣрѣ въ библейскій періодъ, рѣшился свое или другое чье позднѣйшее произведеніе выдать за писаніе великаго законодателя. Этому ни мало не противорѣчитъ и выставляемое нѣкоторыми толкователями [1]) дѣйствительное существованіе разныхъ подлоговъ у еврейскихъ раввиновъ и талмудистовъ; такъ какъ самое раннее происхожденіе такихъ подлоговъ и извращеній Писанія, ради самопзмышленныхъ преданій, во всякомъ случаѣ будетъ позднѣе послѣдняго собранія Книги Псалмовъ и заключенія ветхозавѣтнаго канона, къ какому бы позднему періоду этихъ послѣднихъ не относили мы. Но сильнѣйшее подтвержденіе достовѣрности свидѣтельства надписанія о происхожденіи псалма, безспорно, составляетъ его содержаніе, въ которомъ при должномъ вниманіи нельзя не распознать голоса древняго законодателя. Величественное изображеніе вѣчности и могущества Творца и Промыслителя вселенной (ст. 2—5) и совершеннаго предъ нимъ безсилія и

тому уже, что кромѣ одного извѣстнаго намъ Моисея человѣка Божія, еврейскаго законодателя, ни о какомъ другомъ «человѣкѣ Божіемъ» (какъ и вообще о человѣкѣ) того же имени нигдѣ не упоминается въ св. исторіи, между тѣмъ какъ почетное наименованіе «*человѣкомъ Божіимъ*» предполагаетъ особенную важность и историческую извѣстность лица такъ именуемаго, если не по его имени, то по образу совершаемыхъ чрезъ него отъ Бога дѣйствій или сообщаемыхъ откровеній, обнаруживающихъ въ глазахъ современниковъ особенную близость его къ Богу; почему наименованіе это и придается въ Свящ. Писаніи не всѣмъ упоминаемымъ въ немъ пророкамъ, а только нѣкоторымъ изъ нихъ, извѣстнымъ въ указанныхъ отношеніяхъ, какъ напр. пророку Самуилу (1 Ц. 9, 6—10), Иліи (4 Ц. 1, 9—10), Елисею (4 Ц. 4, 7. 9. 22 и дал. 5, 20 и проч), Самею при Ровоамѣ (3 Ц. 12, 22), іудейскому пророку, обличавшему Іеровоама въ Веенилѣ (3 Ц. 13, 1. 4. 5. 7 и дал.; ср. 4 Ц. 23, 16—17).

[1]) Напр. Caes. Lengerke въ замѣч. на пс. 90 — Die 5 Bücher der Psalmen. Königsb. 1847 г. 2 Bd. S. 495. Ср. выше примѣч. на стр. 88.

ничтожества перстнаго, тлѣннаго человѣка со всѣмъ его самымъ продолжительнымъ теченіемъ жизни и исторіи (ст. 4—10), грознаго величія божественнаго гнѣва, карающаго преступниковъ (ст. 7—11), и безконечной благости и милосердія Господа къ прибѣгающимъ къ Нему рабамъ Его (ст. 13—17); въ частности—мысли о твореніи и промыслѣ Божіемъ (ст. 2 и 3), о паденіи человѣка и смерти его, какъ наказаніи за грѣхъ (ст. 4), пророчественно-важный тонъ пѣвца, который самъ, пребывая въ милости Божіей, ходатайствуетъ предъ Богомъ за преступный народъ свой, много лѣтъ уже поражаемый Его правосудіемъ (ст. 13—17), и въ тоже время, какъ учитель этого преступнаго народа, старается изъ самаго наказанія его извлечь и преподать ему урокъ спасительной мудрости и страха Божія (ст. 11 и 12); наконецъ и самый образъ выраженія псалма 89-го [1]): все это вмѣстѣ представляетъ ясные слѣды одинаковаго происхожденія его съ обличительною пѣснію Моисея (Втор. 32), а также съ его торжественнымъ гимномъ по переходѣ чрезъ Чермное море (Исх. 15) и благословеніемъ соблюдающимъ и проклятіями нарушающимъ законъ (Втор. 28—30), пророчественнымъ благословеніемъ его по племенамъ предъ его смертію (Втор. 33) и вообще со всѣми рѣчами или лучше со всѣми писаніями Моисея, равно какъ съ его характеромъ и исторіей еврейскаго народа его времени. И это сродство псалма съ писаніями Моисея тѣмъ разительнѣе, что въ своихъ характеристическихъ особенностяхъ онъ имѣетъ мало себѣ параллелей въ другихъ псалмахъ и стоитъ среди ихъ одиноко. Посему мы ни мало не сомнѣваемся признать справедливость свидѣтельства о происхожденіи псалма, представляемаго его надписаніемъ, и, согласно съ древними и лучшими изъ новѣйшихъ его толкователей [2]), отнести написаніе его къ про-

---

[1]) О сродствѣ въ языкѣ псалма съ книгами Моисея см. у Stier'a въ объясненіи этого пс.; также у Hengst. и Delitzsch'a.

[2]) Такъ уже Халдейскій Таргумъ въ надписаніи псалма: Oratio, quam oravit Moses, prophèta Jovae, cum peccassent populus domûs Israel in deserto, respondit Moses et sic dixit. (См. Scr. S. Curs. compl. in h. Ps. T. XV p. 1151. Paris 1839). Также св. Аѳанасій (по рус. пер. Т. 22. стр. 335), Иларій (in Ps. explanat. Prolog. p. 632. S. Hilar. opp. Parisiis 1652), Іеронимъ (посланіе къ Киприану пресвит. по рус. пер. Тр. К. А. т. 3 стр. 154—5); изъ нов. толкователей: Stier, To-

року и законодателю еврейскаго народа Моусею, и именно къ концу 40-лѣтняго странствованія въ пустынѣ, когда, по силѣ божественнаго осужденія, вымерла въ глазахъ его уже большая часть преступнаго народа, исшедшаго съ нимъ изъ Египта, и умирали послѣднія поколѣнія его, едва достигая 70 или 80 лѣтъ своей жизни (Числъ 14, 26—38; гл. 26, 63—65). Послѣднимъ предположеніемъ опровергается уже и даже прямо устраняется и то возраженіе противъ происхожденія псалма отъ Моусея, что въ его время жизнь человѣческая была продолжительнѣе 70 и 80-лѣтняго періода, какой указывается для насъ въ стихѣ 10; такъ какъ самъ онъ жилъ 120. а І. Навинъ 110 лѣтъ [1]). Вообще же всѣ возраженія противъ

---

luck, Hengst, Bunsen, Delitzsch, Moll и даже Ewald (Poët. Bb.), который при своемъ отрицательномъ направленіи соглашается признать глубокую древность псалма, восходящую ко временамъ Моусея и во всякомъ случаѣ предшествующую Давиду. Того же мнѣнія и наши позднѣйшіе толкователи Псалтири: Преосв. Ириней Псковскій, Филаретъ, Митр. Моск. (въ Руков. къ позн. Кн. Пс. стр. 5 и Начерт. Ц. Библ. Ист. стр. 374, изд. 1819 г.) Прот. Павскій (Обозр. Кн. Пс. стр. 25) и составитель руководства къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. (Кіевъ, 1871 г. стр. 126). Противное мнѣніе, и то нерѣшительно высказывается въ толк. пс. Палладія Еп. Сарапульскаго и еще въ Дух. Бес. за 1872 г. № 41, стр. 239 и 228); но мы уже видѣли, что въ этой послѣдней, менѣе чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, тотъ же самый авторъ безъ всякаго колебанія признавалъ этотъ псаломъ произведеніемъ Моусея пророка, наравнѣ съ несомнѣнно принадлежащими ему пѣснями въ кн. Исх. 15 и Втор. 32 (Дух. Б. 1871 г. № 49, стр. 388).

[1]) Это слабое возраженіе, по замѣчанію Hengst, и Berthier. (Scr. S. Curs. Compl. T. XV. Notes du Psaume LXXXIX p. 1163), есть еще одно изъ сильнѣйшихъ; другія и того слабѣе. Такъ напр. возраженіе Köster'a, будто 15 ст. предполагаетъ очень долгій періодъ страданій и не совсѣмъ идетъ къ Евреямъ въ пустынѣ, — такъ какъ тамъ они видѣли больше чудесъ и Божіихъ къ нимъ благодѣяній, — совершенно падаетъ, если принять во вниманіе страшное проклятіе,—Числ. 14 гл. 26—38,—сорокъ лѣтъ тяготѣвшее на Израильтянахъ; указаніе Hitzig'a на то, что писатель псалма въ ст. 1-мъ говоритъ о поколѣніяхъ, между тѣмъ какъ Израиль и родился лишь во времена Моусея, обезоруживается тѣмъ, что начало Израиля восходитъ далеко во времена патріархальныя, какъ это прекрасно раскрывается въ обличительной пѣсни самого же Моусея, гдѣ онъ также упоминаетъ о прежнихъ родахъ и поколѣніяхъ (Втор.

Моусеева написанія 89 псалма чрезвычайно слабы и совершенно ничтожны предъ указаннымъ нами аргументомъ разительнаго сходства его съ Моусеевыми писаніями, котораго нельзя, конечно, объяснить простою случайностію, также какъ и намѣренною поддѣлкою позднѣйшаго писателя, что уже выше мы признали невозможнымъ и относительно надписанія псалма. По нашему мнѣнію самое сильное возраженіе противъ Моусеева написанія псалма состоитъ въ томъ, возможно-ль допустить, чтобъ подлинная пѣснь или молитва великаго пророка и законодателя еврейскаго народа—Моусея не внесена была въ составъ его писаній въ Пятокнижіи, и какъ она могла при этомъ сохраниться до времени внесенія ея въ Книгу Псалмовъ. По совершенному отсутствію свидѣтельствъ нельзя, конечно, дать вполнѣ удовлетворительнаго объясненія причины, по которой молитва Моусея могла остаться не внесенною въ составъ прочихъ Моусеевыхъ писаній, но тѣмъ не менѣе возможность такого невнесенія не подлежитъ сомнѣнію. Это намъ фактически доказываетъ, хотя и не совсѣмъ понятное, но тѣмъ не менѣе не безпримѣрное и, слѣдовательно, вполнѣ возможное явленіе, что нѣкоторыя писанія пророковъ и другихъ богопросвѣщенныхъ писателей Ветхаго Завѣта не вносились въ составъ ихъ писаній или другихъ свящ. книгъ, сохранившихся до насъ въ свящ. канонѣ, какъ не вошла въ составъ писаній пророка Іереміи плачевная пѣснь его на смерть благочестиваго царя Іосіи (2 Пар. 35, 26), какъ не были внесены въ составъ свящ. книгъ и потому не сохранились до насъ подлинныя писанія пророковъ Наѳана и Ахіи Силомлянина, Гада, Самея и Адды-прозорливцевъ и другихъ пророковъ, на основаніи которыхъ

32, 7—10); а его же (Гитцига) заключеніе, будто употребленіе формы Піелъ—שַׂבְּעֵנוּ (насыти насъ) въ ст. 14, вмѣсто Гифилъ, низводитъ псаломъ къ очень позднему времени, столько же справедливо, какъ и то, что употребленіе Гифилъ, вм. Піелъ, въ пс. 91 (по евр.) ст. 16 — אַשְׂבִּיעֵהוּ—(насыщу его) и Іезек. 32,4—וְהִשְׂבַּעְתִּי—(и насыщу) возводитъ эти послѣднія писанія къ очень древнему времени; увѣреніе же Lengerke, что вообще языкъ и образъ стихосложенія псалма 89 сходенъ съ прочими псалмами, несправедливое въ приложеніи къ характеристическимъ особенностямъ этого псалма, опровергается уже тѣмъ положеніемъ, что Моусей есть источникъ, изъ котораго черпали мудрость и пророки и псалмопѣвцы.

составлены были книги Паралипоменонъ и 3 и 4-я кн. Царствъ (1 Пар. 29, 29. 2 Пар. 9, 29; 12, 15; 3 Цар. 11, 4; 14, 19. 4 Ц. 8, 23), и многія другія писанія. Но какъ названная пѣснь Іереміи, вѣроятно по своему особенному назначенію, была вписана только въ существовавшій у Евреевъ сборникъ плачевныхъ пѣсней, а не вошла въ составъ писаній пророка, сохранившихся въ св. канонѣ; какъ пѣснь Давида на смерть Саула и Іонаѳана, и нѣкоторыя другія пѣсни» [1]), заслуживавшія вниманія и уваженія со стороны такихъ пророковъ, какъ Моисей и І. Навинъ, и удостоившіяся занять мѣсто въ каноническихъ книгахъ Св. Писанія, не были внесены въ число пѣсней Псалтири, а сохранялись въ другихъ сборникахъ религіозно-національныхъ пѣсней Евреевъ, каковы: «Книга браней Іеговы» и «Книга Праведнаго:» такъ точно возможно допустить, что и молитвенная пѣснь пророка Моисея, по особенному ея назначенію для общенароднаго употребленія (что совершенно ясно видно съ первыхъ словъ ея: «Господи! Ты намъ прибѣжище изъ рода въ родъ...» и во всей пѣсни отъ начала до конца), осталась не внесенною въ книгу Закона [2]), но только записана была въ одинъ изъ существовавшихъ тогда сборниковъ пѣсней народа Божія, вѣроятно въ Книгу Праведнаго, въ которой, конечно, и могла сохраниться до времени внесенія ея въ Книгу Псалмовъ [3]). Такимъ

---

[1]) Каковы напр. пѣснь на ископаніе колодезя (Числ. 21, 17—18), и пѣсни по случаю побѣдъ Моисея (Числ. 21, 15 и 27—30) и Іисуса Навина (І. Нав. 10, 13—14) надъ Хананеями. См. выше стр. 43—44.

[2]) Св. Аѳанасій въ объясненіи 89 пс. замѣчаетъ, что, по существовавшему въ его время преданію, «Моисей, написавъ молитву сію, передалъ ее для храненія въ тайнѣ, чтобы люди послѣдующихъ временъ знали, какъ должно имъ приносить исповѣданіе, когда впадутъ въ напасти... Но чтобы со временемъ молитва сія не предана была забвенію, включили ее въ число псалмовъ» (Тв. Св. Оо. въ русск. пер. Т. 22 стр. 335). Преданіе это, не заключающее въ себѣ ничего невѣроятнаго, за исключеніемъ одного слова въ «тайнѣ», можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго нами мнѣнія.

[3]) Тоже мнѣніе и въ Рук. къ послѣд. чт. уч. кн. В. З.—Кіев. 1871 стр. 126. Подобное же мнѣніе и у Павскаго, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что онъ не говоритъ о сборникѣ пѣсней еврейскаго народа, въ которомъ бы до времени внесенія въ Псалтирь могъ сохраняться разсматриваемый нами псаломъ, а вообще замѣчаетъ, что этотъ пс. «отъ

образомъ и съ этой стороны нѣтъ ни малѣйшаго препятствія признать Пс. 89-й молитвенною пѣснію пророка Моисея, о чемъ такъ ясно свидѣтельствуетъ намъ его надписаніе и содержаніе.

Нѣкоторые изъ древнихъ іудейскихъ раввиновъ, по свидѣтельству Оригена [1]). и слѣдующіе 10 псалмовъ отъ 90 до 99. не имѣющіе въ подлинникѣ надписаній. также приписывали Моисею. принимая при этомъ за правило. что ненадписанные псалмы слѣдуетъ относить къ тѣмъ писателямъ. которыхъ имена находятся въ псалмахъ предшествующихъ. Мнѣніе это, равно какъ и самое правило, на которомъ оно основывается, принимали и св. Иларій и бл. Іеронимъ [2]). Но нельзя не замѣтить, что такое правило, придуманное, очевидно, съ тою цѣлію, чтобы безъимянные псалмы приписать извѣстнымъ писателямъ, и, можетъ быть, въ другихъ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно пригодное, не совсѣмъ годится въ приложеніи къ опредѣленію писателей Псалтири, которая прямо начинается двумя безъимянными псалмами, а въ настоящемъ случаѣ опровергается содержаніемъ псалмовъ 96 и 98. изъ коихъ въ первомъ говорится (ст. 8) о Сіонѣ (слыша и возвеселися Сіонъ и возрадовашася дщери іу-

---

временъ Моисея могъ сохраниться въ рукахъ благочестивыхъ ревнителей закона и время отъ времени воспѣваемъ быть въ сонмищахъ пророковъ, каковыхъ образецъ видимъ во времена Самуила...» (Обозр. пс. стр. 25—26).

[1]) Opp. ed. de la Rue T. II. p. 514.

[2]) S. Hilar. Pictav. in Psalm. explanat. prolegom. Opp. ed. Parisiis 1652 p. 632 — 3. Іеронима посланіе къ Кипр. по русск. пер. Т. III. стр. 154 — 156. Павскій въ «Обозр. Кн. Псалмовъ» мнѣніе это главнымъ образомъ приписываетъ бл. Іерониму и св. Иларія считаетъ его послѣдователемъ, замѣчая: «несмотря на сіе (т. е. несообразности въ примѣненіи означеннаго мнѣнія къ пс. 90—99) Иларій старается подкрѣпить и оправдать мнѣніе Іеронима» (стр. 26 — 27). Такимъ образомъ онъ впадаетъ въ анахронизмъ, такъ какъ св. Иларій окончался въ 368 году, когда бл. Іеронимъ былъ еще юношею и не выступалъ на церковно-литературное поприще. Первое самое раннее сочиненіе Іеронима — письмо къ Иннокентію—написано въ 370 году, а посланіе къ Кипріану, гдѣ высказывается приведенное мнѣніе, относятъ къ 418 г. т. е. 50 лѣтъ спустя послѣ Иларія (см. св. Иларія Поатьер. жизнь въ Истор. уч. объ Оо. Ц. Филарета Черниг. Т. 2, стр. 13 и Біограф. и хронологич. катал. твор. бл. Іеронима при Тр. К. Д. Ак. 1863 г.). Правильнѣе пото-

дейскія ради судебъ твоихъ Господи), а въ послѣднемъ упоминается о Самуилѣ (Моусей и Ааронъ во іереехъ Его и Самуилъ въ призывающихъ имя Его), и именно въ смыслѣ историческомъ, а не пророческомъ, какъ хотятъ понимать эти мѣста названные нами церковные учители [1]).

б) Псалмы Давидовы.

Послѣ Моусея древнѣйшимъ писателемъ псалмовъ является Давидъ. Ему, по свидѣтельству надписаній еврейскаго текста, принадлежатъ слѣдующіе 73 [2]) псалма: 3—31; 33—40; 50—54 [3]);

му было-бы бл. Іеронима назвать послѣдователемъ и защитникомъ мнѣнія св. Иларія, о толкованіи псалмовъ котораго онъ упоминаетъ въ посланіи къ Марцеллѣ (по р. пер. Т. I, стр. 176—8), относящемся къ 384 году, и въ посланіи къ бл. Августину, около 404 г. (Т. II, стр. 513); но еще вѣроятнѣе, что онъ позаимствовалъ такое мнѣніе изъ общаго у нихъ съ св. Иларіемъ источника—у Оригена, къ коему, какъ толкователю Писанія, оба они питали глубокое уваженіе.

[1]) Относительно свидѣтельства апостола Павла (Евр. 4, 7) о Пс. 94 см. ниже.

[2]) Но не 71, какъ считаютъ Cramer, Eichhorn, Rosenmüller и Ewald. (Poetische Bb. 1 p. 211), не 72, какъ Carpzov (introduct p. 97 ed. IV), если только такимъ образомъ слѣдуетъ читать вм. LXXXII, и Joel Loewe הקדמה שלישית f. 24, a), и не 74, какъ de-Wette, Tholuck (Comm. p. XXXII), Lisco (A. Test. mit erklär Bd. II. S. 79) и другіе.

[3]) Псаломъ 54-й въ надписаніи нашей слав. Библіи приписывается Асафу, но это очевидно ошибка въ родѣ той, какъ у Tholuck'a (въ его Comment, zu den Ps.) Пс. 82-й (слав. 81-й) Асафовъ, надписывается: «Ein Psalm Dawids», хотя онъ, ни въ предисловіи къ коммент., ни въ самомъ изъясненіи псалма, не приписываетъ его Давиду. Впрочемъ нужно замѣтить, что ошибка эта вкралась въ нашу слав. Библію очень давно,—именно: она, неизвѣстно какимъ образомъ, можетъ быть по совершенно случайной опискѣ, появилась впервые въ рукописныхъ Псалтиряхъ конца XIV ст., изъ коихъ въ замѣч. на текстъ Псалтири о. Архим. Амфилохія указывается въ принесенной съ Аѳона покойнымъ собирателемъ древностей Севастьяновымъ Псалтири сербскаго письма, хранящейся въ настоящее время въ Румянцевскомъ музеѣ; оттуда она

55—64; 67—69; 85, 100, 102, 107—9; 121, 123, 130, 132 и 137—144. Но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію того, дѣйствительно ли всѣ эти псалмы принадлежатъ Давиду, усилія новѣйшей отрицательной критики заподозрить самое существованіе псалмовъ Давидовыхъ въ Псалтири и отнести происхожденіе, если возможно, всѣхъ ея пѣсней къ позднѣйшимъ временамъ политическаго существованія еврейскаго народа.—побуждаютъ насъ предварительно заняться вопросомъ, сохранились ли до насъ псалмы Давидовы и возможно ли искать ихъ въ нынѣшней Псалтири?

Что Давидъ былъ писателемъ псалмовъ и вообще псалмы Давидовы существовали,—это не подлежитъ сомнѣнію. Священная исторія, какъ мы видѣли уже, представляетъ Давида музыкантомъ и поэтомъ отъ природы, который уже въ юношескіе годы, еще въ бытность виѳлеемскимъ пастухомъ, пріобрѣлъ себѣ при самомъ дворѣ царскомъ извѣстность искуснаго игрока на гуслях (1 Цар. 16, 16—18) и впослѣдствіи столько прославился во всемъ израильскомъ народѣ своимъ искусствомъ музыки и пѣнія, что получилъ отъ современниковъ своихъ почетное названіе «сладкаго пѣвца» или «псалмопѣвца Израилева» (2 Ц. 23, 1), сдѣлавшееся затѣмъ на всѣ послѣдующія времена синонимомъ, или какъ бы собственнымъ именемъ его, а самое его искусство осталось навсегда образцомъ подражанія для всѣхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, какъ народнаго мірскаго, такъ и религіознаго характера [1]). Правда, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ много пѣсней составлено было Давидомъ: его историкъ сообщаетъ намъ только четыре пѣсни,—двѣ

перешла въ Острожское изданіе Библіи 1581 г., и съ тѣхъ поръ, въ теченіе почти 3-хъ столѣтій, не смотря на неоднократно предпринимавшіяся исправленія Библіи, постоянно удерживалась и остается доселѣ во всѣхъ изданіяхъ какъ полной слав. Библіи, такъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ Псалтири. (Сравн. опис. слав. рукоп. отд. I стр. 65 — 66). По такой своей давности ошибка эта получила даже вѣроятность въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ дух. писателей. Такъ напр. авторъ статьи: «о ветхоз. пророкахъ, не оставившихъ подъ своимъ именемъ пророч. книгъ» въ Воскр. Чт. 185⁶/₇ г. № 24, стр. 225, приписываетъ 54-й псаломъ Асафу.

[1]) См. выше стр. 66.

народнаго характера: на смерть Саула и Іонаѳана (2 Ц. 1, 18—27) и на смерть Авенира (3, 33—34), и двѣ религіознаго, которыя собственно только и могутъ быть названы псалмами,—это благодарственный гимнъ Іеговѣ по избавленіи отъ всѣхъ враговъ (гл. 22) и пророчественная пѣснь его, извѣстная подъ именемъ послѣднихъ словъ Давида (гл. 23, 1—7). Тѣмъ не менѣе безсмертная слава Давида, какъ пѣвца Израилева, самое наименованіе псалмопѣвцемъ, усвояемое ему преимущественно предъ всѣми прочими пѣвцами еврейскаго народа, и сообщаемое Іисусомъ сыномъ Сираховымъ всегдашнее и общее іудейское преданіе, что «Давидъ при всякомъ дѣлѣ приносилъ благодарственное исповѣданіе Святому и всѣмъ сердцемъ воспѣвалъ Всевышнему слова хвалы» (гл. 47, 9—10), даютъ намъ право заключать, что число пѣсней его вообще, и особенно религіознаго содержанія, или псалмовъ, было очень велико. Нѣтъ также основаній сомнѣваться и въ возможности сохраненія псалмовъ Давида до настоящаго времени. Что они существовали въ теченіи всего библейскаго періода,—это подтверждается несомнѣнными историческими свидѣтельствами. Уже при жизни самого Давида однѣ изъ его пѣсней народнаго характера, вошли въ народное употребленіе и были внесены въ существовавшіе тогда сборники народныхъ пѣсней, какова напр. была Книга Праведнаго, откуда была заимствована его историкомъ пѣснь на смерть Саула и Іонаѳана (2 Ц. 1, 18); другія же религіозныя, или собственно псалмы, послѣ утвержденія Давида въ Іерусалимѣ и устроенія Сіонской скиніи, имъ самимъ введены были въ богослужебное употребленіе (1 Пар. 16, 4. 7. 41. 42. 23, 5. 25, 1—6), которое они удержали за собою и послѣ построенія храма Соломонова (2 Пар. 5, 12—13. 7, 6. 8, 14—15), и удерживали во всѣ послѣдующія времена царства Іудейскаго. Если временное вторженіе язычества при нечестивыхъ царяхъ Іудейскихъ и заглушало пѣніе священныхъ пѣсней Давидовыхъ, то при слѣдовавшихъ за ними царяхъ благочестивыхъ оно опять было возстановляемо во всей полнотѣ первоначальнаго установленія. Въ повѣствованіи о Езекіи, жившемъ около 300 лѣтъ спустя послѣ Давида, прямо говорится, что возстановляя упадшее при его предшественникахъ законное богослуженіе, онъ «поставилъ въ домѣ Господнемъ левитовъ съ кимвалами, псалтирями и цитрами по уставу Давида, царя Израилева и повелѣлъ имъ славить Господа *словами Давида* и Асафа

прозорливца» (2 Пар. 29, 25—30) [1]). Равнымъ образомъ въ повѣствованіяхъ о возстановленіи богослуженія при Іосіи и потомъ послѣ плѣна Вавилонскаго при Ездрѣ и Нееміи упоминается о пѣніи священныхъ пѣсней, «*по установленію Давидову*» (2 Пар. 35. 15. 1 Ездр. 3. 10. Неем. 12, 24. 36), при чемъ кромѣ псалмовъ позднѣйшаго происхожденія, такъ называемыхъ: аллилуіа (1 Ездр. 3, 11. Неем. 9, 5), пѣлись и древнія пѣсни самого учредителя псалмопѣнія, или по выраженію книги Нееміи. «*изложили во они Давидовы и Асафа установленныя пѣсни Богу хвалебныя и благодарственныя*» (Неем. 12. 46).

Въ послѣдующія времена, въ относящихся сюда неканоническихъ писаніяхъ, мы не встрѣчаемъ болѣе ясныхъ свидѣтельствъ о богослужебномъ употребленіи псалмовъ Давидовыхъ. Въ книгѣ Премудрости І. сына Сирахова, и особенно въ книгахъ Маккавейскихъ, вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о богослуженіи, упоминается только о пѣніи пѣсней, псалмовъ и гимновъ, но безъ указанія ихъ писателей, такъ что при этомъ имя Давида ни разу не встрѣчается. (Сир. 50. 18—21. ср. 47, 11—12. 39, 19. 1 Макк. 4, 54. 13, 51. 2 Мак. 1, 30. 10, 7. 3 Мак. 6, 32 и 35. 7, 16). Тѣмъ не менѣе это молчаніе о псалмахъ Давидовыхъ нельзя еще считать признакомъ того, что въ Маккавейскій періодъ они уже не употреблялись при богослуженіи, но всего скорѣе, какъ и вообще умолчаніе о писателяхъ тогдашнихъ богослужебныхъ пѣсней, слѣдуетъ объяснять краткостію и общимъ характеромъ повѣствованія и, вѣроятно, также принятымъ уже тогда обычаемъ обозначать всѣ свящ. пѣсни не по именамъ ихъ писателей, а преимущественно по родовымъ наименованіямъ, дошедшимъ и до насъ въ надписаніяхъ псалмовъ שִׁיר, מִזְמוֹר, תְּהִלָּה, отчего и цѣлое собраніе псалмовъ стало извѣстно подъ именемъ תְּהִלִּים или Ψαλμοί (Лук. 24, 44). Постоянное употребленіе ихъ при богослуженіи со времени Давида и до втораго храма, въ теченіи болѣе нежели 5 столѣтій, представляетъ уже надежное ручательство за сохраненіе такого употребленія ихъ и въ послѣдующее время: по крайней мѣрѣ мы не видимъ, да едва-ли и можетъ кто указать основательную причину изъятія ихъ изъ богослужебнаго

[1]) Что подъ «*словами*» слѣдуетъ разумѣть пѣсни. см. о томъ выше прим. на стр. 91.

употребленія. Всеглашнее, никогда не прекращавшееся между Іудеями и досель еще продолжающееся, высокое уваженіе къ Давиду, именемъ котораго обыкновенно просили себѣ милостей у Бога (3 Ц. 8, 25. Пс. 131, 1. Пс. 88, 50), на племени котораго покоились народныя надежды будущаго избавленія и славы (Зах. 13, 1 и д. Мѳ. 21, 9; ср. Мрк. 11, 9—10; Лук. 1 69. Также Мѳ. 9, 27. 15, 22. 22. 41—42 и др.), и котораго образъ служилъ идеаломъ ожидаемаго обѣтованнаго Царя-Избавителя (Іер. 30, 9. Іез. 34, 23—25 и др.); такое высокое уваженіе не могло допустить изъятія пѣсней Давида изъ богослужебнаго употребленія, особенно когда установленное имъ псалмопѣніе вообще продолжало существовать и, слѣдовательно, когда продолжали бы пѣться псалмы, составленные лишь по образцу Давидовыхъ. Но еслибъ даже и возможно было допустить, что послѣ Ездры псалмы Давидовы почему либо вышли изъ богослужебнаго употребленія, то, во всякомъ случаѣ, нельзя допустить того, чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ они могли совершенно утратиться. Продолжительное употребленіе ихъ при общественномъ богослуженіи въ предшествующее время предполагаетъ уже обширную извѣстность ихъ въ народѣ; непрерывное преемственное сохраненіе и обращеніе ихъ въ многочисленномъ левитскомъ хорѣ, продолжающемъ свое существованіе и во времена позднѣйшія (Сир. 50, 21), и особенно распространеніе ихъ въ значительномъ числѣ списковъ и сборниковъ,—чего необходимо требовало одновременное исполненіе ихъ въ цѣломъ хорѣ, какъ то обыкновенно дѣлалось въ большіе праздники: все это представляетъ надежныя средства продолжительнаго ихъ сохраненія и устраняетъ возможность скорой утраты даже и въ томъ случаѣ, если бы они и потеряли прежнее свое значеніе и употребленіе. Но, что всего важнѣе, по древнему, весьма вѣроятному преданію, согласно принимаемому нетолько Іудеями, но и знаменитѣйшими отцами и учителями Церкви Христіанской, уже при Ездрѣ и Нееміи, когда псалмы Давидовы, какъ видѣли мы, еще употреблялись при богослуженіи, стараніями этихъ богомудрыхъ мужей, совершено было собраніе божественныхъ писаній въ одинъ священный канонъ [1]), въ составъ котораго, по

[1]) Преданіе это, подтверждаемое отчасти свидѣтельствами изъ книгъ самихъ составителей канона: Ездры (1 Езд. 7, 10—12) и Нееміи (гл. 8, 1 и д.), а также 2 Макк. (2, 13 и гл. 14, 22), находимъ мы въ

ясному свидѣтельству 2 кн. Макавейской (2, 13), вмѣстѣ съ историческими и пророческими книгами, внесены были и τὰ τοῦ Δαυὶδ, т. е. писанія или псалмы Давидовы [2]). Отселѣ судьба ихъ тѣсно и

---

3 кн. Ездр., хотя въ довольно изукрашенномъ видѣ, гдѣ между прочимъ Ездрѣ приписывается возстановленіе Закона въ 24-хъ книгахъ (14, 44 по араб. и ефіопск.; въ лат. и нашемъ слав. менѣе вѣроятно: 204 книги. См. о 3-й кн. Ездры Шаврова стр. 80—81, и Corrodi Beleuchtt. 1, 174); также у І. Флавія (Contra Apion. lib 1. § 7 и 8), гдѣ окончательное образованіе канона возводится ко временамъ Артаксеркса, современника Ездры, и въ Талмудѣ, гдѣ оно вмѣстѣ съ Ездрою приписывается учрежденной въ его время Великой Синагогѣ (Baba Bathira fol. 14, col 2, fol. 15 col. 2). Изъ христіанскихъ писателей его принимали Ириней (против. ерес. III, 25), Климентъ Александрійскій (Strom. lib. I). Оригенъ (въ изъясн. на пс., см. въ отрывкѣ изд. Монфок. in exaphs T. 1 p. 85), Тертулліанъ (объ украш. женщ. 1. 3), Θеодоритъ (предисл. на псал. и пр. пѣсни), Златоустъ (бес. 8 на посл. къ Евр.), Августинъ (de mirabilibus Script. S. 11, 33) и др. См. эти свидѣтельства въ кн. Шаврова: о 3 кн. Ездр. стр. 167—171). О времени образованія в. завѣтнаго канона см. также Введеніе въ Богосл. Макарія. 1863 стр. 300—302 и 360.

[2]) ....καὶ ὡς καταβαλλόμενος βιβλιοθήκην, ἐπισυνήγαγε τὰ περὶ τῶν βασιλέων καὶ προφητῶν, καὶ τὰ τοῦ Δαυὶδ, καὶ ἐπιστολὰς βασιλέων περὶ ἀναθημάτων. Въ слав. τὰ τοῦ Δαυὶδ переведено: «о Давидѣ», такъ какъ бы стояло: τὰ περὶ τοῦ Δαυὶδ, что, очевидно, несогласно съ подлиннымъ текстомъ. Невѣрно также и въ русск. перев. Сергіевскаго (Прав. Обозрѣн. 1868 г.), гдѣ это выраженіе передается словами: «дѣянія Давида», между тѣмъ какъ въ первомъ полустишіи тотъ же членъ τὰ передъ словомъ: περὶ τῶν βασιλέων... переводится: «сказанія о царяхъ»... Рѣчь идетъ о собраніи книгъ или писаній и потому членъ τὰ въ обоихъ случаяхъ означаетъ книги или писанія, слѣдовательно τὰ τοῦ Δαυὶδ нужно перевести не иначе, какъ книги или писанія Давида, т. е. псалмы, кромѣ которыхъ никакихъ другихъ Давидовыхъ писаній не знаетъ исторія. (Такъ и Delitzsch, — die Psalmen S. 1 и 10. См. также Movers, de utriusque recens. vatic. Ierem. p. 49 и O. v. Gerlach Bd. IV, Abth. 2 на разсмотр. мѣсто 2 Маккав). Само собою понятно, что подъ именемъ писаній Давида разумѣются здѣсь не исключительно одни только Давидовы псалмы, но вообще всѣ извѣстные намъ псалмы и другихъ писателей, которые по имени главнаго псалмопѣвца, Давида, коему принадлежитъ наибольшее число пѣсней въ собраніи, также называются псалмами или писаніями Давидовыми.

неразрывно связывается съ судьбою закона Моисеева, пророческихъ и прочихъ священныхъ писаній, иначе говоря, съ судьбою вообще всего священнаго канона, и такимъ образомъ они навсегда уже ограждаются отъ всякой возможности утраты и даже поврежденія. По древнему іудейскому преданію уже сами составители канона священныхъ книгъ озаботились изысканіемъ средствъ къ сохраненію его въ первоначальной цѣлости и неповрежденности своимъ учрежденіемъ постояннаго союза ученыхъ мужей [1]), получившаго впослѣдствіи названіе великой синагоги, одну изъ важнѣйшихъ обязанностей которой составляло именно охраненіе и огражденіе цѣлости закона [2]). и которая, какъ свидѣтельствуетъ исторія, послѣдующаго времени, дѣйствительно была строгою хранительницею каждой буквы Священнаго Писанія. И мы не имѣемъ основаній сомнѣваться въ томъ, что церковь іудейская вполнѣ сохранила ввѣренное ей слово Божіе (Римл. 3, 2) и во всей цѣлости и полнотѣ передала его Церкви Христіанской. Дошедшія до насъ не многія свѣдѣнія о в. завѣтномъ канонѣ въ церкви іудейской въ періодъ времени отъ Ездры и Нееміи до пришествія Христова представляютъ его намъ, относительно его состава, или содержащихся въ немъ писаній, существенно въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его во времена Христа Спасителя и какой онъ сохраняетъ до настоящаго времени [3]). Въ книгѣ Премудрости І. сына Сирахова, напи-

---

[1]) «*Книжниковъ*» סֹפְרִים, συναγωγὴ γραμματέων (1 Макк. 7, 12). Преданіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ книгѣ Ездры и Нееміи, гдѣ вмѣстѣ съ Ездрою, первымъ סֹפֵר или книжникомъ (Ездры 7, 11. 12. 21; Неем. 8, 1. 4, 13), мы видимъ многихъ левитовъ, которые также поучаютъ народъ, *читая* ему *изъ книги Закона Божія* (בַּסֵּפֶר בְּתוֹרַת הָאֱלֹהִים), съ изъясненіемъ прочитаннаго (Неем. 8, 4—8), и нѣкоторые изъ этихъ сотрудниковъ Ездры въ наставленіи народа также называются *книжниками* (Неем. 13, 13).

[2]) Въ Талмудѣ въ отд. Pirke Aboth с. I. говорится, что «пророки передали законъ мужамъ великой синагоги», и далѣе главнѣйшія обязанности этихъ послѣднихъ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «будьте медленны въ судѣ, соберите многихъ учениковъ, *оградите законъ*».

[3]) Разумѣемъ неизмѣнное сохраненіе канона исключительно лишь относительно его состава, а *не текста*, который, по изслѣдованіямъ ученыхъ, еще долгое время не имѣлъ настоящей твердо-установленной формы, по разнымъ причинамъ подвергался многократнымъ измѣненіямъ

санной почти за 200 л. Р. Христова [1]), упоминаются тѣже составныя части канона: *законъ Всевышняго, данный чрезъ Моисея*,

---

и только въ сравнительно позднѣйшее время, ок. IV ст. по Р. Хр., получилъ свой теперешній видъ. (См. Библ. текстъ—Д. А. Хвольсона въ Энцикл. Сл. Березина Т. III. Отд. I стр. 614).

[1]) Время происхожденія книги Премудрости І. сына Сирахова опредѣляется указаніемъ переводчика ея съ евр. на греческій языкъ. Въ предисловіи къ своему переводу онъ называетъ себя внукомъ писателя и говоритъ, что, пришедши во Египетъ на 38 г. царствованія Евергета, перевелъ здѣсь книгу своего дѣда. Птоломеевъ Евергетовъ было два: одинъ—третій въ ряду Птоломеевъ—царствовалъ отъ 246 до 221 г. предъ Р. Х., другой—Птоломей VII Евергетъ II, иначе называемый Фискономъ, царствовалъ сперва съ братомъ своимъ Птоломеемъ VI а потомъ 28 лѣтъ одинъ по смерти послѣдняго, всего 53 года отъ 170 до 117. Подъ Евергетомъ, упоминаемымъ въ предисловіи къ переводу, нельзя разумѣть перваго, такъ какъ онъ царствовалъ всего 25 лѣтъ. И такъ нужно разумѣть Фискона, 38-й годъ царствованія котораго палаетъ на 132-й г. предъ Р. Хр. Если теперь разстояніе между дѣдомъ-писателемъ и внукомъ-переводчикомъ положимъ въ 40 или 60 лѣтъ, то время происхожденія книги Сираха придется около 172 или 192 г. предъ Р. Хр. Этому не противорѣчитъ въ 50 гл. книги (1—21 ст.) похвала Симону первосвященнику сыну Онія, гдѣ онъ представляется современникомъ писателя, если только будемъ разумѣть Симона II-го сына Онія II-го, упоминаемаго въ 3 кн. Макк. гл. 2, который былъ первосвященникомъ при Птоломеѣ Филопаторѣ отъ 219 до 199 г. предъ Р. Хр. (См. кн. Прем. І. с. Сирахова въ русск. пер. съ объясн. 1859 г. стр. II прим. и объясн. на гл. 50 стр. 374 и д.). Другіе впрочемъ охотнѣе относятъ эту похвалу къ Симону I праведному сыну Онія I, а потому и происхожденіе книги полагаютъ ок. 300 г. до Р. Хр. (Введ. въ Богосл. Мав. 1863 г. стр. 300. Цер. Библ. Ист. Филарета 1819 г. стр. 548. Свящ. Ист. В. З. Богословскаго и проч.); но чтобы принять это мнѣніе нужно допустить, 1) что указаніе переводчикомъ времени прибытія его въ Египетъ на 38 г. (ἐν γὰρ τῷ ὀγδόῳ καὶ τριακοστῷ ἔτει ἐπὶ τοῦ Εὐεργέτου βασιλέως παραγενηθεὶς εἰς Αἴγυπτον) относится не къ царствованію Евергета, а ко времени жизни или возраста самого переводчика, и 2) что онъ называетъ писателя книги «дѣдомъ» своимъ (πάππος) не въ собственномъ, а болѣе общемъ смыслѣ «предка» (ἔγγονος, какъ въ прологѣ Компл. изд.). Очевидно такое пониманіе историческихъ данныхъ предисловія къ переводу кн. І. с. Сирахова будетъ уже насиліемъ прямому смыслу текста.

пророчества и мудрыя изреченія и пѣсни (39, 1—3; ср. 44, 3—5 и 45. 6). какія указываются въ словахъ Христа Спасителя (Лук. 24. 44): «подобаетъ скончатися всѣмъ написаннымъ въ *законѣ Моисеовѣ* и *пророцѣхъ* и *псалмѣхъ о Мнѣ*», а также въ свидѣтельствахъ современныхъ Ему іудейскихъ писателей Филона и І. Флавія [1]), и какія различаются въ в. завѣтномъ канонѣ до настоящаго времени. Самое расположеніе священныхъ писаній въ канонѣ, по крайней мѣрѣ книгъ пророческихъ, во времена І. сына Сирахова представляется совершенно сходнымъ съ расположеніемъ ихъ въ нынѣшнемъ еврейскомъ канонѣ; такъ какъ, прославляя въ своей книгѣ великихъ мужей іудейскихъ, онъ называетъ пророковъ Исаію (48, 22—28), Іеремію (49, 7—9) и Іезекіиля (ст. 10—11), и вслѣдъ затѣмъ упоминаетъ о *двѣнадцати пророкахъ*, не исчисляя ихъ поименно (ст. 12), т. е. въ такомъ же точно порядкѣ, въ какомъ располагаются писанія пророческія въ нынѣшнемъ еврейскомъ канонѣ священныхъ книгъ, въ которомъ вслѣдъ за книгами Исаіи, Іереміи и Іезекіиля стоятъ писанія малыхъ пророковъ подъ общимъ именемъ *двѣнадцати*. Тѣже составныя части: *законъ*, *пророки и писанія* (τοῦ νόμου καὶ τῶν προφητῶν καὶ τῶν ἄλλων πατρίων βιβλίων) различаются въ еврейскомъ канонѣ священныхъ книгъ и въ предисловіи къ переводу книги І. сына Сирахова на греческій языкъ, составленному внукомъ писателя·ея, вѣроятно 40—60 лѣтъ спустя послѣ него. Кромѣ того, тотъ же переводчикъ книги Премудрости І. сына Сирахова, испрашивая у читателей снисхожденія къ нѣкоторымъ неточностямъ своего перевода, указываетъ въ свое извиненіе на замѣченныя имъ несходства съ подлинникомъ въ существовавшемъ уже въ его время переводѣ Священнаго Писанія на греч. языкѣ, и въ этомъ переводѣ называетъ тѣ же самыя три части: *законъ*, *пророчества и прочія писанія*, какія были выше названы имъ въ еврейскомъ его подлинникѣ (ἀλλὰ καὶ αὐτὸς ὁ νόμος, καὶ αἱ προφητεῖαι, καὶ τὰ λοιπὰ τῶν βιβλίων οὐ μικρὰν ἔχει τὴν διαφορὰν ἐν ἑαυτοῖς λεγόμενα).— Нѣтъ сомнѣнія, что упоминаемый въ приведенныхъ словахъ греческій переводъ Св. Писанія былъ не иной, какъ греческо-александрійскій переводъ, такъ называемый LXX *толковниковъ* (Sep-

[1]) Philo, de vita contemplat. p. 893 ed. Francf. Joseph. contra Apion lib. 1 § 8.

tuaginta), который, какъ извѣстно, предпринятъ былъ при Птоломеѣ Филадельфѣ ок. 270 г. до Р. Хр. [1]); такъ какъ кромѣ этого перевода никакого другаго въ столь ранюю пору не знаетъ исторія. Поэтому изъ приведеннаго свидѣтельства мы должны заключить, что существовавшій во времена греческаго переводчика книги I. сына Сирахова (за 132 г. до Р. Х.) греческо-александрійскій переводъ Св. Писанія, представляя нѣкоторыя неточности въ передачѣ еврейскаго текста, подобно какъ это замѣчается и въ существующемъ у насъ греческомъ переводѣ, извѣстномъ подъ именемъ LXX, по составу своему точно также соотвѣтствовалъ тогдашнему еврейскому свящ. канону, какъ этотъ послѣдній въ свою очередь соотвѣтствовалъ, какъ мы видѣли, тому же канону временъ древнѣйшихъ, а равно и всего послѣдующаго времени христіанской эры, отъ начала ея и донынѣ. Такое заключеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ кн. I. сына Сирахова встрѣчаются замѣтныя указанія на разныя событія, установленія и изреченія, или же прямо приводятся мѣста почти изъ всѣхъ писаній Ветхаго Завѣта [2]), какія, суди по указаніямъ въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, находились въ канонѣ во времена I. Христа и Апостоловъ [3]) и какія находятся въ немъ и въ настоящее время, и что при этомъ приводимыя въ ней мѣста изъ разныхъ книгъ Св. Писанія, относительно употребленія въ нихъ греческихъ

---

[1]) Птоломей Филадельфъ царствовалъ между 284—246 годами предъ Р. Хр.; а годомъ происхожденія перевода по принятой у насъ хронологіи признается 271 г. предъ Р. Хр. См. Кратк. библ. Хрон. по лѣтосчисленію вост. као. церкви. Спб. 1859; Хронол. при Св. Ист. Богословскаго и въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1874 г. Май, стр. 779. По мнѣнію преосв. Макарія, нѣсколько позже—за 250 л. См. Введ. въ Прав. Бог. Спб. 1863, стр. 300.

[2]) За исключеніемъ лишь кн. Руѳь, П. Пѣсн. и нѣкоторыхъ изъ малыхъ пророковъ, изъ коихъ впрочемъ послѣднія у Евреевъ всѣ вмѣстѣ составляли одну книгу, а кн. Руѳь въ греческомъ переводѣ съ древнихъ временъ относима была къ кн. Судей.

[3]) Указаніе мѣстъ изъ разныхъ кн. Св. П. Ветх. З., цитуемыхъ въ кн. Прем. I. сына Сир. можно видѣть въ Библіяхъ съ параллелями, — нашей славянской и Вульгатѣ, а также въ русск. пер. кн. Сир. съ кратк. объясненіями (Спб. 1859); а мѣста изъ книгъ В. З. приводимыя въ Новомъ Завѣтѣ, указываются въ Введ. въ Прав. Богословіе Архіеп. Макарія, стр. 287, 299—300 по изд. 1863 г.

словъ, а также періодическаго построенія и связи мыслей, обыкновенно мы находимъ переведенными примѣнительно къ существующему у насъ греческо-александрійскому ихъ переводу [1]). Очевидно, что всѣ цитуемыя въ книгѣ Прем. І. сына Сирахова книги Св. Писанія Ветхаго Завѣта находились уже какъ въ еврейскомъ свящ. канонѣ, какой имѣлъ подъ руками составитель этой книги, такъ равно и въ греческо-александрійскомъ его переводѣ, какимъ пользовался греческій переводчикъ ея, и слѣд. греческо-александрійскій переводъ, по содержащимся въ немъ писаніямъ, былъ одинаковъ съ еврейскимъ своимъ подлинникомъ и оба въ свою очередь, разумѣется за исключеніемъ послѣдующихъ прибавленій къ греческому переводу неканоническихъ писаній,—одинаковы какъ съ Палестинскимъ, такъ и Александрійскимъ канономъ временъ І. Христа. а равно и настоящаго времени. Къ этому можно бы присоединить еще цѣлый непрерывный рядъ свидѣтельствъ изъ всѣхъ вѣковъ

---

[1]) Для примѣра приведемъ изъ книги І. сына Сирахова по греческому тексту нѣсколько параллельныхъ мѣстъ. съ псалмами, какъ имѣющихъ ближайшее отношеніе къ нашему предмету: Сир. 17, 28: ἀπὸ νεκροῦ ὡς μηδὲ ὄντος ἀπόλλυται ἐξομολόγησις. ζῶν ὑγιὴς αἰνέσει τὸν κύριον, ср. съ Пс. 113, 25: οὐκ οἱ νεκροὶ αἰνέσουσί σε κύριε, οὐδὲ πάντες... и ст. 26: Ἀλλ' ἡμεῖς οἱ ζῶντες εὐλογήσομεν τὸν κύριον; Сир. 17, 27: ὑψίστῳ τίς αἰνέσει ἐν ᾅδου, ср. съ Пс. 6, 6: ἐν δὲ τῷ ᾅδῃ τίς ἐξομολογήσεταί σοι; Сир 15, 19. 31, 16: οἱ ὀφθαλμοὶ κυρίου ἐπὶ τοὺς φοβουμένους αὐτόν, ср. съ Пс. 32, 18: ἰδοὺ, οἱ ὀφθαλμοὶ κυρίου ἐπὶ τοὺς φοβουμένους αὐτόν; Сир. 2, 6: εὐθυνον τὰς ὁδούς σου καὶ ἔλπισον ἐπ' αὐτόν, ср. съ Пс. 36, 5 (33, 9): ἀποκάλυφον πρὸς κύριον τὴν ὁδόν σου, καὶ ἔλπισον ἐπ' αὐτόν; Сир. 22. 27: τίς δώσει μοι ἐπὶ στόματί μου φυλακὴν, καὶ ἐπὶ τῶν χειλέων..., ср. съ Пс. 140, 3: θοῦ κύριε φυλακὴν τῷ στόματί μου, καὶ θύραν περιοχῆς περὶ τὰ χείλη μου; Сир. 51, 1 ср. съ Пс. 7, 18. 110, 1: ἐξομολογήσομαί σοι κύριε; Сир. 51, 1 ср. съ Пс. 139, 14: ἐξομολογήσονται τῷ ὀνόματι; Сир. 51, 3[б] ср. съ Пс. 37, 13: ἐκ χειρὸς ζητούντων τὴν ψηχήν μου; Сир. 51, 3[а] ср. съ Пс. 50, 3 и 24, 7: κατὰ τὸ πλῆθος ἐλέους; Сир. 51, 7 съ Пс. 21, 12[б], 13[б], ср. 17[б]: περιέσχον με πάντοθεν, καὶ οὐκ ἦν ὁ βοηθῶν; Сир. 51. 8 ср. съ Пс. 17, 6: Сир. 51, 12 съ Пс. 36, 19. 40, 2—3: ἐν καιρῷ πονηρῷ и нѣкот. др.

существованія Церкви Христіанской въ доказательство постояннаго сохраненія въ ней в. завѣтнаго канона священныхъ книгъ въ первоначальной цѣлости и полнотѣ, въ какой она приняла его отъ церкви іудейской [1]); но и приведенныхъ свидѣтельствъ мы считаемъ совершенно достаточнымъ для того, чтобы признать сохраненіе до настоящаго времени и, слѣдовательно, существованіе въ нынѣшнемъ в. завѣтномъ канонѣ всѣхъ тѣхъ писаній, какія были внесены въ него при окончательномъ его образованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ заключенію, что въ нынѣшнемъ в.-завѣтномъ канонѣ должны находиться и находятся тѣ самыя «писанія» или «псалмы Давида» (τὰ τοῦ Δαυίδ), которыя, по приведенному выше свидѣтельству 2 кн. Маккавейской (2, 13), при составленіи книгохранилища священныхъ книгъ, собраны были Неемією. Это тѣмъ несомнѣннѣе, что и въ канонѣ свящ. книгъ времени І. сына Сирахова, который, какъ мы видѣли, по составу своему былъ тотъ же самый, что и нынѣшній в.-завѣтный канонъ, не только находились псалмы Давидовы, но ихъ-то преимущественно и слѣдуетъ разумѣть подъ упоминаемыми въ его книгѣ священными пѣснями; такъ какъ, высказавъ при этомъ намѣреніе восхвалить «священныхъ пѣвцовъ, изобрѣвшихъ напѣвы музыкальные и составившихъ письменныя пѣсни» (гл. 44, 1 и 5), далѣе онъ изъ всѣхъ пѣвцовъ еврейскаго народа, восхваляетъ только Давида (47, 9—12) и Соломона (ст. 19), какъ бы они были по преимуществу священными пѣвцами и имъ всего болѣе принадлежали «письменныя пѣсни», находившіяся въ каноне Священнаго Писанія [2]). Наконецъ мы имѣемъ и положительное доказательство, что псалмы Давидовы въ нынѣшней Псалтири дѣйствительно находятся: историкъ псалмопѣвца во 2 кн. Царствъ, приводя нѣкоторые образцы его пѣсней, сообщаетъ благодарственный гимнъ его по избавленіи отъ всѣхъ враговъ, который мы потомъ встрѣчаемъ и въ Псалтири подъ именемъ псалма Давидова (Пс. 17

---

[1]) См. такія свидѣтельства въ Введ. въ Пр. Богосл. Макарія § 125 стр. 354—360 по изд. 1863 г.

[2]) Это между прочимъ даетъ намъ заключать, что и тамъ, гдѣ І. сынъ Сираховъ говоритъ объ употребленіи псалмовъ при богослуженіи, безъ означенія именъ ихъ писателей (Сир. 50, 18—21 ср. 39, 19 и 47, 11 и 12. См. объ этомъ выше стр. 113), также можно и должно разумѣть прежде всего и по преимуществу псалмы Давидовы.

по евр. 18). Это даетъ намъ право заключать, что есть въ Псалтири и другія пѣсни изъ составленныхъ Давидомъ, и что ихъ прежде всего слѣдуетъ искать между псалмами, надписанными въ еврейскомъ текстѣ его именемъ.—Къ этимъ псалмамъ мы и обратимся теперь, чтобы опредѣлить, на сколько вѣроятны свидѣтельства ихъ надписаній о ихъ Давидовомъ происхожденіи.

Изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ древней восточной письменности и особенно поэзіи видно, что у восточныхъ поэтовъ и вообще писателей всегда существовалъ обычай выставлять въ началѣ, въ заглавіи своихъ произведеній свои имена, нерѣдко сопровождая ихъ своими родословіями или указаніями различныхъ обстоятельствъ мѣста или времени написанія произведеній [1]). Существованіе того же обычая замѣчается и въ книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ, и даже въ писаніяхъ Новозавѣтныхъ. Только здѣсь рядомъ съ обычаемъ писателей обозначать свои имена въ своихъ писаніяхъ мы замѣчаемъ также обычай указанія именъ писателей современными имъ или послѣдующими за ними историками, или собирателями ихъ писаній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанія именъ писателей цѣлыхъ книгъ (напр. Іер. 1, 2—3; Іез. 1, 2—3; Агг. 1, 1; Зах. 1, 1; Притч. 1, 1. Ср. Іак. 1, 1; 1 и 2 Петр. 1, 1; Іуд. 1, 1; Рим. 1, 1; 1 и 2 Кор. 1, 1 и проч.), или отдѣльныхъ въ нихъ частей, пророчествъ (Числ. 24, 3—4 и 15—16; Іер. 7, 1; 11, 1; 30, 1; 32, 1; Ап. 2, 1; Зах. 7, 1 и др.) или пѣсней (Исх. 14, 32; Втор. 31, 30; 2 Ц. 23, 1[6]), находясь большею частію въ тѣсной связи съ дальнѣйшимъ теченіемъ рѣчи обозначаемыхъ ими книгъ или частей, какъ вступленіе къ нимъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ принадлежности ихъ самимъ писателямъ; подобно какъ, наоборотъ, нѣкоторыя другія указанія писателей, очевидно не относящіяся къ составу обозначаемыхъ ими писаній, каковы напр. надписанія пѣсней Деворы (Суд. 5, 1), Езекіи царя іудейскаго (Ис. 38, 9) и самого Давида на смерть Саула и Іонаѳана (2 Ц. 1, 17—18) и послѣ побѣдъ надъ врагами (2 Ц. 22, 1[7]), а также подобныя указанія въ кн. Притчей (25, 1) и въ Псалтири

---

[1]) См. напр. извлеченія изъ Natasà въ изд. Араб. Грам. Шультенса 1767 г. Также надпись Моавит. царя Меши и замѣч. на 1-ю строку ея, Хвольсона въ Хр. Чт. 1870 г. Іюль стр. 95—99.

(Пс. 71—по евр. 72—20). съ перваго взгляда ясно даютъ понять, что они принадлежатъ не самимъ писателямъ, а или, какъ первыя четыре изъ приведенныхъ надписаній, историкамъ того времени, или же, какъ два послѣднія, послѣдующимъ собирателямъ обозначаемыхъ ими писаній. Большая же часть другихъ подобныхъ указаній не представляютъ никакихъ основаній для опредѣленія ихъ происхожденія, такъ что мы не можемъ сказать, которыя изъ нихъ принадлежатъ самимъ писателямъ и которыя только ихъ историкамъ или собирателямъ ихъ писаній. Къ этому то послѣднему роду и принадлежатъ указанія писателей, находящіяся въ еврейскихъ надписаніяхъ псалмовъ. Но если эти указанія, по невозможности опредѣлить ихъ происхожденіе, и нельзя принимать за подлинныя и потому несомнѣнныя свидѣтельства самихъ писателей о происхожденіи ихъ пѣсней; то, конечно, и нельзя при этомъ безусловно отвергать существованіе между ними такого рода свидѣтельствъ и, во всякомъ случаѣ, ничто не мѣшаетъ считать ихъ достовѣрными историческими свидѣтельствами. Такъ большею частію и смотрѣли на нихъ толкователи Псалтири до половины прошедшаго столѣтія; но послѣ этого времени, именно съ появленія въ свѣтъ сочиненія Vogel'я: inscriptiones Psalmorum serius demum additas videri (Halle, 1767), сдѣлалось обыкновеннымъ отрицать принадлежность надписаній не только самимъ писателямъ псалмовъ, но и древнѣйшимъ ихъ собирателямъ, и прямо утверждать, что они вовсе не основываются на исторической традиціи, а лишь по догадкѣ приложены были къ псалмамъ при позднѣйшей ихъ редакціи [1]). Имя Давида, какъ древнѣйшаго писателя, всего чаще встрѣчающееся въ надписаніяхъ псалмовъ, естественно при этомъ всего больше подвергается нападеніямъ, и вотъ главнѣйшія основанія, какія до сихъ поръ приводятся въ опроверженіе достовѣрности его, а также и именъ другихъ писателей, указываемыхъ въ надписаніяхъ.

Свидѣтельства надписаній о писателяхъ псалмовъ почти ограничиваются именами Давида и пѣвцовъ его, между тѣмъ какъ Давидово время обнимаетъ собою лишь только часть всего продолжительнаго періода псалмопѣнія, въ который произошло образованіе Книги Псалмовъ. Не слѣдуетъ-ли поэтому, заключаютъ противники досто-

[1]) Изъ представителей этого мнѣнія особеннымъ авторитетомъ пользуются Ewald, Hitzig, Lengerke, Olshausen.

вѣрности надписаній, названіе писателей только древнѣйшихъ и умолчаніе о позднѣйшихъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно участвовавшихъ въ составленіи Псалтири и даже обнимающихъ собою, сравнительно съ первыми, гораздо большій промежутокъ времени, объяснять предвзятымъ намѣреніемъ какого либо позднѣйшаго собирателя псалмовъ—придать имъ высшій авторитетъ, украсивъ ихъ именами самого отца псалмопѣнія или пѣвцовъ его [1])? Мы отвѣтимъ на это: конечно, нѣтъ. Потому-то именно въ надписаніяхъ псалмовъ именами Давида и пѣвцовъ его и нельзя предполагать благочестиваго обмана, что у псалмовъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія такихъ надписаній вовсе не имѣется, между тѣмъ какъ, допустивъ подобное предположеніе, по логической послѣдовательности, у этихъ то псалмовъ и нужно было ожидать такого рода надписаній. Отсутствіе надписаній съ именами позднѣйшихъ писателей такъ же мало даетъ права отрицать достовѣрность надписаній съ именами писателей древнѣйшихъ, какъ вообще существованіе цѣлыхъ свящ. книгъ неизвѣстныхъ писателей не даетъ основанія отрицать достовѣрность свидѣтельствъ о писателяхъ другихъ священныхъ книгъ, въ которыхъ они прямо названы по имени. И развѣ отрицаніе названныхъ по именамъ писателей псалмовъ лишь потому только, что существуютъ анонимные псалмы, поможетъ намъ открыть писателей этихъ послѣднихъ, или по крайней мѣрѣ разрѣшитъ недоумѣніе, возбуждаемое молчаніемъ о нихъ?!.. Молчаніе это—не безпримѣрное явленіе въ Свящ. Писаніи: въ историческихъ свящ. книгахъ также не приписывается участія въ составленіи священныхъ пѣсней никому послѣ Давида, Соломона и пѣвцовъ Давидовыхъ; но изъ того нельзя, конечно, заключать къ недостовѣрности свидѣтельства свящ. исторіи о томъ, что Давидъ, Соломонъ или пѣвцы Давидовы дѣйствительно были псалмопѣвцами. Въ обоихъ случаяхъ молчаніе о другихъ пѣвцахъ позднѣйшихъ объясняется всего естественнѣе тѣмъ, что Давидъ, какъ псалмопѣвецъ, съ сонмомъ пѣвцовъ своихъ, въ сознаніи Израиля стоялъ такъ высоко, что подлѣ его имени, соединенныхъ съ нимъ его пѣвцовъ и знаменитаго его преемника на царствѣ,—не могло уже стоять никакое другое лице, и никто изъ позднѣйшихъ псалмопѣвцевъ не осмѣливался назвать себя по имени. Безъимян-

---

[1]) См. такое возраженіе у Евальда—Poët. Bücher. 1, S. 214.

ность псалмовъ, не принадлежащихъ Давиду, идетъ здѣсь рука объ руку съ другими фактами,—именно съ тѣмъ, что ни одинъ изъ этихъ псалмовъ не носитъ индивидуальнаго и личнаго характера, что во всѣхъ ихъ пѣвецъ выступаетъ, какъ органъ народа, что позднѣйшіе псалмы являются по большей части только подражаніями псалмамъ, приписываемымъ Давиду, и многое заимствуютъ изъ нихъ въ мысляхъ, выраженіяхъ и самой внѣшней формѣ, такъ что вся позднѣйшая свящ. поэзія справедливо можетъ и должна быть названа отголосками поэзіи Давидовой. Даже изъ пѣвцовъ Давидовыхъ не всѣ отдѣльные писатели псалмовъ осмѣливаются выступить съ своимъ именемъ и скрываются подъ общимъ именемъ цѣлаго хора или племени пѣвцовъ, какъ пѣвцы изъ племени сыновъ Кореевыхъ. Прямо называются по именамъ только главные начальники пѣвцовъ Давидовыхъ: Еманъ и Ефанъ, въ надписаніяхъ двухъ псалмовъ, и пророкъ Асафъ, котораго имя и исторія ставитъ на ряду съ Давидомъ; но въ свою очередь и за именемъ Асафа также скрывались нѣкоторые позднѣйшіе члены его фамиліи, какъ это показываетъ содержаніе нѣкоторыхъ псалмовъ, надписанныхъ его именемъ.

Послѣднее обстоятельство рѣшаетъ намъ или устраняетъ и другое возраженіе противъ достовѣрности надписаній, основанное на томъ, что въ содержаніи, тонѣ и характерѣ многихъ пѣсней заключается значительное различіе, такъ что невозможно считать ихъ за произведенія однихъ и тѣхъ же писателей, которыхъ имена они носятъ въ своихъ надписаніяхъ. Если мы допустимъ, что псалмы, надписанные именемъ Асафа, принадлежатъ не одному Асафу временъ Давида, но и другимъ пѣвцамъ Асафовой фамиліи, сокрывшихъ имена свои подъ именемъ своего великаго предка; то указываемое въ приведенномъ возраженіи различіе ограничится только псалмами, надписанными именемъ Давида. Но что касается Давида, то, конечно, онъ и не достигъ бы того высокаго положенія прекраснаго пѣвца Израилева, не сдѣлался бы на всѣ времена и для всѣхъ послѣдующихъ пѣвцовъ образцомъ и учителемъ псалмопѣнія, если бы не отличался особенною широтою и многосторонностію священно-поэтическаго генія, если бы его даръ псалмопѣнія былъ одностороненъ и онъ не могъ бы разнообразить своего голоса. Къ Давиду, въ отношеніи къ псалмопѣнію, съ полною справедливостію можно примѣнить то, что и самъ Евальдъ, которому между прочимъ принадлежитъ

разсматриваемое возраженіе, нашелъ себя вынужденнымъ сказать о пророкѣ Исаіи [1]): «У Исаіи нельзя, какъ у другихъ пророковъ, указать какого либо особеннаго свойства, или любимаго колорита въ изложеніи всѣхъ его проповѣдей. Онъ не есть по преимуществу ни лирическій, ни по преимуществу ораторствующій, ни увѣщательный, или обличительный пророкъ; но, смотря по предмету, у него употребляются всѣ роды рѣчи». «Въ обличеніяхъ и угрозахъ, скажемъ словами другаго ученаго, онъ строгъ и силенъ; въ утѣшеніяхъ и наставленіяхъ онъ тихъ и проникаетъ въ сердце; въ собственно пророческихъ рѣчахъ онъ исполненъ огня и паритъ какъ орелъ надъ потоками временъ» [2]). Такъ и Давидъ проявилъ себя въ самыхъ разнообразныхъ родахъ священной поэзіи, — въ пѣсняхъ покаянныхъ или скорбно-молитвенныхъ, въ псалмахъ поучительныхъ или обличительныхъ, въ хвалебныхъ и благодарственныхъ гимнахъ и въ возвышенныхъ пророчественныхъ пѣсняхъ, гдѣ онъ, подобно прочимъ пророкамъ, живетъ въ созерцаніяхъ будущаго царства Божія. И каждый изъ этихъ родовъ пѣсней, а нерѣдко и отдѣльныя пѣсни одного и того же рода естественно носятъ у него свой особенный отпечатокъ, и по внутреннему ихъ характеру, и по внѣшнему изложенію, отражающій собою ту или другую сторону его обширнаго поэтическаго генія, ту или другую черту его высокаго характера, то или другое движеніе его великой души. Впрочемъ, при всемъ видимомъ разнообразіи, чрезъ всѣ его псалмы проходитъ нить единства, всѣ многочисленныя особенности гармонически соединяются и примиряются въ одной великой личности Давида, и нѣтъ въ его пѣснихъ ни одной выдающейся черты, которая не находила бы себѣ объясненія въ его исторіи, какъ это мы увидимъ далѣе при ближайшемъ сопоставленіи его псалмовъ съ историческими обстоятельствами ихъ происхожденія.

Гораздо труднѣе объяснить выставляемое противъ достовѣрности надписаній то обстоятельство, что LXX въ своемъ переводѣ опустили имя Давида, встрѣчающееся по нынѣшнему еврейскому тексту въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ изъ такъ называемыхъ *пѣсней степеней*, именно въ Пс. 122, 124, 131 и 133 (у насъ—121, 123, 130 и 132), равно какъ и имя Соломона въ надписаніи Пс. 127-го

---

[1]) Propheten 1. S. 173.

[2]) Amyrald. Praef. ad Psalm.

(126),—изъ чего противники достовѣрности надписаній думаютъ выводить заключеніе, что во времена LXX-ти еврейскій подлинникъ Псалтири вовсе не имѣлъ еще указаній именъ писателей, и что всѣ такія указанія суть прибавленія позднѣйшаго происхожденія [1]). Мы съ своей стороны не беремся представить несомнѣнно вѣрное объясненіе такого явленія, но во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что выводимое изъ него заключеніе гораздо обширнѣе своихъ посылокъ и вовсе изъ него не слѣдуетъ [2]). Конечно, очень возможно предположить, что еврейскій экземпляръ Псалтири, которымъ пользовались Александрійскіе переводчики, не имѣлъ въ надписаніяхъ вышеозначенныхъ псалмовъ именъ Давида и Соломона, какъ и вообще именъ писателей, и это въ свою очередь можно объяснить другимъ предположеніемъ, что пѣсни степеней заимствованы были въ этотъ и другіе подобные экземпляры Псалтири изъ особаго богослужебнаго сборника этихъ пѣсней, гдѣ мѣсто отдѣльныхъ надписаній заступало общее его заглавіе שִׁיר הַמַּעֲלוֹת. Возможно и другое предположеніе, что сами LXX, по своимъ особымъ соображеніямъ и побужденіямъ, намѣренно опустили имена Давида и Соломона въ надписаніяхъ означенныхъ пѣсней степеней [3]), подобно тому, какъ въ надписаніяхъ другихъ псалмовъ, наоборотъ, они прибавили имя Давида и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ пророковъ, хотя такихъ прибавленій въ еврейскихъ спискахъ не имѣется. Но вообще, какъ бы то ни было, нельзя допустить, будто во времена LXX-ти этихъ именъ въ над-

---

[1]) Ewald—Poëtisch. Büch. 1. S. 219 и Lengerke въ Compilation über die Psalmen.

[2]) Delitzsch съ гораздо большею послѣдовательностію ограничивается только заключеніемъ о позднѣйшемъ внесеніи въ еврейскій текстъ однихъ только именъ Давида и Соломона въ вышеозначенныхъ пѣсняхъ степеней, не распространяя этого заключенія на надписанія прочихъ псалмовъ. (См. его замѣч. на эти псалмы). Но и этотъ выводъ, какъ увидимъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ своимъ основаніямъ.

[3]) Можетъ быть LXX, на основаніи употребленія этихъ пѣсней при восхожденіяхъ въ Іерусалимъ возвращавшимися изъ плѣна Вавилонскаго, или же іудейскими богомольцами при путешествіяхъ въ три годовые праздника, а также вѣроятно и на основаніи современнаго имъ употребленія при богослуженіи, считали ихъ за пѣсни временъ втораго храма и преимущественно за пѣсни его ступеней, почему, исключивъ имена древнихъ писателей, ограничились однимъ только: ᾠδὴ τῶν

писаніяхъ пѣсней степеней вовсе не было ни въ какихъ еврейскихъ спискахъ псалмовъ, и тѣмъ болѣе нельзя отсюда заключать къ несуществованію и всѣхъ вообще надписаній псалмовъ съ именами ихъ писателей; такъ какъ всѣ, дошедшіе до насъ еврейскіе списки Библіи и древній переводъ халдейскій имѣютъ въ вышеозначенныхъ пѣсняхъ степеней имена Давида и Соломона [1]), а въ указаніяхъ писателей прочихъ псалмовъ Псалтири и вообще въ надписаніяхъ псалмовъ и ŁXX-ть не только большею частію сходятся съ названными списками и халдейскимъ переводомъ, но неясностію и неудобовразумительностію въ ихъ переводѣ нѣкоторыхъ изъ надписаній, какъ мы увидимъ далѣе, показываютъ даже, что эти надписанія по своему происхожденію значительно древнѣе ихъ, такъ что къ ихъ времени могли уже утратить первоначальное свое значеніе.

Нѣкоторые указываютъ также на положеніе псалмовъ къ концу Псалтири и вообще въ двухъ послѣднихъ частяхъ ея, какъ на рѣшительное препятствіе къ тому, чтобы, согласно съ надписаніями, признать ихъ Давидово происхожденіе [2]). Допуская относительную хронологическую постепенность образованія Псалтири, какъ и во-

---

ἀναβαθμῶν. (См. объ этомъ ниже). Подобно тому и Св. Оо. Ц. прямо относили пѣсни степеней ко временамъ возвращенія изъ плѣна и послѣ него, и если нѣкоторые изъ нихъ (Златоустъ и отчасти бл. Θеодоритъ) и допускали возможность происхожденія ихъ отъ древнѣйшихъ писателей, то все же смотрѣли на нихъ, какъ на пророчества о временахъ плѣна.

[1]) Впрочемъ въ надпис. Пс. 122, 131 и 133 не во всѣхъ спискахъ. Въ надп. Пс. 127 и 132 (по евр. 126 и 133) и по нѣкот. спискамъ 123 (124) тѣже указанія писателей находятся и въ Вульгатѣ. Есть такого рода указанія и въ сирскомъ переводѣ; но надписанія этого перевода, обыкновенно очень распространенныя, съ указаніями историческаго и духовнаго, и въ послѣднемъ случаѣ большею частію христіанско-таинственнаго смысла псалмовъ, носятъ на себѣ ясные признаки происхожденія отъ какого-либо изъ христіанскихъ богослововъ не ранѣе IV в., и потому могутъ быть указываемы лишь какъ частныя мнѣнія древнихъ христ. толкователей Псалтири, а не какъ древне-историческія преданія церкви ветхозавѣтной.

[2]) См. напр. Hitzig'a—die Psalmen übersetz und ausleg. Einleit... Этого же взгляда держится отчасти и Delitzsch въ die Psalmen. См. его замѣч. на Давидовы псалмы въ IV и V книгахъ Псалтири по евр. разд.

обще какихъ бы то ни было литературныхъ сборниковъ, нельзя не признать за этимъ мнѣніемъ извѣстной доли справедливости,— именно, что произведенія болѣе ранняго происхожденія, дѣйствительно, должны занимать въ сборникѣ положеніе преимущественно въ началѣ его, а позднѣйшаго происхожденія—наиболѣе къ концу, и не могутъ стоять въ самомъ его началѣ. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что начало естественной, относительной постепенности собранія, если не допустить въ немъ участія позднѣйшаго систематически-научнаго построенія, не на столько строго и неумолимо, чтобы произведенія самаго ранняго происхожденія не могли занимать мѣста не въ началѣ сборника, а въ срединѣ или въ концѣ его; потому что въ этомъ случаѣ положеніе ихъ въ сборникѣ опредѣляется не временемъ происхожденія, но временемъ внесенія ихъ въ этотъ сборникъ, которое можетъ быть и очень поднимъ. Такъ точно и собраніе псалмовъ въ Псалтири, если и представляетъ нѣкоторую относительно-хронологическую послѣдовательность, заключая, по свидѣтельству надписаній, въ первыхъ своихъ книгахъ преимущественно псалмы древнѣйшаго, а въ послѣднихъ—наиболѣе позднѣйшаго происхожденія; то эта послѣдовательность далека отъ научнаго хронологическаго порядка и, по свидѣтельству тѣхъ же надписаній, не выдерживается даже въ одновременномъ собраніи псалмовъ одного и того же писателя. (ср. надписаніе Пс. 3-го и 7, 50 и 51 и др.), но есть не болѣе какъ слѣдствіе постепеннаго разновременнаго образованія Псалтири и потому ни мало не исключаетъ возможности и обратнаго положенія въ ней псалмовъ древнѣйшихъ послѣ позднѣйшихъ: такъ какъ при каждомъ изъ послѣдующихъ собраній, послѣ внесенія въ составъ Псалтири многихъ позднѣйшихъ псалмовъ, опять могли вноситься въ нее псалмы древнѣйшіе, которые не вошли въ составъ ея при собраніяхъ предшествующихъ [1]).

Но главное основаніе противниковъ достовѣрности надписанія לְדָוִד, равно какъ и вообще названія въ надписаніяхъ псалмовъ ихъ писателей, составляетъ открываемая ими несообразность псалмовъ по ихъ содержанію и характеру, или по языку и изложенію, съ временемъ, характеромъ и обстоятельствами жизни псалмопѣвца, особенно же

---

[1]) См. Павскаго, Обозр. Книги Псалмовъ, стр. 35.

съ тѣми историческими поводами къ написанію псалмовъ, какіе указываются въ нѣкоторыхъ надписаніяхъ вмѣстѣ съ именемъ Давида. Къ разсмотрѣнію этого основанія мы и перейдемъ теперь, показавъ предварительно въ упомянутыхъ историческихъ и другихъ указаніяхъ самыхъ надписаній подтвержденіе ихъ свидѣтельства о писателѣ.

Изъ 73 псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида, большая часть [1]), кромѣ его имени, имѣютъ въ своихъ надписаніяхъ множество другихъ еще, частію историческихъ и преимущественно археологическихъ указаній, которыя въ свою очередь представляютъ болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя, прямыя или непрямыя свидѣтельства о ихъ Давидовомъ происхожденіи. Такъ въ надписаніяхъ 14 псалмовъ, кромѣ имени Давида, какъ писателя, находится еще болѣе или менѣе подробныя указанія историческихъ поводовъ къ написанію псалмовъ изъ обстоятельствъ жизни и царствованія Давида. Каковы по хронологическому порядку указываемыхъ событій надписанія слѣдующихъ псалмовъ: 58-го: «когда Саулъ послалъ стеречь домъ, чтобы умертвить его» (Давида) (ср. 1 Ц. 19, 11 и д.); 55-го: (молитва) «когда Филистимляне захватили его въ Геѳѣ» (ср. 1 Ц. 21, 10. 11 и д.), и 33-го: (благодареніе) «когда онъ предъ Авимелехомъ притворился безумнымъ и, бывъ изгнанъ отъ него, удалился» (ср. 1 Ц. 21, 13—15 и 22, 1); 51-го: «когда пришелъ Доигъ Идумеянинъ и донесъ Саулу, что Давидъ пришелъ въ домъ Ахимелеха» (ср. 1 Ц. 22, 9 и дал.); 56-го: «когда онъ (Давидъ) убѣжалъ отъ Саула въ пещеру», и 141-го: «молитва, когда онъ былъ въ пещерѣ» (ср. 1 Ц. 22 и дал. и 24, 4 и д.); 53-го: «когда пришли Зифеи и сказали Саулу: Давидъ скрывается у насъ» (ср. 1 Ц. 23, 19 и д. 26,1 и дал.), и 7-го: «относительно Куша изъ племени Веніаминова», подъ которымъ обыкновенно разумѣютъ Саула или кого либо изъ единоплеменныхъ ему коварныхъ слугъ его [2]);

---

[1]) За исключеніемъ псалмовъ 25, 26, 27, 28, 35, 37, 103, 138, 144, (по евр.), гдѣ въ еврейскомъ стоитъ одно только—לְדָוִד и 122, 124, 131 и 133, гдѣ оно соединяется съ שִׁיר הַמַּעֲלוֹת, имѣющимъ относительно позднѣйшее происхожденіе.

[2]) Кто былъ этотъ Кушъ (כּוּשׁ), положительно сказать нельзя. LXX, также Златоустъ, Августинъ, Гр. Нисскій принимаютъ за Хусія (Χουσί) друга Давидова; но онъ въ исторіи называется Архитяниномъ (הָאַרְכִּי),

59-го: «когда онъ (Давидъ) воевалъ съ Сиріею Месопотамскою и съ Сиріею Цованскою, и когда Іоавъ, возвращаясь, поразилъ 12 тысячъ Идумеевъ въ долинѣ Соляной» (ср. 2 Ц. 8, 3—6. 13—14 и 1 Пар. 18, 3—6; 19, 6—19); 50-го: «когда приходилъ къ нему пророкъ Наѳанъ, послѣ того какъ онъ вошелъ къ Вирсавіи» (ср 2 Ц. 12 гл.); 3-го: «когда онъ (Давидъ) бѣжалъ отъ сына своего Авессалома», и 62-го: «когда онъ (во время этого бѣгства) былъ въ пустынѣ Іудейской» (ср. 2 Ц. 15. 14. 16. 23. 28. 17 гл 16. 22. 24. 26 и д.); 17-го: «когда Господь избавилъ его отъ руки всѣхъ враговъ его и отъ руки Саула» (ср. 2 Ц. 22 гл.), и 29-го: «при обновленіи дома», подъ которымъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ разумѣть освященіе мѣста для будущаго храма послѣ избавленія отъ моровой язвы [1]) Такія надписанія составляютъ

а не сыномъ Веніаминовымъ (2 Ц. 15, 32—37), да и самое имя его по евр. пишется иначе: כּוּשִׁי. Можетъ быть это собственное имя какого-нибудь недоброжелателя Давидова изъ колѣна Веніаминова, какихъ у Давида во времена Саула, да и послѣ, во все продолженіе его царствованія, было не мало (1 Ц. 22, 7. 24. 10. 26, 19). См. Delitzsch на этотъ псаломъ. Но очень вѣроятно, что слово Кушъ употреблено здѣсь не какъ собственное имя, а въ значеніи нарицательнаго (כּוּשִׁי Ефіопянинъ, чернокожій, почему въ нѣмецкомъ переводѣ den Mohren), какъ символическое имя человѣка низкаго, черной души. Подобный символъ употребляется у Іер. 13, 23 и Ам. 9, 7. Въ этомъ случаѣ подъ Кушемъ можно разумѣть вообще врага Давидова и, всего лучше, самого Саула, на черную неблагодарность котораго и несправедливыя гоненія замѣтны въ псалмѣ довольно ясные намеки. Ср. особенно Пс. 7. 4—5 съ 1 Ц. 24, 7. 12. 14 и 26, 8—10; ст. 9—10 съ 24 гл. 13. 16 и 26 гл. 10. 23. 24. Такъ объясняютъ: Таргумъ и многіе Іудейскіе толкователи, бл. Іеронимъ, изъ новѣйшихъ:—Hengstenberg, Tholuck, O. v. Gerlach и нашъ отечественный толкователь Ириней Архіеп. Псковскій (см. изд. Свят. Синод. Толк. псалмовъ).

[1]) בַּיִת означаетъ домъ, какъ жилище человѣка, а также и домъ Божій, будетъ ли это скинія (Исх. 23, 19. 1 Ц. 1, 7. 2 Ц. 12, 20), или постоянный храмъ (2 Ц. 7, 5. 13. 3 Ц. 3, 1—3. 5, 3—5), или даже только мѣсто посвященное Богу или ознаменованное особеннымъ Его явленіемъ (Быт. 28, 17. 1 Пар. 22, 1). На этомъ основаніи подъ חֲנֻכַּת הַבַּיִת, въ отношеніи къ царствованію Давида, можно разумѣть освященіе или построеннаго имъ дворца (2 Ц. 5, 11. 7, 2), или же

исключительную принадлежность однихъ только псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида, и всѣ вполнѣ согласны съ исторіею его жизни и царствованія, такъ что, если вообще существованіе пѣсней Давидовыхъ въ Псалтири не подлежитъ сомнѣнію и справедливо свидѣтельство премудраго сына Сирахова, что пѣсни его имѣли отношеніе къ разнымъ событіямъ и обстоятельствамъ его жизни (Сир. 47, 9—10), то содержащіяся въ этихъ надписаніяхъ указанія поводовъ къ написанію псалмовъ изъ событій жизни Давида съ перваго взгляда уже представляются очень вѣроятными.

Обращаясь далѣе къ вопросу о происхожденіи такихъ историческихъ надписаній, мы находимъ не мало основаній въ доказательство достовѣрности представляемыхъ ими свидѣтельствъ о происхожденіи надписанныхъ ими псалмовъ. Въ этомъ отношеніи не маловажное значеніе имѣетъ то уже обстоятельство, что содержаніе псалмовъ, отмѣченныхъ историческими надписаніями, по большей части очень обще и такъ мало имѣетъ ясныхъ отношеній къ указываемымъ въ надписаніяхъ событіямъ и обстоятельствамъ, что безъ помощи такихъ указаній было бы трудно или, вѣрнѣе, невозможно опредѣлить означенные поводы и побужденія къ ихъ написанію. При этомъ не можетъ уже имѣть мѣста предположеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ критиковъ о привнесеніи историческихъ надписаній въ Книгу Псал-

---

Сіонской скиніи (6 гл. 17 ст. и д.), или наконецъ мѣста для будущаго храма (1 Пар. 22, 1); но ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ исторія не представляетъ намъ никакихъ обстоятельствъ, которыя бы соотвѣтствовали благодарственно-молитвенному настроенію псалма съ исповѣданіемъ минутнаго ослѣпленія псалмопѣвца своимъ счастіемъ (ст. 7—8), слѣдовавшаго затѣмъ наказанія Божія, грозившаго ему смертію, но, по его усердной молитвѣ, скоро смѣнившагося Божественнымъ помилованіемъ (ст. 4—6. 10—12), которое и вызвало этотъ псаломъ (ст. 13). Такія обстоятельства мы находимъ только при третьемъ изъ указанныхъ случаевъ; такъ какъ освященію мѣста для храма предшествовало дарованное по молитвѣ Давида избавленіе отъ ужасной моровой язвы, ниспосланной Богомъ въ наказаніе за высокомѣрное Давидово желаніе исчислить народъ свой (ср. 2 Ц. 24. 1 Пар. 21—22, 1). Вотъ почему этотъ именно случай мы разумѣемъ подъ названнымъ въ надписаніи псалма обновленіемъ дома (Такъ—Tholuck, Hengstenberg, Delitzsch и др.).

мовъ, на основаніи извлеченныхъ изъ ихъ содержанія догадокъ какими либо изъ позднѣйшихъ собирателей: такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они всего скорѣе и естественнѣе должны бы явиться у псалмовъ болѣе индивидуальнаго характера и содержанія, представляющихъ потому болѣе мѣста догадкамъ, каковы напр. псалмы: 19, 20, 23, 31, 60, 61, 67, 100 и др.; между тѣмъ какъ у этихъ послѣднихъ они вовсе не находятся. Посему въ объясненіе существованія ихъ, у псалмовъ слишкомъ общаго содержанія, остается допустить одно изъ двухъ,—или происхожденіе ихъ отъ самого писателя псалмовъ, или же составленіе ихъ на основаніи историческихъ преданій о происхожденіи означенныхъ псалмовъ, сохранявшихся въ какихъ либо письменныхъ памятникахъ древности и, можетъ быть, въ самыхъ древнѣйшихъ собраніяхъ псалмовъ. Если принять во вниманіе упомянутый выше [1]) обычай древнихъ восточныхъ поэтовъ и вообще писателей отмѣчать свои произведенія своими именами и другими историческими указаніями,—и то, что этотъ обычай мы находимъ весьма распространеннымъ у библейскихъ писателей и что ему слѣдовалъ и Давидъ, отъ котораго во 2 кн. Царствъ мы имѣемъ пророчественную пѣснь, начинающуюся несомнѣнно ему самому принадлежащимъ указаніемъ его собственнаго имени (23, 1—7); [2]) то съ вѣроятностію можно допустить, что нѣкоторыя изъ историческихъ надписаній псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Давида, вмѣстѣ

---

[1]) См. стр. 122.

[2]) Первое полустишіе 23 гл.: «вотъ послѣднія слова Давида», конечно, принадлежитъ историку Давида, писателю 2 кн. Царствъ; но слѣдующія затѣмъ слова: «изреченіе Давида»,—или, какъ лучше бы было перевести выраженіе נְאֻם דָּוִד, въ соотв. Числ. 24, 3—4 и 15—16; Пс. 110, 1. 1 Ц. 2, 30; Ис. 1, 24 и др.: «говоритъ Давидъ», хотя и признаются нѣкоторыми за распространеніе перваго полустишія, принадлежащее тому же писателю кн. Ц. (см. прим. къ нимъ въ Истор. кн. В. З. въ пер. Гуляева), очевидно составляютъ вступленіе къ пророческой пѣсни, точно также какъ и слѣдующія за ними слова 2-го и 1-й полов. 3-го ст., или какъ цитованныя нами изъ кн. Числ., совершенно параллельныя имъ выраженія въ пророчествахъ Валаама, и потому безъ всякаго сомнѣнія должны быть принимаемы за слова самого Давида, какъ и принимаютъ ихъ всѣ наиболѣе компетентные знатоки ветхо-завѣтныхъ писаній (см. Biblischer Comment. v. Keil на это мѣсто; Ewald's die Dichter des A. B. Thl. I. S. 143 и др.).

съ этимъ послѣднимъ, могли произойти отъ самого писателя. Во всякомъ случаѣ, происхожденіе ихъ изъ достовѣрныхъ историческихъ преданій не можетъ подлежать сомнѣнію. Самая форма этихъ надписаній совершенно одинакова съ формою надписаній надъ пѣснями Давида и другихъ писателей, приводимыми въ священныхъ книгахъ въ исторической связи [1]); сходство большей ихъ части не только въ содержаніи, но и въ выраженіяхъ съ соотвѣтствующими имъ повѣствованіями историческихъ книгъ Свящ. Писанія [2]), а съ другой стороны и нѣкоторыя сравнительно съ ними особенности, устраняющія мысль о позднѣйшемъ заимствованіи ихъ изъ этихъ книгъ [3]): особенно же наконецъ почти буквальное повтореніе всего псалма 17-го вмѣстѣ съ его надписаніемъ во 2-й

---

[1]) Ср. надп. Пс. 17-го. 33. 51, 53, 59 и др. съ надпис. пѣсней Моисея. Деворы, Езекіи и самого Давида.

[2]) Ср. особен. надписанія Пс. 33-го съ 1 Ц. 21, 13; 51-го съ 1 Ц. 22, 9; 53-го съ 23 гл. 19 и 26, 1; 59-го съ 2 Ц. 8, 13.

[3]) Такъ въ надписаніи Пс. 33-го Геевскій царь называется не по имени Анхусомъ, какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ исторіи 1 Ц. 21, 10. 11. 12. 14; но по древнему титулу филистимскихъ царей—Авимелехомъ, какъ въ Быт. 20, 2 и д. 26, 1 и дал, и въ надписаніи Пс. 59 говорится о пораженіи Іоавомъ 12 тысячъ Идумеевъ, тогда какъ во 2 Ц. 8, 13 и 1 Пар. 18, 12 число пораженныхъ значится 18 тысячъ и притомъ въ первомъ мѣстѣ пораженіе приписывается самому Давиду, а во второмъ Авессѣ, что, конечно, не опровергая исторической достовѣрности самаго событія, — такъ какъ разность въ числѣ пораженныхъ въ различныхъ источникахъ совершенно естественна и обычна, а разность въ побѣдителяхъ примиряется тѣмъ, что войско Давидово состояло подъ предводительствомъ Іоава и сраженіе съ Идумеями въ Соляной долинѣ произведено было Іоавомъ чрезъ его брата (ср. 2 Ц. 10, 10),—во всякомъ случаѣ показываетъ различныя редакціи одного и того же событія въ означенныхъ историческихъ книгахъ и надписаніи псалма. Что касается еще представляющейся въ 2 Ц. 8, 13 разности относительно самаго непріятельскаго народа, пораженнаго Давидомъ или его вождями, именно Сирійцевъ вмѣсто Идумеевъ, какъ въ надписаніи 59 псалма и 1 Пар. 18, 12, то, по нашему мнѣнію, эта разность произошла отъ неправильнаго чтенія по Мазоретскому тексту сходныхъ по начертанію словъ ארם вмѣсто אדם (См. замѣчаніе въ перев. Гуляева на 1 Пар. 18, 12 и Keil на 2 Ц. 8, 13).

кн. Царствъ (гл. 22):—все это вмѣстѣ представляетъ достаточное ручательство того, что они вмѣстѣ съ самыми псалмами извлечены собирателями изъ историческихъ памятниковъ, можетъ быть, изъ читуемыхъ писателемъ Паралипоменонъ записей современныхъ Давиду пророковъ Самуила, Наѳана и Гада (1 Пар. 29, 29), или другихъ какихъ лѣтописей, во всякомъ случаѣ не менѣе древнихъ и такъ же достовѣрныхъ, какъ и соотвѣтствующія имъ историческія книги Свящ. Писанія съ сохранившимися въ нихъ нѣкоторыми пѣснями Давида и другихъ писателей. Не говоримъ въ частности о надписаніи Псалма 17-го, относительно котораго слѣдуетъ замѣтить, что только склонность къ сомнѣнію можетъ заподозрѣвать историческую достовѣрность его, ясно засвидѣтельствованную въ двухъ независимыхъ одинъ отъ другаго свящ. письменныхъ памятникахъ.

Съ другой стороны и содержаніе разсматриваемыхъ псалмовъ, если и не представляетъ само по себѣ совершенно ясныхъ отношеній къ указаннымъ въ ихъ надписаніяхъ обстоятельствамъ жизни Давида, то не представляетъ также и никакихъ рѣшительныхъ противорѣчій этимъ обстоятельствамъ, а тѣмъ болѣе происхожденію ихъ отъ Давида. Всѣ усилія новѣйшихъ критиковъ отрицательнаго направленія отыскать въ содержаніи псалмовъ какія-либо противорѣчія и несообразности съ ихъ надписаніями оказываются совершенно напрасными; такъ какъ указываемыя ими относительно нѣкоторыхъ, и притомъ очень немногихъ псалмовъ мнимыя противорѣчія и несообразности, при надлежащемъ взглядѣ на дѣло, оказываются не болѣе, какъ простыми недоразумѣніями, основанными преимущественно на предубѣжденіи, на неправильномъ пониманіи характера и исторіи Давида, или же на отрывочномъ, не сообразномъ ни съ контекстомъ рѣчи, ни съ параллельными мѣстами Писанія объясненіи тѣхъ мѣстъ псалмовъ, которыхъ они касаются. Такъ говорятъ [1]), что въ 58-мъ псалмѣ рѣчь будто-бы идетъ не о преслѣдованіи писателя псалма отъ соплеменныхъ враговъ, которыхъ однихъ только и можно разумѣть по надписанію псалма, но о нападеніи какихъ-то непріятельскихъ народовъ (גוים ст. 6 и 9) и объ осадѣ ими одного изъ городовъ еврейскихъ (ст. 7—15), а въ псалмахъ

[1]) Приводимыя далѣе и другія подобныя имъ еще болѣе слабыя возраженія, высказываются въ комментаріяхъ на псалмы Hitzig'a, Lengerke, Hupfeld'a, Olshausen'a и нѣкоторыхъ другихъ.

3 и 62-мъ упоминается лишь просто о врагахъ, злоумышляющихъ на жизнь пѣвца, но нисколько не видно отношеній Давида, какъ отца къ сыну своему Авессалому, — чего бы слѣдовало ожидать по надписаніямъ этихъ псалмовъ. Но оба возраженія, касающіяся впрочемъ только историческаго повода, а не писателя псалмовъ, сами собою падаютъ, если обратить вниманіе на то, что язычники (גוים) псалма 58-го не болѣе какъ «беззаконные отступники» (ст. 6) или язычески-мыслящіе враги псалмопѣвца изъ его соотечественниковъ, злоумышляющіе противъ души его (ст. 4), вооружаясь клеветою и злословіемъ (ст. 8, 13), и мнимое нашествіе непріятелей скорѣе потому есть поэтическій образъ преслѣдованія Давида подосланными отъ Саула, вѣроломными его приверженцами, которые подобно сворѣ голодныхъ псовъ, а не такъ какъ осаждающіе, ходятъ вокругъ города, гдѣ онъ находился, и стерегутъ свою добычу (ст. 7, 15—16); а кажущаяся несообразность псалмовъ 3 и 62-го на самомъ дѣлѣ всего сообразнѣе съ исторіею отношеній Давида къ сыну своему Авессалому, котораго онъ и во время самаго возстанія не переставалъ любить какъ сына, и не считалъ врагомъ своимъ, возлагая всю вину на его коварныхъ подстрекателей (ср. 2 Ц. 18, 5. 32. 33. 19. 1—6). Не болѣе говорятъ противъ Давидова происхожденія употребляемыя въ нѣкоторыхъ псалмахъ выраженія: «исхитилъ меня» (Пс. 29, 2), «извлекъ меня изъ водъ великихъ» (Пс. 17, 17), «извелъ изъ ада душу мою» (Пс. 29, 4) и т. п., — такъ какъ это обычныя образныя выраженія мысли объ избавленіи изъ глубины страданій и смертной опасности [1]), вовсе не требующія

---

[1]) См. подобныя же образныя выраженія въ Пс. 31, 6. 39, 3. 65, 12. 87, 8 и 18. 123, 5 и др.). Что все это только образы избавленія отъ опасности, а не какія нибудь намеки на дѣйствительное потопленіе или заключеніе псалмопѣвцевъ,— ясно показываютъ употребляемыя нерѣдко въ тѣхъ же псалмахъ другія подобныя же образныя выраженія, какъ изведеніе изъ тѣсноты (пс. 17, 20) или изъ огня въ прохладу (пс. 65, 12), избавленіе отъ сѣти (30, 5. ср. 17, 6. 141, 4) и мн. др. Исключеніе въ этомъ случаѣ можно сдѣлать развѣ только для псалма 141-го, гдѣ молитву: «выведи изъ темницы душу мою» (ст. 8), согласно съ надписаніемъ псалма, можно разумѣть какъ ясное указаніе на пребываніе молящагося псалмопѣвца въ мрачной пещерѣ Эн-Гадди, представлявшей собою подобіе темницы (1 Ц. 24, 4—5).

непремѣннаго заключенія псалмопѣвца, подобно Іереміи, въ темницу или цистерну; равно какъ и высказываемое иногда, будто-бы вовсе несвойственное Давиду самооправданіе псалмопѣвца (Пс. 7. 4—6. 9—10. 17, 20—25. 58, 4—5): потому что такое самооправданіе гонимаго псалмопѣвца есть не что иное, какъ выраженіе сознанія своей невинности и правоты своего дѣла предъ гонителемъ, какъ Давидъ, по свидѣтельству исторіи, высказывалъ не разъ и самому Саулу (1 Ц. 24. 10—18. 26. 18—24). Равнымъ образомъ не противорѣчитъ Давидову происхожденію и употребленіе имени его въ заключеніи Пс. 17-го (ст. 51), потому что названіе себя по имени въ молитвахъ своихъ къ Богу, очень обычное у насъ доселѣ, встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Писанія и, что особенно замѣчательно, дважды именно въ молитвенныхъ воззваніяхъ Давида (2 Ц. 7, 20. 26 ср. 3 Ц. 2. 45). Нельзя наконецъ признавать безусловно неумѣстною въ устахъ Давида и заключительную просьбу псалма 50.го: «да созиждутся стѣны Іерусалимскія» (ст. 20), такъ какъ по этимологическому значенію слова תִּבְנֶה такая просьба не предполагаетъ еще необходимо разрушенія и не требуетъ низведенія псалма ко времени возстановленія Іерусалима послѣ плѣна, но можетъ быть понимаема и просто о созданіи, утвержденіи и божественной защитѣ святаго города и вообще царства Іудейскаго, разстроеннаго въ послѣдніе годы Саулова царствованія, и даже имѣетъ буквальное исполненіе свое въ построеніи Соломономъ стѣнъ вокругъ Іерусалима (3 Ц. 3, 1) [1]. И вообще въ содержаніи псалмовъ, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, не только не оказывается никакихъ противорѣчій съ ихъ надписаніями, напротивъ при указаніи этихъ послѣднихъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ псалмовъ, открываются такія частнѣйшія стороны сходства и согласія съ тѣми историческими обстоятельствами, къ какимъ приписываются они, что не остается болѣе сомнѣній въ дѣйствительномъ отношеніи ихъ именно къ этимъ обстоятельствамъ, и исключаются всѣ попытки—относить ихъ къ какимъ-либо другимъ позднѣйшимъ

[1]) Другіе іудейскіе и христіанскіе толкователи псалма 50-го, не сомнѣваясь въ его Давидовомъ происхожденіи, но затрудняясь въ примиреніи съ временемъ Давида послѣднихъ словъ псалма ст. 20—21, находятъ болѣе удобнымъ считать ихъ за литургическую прибавку временъ плѣна. См. выше истор. псалмопѣн. стр. 80—81 прим. 2.

событіямъ. Такъ въ 58-мъ псалмѣ, какъ мы уже отчасти замѣтили, при указаніи надписанія, довольно живо рисуется не ускользнувшее отъ вниманія Мелхолы, опасное положеніе Давида въ Гивѣ, послѣ даннаго Сауломъ приказанія тайно умертвить его (1 Ц. 19, 11—12). Въ образѣ голодныхъ псовъ, которые бродятъ по ночамъ вокругъ города, напрасно выжидая свою жертву, чтобы схватить и растерзать ее, намъ ясно представляется, какъ недоброжелательные къ Давиду, продажные слуги Сауловы, дѣйствовавшіе противъ него клеветою и злословіемъ, разжигая подозрительность царя, зорко теперь слѣдятъ за своимъ соперникомъ и, разсѣявшись по городу, особенно въ ночное время, сторожатъ всѣ входы и выходы, чтобы гдѣ нибудь незамѣтно захватить его и нанести ему смертельный ударъ. Такъ въ въ пс. 3-мъ отдѣльныя черты изображеній псалмопѣвца: поношеніе его, какъ отверженнаго Богомъ (ст. 3), опасная ночь (ст. 6), множество враговъ (ст. 2) и выступившія противъ него вооруженныя толпы народа (ст. 7), и наконецъ особенное отношеніе его къ народу, на который онъ призываетъ благословеніе Господне (ст. 9),— всѣ эти черты уясняются для насъ, сливаясь въ одинъ цѣльный историческій образъ, когда мы, при указаніи надписанія псалма, представимъ себѣ положеніе царя Давида во время Авессаломова возстанія, послѣ той опасной ночи, въ которую Ахитофелъ совѣтовалъ сдѣлать на него нападеніе, и когда въ слѣдующій день выступилъ противъ него съ Авессаломомъ весь мятежный народъ израильскій (2 Ц. 16, 7. 8. 17, 1—3. 11. 12. 22—24). Такъ изображаемое въ пс. 59-мъ политическое состояніе еврейскаго народа вполнѣ соотвѣтствуетъ времени Давидова, и именно только Давидова царствованія, потому что только тогда еврейскій народъ нераздѣльно владѣлъ всѣмъ пространствомъ земли Хананаской,—и въ Сихемѣ и Сокхоѳѣ, т. е. по обѣ стороны Іордана (ст.8), и соединяя въ себѣ всѣ колѣна,—и Манассію, и Ефрема, и Галаадъ съ колѣнами Рувимовымъ и Гадовымъ подъ скипетромъ Іуды (ст. 9 ср. 2 Ц. 5, 1—5 и 22 гл. 2. 5. 6 и 7), велъ отважныя и побѣдоносныя войны со всѣми окрестными враждебными ему народами,—Моавитянами, Идумеянами, Филистимлянами (ст. 10 ср. 2 Ц. гл. 8), между тѣмъ какъ въ слѣдовавшее затѣмъ мирное царствованіе Соломона, также господствовавшаго надъ всѣмъ Израилемъ, никакіе народы не осмѣливались нарушать его спокойствія, а при сынѣ Соломоновомъ Ефремово колѣно само присвоило себѣ царственный скипетръ и, отдѣлившись отъ Іуды, ни-

когда уже болѣе не соединялось съ нимъ [1]). При этомъ и положеніе псалмопѣвца, который, по изображенію псалма, послѣ понесеннаго народомъ его пораженія отъ Идумеевъ (ст. 2—5 ср. съ ст. 11—12), изливаетъ скорбь свою предъ Богомъ, и, какъ предводитель своего народа, намѣреваясь преслѣдовать враговъ въ ихъ укрѣпленныхъ городахъ (ст. 11 ср. 3 Ц. 11. 15—16 и 2 Ц. 8. 13—14), на основаніи обѣтованій Божіихъ Израилю (ст. 8—10), молится о помощи и Божіемъ содѣйствіи ему въ предпринимаемомъ отмщеніи врагамъ (ст. 11—14), — такое положеніе также всего болѣе соотвѣтствуетъ *вождю всего Израиля Давиду* (2 Ц. 5, 2—3), которому повторено было обѣтованіе объ избавленіи чрезъ него Израиля отъ всѣхъ враговъ его (2 Ц. 3, 18), и именно при обстоятельствахъ, указываемыхъ въ надписаніи псалма, когда, во время Аммонитско-Сирійской войны, онъ со всѣмъ войскомъ побѣдоносно сражался съ многочисленными союзными врагами на сѣверѣ своего царства, а въ то же время съ юга въ безоружную страну вторглись Идумеи и произвели ужасное опустошеніе (2 Ц. 8. 3—13. 1 Пар. 18, 3—13 ср. 3 Ц. 11, 15—16). Подобнымъ образомъ въ Пс. 17, въ изображеніи вѣрнаго раба Іеговы, невинно гонимаго сильными и жестокими врагами, но силою божественною торжествующаго надъ ихъ злобою, отважнаго воина и могущественнаго царя побѣдителя,

---

[1]) Этимъ уже опровергается мнѣніе Гитцига, Ленгерке и др., будто псаломъ относится къ побѣдоноснымъ войнамъ Іуды Маккавея и братьевъ его противъ упоминаемыхъ въ псалмѣ и другихъ языческихъ народовъ, и къ пораженію Іудеевъ подъ предводительствомъ Іосифа и Азаріи (1 Макк. гл. 5): такъ какъ въ исторіи послѣплѣннаго періода возвратившіеся изъ плѣна обыкновенно называются Израилемъ (1 Ездр. 2, 70. 3, 1. 1 Макк. 1, 43. 53. 64 и мн. др.), народомъ Израильскимъ (1 Ездр. 2, 2. 9, 1), Іудеями (5, 1) или Іудою и Веніаминомъ (4, 1 ср. 1, 5) и нигдѣ, хотя бы то въ молитвахъ, гдѣ приводятся древнія обѣтованія объ Израилѣ, ни разу не обозначаются именемъ соединенныхъ колѣнъ Ефрема и Манассіи подъ скипетромъ Іуды, какъ въ 59 Пс.; да и у болѣе раннихъ пророковъ имя Ефремъ, употребляемое для обозначенія царства Израильскаго, и иногда, хотя въ очень рѣдкихъ случаяхъ, соединяемое съ именемъ родственнаго колѣна Манассіи (Ис. 9, 19—20), въ сопоставленіи съ Іудою всегда отличается отъ него какъ бы противоположное ему (Тамъ же, ст. 20, гл. 7, 17. Осіи 10, 11 и другіе).

предъ которымъ преклоняются иноземные народы и трепещутъ непокорные,—мы видимъ какъ бы краткую автобіографію Давида, совершенно соотвѣтствующую подробной его исторіи въ книгахъ Царствъ и Паралипоменонъ.

И въ содержаніи прочихъ разсматриваемыхъ нами псалмовъ [1]), хотя не видно такихъ ясныхъ отношеній къ указываемымъ въ ихъ надписаніяхъ событіямъ, но нельзя не согласиться, что внутренній образъ псалмопѣвца, выраженіе движеній души его, чувствъ, мыслей и желаній, — вездѣ соотвѣтствуютъ какъ характеру Давида, такъ и особенностямъ тѣхъ положеній его жизни, къ какимъ псалмы относятся по надписаніямъ. Такимъ образомъ, если соотвѣтствіе содержанія псалмовъ, какъ и вообще письменныхъ памятниковъ, съ характеромъ извѣстныхъ лицъ или событій составляетъ необходимое условіе дѣйствительнаго отношенія ихъ по своему происхожденію къ тѣмъ лицамъ и событіямъ; то, въ приложеніи къ разсматриваемымъ нами псалмамъ, на сколько возможно при общности ихъ содержанія, условіе это совершенно выполнено, такъ что съ этой стороны не представляется препятствій къ тому, чтобы признать достовѣрность свидѣтельства надписаній какъ о писателѣ, такъ и о поводахъ къ ихъ написанію. Мало того, слѣдуя пріемамъ самихъ новѣйшихъ критиковъ, съ полнымъ правомъ можно сказать,—мы имѣемъ здѣсь прямое подтвержденіе достовѣрности этихъ свидѣтельствъ: такъ какъ, если принять во вниманіе, что соотвѣтствіе содержанія псалмовъ или другихъ письменныхъ памятниковъ какимъ либо историческимъ лицамъ и событіямъ вообще можетъ служить основаніемъ, и обыкновенно приводится для подтвержденія въ рѣшеніи вопроса о писателяхъ и поводахъ къ ихъ написанію; то въ настоящемъ случаѣ основаніе это пріобрѣтаетъ тѣмъ большую важность и значеніе, что содержаніе разсматриваемыхъ нами псалмовъ, какъ мы уже замѣтили, одновременно представляетъ достаточное соотвѣтствіе и лицу писателя, и поводамъ къ написанію, которые притомъ указываются намъ свидѣтельствами во всякомъ случаѣ древняго преданія, а не изыскиваются и извлекаются изъ исторіи самими позднѣйшими толкователями, на основаніи разнорѣчивыхъ догадокъ и болѣе или

---

[1]) Ср. ихъ съ мѣстами историч. книгъ, цитованными при ихъ надписаніяхъ на стр. 130—131. Тамъ же на стр. 131—132 въ примѣч. сличеніе содержанія Пс. 29-го съ 2 Ц. 24 и 1 Пар. 21—22, 1.

менѣе остроумныхъ соображеній. Усилія нѣкоторыхъ новѣйшихъ толкователей Псалтири, не смотря на все это, заподозрѣвать достовѣрность историческихъ надписаній и на мѣсто указываемыхъ ими писателей и поводовъ къ написанію псалмовъ подыскать въ позднѣйшей еврейской исторіи другія лица и событія, на основаніи того же, въ первомъ случаѣ непризнаваемаго сродства ихъ съ содержаніемъ псалмовъ, обнаруживаетъ странную логическую непослѣдовательность, которую можно объяснить только слѣпымъ предъубѣжденіемъ противъ древняго происхожденія пѣсней Псалтири и желаніемъ низвести ихъ къ возможно позднѣйшимъ временамъ. Такое предъубѣжденіе еще замѣтнѣе выступаетъ у нихъ при рѣшеніи вопроса о писателяхъ псалмовъ на основаніяхъ филологическихъ. Здѣсь каждое новое слово или выраженіе, не встрѣчавшееся до того или рѣдко встрѣчавшееся въ древнѣйшихъ писаніяхъ, но часто употребляемое въ писаніяхъ позднѣйшихъ, всякая особенность строфическаго построенія сравнительно съ пѣснями предшествовавшаго времени,—какъ напримѣръ алфавитное расположеніе псалма,—сходство въ выраженіяхъ съ какими либо другими писаніями, не только позднѣйшими, но и такими древними, какъ Пятокнижіе Моисея,—все это и подобное тому выставляется какъ признакъ позднѣйшаго происхожденія псалмовъ и, во всякомъ случаѣ, послѣ Давида. Между тѣмъ съ перваго взгляда не трудно замѣтить, какъ мало въ этихъ признакахъ того, что думаютъ усматривать въ нихъ защитники позднѣйшаго происхожденія псалмовъ для предположеннаго заключенія. Употребленіе словъ, выраженій или оборотовъ рѣчи новыхъ, неизвѣстныхъ или малоупотребительныхъ въ древнѣйшихъ писаніяхъ, составляетъ естественное выраженіе развитія языка и само по себѣ скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу, нежели противъ Давидова происхожденія псалмовъ. Каждый писатель, хотя бы съ посредственными дарованіями, имѣетъ что нибудь особенное въ выраженіяхъ и, въ большей или меньшей степени, обогащаетъ языкъ новыми словами: потому, наоборотъ, было бы страннымъ и непонятнымъ явленіемъ, если бы пѣсни прекраснаго *пѣвца Израилева*, послужившаго образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ псалмопѣвцевъ, не представляли собою ничего для развитія и обогащенія языка словами и оборотами рѣчи. Иное дѣло если бы новыя слова и словосочетанія служили выраженіемъ понятій несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, не свойственныхъ цвѣтущему періоду Давидова времени и характеризующихъ

собою эпоху упадка и вырожденія языка, какъ это замѣчается въ писаніяхъ халдейскаго періода; но ничего подобнаго не замѣчается въ разсматриваемыхъ псалмахъ, такъ какъ языкъ ихъ, не смотря на привнесеніе новыхъ словъ и выраженій, по общему сознанію лучшихъ филологовъ-гебраистовъ, отличается классическою чистотою и свѣжестью поэзіи, и вообще содержитъ въ себѣ всѣ качества древняго стиля лучшей цвѣтущей эпохи развитія, какою справедливо признается образцовое въ исторіи псалмопѣнія время Давидово [1]).

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что при всемъ усиліи новѣйшихъ критиковъ отыскать въ языкѣ разсматриваемыхъ псалмовъ Давидовыхъ признаки позднѣйшаго происхожденія, изъ словъ и выраженій дѣйствительно новыхъ, встрѣчающихся въ псалмахъ только въ первый разъ и употребляемыхъ лишь въ позднѣйшихъ писаніяхъ, указываютъ очень не многія, — таковы: въ псалмѣ 59 ст. 5 — בֹּגְדֵי отступникъ (употребл. въ Притч. 11, 3. 13, 15 и у Іер.); въ Пс. 30, 2 — (Піель) דִּלִּיתָנִי извлекать (употр. въ Притч. 26, 7 и у Іер.); въ Пс. 60, 5: יֵין תַּרְעֵלָה (у Іс. 51, 17. 21 и поздн. прор.); въ Пс. 63, 6 сочетаніе שִׂפְתֵי съ פִּי въ одномъ предложеніи (ср. Пс. 66, 14); употребленіе сложныхъ именъ Божіихъ יְהוָה צְבָאוֹת и אֱלֹהֵי יִשְׂרָאֵל Пс. 59, 6, также въ Пс. 60. Но относительно именъ: «Господь Богъ воинствъ» и «Богъ Израилевъ» слѣдуетъ замѣтить, что это было обычное у Давида и любимое имя Божіе; такъ какъ онъ, при своемъ воинственномъ характерѣ и въ то же время глубокомъ благочестіи, съ раннихъ поръ усвоилъ себѣ взглядъ на войны своего народа, какъ на войны Господа (1 Ц. 17, 47), — на войско Израилево, какъ на воинство Бога живаго (ст. 26), а потому и Бога представлялъ себѣ какъ бы предводителемъ Израиля въ его войнахъ съ иноземными народами, Богомъ воинствъ израильскихъ (ст. 45 ср. 2 Ц. 7, 26 и 27); а въ означеніе особенной Его благости къ народу своему и среди его къ избраннымъ, и, конечно, въ противоположность нечестивымъ, также часто любилъ называть Богомъ Іакова или Израиля (1 Ц. 17, 46. 2 Ц. 7, 23 — 27. Ср. Delitzsch, die Psalmen. 1867 S. 384). Другіе изъ приводимыхъ будто бы позднѣйшихъ словъ и выраженій, существовали и прежде въ своихъ коренныхъ словахъ и употреблялись, хотя не часто, и въ древнѣйшихъ писаніяхъ, такъ: זָרִים (въ Пс. 54, 5)—«чуждые», въ отношеніи къ Зифеямъ по указанію надписанія, по Lengerke будто бы всегда означающее Ассиріянъ или Халдеевъ, встрѣчается уже у Моисея въ значеніи лицъ и предметовъ чу-

Этому нисколько не препятствуетъ ни разнообразіе строфическаго построенія псалмовъ, ни алфавитное расположеніе Пс. 34-го (у насъ 33-го), точно также какъ довольно искуственное развитіе параллелизма членовъ и строфическаго расположенія частей въ пѣсни Деворы и другихъ несомнѣнно древнихъ пѣсняхъ не требуетъ непремѣннаго низведенія ихъ къ позднѣйшимъ временамъ: замѣчаемая въ томъ и другомъ случаѣ искуственность представляетъ лишь новую ступень естественнаго развитія формы въ области свободнаго поэтическаго творчества, а не внѣшнее только украшеніе, въ замѣнъ истиннаго поэтическаго вдохновенія, свойственное тому времени упадка поэзіи, когда она перестаетъ быть плодомъ живаго творческаго духа народа, и воздѣлывается только лишь искуственно. Что касается сходства въ мысляхъ, образахъ и выраженіяхъ съ другими писаніями, то свободное пользованіе древнѣйшими изъ нихъ, особенно Моисеевыми писаніями, свидѣтельствуетъ только о глубокомъ уваженіи къ нимъ писателя псалмовъ, а не можетъ, конечно, служить признакомъ несвойственнаго Давиду недостатка свободнаго поэтическаго творчества или оригинальности, такъ какъ ни въ одномъ изъ разсматриваемыхъ псалмовъ не видно никакого рабскаго подражанія, характеризующаго собою болѣе позднюю эпоху; а параллельныя мѣста въ позднѣйшихъ псалмахъ и также пророческихъ и историческихъ писаніяхъ, выставляемыя новѣйшею отрицательною критикою за

жихъ, иноземныхъ (Втор. 25, 5. 32, 16 ср. Іов. 15, 19); אֶבְיוֹן безбожіе въ Пс. 59, 5. встрѣчается уже Числъ 23, 21 и 1 Ц. 15, 23; מָגֵן — защитникъ въ Пс. 59, 12, — уже Быт. 15, 1 и Суд. 5, 8; אֶרֶץ (земля) въ муж. родѣ Пс. 63, 2 — уже въ Быт. 13. 6; ה — paragogum въ Пс. 3, 6. 8; Пс. 7 и многг. друг. уже въ Быт. 32, 6 (евр.) Числъ 10, 35 и мн. др.; и самое имя אֱלֹהִים въ Пс. 51, 52, 54, 56, 57, 59, 60 и 63, по мнѣнію de Wette (на Пс. 67), Gesenius'a (Thes. p. 97), Hitzig'a и другихъ, вошедшее будто бы въ употребленіе только въ позднѣйшее время, когда возникла въ еврейскомъ народѣ боязнь произносить Святѣйшее имя יְהוָה, весьма часто употребляется во всѣхъ древнихъ писаніяхъ, тогда какъ наоборотъ имя Іегова почти исключительно встрѣчается въ псалмахъ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, каковы псалмы съ надписан.: «Аллилуіа»; а также охотно употребляется въ позднѣйшихъ книгахъ Даніила, Ездры, Неемія и Паралип. (См. Delitzsch, Symbolae ad Psalmos illustr. isagogicae p. 23—25).

доказательства того, что псалмопѣвецъ пользовался этими писаніями, какъ источникомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи и сличеніи тона, языка и характера тѣхъ и другихъ писаній, еще болѣе даютъ основанія къ обратному заключенію, что псалмы наши служили образцомъ для этихъ писаній и, слѣдовательно, древнѣе ихъ по своему происхожденію. Достаточно обратить вниманіе на подражательный, репродуктивный характеръ большей части позднѣйшихъ псалмовъ, пѣсни Іоны, а также Іереміи пророка [1]), въ которыхъ встрѣчается не мало параллельныхъ мѣстъ съ нашими псалмами, чтобы за этими послѣдними признать первоначальность и болѣе раннее происхожденіе сравнительно съ тѣми позднѣйшими писаніями. Вообще же стоитъ только допустить, согласно съ надписаніями этихъ псалмовъ, происхожденіе ихъ отъ Давида, тогда сами собою исчезаютъ и всѣ сомнѣнія, возбуждаемыя сходствомъ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ съ позднѣйшими писаніями. «Мужъ, поставленный высоко, помазанникъ Бога Израилева» (2 Ц. 23, 1), а главное начинатель царства обѣтованія и живой образъ обѣтованнаго Мессіи (Ос. 3, 5. Іер. 30, 9. Іез. 34, 23—25),—Давидъ на всѣ послѣдующія времена пріобрѣлъ въ глазахъ ветхозавѣтнаго Израиля не менѣе высокое уваженіе, какъ и вождь и законодатель его Моисей, при которомъ и при посредствѣ котораго совершилось рожденіе его въ народъ Божій: удивительно ли послѣ этого, если псалмы Давида, вошедшіе въ составъ установленнаго закономъ Моисеевымъ богослуженія, сдѣлались для всѣхъ послѣдующихъ псалмопѣвцевъ и пророковъ образцомъ подражанія, наравнѣ съ писаніями великаго законодателя? И почему не допустить, что и величественный Исаія, у котораго такъ много сходныхъ мѣстъ съ псалмами, надписанными именемъ Давида [2]), въ рѣчахъ своихъ свободно пользовался его пѣснями, когда мы знаемъ, что въ тоже время, по повелѣнію благочестиваго царя Езекіи и, безъ сомнѣнія, съ согласія и одобренія

---

[1]) О характерѣ писаній Іереміи см. замѣч. Delitzsch'a на пс. 74-й и сочиненіе Küper'a,—Jeremias librorum sacrorum interpres atque vindex. Berlin, 1837; о пѣсни Іоны—Keil, въ Comm über die 12 kleinen Proph.

[2]) Особенно много сходнаго съ кн. прор. Исаіи и по мыслямъ и выраженіямъ представляетъ Пс. 50-й, который потому Гитцигъ и др. и относили къ этому пророку. (См. Delitzsch'a на Пс. 50 ст. 20).

пророка, пѣсни Давида и Асафа пѣлись левитами во славу Господа при общественномъ богослуженіи (2 Пар. 29, 30). Иначе, допуская вмѣстѣ съ нѣкоторыми новѣйшими критиками зависимость нашихъ псалмовъ отъ тѣхъ писаній, съ которыми они имѣютъ сходство, мы должны будемъ допустить совсѣмъ невѣроятное предположеніе, что Давидовы псалмы, не смотря на священное и безсмертное для іудейскаго народа имя его писателя и на свое употребленіе при общественномъ богослуженіи, утратились для насъ безслѣдно, уступивъ свое мѣсто позднѣйшимъ пѣснямъ, изъ которыхъ самыя раннія едва восходятъ къ вѣку Исаіи пророка, хотя незадолго предъ тѣмъ при жизни этого пророка, по приведенному свидѣтельству исторіи, и пользовались еще глубокимъ уваженіемъ.

Такимъ образомъ многія вполнѣ вѣроятныя основанія происхожденія надписаній, если не отъ самого писателя псалмовъ, то отъ древнѣйшихъ его историковъ, и съ одной стороны общность содержанія псалмовъ, устраняющая возможность поддѣлки таковыхъ надписаній, съ другой—соотвѣтствіе содержанія. а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка псалмовъ съ лицемъ и характеромъ Давида, равно какъ и съ обстоятельствами жизни, какія указываются въ надписаніяхъ, и при этомъ совершенное отсутствіе между тѣми и другими какихъ либо противорѣчій и несообразностей, и вообще очевидная несостоятельность основаній, приводимыхъ въ доказательство ихъ позднѣйшаго происхожденія,—все побуждаетъ насъ признать совершенную достовѣрность двойнаго свидѣтельства надписаній разсматриваемыхъ нами псалмовъ, не только относительно ихъ писателя, но и тѣхъ поводовъ, какіе указываются въ надписаніяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы, конечно, далеки отъ того, чтобы утверждать, будто всѣ эти псалмы въ настоящемъ ихъ видѣ произошли непремѣнно въ тѣ самые моменты, какіе указываются въ ихъ надписаніяхъ [1]); мы по-

[1]) Что нѣкоторые псалмы дѣйствительно произошли позднѣе тѣхъ событій, какія послужили предметомъ ихъ содержанія, это показываетъ своимъ надписаніемъ и содержаніемъ Пс. 17-й. И что историческія указанія надписаній нужно понимать лишь вообще о поводахъ и времени происхожденія псалмовъ, а не о самыхъ моментахъ ихъ происхожденія, это ясно уже изъ выраженій въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ псс.—когда пришелъ (בְּבוֹא) Доегъ (Пс. 51), или когда пришли Зифеи и сказали Саулу (Пс. 53; ср. Пс. 50) и проч.,—которыхъ и нельзя понимать буквально (См. объ этихъ надпис. у Делича).

лагаемъ только, что они служатъ точнымъ выраженіемъ чувствованій, мыслей и желаній псалмопѣвца, какія наполняли его душу въ тѣ моменты, хотя нѣкоторыя изъ нихъ въ свой настоящій видъ могли быть приведены имъ лишь впослѣдствіи, при воспоминаніи о пережитыхъ имъ событіяхъ и углубленіи въ многознаменательное свое прошедшее, съ опредѣленною цѣлію всѣмъ истиннымъ Израильтянамъ дать возможность принять участіе въ молитвахъ вѣры и преданности Промыслу, низводившихъ къ нему божественную помощь, утѣшеніе и укрѣпленіе [1]). Быть можетъ, позднѣйшею обработкою и приспособленіемъ для общенароднаго и, тѣмъ болѣе, богослужебнаго употребленія, и объясняется ихъ общій характеръ содержанія и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенное отсутствіе индивидуальныхъ отношеній (какъ въ Пс. 33), какія бы, казалось, были неизбѣжны, если допустить вполнѣ законченное изліяніе ихъ изъ души поэта непосредственно за обстоятельствами, указываемыми въ ихъ надписаніяхъ [2]). Во всякомъ случаѣ, эта ранѣе или позже законченная обработка ихъ

---

[1]) Такая цѣль особенно ясно высказывается въ Пс. 33, 9—23.

[2]) Hengstenberg объясняетъ это изъ особеннаго характера религіозной поэзіи Евреевъ, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ поэзіею Дорическою, характеристическимъ отличіемъ которой были публичность и тѣсное отношеніе къ націи или государству, естественно исключающія отношенія личныя, индивидуальныя (См. въ Comment. zu den Psalm. Bd. IV. Abth. 2. Beitr. 2). Въ отношеніи къ пѣснямъ религіознымъ это, конечно, вполнѣ справедливо, и не только въ еврейской, но даже и въ христіанской богослужебной поэзіи; свѣтская же или мірская поэзія и у Евреевъ не исключала личныхъ и индивидуальныхъ отношеній, какъ это можно видѣть изъ пѣсней самаго Давида на смерть Саула и Іонаѳана (2 Ц. 1, 7—27) и на смерть Авенира (3, 33—34). Такимъ образомъ, въ приложеніи къ разсматриваемымъ нами псалмамъ съ историческими надписаніями, вопросъ собственно въ томъ, какъ произошло, что не смотря на личные и совершенно индивидуальные поводы къ ихъ написанію, изъ которыхъ очень многіе могли бы послужить предметомъ для свѣтскихъ элегій, въ родѣ приведенныхъ надгробныхъ пѣсней, имъ приданъ былъ чисто религіозный и потому общій характеръ. Для объясненія этого, кромѣ религіознаго характера пѣвца, по нашему мнѣнію, кажется, необходимо еще предположить позднѣйшую ихъ обработку съ спеціальнымъ приспособленіемъ къ нравственно-религіознымъ потребностямъ народа.

въ настоящемъ ихъ видѣ, какъ и первоначальное возникновеніе ихъ въ душѣ пѣвца, конечно, должна вполнѣ принадлежать Давиду; такъ какъ вообще всѣцѣлая принадлежность ему всѣхъ этихъ псалмовъ по ихъ происхожденію, при совокупности такъ многихъ основаній за нее, представляется столько несомнѣнною, что можно, ни мало не колеблясь, примѣнить къ нимъ во всей силѣ то заключеніе, къ какому Гитцигъ, при своей безпощадной критикѣ, вынужденъ былъ въ отношеніи къ Пс. 17-му: «если бы» который нибудь изъ этихъ псалмовъ «былъ не Давидовъ, то необходимо было бы предположить, что онъ написанъ отъ лица Давида и совершенно въ его духѣ и характерѣ: но кто же бы могъ быть этотъ вполнѣ равный ему псалмопѣвецъ [1])?» А чтобы не оставалось при этомъ мѣста предположенію о подражаніи [2]), прибавимъ отъ себя какъ бы въ отвѣтъ на заключительный вопросъ Гитцига, что изъ современныхъ Давиду псалмопѣвцевъ не было такихъ искусныхъ подражателей, которыхъ бы пѣсни нельзя было отличить отъ его пѣсней: псалмы Асафа, Емана, Еѳана и сыновъ Кореевыхъ, при всемъ подражаніи ихъ пѣснямъ Давида, какъ отца и руководителя псалмопѣнія (2 Ц. 23, 1. 1 Пар. 25, 26), при очевидномъ даже желаніи нѣкоторыхъ изъ Корейскихъ пѣвцовъ пѣть именно отъ лица Давида (ср. Пс. 41, 42. 83), тѣмъ не менѣе носятъ на себѣ замѣтный отпечатокъ своего особеннаго духа и характера, отличающій ихъ отъ псалмовъ Давидовыхъ. Еще менѣе вѣроятно предположить въ послѣдующія, позднѣйшія времена существованіе такихъ псалмопѣвцевъ, которые бы, почерпая свое вдохновеніе изъ дошедшихъ до нихъ пѣсней и исторіи Давида, такъ могли войти въ его духъ и характеръ, тонъ и языкъ, что вполнѣ воспроизводили бы въ себѣ древняго пѣвца Израилева. Въ книгахъ Свящ. Писанія мы видимъ множество примѣровъ подражанія позднѣйшихъ свящ. писателей писаніямъ своихъ

---

[1]) Hitzig—die Psalmen 1, 1863. S. 95. Кромѣ того изъ числа этихъ псалмовъ Гитцигъ признаетъ за Давидовы 3-й и 7-й, хотя для перваго изъ нихъ, вмѣсто указаннаго въ надписаніи повода къ написанію, подыскиваетъ другой, именно нападеніе Амаликитянъ изъ времени пребыванія Давида въ Секелагѣ (1 Ц. 30). См. его замѣчанія на эти псалмы.

[2]) Такое именно предположеніе старается провести и доказать Carl Ehrt относительно Пс. 141 (евр. 142) и сродныхъ съ нимъ 139, 140 142. См. Abfassungszeit des Psalters. Leipz. 1869, стр. 107—112.

предшественниковъ, но не находимъ примѣра такого подражанія, гдѣ исчезало бы всякое различіе съ оригиналомъ: этого не могли достигнуть ни писатель Премудрости Соломоновой, ни писатель 3-й книги Ездры, не смотря на свое желаніе и стараніе преподать своимъ современникамъ ученіе отъ лица Соломона и Ездры, въ духѣ и характерѣ этихъ мужей. Такимъ образомъ, если не подлежитъ сомнѣнію, что пѣсни Давида служили предметомъ подражанія на всѣ послѣдующія времена для всѣхъ позднѣйшихъ псалмопѣвцевъ; то также остается несомнѣннымъ, что подражаніе это, какъ и вообще подражаніе въ письменныхъ, особенно поэтическихъ произведеніяхъ, всегда имѣло и имѣетъ свои предѣлы и не можетъ восходить до совершеннаго тожества съ своимъ оригиналомъ; признаніемъ такого тожества въ разсмотрѣнныхъ нами псалмахъ, по надписанію Давидовыхъ, само собою исключается вѣроятность и возможность другаго заключенія, кромѣ того, что всѣ эти псалмы дѣйствительно принадлежатъ Давиду.

Признавъ Давидово происхожденіе псалмовъ, въ надписаніяхъ которыхъ съ именемъ Давида соединяется указаніе поводовъ къ ихъ написанію изъ исторіи жизни и царствованія этого псалмопѣвца, мы имѣемъ уже ключь къ положительному разрѣшенію вопроса о написаніи Давидомъ и всѣхъ прочихъ псалмовъ, надписанныхъ его именемъ. לְדָוִד въ надписаніяхъ этихъ псалмовъ не подтверждается, подобно какъ у первыхъ, указаніями обстоятельствъ ихъ происхожденія изъ исторіи Давида; но этотъ недостатокъ теперь замѣняется для насъ множествомъ другихъ археологическихъ указаній и замѣчаній относительно ихъ религіозно-богослужебнаго, поэтическаго или музыкальнаго характера и назначенія, которые по большей части общи имъ съ тѣми псалмами, несомнѣнно Давидовыми. Всѣ такія замѣчанія надписаній, за исключеніемъ только наименованій псалмовъ: תְּפִלָּה (молитва), שִׁיר (пѣснь) и תְּהִלָּה (хвала или славословіе), употреблявшихся одинаково во всѣ времена еврейской свящ. письменности, носятъ въ себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности. Очевиднымъ доказательствомъ этого служатъ самыя означенныя надписанія, если только сопоставить ихъ съ древнимъ греческимъ, нашимъ славянскимъ и русскими, а также нѣкоторыми другими ихъ переводами и объясненіями. Такъ: מִכְתָּם (Пс. 16 и 58. Ср. изъ Псс. съ историческими надписаніями 56, 57, 59, 60 по евр.) *писаніе* (въ новомъ русск. пер. Синод. изд. 1871 г. въ надписаніи псалма 15,

въ евр. 16,—переведено «*пѣснь*»), LXX: στηλογραφία или εἰς στηλογραφίαν [1]) (*столпописаніе*); מַשְׂכִּיל *ученіе*, т. е., поучительная пѣсень [2]) (Пс. 32, 53, 55; ср. 52. 54. 142), LXX: συνέσεως или εἰς σύνεσιν (слав. *разума*, *въ разумѣ*); לַמְנַצֵּחַ, *начальнику хора* (Пс. 4—6, 8—14; ср. 18, 51, 52 и мн. др.), LXX: εἰς τὸ τέλος (*въ конецъ*) [3]); לַמְנַצֵּחַ עַל־יְדוּתוּן, или

---

[1]) Ср. Пс. 38. 9 מִכְתָּם, LXX: προσευχή, въ нынѣшнихъ изданіяхъ съ прибавленіемъ впереди въ скобкахъ — ᾠδή. Дѣлчъ въ замѣчан. на Пс. 16 (у насъ 15) не безъ основанія думаетъ объяснить значеніе слова מִכְתָּם изъ особеннаго способа стихосложенія надписанныхъ имъ псалмовъ, какъ пѣсней съ особенно выдающимися въ нихъ и нѣсколько разъ повторяющимися изреченіями псалмопѣвца (напр. Пс. 56 5. 11. 57, 6. 12. 59, 10. 18. Ср. 16, 2. 58, 12. 60, 8 и др.), или какъ пѣсней *эпиграмматическаго* характера. Въ нынѣшней іудейской поэзіи מִכְתָּם дѣйствительно употребляется въ значеніи эпиграммы, почему Пумпянскій и переводитъ словомъ: *надпись*. Съ этимъ согласуется и греческій переводъ: στηλογραφία, а также и другіе древніе переводы этого слова: лат.. tituli inscriptio. Hesychii: τίτλος. πτυχίον ἐπίγραμμα ἔχον, Таргума: גְּלִיפָא תְּרִיצָא. Другіе, по словопроизводству отъ כָּתַם, переводятъ: *сокровище*, *драгоцѣнность* (Павскій), или *сокровенное слово* (Мандельштамъ), *тайна* (Hengstenberg), и понимаютъ какъ девизъ особенно важнаго или таинственнаго содержанія пѣсней. Послѣдняго объясненія держались и св. отцы церкви.

[2]) Впрочемъ не въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ изъ всѣхъ 13 псалмовъ, надпис. מַשְׂכִּיל, собственно дидактическими или поучительными могутъ быть названы только два: 32 и 78 Асафовъ. На. этомъ послѣднемъ основаніи, а также по употребленію מַשְׂכִּיל въ Пс 47, 8 послѣ זַמֵּר въ отношеніи къ прославленію Бога. и въ соединеніи съ другими надписаніями שִׁיר יְדִידֹת въ Пс. 45 и תְּפִלָּה въ Пс. 142, нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ толкователей Псалтири предпочитаютъ переводить его словомъ: *размышленіе* или *дума* (Мандельштамъ); pia meditatio, Betrachung.—Delitzsch на Пс. 32 и въ Real-Encyklop. v. Herzog—die Psalmen).—другіе: *поэма* или *ода* (Пумпянскій. Ср. Ewald,—Dichter des A. B. 1, 31).

[3]) Ср. въ 1 Пар. 15. 21: לְנַצֵּחַ, τοῦ ἐνεσχύσαι (*еже превзыти*) въ русск. пер. изд. Синода: «*чтобы дѣлать началомъ*»; у Гулянова въ Исотр. кн.: «*для довершенія*». Такъ какъ въ приведенномъ мѣстѣ рѣчь не о

לִדְיתוּן [1]), *начальнику хора Идиѳумова*, или *Идиѳуму* (Пс. 39 и 62), LXX: τῷ Ἰεδιθούν или ὑπὲρ Ἰεδιθούν; בִּנְגִינוֹת (Пс. 4, 6, 54, 55), или עַלִּנְגִינַת (Пс. 61), *на струнныхъ музыкальныхъ орудіяхъ*, LXX: ἐν ὕμνοις (*въ пѣснѣхъ*) [2]); אֶלֹהַנְּחִילוֹת,—*на духовыхъ музыкальныхъ орудіяхъ* [3]) (Пс. 5). LXX: ὑπὲρ τῆς κληρονομούσης (*о наслѣдствующемъ*) [4]); עַלֹּהַגִּתִּית *на Геѳскомъ музыкальномъ орудіи*, или *по*

главныхъ начальникахъ музыки и пѣнія при Давидѣ, притомъ же и псалмы Асафа, одного изъ трехъ такихъ начальниковъ, также носятъ надписаніе—לְמְנַצֵּחַ; то можно думать, что надписаніе вообще адресуетъ псаломъ тому, кто долженъ переложить его на музыку и разучить въ левитскомъ хорѣ, и слѣдовательно вообще назначаетъ его къ принятію въ число пѣсней, выполняемыхъ съ акомпаниментомъ музыки при богослуженіи. Согласно съ этимъ Таргумъ переводитъ словомъ לְשַׁבְּחָא *пѣть при богослуженіи*. Не слѣдуетъ ли поэтому и εἰς τὸ τέλος LXX-ти понимать просто: «*для исполненія?*» (См. въ Христ. Чт. 1826, 4: смыслъ надписанія Пс. 50; Орды, Рук. къ посл. чт. учит. кн. и Delitzsch'a на Пс. 4-й). Св. отцы объясняютъ въ таинственномъ смыслѣ о концѣ или исполненіи временъ, т. е. Новозавѣтной Церкви и послѣдней судьбѣ ея.

[1]) Fürst въ своемъ Hebr. Handwörterb. видитъ здѣсь указаніе писателя псалма 39, считая ל за Lamed auctoris. Того же мнѣнія держался изъ Оо. церкви св. Аѳанасій (См. его толкованіе Пс. 38 въ изд. Тв. св. отецъ Т. XXII). Но поставленіе имени Идиѳума вслѣдъ за словомъ לַמְנַצֵּחַ (начальнику хора) и прибавленіе затѣмъ «псаломъ Давида», точно также какъ и въ надп. 62 Пс., или псаломъ Асафа, какъ въ надп. Пс. 77, показываютъ, что Идиѳума въ надп. Пс. 39-го, точно также какъ и въ другихъ псалмахъ съ его именемъ, одинаково слѣдуетъ считать не писателемъ, а только пѣвцомъ, которому назначается музыкальное исполненіе псалма при богослуженіи.

[2]) Въ русск. Псалтири Пумпянскаго это слово или оставляется безъ перевода: *по нешиотъ* (Пс. 61), или же совсѣмъ опускается, какъ въ Пс. 4, 6, 54 и 55.

[3]) У Пумпянскаго безъ перевода: *по нехилотъ*.

[4]) Что разумѣли подъ этимъ греческіе переводчики, трудно рѣшить. Одни видятъ здѣсь начальное слово неизвѣстной намъ пѣсни, на напѣвъ которой должно пѣть этотъ псаломъ; другіе считаютъ его за девизъ содержанія, т. е. *пѣснь о различныхъ жребіяхъ праведныхъ и нечестивыхъ*, о которыхъ дѣйствительно говорится въ этомъ псалмѣ. Къ послѣднему мнѣнію очень близко и толкованіе Св. Оо. которые гово-

Гевскому напѣву (Пс. 8), LXX: ὑπὲρ τῶν ληνῶν (*о точилѣхъ*) [1]); עַל־הַשְּׁמִינִית (Пс. 6 и 12), *на осмиструнномъ музыкальномъ орудіи*,—по другимъ: *низкимъ голосомъ, октавой*, LXX: ὑπὲρ τῆς ὀγδόης (слав. *о осмомъ, -мѣй*) [2]); עַל־מַחֲלַת (Пс. 53), *на духовомъ орудіи* (въ перев. Библ. Общ. и новомъ Синод. изд., т е. сходно съ переводомъ אֶל־הַנְּחִילוֹת), LXX: ὑπὲρ Μαελὲθ (*о Маелеѳ*) [3]);

рять, что «о наслѣдствующей» значитъ *о церкви Христовой* или *ветхозавѣтной*, или же *о душѣ, имѣющей получить въ наслѣдіе царство небесное.*

[1]) Въ исправ. русск. перев. псалмовъ (Душеп. Чт. 1868 Янв.) и у Пумпянскаго: «*на Гиттиѳъ*» (Пс. 80 и 83), не опредѣляя, что означается этимъ словомъ,—инструментъ или мелодія. Греческіе переводчики принимали, кажется, за девизъ содержанія псалмовъ, какъ *пѣсней радостныхъ*, благодарственныхъ, какія пѣлись *во время праздниковъ собиранія винограда.* Св. отцы объясняютъ *о Христѣ, истоптавшемъ точило гнѣва Божія* своею крестною побѣдою надъ врагами нашего спасенія, по Иса. 63, 2—3.

[2]) У Пумпянскаго оставлено безъ перевода: *по «шеминоть»*. Въ 1 Пар. 15, 21 тоже слово עַל־הַשְּׁמִינִית и въ греческомъ оставлено безъ перевода: ἀμασενὲθ, а въ слав. и русск. изд. Св. Синода совсѣмъ опущено. Переводъ ὑπὲρ τῆς ὀγδόης не даетъ опредѣленнаго понятія. По противоположенію съ עַל־עֲלָמוֹת (1 Пар. 15, 20), отъ עַלְמָה дѣва,— подѣвичьи, дѣвичьимъ, т. е. тонкимъ голосомъ (въ греч. здѣсь тоже безъ перевода: ἐπὶ ἀλημωθ, въ надписаніи же Пс. 46, 1: ὑπὲρ τῶν κρυφίων),—слѣдуетъ, кажется, дать предпочтеніе объясненію—*на осьмой, послѣдней, самой грубой струнѣ*, octava voce, т. е. самымъ низкимъ голосомъ», (См. прим. Гуляева на означенное мѣсто Пар. въ его Истор. кн. Св. Пис. В. Завѣта, также Delitzsch на Пс. 6 и 46). Св. отцы объясняютъ въ таинственномъ смыслѣ о осьмомъ, великомъ днѣ будущаго вѣка, который наступитъ по кончинѣ вращающагося въ седмицахъ настоящаго.

[3]) Подобно LXX и славянскому и въ большей части другихъ русскихъ переводовъ—у Мандельштама, Пумпянскаго и въ пер., исправленномъ подъ редакціей Филарета М. Моск. (въ Душ. Чт. 1868 г. Янв. въ надп. Пс. 87)—это слово оставляется, безъ перевода: *на Махалавъ*. Другіе же толкователи, по словопроизводству отъ מַחֲלָה немощь, болѣзнь, считаютъ его за девизъ печальнаго содержанія псалма: *о духовныхъ болѣзняхъ сыновъ человѣческихъ* (Hengst), или *грустнаго, заунывнаго*

עַל־שֹׁשַׁנִּים (Пс. 69, ср. 60 עֵדוּת), *на музыкальномъ орудіи Шошаннимъ*, LXX: ὑπὲρ τῶν ἀλλοιωθησομένων (*о измѣнившихся* или *о измѣнитися хотящихъ*) [1]); עַל־מוּת לַבֵּן (Пс. 9), *по смерти Лабена*, LXX: ὑπὲρ τῶν κρυφίων τοῦ υἱοῦ (*о тайныхъ сына*) [2]);

его напѣва (Delitzsch). Св. Григорій Нисскій и блаж. Θеодоритъ (по производ. отъ מְחוֹלָה), согласно съ переводами Ак. Симм. Θеодот.: *о ликованіи*, какъ символическое указаніе на ожидающій вѣрующаго конецъ нравственной борьбы его съ духовными врагами.

[1]) Другіе *о лиліяхъ*, разумѣя или символическое указаніе предмета Псалма: *о внемлющихъ. благочестивыхъ* (Hengst на Пс. 45), или названіе особыхъ инструментовъ, *кимваловъ*, *имѣвшихъ форму лиліи* (Iessen, Ueber die Lilie der Bibel, въ Botanisch. Zeit. 1861 г. № 12 и Thrupp. въ своемъ Introduction 1860), или обозначеніе напѣва по первому слову другой пѣсни (Delitzsch на Пс. 45). Св. Отцы: *о нравственномъ усовершеніи*. или измѣненіи изъ темнаго вида порока въ свѣтлый, лилейный видъ добродѣтельной жизни. Fürst, въ своемъ Hebräisch. Handwörterbuch это и большую часть другихъ непонятныхъ, словъ, встрѣчающихся въ надписаніяхъ псалмовъ въ сочетаніи съ עַל и אֶל, считаютъ за названія тѣхъ или другихъ изъ учрежденныхъ Давидомъ 24-хъ музыкальныхъ хоровъ (1 Пар. 25 гл.),—или по именамъ ихъ начальниковъ, какъ שֹׁשַׁנִּים (по שׁוֹשַׁן ср. שֹׁשַׁן 1 Пар. 2, 31), יְדוּתוּן и בֵּן (Пс. 9), или по мѣстамъ ихъ жительства, какъ גִּתִּית (по גַּת רִמּוֹן I. Нав. 19, 45), נְחִילוֹת (по נַחֲלִיאֵל, можетъ быть тоже, что חִילֵן 1 Пар. 6, 43 съ евр., или חֶלֶן I. Нав. 21, 15), מַחֲלַת (по מחוֹלָה или אָבֵל מְחוֹלָה Суд. 7. 22, 3 Ц. 4, 12), עַלָּמוֹת (по עַלְמָה) и т. п.

[2]) Въ русск. пер. Библ. Общ. עַל־מוּת переведено: *на свирѣли*, но кажется не, по ошибкѣ ли, потому что не видно никакого основанія для подобнаго перевода. Большинство же переводчиковъ и толкователей переводятъ это слово: *«на смерть»*, но расходятся въ опредѣленіи значенія לַבֵּן. Въ нашемъ Синод. пер. и у Мандельштама לַבֵּן переводится собственнымъ именемъ, только въ первомъ не опредѣляется, кого слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ именемъ, послѣдній же выставленными при этомъ имени цитатами,—2 Сам. XV, 31; XVI, 21—23; XVII, 1—23,—ясно даетъ понять. что онъ разумѣетъ подъ нимъ *Ахитофела*, хотя и не объясняетъ, почему бы Ахитофела можно было назвать такимъ, ни разу не встрѣчающимся въ кн. Св. П. именемъ. Tolück и Delitzsch полагаютъ, что все надписаніе псалма надобно понимать, какъ указаніе его напѣва по одной извѣстной въ то время пѣсни, начинав-

עַל־אַיֶּלֶת הַשַּׁחַר (Пс. 22), *при появленіи зари*, LXX: ὑπὲρ ἀντιλήψεως εὐθινῆς (*о заступленіи утреннемъ*) [1]); и אַל־תַּשְׁחֵת (Пс.

шейся словами: «*смерть убьляетъ*» (отъ לָבַן бѣлымъ быть), или «*смерть сына*» (считая לָבַן за בֵּן = сынъ съ ל praefix); другіе читаютъ לָבַן съ перестановкою первой и третьей буквъ: נָבָל=Навалъ, безумный, нечестивый, и такимъ обр. все надписаніе переводятъ: *на смерть Навала*, или подобнаго ему *безумнаго* или *нечестиваго* (Раввины, Hengstenberg), подъ которымъ нѣкоторые разумѣютъ *Голіаѳа* (Lisco); еще другіе принимаютъ לָבַן за сокращеніе словъ לָאִישׁ בֵּנַיִם (1 Ц. 17, 4 и 23) и считаютъ псаломъ пѣснію *на смерть единоборца*, т. е. *Голіаѳа* (Irhov), какъ уже Таргумъ, въ которомъ все надписаніе переводится: «*на смерть мужа, выходившаго между войсками*» (עַל מִיתָנָא דִגְבָרָא דִי נְפַק מִבֵּינֵי מַשְׁרְיָתָא); иные думаютъ видѣть здѣсь собственное имя одного изъ пѣвцовъ Давидовыхъ, *Бена* или *Бенаія* (Ванею), упоминаемыхъ въ 1 Пар. 15, 18—20 (русск. пер. Библ. Общ.), при чемъ Calmet и, согласно съ нимъ, покойный проф. СПБ. Д. А. М. А. Голубевъ полагали, что въ соотвѣтствіе 20-му стиху цитованнаго мѣста, вм. עַל־מוּת слѣдуетъ читать עַל־עַלָמוֹת, какъ и въ Пс. 46, 1, и потому все надписаніе переводили такъ: «*надъ дѣвами*, т. е. надъ женскими хорами (ср. Пс. 67, 26) *начальствующему Бену*»; а Fürst (въ Евр. Словарѣ), слѣдуя нынѣшнему чтенію, считаетъ מוּת לַבֵּן за имя одного изъ 24-хъ хоровъ Давидовыхъ, названнаго такъ по случаю внезапной смерти его начальника Бена, подобно какъ мѣсто внезапной смерти Озы названо было פֶּרֶץ עֻזָּא (1 Пар. 13, 11). Предположеніе свое о внезапной смерти Бена онъ думаетъ подтвердить тѣмъ, что имя בֵּן, упоминутое между именами другихъ пѣвцовъ въ 1 Пар. 15, 18, вслѣдъ затѣмъ при перечисленіи тѣхъ же пѣвцовъ ст. 20 опущено и болѣе не встрѣчается. Но Гуляевъ,—въ Истор. кн. В. З.,—слово בֵּן не считаетъ за собственное имя отдѣльнаго пѣвца, а какъ нарицательное «сынъ» соединяетъ его съ предшествующимъ именемъ: Захарія-Бенъ (смотри переводъ этого мѣста и прим.). LXX вѣроятно читали עַלָמוֹת לַבֵּן (отъ עָלַם скрывать); согласно съ ихъ переводомъ и Св. Оо. объясняютъ это надписаніе въ таинственномъ смыслѣ,—*о таинствѣ воплощенія Сына Божія*.

[1]) Буквально: «*о ланіи утренней зари*»; Мандельштамъ: «*на лучезарной ланіи*», прибавляя въ объясненіе: т. е. *на лирѣ формы утренней зари* (?). Русскій переводъ: «при появленіи зари» основывается на древнемъ талмудическомъ преданіи, по которому будто бы ланію, или рогами лани обыкновенно обозначались первые лучи утренняго свѣта. Подобное обозначеніе времени встрѣчается въ Іерус. и Вавил. Талмудѣ

59, ср. 57 и др.), *не погуби*, LXX: μὴ διαφθείρῃς (*да не растлиши*) [1]; а также музыкальный знакъ סֶלָה, въ греческомъ: διάψαλμα (Пс. 4, 3. 5. 9, 17. 21. ср. 3, 3. 5. 9. 7, 6 и мн. др.), переводимый у насъ: *возвышеніе* (Пс. 3, 3. по русск. перев. Библ. Общ.), или просто: *перемѣна тона* (тамъ же Пс. 9, 17) [2]) и наконецъ самое названіе *псалмъ*—מִזְמוֹר, перев. въ греч. ψαλμός, а иногда ᾠδή (Пс. 38) [3]), особенно же въ сопоставленіи

(Delitzsch на Пс. 22). Этимъ надписаніемъ обозначается или время пѣнія псалма,—утромъ. при утреннемъ жертвоприношеніи (1 Пар. 16, 40—42. 23, 30. Ср. Сир. 47, 12), или напѣвъ его по первымъ словамъ какой либо извѣстной въ то время пѣсни, или же оно служитъ девизомъ содержанія псалма, подобно какъ пѣснь на смерть Саула и Іонаѳана называется קֶשֶׁת—лукъ (2 Ц. 1, 18). Св. отцы держались преимущественно послѣдняго значенія и объясняли надписанія отношеніемъ псалма къ Іисусу Христу, «пришествіе Котораго на подобіе утра возсіяло сидящимъ во тьмѣ» (Ѳеодоритъ въ объясн. 1 ст. Под. обр. Св. Аѳанасій и др.).

[1]) Одни разумѣютъ такое надписаніе, какъ девизъ содержанія обозначенныхъ имъ псалмовъ, которые представляютъ собою *молитвы объ избавленіи отъ враговъ* (Таргумъ, Lisco, Hengstenberg); другіе,—какъ указаніе напѣва по начальнымъ словамъ какой либо извѣстной тогда пѣсни, напр. молитвы Моисея (Втор. 9, 26) (Genfer, Cramer, Delitzsch), а нѣкоторые даже видятъ въ немъ замѣтку собирателя псалмовъ къ переписчику, чтобы онъ не потерялъ изъ виду, не пропустилъ или не исказилъ такихъ псалмовъ (Calmet). Мандельштамъ переводитъ это надписаніе словомъ: «*ожерелье*», не указывая при этомъ ни значенія подобнаго надписанія въ отношеніи къ псалмамъ, ни основаній для такого перевода.

[2]) По мнѣнію Пумпинскаго סֶלָה «*есть названіе музыкальнаго инструмента, на которомъ акомпанировалось пѣніе псалмовъ*». (См. прим. на 3 ст. 3-го Пс.). Въ русск. Син. пер. это слово вездѣ опущено, подобно какъ и въ славянскомъ, гдѣ по замѣчанію предисловія къ Елисавет. изд. Библіи, оно не напечатано въ псалмахъ «сея ради вины, яко у насъ въ обычай не вошло пѣти псалмы, но точію чести».

[3]) Такое же смѣшеніе понятій въ объясненіи слова מִזְמוֹר и у нынѣшнихъ его толкователей. Такъ Павскій (Обозр. пс. 58 стр.) и Hengstenberg (Psalmen, Bd. IV, 2. Beitr. 1), по производству отъ זָמַר—обрѣзалъ, даютъ ему значеніе мѣрнаго, стихотворнаго сочиненія, въ противоположность свободной рѣчи—прозѣ; между тѣмъ какъ, по мнѣнію

съ словомъ שִׁיר—*пѣснь*: מִזְמוֹר שִׁיר, Ψαλμὸς ᾠδῆς (*псаломъ пѣсни* Пс. 68; ср. 30 и др.) или שִׁיר מִזְמוֹר, Ὠδὴ ψαλμοῦ (*пѣснь псалма*, Пс. 108, 66 и др.). Представленное сличеніе этихъ надписаній по еврейскому тексту и существующимъ переводамъ ихъ и объясненіямъ съ древнимъ переводомъ греческимъ показываетъ, что уже ко времени происхожденія этого перевода, которое полагаютъ около 270 лѣтъ до Р. Хр., большая часть ихъ были также темны и непонятны, какими остаются и до настоящаго времени. Конечно, это одно не даетъ еще права возводить ихъ вмѣстѣ съ псалмами, у которыхъ находятся, непремѣнно ко времени Давида, но во всякомъ случаѣ позволяетъ заключать, что происхожденіе ихъ теряется въ глубокой древности, на столько превышающей древность перевода LXX, что ко времени составленія его входящія въ составъ ихъ термины успѣли не только выйти изъ употребленія, но и совершенно утратили свое значеніе, такъ что никакое, ни устное, ни письменное преданіе не сохранило его до переводчиковъ. Такая утрата предполагаетъ громадный періодъ времени, далеко превосходящій не болѣе какъ полутораста-лѣтній промежутокъ между Ездрою (въ началѣ V в. предъ Р. Хр.) и переводомъ LXX-ти. и, если допустить вмѣстѣ съ нѣкоторыми толкователями, что большая часть надписаній псалмовъ сдѣланы во время Ездры, или самимъ Ездрою, а многіе изъ псалмовъ съ такими надписаніями, носящіе надъ собою имя Давида, написаны лишь послѣ плѣна Вавилонскаго, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ смыслъ этихъ надписаній могъ не сохраниться до времени переводчиковъ, тѣмъ болѣе, что во весь этотъ промежутокъ не прекращалось ни пѣніе свящ. пѣсней при богослу-

---

другихъ, такое значеніе принадлежитъ слову שִׁיר или שִׁירָה (Ὠδή), хотя оно имѣетъ также и особенное значеніе пѣсни, исполняемой однимъ голосомъ человѣческимъ, пьесы вокальной (См. Fürst,—Hebr. Handwörterb.). Послѣднее мнѣніе подтверждается и словоупотребленіемъ Св. Писанія—Втор. 31, 30. 32, 44. 3 Ц. 5, 12 по евр. и друг. Справедливѣе, кажется, что מִזְמוֹר означаетъ пьесу музыкальную, пѣснь назначенную для исполненія съ акомпаниментомъ музыки, какъ говоритъ св. Григорій Нисскій: «Псаломъ есть сладкопѣніе при игрѣ на музыкальномъ орудіи, а пѣснь (ᾠδή) есть произношеніе словъ при устномъ пѣніи (О надпис. пс. кн. 2 гл. 3). Ср. св. Василія В. на Пс. 44.

женіи, ни преемство пѣвцовъ, которые вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ искусствомъ музыки и пѣнія естественно могли бы и должны были сохранять и передавать послѣдующимъ поколѣніямъ вмѣстѣ съ пѣснями своего времени и соединенные съ ними различные техническіе, особенно же музыкально-вокальные термины. Не совсѣмъ ясный у LXX переводъ надписанія 15-ти псалмовъ (120—134) שִׁיר הַמַּעֲלוֹת (въ Пс. 121 לַמַּעֲלוֹת) словами ᾠδὴ τῶν ἀναβαθμῶν (слав. *пѣснь степеней*), не смотря на позднее происхожденіе такого надписанія,— не раньше временъ Ездры или возвращенія изъ плѣна,—представляетъ въ этомъ случаѣ только повидимому исключеніе: потому что замѣчаемая неясность перевода LXX существуетъ лишь по отношенію къ намъ, а сами переводчики, какъ можно думать, согласно съ общеіудейскими, а частію и христіанскими преданіями, соединяли съ ᾠδὴ τῶν ἀναβαθμῶν точное и опредѣленное значеніе о пѣніи означенныхъ 15 псалмовъ на ступеняхъ втораго храма Іерусалимскаго при богослуженіи [1]), безъ сомнѣнія соотвѣтствовавшее дѣйствительному тогдашнему ихъ литургическому употребленію. Если же, какъ съ вѣроятностію полагаютъ многіе толкователи, такое значеніе было измѣненіемъ первоначальнаго историческаго смысла надписанія, означавшаго «пѣсни восхожденій» [2]) въ Іерусалимъ частію при возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго [3]), частію во время предписанныхъ

---

[1]) Въ Талмудѣ Middoth. II, 5. Succa 51[6], также у іудейскихъ толкователей: Saadja, Raschi, Aben-Esra, Kimchi въ примѣч. на Пс. 120. Изъ Оо. церкви того же мнѣнія держались: св. Ипполитъ (Opera ed. Lagarde p. 190), св. Иларій (Opp. ed. 1652 Paris 638—9) и бл. Августинъ (Enarr. in Ps. 133). Существованіе во второмъ Іерусалимскомъ храмѣ 15 ступеней, по которымъ восходили отъ передняго двора къ верхнимъ воротамъ, ведущимъ въ самый храмъ, кромѣ упоминанія о томъ въ пророч. описаніи храма у Іезекіиля (40, 6. 22. 26. 37 и дал.), подтверждается свидѣтельствомъ очевидца втораго храма—Іосифа Флавія, жившаго впрочемъ уже въ послѣднее время его существованія (см. это свид. съ замѣчаніемъ на него въ Scr. S. Curs. Compl. T. XVI, 1841, Paris. p. 382).

[2]) По русск. испр. перев. псалмовъ въ Душ. Чт. 1868 г. Апр. и Май. Въ русск. перев. Библ. Общ. и новомъ Синод. «пѣснь восхожденія»

[3]) Какъ Theodot., Symm., Aq. Syr., Злат., Θеодор., изъ новыхъ: Calmet, Irhov, Cramer и др., на основаніи употребленія въ Свящ. Писаніи слова: הַמַּעֲלָה въ значеніи возвращенія изъ плѣна. Ездр. 7, 9; ср. 1, 3. 5. 2, 1. 7, 6 и 7. Іер. 27, 22.

закономъ Моисеевымъ (Втор. 16, 16. Исх. 23, 17 и др.) путешествій для поклоненія предъ лицомъ Владыки Господа въ три годовые праздника [1]); то измѣненіе это, могло быть сдѣлано не вслѣдствіе утраты первоначальнаго историческаго смысла надписанія означенныхъ 15 псалмовъ, а съ цѣлію приспособить названіе ихъ, указывавшее на рѣдкіе лишь и исключительные случаи ихъ употребленія, къ болѣе частому и обыкновенному употребленію ихъ при богослуженіи во храмѣ, подобно тому какъ и въ настоящее время многіе толкователи древнихъ богослужебныхъ установленій и обрядовъ изъясняютъ ихъ смыслъ и значеніе примѣнительно къ суще-

---

[1]) Какъ Herder, Eichhorn, Hengst. Keil. Bunsen, Kamphausen (въ изъясн. этихъ псалмовъ) Ewald (Die Dichter des A. B. Thl. I. 251 nach. Ausg. 2, 1866), Reuss (въ Nouvelle Revue de Theologie 1866, 1. 273 и дал.) и др. И здѣсь основаніемъ служитъ употребленіе въ Св. Писаніи о подобнаго рода путешествіяхъ слова עָלָה (Пс. 122, 4. Исх. 34, 24. 3 Ц. 12, 27 и 28), въ греч. ἀναβαίνω (Лук. 2, 42. Іоан. 5, 1. 7, 8. 10. 11 55 и др.); впрочемъ производное отъ этого глагола מַעֲלָה ни разу въ Св. Писаніи не встрѣчается въ такомъ значеніи. Существуютъ и другія объясненія, изъ которыхъ извѣстнѣйшія: объ особенномъ образѣ пѣнія этихъ пѣсней высокимъ голосомъ, отъ לְמַעְלָה «въ высоту» — о пѣніи псалмовъ 2 Пар. 20, 19, какъ въ нѣм. Лют. пер.: «im höhern Chor», и объ особенномъ постепенно восходящемъ ритмѣ этихъ пѣсней, по которому мысль или выраженіе, употребленное въ предшествующемъ стихѣ, въ послѣдующемъ опять повторяется и раскрывается, и притомъ съ особеннымъ усиленіемъ, градативно, какъ толкуютъ Gesenius и Bellermann. Но пѣніе громкимъ голосомъ, слишкомъ случайная, несущественная особенность пѣнія, равно какъ и градативный ритмъ ни чѣмъ не отличается отъ евр. параллелизма многихъ другихъ псалмовъ: 91, 92, 93, 94, 113, 115 и проч., которые не называются הַמַּעֲלוֹת, между тѣмъ какъ его вовсе не замѣчается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ съ этимъ надписаніемъ, напр. Пс. 131. Едва ли такое названіе могло быть заимствовано отъ такого свойства ритма или пѣнія, которое не выдается, какъ существенно особенное. При томъ же מַעֲלָה о пѣніи во мн. ч. не употребляется, и совершенно не встрѣчается, какъ техническій терминъ, о ритмѣ. Объясненія Св. Оо. о нравственномъ восхожденіи или усовершенствованіи суть позднѣйшія примѣненія надписанія пс. къ назиданію вѣрующихъ. См. подобн. объясн. въ Воскр. Чт. 185⁶/₇ г. № 41 и 52.

ствующей церковной практикѣ и современному состоянію и потребностямъ вѣрующихъ. Нельзя того же сказать о вышеприведенныхъ надписаніяхъ, изъ которыхъ одни, какъ мы видѣли, оставлены безъ перевода, другія большею частію переведены невразумительно, по ближайшему буквальному значенію словъ безъ яснаго пониманія настоящаго ихъ смысла, или съ усвоеніемъ имъ не всегда яснаго смысла иносказательнаго. Притомъ же изъ числа этихъ надписаній LXX не могли объяснить настоящаго смысла даже и такихъ терминовъ, которые встрѣчаются въ книгахъ Паралипоменонъ и Ездры, написанныхъ во время сего послѣдняго и, можетъ быть, самимъ же Ездрою, каковы слова: מְנַצֵּחַ (2 Пар. 2, 17. 3, 4, 13; ср. לַמְנַצֵּחַ тамъ же ст. 12. 1 Пар. 15, 21. 23, 4. Езд. 3, 8. 9), עַל־עַלָמוֹת (1 Пар. 15, 20) и עַל־הַשְּׁמִינִית (ст. 21). Это послѣднее обстоятельство показываетъ, что ключъ къ разумѣнію этихъ, равно какъ и другихъ надписаній потерянъ былъ гораздо ранѣе и что при написаніи означенныхъ книгъ они не существовали уже въ живомъ языкѣ Евреевъ; вошли же въ нихъ, какъ обновленные въ то время древніе, техническіе термины путемъ традиціоннымъ, или скорѣе чрезъ простое заимствованіе ихъ отъ древнихъ пѣсней, которыя тогда опять введены были въ богослуженіе (Неем. 12, 44—46). Такимъ образомъ, происхожденіе этихъ непонятныхъ надписаній чрезъ времена плѣна, которыя, конечно, и послужили главнымъ образомъ къ утратѣ ихъ значенія, отодвигается назадъ ко временамъ царей, и какъ естественный плодъ и свидѣтельство развитія свящ. музыки и пѣнія, безспорно, должно быть отнесено къ какой либо цвѣтущей эпохѣ псалмопѣнія, богатой дарами свободнаго творчества. Но если для опредѣленія такой эпохи намъ слѣдуетъ сдѣлать выборъ между образцовымъ въ исторіи псалмопѣнія временемъ Давида и непродолжительными періодами возрожденія псалмопѣнія въ послѣдующее время царей Іудейскихъ,—при Іосафатѣ, Езекіи и Іосіи; то мы, конечно, въ этомъ случаѣ должны отдать предпочтеніе первому. При Давидѣ псалмопѣніе достигло высшей степени своего развитія; Давидъ былъ и учредителемъ богослужебной музыки и пѣнія Евреевъ и творцомъ всего ихъ устройства на всѣ послѣдующія времена, такъ что и лучшія цвѣтущія эпохи ихъ, какъ время Езекіи, въ отношеніи къ псалмопѣнію, по ясному свидѣтельству свящ. историка, были не болѣе какъ подражаніями времени Давида, стараясь дѣйствовать по его чину и установленію (2 Пар. 29, 25—30. 35, 15): естествен-

но, что въ это преимущественно время и при непосредственномъ участіи вѣнчаннаго пѣвца Израилева должна была получить свое развитіе и обработку музыкально-вокальная или поэтическая терминологія, образцы которой представляютъ намъ псалмы, надписанные именемъ Давида. Употребленіе тѣхъ же терминовъ во времена позднѣйшія, какъ въ пѣсни Езекіи, (Иса. 38, 9 и д.), или въ молитвѣ Аввакума (гл. 3), не только не опровергаетъ, но даже подтверждаетъ наше заключеніе о ихъ Давидовомъ происхожденіи: такъ какъ обѣ названныя пѣсни носятъ на себѣ очевидные слѣды подражанія псалмамъ, надписывающимся именами Давида и пѣвцовъ его [1]), показывая тѣмъ, что и надписанія ихъ, и вообще встрѣчающіеся въ нихъ музыкальные и поэтическіе термины не первоначальнаго происхожденія, но также заимствованы ими изъ псалмовъ древнѣйшихъ обыкновенно приписывающихся Давиду или его пѣвцамъ, какъ מִכְתָּב Езекіи (Иса. 38, 9) [2]) изъ Пс. 16, или 56 — 60 (евр.), תְּפִלָּה Аввакума (3, 1) изъ Пс. 17, עַל־שְׁגִיוֹנוֹת—изъ Пс. 7, לַמְנַצֵּחַ בִּנְגִינֹתַי (ст. 19)—изъ Пс. 4 и 6, равно какъ и סֶלָה (ст. 3, 9, 13). которое, за исключеніемъ двухъ анонимныхъ псалмовъ — 66 и 67 (евр.), встрѣчается только въ псалмахъ, обозначенныхъ именами писателей, и именно Давида и пѣвцовъ Давидовыхъ. При этомъ

---

[1]) Ср. Иса. 38, ст. 11 съ Пс. 16, 15. 26, 13; ст. 18 съ Пс. 6, 6. 29, 10. 87, 11; ст. 20 съ Пс. 26, 6. 69, 2. Авв. 3, 3—14 ср. съ Пс. 17 8—20 и Пс. 76, 14. 21; ст. 6 и 8 съ Пс. 67, 9. 18. 19; ст. 13 съ Пс. 2, 2—9; ст. 14 съ Пс. 9, 29—31; ст. 15 съ Пс. 76, 20—21; ст. 18 съ Пс. 12, 6; ст. 19, съ Пс. 17, 34.

[2]) Hengst., на основаніи употребленія Lamed auctoris вмѣсто status constructi и בְּ съ неоконч. для выраженія побудительныхъ обстоятельствъ къ написанію, заключаетъ, что надписаніе пѣсни Езекіи (Иса. 38, 9) даже по формѣ своей составляетъ подражаніе надписаніямъ псалмовъ 56, 57 и 59. Что же касается замѣчаемаго различія מִכְתָּב вмѣсто מִכְתָּם, то оно, по его мнѣнію, сдѣлано съ особеннымъ намѣреніемъ, именно потому, что Езекія, по глубокому уваженію къ великому своему предку Давиду, котораго псалмамъ онъ возвратилъ прежнее ихъ употребленіе при богослуженіи (2 Пар. 29, 30), не осмѣлился назвать свою пѣснь по его образцу מִכְתָּם,—пѣснь важнаго, глубокаго смысла; но ослабилъ выраженіе, употребивъ вмѣсто того מִכְתָּב, чтобы смиренно указывать на свое разстояніе отъ своего великаго образца (Comment. zu den Psalm. Bd. IV, 2. Beitr. 4).

нельзя опустить изъ виду и того обстоятельства, что вообще всѣ вышеисчисленныя надписанія находятся именно у псалмовъ съ именами Давида и пѣвцовъ его, и что у первыхъ изъ псалмовъ они гораздо многочисленнѣе, полнѣе и разнообразнѣе, тогда какъ у послѣднихъ гораздо рѣже, отрывочнѣе и,—за исключеніемъ трехъ только שִׁיר יְדִידֹת (Пс. 45—«*пѣснь о возлюбленномъ*»), עַל־עַלְמוֹת (Пс. 46)[1] и לְעַנּוֹת (Пс. 88 «*для пѣнія*», ср. Исх. 32, 18)[2]), въ соединеніи впрочемъ съ другими, встрѣчающимися въ первыхъ словами и выраженіями,—составляютъ повтореніе надписаній изъ псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Давида. Не служитъ ли это наглядным подтвержденіемъ того, что самъ Давидъ дѣйствительно былъ первымъ изобрѣтателемъ встрѣчающихся въ надписаніяхъ техническихъ терминовъ, и что примѣръ его нашелъ себѣ подражателей прежде всего, естественно, между его пѣвцами, которые пѣли по его указанію и подъ главнымъ его руководствомъ (1 Пар. 25, 2—6), и для которыхъ именно и назначалась эта непонятная намъ терминологія? Съ Давидовымъ же временемъ, именно съ первоначальнымъ устройствомъ богослужебныхъ хоровъ при Давидѣ, соединяется и упомянутое выше употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ у писателя Паралипоменонъ (1 Пар. 15, 16 и дал. 20 и 21): ясный знакъ, что и по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ древнихъ историческихъ памятниковъ, какими пользовался писатель этихъ книгъ, изобрѣтеніе такихъ терминовъ, какъ и все вообще устройство богослужебной музыки и пѣнія, всецѣло принадлежитъ тому же отцу псалмопѣнія—Давиду [3]). Что же касается мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ представителей отрицательнаго направленія [4]) о позднѣйшемъ

---

[1]) По русск. перев. Библ. Общ. и Св. Синода: «*на музыкальномъ орудіи Аламовѣ*»; Мандельштамъ: «*при знаменахъ*»; а по русск. пер. Св. Син. въ 1 Пар. 15, 20: «*тонкимъ голосомъ*».

[2]) Можетъ быть *для антифоннаго пѣнія*, сообразно съ этимологическимъ значеніемъ עָנָה=*отвѣчать*, и переводомъ LXX: τοῦ· ἀποκριθῆναι λόγον; въ слав.: «*еже отвѣщати*».

[3]) Изъ ст. 20 слѣдуетъ заключить, что и надписаніе עַל־עַלְמוֹת, изъ всей Псалтири встрѣчающееся въ одномъ только псалмѣ 46-мъ сыновъ Кореевыхъ, не есть оригинальный терминъ этихъ пѣвцовъ, а точно также, какъ и другіе термины, заимствованъ ими у Давида.

[4]) Каковы послѣ Vogel'я: Ewald, Hitzig, Lengerke, Olshausen и другіе.

ихъ происхожденіи или, по крайней мѣрѣ, внесеніи ихъ въ надписанія псалмовъ будто бы при послѣдней редакціи Псалтири, то оно достаточно опровергается уже упомянутою выше весьма раннею утратою ихъ смысла, восходящею, какъ мы видѣли, далеко за времена Ездры, которому обыкновенно приписывается эта редакція. Притомъ же и чрезвычайно пестрое разнообразіе надписаній—вовсе не редакціоннаго характера; да и самое ихъ содержаніе, касающееся преимущественно или поэтическихъ особенностей пѣсней, или же особенностей богослужебнаго ихъ исполненія, скорѣе требуетъ относить ихъ происхожденіе или къ самому писателю, или ближайшимъ къ нему собирателямъ псалмовъ и исполнителямъ ихъ при богослуженіи, которые, по своему отношенію къ псалмопѣвцу и его псалмамъ, могли знать и имѣли побужденіе означить въ надписаніяхъ подобныя особенности: но едва ли можно тоже допустить въ отношеніи къ позднѣйшимъ собирателямъ псалмовъ и редакторамъ Псалтири, руководившимся, по мнѣнію самихъ же отрицателей подлинности надписаній, одними собственными, больше или меньше произвольными догадками. Вообще съ какой бы стороны мы ни разсматривали содержащіяся въ надписаніяхъ псалмовъ, обозначенныхъ именемъ Давида, различныя археологическія указанія и замѣчанія, — вездѣ находимъ вѣроятныя основанія въ пользу ихъ весьма древняго, и именно Давидова происхожденія. Для насъ это тѣмъ несомнѣннѣе что тѣ же, и другія [1]) подобныя же имъ указанія и замѣчанія

---

[1]) Каковы надписанія: Пс. 7-го שִׁגָּיוֹן, въ р. перев. «*плачевная пѣснь*, Мандельштамъ: «*скорбная дума*» (*можетъ быть, по словопроизводству* отъ שָׁגַג = *блуждалъ*,—*пѣснь не одинаковаго, разнороднаго ритма, или смѣшанной мелодіи*, слѣд. *дивирамбъ* или, что называется, stances irregulieres. См. Павскаго стр. 59 и Delitzsch на Пс. 7 и др.), LXX: Ψαλμὸς (слав.: *псаломъ*; Пумпянскій, *гимнъ*; под. обр. и Макарій Авв. 3, 1), и Пс. 56-го עַל־יוֹנַת אִלֶּם רְחֹקִים = *о голубицѣ, безмолствующей въ удаленіи*, LXX: ὑπὲρ τοῦ λαοῦ τοῦ ἀπὸ τῶν ἁγίων μεμακρυμμένου (*о людяхъ отъ святыхъ удаленныхъ*). Послѣднее надписаніе, какъ и большую часть другихъ подобнаго рода, одни изъ переводчиковъ и толкователей принимаютъ за указаніе напѣва по одной употребительной въ то время пѣсни (Aben-Esra, Detitzsch, Moll); другіе понимаютъ какъ девизъ содержанія псалма: pro Ecclesia Israel, quae similatur columbae silentii, in tempore quo elongati sunt a civi-

встрѣчаются и у псалмовъ съ историческими надписаніями, которые мы уже признали за псалмы Давидовы. Посему соединеніе такихъ археологическихъ замѣчаній съ именемъ Давида и въ надписаніяхъ всѣхъ другихъ псалмовъ, какъ вполнѣ гармоническое сопоставленіе съ временемъ и лицемъ этого псалмопѣвца такихъ особенностей псалмопѣнія, какія, какъ мы видѣли, всего болѣе и лучше идутъ къ его времени и лицу,—служитъ подтвержденіемъ подлинности и, во всякомъ случаѣ, достовѣрности надписаній псалмовъ, и такимъ образомъ подтверждаетъ свидѣтельство ихъ о томъ, что псалмы эти дѣйствительно написаны Давидомъ.

Содержаніе псалмовъ съ такого рода надписаніями, въ которомъ какъ мы выше замѣтили, думаютъ видѣть главное основаніе противъ ихъ происхожденія отъ Давида, не представляетъ рѣшительно ничего такого, что не согласовалось бы съ характеромъ, временемъ или историческими обстоятельствами жизни этого псалмопѣвца. Чрезвычайное разнообразіе предметовъ содержанія, тона и характера псалмовъ, или внѣшняго ихъ строя, обыкновенно соотвѣтствующаго внутреннему настроенію пѣвца, въ этомъ случаѣ ни мало не препятствуетъ единству писателя. Надобно помнить, что Давидъ представляетъ собою не какого нибудь посредственнаго, подражательнаго поэта, но единственнаго въ исторіи генія псалмопѣнія, котораго развитіе совершилось въ великой школѣ собственной его жизни и потому естественно должно быть такъ же широко, многосторонне и богато, какъ многостороння и богата превратностями разнообразно сложившаяся жизнь его. Потому-то въ очеркѣ исторіи псалмопѣнія мы и старались сколько возможно выяснить главныя стороны и обстоятельства жизни Давида, подъ вліяніемъ которыхъ происходило и совершилось многостороннее развитіе его генія псалмопѣнія, и если, разсматривая содержаніе псалмовъ, мы будемъ имѣть въ виду хотя эти главные моменты, тогда для насъ будетъ понятно, что чрезвычайное разнообразіе ихъ есть совершенно естественное слѣдствіе и какъ бы отраженіе разнообразно сложившейся жизни псалмо-

---

tatibus suis: sed reversi laudant auctorem mundi, sicut David contritus et perfectus, quando tenuerunt eum Palestini in Gath (Targum. Ср. LXX, Aq., Symm., Kimchi, Іеронимъ, и др.). Существуютъ впрочемъ и другія, болѣе натянутыя объясненія. См. напр. Calmeti Comm. in h. Ps.

пѣвца, и что нѣтъ нужды для объясненія его приписывать эти псалмы многимъ различнымъ писателямъ. Въ однихъ изъ псалмовъ мы видимъ выраженіе мягкой, нѣжной, чувствительной души, которую легко трогаютъ и величественныя картины природы, и превратности человѣческой жизни, и собственныя радости или несчастія; въ другихъ — намъ рисуется образъ мужественнаго, неустрашимаго героя вѣры, который силою своего Бога сокрушаетъ полчища, перескакиваетъ стѣну и не боится темъ народа, отвсюду ополчившихся противъ него; тамъ псалмопѣвецъ является намъ въ образѣ невиннаго, но кроткаго и терпѣливаго страдальца, не воздающаго зломъ за зло врагамъ своимъ, но Богу предоставляющаго свое отмщеніе, въ Немъ полагая свой покой и блаженство; здѣсь выступаетъ онъ строгимъ поборникомъ благочестія и праведности, обличителемъ нечестія и грознымъ судіею и карателемъ преступленій, готовымъ истреблять отъ града Господня всякаго дѣлающаго беззаконіе; а иногда и его самаго мы видимъ въ образѣ кающагося грѣшника, со слезами умоляющаго небесное правосудіе о помилованіи. Языкъ псалмовъ, обыкновенно легкій, чистый, живой, нерѣдко быстрый стремительный (напр. въ Пс. 8, 10, 11, 12, 28, 60 и др.) становится иногда, особенно въ изображеніи страданій, элегически-растянутымъ (напр. въ Пс. 21, 30, 68); мягкій, нѣжный, задушевный, съ выраженіемъ какой то дѣтской простоты и искренности, тамъ, гдѣ псалмопѣвецъ говоритъ о врагахъ своихъ и молитвенно призываетъ или пророчески возвѣщаетъ имъ судъ Божій,—дѣлается жесткимъ, мрачнымъ, неровнымъ, то переходитъ въ какой то глухой шопотъ, то, учащая суффиксы מוֹ, מו־, ימו־, раздается подобно раскатамъ грома въ ночномъ мракѣ облаковъ (напр. въ Пс. 17, 35, 58, 64, 140 по евр. и др.). Но столько же разнообразія представляетъ намъ и исторія Давида,—то нѣжнаго юноши, пастыря овецъ, съ поэтическою душою, проникнутаго въ то же время духомъ мужества и неустрашимости, то храбраго воина-героя, наводившаго страхъ на сосѣдніе народы, и въ то же время человѣка кроткой, нѣжной, любящей души; то всѣми оставленнаго невинно-гонимаго страдальца, то славнаго царя, который твердою рукою держалъ скипетръ царства и, умѣя прощать свои личныя обиды, неумолимо казнилъ насиліе,—мужа по сердцу Божію и праведника, но не чуждаго и слабостей человѣческихъ, только умѣвшаго заглаждать грѣхи свои покаяніемъ и снова преклонять на милость небесное правосудіе. Такимъ разли-

чіемъ состояній и соотвѣтствующаго имъ внутренняго настроенія достаточно объясняется и различіе языка и тона псалмовъ, приписываемыхъ одному и тому же Давиду. Что разнообразіе это произошло не отъ различія писателей, видно уже изъ того, что нерѣдко въ однихъ и тѣхъ же псалмахъ замѣчается различіе въ языкѣ и соединеніе даже противоположныхъ одинъ другому тоновъ и настроеній души пѣвца. Такъ иногда среди самаго вопля молящагося псалмопѣвца изъ души его вдругъ вырывается голосъ радостнаго ликованія (какъ напр. 6, 9. 27, 6), или изъ глубины скорби и унынія душа его постепенно, строфа за строфою, какъ бы по ступенямъ лѣстницы, воспаряетъ къ радостному настроенію и пѣснь, начавшаяся съ самаго низкаго, плачевнаго тона, переходитъ къ концу въ торжественный гимнъ (напр. Пс. 21); такъ же точно иногда тихая, ясная, спокойная, ровно льющаяся рѣчь, вслѣдствіе какого-то внутренняго водоворота, вдругъ какъ бы обрывается, становится жесткою, шероховатою, отрывочною, несется мрачнымъ и бурнымъ потокомъ (напр. въ Пс. 9, 39 и др.).

Чтобы сказанное нами о согласіи содержанія и языка псалмовъ, надписаныхъ именемъ Давида, съ характеромъ и обстоятельствами времени и жизни этого псалмопѣвца не показалось простыми loci topici, не имѣющими силы убѣдительности, мы сдѣлаемъ возможно краткое сопоставленіе содержанія отдѣльныхъ псалмовъ или цѣлыхъ однородныхъ группъ ихъ съ исторіею Давида, чтобы въ этой послѣдней показать основу и начало ихъ происхожденія. Мы не беремъ при этомъ на себя задачи для каждаго изъ псалмовъ указать дѣйствительный, историческій его поводъ, для каждаго изображенія—точно и несомнѣнно исторически соотвѣтствующее ему состояніе изъ времени жизни и царствованія Давида. Такая задача невыполнима: потому что содержаніе псалмовъ, какъ было замѣчено о псалмахъ съ историческими надписаніями, сообразно съ ихъ назначеніемъ для богослужебнаго употребленія и религіозно-нравственнаго назиданія, по большей части очень общаго характера и слишкомъ мало заключаетъ въ себѣ индивидуальныхъ особенностей, чтобы можно было съ точностію опредѣлить дѣйствительныя историческія обстоятельства ихъ первоначальнаго происхожденія. Мы не сомнѣваемся, что всѣ эти надписанныя именемъ Давида молитвы къ Богу-помощнику, «благодарственныя исповѣданія Святому и слова хвалы Всевышнему,» равно какъ строгія обличенія современнаго нечестія и нравственно-

религіозныя поученія и наставленія,—все это возникло по поводу различныхъ обстоятельствъ жизни Давида; но обстоятельства эти, составляющія историческій фонъ и основу пѣсней, обыкновенно скрываются за развитіемъ возбужденныхъ ими чувствъ и мыслей пѣвца, какъ и самое лице его по большей части отступаетъ на задній планъ, сливаясь съ общимъ образомъ вѣрующаго раба Іеговы, или народа Его—Израиля. Съ другой стороны и исторія жизни Давида, какъ она излагается въ историческихъ книгахъ Св. Писанія, довольно коротка и далеко неполна подробностями, чтобы можно было по общимъ и неяснымъ указаніямъ содержанія псалмовъ съ точностію опредѣлять лежащія въ ихъ основѣ историческія событія и не смѣшивать ихъ съ другими подобными. Отсюда происходитъ то, что всякая попытка, безъ помощи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, по одному содержанію псалмовъ, опредѣлить историческіе поводы къ ихъ написанію, не можетъ восходить далѣе предположеній и догадокъ, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но не имѣющихъ еще несомнѣнной достовѣрности. Такимъ образомъ и наша попытка указать историческія основанія такого или инаго содержанія различныхъ псалмовъ изъ исторіи времени и жизни Давида, естественно, ограничится рядомъ вѣроятныхъ предположеній и догадокъ, которыя, быть можетъ, далеко не всегда будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности и указывать настоящіе историческіе поводы и обстоятельства происхожденія тѣхъ псалмовъ, но во всякомъ случаѣ покажутъ, что при рѣшеніи этого вопроса, какъ и вообще при опредѣленіи писателей и времени происхожденія псалмовъ, нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній выходить изъ историческихъ границъ, опредѣленныхъ свидѣтельствомъ ихъ надписаній, такъ какъ не подтверждаемыя никакими внѣшними свидѣтельствами остроумныя догадки ученыхъ и дѣлаемыя ими приспособленія псалмовъ къ позднѣйшимъ событіямъ представляютъ еще менѣе основаній своей вѣроятности и сообразности съ дѣйствительностію.

Содержаніе Пс. 8-го, который даже Гитцигъ не рѣшается оспоривать у Давида, живо *напоминаетъ* намъ *раннюю пору юности* этого *псалмопѣвца когда, онъ вскорѣ послѣ помазанія пророкомъ Самуиломъ еще продолжалъ пасти стада отца своего.* Читая его, невольно представляешь себѣ, какъ въ одну тихую, торжественную ночь, какихъ Давиду въ пастушеской его жизни не мало, конечно, приходилось проводить на Виѳлеемскихъ пажитяхъ на стра-

же у своего стада (ср. Лук. 2, 8), взоръ его поражается прекрасною картиною необъятнаго свода небеснаго съ сіяющей на немъ луною и безчисленными звѣздами, и эта картина, глубоко проникая въ душу, возбуждаетъ его къ прославленію величія всемогущаго и премудраго Творца вселенной. Но при этомъ, обращаясь къ себѣ, юный псалмопѣвецъ не можетъ не сознавать, какъ слабъ еще его голосъ для такого возвышеннаго хваленія; а сравнивая себя съ необъятностію созерцаемой имъ картины природы, не можетъ не чувствовать, какъ ничтоженъ человѣкъ предъ величіемъ Творца. Но съ другой стороны, озаряемый благодатнымъ вѣяніемъ Духа Божія (1 Ц. 16, 13), онъ въ собственномъ недавнемъ опытѣ предпочтительнаго его помазанія предъ братьями находитъ себѣ ободреніе въ своемъ намѣреніи хвалить Господа. «Изъ устъ младенцевъ и грудныхъ дѣтей Ты устрояешь себѣ хвалу, вопреки враждующимъ противъ Тебя, чтобы сдѣлать безмолвнымъ врага и мятежника» (ст. 3),—многознаменательно и пророчески говоритъ (ср. Матѳ. 21, 16. 11, 25. 1 Кор. 1, 27), онъ Господу, явно примѣняясь къ словамъ его Самуилу пророку о старшемъ братѣ псалмопѣвца: «не смотри на видъ его и на высоту роста его; Я отринулъ его; Я смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ; ибо человѣкъ смотритъ на лице, а Господь смотритъ на сердце» (1 Ц. 16, 7). Съ тѣмъ вмѣстѣ особенное попеченіе о немъ Господа, изъ безвѣстной доли пастуха предъизбравшаго его вождемъ народа Своего, Израиля (ср. 2 Ц. 7, 8), во свѣтѣ божественнаго откровенія переноситъ его отъ настоящаго ничтожества падшаго человѣка къ высокому назначенію его быть владыкою природы и онъ духомъ созерцаетъ полное осуществленіе такого назначенія въ образѣ малымъ чѣмъ умаленнаго въ страданіяхъ своихъ предъ ангелами, но затѣмъ прославленнаго и возвеличеннаго предъ всѣмъ міромъ Искупителя человѣчества (ср. Евр. 2, 5—9. Филип. 2, 8—10). Въ самомъ образѣ господства человѣка, или предвозвѣщаемаго Мессіи, надъ природою прежде всего выступаютъ черты изъ пастушеской жизни, которыя всего скорѣе и могли придти на мысль Давиду-пастырю, среди дружественной природы окруженному мирными стадами, и въ тоже время силою своего Господа умѣвшему господствовать даже и надъ дикими, кровожадными звѣрями (ср. 1 Ц. 17, 34—37): «(Ты) поставилъ его (человѣка) владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ, все положилъ къ ногамъ его, овецъ и воловъ всѣхъ, и дикихъ звѣрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ» (ст. 7—9).—Впрочемъ нѣтъ

сомнѣнія, что и во многихъ другихъ псалмахъ Давида, написаніе которыхъ слѣдуетъ относить къ болѣе поздней порѣ его жизни, большая часть заимствованныхъ изъ природы прекрасныхъ чувственныхъ образовъ также обязаны своимъ происхожденіемъ пастушеской его жизни на долинахъ и горахъ Виѳлеема, каковъ напр. въ Пс. 22 образъ Господа-пастыря, который покоитъ избранника своего на злачныхъ пажитяхъ и водитъ на тихія воды, каково въ Пс. 28 изображеніе величественно-грознаго гласа Господа въ грозѣ и въ бурѣ, или картина восходящаго солнца въ Пс. 18 и т. под.

Близкій къ 8-му по нѣкоторымъ сходнымъ мыслямъ и выраженіямъ *псалмъ 143-й*, по содержанію своему также *относится къ ранней эпохѣ жизни Давидовой*. Это благодарственная пѣснь Богу за одержанную псалмопѣвцемъ побѣду надъ врагами съ молитвою о благоденствіи его народа, живо напоминающая положеніе Давида *послѣ побѣды надъ Голіавомъ*. Съ первыхъ же словъ псалма легко замѣтить, что это голосъ не Давида—мужа браней, искушеннаго въ воинскихъ подвигахъ, но еще недавняго мирнаго пастыря,—Давида, еще не привыкшаго къ сраженіямъ и только въ первый разъ съ надеждою на помощь Божію поднимающаго руку свою на врага отечества. И здѣсь, какъ въ Пс. 8, въ изображеніи народнаго благополучія выступаютъ тѣже пастушескіе образы (ст. 13—14 ср. Пс. 8, ст. 7—8); но онъ уже знакомъ теперь и съ городскою жизнію и даже съ строеніемъ царскихъ чертоговъ (ст. 12—14),—что естественно предполагаетъ его пребываніе при дворѣ Сауловомъ; и теперь онъ высказываетъ тоже смиренное сознаніе человѣческаго ничтожества (ст. 3 ср. Пс. 8, 5) и не смѣетъ еще, какъ впослѣдствіи въ Пс. 17 (51), называть себя помазанникомъ (ст. 7. 10), но уже въ своей побѣдѣ надъ врагомъ видитъ начало предназначеннаго ему возвышенія къ престолу, къ подчиненію ему Израиля (ст. 2), что со страхомъ и завистію предчувствовалъ и Саулъ, слыша торжественныя клики народа, встрѣчавшаго побѣдителя (1 Ц. 18, 8—9). Въ обращеніи къ Богу, и въ благодареніи и въ молитвѣ, слышится тоже выраженіе твердой вѣры и упованія на Бога-помощника, какое Давидъ высказывалъ Саулу предъ своимъ единоборствомъ (1 Ц. 17, 37) и въ своемъ отвѣтѣ гордому Филистимлянину (ср. 1 Ц. 17, 45—47) [1]. Самое описаніе характера вра-

[1]) Ст. 7 и 11: *«исторгни меня изъ руки иноплеменныхъ*

говъ (ст. 8 и 11) также всего лучше идетъ къ исконнымъ врагамъ еврейскаго народа—Филистимлянамъ, на слова и обѣщанія которыхъ, заявленныя напр. въ условіяхъ единоборства съ Голіаѳомъ (1 Ц. 17, 9), невозможно было полагаться и для усмиренія которыхъ недостаточно было одной побѣды, а требовался цѣлый рядъ побѣдъ, нужно было совершенное ихъ разсѣяніе и истребленіе: оттого вслѣдъ за выраженіемъ благодарности своей Богу за дарованную надъ ними побѣду, слѣдуетъ молитва о новой побѣдѣ надъ ними (см. за ст. 1—2 ст. 5—7 и опять за 9—10 ст. 11-й). Словомъ, все вообще содержаніе псалма прекрасно идетъ къ Давиду послѣ его побѣды надъ Голіаѳомъ, и не смотря на возраженія отрицательной критики противъ его происхожденія отъ этого псалмопѣвца [1]), все убѣждаетъ въ

(חַצִּילֵנִי מִיַּד בְּנֵי־נֵכָר)», представляетъ буквальное сходство съ 1 Ц. 17, 37: «Господь, *который избавлялъ меня* отъ льва и медвѣдя (הַצִּלַנִי מִיַּד הָאַרְיֵ) *избавитъ меня и отъ руки этого* Филистимлянина (יַצִּילֵנִי מִיַּד הַפְּלִשְׁתִּי)». Заключеніе псалма: «блаженъ народъ, у котораго Богъ Іегова» (ст. 15), встрѣчающееся и въ другомъ Давидовомъ же псалмѣ (32, 12), напоминаетъ слова Давида къ Голіаеу: «и узнаетъ вся земля, что есть Богъ въ Израилѣ». (1 Ц. 17. 46).

[1]) Возраженія основываются исключительно почти на употребленіи словъ будто бы позднѣйшаго происхожденія דָּמָה (ст. 4), которое слышится уже въ имени перваго человѣка אָדָם, имѣющій въ себѣ подобіе, или сотворенный по подобію—כִּדְמוּת (Быт. 1, 26)—Божію (—изъ דָּם—подобіе и прибавочнаго ת, по формѣ образованія производныхъ именъ אֶבְיוֹן, אֶזְרָח или אֶפֶק (√בק), אֶבֶל (√בל) и др. под. См. Fürst's — Hebräisch. Handwörterb. 1863 г. Bd. 1. S. 2, 23 и 300; ср. подобное же словопроизводство въ Прав. Собесѣдн. 1870, Ноябр.: «значеніе имени человѣкъ»,—что и дало основаніе параномазіи настоящаго мѣста: אָדָם לַהֶבֶל דָּמָה, т. е. какъ бы такъ: сотворенный *по подобію* Божію послѣ своего паденія сталъ *подобенъ* дуновенію); ... שֶׁ praef. вм. אֲשֶׁר (ст. 15), встрѣчающагося и въ очень древнихъ писаніяхъ, напр. Суд. 5, 7, 6, 17. Іов. 19, 29, также въ сложныхъ собственныхъ именахъ древняго происхожденія: מִישָׁאֵל (Исх. 6, 22. Лев. 10, 4) מְחוֹשָׁאֵל (Быт. 4, 18), въ трехъ другихъ псалмахъ, приписываемыхъ Давиду: 122, 4. 124, 1. 2. 6. 133, 2 (по евр.) и весьма обыкновеннаго уже въ Писаніяхъ Соломоновыхъ (П. Пѣсней 1, 7 и мн. др.; Еккл. 1, 7. 11 и мн. др), и слова פָּצָה въ значеніи избавлять, освобождать (ст. 7, 10, 11), которое ско-

справедливости надписанія его: «Давидовъ» (לְדָוִד), такъ равно и сдѣланной въ переводѣ LXX-ти прибавки къ нему: «противъ Голіаѳа» (πρὸς τὸν Γολιάθ), какъ это согласно было признаваемо и другими древними переводами и толкованіями [1]).

Во многихъ другихъ псалмахъ замѣтно выдаются отношенія *ко времени Сауловыхъ гоненій противъ Давида.* Таковы псалмы: 11-й, 12, 13, 15, 16, 21, 30, 34. 35. 68 и 108-й [2]). Всѣ они изображаютъ псалмопѣвца въ состояніи невинно гонимаго страдальца, окруженнаго множествомъ злобныхъ враговъ, которые, то клеветою и злословіемъ, то открытыми преслѣдованіями ищутъ его гибели, оставленнаго всѣми, даже самыми близкими людьми, принужденнаго влачить жизнь свою между ненавистными почитателями идоловъ (Пс. 15, 4. 30, 7), безпомощнаго, изнемогающаго подъ гнетомъ тяжкихъ страданій и только въ Богѣ одномъ обрѣтающаго подкрѣпленіе, утѣшеніе, защиту, и въ упованіи на Него—свой покой и блаженство. Эти черты изображенія гонимаго, конечно, слишкомъ общи, но по мѣстамъ они пополняются нѣкоторыми подробностями и оттѣняются такими штрихами, которые напоминаютъ тѣ или другія состоянія Давида во времена Саулова гоненія, или описываются въ такихъ словахъ и выраженіяхъ, которыя представляютъ какъ бы перифразъ собственныхъ словъ Давида, сказанныхъ имъ при томъ или другомъ случаѣ.—«Отвсюду окружаютъ меня словами ненависти, вооружаются противъ меня, безъ причины,»—говоритъ псалмопѣвецъ, выражая сознаніе своей невинности предъ гонителями (Пс. 108, 3 и дал.). «Ищущіе души моей» (Пс. 34, 4), «безъ вины скрыли для меня яму-сѣть свою, безъ вины выкопали ее для души моей» (ст. 7; ср. Пс. 68, 5—6). Почти тѣми же словами

рѣе слѣдуетъ отнести къ такъ называемымъ ἅπαξ λεγόμενα, составляющимъ признакъ древности и оригинальности писателя.

[1]) См. примѣч. на стр. 55.

[2]) Изъ числа этихъ псалмовъ: 11, 12, 16, 34, 68 и 108-й по отношенію къ Саулову гоненію объясняются и въ Толков. Псалт. изд. отъ Св. Синода. Пр. Иринея. Бл. Ѳеодоритъ къ этому же времени относитъ еще Пс. 35. Изъ новѣйшихъ толкователей Calmet, Tholuck, Hengstenberg, Keil, Delitzsch, Bunsen, Moll и др. также большую часть этихъ псалмовъ, хотя и не всѣ одни и тѣже псалмы, объясняютъ о Сауловомъ гоненіи.

высказываетъ сознаніе своей невинности предъ гонителемъ и Давидъ, когда напр. говоритъ Іонаѳану: «что сдѣлалъ я, въ чемъ неправда моя, чѣмъ согрѣшилъ я предъ отцомъ твоимъ, что онъ ищетъ души моей?» (1 Ц. 20, 1). Или когда онъ говоритъ самому Саулу: «зачѣмъ ты слушаешь рѣчи людей, которые говорятъ: вотъ Давидъ умышляетъ зло на тебя? Узнай и убѣдись, что нѣтъ въ рукѣ моей зла, ни коварства; я не согрѣшилъ противъ тебя, а ты ищешь души моей, чтобы отнять ее»—(гл. 24, 10. 12. ср. 26, 18). Слѣдующія за приведеннымъ выраженіемъ сознанія своей невинности слова псалмопѣвца: «за любовь мою они враждуютъ противъ меня; воздаютъ мнѣ за добро зломъ (Пс. 108, 4 и дал.), сиротствомъ душѣ моей» (Пс. 34, 12), — прямо не встрѣчаются исторіи Давида, но, если принять во вниманіе, сколько добра дѣлалъ Давидъ Саулу (1 Ц. 16, 23. 17, 52—53. 18, 5 и др.), съ какимъ глубокимъ уваженіемъ, съ какою любовію относился къ нему даже и тогда, когда ясно видѣлъ въ немъ своего жесточайшаго врага и гонителя (1 Ц. 18, 10—12; ср. 26, 9. 10 и д. 2 Ц. 1, 12—27), и какою черною неблагодарностію отплатилъ ему Саулъ за все его добро, за всю любовь его; то нисколько не удивительно, что и эти слова, какъ выраженіе дѣйствительныхъ отношеній между Сауломъ и Давидомъ, могли вырваться изъ души этого послѣдняго. Даже слова: «я въ болѣзни ихъ (гонителей) одѣвался во вретище, изнурялъ постомъ душу мою и *молитва моя возвращалась въ нѣдро мое* [1])» (Пс. 34, 13), — совершенно естественны въ устахъ Давида и выражаютъ глубокое сочувствіе его къ Саулу, страдавшему припадками мрачнаго унынія, для врачеванія которыхъ онъ и призванъ былъ первоначально къ царскому двору. Это болѣзненное состояніе Саула, составлявшее, конечно, главную причину его подозрительной раздражительности и жестокости, могло быть очень хорошо понятно для Давида и, при его всегдашнемъ уваженіи и любви къ Саулу, безъ сомнѣнія, не разъ вызывало изъ души его глубокое сожалѣніе и горячія молитвы къ Богу за отверженнаго помазанника.—Въ исторіи гонимаго Давида находятъ свое

[1]) Т. е. молился съ глубоко поникшею на грудь, или склоненною на колѣна головою,—образное выраженіе, заимствованное отъ весьма обычнаго на востокѣ (въ настоящее время между магометанами и особенно ихъ дервишами) положенія молящагося. Ср. 3 Ц. 18, 42.

первоначальное основаніе и прообразовательно-пророческія слова псалмопѣвца о Христѣ Спасителѣ: «ради Тебя (Боже) несу я посрамленіе и стыдъ покрываетъ лице мое; ибо ревность по домѣ твоемъ снѣдаетъ меня и злословія злословящихъ Тебя падаютъ на меня» (Пс. 68, 8 и 10). По свидѣтельству исторіи дѣйствительно главнымъ образомъ божественное избраніе Давида и особенное къ нему благоволеніе Господа дѣлало его страшнымъ для Саула, и даже вызвало къ гоненіямъ противъ него: «сталъ Саулъ бояться Давида, потому что Господь былъ съ нимъ, а отъ Саула отступилъ. И увидѣлъ Саулъ, что Господь съ Давидомъ и сдѣлался врагомъ его на всю жизнь» (1 Ц. 18, 12. 28. 29). Тоже благоволеніе Божіе къ Давиду, изъ низкой доли пастуха приблизившее его къ царскому престолу и сдѣлавшее любимцемъ народа, конечно, было главною причиною неудовольствія и зависти къ нему со стороны многочисленныхъ придворныхъ Саула, видѣвшихъ въ немъ опаснаго соперника. Съ другой стороны не могло имъ нравиться и благочестіе и богобоязненность Давида: дѣйствуя изъ видовъ корыстолюбія и честолюбія, безчестные льстецы и ласкатели, они всегда могли опасаться въ Давидѣ сильнаго своего обличителя и, въ случаѣ восшествія его на престолъ, по справедливому замѣчанію Саула, не могли расчитывать на его благосклонность, чувствуя себя скорѣе заслуживающими наказанія (ср. 1 Ц. 22, 7 и дал.). Это дѣлало для нихъ Давида еще болѣе ненавистнымъ и побуждало своими клеветами и злословіемъ предъ царемъ искать его погибели. Съ этой стороны Давидъ справедливо могъ называть враговъ своихъ возстающими противъ десницы Божіей (Пс. 16, 7) и говорить въ своей молитвѣ Господу: «ради Тебя несу я посрамленіе»,—за мою любовь къ Тебѣ и Твоему закону, и за Твое благоволеніе ко мнѣ я терплю клеветы, злословія и преслѣдованія отъ враговъ моихъ. Несомнѣнно также, что Саулу очень не нравилась въ Давидѣ и его ревность къ дому Божію и богослуженію, естественно поставлявшая его въ сношенія съ пророкомъ Самуиломъ и священниками, которые замѣтно отшатнулись отъ Саула со времени отверженія его Господомъ. Мы видимъ изъ исторіи, что каждое извѣстіе объ участіи Давида въ религіозныхъ празднествахъ (1 Ц. 20, 28—30), особенно сношеніе его съ мѣстомъ богослуженія и священниками, все больше и больше раздражаетъ Саула и усиливаетъ нерасположеніе его къ Давиду. Представленія Іонаѳана, что Давидъ отлучился отъ царскаго двора для участія

въ жертвоприношеніи всего родства его, приводятъ Саула въ страшное негодованіе, въ которомъ онъ едва не дѣлается убійцею своего сына (1 Ц. 20, 28—30); узнавъ о пребываніи Давида въ Рамѣ, онъ тотчасъ шлетъ за нимъ къ Самуилу одно за другимъ три посольства, и даже съ нетерпѣніемъ и гнѣвомъ самъ рѣшается отправиться за нимъ къ пророку (1 Ц. 19, 19 и дал.); донесъ Доига о пребываніи Давида въ Номвѣ у первосвященника Ахимелеха, несмотря на всѣ справедливыя представленія этого послѣдняго въ свою защиту, оканчивается смертною казнію его со всѣмъ его домомъ, избіеніемъ всѣхъ священниковъ Іеговы со всѣми ихъ семействами и опустошеніемъ цѣлаго города. Всѣ эти и подобные имъ случаи неуваженія Саула къ дому Божію и законному богослуженію, должны были болѣзненно отзываться въ сердцѣ Давида, и нѣтъ сомнѣнія, что особенно послѣдній кровожадный поступокъ Саула съ священниками, обнаружившій въ немъ крайнее пренебреженіе ко всему служенію Іеговѣ, поразилъ Давида глубокою скорбію о домѣ Божіемъ, осиротѣвшемъ, оставшемся безъ служенія и безъ служителей, и эта скорбь, въ сознаніи нѣкоторымъ образомъ его собственной, хотя и неумышленной виновности въ такомъ поруганіи святыни его гонителями, естественно могла выразиться въ такомъ исповѣданіи Господу: «ревность по домѣ Твоемъ снѣдаетъ меня, и злословія злословящихъ Тебя падаютъ на меня», такъ какъ бы я былъ главнымъ виновникомъ ихъ нечестія и поруганія Твоего имени. Тяжело для меня переносить такое глубокое ихъ заблужденіе; «я плачу, пощусь душею моею: но и то ставятъ въ порокъ мнѣ» (Пс. 68, 10. 11). Далѣе опасеніе жестокаго мщенія со стороны Саула за всякое выраженіе сочувствія или покровительства гонимому Давиду, естественно, должно было отшатнуть отъ него всѣхъ, даже самыхъ близкихъ и преданныхъ ему людей, которые не хотѣли подобно ему испытать на себѣ гоненіе или подвергнуться участи Ахимелеха и священниковъ. Мы видимъ изъ исторіи, что Іонаѳанъ, сынъ Сауловъ, любившій Давида какъ свою душу, только украдкою видится съ нимъ въ лѣсу, укрѣпляя его единственно упованіемъ на Бога (1 Ц. 23, 16); родители, братья и родственники Давида не только не видятъ съ своей стороны возможности оказать ему какое либо содѣйствіе въ его несчастномъ положеніи, но и сами себя находятъ не довольно безопасными въ своемъ отечествѣ и вмѣстѣ съ нимъ ищутъ себѣ убѣжища въ пустынной пещерѣ и въ непріятельской странѣ (22, 1 — 3).

Само собою разумѣется, что тѣ изъ братьевъ и родственниковъ Давида, которые оставались еще въ своемъ отечествѣ, должны были для своей безопасности совершенно отказаться отъ Давида, и удаляться отъ всякаго свиданія съ нимъ, чтобы не быть заподозрѣнными въ сношеніяхъ съ нимъ. Такое именно положеніе гонимаго и представляется у псалмопѣвца: «отъ всѣхъ враговъ моихъ я сдѣлался поношеніемъ даже у сосѣдей моихъ, и страшилищемъ для знакомыхъ моихъ; видящіе меня на улицѣ бѣгутъ отъ меня (Пс. 30, 12). Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ и постороннимъ для сыновъ матери моей (Пс. 68, 9)». Но не находя себѣ сочувствія, состраданія или утѣшенія въ своемъ несчастномъ положеніи (Пс. 21, 12. 68, 2) даже между самыми близкими и родными изъ своихъ соотечественниковъ, гонимый Давидъ, съ своей загадочной судьбою, то неизвѣстный пастырь, то побѣдитель Голіаѳа, то любимый оруженосецъ, военачальникъ и зять царя, то страшный, ненавистный врагъ его, противъ котораго предпринимаются военные походы, какъ противъ враждебныхъ непріятельскихъ народовъ, Давидъ въ своемъ преслѣдованіи отъ Саула, по естественному порядку вещей, долженъ былъ обратить на себя всеобщее вниманіе, сдѣлаться самымъ обычнымъ и современнымъ предметомъ разговоровъ и всевозможныхъ толковъ народныхъ,—и въ семейномъ быту или при встрѣчѣ между знакомыми, и въ общественныхъ собраніяхъ у городскихъ воротъ и въ какой нибудь пирушкѣ за чашею сикеры. А такъ какъ высказывать сочувствіе гонимому царемъ было опасно, то само собою понятно, что большая часть толковъ были не въ пользу Давида, направлены были къ его осужденію, униженію, осмѣянію и т. п. [1]). Въ такомъ именно положеніи и представляется во многихъ псалмахъ гонимый псалмопѣвецъ: «я сдѣлался поношеніемъ даже у сосѣдей моихъ (Пс. 30, 12); увидѣвъ меня, киваютъ головами своими (Пс. 108, 25. 21, 8 — 9). Я сдѣлался притчею; о мнѣ толкуютъ сидящіе у воротъ, поютъ въ пѣсняхъ пьющіе сикеру» (Пс. 68, 12—13). Впрочемъ, если Давидъ и не встрѣчалъ отъ своихъ соотечественниковъ ничего, кромѣ выраженія холодности и оскорбленій и, казалось, по выраженію Анхуса царя Филистимскаго, «опротивѣлъ народу сво-

---

[1]) Навалъ напр. приравниваетъ Давида къ рабамъ, бѣгающимъ отъ господъ своихъ. (1 Ц. 25, 10).

ему, Израилю» (1 Ц. 27, 12), тѣмъ не менѣе сердце его обращено было къ родному наслѣдію Господа. Самъ въ нуждѣ и опасности отъ гонителя, онъ всегда готовъ былъ на помощь своимъ соотечественникамъ, какъ и помогъ жителямъ Кеиля во время нападенія на нихъ Филистимлянъ (1 Ц. 23, 1 и дал.), и при первой возможности спѣшитъ выразить имъ свое расположеніе, посылая напр. дары изъ добычи взятой у враговъ Господнихъ (1 Ц. 30, 26—31). Напротивъ того, находясь среди Филистимлянъ и пользуясь ихъ покровительствомъ, онъ, какъ истинный Израильтянинъ, не могъ побѣдить своего отвращенія къ язычникамъ и сдѣлаться, какъ полагалъ Анхусъ, слугою его во вѣкъ (1 Ц. 27, 7—12). Подобную мысль о своей привязанности къ народу Божію и отвращеніи своемъ къ язычникамъ выражаетъ и псалмопѣвецъ, — и въ Пс. 15 выражаетъ ее въ такихъ словахъ, что въ нихъ слышится какъ бы отвѣтъ Давида на злобную, но безсильную насмѣшку враговъ его, какую напоминаетъ онъ въ рѣчи своей Саулу: «сыны человѣческіе изгнали меня нынѣ, чтобы не принадлежать мнѣ къ наслѣдію Господа, говоря: ступай, служи богамъ чужимъ» (1 Ц. 26, 19). Но это изгнаніе, какъ бы такъ отвѣчаетъ на это псалмопѣвецъ, все таки не измѣнило ни любви моей къ Богу и привязанности къ истиннымъ чтителямъ Его, ни отвращенія къ идоламъ и нечестивымъ поклонникамъ ихъ: «ненавижу почитателей суетныхъ идоловъ» (Пс. 30, 7). «Во святыхъ, которые на землѣ, и въ великихъ», т. е. вѣрныхъ почитателяхъ Іеговы, которыхъ Онъ благоволилъ возвеличить и возвысить въ народѣ свой (ср. Исх. 19, 6. Втор. 7, 6), «все утѣшеніе мое. Пусть другіе умножаютъ идоловъ своихъ, бѣгутъ къ богу чужому; я не возливаю имъ кровавыхъ возліяній ихъ и не положу именъ ихъ во уста мои. Господь есть моя доля наслѣдія и чаши; Ты возносишь жребій мой» (Пс. 15, 3 — 5) [1]).

---

[1]) По пер. изд. Библ. Общ. 1822 г., съ замѣною неопредѣленнаго выраженія: *чуждымъ*, опредѣленными словами: *къ богу чужому*, согласно съ новымъ пер. Синод. изд. 1871 г. Въ послѣднемъ переводѣ первая половина стиха читается такъ: «пусть умножаются скорби у тѣхъ, которые текутъ къ богу чужому» (ср. Lut.: Jene, die einem Andern nacheilen werden grosses Herzeleid haben; под. обр. и Aben-Esra у Rosenmüller'a); но намъ кажется, что приведенный нами переводъ правильнѣе, такъ какъ онъ ближе къ буквѣ еврейскаго текста,

Подобнымъ образомъ изъявленіе своего упованія на Господа и Ему предоставленіе возмездія гонителямъ, встрѣчающееся въ каждомъ изъ разсматриваемыхъ псалмовъ и высказываемое въ болѣе или менѣе сходныхъ выраженіяхъ, въ Пс. 34 доходитъ почти до совершеннаго тожества съ словами Давида, которыми онъ въ рѣчи своей съ Сауломъ призываетъ Господа стать судьею между нимъ и его гонителемъ. «Да разсудитъ Господь между мною и тобою, и да отмститъ тебѣ Господь за меня. Господь да будетъ судьею и разсудитъ между мною и тобою. Онъ разсмотритъ, разберетъ дѣло мое и спасетъ меня отъ руки твоей» (1 Ц. 24, 13. 16; ср, 26, 23—24). Почти тѣми же словами молится и псалмопѣвецъ въ Пс. 34, такъ что весь псаломъ такимъ образомъ представляетъ какъ бы ихъ молитвенно-лирическое развитіе: «Вступись, Господи, въ тяжбу съ тяжущимися со мною, побори борющихся со мною. Возьми щитъ и латы, и возстань на помощь мнѣ, скажи душѣ моей: Я спасеніе твое!... Подвигнись, пробудись для суда моего, для тяжбы моей, Боже мой и

не нуждается ни въ дополненіи предложенія не находящимися въ евр. словами: *ть*, *которые*, ни въ разнообразіи наклоненій глаголовъ, стоящихъ тамъ въ одной формѣ, времени и наклоненіи, и точнѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ еврейскаго параллелизма, представляя два, совершенно параллельныя члена: «пусть умножаютъ идоловъ своихъ, бѣгутъ къ богу чужому», — подобно какъ изъ двухъ параллельныхъ членовъ слагается и второе полустишіе: «и не возливаю имъ кровавыхъ возліяній и не положу именъ ихъ въ уста мои». Правда, по замѣчанію Rosenmüller'a, слово עַצֵּבוֹת въ Св. Пис. обыкновенно употребляется въ значеніи скорбей и не встрѣчается въ значеніи идоловъ; но тоже слово въ муж. родѣ עֶצֶב и עֹצֶב, какъ въ един., такъ и во множеств. числѣ— עֲצַבִּים, עֲצַבֵּי,—одинаково употребляется и въ значеніи скорби, и въ значеніи идоловъ (Пс. 135, 15. 106. 36 и 38. 115, 4. 1 Ц. 31, 9. 2 Ц. 5, 21. Ис. 10, 10. 46, 1. 48, 5. Мих. 1, 7. Ос. 4, 17. 8, 4 и мног. др.), почему естественнѣе думать, что и въ женскомъ родѣ тоже слово употреблялось въ обоихъ значеніяхъ, и въ приведенномъ мѣстѣ употреблено именно въ значеніи идоловъ, какъ это и признавали уже древній пер. халдейскій, Симмахъ, бл. Іеронимъ, и какъ между ученымъ новѣйшаго времени признаютъ: Michaelis, Calmet, Olshausen, Maurer, Ewald и извѣстный лексикографъ Julius Fürst въ Hebr.-Chald. Wörterb. подъ словомъ עֲצֵבֹת.

Господи мой! Суди меня по правдѣ Твоей и да не радуются обо мнѣ враги мои» (Пс. 34, 1—3. 23. 24; ср. Пс. 16, 1—2. 13).

Вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру Давида и положенію его во время Сауловыхъ гоненій и то обстоятельство, что почти всѣ относимые нами къ этому времени псалмы его, представляя собою скорбныя, хотя, конечно, исполненныя упованія, молитвы къ Богу о помощи и избавленіи, вслѣдъ за изліяніями скорби и мольбою, обыкновенно переходятъ къ выраженію полной увѣренности въ божественной помощи (ср. Пс. 11, 2—5 и 6 и дал.; 12, 2—5 и 6; 13, 1—4 и 5—6) и даже въ изліяніе благодарности за избавленіе (ср. Пс. 21, 2—22 и 23—32; 30, 2—7 и 8—9; ст. 10—19 и 20—25; 68, 2—30 и 31—37): потому что, какъ ни тяжки, какъ ни продолжительны были гоненія Давида, какъ ни велики и многочисленны были опасности, какимъ онъ подвергался тогда, они не могли поколебать въ гонимомъ праведникѣ его упованія и преданности волѣ Божіей, а съ другой стороны и промыслъ Божій, подвергавшій Давида такому испытанію, не переставалъ бодрствовать надъ нимъ, охраняя его въ опасностяхъ, и каждый разъ, когда, по видимому, не оставалось никакой надежды на спасеніе отъ гонителя, неожиданно посылалъ ему избавленіе, претворяя плачь его въ радость и вопль мольбы о помощи премѣняя на зовъ хвалы и благодарности за избавленіе. Равн. обр. находитъ себѣ соотвѣтствующее положеніе въ исторіи Давидовыхъ гоненій отъ Саула и кратко упоминаемый въ 30 Пс. случай божественнаго избавленія псалмопѣвца отъ опасности въ укрѣпленномъ городѣ: «Благословенъ Господь, что явилъ мнѣ дивную милость Свою въ укрѣпленномъ городѣ! Въ смятеніи моемъ я думалъ: отверженъ я отъ очей Твоихъ; но Ты услышалъ голосъ молитвы моей, когда я воззвалъ къ Тебѣ (ст. 22 — 23)». Гонимый Давидъ, послѣ продолжительныхъ скитаній по пустынямъ и укрывательства въ лѣсу или въ ущельяхъ горъ, когда уже внутренній голосъ начиналъ внушать ему опасеніе, что рано или поздно ему не избѣжать руки Саула (1 Ц. 27, 1), по особенному покровительству Промысла Божія дѣйствительно нашелъ себѣ наконецъ безопасное убѣжище въ Филистимскомъ городѣ Секелагѣ [1]), гдѣ и

[1]) По изъясненію Преосв. Иринея, въ толкованіи на Псалтирь слова: «*удиви милость свою во градѣ ограженія*»—не болѣе какъ простой образъ божественной защиты, подобно такимъ же образамъ въ ст. 4; почему

пребывалъ до смерти Сауловой (1 Ц. 27, 1—7). Кромѣ того, многочисленность враговъ окружающихъ псалмопѣвца, которые сравниваются съ множествомъ волосъ на головѣ (Пс. 68, 5. 16, 9; ср. 39, 13); характеръ этихъ враговъ, которые изображаются, какъ

въ русск. перев. Библ. Общ., согласно съ переводомъ Симмаха, приводимомъ у бл. Ѳеодорита, они передаются съ объяснительною прибавкою: «*какъ бы введя* меня въ укрѣпленный городъ». Но почему же не разумѣть буквально дѣйствительный городъ Секелагъ, доставившій наконецъ Давиду безопасное убѣжище, тѣмъ болѣе, что со времени поселенія его въ этомъ городѣ начинается уже въ его жизни поворотъ отъ униженія къ возвышенію и славѣ (Ср. Jerrandus въ Curs. compl. T. XV in h. Ps. и Deliztsch въ Bibl. Comm. zu d. Ps. и др.). Другіе впрочемъ (Agellus, Rosenmüller, Toluck, ссылаясь на древнѣйшихъ толкователей) охотнѣе относятъ это указаніе къ обстоятельству крайне опаснаго положенія Давида и совершенно неожиданнаго избавленія въ пустынѣ Маонской, когда онъ совсѣмъ уже былъ настигаемъ своимъ гонителемъ и избѣжалъ отъ рукъ его только благодаря внезапному нападенію на Іудею Филистимлянъ, заставившему Саула отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія (1 Ц. 23, 25—27). Основаніе къ такому объясненію думаютъ видѣть: а) въ общемъ характерѣ представляемой въ объясняемомъ мѣстѣ псалма величайшей опасности и совершенной неожиданности избавленія и б) особенно въ сходствѣ словъ, которыми изображается состояніе псалмопѣвца въ ст. 23: בְּחָפְזִי=въ смятеніи, въ страхѣ моемъ (Agellus: in pavore atque trepidatione mea), и состояніе Давида въ 1 Ц. 23, 26: נָחְפַּז съ לָלֶכֶת=спѣшилъ уйти, въ страхѣ убѣгалъ, т. е. отъ Саула (praecipitatus, nempe terrore summo conatuque fugiendi peranxio incitatus, — Rosenmüller in h. Ps.), каковое сходство будто бы замѣчено было уже LXX и понято ими именно въ такомъ смыслѣ, какъ это они выразили въ надп. Пс. словомъ ἐκστάσεως, въ русск. перев.: *во время смятенія*. Но первое основаніе слишкомъ обще и не менѣе пригодно и для нашего объясненія въ отношеніи къ убѣжищу въ Секелагѣ, потому что и предъ своимъ бѣгствомъ въ филистимскую землю Давидъ тоже находился въ страхѣ отъ мысли, что рано или поздно попадетъ онъ въ руки Саула (1 Ц. 27, 1), а безопасное убѣжище въ Секелагѣ, въ враждебной филистимской странѣ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ онъ только хитростію избѣжалъ смертной опасности (1 Ц. 21, 10 — 15), было столько же неожиданною помощію Божіею, какъ и избавленіе въ пустынѣ Маонской. Что же касается послѣдняго основанія, то сход-

люди преданные міру и удовольствіямъ своего чрева (Пс. 16, 10 и 14. 21, 13). хитрые льстецы, коварные клеветники (Пс. 11, 3—4. 30, 14. 19. 21. 34, 11—16. 35, 2—5. 108, 2—5), жестокіе и кровожадные притѣснители народа (13, 4. 11, 5—6), какъ свирѣпые львы, готовые терзать свою невинную жертву (Пс. 16, 11—12. 21, 14. 34, 17. 21); продолжительность и тяжесть страданій гоненія, неоднократно грозившихъ псалмопѣвцу смертію (Пс. 12, 2—4. 15, 10. 30, 23):—все это хорошо соотвѣтствуетъ исторіи гонимаго Давида, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ множества враговъ своихъ не находилъ себѣ безопаснаго убѣжища не только между своими соотечественниками, но и въ необитаемыхъ пустыняхъ, и между иноземными народами. То придворные Саула преслѣдуютъ его своими доносами, клеветами и злословіемъ; то самъ Саулъ съ отрядомъ войска ищетъ его по всѣмъ предѣламъ Израильскимъ, а соотечественники Давида, частію изъ угодливости царю, частію изъ боязни его мщенія, не смѣютъ дать гонимому убѣжища; то Зифеи и вѣроломные жители Кеиля хотятъ выдать его гонителю; то грозитъ ему опасность со стороны Филистимлянъ, которые узнаютъ въ немъ ненавистнаго имъ побѣдителя Голіаѳа. Характеръ гонителей живо напоминаетъ развращенныхъ, продажныхъ придворныхъ Саула, изъ личныхъ своихъ нечистыхъ расчетовъ, подобно Доигу, готовыхъ на всякое предательство; равно какъ сравненіе ихъ, то съ тучными тельцами и буйволами (Пс. 21, 13. 22), то съ свирѣпыми и кровожадными львами, подобно представленію божественной защиты подъ образомъ неприступной горы или скалы, напоминаетъ тогдашнее пребываніе псалмопѣвца въ пустыняхъ, гдѣ паслись стада, въ лѣсахъ, гдѣ обитали хищные звѣри, среди горъ и скалъ, служившихъ ему убѣжищемъ отъ гонителя. Мы не утверждаемъ, чтобъ жалобы на норчу нравовъ и образъ нечестивцевъ, особенно въ слишкомъ общихъ по содержанію Пс. 11, 13 и

ство въ описаніи событій, ограничивающееся лишь совпаденіемъ въ употребленіи одного только слова,—слишкомъ шаткое основаніе для заключенія о тожествѣ событій; надписаніе же LXX-ти, основанное, безъ сомнѣнія, на комбинаціи съ 23 ст. בְּחַמְּאֵי, LXX: ἐν τῇ ἐκστάσει, — ни мало еще не даетъ заключать о признаваемомъ будто бы ими отношеніи псалма къ событію, описанному въ 1 Ц. 23, 25—27.

35, заимствованы были исключительно изъ времени Саулова гоненія: псалмы эти, подобно какъ и многіе другіе, могли произойти впослѣдствіи, во время царствованія Давида, и тогда, конечно, многія черты изображенія могли быть приведены въ нихъ изъ позднѣйшихъ наблюденій псалмопѣвца надъ современною ему порчею нравовъ, и особенно изъ времени Авессаломова возстанія; но это еще нисколько не мѣшаетъ имъ носить въ себѣ и сходныя черты изъ болѣе ранняго времени преслѣдованія отъ Саула. Можетъ показаться страннымъ, что въ изображеніи враговъ псалмопѣвца, нигдѣ не выдается образъ Саула, главнаго гонителя Давидова; такъ какъ и въ Пс. 108 черты изображенія врага (см. ст. 6. 7 и 11) скорѣе идутъ къ Доигу или подобнымъ ему врагамъ Давида изъ подданныхъ Сауловыхъ, нежели къ самому царю Саулу. Но исторія отношеній Давида къ Саулу показываетъ также, что онъ всегда щадилъ своего гонителя, уважая въ немъ помазанника Божія, и главнымъ образомъ вину своихъ преслѣдованій возлагалъ на недостойныхъ подстрекателей его. Въ рѣчи своей къ Саулу Давидъ прежде всего упрекаетъ его въ томъ, что онъ слушаетъ клеветы и доносы злыхъ людей и, предоставляя свое отмщеніе въ отношеніи къ Саулу праведному суду Божію, только на этихъ послѣднихъ изрекаетъ проклятія Господа: зачѣмъ ты слушаешь рѣчи людей, которые говорятъ: вотъ Давидъ умышляетъ зло на тебя? Господь да будетъ судьею и разсудитъ между мною и тобою (1 Ц. 24, 10. 16). И если Господь возбудилъ тебя противъ меня, то да будетъ это отъ тебя благовонною жертвою; если же сыны человѣческіе, то прокляты они предъ Господомъ» (1 Ц. 26, 19). Съ этой точки зрѣнія ничего нѣтъ страннаго, а напротивъ, совершенно сообразно съ исторіею и характеромъ отношеній Давида къ Саулу, если онъ въ псалмахъ своихъ не выставляетъ прямо своего гонителя, но выражаетъ справедливое негодованіе только противъ злобныхъ и коварныхъ слугъ Сауловыхъ, и на нихъ однихъ изрекаетъ страшныя проклятія, которыя такимъ образомъ представляютъ лирическое развитіе произнесенной на нихъ клятвы въ рѣчи его къ Саулу.

Замѣчательно, что всѣ псалмы разсматриваемой нами группы очень сходны въ содержаніи и даже въ выраженіяхъ, какъ между собою, такъ и съ 8-ю псалмами, которые историческими надписаніями приписываются различнымъ обстоятельствамъ жизни Давида изъ времени его гоненій отъ Саула: во всѣхъ одинаковое состояніе невин-

но-гонимаго; такія же изображенія коварства и жестокости враговъ, сравниваемыхъ съ тельцами, псами и кровожадными львами; тѣ же образы ископанія ямы, поставленія сѣти или обуреванія водами; тѣ же выраженія надежды на Бога-помощника и представленіе Его подъ образомъ горы или скалы; одинаковыя призыванія на враговъ праведнаго мщенія Божія. доходящія до страшныхъ проклятій и проч. и проч. Такое сходство, съ одной стороны, какъ обыкновенное, вѣроятное основаніе для заключенія объ одномъ писателѣ псалмовъ и сходныхъ обстоятельствахъ происхожденія; съ другой—совпаденіе его съ свидѣтельствами надписаній о дѣйствительномъ единствѣ писателя и историческихъ обстоятельствъ написанія, въ отношеніи къ разсматриваемой группѣ псалмовъ можетъ служить доказательствомъ того, что показанное нами соотношеніе ихъ содержанія съ характеромъ и исторіею Давидовыхъ гоненій отъ Саула. не есть случайное и произвольное, но составляетъ естественное слѣдствіе дѣйствительнаго происхожденія ихъ изъ обстоятельствъ этого времени, и что всѣ они на самомъ дѣлѣ принадлежатъ одному писателю Давиду, котораго именемъ надписываются.

Не мало впрочемъ сходства представляется въ содержаніи этихъ псалмовъ съ исторіею и молитвами пророка Іереміи, котораго потому и думаютъ многіе [1]) признавать ихъ писателемъ. Подобно псалмопѣвцу, пророкъ Іеремія, за свою ревность по Богѣ и богоугожденіи, и за свои смѣлыя обличенія современныхъ пороковъ и

---

[1]) По мнѣнію Гитцига изъ разсматриваемыхъ псалмовъ, кромѣ 11, 12, 15 и 16, которые и онъ соглашается отнести къ Давиду, и 108-го, относимаго имъ ко времени Маккавеевъ Іуды и Іонаѳана, остальные шесть: 13, 21, 30, 34, 35 и 68 принадлежатъ Іереміи, между тѣмъ какъ изъ сходныхъ съ ними по содержанію 8-ми псалмовъ, которые по надписаніямъ относятся къ обстоятельствамъ Давидовыхъ гоненій отъ Саула, онъ приписываетъ Іереміи одинъ только 33-й псаломъ, а прочіе, за исключеніемъ 7-го, за которымъ оставляетъ его Давидово происхожденіе, приписываетъ разнымъ писателямъ, частію временъ плѣна, какъ 51 и 53-й—придуманному имъ неизвѣстному писателю второй части книги Исаіи, частію Маккавейскаго періода, какъ 55 и 56-й—ко времени Птоломеевъ, 58-й—ко времени Іоанна Гиркана и 141-й—къ Александру Іаннею. Псаломъ 68-й охотнѣе относитъ къ Іереміи пророку и Delitzsch. (См. ихъ замѣч. на эти псалмы).

нечестія, былъ предметомъ ненависти и преслѣдованій своихъ современниковъ, терпѣлъ насмѣшки, ругательства, грубыя и жестокія оскорбленія и не разъ подвергался даже опасности смерти. Всѣми гонимый, не имѣя покровителей и защитниковъ, многострадальный пророкъ, точно также какъ и псалмопѣвецъ, только въ Богѣ находитъ утѣшеніе и подкрѣпленіе въ своихъ страданіяхъ, отъ Него ожидая праведнаго возмездія своимъ притѣснителямъ, и въ своихъ молитвахъ къ Богу нерѣдко буквально сходится съ воплями и мольбами, какія особенно слышатся въ псалмахъ 21, 30, 34, 68 и 108 [1]). Но на это слѣдуетъ замѣтить, что сходство молитвъ Іереміи

---

[1]) Ср. Пс. 21, ст. 8—9 съ кн. Плача Іереміи 2, 15—16; ст. 15 съ Плач. 3, 4 — 5; ст. 16 съ Плач. 4, 4; Пс. 30, 10 съ Плач. 1, 20; ст. 11 съ Іер. 20, 18; ст. 14 съ Іер. 20, 10; ст. 18 съ Іер. 17, 18; ст. 23 съ Плач. 3, 54; Пс. 34, 6 съ Іер. 23, 12; ст. 12 съ Іер. 18, 20; ст. 21 съ Плач. 2, 16; Пс. 68, 6—10 съ Іер. 15, 15—18; и 11, 18 и дал.; ст. 11 и 21 съ Плач. 1, 16 и 21; ст. 12—13 и 22 съ Плач. 3, 13—15 и дал.; Пс. 108, 9—14 съ Іер. 18, 21—23. Нѣкоторые, и даже Delitzsch (на Пс. 69), хотятъ провести сходство Іереміи съ псалмопѣвцемъ еще далѣе, думая видѣть въ словахъ Пс. 68: «я погрязъ въ глубокомъ болотѣ» и проч. (ст. 3), а также въ словахъ во многомъ сходнаго съ этимъ псалмомъ, но написаннаго по другому случаю Пс. 39: «(Ты) извлекъ меня изъ шумящаго рва, изъ тинистаго болота» и проч. (ст. 3), прямое указаніе на бѣдственное положеніе Іереміи пророка, повергнутаго въ глубокій, грязный ровъ на темничномъ дворѣ (Іер. 38, 6; ср. Плач. 3, 53 и д.). Такая черта сходства—очевидная натяжка, происходящая изъ желанія доказать происхожденіе псалмовъ отъ Іереміи; такъ какъ на самомъ дѣлѣ приведенныя выраженія псалмопѣвца не болѣе какъ только поэтическіе образы бѣдственнаго положенія, точно также какъ для противоположнаго тому состоянія тамъ же употребляется другой образъ поставленія на камнѣ (Пс. 39, 3). И если бы въ нихъ буквальномъ смыслѣ заключалось историческое указаніе на положеніе, сходное съ положеніемъ Іереміи пророка въ тинистомъ рвѣ, то, конечно, вслѣдъ за жалобами: «я погрязъ въ глубокомъ болотѣ, вошелъ въ глубину водъ и быстрое теченіе ихъ увлекаетъ меня» (Пс. 68, 3), псалмопѣвецъ не могъ бы жаловаться на мучительную жажду, отъ которой изсохла гортань его (ст. 4 и 22): иначе бы нужно представить его въ положеніи миѳическаго Тантала. Къ тому же ровъ Іереміи, по описанію въ его книгѣ (38, 6—9), не имѣлъ въ себѣ воды, а только грязь, и поверженному въ него пророку предстояла опасность

съ разсматриваемыми псалмами, и тѣмъ болѣе сходство историческихъ обстоятельствъ его жизни съ положеніемъ псалмопѣвца, при совершенномъ отсутствіи всякихъ другихъ свидѣтельствъ, еще нисколько не доказываетъ, что писателемъ этихъ псалмовъ былъ Іеремія, а не Давидъ, также находившійся въ подобномъ бѣдственномъ положеніи гонимаго и въ устахъ котораго эти псалмы не менѣе умѣстны. Сходство положеній производитъ одинаковое душевное настроеніе, причемъ позднѣйшій страдалецъ естественно можетъ молиться Богу словами подобнаго же ему страдальца предшествующаго времени: отсюда происходитъ то, что много сходнаго съ разсматриваемыми скорбными псалмами, кромѣ Іереміи, находимъ мы и въ книгѣ Іова, и въ изображеніи страждущаго раба Іеговы у пророка Исаіи, и даже въ молитвахъ Іоны пророка; между тѣмъ какъ отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, да и никто не выводилъ заключенія, чтобы псалмы эти принадлежали писателю книги Іова, Исаіи или Іонѣ [1]). Понятно отсюда, что если содержаніе псалмовъ представляетъ одинаковое сходство съ исторіею нѣсколькихъ лицъ, то въ рѣшеніи вопроса о писателѣ ихъ, слѣдуетъ отдать преимущество тому, на сторонѣ котораго и внѣшнее свидѣтельство, каково напр. свидѣтельство надписаній. Но такое преимущество единственно на сторонѣ Давида. Другое дѣло, если бы при внѣшнемъ свидѣтельствѣ о Давидѣ, какъ писателѣ, содержаніе псалмовъ представляло рѣшительныя несообразности съ его временемъ, лицемъ и характеромъ, которыя всѣ могли бы примириться только въ другомъ историческомъ лицѣ, напр. Іереміи. Но усилія отыскать такія несообразности ока-

---

не отъ потопленія, а отъ голода, слѣдовательно, при историческомъ его описаніи не могло быть рѣчи о глубокихъ водахъ, о потопленіи, тѣмъ болѣе объ увлекающемъ стремленіи, или быстромъ теченіи водъ, и о шумящихъ волнахъ, какъ это представляется въ псалмахъ (Пс. 68, 3. 15. 16 и Пс. 39, 3).

[1]) Ср. напр. Пс. 21, ст. 2—3 съ Иса. 49, 14; ст. 7 съ Иса. 41, 14. 53, 3. Іов. 25, 6; ст. 14 съ Іов. 16, 9—10; ст. 24—25 съ Иса. 49, 13; ст. 28 и 30 съ Иса. 49, 6—8 и 23; ст. 31 съ Иса. 53, 10; Пс. 30, ст. 10—11 съ Іов. 30, 16—18; ст. 12—13 съ Іов. 19, 13—15; Пс. 34, 1 съ Иса. 49, 4 и 25; ст. 5 съ Іов. 21, 18. Иса 29, 5; ст. 10 съ Іов. 36, 15; ст. 15 съ Іов. 30, 9; ст. 16 съ Іов. 16, 9 и мног. др.

зываются несостоятельными, потому что даже самыя главныя изъ такихъ несообразностей, въ которыхъ думаютъ полагать всю силу возраженія противъ Давидова происхожденія псалмовъ, — это замѣчаемые въ Пс. 13 [1]) и 68 [2]) намеки на времена плѣна.—также какъ и въ Пс. 50 (ст. 20—21) [3]), если не могутъ быть объясняемы, какъ литургическія прибавки къ Давидовымъ псалмамъ, сдѣланныя во времена плѣна, то удобно устраняются вполнѣ естественнымъ предположеніемъ, что въ обоихъ означенныхъ мѣстахъ псалмовъ образно высказываются молитвы къ Богу, въ первомъ — объ освобожденіи истиннаго Израиля отъ господства нечестія, какое псалмопѣвецъ испыталъ на самомъ себѣ [4]), во второмъ—объ утвержденіи и устроеніи Сіона и вообще царства Іудейскаго, разслабленнаго и разстроеннаго въ послѣднее время царствованія Саулова, когда одни изъ городовъ много пострадали отъ непріятельскихъ нападеній, другіе, какъ Номва [5]), подверглись опустошенію отъ самого Саула [6]). Другія двѣ мнимыя несообразности [7]) еще менѣе противорѣчатъ Давидову происхожденію псалмовъ, таковы: а) высказываемая въ Пс. 68 (ст. 31—32), будто бы принадлежащая Іереміи (7, 21—23) мысль, что внѣшнія, обрядовыя жертвы, безъ внутренней, сердечной жертвы послушанія и преданности волѣ Божіей, неугодны Бо-

---

[1]) Ст. 7: «кто дастъ съ Сіона спасеніе Израилю? Когда Господь возвратитъ плѣненіе народа Своего, тогда возрадуется Іаковъ, и возвеселится Израиль».

[2]) Ст. 36—37: «Богъ спасетъ Сіонъ, создастъ города Іудины, и поселятся тамъ, и наслѣдуютъ его. И потомство рабовъ Его утвердится въ немъ, и любящіе имя Его будутъ обитать въ немъ».

[3]) См. выше замѣчанія на это мѣсто на стр. 137.

[4]) См. такое изъясненіе у Преосв. Иринея, въ Толков. на Псалт. изд. Св. Синода 1823. Т. I. стр. 132—133, также у Генгстенберга и у Делича на Пс. 14; да и даже Гитцигъ переводитъ этотъ стихъ не въ буквальномъ смыслѣ о плѣнѣ, а въ переносномъ объ отвращеніи несчастія отъ народа Божія: «wenn wenden wollte Jahve seines Volkes Missgeschick».

[5]) Во 2 Ц. 21, 1—5 упоминается еще объ избіеніи Сауломъ Гаваонитянъ.

[6]) Такое объясненіе даютъ Преосв. Ириней Т. I. стр. 902—4, Генгстенбергъ на 69 Пс. и Куртцъ въ Zur Theologie der Psalmen. S. 107.

[7]) Указаніе ихъ см. у Делича на Пс. 69-й.

гу: потому что такая мысль ясно была высказана уже Самуиломъ (1 Ц. 15, 22) и вслѣдъ за тѣмъ встрѣчается у Давида (въ 50 Пс., ст. 18—19) и современника его Асафа (Пс. 49, 8—15), а потомъ съ подробностію развивается у Исаіи (1. 1 и дал.), жившаго задолго до Іереміи; и б) указаніе на элегическій, свойственный будто бы Іереміи стиль этихъ псалмовъ,—что, какъ мы уже замѣчали, объясняется одинаковымъ положеніемъ и настроеніемъ Давида и Іереміи во время гоненій, тѣмъ болѣе что и вообще они оба представляютъ много духовнаго сродства въ своихъ благородныхъ, нѣжно-чувствительныхъ, любящихъ душахъ. Если же замѣчаютъ, что Іеремія мягкостію и нѣжностію превосходилъ Давида, то это скорѣе служитъ къ подтвержденію Давидова происхожденія псалмовъ, потому что въ проклятіяхъ врагамъ гонителямъ псалмопѣвецъ доходитъ по мѣстамъ до грубости и жесткости, какія не встрѣчаются въ писаніяхъ Іереміи.

Есть правда, въ разсматриваемыхъ нами псалмахъ между многими сходными чертами и такія, которыя не представляютъ полнаго соотвѣтствія съ лицемъ Давида или со временемъ и обстоятельствами его гоненій отъ Саула; но черты эти одинаково не подходятъ и къ Іереміи, равно и ко всякому другому ветхозавѣтному лицу. Такъ напр. картина всеобщаго нравственнаго поврежденія въ Пс. 13 (ср. Пс. 11) съ ожиданіемъ отъ Сіона избавленія плѣннаго Израиля, переходитъ далеко за предѣлы простаго историческаго изображенія порчи нравовъ, усматриваемой Давидомъ въ развращенной толпѣ его гонителей, или Іереміею въ большей части его современниковъ, и, по изъясненію Апостола (Римл. 3, 12), есть пророческое созерцаніе поврежденнаго и плѣненнаго грѣхомъ рода человѣческаго, чающаго искупленія во Христѣ Спасителѣ. Равнымъ образомъ, многія черты страданій псалмопѣвца, особенно въ Пс. 21 и 68, лишь только въ общемъ и несобственномъ смыслѣ могутъ быть примѣнены къ гонимому Давиду [1]), между тѣмъ какъ,

---

[1]) По изъясненію Иринея Архіеписк. Псковскаго (въ Толков. Псалт. изд. отъ Св. Синод. 1823 г.) слова: «*раздѣлиша ризы моя*» (Пс. 21, 19), въ отношеніи къ Давиду могутъ означать только то, что «враги все имѣніе его по себѣ раздѣлили, какъ обыкновенно дѣлаютъ побѣдители, кои или расхищаютъ корысти, или метаютъ жребій, что кому

по свидѣтельству Евангелистовъ, съ буквальною точностію исполнились на Христѣ Спасителѣ и съ живописною вѣрностію изображаютъ предъ нами Его крестный страданія, —поруганіе Его воинами, раздѣляющими одежды Его и бросающими жребій о Его хитонѣ (Пс. 21, 19 ср. Іоан. 19, 23—24. Мѳ. 27, 35), мучительное положеніе Распятаго, растяженіе членовъ обнаженнаго тѣла Его, томительную, палящую жажду (Пс. 21, 15—18 ср. Іоан. 19, 28), для утоленія которой мучители Его предлагаютъ уксусъ, смѣшанный съ желчью (Пс. 68, 22 ср. Мѳ. 27, 34), насмѣшки и ругательства проходящихъ, и особенно книжниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ, высказываемыя прямо словами псалмопѣвца (Пс. 21, 8—9 ср. Мѳ. 27, 39—43), которыя въ отношеніи къ нему самому, очевидно, имѣютъ только общее значеніе. Такъ точно и клятвы псалмопѣвца на враговъ своихъ, имѣющія въ отношеніи къ врагамъ Давида только общее значеніе молитвы объ отмщеніи, буквально исполнились на Іудѣ предателѣ и на врагахъ Христовыхъ (Пс. 68, 26. 108, 8 и др. ср. Дѣян. 1, 16—20). На Христѣ Спасителѣ, въ воскресеніи Его изъ мертвыхъ, а не въ Давидѣ получила буквальное исполненіе свое и надежда псалмопѣвца на избавленіе его изъ самыхъ узъ смерти, изъ области тлѣнія (Пс. 15, 9 — 10 ср. Дѣян. 2, 22—32. 13, 35—37). Ко Христу Спасителю, и только къ Нему, могутъ быть отнесены и тѣ надежды, какія псалмопѣвецъ соединяетъ съ своимъ избавленіемъ, приписывая ему великое міровое значеніе, — каково обращеніе къ Господу всѣхъ племенъ и народовъ, дотолѣ невѣдущихъ Его и устроеніе на землѣ одного, вѣчнаго царства Божія (Пс. 21, 23—32 ср. Евр. 2, 11. Мѳ. 28, 18—20. Филип. 2, 8—11 и др.). Но всѣ эти и другія встрѣчаемыя въ псалмахъ черты несходства съ исторіею Давида, имѣющія полное отображеніе свое въ одномъ Лицѣ Христа Спасителя, нисколько не нарушаютъ общей сообразности ихъ съ лицемъ Давида и указанными выше обстоятельствами его гоненій отъ Саула, чтобы можно было усумниться въ ихъ происхожденіи отъ этого псалмопѣвца. Не должно опускать изъ виду, что мужъ по сердцу Божію, Давидъ, былъ прообразомъ Христа

достанется» (Т. I, стр. 250; ср. 889); а слова: «*даша въ снѣдь мою желчь и проч.*, могутъ имѣть лишь тотъ общій смыслъ, что «враги его къ совершенію лютости своей ничего съ своей стороны не опускаютъ» (стр. 888).

Спасителя и въ своей жизни типически предъизобразилъ Его уничиженіе и прославленіе. и въ тоже время былъ пророкъ, издалеча созерцавшій тайны царства Мессіи (Евр. 11, 13 ср. Числ. 24. 4 и 1 Ц. 23. 2). Но между образомъ и прообразуемымъ не можетъ быть совершеннаго равенства или сходства во всѣхъ отношеніяхъ [1]), а потому и Давидъ. въ самомъ себѣ пророчески созерцая будущаго Мессію, созерцаетъ въ Немъ и такія состоянія уничиженія и прославленія, какія лежатъ за предѣлами его собственной прообразовательной исторіи. Понятно, что гдѣ прообразуемое въ духовномъ созерцаніи пророка переступаетъ за предѣлы своего историческаго прообраза. тамъ уже нельзя искать полнаго соотвѣтствія его съ этимъ послѣднимъ; здѣсь уже кончается область исторической дѣйствительности и пророкъ отъ первоначальнаго своего историческаго типа,—будетъ ли это онъ самъ или другое лице и событіе,—путемъ поэтической идеализаціи восходитъ въ область чистыхъ пророческихъ созерцаній. Такъ происходитъ и съ Давидомъ. Въ пророческомъ созерцаніи съ своими воплями онъ нисходитъ въ глубину. лежащую за предѣлами его собственныхъ страданій, и съ своими надеждами восходитъ на высоту, которая недосягаема для высоты его собственной награды за страданія; его собственный, исторически-прообразовательный типъ постепенно теряетъ свой историческій элементъ и становится идеальнымъ, а этотъ идеальный — пророческимъ. Но этотъ послѣдній, какъ мы уже видѣли, нисколько не противорѣчитъ первому, а, проистекая изъ него, согласуется съ нимъ въ общемъ его значеніи и характерѣ. Съ этой стороны пророческій элементъ псалмовъ нисколько не мѣшаетъ соотвѣтствію ихъ съ лицемъ Давида и историческими обстоятельствами его жизни; напротивъ того съ помощію новозавѣтнаго откровенія, указывающаго намъ исполненіе пророчествъ во Христѣ Спасителѣ, онъ становится для насъ новымъ доказательствомъ происхожденія этихъ псалмовъ отъ Давида, которому они приписываются въ надписаніяхъ: такъ какъ новоза-

[1]) «Образъ не долженъ быть совершенно отличенъ отъ истины (т. е. прообразуемаго имъ): иначе онъ не былъ бы образомъ; впрочемъ и не долженъ быть во всѣхъ отношеніяхъ сходенъ съ истиною: ибо тогда онъ былъ бы самая истина. Онъ долженъ находиться въ своихъ предѣлахъ, не заключая въ себѣ всей истины и не удаляясь отъ нея совершенно». (Златоустъ,—Бес. 61 на книгу Бытія).

нѣтные писатели, приводя пророческія мѣста изъ этихъ (15, 68 и 108-го) и нѣкоторыхъ другихъ псалмовъ (какъ 109-го и 2-го), прямо замѣчаютъ, что они изречены были Давидомъ, или устами Давида Духомъ Божіимъ. Противники псалмовъ Давидовыхъ думаютъ ослабить это важное свидѣтельство тѣмъ предположеніемъ, что въ Новомъ Завѣтѣ имя Давида, приводимое при указаніяхъ мѣстъ изъ псалмовъ, употребляется не въ смыслѣ писателя, а въ общемъ значеніи Книги Псалмовъ, по преимущественному участію Давида въ развитіи псалмопѣнія, издавна называвшейся «*Давидомъ*» или «*Книгою Псалмовъ Давидовою*». Предположеніе это отчасти находитъ себѣ подтвержденіе въ посл. къ Евр. 4, 7, гдѣ Апостолъ подъ именемъ «*Давида*» цитуетъ мѣсто изъ 94-го псалма, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія. Но въ этомъ случаѣ и самое выраженіе Апостола: ἐν Δαβὶδ λέγων, показываетъ, что, приводя мѣсто изъ 94-го Пс., именемъ Давида онъ называетъ не писателя псалма, а книгу, въ которой этотъ псаломъ находится, безъ отношенія къ ея писателю, что совершенно равносильно выраженію: *говоритъ въ Давидѣ* (ср. въ нашемъ слав.: *въ Давидѣ глаголя*), т. е. въ книгѣ, называемой Давидъ (ἐν βίβλῳ Δαβὶδ), или что тоже. — въ Книгѣ Псалмовъ (ἐν βίβλῳ ψαλμῶν), какъ въ Дѣян. 1, 20 [1]). Между тѣмъ о другихъ псалмахъ имя Давида въ новозавѣтныхъ писаніяхъ употребляется въ такомъ грамматическомъ сочетаніи, что и не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ указанія писателя, каковы именно свидѣтельства книги Дѣяній о псалмахъ 68 и 108, о которыхъ замѣчается, что они изречены Духомъ Святымъ устами Давида—διὰ στόματος Δαβὶδ, (гл. 1, 16—20; ср. о 2 Пс. Дѣян. 4, 25—26), и о Пс. 15, о которомъ прямо сказано, что въ немъ говоритъ Давидъ—Δαβὶδ λέγει. (гл. 2, 25 и дал., и 13, 35—36; ср. о Пс. 109-мъ Дѣян. 2, 34 и Лук. 20, 42 и проч.). Въ томъ

---

[1]) Въ русск. ἐν Δαβὶδ переведено «*чрезъ Давида*», очевидно, неправильно, такъ какъ предлогъ ἐν при цитатахъ вездѣ въ Нов. Зав. означаетъ мѣстонахожденіе цитуемыхъ словъ въ той или другой книгѣ, напр. Дѣян. 1, 20. Лук. 24, 44. 10, 26 и др., а предлогъ «чрезъ», означающій въ этихъ случаяхъ чье либо посредство въ написаніи или изреченіи цитуемаго мѣста, обыкновенно выражается въ греч. предлогами διὰ или ὑπὸ съ собственнымъ или нарицательнымъ именемъ лица, какъ Дѣян. 1, 16. 2, 16. Мѳ. 1, 22. 4, 14. (ὑπὸ). Мѳ. 2, 17. 3, 2.

и другомъ случаѣ выраженіе, въ какомъ поставляется имя Давида, не имѣетъ ничего общаго съ выраженіемъ Евр. 4, 7 и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что означенные въ нихъ псалмы—15, 68 и 108 относимы были Апостолами къ Давиду, именно какъ писателю. Если же о другихъ псалмахъ разсмотрѣнной нами группы мы не встрѣчаемъ въ Н. Завѣтѣ такихъ же свидѣтельствъ о ихъ Давидовомъ происхожденіи, то тѣсная связь ихъ между собою въ содержаніи, выраженіяхъ и пророческомъ значеніи, вмѣстѣ съ другими основаніями, достаточно ручается намъ, что новозавѣтныя свидѣтельства о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣютъ отношеніе и ко всѣмъ,—что они принадлежатъ одному и тому же писателю Давиду.

Другая, еще большая группа псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида, напоминаетъ своимъ содержаніемъ *обстоятельства, слѣдовавшія за его паденіемъ,—покаяніе его предъ Богомъ и Божіе наказаніе за грѣхъ, какое испыталъ онъ въ возстаніи сына своего Авессалома.* Что касается перваго обстоятельства, то послѣ 50-го псалма, который въ самомъ надписаніи своемъ отмѣчается какъ памятникъ сокрушеннаго покаянія, принесеннаго Давидомъ Богу во грѣхѣ своемъ послѣ обличенія его пророкомъ Наѳаномъ, Св. Церковь изъ числа Давидовыхъ псалмовъ издавна считала покаянными (Psalmi poenitentiales) псалмы: 6, 31, 37 и 142-й. Имѣлось-ли при этомъ въ виду ихъ историческое отношеніе къ покаянію Давида, подобно какъ такое отношеніе всегда признаваемо было за Пс. 50, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Церковь признавала за этими псалмами преимущественное приличіе ихъ состоянію кающихся [1]), хотя бы то и съ цѣлію практическаго ихъ употребленія; но, при сопоставленіи ихъ съ псалмомъ 50-мъ и надписаніи именемъ Давида, и это уже даетъ нѣкоторое право предполагать относительное соотвѣтствіе ихъ и состоянію кающагося Давида. Въ свою очередь содержаніе этихъ псалмовъ, съ присовокупленіемъ не упоминаемаго между ними, но тѣмъ не менѣе заслуживающаго съ такимъ же правомъ занять мѣсто въ ряду покаянныхъ—Пс. 38-го, совершенно оправдываетъ такое предположеніе, представляя полное соотвѣтствіе съ характеромъ и исторіею кающагося Давида. Изображеніе въ Пс. 31 мучительнаго состоянія грѣшника, снѣдаемаго угрызенія-

---

[1]) См. Душ. Чт. 1862 г. I, стр. 249.

ми совѣсти, и чувства внутренняго мира и блаженства въ сознаніи прощенія грѣховъ своихъ, получаемаго чрезъ покаяніе и сокрушенное исповѣданіе ихъ предъ Богомъ, какъ нельзя болѣе идетъ къ Давиду, который, послѣ своего грѣхопаденія, около года отлагая свое покаяніе, пока не былъ вызванъ къ тому обличеніемъ пророка Наѳана, собственнымъ опытомъ извѣдалъ всю тяжесть состоянія нераскаяннаго грѣшника; а получивъ отъ Бога прощеніе грѣховъ, послѣ принесенія сердечнаго раскаянія, тѣмъ живѣе позналъ и восчувствовалъ высокую цѣну блаженнаго состоянія внутренняго мира съ Богомъ и съ своею совѣстію [1]). Такъ свидѣтельствуетъ о писателѣ этого псалма и Апостолъ Павелъ, который, приводя въ посланіи къ Римлянамъ (4, 6—8) начальныя слова его, замѣчаетъ, что именно «Давидъ называетъ въ нихъ блаженнымъ человѣка, которому Богъ вмѣняетъ праведность». Потому, если не подлежитъ сомнѣнію, что Пс. 50-й есть плодъ сердечнаго сокрушенія Давида во грѣхахъ своихъ, послѣ обличенія его Наѳаномъ пророкомъ, то Пс. 31-й безспорно составляетъ выраженіе чувства радости и благодарности предъ Богомъ за полученіе прощенія грѣховъ. Такое соотношеніе псалмовъ подтверждается и тѣмъ еще, что въ 50 Пс., испрашивая у Бога прощенія грѣховъ и возвращенія внутренняго мира и радости духовной, кающійся псалмопѣвецъ даетъ обѣщаніе научить беззаконныхъ путямъ Божіимъ (ст. 15), а въ Пс. 31, по полученіи просимаго, онъ дѣйствительно исполняетъ свое обѣщаніе, изъ собственнаго опыта предлагая грѣшникамъ урокъ не медлить покаяніемъ и обращеніемъ своимъ къ Господу (ср. особенно ст. 8 и 9 [2]). Прочіе покаянные псалмы—6, 37, 38 и 142—составляютъ собственно молитвы къ Богу объ избавленіи отъ гонителей, въ которыхъ псалмопѣвецъ сознаетъ праведное наказаніе Божіе за грѣхи свои, и потому молитъ небесное милосердіе о прощеніи и помилованіи. Такія чувства псалмопѣвца очень идутъ къ состоянію Давида, гонимаго Авессаломомъ; почему, за исключеніемъ Пс. 6-го, во многомъ впрочемъ почти буквально сходнаго съ 37-мъ, большая часть и древнихъ и новыхъ

---

[1]) См. тамъ же стр. 250.

[2]) Такое объясненіе 31 Пс. у св. Аѳанасія В. и бл. Ѳеодорита, и изъ новѣйшихъ: въ Толк. на Псал. изд. Св. Синода Преосв. Иринея, также у Генгстенберга, Толюка, Делича и др.

толкователей относили эти псалмы къ Авессаломову возстанію [1]), почему также въ надписаніи одного изъ этихъ псалмовъ,—142-го, въ греч. переводѣ послѣ имени Давида издавна, и, можетъ быть, самими переводчиками сдѣлана была объяснительная прибавка относительно времени происхожденія псалма: «когда онъ (Давидъ) гонимъ былъ сыномъ своимъ Авессаломомъ» [2]). Послѣ принесенія раскаянія, Давиду хотя и было возвѣщено прощеніе отъ Бога, но тотъ же пророкъ объявилъ ему, что онъ все же долженъ будетъ понести за свой грѣхъ наказаніе,—что Богъ воздвигнетъ противъ него зло изъ его собственнаго дома, возбудитъ враговъ изъ среды ближнихъ его и тайный грѣхъ его обнаружитъ предъ всѣмъ Израилемъ (2 Ц. 12, 11—12). Исходъ возстанія Авессалома, когда большая часть близкихъ довѣренныхъ людей и друзей Давида перешли на сторону мятежника, а недоброжелатели его, какъ Семей, не стѣснялись уже злословить его, открыто заявляя о его тайныхъ преступленіяхъ,—все это какъ буквальное исполненіе угрозы пророка, живо приводило ее на память Давиду, и, возбуждая въ немъ сознаніе виновности

---

[1]) Пс. 37 и 142 относятъ къ этому времени: св. Аѳанасій, и изъ новѣйшихъ: нашъ отечественный толкователь Архіеп. Иринеи въ Толк. на Псалт. изд. отъ Св. Синода, также мн. др. (См. Scr. Sacrae Curs. Completus. на эти псалмы; въ частности о Пс. 37 см. тоже мнѣніе у Писарева въ Дух. Чт. 1862 г. I, стр. 249—265); остальные же два псалма объясняютъ примѣнительно къ кающемуся Давиду безъ отношенія къ Авессаломову возстанію. Такое же объясненіе даетъ и бл. Ѳеодоритъ, который къ Авессаломову возстанію относитъ еще псаломъ 38. Согласенъ съ нимъ изъ новѣйшихъ ученыхъ Деличъ.

[2]) Такое прибавленіе находилось не во всѣхъ греческихъ кодексахъ и не вездѣ въ одинаковомъ видѣ. Въ однихъ оно читалось и читается согласно съ Вульгатою и нашимъ слав. переводомъ: ὅτε κατεδίωκεν αὐτὸν Ἀβεσσαλὼμ ὁ υἱὸς αὐτοῦ; по друг. же изд. безъ имени Авессалома: ὅτε αὐτὸν ὁ υἱὸς κατεδίωξε, какъ напр. и въ греческомъ изд. нашего Библ. Общ. 1821 г., сдѣланномъ, по замѣчанію на заглавномъ листѣ его, съ древней александрійской рукописи. Впрочемъ, уже Оригенъ, хорошій знатокъ древностей, также бл. Ѳеодоритъ, св. Аѳанасій и бл. Іеронимъ не усумнились признать глубокую древность такого эпиграфа и послѣдовать ему,—первые въ своихъ объясненіяхъ, послѣдній—въ своемъ латин. перев. Псалтири.

своей предъ Богомъ и заслуженности наказанія, естественно должно было снова вызвать изъ души его покаянные вопли къ милосердію Божію о прощеніи грѣховъ и помилованіи. — Отдѣльныя мысли и выраженія разсматриваемыхъ псалмовъ также вполнѣ соотвѣтствуютъ тогдашнему состоянію Давида, или напоминая собою тѣ или другія обстоятельства этого времени, или же представляя какъ бы поэтическій перифразъ тѣхъ немногихъ словъ Давида, какія сохранила до насъ исторія. Выраженіе глубокой скорби и внутреннихъ терзаній души, въ сознаніи всей тяжести заслуженнаго бѣдствія (Пс. 6. 2. 4. 7. 8. 37. 2—11. Пс. 39. 11 и дал. 142, 3—7), напоминающее отчасти картину мучительнаго состоянія грѣшника въ Пс. 31 (ст. 3—4), становится вполнѣ понятнымъ въ лицѣ Давида, преступнаго отца, наказываемаго за свой грѣхъ возстаніемъ противъ него любимаго его сына. Съ другой стороны и эта смиренная, безмолвная покорность карающему правосудію Божію напоминаетъ грѣшника, оставленнаго искренними друзьями и преслѣдуемаго множествомъ коварныхъ враговъ (Пс. 37, 12—20. 38, 2. 3. 10), находитъ свой вполнѣ соотвѣтствующій историческій образъ въ Давидѣ, принужденномъ оставленномъ его друзьями, гонимомъ собственнымъ сыномъ его, когда онъ въ сознаніи заслуженности своего наказанія предъ Богомъ, въ смиренномъ и терпѣливомъ молчаніи выслушиваетъ злословія Семея, не позволяя окружающимъ себя наказать ругателя. «Я сознаю вину мою, сокрушаюсь о грѣхѣ моемъ», говоритъ псалмопѣвецъ Господу (37, 19). «Я сталъ нѣмъ и не открываю устъ моихъ, потому что Ты содѣлалъ это (Пс. 38, 10). Я какъ человѣкъ, который не слышитъ и не имѣетъ въ устахъ своихъ оправданія; ибо на Тебя, Господи, уповаю я. Ты услышишь [1]), Господи Боже мой (Пс. 37, 15—16)». Въ такихъ словахъ нельзя не узнать Давида, который безмолвно выслушивалъ злословія Семея, такъ говоритъ Авесѳѣ и слугамъ своимъ на ихъ желаніе наказать дерзкаго ругателя. «Что мнѣ и вамъ? оставьте его, пусть онъ злословитъ; ибо Господь повелѣлъ ему злословить Давида... Можетъ быть Господь призритъ

---

[1]) Собственно *отвѣтишь*, תַּעֲנֶה, т. е. злословящимъ меня, или воздашь имъ вмѣсто меня за ихъ злословіе, какъ обыкновенно и переводится и объясняется это слово почти у всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ. Почему и въ русск. пер. Библ. Общ.: «*отвѣтствуй за меня*».

на уничиженіе мое, и воздастъ мнѣ Господь благостію за теперешнее его злословіе (2 Ц. 16, 10 и 12)». Вообще изъ числа этихъ псалмовъ, совершенно сходныхъ между собою по содержанію и даже выраженіямъ, только въ Пс. 37, и то одна черта смущала нѣкоторыхъ толкователей, возбуждая сомнѣніе въ отношеніи его къ Давиду, — это изображеніе страданій псалмопѣвца въ ст. 8—12, сходное съ изображеніемъ страданій праведнаго Іова (Іов. 19, 14 и дал.), дававшее потому поводъ предполагать въ лицѣ его какого-то страдальца, пораженнаго проказою [1]). Но, очевидно, что сомнѣніе и выводимое изъ него предположеніе основываются на неправильномъ, буквальномъ пониманіи нѣкоторыхъ выраженій указаннаго мѣста, между тѣмъ какъ въ Священномъ Писаніи. и въ частности въ псалмахъ, слова: болѣзнь, язва, струпы и т. п. очень часто употребляются въ переносномъ смыслѣ для обозначенія всякаго рода страданій и скорбей (ср. Быт. 4, 23. 2 Ц. 7, 14. Пс. 6, 3. 21, 15—16. 30, 11 и дал. Иса. 1, 5 — 6 и др.), и въ настоящемъ мѣстѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго контекста рѣчи, означаютъ страданія отъ гонителей (ст. 13. 20. 21), увеличиваемыя сознаніемъ заслуженности ихъ предъ Богомъ, которое естественно вызываетъ еще мучительнѣйшія угрызенія совѣсти (ст. 15. 19 ср. 5. 9). Но все это, какъ видѣли мы, нисколько не противорѣчитъ, а вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію Давида во время гоненія его отъ Авессалома [2]).

Къ этому же времени, кромѣ означенныхъ покаянныхъ псалмовъ, очень подходятъ по содержанію своему и многіе другіе изъ надписанныхъ именемъ Давида, которые всѣ вмѣстѣ, при извѣстномъ болѣе или менѣе хронологическомъ расположеніи, можно назвать какъ бы *лирическимъ изложеніемъ исторіи Авессаломова возстанія*. Одни изъ такихъ псалмовъ, какъ: 5, 10, 25, 40, 54, 57, 63,

---

[1]) Такъ Іероним, и изъ новѣйшихъ Cramer, Köster, Ewald и нѣкоторые др, ст. 12-й переходятъ: amici contra Ieram meam steterunt, и, по замѣчанію Калмета, въ этихъ словахъ и во всемъ 37-мъ Пс. alii apud Cassiodorum Jobi a Deo probati querelas audiunt (Calmeti, Comment. in h. Ps.). Раввины, не отрицая принадлежности псалма Давиду, допускаютъ предположеніе, что Давидъ страдалъ болѣзнію въ родѣ проказы. (См. Толков. на Пс. Иринея Ч. 1, стр. 506 и псалмы въ русск. перев. съ коммент. раввина Пумпянскаго).

[2]) Ср. Душ. Чт. 1862 г. I, стр. 256 и 260—261.

139 [1]), въ отношеніи *къ самому началу исторіи Авессаломова возстанія*, именно, къ возникновенію и постепенному развитію заговора, представляютъ даже нѣкоторыя новыя черты и особенности, которыя впрочемъ нисколько не противорѣчатъ общему ея характеру, но, какъ кажется намъ, значительно уясняютъ происхожденіе этого печальнаго явленія и отношенія къ нему Давида. Нужно замѣтить, что во 2 кн. Царствъ, гдѣ излагается исторія Авессаломова возстанія, эта сторона его совсѣмъ опущена, и начало возмущенія представляется слишкомъ отрывочно, какъ-то вдругъ, безъ всякой почти исторической связки или подготовки фактовъ. Изъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ открытому возстанію, мы узнаемъ тамъ только о стараніи Авессалома своею обходительностію и мнимымъ попеченіемъ о правосудіи вкрасться въ любовь и довѣріе народа, въ тоже время возбудивъ въ немъ недовѣріе и нерасположеніе къ отцу своему Давиду; но отсюда еще далеко до открытаго возстанія и переходъ къ нему представляется совсѣмъ неяснымъ. Каковы-бы ни были усилія Авессалома пріобрѣсти себѣ любовь народную, но если въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ одинъ, безъ содѣйствія многочисленныхъ сообщниковъ, какъ это представляетъ намъ исторія; то остается непонятнымъ, какимъ образомъ въ непродолжительное время, не болѣе 4-хъ лѣтъ [2]), притомъ же оставаясь неотлучно въ Іерусали-

---

[1]) Впрочемъ толкователи древніе и новые, соглашаясь, за исключеніемъ раціоналистовъ въ родѣ Гитцига, въ написаніи этихъ псалмовъ Давидомъ, расходятся во мнѣніяхъ относительно повода къ ихъ написанію, и нѣкоторые думаютъ въ нихъ видѣть указаніе на время Сауловыхъ гоненій. Только одинъ Деличъ всѣ эти псалмы относитъ къ возмущенію Авессалома.

[2]) Мнѣніе это основывается на 2 Ц. 15, ст. 7-мъ, который, по переводамъ сирскому, арабскому, Вульгатѣ, въ изъясненіи бл. Ѳеодорита и нѣкоторыхъ другихъ, читается: «по прошествіи четырехъ лѣтъ (אַרְבַּע שָׁנָה), т. е. со времени возвращенія Авессалома, вмѣсто принятаго у насъ чтенія: «сорока лѣтъ», т. е. царствованія Давидова, согласно съ нынѣшнимъ еврейскимъ чтеніемъ: אַרְבָּעִים שָׁנָה; такъ какъ это послѣднее чтеніе рѣшительно противорѣчитъ исторіи. Чтобы принять его, нужно допустить одно изъ двухъ, или что возмущеніе Авессалома было предъ самою смертію Давида; но это не подтверждается дальнѣйшею исторіею,—или что время царствованія Давидова во 2 Ц. 5, 5 и 3 Ц.

мѣ, могъ онъ пріобрѣсти себѣ такую громадную популярность во всѣхъ концахъ царства Давидова, что по одному слову: «Авессаломъ воцарился», народъ, оставляя еще недавно любимаго царя своего, толпами стекается къ мятежнику Не понятно и то, какимъ образомъ самъ Авессаломъ, послѣ попытокъ расположить къ себѣ народъ, сдѣланныхъ въ одномъ только Іерусалимѣ, могъ смѣло перейти къ открытому возстанію противъ царя, съ полною увѣренностію, что сердце Израильтянъ уклонилось на его сторону и что жители Хеврона, древнѣйшаго царственнаго города Давидова, куда онъ отправляется провозгласить себя царемъ, тотчасъ же не выдадутъ его отцу его Давиду, какъ дерзкаго мятежника. Еще менѣе понятно, какимъ образомъ Ахитофелъ,—если, по буквальному смыслу историческаго сказанія 2 книги Царствъ, не допустить предварительнаго соглашенія его съ Авессаломомъ,—Ахитофелъ, еще недавній совѣтникъ и другъ Давида, по одному приглашенію Авессалома, сдѣланному уже изъ Хеврона, могъ, не колеблясь, оставить Давида, и принять участіе въ составленномъ противъ него заговорѣ?—какъ самъ Авессаломъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Ахитофеломъ, въ такую важную для своего замысла минуту, каково пребываніе его въ Хевронѣ, рѣшился обратиться къ такому человѣку, который, какъ ближайшій довѣренный совѣтникъ и другъ Давида, могъ тотчасъ же разстроить весь созрѣвшій уже планъ мятежника и вмѣстѣ съ его жизнію положить конецъ его замысламъ, и отчего Авессаломъ не предпочелъ въ этомъ случаѣ скорѣе обратиться къ Іоаву, который и раньше являлся его заступникомъ предъ отцемъ его?

2, 11 показано не вѣрно, и что Давидъ царствовалъ болѣе 40½ лѣтъ; но это значило бы извратить всю принятую нами хронологію. Между тѣмъ при первомъ чтеніи такихъ историческихъ несообразностей не встрѣчается, такъ какъ четыре года пребыванія Авессалома въ Іерусалимѣ не представляютъ ничего невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что время пребыванія его тамъ до полнаго примиренія съ отцемъ во 2 Ц. 14, 28 прямо указано: «два года». Остается одно недоумѣніе, какъ могло въ евр. экземплярѣ, которымъ пользовались LXX, и нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ произойти множественное окончаніе вмѣсто единственнаго въ словѣ אַרְבַּע; но недоумѣніе это, только въ обратномъ видѣ, неизбѣжно и при другомъ чтеніи: вѣдь могло же во многихъ переводахъ вмѣсто множественнаго окончанія образоваться единственное.

Для разрѣшенія такихъ недоумѣній необходимо предположить, что заговоръ противъ Давида составился не въ Хевронѣ только, по буквальному выраженію исторіи (2 Ц. 15, 12),—потому что туда Авессаломъ прибылъ уже объявить себя царемъ, и слѣдовательно для исполненія совсѣмъ уже составленнаго плана,—но что такой заговоръ задолго до того веденъ былъ уже въ Іерусалимѣ, что въ немъ принимала участіе многочисленная партія недовольныхъ Давидомъ сообщниковъ Авессалома, которые въ разныхъ концахъ царства старались возбуждать народъ противъ царя и располагать въ пользу его мятежнаго сына, что наконецъ и Ахитофелъ давно уже стоялъ на сторонѣ Авессалома и руководилъ его преступными замыслами. Но предполагая существованіе заговора противъ Давида въ самомъ Іерусалимѣ, еще задолго до обнаруженія его въ Хевронѣ, мы встрѣчаемся съ недоумѣніемъ, ужели оно могло укрыться отъ глубокой проницательности Давида, отъ которой нѣсколько ранѣе того не скрылось тайное ходатайство Іоава за Авессалома (2 Ц. 14, 18—20), и возможно ли, чтобы никто изъ довольно многочисленныхъ вѣрныхъ слугъ Давида также нисколько не подозрѣвалъ почти на ихъ глазахъ возраставшихъ преступныхъ замысловъ мятежниковъ, дабы заблаговременно извѣстить о томъ царя своего? Внезапная перемѣна въ отношеніяхъ Іоава къ Авессалому, ничѣмъ не объясняемое въ исторіи охлажденіе его въ прежнемъ своемъ сочувствіи къ этому послѣднему (2 Ц. 14, 29—32), кажется намъ, даетъ нѣкоторое основаніе догадываться, что онъ рано понялъ преступные планы покровительствуемаго имъ царскаго сына и, желая оставаться вѣрнымъ царю, отшатнулся отъ него, какъ опаснаго государственнаго измѣнника. Но если эта догадка близка къ истинѣ и такимъ образомъ не невѣроятно, что и до царя доходили слухи о существованіи противъ него заговора, то возникаетъ новое недоумѣніе, отчего Давидъ не принялъ надлежащихъ мѣръ къ благовременному обнаруженію и подавленію его въ самомъ началѣ, но допустилъ ему развиться до открытаго возстанія?—Всѣ такія недоумѣнія, возникающія при чтеніи повѣствованія 2 кн. Царствъ о началѣ Авессаломова возстанія, разрѣшаются для насъ, какъ скоро согласимся признать, что исчисленные выше псалмы дѣйствительно принадлежатъ Давиду, которому приписываются въ надписаніяхъ. Содержаніемъ своимъ они очень идутъ къ этой не совсѣмъ ясной въ исторіи эпохѣ, и именно сходятся съ тѣми предположеніями, какія мы нашли необходимымъ

допустить для ея разъясненія. Именно, они даютъ намъ заключать, что заговоръ Авессалома, прежде обнаруженія его въ Хевронѣ, веденъ былъ тайно (Пс. 54, 13. 63, 3—6. 139, 6) и тогда уже, когда Давидъ еще не видѣлъ необходимости удаляться изъ Іерусалима (Пс. 10, 1 и дал.), но еще съ полною свободою пользовался милостію Господа—покланяться во святомъ домѣ Его (Пс. 5, 8—11. 25, 6—8. ср. 2 Ц. 15, 25). Мы видимъ также, что Давиду очень рано сдѣлались извѣстны коварные замыслы враговъ его, клонившіеся къ низверженію установленнаго Богомъ правительства (Пс. 5, 11. 10, 3 [1]); равно какъ давно было извѣстно и то, что для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей враги его дѣйствовали клеветою и ласкательствомъ (Пс. 5, 10. 54, 4. 13. 22. 57, 2—6. 63, 4. 139, 4. 10), стараясь возбуждать противъ него неудовольствіе народа, а къ себѣ привлекать его расположеніе; но сознавая правоту свою и совершенную свободу отъ несправедливо взводимыхъ нареканій, и въ то же время, съ твердою вѣрою въ правосудіе Божіе, почти убѣжденный въ безуспѣшности безумныхъ предпріятій (Пс. 5, 5—7. 57, 7—12. 63, 8—11. 139, 13), онъ не предпринимаетъ еще никакихъ мѣръ противъ мятежниковъ, кромѣ молитвы къ Богу о защитѣ и кроткаго обличенія и вразумленія, какія находимъ мы въ его пѣсняхъ. Въ виду обвиненій въ жестоко-

---

[1]) Выраженіе Пс. 10, 3: «разрушены основанія», согласно съ употребленіемъ его въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (Пс. 81, 5. Иса. 19, 10 съ евр.; Іез. 30, 4), мы понимаемъ въ смыслѣ ниспроверженія существующаго государственнаго устройства, или установленнаго правленія и правительства, составляющихъ основу благосостоянія и могущества государства. А такъ какъ въ еврейскомъ царствѣ порядокъ правленія былъ установленъ Самимъ Богомъ, и Давидъ былъ царь, Богомъ поставленный; то это давало ему право говорить, что заговорщики возмутились противъ Самаго Бога (Пс. 5, 11). Подобнымъ образомъ въ Пс. 2 возстаніе противъ помазанника Господня называется возстаніемъ противъ Господа. Почему св. Аѳанасій приведенныя слова Пс. 10, 3, читая ихъ по греческому тексту, согласно съ нашимъ славянскимъ: «яже Ты совершилъ еси, они разрушиша», изъясняетъ ихъ въ слѣд. перифразѣ, говоря отъ лица Давида: «враги на мнѣ спѣшатъ разорить дѣла Твои; ибо кого помазалъ Ты царемъ, того стараются обратить въ ничто, вооружаясь противъ Твоего приговора» (Твор. Св. Оо. въ русск. пер. Т. XXII стр. 72).

сти [1]) и недостаточной заботливости о справедливости и правосудіи, взводимыхъ на него заговорщиками, онъ подвергаетъ испытанію предъ Богомъ и собственною совѣстію внутреннія свои расположенія и стремленія, свою жизнь и дѣятельность, и это самоиспытаніе представляетъ ему, что онъ не уклонился отъ праваго пути милости и истины и потому молитъ Господа—не дать ему погибнуть наравнѣ съ людьми, дѣйствительно заслуживающими такого рода обвиненій, неправедными, мздоимцами и кровожадными злодѣями (Пс. 25), но, вопреки несправедливымъ порицаніямъ враговъ, руководствовать его въ правдѣ своей, которой онъ всегда старался слѣдовать въ своей жизни (Пс. 5, 9). Съ другой стороны, обращаясь къ своимъ обвинителямъ, хвалившимся своею любовію къ истинѣ и справедливости, онъ находитъ, что они сами именно заслуживаютъ тѣхъ обвиненій и порицаній, какими хотятъ поколебать народную къ нему любовь и довѣренность. «Подлинно-ли правду говорите вы, сильные, и справедливо судите, сыны человѣческіе?»—кротко обращается онъ къ нимъ въ 57-мъ Пс., какъ бы прямо отвѣчая на коварныя слова Авессалома и, безъ сомнѣнія, его сообщниковъ къ идущимъ на судъ къ царю, будто у царя нельзя найти справедливости и что только они одни могли бы быть достойными представителями безукоризненнаго правосудія (2 Ц. 15, 3—4). И чтобъ съ одной стороны вразумить безумныхъ, съ другой—предостеречь народъ отъ увлеченія ихъ мнимою любовію къ истинѣ и справедливости, далѣе онъ прямо разоблачаетъ передъ ними дѣйствительную низость ихъ души и коварство ихъ замысловъ: «напротивъ» [2]), т. е. похваляясь мнимою заботливостію о правосудіи,

---

[1]) Мы полагаемъ, что кромѣ обвиненій въ неправосудіи, упоминаемыхъ въ 2 Ц. 15, 3, заговорщиками взводимо было на Давида и обвиненіе въ жестокости и кровожадности, какъ это показываетъ ругательство Семея, который именно называетъ Давида кровожадными или убійцею,—буквально: мужемъ кровей: אִישׁ דָּמִים (2 Ц. 15, 7—8). Тоже выраженіе употребляется и въ разсматриваемыхъ псалмахъ Давида въ сопоставленіи съ указаніями на неправосудіе и коварную ложь (Пс. 26 по евр., 9—10. 5, 7. 55 съ евр., 24; сравн. ст. 10—12).

[2]) См. русск. пер. Библ. Общ. Въ новомъ русскомъ пер. Синод. изд. нѣтъ слова: *напротивъ*; но въ евр. здѣсь стоитъ частица אַף, которая обыкновенно переводится словами: *напротивъ*, *въ самомъ дѣлѣ*, *даже*,

«беззаконія составляете въ сердцѣ, кладете на вѣсы злодѣянія рукъ вашихъ на землѣ. Съ самаго рожденія отступили нечестивые; отъ утробы матерней заблуждаютъ, говоря ложь...» (ст. 3—4, ср. Пс. 5, 10 и дал.). Далѣе Пс. 40-й представляетъ еще новую черту для пополненія и уясненія исторіи этого времени, именно, что развитію заговора много содѣйствовала продолжительная болѣзнь Давида, безъ сомнѣнія давшая Авессалому случай открыто разыграть предъ народомъ роль рачительнаго и безпристрастнаго судьи, и тѣмъ еще больше вкрасться въ его любовь и довѣренность. Видно, что заговоръ тогда достигъ уже громадныхъ размѣровъ, и, къ увеличенію скорби больнаго Давида, къ партіи заговорщиковъ присталъ уже и его совѣтникъ и мнимо преданный другъ Ахитофелъ, прообразъ новозавѣтнаго Іуды предателя (Пс. 40, 10; ср. Іоанн. 13, 18. Также Пс. 54, 13—15); но заговорщики не начинаютъ открытаго возстанія, надѣясь спокойно достигнуть своей цѣли со смертію больнаго царя. «Слово Веліала пришло на него [1]); онъ слегъ; не встать ему болѣе»,—съ злобною радостію мечтаютъ заговорщики во время болѣзни Давида (Пс. 40, ст. 8—9), и съ притворнымъ участіемъ посѣщая больнаго, въ тоже время въ развращенныхъ душахъ своихъ съ нетерпѣніемъ ждутъ его смерти: «когда онъ умретъ, и погибнетъ имя его (ст. 6—7)?» Между тѣмъ Давидъ, глубоко потря-

---

и которая, хотя не одинаково, выражаема была во всѣхъ древнихъ переводахъ, почему мы не видимъ причины опускать ее и въ нашемъ русскомъ.

[1]) דְּבַר־בְּלִיַּעַל יָצוּק בּוֹ. Но דָּבָר зн. не только *слово*, а и *дѣло, вещь*,—въ неопредѣленномъ смыслѣ: *нѣчто, что-то*; въ настоящемъ же случаѣ, судя по контексту, безъ сомнѣнія употребляется вм. названія недуга или болѣзни, постигшей псалмопѣвца. בְּלִיַּעַל (изъ בְּלִי—*не, безъ*, и יַעַל—*высота*) собств. *отрицаніе высоты*, т. е. крайняя глубина, — въ нравств. смыслѣ: *низость, беззаконіе*,—переносно: *уничижающая, губительная сила*, какъ синонимъ смерти и ада (Ср. по евр. Пс. 18, 5 — 6), почему въ Нов. Зав. (2 Кор. 6, 15), въ ветхоз. апокрифахъ и др. позднѣйшихъ писаніяхъ βελίαρ=βελίαλ употребляется въ значеніи имени сатаны и его царства (См. въ Hebr.-Chald. Handwörterbuch v. J. Fürst эти слова). Посему все приведенное выраженіе можно перевести проще: «что то гибельное приключилось ему», или «болѣзнь смертельная постигла его».

сенный дошедшими до него извѣстіями о замыслахъ и намѣреніяхъ заговорщиковъ, не теряетъ надежды, что Господь возставитъ его отъ одра болѣзни и дастъ ему возможность отмстить врагамъ своимъ: «Ты, Господи, помилуй меня и возставь меня, и я воздамъ имъ» (ст. 11 и дал.), говоритъ онъ въ молитвѣ своей къ Богу [1]).

---

[1]) Пс. 40-й къ Авессаломову возстанію относитъ и Преосв. Ириней въ Толкованіи на Псалт. изд. отъ Св. Синода, но не соглашается допустить, чтобы въ ст. 4 — 11 говорилось о тѣлесной болѣзни псалмопѣвца, думая, какъ въ Псс. 6, 31 или 37, разумѣть здѣсь только глубокую душевную скорбь его, производимую сознаніемъ своей грѣховности предъ Богомъ, на которое дѣйствительно указывается въ ст. 5. Но не отрицая этой покаянной скорби, которая, не оставляя Давида въ здоровомъ состояніи, тѣмъ сильнѣе должна была чувствоваться во время болѣзни, мы находимъ необходимымъ объяснять это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ о соединенной съ душевною скорбію болѣзни тѣлесной; потому что этого требуетъ весь составъ рѣчи, какъ-то: нетерпѣливыя ожиданія его смерти со стороны враговъ его (ст. 6), упоминаніе о ихъ посѣщеніяхъ, при чемъ они, выходя вонъ говорятъ: «онъ слегъ, не встать ему болѣе» (ст. 7—9), и особенно его молитва къ Господу—возставить его, чтобы онъ могъ воздать врагамъ своимъ (ст. 11). Все это нельзя объяснить въ связи по отношенію къ одной только душевной болѣзни,—къ скорби Давида, не дѣлая насилія естественному смыслу рѣчи: ибо что напр. тогда разумѣть подъ возстановленіемъ, какого испрашиваетъ псалмопѣвецъ для отмщенія врагамъ своимъ? Утѣшеніе въ скорби чрезъ полученіе прощенія грѣховъ? — но прощеніе уже возвѣщено было ему Наѳаномъ вмѣстѣ съ возвѣщеніемъ наказанія изъ его собственнаго дома (2 Ц. 12, 10—13);—или избавленіе отъ наказанія, какое онъ испытывалъ за грѣхъ свой? — но наказаніе это состояло именно въ возстаніи противъ него множества враговъ, почему съ избавленіемъ отъ онаго становится уже совершенно неумѣстнымъ желаніе воздать врагамъ своимъ. Если что, кромѣ тѣлесной болѣзни, могло удерживать Давида отъ мщенія мятежникамъ, то это сознаніе своей виновности предъ Богомъ и заслуженности Его праведнаго наказанія; но нельзя же думать, чтобы онъ сталъ молить Бога заглушить въ немъ это, по его же словамъ, спасительное сознаніе (Пс. 31, 5. Пс. 50, 4—5; ср. 2 Кор. 7, 10) для того только, чтобы дать ему возможность спокойно, не чувствуя стѣсненій совѣсти, наказывать виновниковъ возстанія. Потому, если онъ молитъ Господа возставить его, чтобы онъ могъ воздать врагамъ своимъ, то остается предположить, что въ этомъ случаѣ препятствіе къ отмщенію

Молитва его была услышана и, вопреки злорадным ожиданіямъ враговъ, онъ возсталъ отъ болѣзненнаго одра; но только у него не достало мужества и рѣшимости воздать врагамъ своимъ, — силою подавить беззаконное ихъ предпріятіе, прежде чѣмъ оно успѣло возрасти до открытаго возстанія. Сознаніе своей виновности предъ Богомъ и заслуженности Его гнѣва и праведнаго наказанія (Пс. 40, 5; ср. выше Псс. 6, 37, 38, 142), которое, по предсказанію Наѳана пророка, должно было возникнуть именно изъ его собственнаго дома, вмѣстѣ съ любовію къ Авессалому, отнимало у него рѣшимость энергически дѣйствовать противъ мятежниковъ и побуждало съ молчаливою покорностью Промыслу предоставить Его Божественному правосудію и милосердію исходъ на своихъ глазахъ созрѣвшаго заговора (см. Пс. 63 и 139). Такимъ образомъ онъ не только даетъ ему полную возможность созрѣть и развиться до открытаго возстанія, но даже не рѣшается принять благовременно мѣры къ собственной безопасности. Когда все уже было «кончено, предпріятія обдуманы» (Пс. 63, 7) [1]) и ежеминутно готово было вспыхнуть пламя

онъ находитъ въ болѣзни своей тѣлесной, которая, приковывая его къ постели (ст. 4), не давала ему возможности изслѣдовать дѣло и произнести судъ надъ виновными. Молчаніе исторіи о болѣзни Давида, подобно какъ и молчаніе о многихъ подробностяхъ возстанія Авессаломова или другихъ какихъ событій, конечно, не мѣшаетъ такому предположенію: на основаніи только молчанія исторіи нельзя же заключать, будто, за исключеніемъ Езекіи и другихъ не многихъ ветхозавѣтныхъ лицъ, о болѣзни которыхъ повѣствуется въ свящ. книгахъ, всѣ прочіе ветхозавѣтные мужи, въ томъ числѣ и Давидъ, никогда не страдали ни отъ какихъ тѣлесныхъ недуговъ. Поэтому мы считаемъ вполнѣ справедливымъ высказываемое относительно 40-го Пс. въ Кіевск. изд. Псалтири 1715 г. замѣчаніе намѣстника Кіево-Печерской Лавры Варлаама Голенковскаго, что въ немъ между прочимъ описывается, какъ «Давидъ въ недузѣ сущи, поношенъ бяше отъ сопротивныхъ, чающихъ, яко отъ тоя уже болѣзни не возстанетъ».

[1]) См. по русск. пер. Библ. Общ., который, хотя и представляетъ въ этомъ стихѣ затрудненіе въ пониманіи связи между первою, приведенною нами, и послѣднею его половиною («а внутренность человѣка и сердце глубоко»), но за то отличается близостью къ еврейскому тексту и, съ незначительными разностями, составляетъ почти общепринятый переводъ между новѣйшими западными учеными, тогда какъ новѣйшій

открытаго мятежа, приближенные Давида совѣтуютъ ему бѣжать въ горы (Пс. 10, 1—3); но онъ отклоняетъ этотъ совѣтъ, утѣшаясь всевидящимъ окомъ Іеговы, праведнаго отмстителя нечестивыхъ (Пс. 10, 1. 4—7): «на Господа уповаю; для чего говорите душѣ моей: улетай на нашу гору, птичка? ибо вотъ нечестивые натянули лукъ, стрѣлу свою приложили къ тетивѣ, чтобы во тьмѣ стрѣлять въ правыхъ сердцемъ (Пс. 10, 1—2)». Только съ началомъ возстанія онъ рѣшается послѣдовать предлагаемому совѣту (2 Ц. 15, 13—14), когда и самъ съ скорбію и страхомъ замѣчаетъ обнаруженіе его въ самой столицѣ своей, Іерусалимѣ. Нечестивые «взводятъ на меня беззаконіе, и преслѣдуютъ меня съ яростію», говоритъ онъ тогда въ молитвѣ своей къ Богу; «страхъ и трепетъ нашелъ на меня и ужасъ объялъ меня. И я сказалъ: кто бы далъ мнѣ крылья, какъ у голубя? я улетѣлъ бы и успокоился бы; далеко удалился бы я, и поселился бы въ *пустынѣ*; ибо я вижу насиліе и распри въ городѣ; днемъ и ночью ходятъ онѣ кругомъ по стѣнамъ его; злодѣянія и бѣдствіе посреди его. Посреди его пагуба; обманъ и коварство не сходятъ съ улицъ его». (Пс. 54, 4—12) [1]). Съ этимъ совершенно согласно и повѣствованіе исторіи, которая представляетъ намъ Давида въ такомъ же смущеніи и страхѣ, когда онъ, съ полученіемъ извѣстія о началѣ открытаго возстанія, рѣшается бѣжать изъ столицы и, описывая самое бѣгство его, замѣчаетъ, что онъ именно удалился *въ пустыню*. «Встаньте, убѣжимъ», говоритъ онъ приближеннымъ своимъ, «ибо не будетъ намъ спасенія отъ Авессалома; спѣшите, чтобы намъ уйти, чтобы онъ не застигъ насъ и не захватилъ насъ, и не навелъ на насъ бѣды, и не истребилъ города мечемъ... И вышелъ царь и весь домъ его за нимъ, и народъ (изъ

русск. переводъ Синод. изд., стараясь установить тѣснѣйшую связь между обѣими половинами стиха («...дѣлаютъ разслѣдованіе за разслѣдованіемъ даже до внутренней жизни человѣка и до глубины сердца»), держится ближе переводовъ сирскаго и халдейскаго и почти не имѣетъ за себя авторитетовъ между новѣйшими учеными. LXX и Вульгата въ этомъ стихѣ также ближе къ еврейскому тексту и слѣд. на сторонѣ перевода Библейскаго Общества.

[1]) Такое объясненіе Пс. 54-го и въ Толков. Псалт. Преосв. Иринея (изд. 1823 г.).

Іерусалима)... и пошелъ по дорогѣ къ пустыни» (2 Ц. 15, 14. 16. 17. 23).

Подобнымъ образомъ и съ дальнѣйшею исторіею Авессаломова возстанія въ псалмахъ, надписывающихся именемъ Давида, заключается не мало весьма близкихъ соотношеній, побуждающихъ видѣть въ нихъ произведенія этого именно псалмопѣвца, вызванныя обстоятельствами *со дня бѣгства его изъ Іерусалима до окончательнаго усмиренія мятежниковъ. Таковы слѣдующіе десять псалмовъ*: *4, 22, 24, 26, 27, 36, 60, 61, 85 и 140.* По большей части это молитвы псалмопѣвца объ избавленіи его отъ множества злобныхъ и коварныхъ враговъ, очень сходныя какъ между собою, такъ и съ выше разсмотрѣнными псалмами 3 и 62, равно какъ и съ покаянными: 6, 37, 38 и 142, изъ которыхъ первые приписываются этому времени въ самыхъ надписаніяхъ подлинника, а послѣдніе, по своему содержанію, съ ясными намеками на ругательство Семея, издавна относимы были сюда и относятся многими толкователями. Только три изъ нихъ разнятся отъ прочихъ по своей формѣ, каковы: 22-й изображающій пастырскую попечительность Господа въ судьбѣ преслѣдуемаго врагами псалмопѣвца, 61 и особенно 36, составляющіе поучительные уроки для всѣхъ вѣрующихъ, извлеченные имъ изъ обстоятельствъ своего преслѣдованія и конечной гибельной участи своихъ гонителей. Но, не смотря на эту разность, во всѣхъ исчисленныхъ псалмахъ, въ изображеніи псалмопѣвца и особенностей его положенія, находимъ черты совершенно сходныя съ лицемъ царя Давида и обстоятельствами вышеозначеннаго времени Авессаломова возстанія. Съ большею или меньшею ясностью мы видимъ въ лицѣ псалмопѣвца—гонимаго праведника, который сознаетъ свою невинность предъ гонителями (Пс. 24, 21. 4, 3—4. 61, 4—5. Ср. 37, 20—21); но въ то же время чувствуетъ, что онъ привлекъ на себя гнѣвъ Божій тяжкимъ своимъ преступленіемъ (Пс. 26, 9. 24, 7. 11—18. 140, 5. Ср. 37, 5. 19. 38, 9. 11. 12. 14 и 2 Ц. 12, 10—12. 16, 10—11). И это не простой гонимый смертный, а человѣкъ прославленный и возвышенный (Ср. 2 Ц. 23, 1), но котораго враги умыслили свергнуть съ высоты и затмить славу его (Пс. 4, 3. 61, 5. 8); это человѣкъ, съ судьбою котораго связана судьба цѣлаго народа, помазанникъ Божій и царь Израилевъ (Пс. 24, 22. 27, 8—9. 60, 7. 61, 9. Ср. 3, 9. 62, 12 и 2 Ц. 19, 22. 22, 51), которому открытъ завѣтъ Господень, что потомство его

будетъ обладать землею (Пс. 24, 13—14; ср. 36, 9. 18. 26. 34. 26, 13) и царство его будетъ вѣчное (Пс. 60, 7—8. Ср. 2 Ц. 7, 12 и дал.); но онъ оставленъ теперь самыми близкими ему людьми (26, 10. 24, 16. 27, 3. 85, 1. Ср. 40, 10. 54, 13—15 и 2 Ц. 12, 11. 16, 11. 15, 31), находится въ изгнаніи, вдали отъ дома Божія, къ которому такъ сильно стремится сердце его (Пс. 26, 4—6. 60, 5. 22, 6. 62, 3. Ср. 2 Ц. 15. 16. 17. 23—26. 19, 9), отъ конца земли съ глубокой скорбію взываетъ къ Господу о помощи (Пс. 60, 3. Ср. 62, 2 и 2 Ц. 15, 30—32); въ удаленіи отъ Его жертвенника приноситъ Ему свою молитву вмѣсто куренія ѳиміама, и возношеніе рукъ своихъ вмѣсто вечерняго приношенія (Пс. 140, 2. 27, 2). Но въ твердомъ упованіи на Бога, который милостію Своею и прежде избавлялъ его отъ опасностей (Пс. 85, 13. 26, 9. 24, 5—6), онъ терпѣливо, съ полною покорностію Промыслу переноситъ гоненія отъ враговъ своихъ (Пс. 24, 1—3. 140, 3—5. Ср. 37, 14—16 и дал. 2 Ц. 16, 9—12) и не боится многочисленныхъ ополченій, съ какими они выступили противъ него (Пс. 26, 1—3. 60, 4. 61, 3—4. 6—7. 4, 9. Ср. 3, 6—9 и 2 Ц. 17, 26 и 18, 2 — 5). И Господь дивно хранитъ святаго Своего; какъ заботливый пастырь печется о немъ; въ виду враговъ его уготовляетъ ему трапезу [1]) (Пс. 22, 5; ср. Пс. 36, 19 и 2 Ц. 17,

---

[1]) Въ этихъ словахъ Пс. 22, 5, кромѣ образнаго выраженія мысли объ особенномъ попеченіи Божіемъ, можно видѣть буквальное указаніе на то обстоятельство, что въ Маханаимѣ, во время бѣгства Давида отъ Авессалома, въ виду войскъ мятежника, расположившихся въ Галаадѣ, Верзеллій и нѣкоторые др. доставили изгнанному царю и его людямъ все необходимое продовольствіе. См. 2 Ц. 17, 26—29. Такое объясненіе этихъ словъ находимъ мы у Delitzsch'a въ Die Psalmen, 1867 S. 211, и такъ еще ранѣе объяснялъ ихъ Michaëlis въ Not. ad Lowthii Praelect. de sacra Hebr. poesi p. 509 ed. Goetting. Намъ кажется, что и господствующій въ этомъ псалмѣ образъ Господа, какъ добраго пастыря, который покоитъ Псалмопѣвца на злачныхъ пажитяхъ и водитъ на тихія воды, вызванъ тогдашнимъ пребываніемъ его въ пустынѣ, напомнившемъ ему годы его дѣтства, когда самъ онъ въ Вивлеемской пустынѣ заботливо пасъ стада отца своего (1 Ц. 16, 11. 17, 28).— Такъ точно въ другихъ псалмахъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить относительно псалмовъ изъ времени Саулова гоненія, пребываніемъ его въ горахъ пустыни (2 Ц. 15, 30. 32. 16, 1. 13) обусловливаются

24—29); среди самой крайней опасности ниспосылаетъ ему помощь, утѣшеніе и подкрѣпленіе (Пс. 22; Пс. 4, 4. 7—9. Ср. 2 Ц. 17. 1—2 и 14 и дал.), а враговъ его, надѣявшихся на преобладаніе, хищеніе, суетную человѣческую силу, поражаетъ, низлагаетъ и обращаетъ въ ничто ихъ гордые и коварные замыслы (Пс. 36, 2. 9. 17. 20. 32—36. Пс. 61, 10—12. Пс. 140, 6. 10. Ср. 62, 10—11. 38, 7. 3, 8). «Видѣлъ я, говоритъ псалмопѣвецъ, нечестивца грознаго, расширявшагося, подобно укоренившемуся многовѣтвистому дереву; но онъ прошелъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его и не нахожу» (Пс. 36, 35—36). Это ясный образъ погибели Авессалома[1]), страшнаго, могущественнаго мятежника, который, казалось, почти успѣлъ уже захватить подъ свою власть все еврейское царство, какъ правосудіе Божіе внезапно ужаснымъ образомъ исторгло его изъ среды живущихъ, не оставивъ ему потомства, чтобы сохранилась память имени его» (2 Ц. 18, 9. 14—18. Ср. и Пс. 36, 28 и 38). Вообще всѣ черты изображеній псалмопѣвца, разсѣянныя въ разсматриваемыхъ псалмахъ, совершенно идутъ къ лицу царя Давида и обстоятельствамъ исторіи Авессаломова возстанія, и въ своей совокупности представляютъ намъ довольно полную и ясную картину его внутренняго состоянія въ означенное время, подобно какъ 2-я кн. Царствъ даетъ намъ внѣшнее фактическое описаніе этого событія. Это какъ бы двѣ стороны одной и той же исторіи, — внутренняя психическая и внѣшняя фактическая, которыя нисколько не противорѣчатъ одна другой, а гармонически сходятся между собою, и—въ первой мы находимъ указанія, хотя и очень краткія и не вездѣ довольно ясныя, на тѣже факты, которые въ послѣдней излагаются въ подробности, и, наоборотъ, встрѣчаемъ тамъ полное, подробное развитіе внутреннихъ душевныхъ движеній, чувствъ и желаній одного и того же героя исторіи, Давида, которыя здѣсь, при внѣшнемъ изложеніи фактовъ, передаются слишкомъ сжато, въ отрывочныхъ изреченіяхъ, или же совсѣмъ опускаются и только подразумѣваются. Такъ исторія почти ничего не говоритъ намъ ни о глубокой скорби, какая тогда на-

---

встрѣчающіяся въ нихъ представленія божественной помощи подъ образомъ горъ и скалъ. Псал. 26, 5. 27, 1. 66, 3—4. 61, 3. 7. 8. См. объ этомъ замѣч. Гуляева на 2 Ц. 22, 2 въ его «Историч. кн. Свящ. Пис. В. Зав.».

[1]) См. изъясн. бл. Ѳеодорита въ Тв. Св. Оо. Т. XXVIII. стр. 209.

полняла душу Давида, ни о молитвахъ его къ Богу, ограничиваясь только краткими замѣчаніями: «шелъ (онъ) и плакалъ» (2 Ц. 15, 30), «взошелъ на вершину горы (Елеонской), гдѣ покланялся Богу» (ст. 32); молитву его противъ Ахитофела передаетъ намъ только въ четырехъ словахъ: «Господи, разрушь совѣтъ Ахитофела»—(ст. 31): псалмы напротивъ представляютъ намъ самый плачь Давида и подробное изліяніе его скорбныхъ молитвенныхъ чувствованій предъ Богомъ. Исторія лишь только однажды, и то въ немногихъ словахъ, высказываетъ о желаніи Давида скорѣе возвратиться къ дому Божію (2 Ц. 15, 25); а разсматриваемые нами псалмы почти всѣ проникнуты этимъ желаніемъ, и оно составляетъ первый и главный предметъ молитвъ его къ Господу. Въ исторіи ни слова нѣтъ о благодарности Давида Богу и вообще о томъ, съ какими чувствами онъ принималъ въ то время явленія ему помощи божественной, хотя при этомъ она даетъ намъ замѣтить, что въ разрушеніи Ахитофелова совѣта и особенно въ пораженіи многочисленнаго войска мятежниковъ даже окружающіе и современники Давида видѣли опыты особенной къ нему милости Божіей (2 Ц. 17, 14. 18, 19. 28. 31): между псалмами находятся такіе, которые, какъ 22, 27 (ст. 6—9), 36, 61, восполняютъ этотъ пробѣлъ исторіи, представляя намъ частію въ молитвахъ, частію въ поучительныхъ урокахъ трогательное и высоко-назидательное изображеніе попеченія Божія о гонимомъ праведникѣ и вполнѣ достойное благочестиваго царя Израилева выраженіе глубокой благодарности Господу за его чудное промышленіе. Правда, всѣ указанія разсматриваемыхъ нами псалмовъ на историческіе факты, къ которымъ мы относимъ содержащіяся въ нихъ молитвы и благодаренія Господу, слишкомъ кратки и не на столько ясны и опредѣленны, чтобъ устранялось всякое сомнѣніе въ дѣйствительности такого отношенія; но они таковы же и въ другихъ вышеисчисленныхъ сходныхъ псалмахъ, которые относятся къ обстоятельствамъ этого времени и надписаніями и древними церковными преданіями; притомъ же вѣдь они нисколько не выиграютъ въ ясности и опредѣленности, если мы вмѣстѣ съ представителями отрицательной критики безъ всякихъ другихъ основаній, кромѣ одного случайнаго сходства, станемъ объяснять ихъ о другихъ событіяхъ и приписывать эти псалмы другому времени и другимъ писателямъ. Сами по себѣ такія указанія, конечно, не могутъ служить рѣшительными, несомнѣнными основаніями для опредѣленія писателей и времени происхож-

денія псалмовъ; но мы и не думали выставлять ихъ какъ такія основанія. Мы имѣли въ виду показать, что содержаніе разсмотрѣнной группы псалмовъ нисколько не противорѣчитъ, а вполнѣ согласно съ одною изъ эпохъ царствованія Давида, которому они приписываются въ своихъ надписаніяхъ, и такимъ образомъ нѣтъ основаній, вопреки свидѣтельству этихъ послѣднихъ, пріискивать для нихъ какихъ либо другихъ писателей,—и полагаемъ, что сказаннаго нами для этой цѣли вполнѣ достаточно.

Подобнымъ образомъ другіе псалмы изъ надписывающихся именемъ Давида представляютъ своимъ содержаніемъ близкое соотвѣтствіе *военнымъ подвигамъ* этого псалмопѣвца, которыми такъ богато было его царствованіе. Такъ *псаломъ 9-й*, котораго принадлежность Давиду не отрицаетъ даже и Гитцигъ [1]), представляя соединеніе двухъ сродныхъ между собою пѣсней, — благодарственной по случаю славной побѣды надъ враждебными народами [2]) (ст. 1—21) и просительной объ избавленіи отъ угнетеній вторгнувшихся въ землю Іеговы гордыхъ и жестокихъ язычниковъ (ст. 22—39, въ евр. Пс. 10-й),—очень идетъ *къ обстоятельствамъ войны Давида съ Сирійцами*, во время которой онъ съ своимъ войскомъ на сѣверѣ одерживаетъ славныя побѣды надъ врагами и расширяетъ предѣлы своего царства (2 Цар. 3 — 8. 1 Пар. 18, 3—8), между тѣмъ какъ на югѣ въ безоружную страну вторгаются хищническія орды Идумеевъ и производятъ страшное опустошеніе [3]) (1 Пар. 18, 12; ср. Пс. 59, 2 и 3 Цар. 11, 15—16) [4]).

---

[1]) См. его Psalmen übersetz. und ausleg. 1863 — 5. Einl. и на Пс. 9 и 10.

[2]) Такого рода историческое содержаніе псалма признаетъ и Преосв. Ириней (въ Толков. Псалт. 1823. Т. I, стр. 76), хотя въ самомъ изъясненіи псалма, исключительно раскрываетъ смыслъ таинственный.

[3]) Такъ Michaëlis, Tolück, Muntinghe. Къ тому же мнѣнію склоняется и Delitzsch.

[4]) Въ цитованныхъ мѣстахъ говорится только о пораженіи Идумеевъ войсками Давида послѣ возвращенія ихъ съ Сирійской войны, но не упоминается о вторженіи этого хищническаго племени въ землю Израильскую. Но принимая во вниманіе необыкновенное движеніе войскъ Давида съ крайняго сѣвера, отъ предѣловъ Сиріи, чрезъ всю Палестину на югъ, въ Идумейскую страну, и произведенное въ ней Іоавомъ страшное кровопролитіе, съ истребленіемъ всего мужескаго пола, кажется

При такомъ историческомъ положеніи становится понятнымъ соединеніе въ одномъ псалмѣ торжественнаго гимна въ началѣ съ скорбно элегическою пѣснію въ концѣ его. Правда, на основаніи такого различія въ содержаніи, въ еврейской Библіи этотъ псаломъ раздѣленъ на два; но тѣсная связь ихъ обоихъ во многихъ мысляхъ и выраженіяхъ [1]) и даже по внѣшней формѣ построенія,— такъ какъ

намъ, слѣдуетъ предположить, что какъ то, такъ и другое вызвано было предварительнымъ вторженіемъ Идумеевъ въ израильскую землю и опустошеніемъ ея: потому что Давидъ предпринималъ войны обыкновенно для утвержденія спокойствія и безопасности предѣловъ своего царства (2 Цар. 7, 1), а не дѣлалъ вторженій въ сосѣднія страны только съ цѣлію завоеваній и полученія добычи, и тѣмъ болѣе не производилъ въ нихъ такихъ страшныхъ кровопролитій безъ особеннаго къ тому вызова (ср. 2 Цар. 5, 17 и дал. 10, 1 и дал. 5, 11. 8, 10 и др.). Замѣчаніе 3 Цар. 11. 15. что Іоавъ пришедши для погребенія убитыхъ, избилъ весь мужескій полъ въ Идумеѣ», кажется, подтверждаетъ наше предположеніе, давая заключать, что Идумеями произведено было кровопролитіе въ израильской землѣ, наполнившее ее трупами, которое и вызвало со стороны Іоава жестокое мщеніе: иначе какихъ же убитыхъ было погребать Іоаву и что за связь между этимъ погребеніемъ и слѣдующимъ за нимъ истребленіемъ Идумеевъ? Поэтому то краткія и неопредѣленныя историческія указанія о пораженіи Идумеевъ мы и полагаемъ комбинировать въ выше указанной связи, именно,—что въ то время, какъ Давидъ на сѣверѣ со всѣмъ своимъ войскомъ велъ побѣдоносную войну съ Сирійцами, Идумеи, воспользовавшись беззащитнымъ положеніемъ южныхъ предѣловъ израильскаго царства, производятъ тамъ страшное опустошеніе и кровопролитіе. Давидъ, получивъ извѣстіе о такомъ печальномъ событіи, отправляетъ на югъ съ частію войска Авессу, который преслѣдуетъ хищническія орды Идумеевъ и наноситъ имъ пораженіе въ Соляной долинѣ; а вслѣдъ затѣмъ, довершивъ пораженіе Сирійцевъ, приходитъ туда же и все войско Давидово подъ предводительствомъ Іоава, и очистивъ израильскіе предѣлы отъ множества труповъ убитыхъ при идумейскомъ нашествіи, которые до сихъ поръ оставались безъ погребенія, отправляется во внутрь идумейской страны для совершенія жестокаго своего мщенія. Въ подобной связи излагаютъ эти событія: O. Meisner, — Die Kinder Edom въ Luther. Zeitschrift. 1862. S. 221; Keil,—на 2 Цар. 8, 13 и 3 Ц. 11, 15; также Tholuck, на Пс. 9—10, Hengst. и Delitzsch на Пс. 44 и 60 и др.

[1]) Ср. особенно по евр. тексту ст. 10 съ 22; 13 и 20 съ 33; 5—8 съ 36—37; 19, 20 и 21 съ 39.

во второмъ изъ нихъ замѣтно одинаковое строфическое построеніе и продолженіе того же алфавитнаго порядка, какой представляется въ первомъ [1]), — а также и отсутствіе надписанія въ послѣднемъ, оправдываютъ соединеніе ихъ въ одинъ псаломъ въ переводѣ LXX, давая основаніе предполагать, что во всякомъ случаѣ оба они близки одинъ къ другому по времени и обстоятельствамъ происхожденія, и очень вѣроятно, что начатая Давидомъ благодарственная пѣснь Богу за дарованныя ему побѣды въ войнѣ съ Сирійцами прервана была печальнымъ извѣстіемъ объ опустошительномъ вторженіи въ беззащитные предѣлы его царства Идумеевъ и, прошедши сквозь призму возбужденныхъ такою вѣстію скорбныхъ чувствованій, вслѣдъ за тѣмъ излилась изъ души священнаго поэта новою уже пѣснію, въ которой, при сохраненіи прежней поэтической формы и тожествѣ мыслей и выраженій вѣры въ божественный Промыслъ о избранныхъ Его, прежніе свѣтло-торжественные звуки радости и благодарности смѣняются скорбно-молитвенными воплями о помощи. Псаломъ ни въ первой, ни во второй своей части не называетъ опредѣленно языческихъ враговъ,—ни тѣхъ, которые уже были побѣждены (ст. 4 — 7 и дал.), ни тѣхъ которые явились новыми угнетателями въ землѣ Божіей (ст. 37 и 39); видно только, что все это происходило, когда Господь уже царствовалъ на Сіонѣ (ст.

---

[1]) По наблюденію Делича, замѣчательнаго знатока еврейскаго текста, оба псалма, или, по греч. счисл., обѣ части псалма расположены четверостишіями и только въ срединѣ второй части примѣшиваются къ нимъ и троестишія. При этомъ вся первая часть расположена по алфавиту, который съ опущеніемъ одной только буквы ו почти правильно доводится до половины азбуки, оканчиваясь послѣ י строфою כ, вѣроятно замѣняющимъ собою ב; вторая половина начинается, какъ и слѣдовало ожидать, съ ל, и хотя слѣдующія за нимъ 6 строфъ начинаются не акростихически, но они числомъ своимъ соотвѣтствуютъ 6 опущеннымъ буквамъ алфавита: ט, נ, ס, ע, פ, צ, какія бы должны были находиться послѣ ל до ק, ר, ש и ת, начинающими послѣднія четыре строфы (Delitzsch — Die Psalmen 1867. S. 115). Явный признакъ, что вторая половина псалма, если она по своему содержанію и можетъ составлять совершенно отдѣльную пѣснь, по особенному побужденію написана для продолженія первой, и предполагаетъ близкое отношеніе къ ней по времени своего происхожденія.

12 и 15), т. е. по перенесеніи ковчега завѣта въ Іерусалимъ [1]), что псалмопѣвецъ былъ мужъ испытанный скорбями и опасностями и на себѣ самомъ видѣвшій спасающую руку Божію (ст. 14), и въ то же время воинственный царь, одержавшій славныя побѣды надъ врагами народа Божія и разрушившій города непріятельскіе (ст. 4—7), но еще не успѣвшій довершить своихъ военныхъ подвиговъ окончательнымъ ихъ пораженіемъ (ст. 14, 20, 21), какъ новое угнетеніе еще болѣе жестокихъ враговъ постигаетъ царство Божіе (ст. 22. 37 и проч.). Все это, конечно, не совсѣмъ ясно и опредѣленно, но тѣмъ не менѣе очень подходитъ къ указаннымъ историческимъ обстоятельствамъ, тѣмъ болѣе, что жалобы на оставленіе Господомъ и мольбы къ Нему во второй половинѣ псалма (ст. 22. 33—38) звучатъ почти такъ же, какъ въ происшедшихъ при тѣхъ же обстоятельствахъ псалмахъ: принадлежащемъ Давиду же 59-мъ (ст. 3. 6 — 7. 12 — 14) и 43-мъ сыновъ Кореевыхъ (ст. 5. 10. 24. 25. 27), изъ коихъ первый самымъ надписаніемъ своимъ (ст. 2) приписывается ко времени идумейскаго нашествія [2]). Справедливо замѣчаютъ [3]), что въ изображеніи враговъ во второй половинѣ псалма мы видимъ слишкомъ общій образъ грубаго жестокаго нечестивца, притѣснителя слабыхъ, — образъ обыкновенно употребляемый для изображенія внутреннихъ домашнихъ враговъ и нарушителей общественнаго спокойствія; но нельзя не признать, что тотъ же образъ хорошо идетъ, и даже въ первой же части псалма прилагается (ст. 17 и 18) и къ внѣшнимъ врагамъ еврейскаго народа, невѣдущимъ Бога, гордымъ и надменнымъ язычникамъ (ср. ст. 24—28 съ Иса. 16, 6. 36, 18 — 20. Авв. 1, 15 — 17. Пс. 73, 10 и 78, 10), а тѣмъ болѣе такой образъ идетъ къ Идумеямъ, которые по характеру своихъ хищническихъ набѣговъ на израильскую землю, скорѣе походили на внутреннихъ

---

[1]) Уже это одно показываетъ неосновательность мнѣнія тѣхъ, которые, какъ Hitzig и Moll, думаютъ относить разсматр. псаломъ къ войнамъ Давида съ Филистимлянами, описываемымъ во 2 Ц. 5, 17—25; такъ какъ эти войны были еще до перенесенія ковчега завѣта въ Сіонскую скинію.

[2]) См. выше объ этомъ Пс. стр. 138—139 и 142; о Пс. 43 ниже въ изслѣд. о Псс. Кореевыхъ.

[3]) Hengstenberg, Delitzsch и др.

разбойниковъ и грабителей, нежели на непріятельскій народъ, ведшій болѣе или менѣе правильныя войны съ Евреями. Подобныя же изображенія хищническихъ идумейскихъ племенъ мы встрѣчаемъ и въ книгѣ Іова (24, 13—14. 30, 5—14), а въ настоящемъ случаѣ и названіе этихъ угнетателей народа Божія язычниками въ заключеніи псалма (ст. 37),—точно такъ же, какъ называются враги его, о пораженіи которыхъ говорится въ первой половинѣ псалма (ст. 6. 16. 18. 20),—показываетъ уже, что общность изображенія не мѣшаетъ разумѣть подъ ними внѣшнихъ враговъ Израиля, и именно Идумеевъ.

Въ свою очередь *избавленіе отъ опасности, какою грозило Израилю внезапное нашествіе Идумеевъ, съ вѣроятностію можно считать поводомъ къ написанію псалма 125-го* [1]), представляющаго благодарственную пѣснь Богу за избавленіе израильскаго народа отъ возстанія какихъ то враговъ, грозившаго имъ неминуемою гибелью. Враги Израиля, о возстаніи которыхъ говорится въ этомъ псалмѣ, такъ же какъ и въ разсмотрѣнномъ 9 псалмѣ, не называются по имени; но за то образы, подъ которыми представляется ихъ возстаніе, и описаніе опасности, грозившей при этомъ Израилю, рѣшительно сходятся съ обстоятельствами нашествія Идумеевъ. Занятые войною съ Сирійцами, Израильтяне опромѣтчиво сосредоточили всѣ свои войска исключительно на сѣверѣ, оставивъ южные предѣлы свои совершенно беззащитными. При такомъ положеніи вторженіе идумейскихъ ордъ съ юга, внезапно застигнувшее ихъ, какъ неожиданное наводненіе, угрожало не только опустошеніемъ ихъ странѣ, но даже самому войску ихъ пораженіемъ и истребленіемъ. Увлекшіеся своими побѣдами, Израильтяне неожиданно оказались теперь въ положеніи птички, неосторожно попавшейся въ сѣть, будучи съ обѣихъ сторонъ окружены врагами, которые, если бы на то была воля Божія, при взаимномъ согласіи и правильномъ веденіи войны, могли бы истребить всю ихъ армію, отрѣзавъ ей всякую возможность отступленія. Поэтому, избавившись отъ грозившей опасности, Израильтяне справедливо должны были сказать: «если бы не было Господа съ нами, когда возстали на насъ человѣки: то живыхъ поглотили бы они насъ; потопили бы насъ воды, по-

[1]) Такого мнѣнія изъ извѣстнѣйшихъ западныхъ толкователей Hengstenberg и Moll.

крыли бы душу нашу воды бурныя. Благословенъ Господь, что не отдалъ насъ на растерзаніе зубамъ ихъ. Душа наша избавилась, какъ птичка отъ сѣти ловящихъ; сѣть расторгнута, и мы избавились (ст. 2—7)». Такое сходство содержанія псалма съ обстоятельствами вторженія Идумеевъ, при отсутствіи другихъ прямыхъ указаній на это событіе, если и не исключаетъ возможности происхожденія его и при другомъ подобномъ же вторженіи враговъ, какихъ вообще не мало было въ Давидово царствованіе [1]; то во всякомъ случаѣ прямо показываетъ, что въ содержаніи псалма нѣтъ основаній сомнѣваться въ дѣйствительности написанія его царемъ Давидомъ, которому онъ приписывается въ надписаніи въ еврейскомъ текстѣ, въ халдейскомъ переводѣ, у бл. Іеронима и въ нѣкоторыхъ латинскихъ кодексахъ [2]. За Давидово же происхожденіе ручается и живой сильный языкъ псалма, исполненный любимыми образами и выраженіями сладкаго пѣвца Израилева [3]. Что же касается положенія его въ Псалтири между пѣснями степеней, изъ которыхъ значительная часть послѣ-плѣннаго происхожденія, то оно объясняется простымъ лишь благочестивымъ употребленіемъ его во время и послѣ возвращенія изъ плѣна, когда Господь снова даровалъ Израилю избавленіе отъ опасности погибнуть въ плѣну и избавилъ его отъ многочисленныхъ бѣдствій, встрѣчавшихъ его въ опустошенномъ отечествѣ, и такимъ образомъ нисколько не мѣ-

---

[1]) Таковы неоднократныя вторженія Филистимлянъ (2 Цар. 5, 17. 22. 8, 1. 23, 9 — 11 и др.), Сирійцевъ (8, 3 и 5 и др.), Аммонитянъ (10, 6 и дал.) и др. народовъ, къ которымъ нѣкоторые толкователи и относятъ этотъ псаломъ (См. у Calmet'a и Rosenmüller'a на этотъ псаломъ). Потому же другіе толкователи,—Tolück. o. v. Gerlach и др.,— не опредѣляя точно историческаго повода, говорятъ вообще, что псаломъ написанъ по случаю избавленія израильскаго народа отъ одной великой опасности изъ времени войнъ Давида.

[2]) См. Calmet. in. h. Ps. .

[3]) Ср. ст. 4—5 съ Пс. 17, 5. 17. 143, 7. 68, 2; ст. 7 съ 9, 16. 56, 7. 140, 9; לוּלֵי въ ст. 1 и 2 съ Пс. 27 (евр.), 13; употребленіе אָדָם о враждебныхъ людяхъ въ ст. 2 съ Пс. 56, 12; בָּלַע חַיִּים въ ст. 3 съ 55, 16; בָּרוּךְ ה׳ въ ст. 6 съ Пс. 31, 22. Относительно ...ש ргаеѣіх въ ст. 1, 2 и 6 см. примѣчанія на Пс. 143 стр. 168 и ниже на Пс. 121 и 132.

шаетъ признавать писателемъ его Давида царя, какъ это показываетъ и самое сопоставленіе надписаній שִׁיר הַמַּעֲלוֹת и לְדָוִד въ еврейскомъ текстѣ и вышеупомянутыхъ древнихъ переводахъ. Такого же въ сущности взгляда на этотъ предметъ держались и древніе толкователи изъ отцевъ и учителей Церкви: св. І. Златоустъ, бл. Θеодоритъ, Иларій, которые согласно признавали, что 123-й псаломъ принадлежитъ Давиду, но только, въ объясненіе положенія его между пѣснями степеней и главнымъ образомъ соотвѣтствія его состоянію возвратившихся изъ плѣна, прибавляли, что онъ есть пророчество Давида о возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна и обстоятельствахъ перваго пребыванія ихъ въ своемъ опустошенномъ отечествѣ, — что впрочемъ нисколько не исключаетъ указаннаго нами историческаго смысла и прямаго отношенія псалма ко временамъ Давидовымъ: такъ какъ предъ взоромъ пророковъ нерѣдко образы настоящаго служили прообразомъ отдаленнаго будущаго [1]).

Гораздо *яснѣе отношеніе къ войнамъ Давида въ* другой *парѣ* рядомъ стоящихъ и сходныхъ между собою *псалмовъ 19 и 20*. Это—молитвы народа къ Богу за царя своего, просительная предъ отправленіемъ его на войну и благодарственная по возвращеніи съ побѣды. Въ обоихъ псалмахъ ясно выступаетъ образъ славнаго и могущественнаго царя (Пс. 19, 7 и 10. 20, 2. 4. 6. 8), побѣдителя (19, 8—9. 20, 3 и дал.), господствующаго надъ народомъ Божіимъ, когда Іегова имѣлъ святилище свое на Сіонѣ (19, 3), возлюбленнаго Его помазанника (19, 7), удостоившагося получить обѣтованіе вѣчнаго царства (20, 5. 7):—образъ ясно представляющій намъ царя Давида, котораго имя стоитъ въ надписаніяхъ псалмовъ; а враги этого царя представляются какъ воинственный народъ, владѣющій конницею и вооруженными колесницами (19, ст. 8—9), каковы во времена Давида были Сирійцы, въ войнѣ съ которыми онъ, по свидѣтельству исторіи, однажды взялъ тысячу колесницъ и семь тысячъ всадниковъ и 20 тысячъ пѣхоты (1 Пар. 18, 4; ср. 2 Цар. 8, 4), въ другой разъ истребилъ семь сотъ колесницъ и 40 тысячъ всадниковъ (2 Цар. 10, 18; ср. 1 Пар. 19, 18). Къ Аммонитско-Сирійской войнѣ буквально подходятъ и другіе частнѣйшіе образы псалма 20-го, какъ-то: упоминаемое въ ст. 4 возло-

[1]) См. объ этомъ въ Обозр. Пс. Павскаго стр. 75 и 78.

женіе на голову царя-побѣдителя вѣнца изъ дорогихъ камней и въ ст. 10 изображеніе погибели враговъ подъ образомъ сожженія въ разженной печи. Исторія повѣствуетъ намъ, что Давидъ по взятіи Раввы Аммонитской «*взялъ вѣнецъ царя Аммонитскаго* съ головы его, *а въ немъ было золота* талантъ и *драгоцѣнные камни и возложилъ его на свою голову; а народъ, бывшій въ городѣ*, вывелъ и положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотилки, и *бросилъ ихъ въ обжигательныя печи*. Такъ поступилъ (Давидъ) и со всѣми городами Аммонитскими» (2 Цар. 12, 30—31; ср. 1 Пар. 20, 2—3). Все это дѣлаетъ вѣроятнымъ, что разсматриваемые псалмы относятся *ко времени Аммонитско-Сирійской войны*, и составлены—одинъ предъ отправленіемъ на сраженіе, другой по возвращеніи съ побѣды [1]). Обыкновенно только сомнѣваются въ томъ, чтобы самъ царь Давидъ могъ составить такія молитвы народа за царя, о которомъ вездѣ говорится въ третьемъ лицѣ, и потому охотнѣе думаютъ относить написаніе ихъ къ какому нибудь неизвѣстному намъ современнику Давидову [2]). Но ужели же царь не

---

[1]) Нашъ толкователь псалмовъ Преосв. Ириней неохотно допускаетъ такой историческій поводъ къ написанію 19 и 20 псалмовъ, предпочитая иносказательное объясненіе ихъ о царѣ Мессіи (Т. I, стр. 225 и 232 по изд. 1823 г.), хотя такое объясненіе, замѣтимъ въ свою очередь, не должно исключать смысла историческаго. Какъ бы то ни было, такой историческій поводъ признается уже въ сирскомъ переводѣ, гдѣ 19 Пс. имѣетъ надписаніе: Davidis, cum rogaret ut salvaretur a bello Ammonitarum (см. Polyglotta, ed. Valtoni, Londini. 1657). Того же мнѣнія держится и большинство позднѣйшихъ толкователей, къ числу которыхъ принадлежатъ между прочимъ и извѣстные своимъ авторитетомъ: Calmet, Toluck, Delitzsch, Moll. Къ тому же мнѣнію склоняется и Bunsen. У насъ тоже мнѣніе встрѣчается у свящ. Нечаева, — въ Душ. Чт. 1868 г. ч. Ш, стр. 46, и Х. Орды,—въ Рук. въ послѣд. чт. учит. кн. В. 3. Послѣдній впрочемъ, основываясь на томъ, что о царѣ въ этихъ псалмахъ говорится въ 3-мъ лицѣ, полагаетъ, что они написаны не самимъ Давидомъ, а только о Давидѣ кѣмъ либо изъ его современниковъ.

[2]) Какъ Hengstenberg и Delitzsch. На томъ же основаніи св. Василій Великій, бл. Ѳеодоритъ, Евѳимій Зигабенъ, Беда, и у насъ: В. Преосв. Арсеній Митр. Кіевскій, признавая Давида писателемъ псалмовъ, думали видѣть въ нихъ предсказаніе о царѣ Езекіи во время ассирійскаго на-

можетъ отъ лица народа составить церковной молитвы о благополучномъ управленіи своего царства? И кто же всего скорѣе могъ являться истолкователемъ чувствованій народа Божія, какъ не Давидъ, который всегда жилъ въ народѣ и съ народомъ, съ любовію входилъ въ его состояніе, заботился о его потребностяхъ и всегда служилъ ему поэтическимъ даромъ своимъ? И въ другихъ своихъ псалмахъ Давидъ позволяетъ себѣ иногда говорить о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ (17, 51. 143, 10); такимъ образомъ изложена почти вся его благодарственная молитва къ Богу по полученіи обѣтованія, имѣющая много сходнаго съ 20 псалмомъ (2 Ц. 7, 19—29; ср. 1 Пар. 17, 16—27); такимъ же образомъ, какъ мы увидимъ далѣе, написана и молитва Соломона (Пс. 71): почему же не допустить, что и въ этихъ псалмахъ отъ лица народа говоритъ самъ же Давидъ, какъ то даютъ намъ заключать ихъ надписанія?

Та же, можетъ быть, *Аммонитско-Сирійская война*, или точнѣе *побѣда Давида надъ Аммонитянами и торжественное возвращеніе побѣдителей въ Іерусалимъ въ предшествіи ковчега завѣта*, *послужила историческимъ поводомъ къ написанію*

шествія. Но указаніе на обѣтованіе вѣчнаго царства, полученное царемъ, который составляетъ предметъ этихъ псалмовъ (Пс. 20, 7), показываетъ, что ихъ нельзя относить къ Езекіи, какъ и ко всякому другому преемнику Давидову, за исключеніемъ развѣ одного только Соломона, который, впрочемъ, какъ мирный царь, конечно, также не могъ быть предметомъ подобныхъ религіозно-военныхъ пѣсней. Что касается Пс. 20, ст. 5: «Онъ (царь) просилъ у Тебя (Господи) жизни, и Ты далъ ему долгоденствіе на вѣкъ и вѣкъ»,— въ которомъ названные толкователи думаютъ видѣть намекъ на болѣзнь и выздоровленіе Езекіи; то намъ кажется, что этотъ стихъ всего лучше объясняется изъ жизни Давида, который неоднократно подвергался смертнымъ опасностямъ, но Господь по молитвамъ его не только сохранялъ его жизнь, но и даровалъ ему обѣтованіе вѣчнаго долгоденствія въ царственномъ его потомствѣ. О всякомъ другомъ долгоденствіи, и тѣмъ болѣе о долгоденствіи, испрошенномъ себѣ Езекіею, которое прямо опредѣляется въ 15 лѣтъ (4 Цар. 20, 6), едвали могло быть употреблено выраженіе *на вѣкъ и вѣкъ*, такъ что при объясненіи объ Езекіи поневолѣ приходится, оставляя историческій смыслъ, относить его исключительно къ «жизни будущей, которой принадлежитъ незыблемость» (Ѳеодоритъ).

псалма 67-го, въ типическо-пророчественномъ смыслѣ представляющаго побѣдный гимнъ восходящему на небеса **побѣдителю** грѣха и смерти Христу Спасителю (ст. 19: ср. Евр. 4, 7—10) [1]). Новѣйшіе толкователи-раціоналисты, полагающіе своею задачею, вопреки свидѣтельству надписаній, отрицать существованіе псалмовъ Давидовыхъ, опровергая одинъ другаго, относятъ происхожденіе его къ различнымъ временамъ еврейской исторіи отъ Соломона до Маккавеевъ [2]); но уже указаніе на то, что послѣ воспѣваемой здѣсь славной побѣды надъ могущественными врагами, въ полученной отъ нихъ богатой добычѣ принимаютъ участіе и противящіеся тому,

---

[1]) Такъ думаютъ: Hengstenberg, Tholuck, Reinke, Delitzch, Moll; изъ нашихъ толкователей: Х. Орда.—въ Рук. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. Большая же часть древнихъ толкователей, а также: Stier, Hofmann, и изъ нашихъ богослововъ: В. Преосв. **Филаретъ Митр. Моск.** (Прав. Обозр. 1868 г. **Мартъ**, стр. 342), **прот. Павскій** (Обозр. Кн. Псал. 1814 г. стр. 77 — 78) и свящ. Нечаевъ (Дух. Чт. 1868 г. ч. 3 стр. 39) — относятъ этотъ псаломъ къ перенесенію ковчега завѣта въ Іерусалимъ; но содержаніе псалма указываетъ не на простое перенесеніе ковчега, а на побѣдное шествіе съ нимъ, — ст. 19 и дал.

[2]) Такъ De Wette, игнорируя ясныя указанія на возвращеніе съ побѣды, относитъ псаломъ къ перенесенію ковчега завѣта въ новоустроенный Іерусалимскій храмъ при Соломонѣ, а Hitzig—къ побѣдоносному походу Іорама царя Израильскаго вмѣстѣ съ Іосафатомъ царемъ Іудейскимъ противъ отложившихся Моавитянъ, не имѣвшему впрочемъ рѣшительнаго успѣха, такъ какъ послѣ ужаснаго жертвоприношенія моавитскаго царя союзныя войска отступили отъ осажденной крѣпости и возвратились въ свою землю и, какъ можно заключать изъ 4 Ц. 3, 27, безъ тріумфальнаго шествія, какое описывается въ псалмѣ; — да и трудно повѣрить, чтобы союзъ съ нечестивымъ царемъ Израильскимъ, котораго не одобряли пророки (4 Ц. 3, 13 — 14. 2 Пар. 19, 2) могъ возбудить благочестиваго псалмопѣвца изречь такую торжественную пророческую пѣснь. — Kimchi и Böttcher относятъ этотъ псаломъ къ побѣдѣ Езекіи надъ Ассиріянами; — Thenius и Lengerke — къ войнѣ Іосіи съ египетскимъ Фараономъ Нехао; Rödiger — къ возвращенію изъ плѣна Вавилонскаго; Ewald, Köster и Hupfeld — къ освященію втораго храма Іерусалимскаго; Reuss—къ періоду времени между Александромъ Великимъ и Маккавеями; Olshausen—ко времени Маккавеевъ.

чтобы Господь обиталъ на Сіонѣ (ст. 19) [1]), переноситъ насъ во времена близкія къ завоеванію Сіонской крѣпости отъ Іевусеевъ, изъ которыхъ, конечно, многіе, какъ Орна, или другіе иноземцы, сдѣлались потомъ вѣрными подданными и храбрыми воинами Давида (2 Ц. 24, 16. 6, 10. 11, 17 и др.), и къ перенесенію ковчега завѣта изъ Кіріаѳъ-Іарима въ Іерусалимъ, что̀ неохотно приняли сочувствовавшія Сауловой династіи колѣна дома Іосифова (Пс. 77, 60. 67, 68; ср. 2 Ц. 19, 20 и дал.), которые между тѣмъ принимаютъ потомъ участіе въ побѣдоносныхъ войнахъ Давида и получаемой при нихъ добычѣ. Кромѣ того, торжественное шествіе съ ковчегомъ завѣта въ Іерусалимъ (ст. 19, 25—30), напомнившее псалмопѣвцу чудную исторію шествій Господа въ своемъ народѣ и съ народомъ отъ горы Синая до того времени, когда Онъ нашелъ себѣ мѣсто постояннаго обитанія на св. горѣ Сіонской (ст. 2—17), между тѣмъ какъ послѣ плѣна возвратившіеся въ отечество Іудеи не имѣли уже у себя этой національной святыни [2]); участіе въ религіозно-побѣдномъ торжествѣ всего Израиля, еще въ полномъ составѣ колѣнъ своихъ (ст. 25—28), тогда какъ послѣ раздѣленія царства никогда всѣ колѣна не присутствовали вмѣстѣ при богослуженіи, не исключая и времени Езекіи, когда лишь только нѣкоторые изъ колѣна Асирова, Манассіина и Завулонова согласились принять участіе въ праздновапіи Пасхи въ Іерусалимѣ (2 Пар. 30,

---

[1]) См. по русск. пер. Библ. Общ., который въ этомъ мѣстѣ ближе, чѣмъ новый русск. перев. Синод. изд., соотвѣтствуетъ еврейскому тексту. Что же до пер. LXX и другихъ сходныхъ съ нимъ древнихъ переводовъ, которые въ послѣдней половинѣ стиха болѣе благопріятствуютъ новому Синод. переводу («принялъ дары для человѣковъ, такъ чтобъ и изъ противящихся могли обитать у Господа Бога»), то всѣ эти переводы въ разсматриваемомъ псалмѣ отличаются темнотою и сбивчивостію (см. особ. ст. 13—17) и потому не могутъ имѣть преимущества предъ совершенно яснымъ текстомъ еврейскимъ.

[2]) По свидѣтельству I. Флавія Святое Святыхъ во второмъ храмѣ было пусто (ἔκειτο δὲ οὐδὲν ὅλως ἐν αὐτῷ). De Bell. Jud. V, 5, 5. Тоже подтверждаетъ и Talm. Babyl. Joma 1, 21, 2; ср. Tac. 5, 9. На мѣстѣ ковчега завѣта во второмъ храмѣ находился, по свидѣтельству Талмуда (Joma 5, 2), камень, возвышавшійся отъ пола на три перста, на которомъ первосвященникъ въ великій день очищенія, въ исполненіе Лев. 16, 12—13, и ставилъ кадильницу.

10—11), послѣ же плѣна не могло быть и рѣчи о колѣнахъ прежняго царства Израильскаго, изъ которыхъ возвратились лишь отдѣльныя лица; изображеніе Израиля воинственнымъ и побѣдоноснымъ народомъ (ст. 18—24), показывающее, что онъ еще не испыталъ тогда внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ потрясеній, какими такъ обильна его исторія со времени раздѣленія царства; наименованіе Египта, какъ представителя міроваго владычества (ст. 31—32), свидѣтельствующее, что во времена псалмопѣвца еще не было могущественныхъ азіатскихъ царствъ—Ассирійскаго и Вавилонскаго:—все это вмѣстѣ достаточно показываетъ, какъ произвольны и несообразны съ содержаніемъ 67-го псалма различныя мнѣнія о времени его происхожденія, неосновательныя на свидѣтельствѣ надписанія, и какъ напротивъ всѣ черты его хорошо согласуются съ временемъ Давида, которому надписаніе приписываетъ его, какъ писателю. Мы не утверждаемъ, что именно только побѣда надъ Аммонитянами, а не другая изъ многочисленныхъ побѣдъ Давидовыхъ, могла послужить поводомъ къ написанію этого псалма; замѣтимъ только, что лишь въ повѣствованіи объ одной Аммонитской войнѣ упоминается о пребываніи въ шатрахъ ковчега Божія (2 Ц. 11, 11), съ которымъ, по описанію въ псалмѣ, возвращаются побѣдители, хотя вообще нельзя отрицать возможности того, что ковчегъ завѣта носимъ былъ и въ другіе важные походы Давидовы. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ основанія заподозривать Давидово происхожденіе 67-го псалма, и надобно согласиться, что мы имѣемъ въ немъ торжественный, побѣдный гимнъ на случай возвращенія побѣдителей съ ковчегомъ завѣта въ Іерусалимъ послѣ одной изъ славныхъ побѣдъ Давидовыхъ [1]).

Есть также нѣсколько псалмовъ съ именемъ Давида, въ содержаніи которыхъ замѣтно отношеніе къ обстоятельствамъ *перенесенія ковчега завѣта въ Іерусалимъ въ новоустроенную скинію Сіонскую* и къ учрежденному въ ней богослуженію. Существованіе такого рода пѣсней Давидовыхъ естественно предполагать уже по самому образу перенесенія ковчега завѣта, совершавшагося съ музыкою и пѣніемъ, равно какъ и потому, что вслѣдъ затѣмъ музыка

---

[1]) Такое именно неопредѣленное указаніе историческаго повода въ Толков. Псал. Преосвящ. Иринея (Т. I стр. 834 и 857 — 8 по изд. 1823 г.).

и пѣніе введены были въ составъ постояннаго богослуженія, такъ что, судя по этимъ обстоятельствамъ, казалось бы даже, что мы имѣемъ въ Псалтири слишкомъ мало пѣсней, прямо относящихся къ религіознымъ празднествамъ царствованія Давидова, если бы только этотъ недостатокъ не восполнялся пѣснями общаго религіозно-нравственнаго содержанія и другими составленными при различныхъ историческихъ обстоятельствахъ, съ приспособленіемъ для общенароднаго религіознаго употребленія. Болѣе ясныя *отношенія къ перенесенію ковчега завѣта въ Іерусалимъ выступаютъ въ содержаніи псалмовъ 100-го, 23 и 14-го.* Первый изъ нихъ, какъ можно полагать, воспѣтъ былъ еще предъ перенесеніемъ ковчега изъ дома Аведдарова, послѣдніе два—на самое его перенесеніе въ скинію Сіонскую [1]). Извѣстно, что предпринятое Давидомъ перенесеніе ковчега завѣта изъ Кіріаѳъ-Іарима въ Іерусалимъ въ первый разъ прервано было неожиданнымъ пораженіемъ Озы, неосторожно и, конечно, безъ должнаго благоговѣнія прикоснувшагося къ святынѣ Господней. Опечаленный и устрашенный такимъ несчастнымъ событіемъ, Давидъ не рѣшается везти далѣе ковчегъ завѣта въ свою столицу и оставляетъ его на пути въ домѣ Аведдара Геѳянина. Однако такое положеніе святыни Господней не давало сна очамъ Давида и вѣждямъ его дремонія (Пс. 131, 4). «Какъ войти ко мнѣ ковчегу Господню», говоритъ онъ въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства предъ Святѣйшимъ Господомъ; но удерживаемый страхомъ отъ перенесенія Его святаго ковчега въ Іерусалимъ, въ то же время сгараетъ нетерпѣніемъ скорѣе увидѣть въ своемъ городѣ этотъ видимый образъ невидимаго присутствія Господа. Въ Пс. 100 мы видимъ, какъ онъ съ томительною тоскою спрашиваетъ Господа: «когда Ты придешь ко мнѣ» (ст. 2) [2]), т. е. когда Ты позволишь перенести

---

[1]) Такъ Tolnck, Hengst, Bunsen, Delitzch, даже Ewald и нѣкоторые др.; у насъ такое мнѣніе о происхожденіи 100 Пс. въ Руков. къ поним. Прав. Богослуж. свящ. Лебедева. Спб. 1869 г. стр. 40, примѣч. 4; о Пс. 14—въ Душ. Чт. 1868 г. ч. Ш, стр. 49; о 23 Пс. въ Толков. Псал. Преосв. Иринея Т. I, стр. 276 по изд. 1823 г., и въ Обозр. Кн. Пс. Павскаго 1814, стр. 80—81. За происхожденіе послѣдняго при указанномъ случаѣ отчасти ручается и употребленіе его въ Прав. Церкви при освященіи храмовъ (Нов. Скриж. ч. Ш, стр. 75—76).

[2]) Въ русск. перев. изд. Библ. Общ.: «когда ни придешь ко мнѣ»;

Твой святой ковчегъ завѣта въ мой царственный городъ и сдѣлаешь его Своимъ святымъ городомъ? (ср. ст. 8) и—успокоенный извѣстіемъ, что благословеніе Божіе почило надъ домомъ Аведдара за его любовь къ святому ковчегу Божію, рѣшаясь снова приступить къ перенесенію его въ Іерусалимъ, онъ даетъ въ этомъ псалмѣ твердый обѣтъ очистить и освятить себя и свой городъ къ достойному принятію Господа, украсить себя всѣми царственными добродѣтелями милости, правосудія и совершенной чистоты и непорочности, и уничтожить всѣхъ злыхъ въ Іерусалимѣ, чтобы сдѣлать его угоднымъ Господу жилищемъ святыни Его. Сообразно съ такимъ обѣтомъ, чтобы достигнуть очищенія и освященія своего царственнаго города въ достойное жилище Господа, въ псалмахъ 14 и 23 онъ старается внушить всѣмъ Израильтянамъ, что для достойнаго восхожденія на гору Сіонскую, вмѣстѣ съ ковчегомъ завѣта, и для поклоненія Господу въ новоустроенной скиніи, равно какъ и для самаго пребыванія въ Іерусалимѣ, который съ перенесеніемъ въ него святыни Господней становится жилищемъ Господа, нужно стараться удерживать себя отъ всякаго порока и нечестія, и стремиться къ добродѣтели и нравственному совершенству. «Кто взойдетъ на гору Господню? и кто станетъ на святомъ мѣстѣ Его (Пс. 23, 3)? Господи, кто можетъ пребывать въ скиніи Твоей? Кто можетъ обитать на святой горѣ Твоей (Пс. 14, 1)?—спрашиваетъ псалмопѣвецъ, и въ отвѣтѣ его слышится тотъ же голосъ царственнаго пророка, который въ Пс. 100 даетъ Господу обѣтъ чистоты и непорочности: «тотъ, кто поступаетъ непорочно, чистосердечно, справедливо, не дѣлаетъ ближнему зла ни словомъ, ни дѣломъ, твердъ

но мы, согласно съ LXX, предпочитаемъ переводъ въ вопросительной формѣ, какъ и въ исправл. перев. псалмовъ въ Душ. Чт. 1868 г. Февр. и въ новомъ перев. Синод. изд.; также въ Руков. къ пониманію Прав. Богослуж. свящ. П. Лебедева. Спб. 1869 г. стр. 40. Св. Аѳанасій Великій и бл. Ѳеодоритъ, хотя вообще изъясняютъ Пс. безъ отношенія къ историческимъ обстоятельствамъ, видятъ въ этихъ словахъ вопросительно выражаемое Давидомъ желаніе скорѣйшаго пришествія Господа, причемъ св. Аѳанасій даетъ имъ такой перифразъ: «вожделѣваю Твоего пришествія, Владыка, сгараю желаніемъ видѣть явленіе Твое, даруй мнѣ желаемое». (Тв. Св. Оо. Т. XXII, стр. 362; ср. и бл. Ѳеодор. Т. XXVIII, стр. 181).

и вѣренъ въ словахъ, чистъ и безкорыстенъ въ поступкахъ, кто благоговѣетъ предъ именемъ Господа и уважаетъ боящихся Его» (Пс. 14, 2—5. 23, 5; ср. 100, 2—8) [1]). Какъ вопросы, указывающіе на восхожденіе на гору Господню и всего болѣе умѣстные при началѣ, или при первомъ установленіи новыхъ отношеній къ національной святынѣ, такъ и отвѣты, совершенно сходные съ приведеннымъ выше обѣтомъ царственнаго псалмопѣвца, въ ожиданіи имъ пришествія Господа, — даютъ уже вѣроятныя основанія предполагать, что оба эти псалма назначены были для пѣнія при шествіи на гору Сіонскую съ ковчегомъ завѣта и освященіи царственнаго города Давидова его вступленіемъ въ святое жилище Господа (ср. Пс. 131,

---

[1]) Не смотря на такое рѣшительное сходство въ содержаніи всѣхъ трехъ псалмовъ и тожество надписаній, которыми они приписываются одному и тому же Давиду, Гитцигъ съ нѣкоторыми другими изъ новѣйшихъ ученыхъ относитъ ихъ происхожденіе къ совершенно различнымъ эпохамъ: 14-й, согласно съ надписаніемъ, ко времени Давида, 23—къ Іереміи, 100—ко времени Маккавеевъ Іуды и Іонаѳана. Странная логика у этихъ ученыхъ: они боятся приписать нѣсколько сходныхъ между собою пѣсней одному и тому же писателю и даже времени, считая близкое сходство непремѣннымъ признакомъ позднѣйшаго подражанія, а въ тоже время незначительное сходство въ употребленіи словъ и выраженій или оборотовъ рѣчи съ писаніями позднѣйшаго происхожденія (какъ напр. нѣкоторое сходство съ Іереміею въ Пс. 23,—ср. ст. 1 съ Іер. 10, 12; ст. 3—4 съ Іер. 7, 2—4; ст. 8—10 съ Іер. 10, 10 и 16,—совершенно ничтожное въ сравненіи съ сходствомъ его съ Пс. 14 и 100 и др. Давидовыми же писаніями, или въ Пс. 100 употребленіе въ ст. 5. Chirek compaginis, будто бы исключительно свойственнаго писаніямъ послѣдняго періода, хотя употребляемаго и въ древнѣйшихъ напр. Быт. 31, 39. 49, 11. Втор. 33, 16 (по евр.) и др.; также сходство выраженій ст. 8 съ 1 Макк. 9, 23 и 73 и свойственное будто бы Маккавейскому времени раздѣленіе двухъ партій — вѣрныхъ עֲנִיִּים: и нечестивыхъ земли רְשָׁעִים, хотя такое различіе не менѣе ясно и въ Пс. 9, 13 и 10, 12 (съ евр.), которые Гитцигъ тѣмъ не менѣе относитъ къ Давиду и т. под.) кажется имъ совершенно достаточнымъ основаніемъ, чтобы тѣ или другіе псалмы относить къ одному времени съ этими послѣдними писаніями. Чѣмъ объяснить такую непослѣдовательность, какъ не предубѣжденіемъ противъ писаній древнѣйшихъ и предвзятымъ намѣреніемъ низвести ихъ къ возможно позднѣйшему періоду?!

ст. 4. 5. 8 и 13). Еще яснѣе показываетъ это слѣдующее далѣе въ Пс. 23 обращеніе къ воротамъ Сіонской крѣпости съ требованіемъ поднять верхи свои, чтобы открыть и расширить входъ для вступленія царя славы, Господа воинствъ, какъ любилъ называть Господа царь Давидъ, Его силою одержавшій множество побѣдъ надъ врагами Израиля и прославившій царство свое (1 Ц. 17, 45 — 47. 2 Ц. 5, 10. 12. 7, 23 — 27). Такое обращеніе, выражающее сознаніе псалмопѣвца, что врата Сіона, справедливо называемыя имъ вѣчными,—такъ какъ происхожденіе ихъ теряется въ глубокой древности, можетъ быть еще временъ Мелхиседека,—слишкомъ низки и тѣсны, предъ величіемъ вступающаго въ нихъ Господа, естественно и умѣстно при первомъ вступленіи въ нихъ Господа, а не тогда, когда бы Онъ и раньше того входилъ и выходилъ ими; точно такъ же, какъ и Соломономъ подобное же сознаніе крайней ограниченности и ничтожества его храма для вездѣсущаго и всенаполняющаго собою Бога, было высказано не позже, какъ при посвященіи его въ жилище Божіе (3 Ц. 8, 27; ср. 2 Пар. 6, 18). Даже двукратное повтореніе обращенія къ воротамъ, такъ же какъ и повтореніе вопроса: Кто сей царь славы?—и отвѣта: «Господь сильный въ брани, Господь воинствъ», имѣющія, конечно, цѣлію возбудить въ народѣ особенное вниманіе и благоговѣніе къ вступающей на Сіонъ святынѣ, всего болѣе приличествуетъ первому перенесенію ковчега завѣта на Сіонъ, послѣ того какъ онъ до того времени долго находился въ пренебреженіи и забвеніи (1 Пар. 13, 3). Словомъ, все въ разсматриваемыхъ нами псалмахъ прекрасно идетъ къ совершонному Давидомъ перенесенію ковчега завѣта въ новоустроенную имъ Сіонскую скинію въ Іерусалимѣ, и все такимъ образомъ убѣждаетъ, что не напрасно носятъ они Давидово имя въ своихъ надписаніяхъ. Древніе отцы и учители церкви, согласно признавая Давидово происхожденіе этихъ псалмовъ, 14 и 23-й изъ нихъ обыкновенно объясняли въ смыслѣ таинственномъ,—о вознесеніи Христа Спасителя на небо и восхожденіи вѣрующихъ въ Него въ духовный Іерусалимъ въ обителяхъ Отца небеснаго [1]); но этотъ таинственный смыслъ нисколько не отри-

[1]) Св. Іустинъ Филос. въ разгов. съ Трифономъ; св. Кипріанъ въ словѣ на вознесеніе, Аѳанасій В. и бл. Ѳеодоритъ въ Толк. Пс., Іеронимъ въ письмѣ къ Дамасу и пр. См. толк. Псалт. Иринея Т. I. стр. 270. 1823 г.

цаетъ, но предполагаетъ собою указанный нами смыслъ историческій: потому что въ Ветхомъ Завѣтѣ, служившемъ сѣнію грядущихъ благъ (Евр. 8, 5. 10, 1. Кол. 20, 7), богопросвѣщенные мужи обыкновенно въ настоящихъ событіяхъ своей исторіи усматривали будущее, и въ видимомъ и чувственномъ созерцали невидимое, духовное. Такъ и здѣсь вдохновенный псалмопѣвецъ въ горѣ Сіонской созерцаетъ небо, въ возносимомъ на гору ковчегѣ завѣта—грядущаго на небеса прославленнаго побѣдителя смерти Господа, въ восходящихъ съ ковчегомъ на гору—спасаемыхъ во Христѣ вѣрующихъ въ Него, въ хорѣ пѣвцовъ, срѣтающихъ ковчегъ въ воротахъ Сіона пѣніемъ: «кто сей царь славы», — лики небесныхъ воинствъ, срѣтающихъ возносящагося на небеса Господа (Евр. 10, 24. 12, 22—24)[1]: словомъ, въ основѣ пророческихъ созерцаній псалмопѣвца вездѣ лежитъ историческое событіе перенесенія ковчега завѣта въ Сіонскую скинію, которое и слѣдуетъ признавать поводомъ къ написанію этихъ пѣсней.

Очень вѣроятно также, что обстоятельства, сопровождавшія перенесеніе ковчега завѣта, именно *упреки Мелхолы Давиду*, будто онъ унизилъ свое царское достоинство, позволивъ себѣ скакать предъ ковчегомъ и притомъ въ короткой, не царской одеждѣ, *послужили для Давида поводомъ къ написанію псалма 130-го*. Эта краткая пѣснь, представляющая выраженіе смиреннаго сознанія своего недостоинства предъ Господомъ и тихой преданности Его благому Промыслу, составляетъ какъ-бы перифразъ отвѣта Давидова на упреки Мелхолы. «Какъ отличился сегодня царь Израилевъ, обнажившись предъ глазами рабынь рабовъ своихъ, какъ обнажается какой либо пустой человѣкъ»! говорила Мелхола. Въ отвѣтъ на это Давидъ высказываетъ ей, что предъ Господомъ достоинство и слава не въ гордомъ самовозвышеніи предъ низшими себя людьми, но въ смиренномъ сознаніи своего недостоинства предъ Нимъ и въ самоуничиженіи; ибо Господь унижаетъ гордыхъ и надменныхъ, какъ унизилъ отца ея Саула, и возвышаетъ смиренныхъ, какъ и возвысилъ его, поставивъ вождемъ народа Своего, Израиля: потому онъ не ищетъ иной чести предъ Господомъ, кромѣ той, которая состоитъ въ смиреніи и униженіи себя въ глазахъ своихъ, чтобы не надмеваться

---

[1]) Ср. Обозр. Пс. Павскаго, стр. 81.

и предъ послѣднимъ изъ рабовъ своихъ. «Предъ Господомъ играть и плясать буду. И я еще больше уничижусь и сдѣлаюсь еще ничтожнѣе въ глазахъ моихъ, и со служанками, о которыхъ ты говоришь,—съ ними я буду славенъ» (2 Ц. 6, 20—22). Тоже самое, хотя и другими словами, въ Пс. 130 исповѣдуетъ псалмопѣвецъ предъ Господомъ, преподавая урокъ подражанія народу своему Израилю: «Господи! не надмевается сердце мое и не возносятся очи мои, и я не вхожу въ великое и въ то, что выше меня. Истинно, я покоенъ и тихъ душою моею, какъ отнятое отъ груди дитя подлѣ матери своей, какъ дитя, отнятое отъ груди, душа моя во мнѣ [1])» (ст.

---

[1]) Въ русск. пер. Псалт. Синод. изд. 1871 г. всѣ глаголы переведены въ прош. вр. и кромѣ того 1-я половина 2-го стиха въ вопросительной формѣ: «Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входилъ въ великое и для меня недосязаемое. Не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей, какъ дитяти, отнятаго отъ груди *матери* (въ евр. עַל אִמּוֹ, *у* или *подлѣ матери своей*)? Душа моя была во мнѣ, какъ дитя, отнятое отъ груди».—Но во 1-хъ, въ приведенныхъ словахъ псалмопѣвецъ изображаетъ не какое-либо только временное, когда-то бывшее настроеніе своей души, а скорѣе обыкновенное и постоянное свое состояніе, составлявшее отличительную черту его нравственнаго характера; а во 2-хъ частица אִם־לֹא въ предложеніяхъ, въ которыхъ недостаетъ второй соотвѣтствующей половины, по употребленію въ Св. П. и согласно свидѣтельству филологовъ (Chr. Stockii Clavis linguae Sanctae, Ptrpl. 1827. p. 53—54; J. Fürst's Hebr-Chald. Handwörterbuch Bd. 1. S. 100 — 102), означаетъ не вопросъ а утвержденіе (Числ. 14, 35. 3 Ц. 20, 20. Іов. 1, 11. Іер. 42, 5), или же противоположеніе (Быт. 24, 38. Іер. 22, 6. Іез. 3, 6). Поэтому мы предпочли перевести всѣ глаголы въ настоящемъ вр. (подобно какъ переводы въ русск. Псалт. стоящіе въ томъ же Perf., или, по Павскому, въ 1-мъ аор., глаголы въ Пс. 1, 1. 10, 3 (русск. 9, 24). 31 (русск. 30), 7 и 15. 104 (русск. 103), 1 и др. (См. Gesenius Hebr. Grammatik, bearb. v. Rödiger Lpz. 1866. § 126, 3), и въ положительной формѣ, согласно съ русск. перев. Библ.. Общ., исправленнымъ подъ ред. Филарета Митр. Моск. и помѣщ. въ Душ. Чт. 1868 г. Май, только со вставкою слова: «отнятое отъ груди», такъ какъ גָּמוּל значитъ не просто дитя, но вскормленное и отученное отъ груди, — ἀπογεγαλακτισμένον, или, какъ въ нашемъ слав., «отдоеное» дитя, которое потому спокойно лежитъ у матери своей и не плачетъ по ея груди.

1—2), т. е. въ смиренной и всецѣлой преданности Господу и въ чувствѣ общенія съ Нимъ находитъ полное свое довольство и не знаетъ мучительныхъ стремленій самолюбія и честолюбія, которыя испытываютъ люди гордые и надменные. Тѣже чувства смиреннаго упованія и преданности Господу внушаетъ онъ и народу своему, Израилю, предостерегая его отъ гордаго самомнѣнія, въ сознаніи своего особеннаго призванія или своего могущества и славы предъ другими народами: «Да уповаетъ Израиль на Господа, отнынѣ и во вѣкъ (ст. 3)». — Впрочемъ надобно замѣтить, что указанныя обстоятельства представляютъ не единственный случай въ жизни Давида, который могъ послужить ему поводомъ къ написанію разсматриваемаго псалма. Глубокое смиреніе и безусловная покорность водительству Промысла составляютъ постоянную отличительную черту въ характерѣ Давида. Помазанный на царство пророкомъ Самуиломъ, онъ не стремится къ своему возвышенію, и видимо возвышаемый Господомъ, не домогается престола, но терпѣливо проходитъ долгій путь глубокаго униженія, пока рука Божія не возводитъ его къ высокому его предназначенію. И на высотѣ своего царскаго величія, принимая обѣтованіе вѣчнаго царства въ родѣ своемъ, онъ смиренно сознаетъ свое недостоинство предъ Господомъ; славный побѣдитель многочисленныхъ и сильныхъ враговъ еврейскаго народа, онъ смиренно и съ покорностію выслушиваетъ обличенія своихъ человѣческихъ слабостей со стороны посланниковъ Божіихъ, сознаетъ свои грѣхи и не стыдится открыто исповѣдывать ихъ предъ Господомъ; грозный каратель преступленій, онъ безнаказанно позволяетъ Семею злословить себя въ присутствіи народа и щадитъ самыхъ злобныхъ враговъ своихъ, признавая въ нихъ орудіе карающаго правосудія Божія за свои собственныя преступленія. Естественно при этомъ каждый опытъ новыхъ милостей Божіихъ служилъ для Давида достаточнымъ побужденіемъ къ исповѣданію своего недостоинства, смиренія и преданности волѣ Божіей. Но кромѣ того, не смотря на свое всегдашнее смиреніе, Давидъ не однократно слышалъ несправедливыя обвиненія и укоризны въ гордости, надменности и властолюбіи, даже со стороны собственныхъ братьевъ своихъ (1 Ц. 17, 28), особенно же со стороны Саула и многочисленныхъ его приверженцевъ (1 Цар. 22, 7 — 8. 24, 10. 2 Ц. 16, 7 — 8). Каждое изъ такихъ обвиненій могло представлять новое побужденіе исповѣдать предъ Господомъ, что сердце его далеко отъ всякаго высокомѣ-

рія и надменности, и что онъ невиненъ въ тѣхъ властолюбивыхъ притязаніяхъ, какія несправедливо приписываютъ ему [1]). Вообще, въ жизни Давида не мало было обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ совершенно естественнымъ въ устахъ его такое исповѣданіе своего смиренія и преданности волѣ Божіей, какое мы имѣемъ въ Пс. 130, и если не упреки Мелхолы послужили дѣйствительнымъ поводомъ къ его написанію, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать принадлежности его Давиду, которому приписывается онъ въ еврейскомъ текстѣ. Этому нисколько не мѣшаетъ положеніе его между пѣснями степеней, въ числѣ которыхъ дѣйствительно есть пѣсни, составленныя во время или вскорѣ послѣ плѣна Вавилонскаго, и которыя вообще по своему употребленію относятся къ послѣ-плѣнному періоду [2]). Основаніемъ для преимущественнаго употребленія его послѣ плѣна могло послужить преподаваемое въ заключеніи его наставленіе Израилю уповать на Господа, весьма умѣстное при тогдашнемъ печальномъ положеніи Израиля въ опустошенномъ отечествѣ, когда упованіе на милость Божію служило ему единственнымъ утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ; но тоже наставленіе, преподаваемое въ псалмѣ въ предостереженіе отъ увлеченій гордости и высокомѣрія, напротивъ показываетъ, что онъ есть произведеніе не печальныхъ временъ послѣ плѣна, которыя сами собой внушали Израилю смиреніе, но времени счастливаго и цвѣтущаго его состоянія, каково особенно время блистательныхъ побѣдъ Давидова царствованія, когда дѣйствительно могла представляться опасность подобныхъ увлеченій, которой, какъ извѣстно, не избѣжалъ и самъ Давидъ (2 Ц. 24, 1. 10 и дал.). Нужно ли послѣ всего этого отрицать указываемое надписаніемъ Давидово происхожденіе 130-го псалма, чтобы вмѣсто того отнести его къ неизвѣстному писателю несообразнаго съ его содержаніемъ времени послѣ плѣна или тѣмъ болѣе времени Маккавеевъ, какъ того хотятъ его толкователи-раціоналисты? [3]).

---

[1]) См. Толков. Псалт. Преосв. Иринея Цсковскаго. Т. II, стр. 664 по изд. 1823 г.

[2]) См. о надписаніи пѣсней степеней стр. 156—157 и 127.

[3]) Hitzig, Lengerke и др. относятъ этотъ псаломъ вмѣстѣ съ предшествующимъ ко времени Симона Маккавея, на томъ странномъ основаніи, что 3-й ст. его сходенъ съ 7-мъ предш. псалма, а въ этомъ послѣднемъ народъ израильскій представляется въ великой опасности,

Близки, кажется, своимъ происхожденіемъ *ко времени же перенесенія ковчега завѣта въ Іерусалимъ и псалмы* 121 *и* 132, надписывающіеся въ еврейскомъ текстѣ именемъ Давида [1]). Подобно 130-му, оба они поставлены въ числѣ пѣсней степеней, и неудивительно. По своему содержанію, представляющему выраженіе горячей любви псалмопѣвца къ св. городу Іерусалиму, и къ совершающимся въ немъ всенароднымъ праздничнымъ собраніямъ, псалмы эти очень естественно могли сдѣлаться любимыми пѣснями, какъ возвращавшихся изъ плѣна Іудеевъ, такъ и путешествовавшихъ въ Іерусалимъ въ три годовые праздника, почему и были внесены въ составъ образовавшагося со временемъ сборника пѣсней, употреблявшихся при такихъ случаяхъ. Но понятно, что такое употребленіе ихъ и положеніе вмѣстѣ съ пѣснями послѣ-плѣннаго происхожденія еще не составляетъ доказательства, что они и написаны были не ранѣе этого времени, подобно какъ въ нашемъ богослуженіи употребленіе древнѣйшихъ пѣсней на ряду съ позднѣйшими нисколько не унижаетъ древности первыхъ въ глазахъ безпристрастнаго историка. Содержаніе ихъ еще лучше идетъ ко времени Давида, которому они приписываются въ еврейскомъ текстѣ, между тѣмъ какъ многія черты, особенно въ Пс. 121, несообразны съ временемъ послѣ плѣна Вавилонскаго. Описаніе Іерусалима, какъ великолѣпно устроеннаго, укрѣпленнаго и украшеннаго дворцами города (Пс. 121, 3 и 7), представленіе израильскаго народа, еще въ раздѣленіи на колѣна восходящаго по закону Израилеву въ Іерусалимъ славить имя Господне (ст. 4 и Пс. 132, 1 и 3), упоминаніе о престолѣ дома Давидова (Пс. 121. 5) и полномъ благословенія и мира пребываніи

которая почему то будто бы есть не-иная, какъ именно описываемая въ 1 Макк. 13 гл. Но за исключеніемъ только общаго указанія опасности, какихъ не мало было и въ др. времена еврейской исторіи, означенное мѣсто 1 кн. Макк. не представляетъ никакого соотношенія съ содержащеюся въ 129 псалмѣ покаянною молитвою вѣроятно находящихся въ плѣну, или же бѣдствующихъ въ опустошенномъ своемъ отечествѣ возвратившихся изъ плѣна Іудеевъ, ни съ исповѣданіемъ смиренія и удаленія отъ гордости, какое мы имѣемъ въ Пс. 130.

[1]) Изъ древнихъ переводовъ такое надписаніе имѣютъ халдейскій и сирскій; а Пс. 132 такъ же надписывается и въ Вульгатѣ. См. Calmeti Comment. in h. Ps.

Господа на Сіонѣ (ст. 6—9. Пс. 132, 3):—все это вполнѣ идетъ ко времени Давида и представляется анахронизмомъ послѣ плѣна Вавилонскаго, когда Іерусалимъ стоялъ въ развалинахъ, престолъ Давидовъ оставался праздным, когда *весь* возвратившійся *Израиль* (1 Ездр. 2, 70) состоялъ лишь изъ остатковъ двухъ колѣнъ Іудина и Веніаминова (1 Ездр. 1, 5. гл. 2 и 4, 1) съ присоединеніемъ къ нимъ священниковъ и левитовъ и развѣ только отдѣльныхъ лицъ изъ 10 колѣнъ бывшаго царства Израильскаго, а исторія пребыванія возвратившихся въ своемъ отечествѣ представляла печальную картину внутренняго неустройства и несогласія и почти безпрерывныхъ притѣсненій и опасностей со стороны внѣшнихъ враговъ. Чтобы устранить такую несообразность защитники послѣ-плѣннаго происхожденія этихъ псалмовъ прибѣгаютъ къ предположенію, что псалмопѣвецъ, обрадованный позволеніемъ возвратиться изъ плѣна въ отечество, или быть можетъ уже послѣ возвращенія, при видѣ восходящихъ въ Іерусалимъ къ какому либо празднику многочисленныхъ поклонниковъ, переносится мыслію къ прошедшимъ временамъ славы Іерусалима, когда въ немъ стоялъ царственный престолъ дома Давидова и когда дѣйствительно стекались въ него всѣ колѣна еще единаго нераздѣльнаго царства Израилева [1]). Но подобное объясненіе не имѣетъ вѣроятности, такъ какъ изображеніе Іерусалима и восходящихъ въ него колѣнъ Израилевыхъ до того живо и картинно, что требуетъ предположить въ писателѣ псалма очевидца, а не человѣка, отдѣленнаго вѣками отъ изображаемой дѣйствительности. Конечно, можно бы предположить, что писатель его былъ человѣкъ, переживший плѣненіе Вавилонское и въ молодые годы свои видѣвшій Іерусалимъ въ прежнемъ его величіи [2]); но во всякомъ слу-

---

[1]) Такого мнѣнія держались: св. Аѳанасій В. въ изъяс. 121 Пс. (Тв. Св. Оо. Т. 22 стр. 439—40), св. І. Златоустъ (Бес. на Пс. Т. 2 стр. 151, 154 и 233), бл. Ѳеодоритъ (Тв. Св. Оо. Т. 28 стр. 348 и 375) и др. См. Calmeti Comment. in h. Ps. Этому же мнѣнію слѣдуетъ и нашъ толкователь пѣсней степеней въ Воскр. Чт. 185⁶/₇ г. № 41 стр. 391—2.

[2]) Такое предположеніе высказываютъ: св. Аѳанасій (въ изъясненіи Пс. 121, ст. 1—2), изъ новѣйшихъ: Преосв. Иринеи (въ Толк. Псалт. Ч. II. стр. 608. 1823 г.), Carl Ehrt (въ Abfassungszeit des Psalters Lpz. 1869 S. 104) и др.

чаѣ не могъ уже видѣть восхожденія въ Іерусалимъ колѣнъ Израилевыхъ, которое прекратилось со времени раздѣленія царства Еврейскаго (3 Ц. 12, 28), почти за 4 вѣка до плѣна, и, за исключеніемъ малоуспѣшной попытки Езекіи (2 Пар. 30, 10—11), никогда не возстановлялось болѣе. А стихъ 7-й совершенно устраняетъ и такое предположеніе, показывая, что Іерусалимъ не въ воспоминаніи только псалмопѣвца, но въ настоящей своей дѣйствительности представлялся ему укрѣпленнымъ и украшеннымъ дворцами городомъ: въ противномъ случаѣ могъ ли бы онъ выразить свое благожеланіе Іерусалиму въ такой формѣ: «да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ. благоденствіе въ чертогахъ твоихъ», когда бы ни стѣны, ни чертоги не существовали, а только рисовались въ его воображеніи? Не гораздо ли естественнѣе и сообразнѣе съ дѣйствительностію (Неем. 2, 3—5) было бы возвратившемуся или возвращающемуся плѣннику, вспоминая о прежнемъ великолѣпіи и укрѣпленіи Іерусалима, желать своей разоренной столицѣ скорѣйшаго огражденія стѣнами и украшенія чертогами? [1]). Да и

---

[1]) Что псалмопѣвецъ описываетъ современное ему состояніе Іерусалима и совершаемыхъ въ немъ празднованій,—это признаютъ и толкователи-раціоналисты: Hitzig, Lengerke и др.; но они, по обычному предубѣжденію своему противъ древности священныхъ писаній, пользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобы отнести происхожденіе разсматриваемыхъ псалмовъ къ еще болѣе позднему времени послѣ-плѣннаго періода, именно ко времени Симона Маккавея (143—135 предъ Р. Хр.), когда Іерусалимъ, возставшій уже изъ своихъ развалинъ, возобновленный и укрѣпленный отчасти при предшественникѣ Симона Іонаѳанѣ (1 Макк. 10, 10. 12, 36—37), былъ еще больше укрѣпленъ (1 Макк. 13, 10. 14, 37) и, въ соотвѣтствіе 7 ст. 121 Пс., вѣроятно украшенъ внутри какими нибудь великолѣпными чертогами, между тѣмъ какъ опасное положеніе отъ различныхъ внѣшнихъ враговъ естественно вызывало у псалмопѣвца желаніе мира и благоденствія Іерусалиму (Пс. 121, ст. 6—8). Несообразность съ этимъ временемъ упоминанія о колѣнахъ народа Израильскаго (121, ст. 4), они обходятъ тѣмъ, что древнее раздѣленіе обѣтованной земли и тогда не было забыто, почему путешествовавшіе въ Іерусалимъ тогдашніе обитатели древнихъ удѣловъ того или другаго исчезнувшаго уже колѣна, по мѣсту ихъ жительства могли быть названы колѣнами. Гораздо труднѣе придумать подобный обходъ для упоминанія о престолахъ дома Давидова, потому что со вре-

самый радостно-торжественный тонъ псалмовъ не соотвѣтствуетъ воспоминанію о прежнемъ величіи Іерусалима при настоящемъ его печальномъ положеніи. Воспоминаніе о великолѣпіи перваго храма Соломонова при закладкѣ втораго храма, какъ и представленіе на-

---

мени отведенія въ плѣнъ престолъ дома Давидова не возстановлялся болѣе, а Зоровавель, единственный послѣ плѣна вождь Іудеевъ изъ рода Давидова и притомъ живший почти за 4 вѣка до Симона Маккавея, не можетъ быть названъ возстановителемъ его, такъ какъ онъ никогда не присвоивалъ себѣ царственной власти надъ возвратившимися изъ плѣна: почему для объясненія и устраненія такой несообразности и эти толкователи, вмѣстѣ съ упомянутыми выше, держатся здѣсь гипотезы воспоминанія о прежнихъ временахъ, допуская такимъ образомъ въ одной и той же картинѣ Іерусалима въ Пс. 121 неестественное смѣшеніе образовъ настоящаго созерцаемаго и прошедшаго воспоминаемаго, не смотря на употребленіе въ евр. текстѣ для обоихъ такихъ образовъ одной и той же формы и времени глаголовъ (עֹמְדוֹת הָיוּ стоятъ ноги наша ст, 2: שָׁמָּה עָלוּ туда восходятъ племена... ст. 4; שָׁמָּה יָשְׁבוּ тамъ стоятъ престолы... ст. 5). Вообще, неосновательность такого предположенія о Маккавейскомъ происхожденіи разсматриваемыхъ псалмовъ очевидна сама собою, такъ какъ, представляя много несообразностей между содержаніемъ псалмовъ и исторіей, оно основывается единственно на случайномъ сходствѣ описанія Іерусалима съ описаніемъ нѣкоторыхъ его укрѣпленій, произведенныхъ при Симонѣ Маккавеѣ: но если подобное сходство принимать за основаніе, то съ такимъ же, если не съ большимъ правомъ, можно бы отнести происхожденіе этихъ псалмовъ и ко времени царствованія Ирода, когда, по свидѣтельству Флавія (Древн. Іуд. кн. XV гл. 8—11), въ Іерусалимѣ возведены были многія укрѣпленія и городъ былъ украшенъ многими великолѣпными зданіями и самый храмъ перестроенъ и украшенъ, такъ что приводилъ въ изумленіе всѣхъ посѣтителей Іудейской столицы (ср. Іоан. 2, 20. Марк. 13, 1) и когда, по свидѣтельству того же историка, а также Евангелистовъ и Апостоловъ (Лук. 2, 41. 44 Іоан. 12, 12. Дѣян. 2, 6—11), стекались въ Іерусалимъ на великіе праздники не только Іудеи изъ удѣловъ, занимавшихся прежними колѣнами, но и всѣ Іудеи разсѣянія изъ различныхъ провинцій Малой Азіи и другихъ странъ тогдашней Римской имперіи. Вѣдь если не находятъ абсурдомъ относить послѣднее собраніе псалмовъ къ нечестивому Александру Іаннею, то что же мѣшаетъ отнести его къ какому нибудь благочестивому Іудею Иродова времени!... Въ обоихъ случаяхъ основанія одни и тѣже.

стоящихъ бѣдствій опустошеннаго Іерусалима, одинаково вызывали у Іудеевъ слезы и вопли (1 Ездр. 3, 12—13 и Неем. 1, 3—4): не иныя, намъ кажется, должны бы быть и чувства псалмопѣвца при воспоминаніи о прежнемъ великолѣпіи Іерусалима. Правда, находятъ въ тѣхъ же псалмахъ и нѣкоторыя несообразности съ происхожденіемъ ихъ отъ Давида, но несообразности только мнимыя, кажущіяся, которыя легко устраняются при внимательномъ разсмотрѣніи содержанія псалмовъ и сличеніи ихъ съ исторіею и другими писаніями Давида. Такъ не представляетъ ничего несообразнаго съ лицемъ Давида, какъ писателя, если во 2 ст. Пс. 121-го псалмопѣвецъ представляетъ себя въ числѣ богомольцевъ, пришедшихъ въ Іерусалимъ для поклоненія; такъ какъ псаломъ этотъ, подобно нѣкоторымъ другимъ псалмамъ Давида (напр. 19 и 20), воспѣтъ имъ для народа и отъ лица народа, съ сонмомъ котораго впрочемъ и самъ онъ восходилъ въ свой столичный городъ при перенесеніи ковчега завѣта (2 Ц. 6, 1. 2. 19. ср. 1 Пар. 13, 5—8. 15, 3. 25, 28) и, безъ сомнѣнія, нерѣдко ходилъ въ домъ Божій для поклоненія Господу, особенно во дни великихъ праздниковъ (Пс. 54, 15). Народнымъ же характеромъ пѣсни объясняется и то, что въ ст. 5 того же псалма говорится въ 3-мъ лицѣ о престолахъ дома Давидова [1]). Что же касается самаго выраженія: «домъ Давидовъ», то оно нисколько не странно въ устахъ Давида, такъ какъ онъ на самомъ дѣлѣ основалъ новый царственный домъ вмѣсто дома Саулова (см. 2 Ц. 3, 1), чего, конечно, онъ не могъ не сознавать, какъ и дѣйствительно сознавалъ и неоднократно высказывалъ со времени полученія обѣтованія о вѣчномъ царствѣ его рода (2 Ц. 7, 18—29. 22, 51. 23, 5). Еще менѣе препятствуетъ считать его писателемъ псалмовъ упоминаніе о домѣ Божіемъ (въ ст. 1 и 9 Пс. 121-го), подъ которымъ нѣкоторые думаютъ разумѣть храмъ Соломоновъ; потому что названіе дома Божія придавалось не только храму, но и скинію, какъ древней Моисеевой, такъ и новой Сіонской, и даже просто какому либо мѣсту, ознаменованному особеннымъ явленіемъ Божіимъ [2]), и такое названіе очень употребительно во многихъ псалмахъ Давидовыхъ (Пс. 5, 8. 22, 6. 25, 8. 26, 4. 54, 15.

---

[1]) См. выше замѣчанія на Пс. 19 и 20 (стр. 213-214) и 17, 51 (стр. 137).

[2]) См. выше подстроч. примѣч. о надписаніи псалма 29, стр. 131.

64, 5 и др.). Подвергаютъ, наконецъ, сомнѣнію существованіе въ Давидово время упоминаемаго здѣсь обычая путешествовать въ Іерусалимъ для поклоненія Господу по установленію Израилеву (Пс. 121, 1—4. Пс. 132. 1 и 3); но извѣстно, что установленный закономъ Моисеевымъ обычай сходиться въ три годовые праздника къ святилищу (Исх. 23, 15 — 17. 34. 23. Втор. 16, 16) соблюдался Евреями даже во времена крайняго упадка вѣры и благочестія, въ періодъ Судей (Суд. 21. 19—24. 1 Ц. 1. 3), и если въ послѣднее время царствованія Саула, очень подозрительно смотрѣвшаго на сношенія съ священниками (1 Ц. 22, 12—19), не обращались къ ковчегу Божію (1 Пар. 13, 3), то съ перенесеніемъ ковчега въ столицу, имѣвшемъ именно цѣлію положить конецъ прежнему забвенію святыни Господней, и съ возстановленіемъ богослуженія въ новой, болѣе торжественной и величественной формѣ, естественно должны были возобновиться и религіозныя путешествія для поклоненія Господу. Само собою разумѣется, что съ перенесеніемъ ковчега въ Сіонскую скинію мѣстомъ такихъ религіозныхъ путешествій, вмѣсто прежняго Силома или Гаваона, долженъ былъ стать Іерусалимъ, сдѣлавшійся въ то же время и гражданскою столицею царства Еврейскаго (2 Ц. 5. 9). Правда, и послѣ того, во все время царствованія Давида и даже при Соломонѣ, Моисеева скинія оставалась въ Гаваонѣ и время отъ времени была посѣщаема благочестивыми Израильтянами (1 Пар. 21, 29—30. 3 Ц. 3, 4—5): но это не дѣлало излишнимъ путешествій въ Іерусалимъ; такъ какъ главною святынею и символомъ видимаго присутствія Божія былъ ковчегъ завѣта, и къ посѣщенію мѣста пребыванія этой именно святыни относилось предписаніе закона—«три раза въ году являться предъ лице Господа» (Втор. 16, 16). Можно полагать, что Давидъ, оставляя Моисееву скинію въ Гаваонѣ, щадилъ народную привязанность къ этому издавна освященному мѣсту богослуженія; но совершенно невѣроятно, чтобы, при ревностной заботливости объ исполненіи закона Божія и устроеніи богослуженія въ Іерусалимѣ, онъ могъ оставить безъ исполненія приведенное предписаніе закона, имѣвшее при томъ весьма важное значеніе для возвышенія его столицы въ политическомъ отношеніи, — что также составляло одинъ изъ первыхъ предметовъ его заботливости. Напротивъ того, собраніе представителей всего народа къ празднованію перенесенія ковчега завѣта въ Іерусалимъ показываетъ, что Давидъ желалъ сдѣлать свою столицу

центромъ всенародныхъ религіозныхъ собраній и—это первое собраніе можно потому считать образцомъ для предписаннаго закономъ совершенія великихъ годовыхъ праздниковъ и въ послѣдующее время Давидова царствованія, тѣмъ болѣе, что въ Соломоново время существованіе религіозныхъ путешествій къ Іерусалимскому святилищу въ установленные праздники не подлежитъ сомнѣнію: такъ какъ извѣстно, что воцарившійся послѣ Соломона надъ отдѣлившимися отъ его дома 10-ю колѣнами Іеровоамъ принимаетъ уже мѣры противъ путешествій въ столицу Іудейскаго царства на праздники, установляя свои религіозные центры и новыя празднества въ противоположность и подражаніе совершавшимся тамъ законнымъ праздникамъ (3 Ц. 12, 27 — 33). Вообще, наибольшая вѣроятность на сторонѣ существованія религіозныхъ путешествій въ Іерусалимъ въ Давидово царствованіе; отсутствіе же положительныхъ свидѣтельствъ объ нихъ исторіи этого времени не можетъ служить доказательствомъ несуществованія ихъ: потому что исторія точно также умалчиваетъ объ нихъ и въ Соломоново время, между тѣмъ какъ упомянутыя нами мѣры противъ нихъ перваго царя 10-ти-колѣннаго Израильскаго царства ясно показываютъ, что они были тогда во всей силѣ. Но если даже существованіе такихъ путешествій въ Іерусалимъ въ Давидово царствованіе мы и признаемъ дѣломъ сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ недоказаннымъ;—во всякомъ случаѣ указаніе на собранія народа въ Іерусалимѣ или путешествія къ нему колѣнъ Израилевыхъ въ Пс. 121 и 132, подобно какъ другія приведенныя нами мнимыя несообразности, не представляютъ ничего несвойственнаго времени Давида: потому что не подлежитъ сомнѣнію, что Іерусалимъ былъ уже тогда столицею и политическимъ центромъ царства еврейскаго, что въ него не разъ собирались представители всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ [1]) (2 Ц. 6, 1. 15 — 19. 12,

---

[1]) По мнѣнію нѣкоторыхъ одно изъ такихъ именно собраній, по случаю избранія Давида царемъ надъ всѣми колѣнами (2 Ц. 5, 1—9) или послѣднее всенародное собраніе при Давидѣ по случаю помазанія на царство Соломона (1 Пар. 29, 1),—послужило и поводомъ къ написанію 132 Пс. (См. Comment. Rosenmüll., Tholuck, Lisco и др.); но указаніе на религіозное средоточіе въ Сіонѣ (ст. 3) и особенность обозначенія достоинства братскаго согласія чрезъ сравненіе съ первосвященническимъ помазаніемъ (ст. 2) скорѣе идутъ къ религіозному собранію

31. 1 Пар. 23, 2. 28, 1 и дал.), равно какъ сходились всѣ искавшіе верховнаго суда царскаго Израильтяне (2 Ц. 15, 2. 6; ср. Пс. 121. ст. 5). Такимъ образомъ всѣ вообще вѣроятныя основанія за Давидово происхожденіе этихъ псалмовъ и нѣтъ никакихъ рѣшительныхъ побужденій придумывать для нихъ другаго писателя [1]). Вѣроятность происхожденія ихъ отъ Давида еще болѣе

народа на Сіонѣ въ одинъ изъ великихъ праздниковъ, нежели къ собранію съ какою либо государственною цѣлію. Во всякомъ случаѣ, нельзя признать поводомъ къ написанію псалма помазаніе Давида въ царя надъ всѣмъ Израилемъ (2 Ц. 5, 3); потому что помазаніе это происходило въ Хевронѣ, а не въ Іерусалимѣ, и Сіонъ не былъ тогда еще жилищемъ Господа, какъ это говорится въ 3 ст. псалма.

[1]) Кромѣ приведенныхъ мнимыхъ основаній послѣ-плѣннаго происхожденія псалма, указываютъ еще слѣдующія два: а) употребленіе ...ש ргаейх вм. אֲשֶׁר (Пс. 122, 3. 4. 133, 2), свойственное будто бы исключительно позднѣйшимъ временамъ; но эта сокращенная форма встрѣчается и въ очень древнихъ писаніяхъ, напр. въ пѣснѣ Деворы (см. выше подстроч. примѣч. на Пс. 143) и, какъ кажется, всегда была употребительна въ разговорномъ языкѣ, откуда и могла войти въ пѣсни назначенныя для народнаго употребленія (Hengstenberg на Пс. 122);— б) употребленіе выраженія יְרוּשָׁלַם חֲבֻנוּיָה которое будто бы значитъ-Іерусалимъ *возстановленный* (Gesenius: Hierosolyma restituta; Мандельштамъ: *снова обстроенный*) или *возстановляемый* (LXX οἰκοδομουμένη въ слав. *зиждемый*, ст. 3) и такимъ образомъ, какъ думалъ и Златоустъ, «указываетъ на событія послѣ плѣна... Іерусалимъ зиждемый; слѣдовательно, тогда онъ еще не былъ городомъ» (Бес. на Пс. Т. II, стр. 151). Но בָּנָה переводится въ значеніи «возстановлять», когда выше была рѣчь о разрушеніи (См. Суд. 6, 28. 2 Пар. 32, 5. Пс. 102, 17: ср. 14—15 по евр.); въ противномъ случаѣ значитъ просто «строить» (какъ Быт. 4, 17. Втор. 20, 5. 9. I. Нав. 22, 23. 26 и др. См. выше о Пс. 50, 20, стр. 137). Слѣдовательно, приведенное выраженіе вовсе не заключаетъ въ себѣ предполагаемаго въ немъ доказательства послѣ-плѣннаго происхожденія псалма; такъ какъ прежде, чѣмъ придать ему значеніе возстановленія, нужно еще доказать, что рѣчь въ этомъ псалмѣ идетъ объ Іерусалимѣ, потерпѣвшемъ разрушеніе. Переводъ LXX сдѣланъ примѣнительно къ послѣ-плѣнному употребленію пѣсней степеней, какъ это видно уже изъ опущенія въ немъ именъ писателей, и потому не можетъ служить доказательствомъ при вопросѣ о ихъ происхожденіи.

возвышается, если мы предположимъ, что они написаны были на случай какого либо изъ праздничныхъ собраній въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ перенесенія ковчега завѣта въ Сіонскую скинію, когда съ тѣмъ вмѣстѣ Іерусалимъ долженъ былъ сдѣлаться религіознымъ центромъ народа Еврейскаго. Содержаніе обоихъ псалмовъ всего лучше объясняется изъ побужденій этого именно времени. Руководившее Давидомъ въ перенесеніи ковчега завѣта въ Іерусалимъ желаніе, съ одной стороны, возстановить должное благоговѣніе къ главнѣйшей національной святынѣ, остававшейся въ небреженіи и забвеніи въ Саулово царствованіе, съ другой — возвысить въ глазахъ народа значеніе вновь избранной имъ столицы царства, весьма естественно требовало возбудить и поощрить установленныя закономъ всенародныя собранія предъ перенесеннымъ въ Іерусалимъ ковчегомъ завѣта, такъ и вообще расположить и пріучить народъ къ новой столицѣ и новому мѣсту святилища, вопреки недовольству и обычному предубѣжденію нѣкоторыхъ противъ подобныхъ измѣненій и нововведеній. А что недовольство или предубѣжденіе противъ перемѣщенія столицы и особенно ковчего завѣта дѣйствительно существовало въ народѣ, не смотря на то, что оно совершено было Давидомъ съ согласія старѣйшинъ народныхъ, это можно заключать изъ псалма 77-го, гдѣ современный Давиду псаломопѣвецъ Асафъ пророкъ замѣтно старается оправдать предъ народомъ перенесеніе ковчега завѣта и столицы царства въ Іерусалимъ (ст. 59—69). При такихъ обстоятельствахъ и побужденіяхъ составленіе пѣсней въ прославленіе Іерусалима, какъ прекраснаго и благоустроеннаго религіознаго и политическаго средоточія народнаго, или въ похвалу братскаго согласія народа, выражающагося въ многочисленномъ собраніи его на Сіонѣ, гдѣ Господь благоволилъ утвердить благословеніе и жизнь на вѣкъ,—представляется, какъ нельзя болѣе естественнымъ и цѣлесообразнымъ [1]). Съ этой стороны надписаніе

---

[1]) Такую цѣль содержащихся въ Пс. 121 похвалъ Іерусалиму признаетъ и Преосв. Ириней Псков., опровергая такимъ образомъ только-что высказанное имъ предположеніе о составленіи псалма по случаю возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго. «По сей причинѣ Давидъ, говоритъ онъ въ объясн. 3 ст., оставя другіе грады въ своей степени, Іерусалимъ превозноситъ выше всѣхъ, дабы вѣрные не обращали взора своего туда и сюда, не были довольны градомъ, свыше

121 и 132 псалмовъ именемъ Давида въ еврейскомъ текстѣ, при отсутствіи въ ихъ содержаніи какихъ либо несообразностей съ лицемъ и временемъ Давида, получаетъ силу вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства о ихъ писателѣ и времени происхожденія.

Сказанное о псалмахъ 121 и 132 имѣетъ отчасти отношеніе и къ *псалму 64-му*, представляющему благодарственный гимнъ Богу за Его благодатныя дѣйствія на Сіонѣ и благодѣянія народу Своему, являемыя въ плодородіи земли и цареваніи побѣдъ надъ иноземными народами. Здѣсь также между прочимъ высказывается столь свойственное Давиду стремленіе къ дому Божію (ст. 5) и упоминается о богослужебныхъ собраніяхъ народа къ Сіонскому святилищу (ст. 2—3). Другія черты въ содержаніи псалма,—упоминаніе о допущенныхъ псалмопѣвцемъ тяжкихъ грѣхахъ и о прощеніи ихъ Богомъ (ст. 4), и о чудныхъ побѣдахъ надъ возставшими противъ Израиля иноземными народами, во своей землѣ прославившихъ имя Іеговы (ст. 6—9),—также идутъ къ лицу Давида и ко времени его царствованія. Потому очень вѣроятно, что и *этотъ псаломъ написанъ былъ Давидомъ по случаю всенароднаго празднованія на Сіонѣ одного изъ великихъ праздниковъ*, можетъ быть, Пасхи, ко времени которой поспѣвала жатва въ Палестинѣ. Судя по упоминаемому избавленію отъ нападеній враждебныхъ народовъ (ст. 8) и изображенію мирнаго состоянія Израиля (ст. 9 – 14), можно предполагать, что это было *въ послѣдніе мирные годы Давидова царствованія*, когда внѣшніе и внутренніе враги были усмирены и народъ могъ спокойно посвятить себя мирнымъ занятіямъ земледѣлія и пастушеской жизни. Такое предположеніе отчасти подтверждается сходствомъ 64 псалма съ 17-мъ (ср. 64, 6—9 съ 17, 44—49), который, по ясному и несомнѣнному свидѣтельству исторіи, воспѣтъ былъ Давидомъ въ это именно мирное время, «когда Господь избавилъ его отъ рукъ всѣхъ враговъ его» (2 Ц. 22, 1; ср. Пс. 17, 1) [1]). Болѣе точнаго опредѣленія времени

избраннымъ, и другаго равнаго не искали» (Толк. Псалт. изд. Св. Синода 1823 г. Ч. 2. стр. 610). Ср. также объяснит. замѣчанія на Пс. 121-й въ Воскр. Чт. 1872 г. Т. 1, стр. 299.

[1]) Такого мнѣнія, по свидѣтельству Калмета (Comment. in h. Ps.), держатся многіе іудейскіе толкователи, а также нѣкоторые изъ христіанскихъ иностранныхъ: Umbreit. Tolück. O. v. Gerlach и др. Heng-

его происхожденія, по недостатку ясныхъ историческихъ указаній, сдѣлать нельзя [1]); но неопредѣленность эта не такъ велика, чтобы изъ за нея можно было усумниться и въ самомъ писателѣ псалма. Правда, въ надписаніи его, рядомъ съ свидѣтельствомъ о Давидовомъ происхожденіи, въ нашей славянской Библіи мы читаемъ прибавленіе, встрѣчающееся также въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ [2]) и въ Вульгатѣ: «пѣснь Іереміева и Іезекіилева, людей преселенія, егда хотяху исходити.» Но не говоря уже о томъ, что такое прибавленіе позднѣйшаго происхожденія и не находится ни въ еврейской Библіи, ни въ древнѣйшемъ текстѣ LXX, приводимомъ въ экзаплахъ Оригена, ни въ переводахъ сирскомъ и халдейскомъ [3]), между тѣмъ какъ свидѣтельство о написаніи псалма Давидомъ обще

---

stenberg тоже признаетъ Давида писателемъ псалма, но отрицаетъ какой бы то ни было историческій поводъ къ написанію. Ewald и Delitzsch относятъ происхожденіе этого псалма ко времени Езекіи, когда іудейскій народъ испыталъ чудесную помощь Божію въ избавленіи его отъ страшнаго нашествія Ассиріянъ (Иса. 37, 1—37; ср. Пс. 64, ст. 8 съ Иса. 17, 12—14) и, послѣ опустошенія страны своей, видѣлъ благословеніе Божіе въ ниспосланіи обильной жатвы (Иса. 37, 30). Но сходство этихъ событій съ содержаніемъ псалма нисколько не ближе и не лучше указаннаго нами сходства его съ событіями Давидова царствованія, чтобы ради его отрицать свидѣтельство надписанія; при совершенномъ же равенствѣ внутреннихъ основаній за то и за другое время происхожденія псалма, такое свидѣтельство во всякомъ случаѣ даетъ перевѣсъ и преимущество мнѣнію о написаніи псалма Давидомъ.

[1]) Нѣкоторые однако думаютъ видѣть опредѣленный поводъ къ написанію этого псалма въ ниспосланіи дождя послѣ трехлѣтняго голода, о чемъ повѣствуется въ 2 Ц. 21, 1. 9—10. 14, на томъ впрочемъ общемъ основаніи, что въ Пс. говорится о ниспосланіи дождя и дарованіи обильной жатвы. См. Царствов. Давида Побѣдинскаго-Платонова въ Дух. Чт. 1872 г. ч. III стр. 256. Также Venema и I. D. Michaelis.

[2]) Такіе списки видѣли уже бл. Іеронимъ, заимствовавшій изъ нихъ эту прибавку въ лат. переводъ Псалтири, бл. Θеодоритъ (въ Толк. 64 Пс. ст. 1) и др. Изъ новѣйшихъ изд. греческаго текста прибавленіе это читается въ изданіяхъ Библіи Комплютскомъ (1514—1517) и Aldi et Andreae (Venet. 1518) и въ новѣйшихъ отдѣльныхъ изданіяхъ греч. Псалтири, напр. ἐν Βενέτια 1867.

[3]) См. бл. Θеодорита на Пс. 64, ст. 1 и Calmeti in h. Ps.

всѣмъ извѣстнымъ спискамъ и еврейскаго подлинника и различныхъ переводовъ, не трудно видѣть, что оно не можетъ быть принимаемо за свидѣтельство происхожденія псалма въ эпоху плѣна Вавилонскаго, опровергающее свидѣтельство первой древнѣйшей части надписанія: «псаломъ Давидовъ.» Строгое единство развитія мыслей, поэтическаго характера и языка въ псалмѣ не можетъ допустить болѣе одного писателя, а соединеніе именъ пророковъ Іереміи и Іезекіиля съ народомъ, возвращающимся изъ плѣна, въ смыслѣ указанія времени происхожденія псалма, представляетъ очевидную историческую несообразность: потому что Іеремія и Іезекіиль никогда не были вмѣстѣ во время плѣна: первый послѣ отведенія народа въ плѣнъ оставался въ разрушенномъ Іерусалимѣ и никогда не былъ въ Вавилонѣ (Іер. 40, 1 — 6). послѣдній со времени перваго переселенія находился въ плѣну (Іез. 1, 1—2), и ни тотъ, ни другой пророкъ не дожили до возвращенія изъ плѣна и не видѣли «людей преселенія, егда хотяху исходити» [1]). Да и содержаніе псалма въ буквально-историческомъ смыслѣ большею частію не можетъ быть примѣнено къ возвращавшимся изъ плѣна Іудеямъ; такъ какъ, по справедливому замѣчанію бл. Ѳеодорита, «по возвращеніи изъ плѣна, ни плодородія, ни обильныхъ дождей», ни, прибавимъ отъ себя, славныхъ побѣдъ надъ враждебными народами, «ничего подобнаго не было и Іудеи долгое время жили въ великой бѣдности, какъ это показалъ Ездра» [2]). Поэтому бл. Ѳеодо-

---

[1]) Преданія о смерти Іереміи въ Египтѣ и Іезекіиля въ Вавилонѣ см. въ соч. Епифанія: «о жизни пророковъ» (впрочемъ не подлинномъ и по мѣстамъ съ показаніями довольно спутанными) и въ Четь-Минеяхъ подъ 1 Мая и 21 Іюля.

[2]) Твор. Св. Оо. Т. 27. стр. 358. Замѣчаніе это достаточно показываетъ несостоятельность мнѣнія Калмета, будто псаломъ воспѣтъ былъ послѣ построенія втораго храма, по случаю прекращенія предсказанныхъ прор. Аггеемъ (1, 4 — 11) засухи и голода и возвращенія прежняго плодородія земли (Comment. in h. Ps.), тѣмъ болѣе что въ описаніи плодородія въ псалмѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на предшествовавшее ему безплодіе, подобно какъ это можно примѣчать въ Пс. 106, 34—38. 145, 7. 146, 8—9), а изъ описанія Іерусалима и храма ни мало не замѣтно, что они только-что были возстановлены, какъ это видно въ другихъ псалмахъ послѣ-плѣннаго періода 146, 2. 147, 1—2. 106, 36.

рить полагаетъ, что «надписаніе», указывающее будто бы на происхожденіе псалма во время или послѣ плѣна, «прибавилъ кто нибудь. не вникнувъ въ смыслъ псалма и не изучивъ исторіи» [1]). Мы съ своей стороны, желая лучше избѣжать подобнаго строгаго приговора надъ непзвѣстнымъ намъ составителемъ означенной прибавки въ надписаніи псалма, полагаемъ, что онъ не имѣлъ въ виду означить въ этой прибавкѣ писателя или время происхожденія псалма; но признавая писателемъ его Давида, согласно свидѣтельству древнѣйшей части надписанія, которую потому и оставилъ неприкосновенною. хотѣлъ только указать время преимущественнаго употребленія псалма въ исторіи народа Божія и, вѣроятно, въ своемъ указаніи основывался на какомъ либо преданіи. На сколько древне и достовѣрно преданіе, служившее ему основою, того, конечно, никто теперь сказать не можетъ; но нѣтъ ничего удивительнаго и невѣроятнаго, если пѣснь Давида, изображающая особенное благоволеніе Господа къ народу своему, благоговѣющему предъ святилищемъ Его въ Сіонѣ, могла сдѣлаться любимою пѣснію Іереміи, оплакивавшаго несчастія народа и опустошеніе Сіона за небреженіе къ его святынямъ (Ср. Пл. Іер. гл. 1 и дал.), или Іезекіиля и плѣнниковъ, которыхъ взоры и молитвы обращены были къ Сіону (ст. 2; ср. съ Пс. 136, ст. 1. 3. 5), равно какъ возвращавшихся и можетъ быть даже возвратившихся изъ плѣна [2]), то со скорбію воспоминавшихъ о прежней славѣ и величіи своего царства и Іерусалима, то утѣшавшихъ себя надеждою на будущее свое возвышеніе (ср. Ездр. 3, 12. Агг. 2,4—10). Изображаемая въ псалмѣ картина прошлаго величія Іерусалима и благоденствія Израиля, со времени отведенія его въ плѣнъ и опустошенія священной столицы его царства при Іереміи пророкѣ, на всѣ послѣдующія времена его исторіи должна была сдѣлаться обличительнымъ и поучительнымъ урокомъ, внушающимъ сознаніе своей виновности въ драгоцѣнной утратѣ и научающимъ

---

[1]) На ст. 1, см. Тв. Св. Оо. Т. 27 стр. 352.

[2]) Какъ это даетъ предполагать тоже надписаніе по нѣкоторымъ спискамъ латинскаго пер., гдѣ къ именамъ пророковъ Іереміи и Іезекіиля прибавлено еще имя Аггея, пророчествовавшаго уже послѣ плѣна, при созданіи втораго храма Іерусалимскаго: canticum Aggei, Jeremiae et Jezechiel de verbo peregrinationis, et de populo transmigrationis, quando incipiebant proficisci.

цѣнить и стараться возвратить потерянное благо [1]), въ то же время съ другой стороны, представляя просвѣщенному взору прообразовательно-пророческое изображеніе будущей славы и блаженства новаго Израиля въ благодатномъ царствѣ обѣтованнаго сѣмени Давидова [2]). Съ этой точки зрѣнія сопоставленіе именъ различныхъ пророковъ въ прибавленіи къ надписанію 64-го Пс. перестаетъ быть анахронизмомъ или историческою несообразностію, и самое прибавленіе не только не опровергаетъ свидѣтельства древнѣйшей части надписанія о Давидовомъ происхожденіи псалма. но. разсматриваемое въ связи съ его содержаніемъ, даже подтверждаетъ такое свидѣтельство, предполагая древнѣйшаго писателя изъ времени славныхъ побѣдъ надъ внѣшними врагами и внутренняго благоденствія Израиля, какого писателя мы и узнаемъ въ лицѣ указываемаго надписаніемъ вѣнчаннаго пѣвца Израилева.

Полученіе Давидомъ величественнаго обѣтованія о вѣчномъ продолженіи царствованія въ его потомствѣ, на которое болѣе или менѣе ясныя указанія мы не разъ уже встрѣчали въ различныхъ псалмахъ, написанныхъ по разнымъ обстоятельствамъ его жизни (Пс. 20. 5 и 7. 121, 5. 132, 3. 17. 51 и др.), *также не осталось неотмѣченнымъ въ Псалтири особенною пѣснію. Таковымъ* изъ надписанныхъ именемъ Давида псалмовъ по всѣмъ вѣроятнымъ признакамъ *слѣдуетъ признать псаломъ 39.* Проникнутое духомъ глубокаго сердечнаго умиленія, радостно-скорбное, благодарственно-молитвенное *содержаніе этого псалма* какъ нельзя болѣе *соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ полученія Давидомъ обѣ-*

---

[1]) Подобныя обличительныя и поучительныя мысли съ указаніемъ на прежнее величіе Іерусалима и царства Іудина встрѣчаются у всѣхъ пророковъ этого времени. Ср. Пл. Іер. 1—5. Іез. 4, 5. 16 и др. Агг. 2, 4 и дал. Мал. 2 и др.

[2]) Ср. Зах. 8—10 и др. Мал. 3. Іез. 34. 37, 21 и дал. Какъ пророчество Давида о благодатныхъ временахъ царства Мессіи объясняютъ этотъ Пс. Оо. и учители Церкви: св. Аѳанасій, бл. Ѳеодоритъ. Августинъ, а также и нашъ толкователь Преосв. Ириней Псковскій; но они при этомъ совершенно опускаютъ буквальный, историческій смыслъ, который, подобно какъ во многихъ другихъ псалмахъ Давида, или иныхъ мѣстахъ Писанія, служитъ основою иносказательнаго и пророческаго (См. выше о Пес. 21, 68, 23, 67 и проч.).

тованія, когда, съ одной стороны, многократно облагодѣтельствованный Господомъ и полный упованія на Его милости царь-псалмопѣвецъ глубоко огорченъ былъ объявленнымъ ему чрезъ пророка запрещеніемъ построить столько желанный имъ постоянный храмъ въ Іерусалимѣ, которымъ онъ хотѣлъ принести благодарную жертву Богу за Его благодѣянія и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся тверже объединить всѣ колѣна израильскаго царства и упрочить въ своемъ домѣ царственную династію, а съ другой стороны вслѣдъ за тѣмъ еще въ большей степени былъ обрадованъ сообщеннымъ ему чрезъ того же пророка обѣтованіемъ, что желанный имъ храмъ будетъ построенъ сыномъ его и, что всего важнѣе, Господь утвердитъ его царство въ его потомствѣ и престолъ его будетъ непоколебимъ до вѣка. Въ примѣненіи къ такого рода обстоятельствамъ намъ становятся понятными и объяснимыя при другихъ случаяхъ быстрыя смѣны разнообразныхъ чувствованій псалмопѣвца въ 39 псалмѣ, и всѣ части, всѣ стихи этого псалма, представляющіеся, по видимому, отрывочными, безсвязными между собою, легко объясняются въ совершенно естественной логической связи и послѣдовательности. Новое явленіе милости Божіей, немедленно вызвавшее изъ души Давида полную глубокаго смиренія и преданности благодарную молитву къ Господу благодѣтелю (2 Ц. 7, 18—29), естественно должно было вложить въ уста его и новую пѣснь хвалы и благодарности Господу (Пс. 39, 4[а]). Но какъ это новое явленіе милости Божіей представляло собою лишь новое звѣно въ длинной, непрерывной цѣпи Божіихъ милостей къ Давиду, и какъ потому пророкъ Наѳанъ, приступая къ сообщенію величественнаго обѣтованія, отъ имени Господа напоминаетъ сперва о прежде явленныхъ ему Божіихъ благодѣяніяхъ (2 Ц. 7, 8—9); то, соотвѣтственно сему, и псалмопѣвецъ новую свою пѣснь къ Господу начинаетъ благодарнымъ прославленіемъ прежнихъ явленныхъ ему милостей и благодѣяній, особенно во время его гоненій отъ Саула и до утвержденія на царствѣ. «Твердо уповалъ я на Господа, и Онъ приклонился ко мнѣ, и услышалъ вопль мой. Извлекъ меня изъ страшнаго рва, изъ тинистаго болота (какъ обыкновенно называлъ Давидъ опасности Саулова гоненія,—ср. Пс. 68, 2-3. 15-16. 17, 17 и др.); и поставилъ на камнѣ ноги мои, и утвердилъ стопы мои; и вложилъ въ уста мои новую пѣснь,—хвалу Богу моему... Много содѣлалъ Ты, Господи, Боже мой: о чудесахъ и помышленіяхъ Твоихъ о нихъ хотѣлъ бы я проповѣдывать и говорить; но

они превышаютъ число (Пс. 39, ст. 2—4 и 6)». Воздавая благодарность Господу за дарованное Имъ величественное обѣтованіе (2 Ц. 7, 18—29), Давидъ при этомъ съ кроткою покорностію волѣ Божіей пріемлетъ и прискорбное ему запрещеніе построить въ Іерусалимѣ вмѣсто скиніи постоянный, благолѣпный храмъ Господу (1 Пар. 28, 2 и дал.). Слѣдующія за вышеприведенными слова псалма и представляютъ намъ выраженіе такой готовности Давида исполнить прискорбную для него волю Божію. «Жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, всесожженія и жертвы за грѣхъ Ты не потребовалъ (Пс. 39, ст. 7)», т. е. говоря языкомъ исторіи, не хотѣлъ принять отъ меня въ благодарственную жертву за Твои милости ко мнѣ домъ жертвоприношеній, въ которомъ бы, по выраженію Соломона, исполнителя желанія Давидова, «возносились всесожженія, утромъ и вечеромъ, въ субботы, и въ новомѣсячія, и въ праздники, какъ навсегда заповѣдано Израилю» (2 Пар. 2, 4); «но Ты *открылъ мнѣ уши*» (Пс. 39, 7), т. е. сообщилъ величественное обѣтованіе о вѣчномъ продолженіи моего царства, внушающее мнѣ безпрекословное повиновеніе волѣ Твоей, или, какъ почти буквально сходно, но съ большею опредѣленностію выражается Давидъ въ благодарственной молитвѣ своей къ Богу по случаю полученія обѣтованія: «Ты, Господи Саваоѳъ, Боже Израилевъ, *открылъ ухо* [1]) *рабу Твоему*, говоря: устрою тебѣ домъ» (2 Ц. 7, 27). «Тогда я сказалъ,—продолжаетъ псалмопѣвецъ,—вотъ иду; въ свиткѣ книжномъ написано о мнѣ» (Пс. 39, 8[8]), т. е. готовъ исполнить то, что опредѣлено о мнѣ въ Твоемъ божественномъ совѣтѣ, возвѣщено Твоимъ пророкомъ и начертано въ свиткѣ его пророчества. «*Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой*, и законъ Твой у меня на сердцѣ» (Пс. 39, 9). Далѣе исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Давидъ, смиренно покорясь опредѣленію воли Божіей относительно построенія постояннаго храма въ Іерусалимѣ, не скрылъ о немъ отъ своего народа, но какъ о

---

[1]) Въ русск. пер. Синод. изд. 1869 г. слово *ухо*, вѣроятно во избѣжаніе гебраизма, опущено, но тѣмъ не менѣе оно находится какъ въ еврейскомъ текстѣ, такъ и въ греч. и слав. переводахъ и для сохраненія буквальнаго соотвѣтствія съ 7 ст. псалма, гдѣ какъ въ евр. такъ и въ русск. пер. Синод. изд. 1871 г. читается тоже слово, по нашему мнѣнію, должно бы быть удержано.

новомъ явленіи милости Божіей въ дарованномъ ему обѣтованіи вѣчнаго царства, такъ и объ этомъ опредѣленіи правды Божіей, открывающемъ недостоинство его предъ Богомъ, чистосердечно возвѣстилъ предъ многочисленнымъ собраніемъ представителей отъ всѣхъ колѣнъ народа Израильскаго, при чемъ объяснилъ даже и невысказанную прямо пророкомъ Наѳаномъ причину, по которой Господь не соблаговолилъ на исполненіе его желанія, сказавъ, что онъ, какъ человѣкъ воинственный, проливший много крови, недостоинъ воздвигнуть храмъ Богу мира (1 Пар. 28, 1—7 и 22, 6 и дал.). А въ слѣдующихъ за приведеннымъ нами выраженіемъ покорности волѣ Божіей словахъ псалмопѣвца мы находимъ именно соотвѣтствующее такому обстоятельству исповѣданіе его предъ Господомъ, что онъ не скрывалъ въ своемъ сердцѣ о Его праведномъ опредѣленіи, равно какъ не утаивалъ о милости Его, но и о томъ, и о другомъ возвѣщалъ въ многочисленномъ собраніи. «Я возвѣщалъ правду Твою въ собраніи великомъ; я не возбранялъ устамъ моимъ: Ты, Господи, знаешь. Правды Твоей не скрывалъ въ сердцѣ моемъ; возвѣщалъ вѣрность Твою и спасеніе Твое; не утаивалъ милости и истины Твоей предъ собраніемъ великимъ (Пс. 39, ст. 10—11)». Слѣдующая за этимъ исповѣданіемъ молитва псалмопѣвца о продолженіи къ нему милости Божіей въ постигшемъ за его грѣхъ несчастіи и особенно объ избавленіи отъ многихъ торжествующихъ при этомъ враговъ его (ст. 12—18), повидимому, всего ближе идетъ ко времени Авессаломова возстанія [1]), и, можетъ быть, дѣйствительно въ это печальное время вторично излилась изъ души пѣвца, составивъ такимъ образомъ для насъ отдѣльный 69-й псаломъ; но въ тоже время эта молитва не представляетъ ничего неестественнаго и несообразнаго и въ положеніи Давида послѣ полученія имъ обѣтованія. Безспорно, великая милость Божія возвѣщена была Давиду въ дарованномъ ему обѣтованіи, но исполненіе сего обѣтованія должно было послѣдовать лишь въ отдаленномъ будущемъ; между тѣмъ въ настоящемъ объявлено

---

[1]) Почему Rudinger, Venema, Muntinghe и весь псаломъ относили ко времени возстанія Авессалома; но первая разсмотрѣнная нами половина Пс. никакъ не подходитъ къ этому времени и потому не позволяетъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ.

было ему, что Господь не благоволитъ къ его дарамъ и жертвамъ, а это естественно вызывало въ душѣ его сознаніе виновности своей предъ Богомъ и въ тоже время подвергало его посмѣянію со стороны многочисленныхъ враговъ его, всегда готовыхъ, подобно извѣстному Семею, радоваться его неудачамъ и несчастію и почерпать въ томъ для себя надежду на совершенное отверженіе его Господомъ (Ср. 2 Ц. 16, 5—8). Обогащенный обѣщаніемъ великой милости Божіей въ будущемъ, въ своемъ настоящемъ Давидъ дѣйствительно, по выраженію псалма, являлся «бѣденъ и нищъ» (ст. 18), нуждался въ попеченіи и помощи Божіей противъ злобныхъ, издѣвавшихся надъ нимъ враговъ его, а въ такомъ положеніи, конечно, всего естественнѣе ожидать отъ него именно такой молитвы, какою и заключается разсматриваемый нами псаломъ: «Не удерживай, Господи, щедротъ Твоихъ отъ меня; милость Твоя и истина Твоя да охраняютъ меня непрестанно. Ибо окружили меня бѣды неисчислимыя; постигли меня беззаконія мои, такъ что видѣть не могу... Благоволи, Господи, избавить меня... Да постыдятся и посрамятся всѣ, ищущіе погибели душѣ моей!.. Да смятутся отъ посрамленія своего говорящіе мнѣ: хорошо! хорошо!.. Я бѣденъ и нищъ да попечется о мнѣ Господь! [1]). Ты помощь моя и избавитель мой; Боже мой, не замедли». Подобныя мольбы о продолженіи милостей Божіихъ въ устахъ Давида послѣ полученія имъ обѣтованія представляются намъ тѣмъ вѣроятнѣе, что онѣ имѣютъ себѣ нѣкоторую аналогію въ томъ благодарственномъ исповѣданіи Давида, какое, по свидѣтельству историческихъ книгъ, изречено было имъ предъ Господомъ непосредственно за полученіемъ обѣтованія: такъ какъ и тамъ, послѣ выраженія хвалы и благодар-

---

[1]) Въ русск. пер. Синод. изд.: «но Господь печется о мнѣ». Но будущая форма глагола יֶחְשַׁב и требуемое параллелизмомъ соотвѣтствіе его глаголу второй половины стиха אַל־תְּאַחַר (не замедли), особенно же признаніе себя бѣднымъ,—ясно даютъ понять, что псалмопѣвецъ здѣсь выражаетъ не то, что Господь печется о немъ, а то, что онъ нуждается въ Божіемъ попеченіи и молитъ о томъ Господа. Въ такомъ именно смыслѣ переводятъ это выраженіе большая часть западныхъ новѣйшихъ ученыхъ и большинство русскихъ переводовъ Псалтири: Библ. Общ., Мандельштама (да помыслитъ о мнѣ) и въ Прав. Соб. 1872 г. Дек. Зусьмана (да попечется обо мнѣ).

ности Господу за величественное обѣтованіе и другія многочисленныя милости Его, въ заключеніи исповѣданія мы тоже находимъ молитву о томъ, чтобы Господь утвердилъ на вѣки слово Свое, которое Онъ изрекъ о рабѣ Своемъ и о домѣ его, и не замедлилъ ниспослать обѣщанное ему и его дому Свое благословеніе. (2 Ц. 7, 25—29. 1 Пар. 17, 23—27),

Въ греческомъ переводѣ, извѣстномъ подъ именемъ LXX, хотя и не во всѣхъ его спискахъ, а также въ посл. Ап. Павла къ Евр. (10, 5—7), гдѣ приводятся 7—9 стихи 39-го псалма, выраженіе 7-го стиха: «Ты открылъ мнѣ уши», на которое мы указывали, какъ на имѣющее себѣ почти буквально соотвѣтствующее выраженіе въ благодарственномъ исповѣданіи Давида послѣ полученія обѣтованія (2 Ц. 7, 27),—переводится словами: уготовилъ мнѣ тѣло (σῶμα δὲ κατηρτίσω μοι)». Но это разночтеніе, образовавшееся, безъ сомнѣнія, совершенно случайно изъ первоначальнаго чтенія LXX-ти: ὠτία δὲ κατηρτίσω μοι (можетъ быть вслѣдствіе того, что въ одной древней рукописи, писанной безъ раздѣленія словъ и знаковъ и потомъ послужившей оригиналомъ для позднѣйшихъ, къ слову ΩΤΙΑ отнесено было конечное Σ отъ предшествующаго слова ἠθέλησας, а слогъ ΤΙ ошибочно прочитанъ былъ за Μ [1]), и потомъ употребленное Апостоломъ, на томъ конечно

---

[1]) Такъ полагаютъ H. Aug: Meyer, Bleek; Lünemann, C. B. Moll и др. Впрочемъ это лишь наиболѣе вѣроятная догадка, которую мы не выдаемъ за окончательное объясненіе происхожденія разночтенія. Съ рѣшительностію въ этомъ случаѣ можно сказать только то, что начало разночтенія въ греческомъ текстѣ, а не въ еврейскомъ. Въ этомъ въ настоящее время согласны почти всѣ лучшіе изслѣдователи свящ. текста, и за это намъ съ несомнѣнностію ручаются,—съ одной стороны ясная послѣдовательность разсматриваемыхъ словъ въ контекстѣ рѣчи по еврейскому тексту и совершенная естественность ихъ въ устахъ Давида (Ср. 2 Ц. 7, 27. Пс. 50, 18—19 и 1 Ц. 15, 22), и, наоборотъ, совершенная неожиданность тѣхъ же словъ по греческому тексту, неясная сокровенная связь ихъ съ контекстомъ, обнаруживающая такъ или иначе совершившееся переложеніе типологической рѣчи псалма на языкъ новозавѣтнаго откровенія, а съ другой—одинаковое чтеніе этихъ словъ во всѣхъ спискахъ еврейской Библіи и въ переводахъ сирскомъ, халдейскомъ и латинскомъ, и, наоборотъ, разнообразіе чтеній въ спи-

основаніи, что это чтеніе, не измѣняя сущности смысла приводимаго мѣста, наиболѣе соотвѣтствовало выражаемой имъ мысли о единой угодной Богу и спасительной *жертвѣ тѣла Іисуса Христова* (διὰ τῆς προσφορᾶς τοῦ σώματος Ἰησοῦ Χριστοῦ ст. 10), не только не противорѣчитъ высказанному нами мнѣнію относительно повода къ написанію псалма, но даже, послѣ даннаго Апостоломъ мессіанско-пророческаго объясненія, служитъ еще въ нѣкоторой степени подтвержденіемъ ему, показывая, что такой псаломъ могъ

скахъ греческихъ, свидѣтельствующее, что принятое нынѣ чтеніе LXX въ древности не было всеобщимъ. Впрочемъ, не смотря на приведенныя очевидныя основанія подлинности еврейскаго чтенія разсматриваемаго мѣста псалма, доселѣ не мало есть богослововъ, которые, изъ напраснаго опасенія предположеніемъ измѣненія въ греческомъ текстѣ, освященномъ употребленіемъ Апостола, унизить авторитетъ перевода, извѣстнаго у насъ подъ именемъ LXX, и особенно авторитетъ Апостола, стараются доказать, что чтеніе LXX и Апостола есть первоначальное, подлинное чтеніе и что напр. чтеніе еврейское и согласныхъ съ нимъ нѣкоторыхъ древнихъ греческихъ кодексовъ и переводовъ сирск., халд., лат. (переводъ арабскій соединяетъ оба чтенія), произошло вслѣдствіе или случайнаго ошибочнаго чтенія этого мѣста въ еврейской Библіи (напр. אזנים—уши вм. אז גוף—тогда тѣло,—Jacques Peirce на посл. къ Евр.,—хотя впрочемъ въ Св. П. слово גוף въ знач. тѣло ни разу не встрѣчается, а есть лишь съ такимъ значеніемъ отъ этого корня слово въ ж. р. גְּוִיָּה, а слово אָז обыкновенно употребляется только въ вопросительномъ значеніи: гдѣ? куда?), или же вслѣдствіе намѣреннаго и, прибавимъ, совершенно невѣроятнаго измѣненія еврейскаго и другихъ сходныхъ съ нимъ переводныхъ текстовъ Евреями, съ цѣлію затемнить слишкомъ ясное пророчество о Христѣ Спасителѣ (См. напр. Замѣч. на текстъ Псалт. по пер. LXX и Слав., Свящ. М. Боголюбскаго, въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1874 г., Мартъ, стр, 359). А нашъ отечественный новѣйшій толкователь Псалтири Преосв. Палладій еп. Саранульскій наивно полагаетъ даже, что нынѣшнее еврейское чтеніе и другихъ сходныхъ съ нимъ переводовъ произошло отъ случайной ошибки въ греческомъ текстѣ, именно отъ того, что «можетъ быть ὠτία—уши переписчики по ошибки поставили вм. слова σῶμα — тѣло» (стр. 180, примѣч.),—какъ будто бы еврейскій текстъ и всѣ вышеисчисленные, сходные съ нимъ переводы получили начало отъ греческаго перевода или всѣ были исправлены по этому послѣднему.

быть написанъ именно при подобномъ указанному нами обстоятельствѣ жизни Давида, когда Господь, не благоволивъ принять отъ него жертвъ и приношеній, открылъ ему тайну воплощенія отъ его сѣмени Сына Божія, и когда самъ псалмопѣвецъ всецѣлою покорностію своею волѣ Божіей прообразовалъ крайнее послушаніе обѣтованнаго ему великаго Потомка Отцу небесному, явленное Имъ въ принятіи на себя человѣческаго естества и въ принесеніи Себя въ жертву за грѣхи міра. Такому обстоятельству написанія псалма какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ и употребляемое Апостоломъ выраженіе: *входя въ міръ глаголетъ* (Евр. 10, 5), которымъ онъ влагаетъ приводимыя далѣе слова псалма въ уста Іисусу Христу: потому что именно съ возвѣщеніемъ Давиду обѣтованія, по поводу котораго, по нашему предположенію, и былъ изреченъ имъ разсматриваемый псаломъ, Христосъ, въ лицѣ указаннаго обѣтованіемъ ближайшаго и важнѣйшаго родоначальника Своего по плоти, и входилъ въ міръ сей,—становился, какъ обыкновенно называли Его, сыномъ Давидовымъ (Мѳ. 20, 30—31. 22, 42. 1, 1; ср. Лук. 1, 32. Дѣян. 13, 23 [1]). Что же касается изъявляемаго нѣкоторыми богословами сомнѣнія о томъ, сообразно ли съ достоинствомъ Апостола употребленіе въ приводимомъ мѣстѣ изъ псалма не первоначальнаго, а такъ или иначе измѣненнаго чтенія; то оно, по нашему мнѣнію, достаточно устраняется тѣмъ, что св. Апостолъ Павелъ, подобно какъ и другіе св. новозавѣтные писатели, приводилъ свидѣтельства изъ ветхозавѣтныхъ писаній *не столько по буквѣ, сколько по мысли* [2]), а употребленное имъ въ приведенномъ мѣстѣ измѣненное чтеніе, какъ мы уже замѣтили, по мысли не противорѣчитъ чтенію первоначальному, а только, оставляя буквальную, историческую сторону представляемаго послѣднимъ образа—послушанія Давида откровенной волѣ Божіей, сообразно съ его цѣлію [3]), останавливаетъ вниманіе читателей исключительно

---

[1]) См. подобное мнѣніе въ Прав. Соб. 1872 г. Дек. стр. 368.

[2]) По замѣчанію Гуго Гроція на это разночтеніе псалма въ посл. къ Евр., уже древніе схоліасты признавали, что Is scriptor, т. е Ап. Павелъ, ut et alii, saepe loca citat magis κατὰ διάνιαν, quam κατὰ λέξιν (Ad Polyglotta appendix. Lond. 1657. II, p. 42).

[3]) Какъ уже и древній греч. схоліастъ замѣтилъ: τὰ ἐτία δῶ κατηρτίσω μοι ὁ μακάριος Παῦλος εἰς τὸ σῶμα μεταβαλὼν εἴρηκεν,

на другой, внутренней и сокровенной сторонѣ того же образа, раскрывая всегда прообразовательно содержавшуюся въ немъ мысль о высочайшемъ послушаніи Отцу небесному обѣтованнаго Давиду Христа Спасителя, какое Онъ явилъ въ Своемъ воплощеніи и страданіяхъ (Ср. Филип. 2, 6—8 [1]).

Замѣтно также отношеніе къ дарованному Давиду величественному обѣтованію вѣчнаго царства въ надписываемыхъ его именемъ псалмахъ 137 и 109, хотя изъ содержанія ихъ и нельзя съ большею или меньшею точностію опредѣлить время, въ которое, и случай, по которому они были написаны. Псаломъ 137-й есть благодарственная пѣснь Господу за Его благоволеніе къ псалмопѣвцу, спасительную помощь въ опасностяхъ во время гоненій жестокими врагами и особенно за возвѣщенное ему величественное откровеніе, имѣющее нѣкогда обратить къ Господу всѣ народы земные. Псалмопѣвецъ прямо не говоритъ о себѣ, кто онъ;

οὐκ ἁγιῶν τὸ ἑβραϊκὸν ἀλλὰ πρὸς τὸ οἰκεῖον σκοπὸν τοῦτο χρησάμενος. (См. тамъ же Flaminii Nobilii Notae in variant. lect. LXX p. 99).

[1]) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ западныхъ ученыхъ подвергаютъ сомнѣнію самую принадлежность псалма Давиду и одни, какъ Ewald, относятъ его ко времени послѣ возстановленія завѣта при Іосіи, другіе, какъ Hitzig, къ мнѣнію котораго склоняется и Delitzsch, приписываютъ его пророку Іереміи. Но первое мнѣніе утверждается лишь на упоминаніи въ псалмѣ о скиніи книжномъ (ст. 8) и о с[illegible]ранѣ великомъ (ст. 10—11), случайно напоминающими собою объ отысканной въ Іерус. храмѣ въ царствованіе Іосіи книгѣ Закона Божія и бывшемъ потомъ съ цѣлію возстановленія завѣта съ Богомъ всенародномъ собраніи (2 Пар. 34, 14—30 и дал.); послѣднее—на тѣхъ же шаткихъ основаніяхъ (мнимо-Іереміиномъ стилѣ; употребленіи поэтическаго изображенія избавленія отъ бѣдствій подъ образомъ извлеченія изъ глубокаго рва и тинистаго болота (ст. 3), напоминающаго по буквѣ Іер 38, 6 и дал., и Пл. 3, 53 и дал., и высказываемой въ ст. 7—9 мнимо-Іереміиной мысли о неугодности Богу внѣшнихъ обрядовыхъ жертвъ безъ сердечнаго послушанія Его волѣ), на какихъ тѣ же ученые думаютъ приписать Іереміи во многомъ сходный съ 39-мъ псаломъ 68 (См. о немъ выше, стр. 183—184), и какъ то, такъ и другое мнѣніе, противорѣча надписанію псалма, не подтверждаются цѣлымъ составомъ его содержанія, и вообще не имѣютъ, кромѣ вышеприведенныхъ, никакихъ другихъ, болѣе твердыхъ основаній.

но изъ того, что въ рѣчи о будущемъ обращеніи къ Господу язычниковъ, онъ упоминаетъ только о царяхъ земныхъ (ст. 4), можно догадываться, что и самъ онъ—благочестивый царь народа Божія (ср. ст. 1—2). Во всякомъ случаѣ видно, что онъ человѣкъ, изъ низкой доли возвышенный Господомъ за свое смиреніе (ст. 6), испытавшій притомъ много опасностей въ гоненіяхъ отъ жестокихъ враговъ, но по молитвѣ своей всегда избавлявшійся отъ нихъ помощію Божіею (ст. 3 и 7). Онъ не говоритъ также, въ чемъ состояло полученное имъ божественное откровеніе, превышающее славу всѣхъ прежнихъ великихъ дѣлъ Божіихъ (ст. 2); но ожиданіе обращенія къ Господу всѣхъ царей земныхъ, когда они услышатъ это божественное слово Его, показываетъ, что оно касалось главнѣйшаго въ исторіи Израиля обѣтованія о Мессіи, имѣвшемъ сдѣлаться Господомъ и царемъ всѣхъ царствующихъ. Если ко всему этому прибавить сходство 137-го псалма съ благодарственною молитвою Давида по полученіи обѣтованія о вѣчномъ царствованіи его потомства (2 Ц. 7, 18—29) [1]), и съ другими Давидовыми псалмами, особенно въ которыхъ упоминается о томъ же обѣтованіи [2]); то не остается сомнѣнія, что и этотъ псаломъ также написанъ Давидомъ послѣ полученія имъ обѣтованія [3]). Нѣкоторые впрочемъ изъ новѣйшихъ ученыхъ [4]), опираясь на греческое надписаніе псалма именами Аггея и Захаріи [5]), принятое и

---

[1]) Въ частности ср. Пс. 137, ст. 2 съ 2 Ц. 7, 18 и 21; ст. 5 съ 22; ст. 6 съ ст. 18, также съ 8—9 и 2 Ц. 6, 21; ст. 8 съ 25 и 29.

[2]) Ср. ст. 2 съ Пс. 22, 6. 60, 5. 8; ст. 3 съ Пс. 17, 4 и 7. 20, 3; ст. 4 съ Пс. 67, 30. 32 и 33. 2, 2. 10—12; ст. 5 съ Пс. 17, 31—32; ст. 6 съ Пс. 17, 28. 130, 1; ст. 7 съ Пс. 17, 36. 60, 4. 22, 4; ст. 8 съ Пс. 36, 5. 67, 29 и др.

[3]) Такого мнѣнія держатся св. Аѳанасій; изъ новѣйшихъ: O. v. Gerlach, Hengstenberg, Moll и др. Преосв. Иринеи также согласно съ ними признаетъ псаломъ благодарственною молитвою Давида за безчисленныя благодѣянія Божіи, но не замѣчаетъ отношенія къ полученному имъ обѣтованію.

[4]) Ewald въ Die Dichter d. A. B. Thl. I, Hlf. 2. S. 403; Ebrt въ Abfassungszeit des Psalters S. 90 и др.

[5]) Въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ—одного только Захаріи, какъ и въ изд. греч. Библіи нашего Библ. Общ. 1821 года.

въ нашу славянскую Библію, а также на сходство ожидаемаго въ псалмѣ обращенія царей языческихъ съ предсказаніями означенныхъ пророковъ (ст. 4—5 ср. съ Агг. 2, 7—10. 21—23. Зах. 2, 10—13. 8, 22—23), изъ коихъ нѣкоторыя обращены къ лицу Зоровавеля (какъ Агг. 2, 21—23), думаютъ относить составленіе его ко времени Аггея и Захаріи, и именно самого Зоровавеля считать его писателемъ. Исторія однако не даетъ намъ основаній съ такою же непринужденностію примѣнить къ Зоровавелю указанныя выше черты личнаго изображенія псалмопѣвца, съ какою примѣняются онѣ къ лицу Давида. Притомъ же, если на Зоровавеля, какъ наслѣдника величественнаго обѣтованія Давидова, и обращены были взоры народа и современныхъ ему пророковъ, тѣмъ не менѣе вездѣ и во всемъ онъ является и дѣйствуетъ вмѣстѣ и нераздѣльно съ первосвященникомъ Іисусомъ; съ нимъ раздѣляетъ онъ униженіе плѣна и власть надъ возвратившимися въ отечество, заботы и труды по возстановленію храма и устройства церковнаго и гражданскаго, равно какъ и опасности, грозившія народу отъ враждебныхъ ему сосѣдей; съ нимъ же дѣлитъ онъ и пророческія обѣтованія особенной милости Божіей и будущаго прославленія Израиля (Агг. 2, 5. Зах. 3, 1—10. 4, 8—10. 6, 11—15): поэтому странно и неестественно считать его писателемъ благодарственной пѣсни съ такимъ единоличнымъ характеромъ, какою представляется намъ псаломъ 137-й. Но главное, защитники такого мнѣнія совершенно игнорируютъ древнѣйшее надписаніе псалма по еврейскому тексту, приписывающее его Давиду, и особенно то обстоятельство, что это надписаніе оставлено неприкосновеннымъ и послѣ греческой прибавки къ нему именъ Аггея и Захаріи, между тѣмъ какъ это послѣднее обстоятельство прямо даетъ понять, что сдѣлавшіе такую прибавку не отрицали Давидова происхожденія псалма и слѣдовательно сдѣлали ее съ иною цѣлію, нежели указаніе писателя или времени написанія псалма [1]). Очень вѣроятно,

---

[1]) Существуетъ еще мнѣніе (Гитцига, Ленгерке и др.) о составленіи псалма во времена Іоанна Гиркана (135 — 107 предъ Р. Хр.); но оно не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ прямо противорѣчитъ свидѣтельству и еврейскаго и греческаго надписанія и не имѣетъ за себя никакихъ болѣе или менѣе прочныхъ основаній, кромѣ случайнаго мало замѣтнаго сходства историческихъ обстоятельствъ этого времени

что цѣль эта была одна и таже, съ какою напр. въ надписаніи Пс. 64 прибавлены имена пророковъ Іереміи и Іезекіиля, или съ какою нѣкоторые изъ Давидовыхъ псалмовъ названы въ надписаніи пѣснями степеней,—именно: указать время наиболѣе широкаго церковнаго ихъ употребленія. Содержаніе 137 псалма вообще благопріятствуетъ предположенію, что онъ былъ любимою и очень употребительною пѣснію во время Аггея и Захаріи. Въ это время,—какъ и вообще въ печальныя времена политическаго упадка народа іудейскаго,—псаломъ напоминающій о древнихъ благодѣяніяхъ Божіихъ къ нему и особенно о величественномъ обѣтованіи вѣчнаго престола въ Давидовомъ потомствѣ, естественно долженъ былъ сдѣлаться утѣшеніемъ для униженнаго и угнетеннаго Израиля, представляя ручательство вѣры, что «Господь не оставитъ дѣла рукъ своихъ», но «совершитъ» слово свое, которое Онъ изрекъ Давиду рабу своему (Пс. 137; ст. 8, ср. 2 Ц. 7, 25), что падшій родъ его, а съ нимъ и народъ, снова возстанутъ въ прежней своей славѣ и величіи. Подобныя утѣшительныя предсказанія, какъ выше замѣчено, находятся и въ писаніяхъ самихъ Аггея и Захаріи,—что тоже подтверждаетъ вѣроятность церковнаго употребленія разсматриваемаго нами псалма во времена этихъ пророковъ, а быть можетъ вмѣстѣ съ такого рода употребленіемъ послужило отчасти и къ надписанію его ихъ именами [1]).

Что касается *псалма 109-го*, то составленіе его царемъ Давидомъ, какъ это указывается въ надписаніи его, выше всякаго со-

---

съ упоминаемыми въ псалмѣ, напр. 1 Макк. 16, 21—22, съ 3 ст. псалма и положенія псалма въ послѣдней части Псалтири, которая будто бы должна быть непремѣнно позднѣйшаго происхожденія.

[1]) Церковное употребленіе 137-го псалма по возвращеніи изъ плѣна признаетъ и бл. Ѳеодоритъ, но только, чтобы согласить это съ Давидовымъ его происхожденіемъ, считаетъ его пѣснію пророчественно воспѣтою Давидомъ именно для возвратившихся изъ плѣна (См. его объясн. Пс. въ Тв. Св. Оо. Т. 28 стр. 392 и дал.). Соглашеніе на нашъ взглядъ совершенно излишнее; потому что послѣ-плѣнные Іудеи могли употреблять примѣнительно къ себѣ и пѣсни Давида, написанныя имъ по отношенію къ нему самому и его обстоятельствамъ жизни, подобно какъ мы пользуемся древними пѣснями для различныхъ видовъ нашего богослуженія, хотя составители ихъ вовсе не имѣли въ виду такого ихъ употребленія.

мнѣнія. Оно подтверждается яснымъ свидѣтельствомъ Самого Іисуса Христа и Апостоловъ, и было признаваемо за несомнѣнное всею современною имъ іудейскою церковію. «Что вы думаете о Христѣ? чей Онъ сынъ?»—спрашивалъ однажды І. Христосъ собравшихся около Него фарисеевъ. Они отвѣчали ему: «Давидовъ». Тогда Іисусъ Христосъ сказалъ имъ: «какъ же Давидъ по вдохновенію называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу моему: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ? И такъ если Давидъ называетъ Его Господомъ, какъ же Онъ сынъ ему (Мѳ. 22, 41—45)»—Вопросъ І. Христа основывается сколько на Мессіанскомъ содержаніи псалма, столько же, съ другой стороны, на его Давидовомъ происхожденіи, и слѣдовательно, какъ то, такъ и другое, по Его божественному признанію, одинаково несомнѣнно. Нельзя предполагать, чтобы имя Давида употреблено было Господомъ только въ общемъ обширномъ значеніи Книги Псалмовъ, а не въ строгомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ писателя псалма; такъ какъ это ясно видно изъ самаго образа выраженія: «Давидъ по вдохновенію называетъ Христа Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу моему [1]),—да и по самой сущности вопроса не можетъ быть понимаемо иначе. Равнымъ образомъ нельзя думать и того, чтобы, называя Давида писателемъ 109-го псалма, Іисусъ Христосъ примѣнялся въ этомъ случаѣ только къ обычному взгляду на этотъ предметъ современныхъ Іудеевъ [2]), потому что въ противномъ случаѣ вопросъ Его терялъ бы догматическую свою важность и свою существенную цѣль и значеніе,—дать плотскимъ Іудеямъ по-

---

[1]) Еще яснѣе и несомнѣннѣе представляется это въ передачѣ тѣхъ же самыхъ словъ Христа Спасителя у Евангелистовъ: Марка, гдѣ имя Давида опредѣляется мѣстоименіемъ: «αὐτὸς, — «самъ Давидъ сказалъ Духомъ Святымъ» (Марк. 12, 36 и 37),—и особенно Луки, гдѣ кромѣ такого опредѣленія, лице Давида, какъ писателя, прямо отличается отъ писанія или священной книги, изъ которой приводится псаломъ: «самъ Давидъ, говоритъ въ Книгѣ Псалмовъ» (Лук. 20, 42 и дал.). Ср. сказанное выше о Пс. 15, 68 и др. на стр. 187.

[2]) Какъ думаетъ напр. Ehrt (въ Abfassungszeit des Psalters. S. 118. Leipz. 1869) и вообще всѣ тѣ, которые отрицаютъ Мессіанское содержаніе псалма и его Давидово происхожденіе.

нять неправильность и односторонность ихъ взгляда на происхожденіе и достоинство ожидаемаго Мессіи,—и обращался бы въ какое то кичливое, софистическое совопросничество, недостойное Божественнаго Учителя; между тѣмъ извѣстно, что въ томъ же догматически-мессіанскомъ смыслѣ понимали и изъясняли этотъ псаломъ и богопросвѣщенные истолкователи ученія Христова, Его Апостолы (1 Кор. 15, 25. Евр. 1, 13. 10, 12—13. 5, 6. 7, 17. 21), которые этимъ точно также со всею ясностію исповѣдали, что Давидъ былъ его писателемъ. «Давидъ не восшелъ на небеса», замѣчаетъ Св. Апостолъ Петръ въ объясненіе пророчества Давидова о Мессіи въ Пс. 15-мъ, и затѣмъ прибавляетъ: «но самъ говоритъ (λέγει δε αὐτὸς...): сказалъ Господь Господу моему: сѣди одесную меня... (Дѣян. 2, 34—35)». Не можетъ быть наконецъ оставлено безъ вниманія и согласное убѣжденіе современниковъ Іисуса Христа въ томъ, что приведенный Имъ псаломъ дѣйствительно написанъ былъ Давидомъ. Такъ какъ вопросъ, предложенный Господомъ, основывался съ одной стороны именно на такомъ происхожденіи псалма, и долженъ былъ самъ собою пасть, какъ скоро оно будетъ отвергнуто; то совопросники Христа Спасителя, книжники и фарисеи, прилагавшіе все стараніе, чтобы уловить Его въ словахъ (Мѳ. 22, 15. 34—35), конечно, не упустили бы удобнаго случая посрамить своего обличителя, если бы составленіе 109-го псалма Давидомъ не имѣло за себя твердыхъ основаній и если бы только представлялась хоть малѣйшая возможность подвергнуть его сомнѣнію. И однако же составленіе псалма царемъ Давидомъ для фарисеевъ, и, конечно, для всѣхъ тогдашнихъ іудеевъ, которыхъ они были представителями и учителями, казалось столько же достовѣрнымъ и несомнѣннымъ, какъ и происхожденіе Мессіи изъ потомства Давидова, такъ что, не признавая божественнаго достоинства Мессіи,— по которому Онъ будучи и потомкомъ Давида по человѣческому происхожденію отъ него, въ то же время, какъ Сынъ Божій и Богъ, могъ быть и былъ его Господомъ,—они не могли ни слова отвѣчать на вопросъ Христа Спасителя (Мѳ. 22, 46). Послѣ приведенныхъ свидѣтельствъ казалось бы излишнимъ искать какихъ либо другихъ доказательствъ Давидова происхожденія 109 псалма; но въ наше время находятся ученые, которые не признаютъ священнаго авторитета древнихъ свидѣтельствъ, въ достовѣрности которыхъ не смѣли усумниться іудеи, современники І. Хр., и, на мѣсто сви-

дѣтельствъ даже Самого Божественнаго Основателя нашей вѣры, охотнѣе ставятъ соображенія собственнаго разума и самоизобрѣтенныя мнимыя историческія аналогіи съ содержаніемъ псалма. Мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробное изложеніе и разборъ разнообразныхъ мнѣній такихъ ученыхъ о времени происхожденія и писателѣ 109 псалма [1]), но только укажемъ для нихъ на то, что содержаніе псалма представляетъ наилучшую и самую естественную аналогію съ временемъ, лицемъ и исторіею Давида, которая такимъ образомъ подтверждаетъ вышеприведенныя внѣшнія свидѣтельства о написаніи его Давидомъ и дѣлаетъ излишними и неумѣстными всѣ произвольныя предположенія и догадки о другихъ его писателяхъ. Содержаніе псалма составляетъ обѣтованіе Іеговы объ избранномъ его намѣстникѣ, имѣющемъ соединить въ себѣ званіе царя съ достоинствомъ первосвященника и силою Іеговы поразить всѣхъ враговъ

) Одни изъ нихъ соглашаются признать происхожденіе псалма изъ времени Давида, но считая его самого предметомъ псалма, прообразовавшимъ Обѣтованнаго Мессію, думаютъ, что писателемъ его былъ Наванъ или кто либо другой изъ пророковъ Давидова времени, — какъ Ewald (Die Dichter d. A. B.) и Ehrt (Abfassungszeit d. Ps. S. 214 ff.). Другіе относятъ написаніе его къ позднѣйшему времени, но въ самомъ опредѣленіи времени расходятся между собою и взаимно опровергаютъ одинъ другаго. Такъ, по мнѣнію однихъ изъ нихъ, псаломъ относится ко времени Озіи прокаженнаго, хотѣвшаго присвоить себѣ званіе первосвященника (de Wette, Comment. in Ps.); по другимъ — ко времени Езекіи, во время осады Іерусалима Ассиріянами утѣшеннаго отъ Бога обѣщаніемъ низложенія враговъ его царства, или Зоровавеля, возстановителя царственнаго рода Давидова послѣ плѣна, который вмѣстѣ съ первосвященникомъ Іисусомъ представляется у пророка Захаріи (6, 11 — 13) прообразомъ Мессіи, примиряющаго въ себѣ званіе царя и первосвященника (См. (Calmeti, и Rosenmülleri in h. Ps.); нѣкоторые же (Hitzig, Lengerke, Olshausen) производятъ его изъ времени Маккавеевъ, когда будто бы въ первый разъ въ исторіи Евреевъ послѣдовало соединеніе первосвященническаго и царскаго достоинства въ лицѣ Іонаѳана (1 Макк. 10, 18—20) и потомъ Симона Маккавея, провозглашеннаго вождемъ и Архіереемъ на вѣкъ, пока не возстанетъ пророкъ вѣрный (1 Макк. 14, 41—47). Св. Отцы и учители Церкви, равно какъ толкователи псалмовъ и богословы нашей церкви никогда не изъявляли сомнѣнія въ Давидовомъ происхожденіи 109 псалма.

Его царства: очевидно, что писателемъ такого псалма могъ быть только пророкъ, удостоенный слышать и сообщать людямъ божественныя откровенія [1]). Таковъ и былъ называемый въ надписаніи псалма и новозавѣтныхъ свидѣтельствахъ писатель его царь Давидъ,—мужъ поставленный высоко, помазанникъ Бога Израилева (2 Ц. 23, 1), удостоенный неоднократныхъ откровеній Божіихъ и въ своихъ изреченіяхъ и пѣсняхъ прямо сознававшій себя орудіемъ Духа Божія. «Духъ Господень говоритъ во мнѣ и слово Его на языкѣ у меня», такъ говоритъ онъ о себѣ въ послѣдней пророчественной пѣсни своей (2 Ц. 23, 2). Начало псалма: «сказалъ Господь Господу моему», такжe довольно близко совпадаетъ съ названною послѣднею пѣснію Давида, въ которой послѣ замѣчанія о самомъ себѣ, слѣдуютъ слова: «сказалъ Богъ Израилевъ, говорилъ о мнѣ скала Израилева» (ст. 3[а]). И въ самомъ предметѣ псалма подобное же сходство съ пѣснію Давида, въ которой также изображается обѣтованный царь, «владычествующій надъ людьми въ страхѣ Божіемъ» (ст. 3[б]) и истребляющій нечестивыхъ, какъ выброшенное терніе (ст. 6—7). Равнымъ образомъ и частнѣйшія стороны и черты изображенія обѣтованнаго царя всего лучше объясняются изъ исторіи Давида. Для кого изъ псалмопѣвцевъ ближе и естественнѣе могъ представляться образъ царя-священника (Пс. 109, ст. 4), какъ не для царственнаго пѣвца Израилева, Давида, который столько прилагалъ попеченія о лучшемъ и торжественнѣйшемъ устройствѣ богослуженія (2 Пар. 15, 16 и дал. 10, 4 и дал. гл. 24 — 26), который при перенесеніи ковчега завѣта въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ отборныхъ представителей Израиля, шествовалъ предъ нимъ въ священнической

---

[1]) Самое выраженіе: «сказалъ Господь»—נְאֻם יְהוָה,—которымъ начинается псаломъ, по употребленію въ Св. Писаніи обыкновенно означаетъ откровеніе Божіе, возвѣщаемое чрезъ пророковъ (Ср. 2 Ц. 23, 1 и 2. Числ. 24, 3. 4. 15. 16. 1 Ц. 2, 30. Иса. 1, 24, 22, 25) или чрезъ ангела Божія (Быт. 22, 16). Но, по мнѣнію Гитцига и Олсгаузена и имъ подобныхъ толкователей, писателемъ псалма былъ какой либо изъ придворныхъ льстецовъ при дворѣ князей Маккавейскихъ, въ родѣ лживыхъ пророковъ при дворѣ Ахава царя Израильскаго (ср. 3 Ц. 22, 6 и дал.). Вотъ до какого дерзкаго кощунства доходитъ новѣйшій раціонализмъ въ истолкованіи слова Божія!

одеждѣ, самъ совершалъ жертвоприношенія и преподавалъ народу священническое благословеніе (2 Ц. 6. 1. 14. 17. 18)? Притомъ и перенесеніе столицы царства и святилища въ Іерусалимъ, находившійся на мѣстѣ древняго Салима (Пс. 75. 3) [1]), естественно воскрешало предъ царемъ Давидомъ величественный и многознаменательный образъ древняго царя Салимскаго (מלך שלם) Мелхиседека, который въ то же время былъ и священникомъ Бога Всевышняго (Быт. 14. 18),—и этотъ величественный образъ онъ переносилъ въ духѣ на будущаго, обѣщаннаго ему царя мира (שלם=שלום Быт. 33. 18. 34. 21), котораго царство будетъ вѣчное (2 Ц. 7. 12—16. ср. 1 Пар. 22. 9—10). Самый образъ сидѣнія обѣтованнаго царя одесную Іеговы (ст. 1) живѣе и нагляднѣе могъ представляться во времена Давида и самому Давиду, который, совмѣщеніемъ столицы царства и святилища съ ковчегомъ завѣта въ одномъ Іерусалимѣ, видимымъ образомъ поставилъ царскій престолъ народа еврейскаго рядомъ съ престоломъ сѣдящаго на херувимахъ Господа Бога Израилева (1 Пар. 13. 6. 15. 1. 16. 1). Еще ближе для Давида былъ образъ могущественнаго царя, силою Іеговы,

---

[1]) И было въ Салимѣ (слав.: въ мирѣ, ἐν εἰρήνῃ) жилище Его (Бога) и пребываніе Его на Сіонѣ. — Бл. Іероним въ посланіи къ Евангелу пресвитеру, вопреки мнѣнію большинства приводимыхъ имъ отцевъ и учителей церкви: Ипполита, Иринея, Евсевія Кесарійскаго, Евсевія Емисенскаго, Аполлинарія и Евстаѳія Антіохійскаго, которые всѣ считали Салимъ за одинъ городъ съ Іерусалимомъ (по русс. перев. Тв. бл. Іероним. письмо 68 въ Т. 2, стр. 267), полагалъ, что это былъ еще въ его время извѣстный подъ именемъ Салима городъ около Скиѳополя, тожественный съ упоминаемымъ въ Евангеліи Салимомъ близъ Еннона (Іоан. 3, 23), и что даже въ его время показывали въ немъ развалины дворца Мелхиседекова (стр. 271). Но ясное свидѣтельство псалма 75,3 о тожествѣ Салима съ Іерусалимомъ и опредѣленіе положенія его въ Быт. 14. 17 близъ долины Шаве, названной потомъ долиною царскою (ср. 2 Ц. 18. 18 и I. Флавій—Древн. Іуд. VII, 10. 3), показываютъ, что бл. Іеронимъ введенъ былъ въ заблужденіе ошибочнымъ преданіемъ о видѣнныхъ имъ развалинахъ совершенно въ другомъ городѣ того же имени. Іудейскія преданія у Флавія, Aben-Esra, Kimchi и въ Targumim — согласно отожествляютъ Салимъ съ Іерусалимомъ. Того же мнѣнія и лучшіе изъ новѣйшихъ ученыхъ — Rosenmüller, Delitzsch, Keil (на Быт. 14. 17—18) и др.

ниспосылаемою съ Сіона, славно господствующаго среди враговъ своихъ, поражая царей и истребляя полки непріятельскіе (ст. 1. 2. 5. 6). Это былъ собственный образъ Давида, въ которомъ преимущественно представляетъ намъ его исторія, и въ какомъ нерѣдко самъ онъ изображаетъ свои военные подвиги въ благодарственныхъ пѣсняхъ своихъ къ Богу по избавленіи отъ враговъ своихъ (2 Ц. 22; ср. Пс. 17; также Псс. 9, 19, 20, 67 и др.)[1]. При этомъ изображеніе побѣды обѣтованнаго царя надъ враждебными ему царями и народами языческими (въ ст. 6) очень много напоминаетъ собою знаменитыя и особенно кровопролитныя побѣды Давида надъ союзными царями во время продолжительной Аммонитско-Сирійской и Идумейской войны, окончившейся завоеваніемъ Раввы (רַבָּה), столицы Аммонитской (2 Ц. 8, 3—13. 10, 6—19. 12, 26—31),—на что, быть можетъ, и намекается въ псалмѣ выраженіемъ: «сокрушитъ главу на землѣ обширной—אֶרֶץ רַבָּה, въ которомъ эпитетъ רַבָּה можно переводить и собственнымъ именемъ: «въ странѣ Раввы, или въ землѣ Аммонитской» [2]. Наконецъ можно думать, что и образъ уничиженія Мессіи и слѣдующаго затѣмъ прославленія Его въ заключеніи псалма (ст. 7) также заимствованъ изъ военно-походной жизни Давида. Во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что Давиду, часто раздѣлявшему всѣ трудности военной жизни съ своими полководцами и воинами, въ многочисленныхъ его войнахъ съ различными врагами Израиля, особенно во

---

[1]) Ср. особенно ст. 1 съ Пс. 17, 39. также съ 15, 8; ст. 2 съ Пс. 2. 9. 19, 2—3. 17, 2—7; ст. 5 съ Пс. 2, 2—10; 20, 9—10. 67, 13—15. 18—30; ст. 6 съ Пс. 17, 38—48. 20, 9—11. 67, 22. 24 31. 9, 5—9. 13. 16 и 17 и др.

[2]) Такую догадку высказываютъ Geneбrardus (въ Scr. S. Curs. Compl. in Ps.), Delitzsch (на Пс. 109), Ehrt (въ Abfassungszeit d. Ps. S. 115), новѣйшіе переводчики Псс. на русск. яз. Мандельштамъ и Пумпянскій и др., и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Давидъ, для изображенія враговъ царства Мессіи, заимствовалъ ближайшій ему образъ отъ главныхъ враговъ своего времени. Это обычный пріемъ пророковъ въ изображеніи царства Мессіи, который мы видимъ уже въ пророчествѣ Валаама (Числ. 24, 17 и дал.), также въ псалмахъ 71 (ст. 10. 15), 44 (ст. 13), 86 (ст. 4), у Исаіи (напр. 11, 10—15) и другихъ пророковъ.

время ихъ преслѣдованія, не разъ приходилось, забывая удобства царской жизни, освѣжать и возстановлять утомленныя силы свои, утоляя жажду свою изъ какого либо встрѣчающагося на пути мутнаго потока (ср. 2 Ц. 23, 15 и дал. 1 Ц. 14, 24 и дал. Суд. 7, 5. 15, 18—19); потому созерцая обѣтованнаго Мессію, какъ царя побѣдителя, онъ въ духѣ прилагаетъ къ Нему и этотъ знакомый ему образъ изъ трудной военной жизни: «изъ потока на пути будетъ пить, и потому вознесетъ главу», т. е. подобно полководцу, изъ мутнаго потока на пути утоляющему жажду свою, чтобы съ освѣженными силами довершить пораженіе враговъ своихъ, онъ испіетъ горькую чашу страданій, и путемъ глубокаго уничиженія достигнетъ славы побѣдителя надъ врагами царства Божія (Мѳ. 26, 42. Іоан. 18, 11. Фил. 2, 8 и дал. Евр. 12, 2) [1]). Вообще въ содержаніи и характерѣ 109 псалма довольно рѣзко выдаются черты извѣстнаго Давидова типа, и въ основаніи вдохновенныхъ пророческихъ созерцаній его ясно лежатъ событія Давидова царствованія: перенесеніе ковчега завѣта на Сіонъ съ сопровождавшими его обстоятельствами, побѣдоносныя войны Давида съ сосѣдними народами, особенно съ Сирійцами и Аммонитянами, и дарованіе ему обѣтованія о вѣчномъ царѣ изъ его потомства; между тѣмъ какъ за исключеніемъ употребленія двухъ-трехъ грамматическихъ формъ изъ позднѣйшаго періода, нечуждыхъ впрочемъ и писаніямъ древнѣйшимъ [2]), ничто не говоритъ о позднемъ происхож-

---

[1]) См. изъясненіе этого стиха у св. Аѳанасія, Златоуста, бл. Ѳеодорита, также въ Толк. Псалт. Иринея Т. 2 стр. 516.

[2]) Таково въ ст. 4 употребленіе слова съ окончаніемъ וֹת—по арамейской формѣ (יַלְדוּת), которое впрочемъ изрѣдка встрѣчается и въ древнихъ писаніяхъ—Исх. 14, 25. Лев. 26, 13. Втор. 8, 9. Пс. 12, 9. 22, 20. 69, 22,—и очень обыкновенно въ писаніяхъ Соломона, и въ ст. 5. употребленіе Chirek compaginis, о чемъ мы упоминали въ замѣчаніи на Пс. 100. Замѣчаютъ еще созвучіе въ окончаніяхъ словъ нѣкоторыхъ полустишій, напоминающее собою риему и будто бы составляющее особенность позднѣйшаго литургическаго стиля (ср. ст. 1 לַאדֹנִי и לִימִינִי; ст. 2 אֹיְבֶיךָ и לְרַגְלֶיךָ; ст. 3 חֵילֶךָ и יַלְדֻתֶךָ; ст. 4 יִנָּחֵם и כֹּהֵן; смотр. Ehrt's-Abfassungszeit d. Ps. S. 113); но подобныя созвучныя окончанія встрѣчаются уже въ пѣсняхъ Моисея и Деворы и даже въ прозаическихъ частяхъ древнихъ писаній (напр. Быт. 15, 2—3, въ изло-

денiи псалма. Такимъ образомъ всѣ внутреннiя основанiя, также какъ и приведенныя выше внѣшнiя свидѣтельства, ведутъ къ одному и тому же заключенiю, что 109 псаломъ дѣйствительно есть пѣснь царя Давида, и въ своей совокупности служатъ достаточнымъ опроверженiемъ всѣхъ разнообразныхъ догадокъ о позднѣйшемъ его происхожденiи. Правда, исторiя не говоритъ намъ о полученiи Давидомъ обѣтованiя о вѣчномъ царѣ-священникѣ по чину Мелхиседекову, имѣющемъ возсѣсть одесную Iеговы и владычествовать надъ всѣми царями и народами, и мы не можемъ прямо указать момента времени изъ царствованiя Давида, къ которому бы относилось написанiе псалма: но точно также подобнаго обѣтованiя не встрѣчаемъ мы и въ позднѣйшей исторiи, и вообще исторiя не говоритъ намъ о многомъ другомъ, какъ напр. не говоритъ ничего о многихъ пророкахъ и о времени полученiя различныхъ откровенiй, какiя мы находимъ въ сохранившихся подъ ихъ именемъ писанiяхъ,—и тѣмъ не менѣе мы признаемъ существованiе такихъ пророковъ и подлинность ихъ писанiй. Такъ и въ настоящемъ случаѣ незнанiе времени и повода къ написанiю разсматриваемаго псалма, или молчанiе исторiи о полученiи Давидомъ такого обѣтованiя, какое мы имѣемъ въ этомъ псалмѣ, не даетъ еще основанiя отрицать его происхожденiе отъ Давида, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ничего невѣроятнаго предполагать, что возлюбленный помазанникъ Бога Iаковлева, говорившiй Духомъ Его, дѣйствительно имѣлъ такое откровенiе Божiе [1]) и не замедлилъ

женiи заповѣдей Исх. 20, въ рѣчахъ Моисея 4 и 5 гл. Втор. и проч),— и, какъ кажется, представляютъ случайное явленiе, а не признаки искусственной обработки. Ср. Delitzsch—Die Psalmen S. 17. Lpz. 1867 года.

[1]) Различные толкователи относятъ написанiе 109 псалма ко времени то одного, то другаго изъ указанныхъ выше событiй жизни Давида, съ которыми псаломъ соприкасается въ своемъ содержанiи: но такъ какъ онъ одинаково соприкасается со всѣми такими событiями, а съ другой стороны прямымъ поводомъ къ его написанiю можно считать лишь неизвѣстное намъ изъ исторiи откровенiе о Мессiи, какъ вѣчномъ царѣ-священникѣ, очевидно бывшее уже послѣ обѣтованiя, о которомъ повѣствуется во 2 Ц. 7 гл.; то, кажется, ближе къ истинѣ тѣ изъ толкователей, которые вообще полагаютъ, что псаломъ написанъ Давидомъ

возвѣстить его людямъ въ такой пѣсни, подобно какъ возвѣщалъ въ пѣсняхъ о другихъ откровеніяхъ и явленіяхъ ему милости Божественной (ср. 2 Ц. гл. 23, 1—7 и гл. 22).

Такимъ образомъ въ большей части псалмовъ, надписанныхъ именемъ Давида, при всей общности ихъ содержанія, мы замѣчаемъ нѣкоторыя, хотя и недовольно ясныя, индивидуальныя черты, указанія и намеки на событія жизни Давида и вообще историческія обстоятельства его времени, которыя однако, въ совокупности своей съ другими признаками древности и достовѣрности надписаній, и подкрѣпляемыя при этомъ нѣсколькими прямыми и ясными свидѣтельствами другихъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта о дѣйствительно Давидовомъ происхожденіи тѣхъ или другихъ псалмовъ, могутъ служить достаточными основаніями для того, чтобы, согласно съ надписаніями, признавать писателемъ ихъ Давида, вопреки произвольнымъ догадкамъ новѣйшихъ толкователей - раціоналистовъ. Эта признанная *достовѣрность большей части надписаній* въ свою очередь *можетъ служить ручательствомъ достовѣрности ихъ и въ остальныхъ немногихъ псалмахъ, приписываемыхъ Давиду, въ содержаніи которыхъ не представляется никакихъ спеціальныхъ отношеній къ событіямъ Давидова времени* и вообще къ какимъ либо историческимъ обстоятельствамъ, по которымъ можно бы было догадываться о времени ихъ происхожденія и писателѣ. *Разумѣемъ псалмы 18, 28, 102, 138 и 144*, представляющіе собою общіе хвалебно-благодарственные гимны благочестиваго раба Іеговы своему Господу, какъ премудрому и всеблагому Творцу и Промыслителю вселенной и преимущественному Защитнику и Покровителю народа своего Израиля. Во всякомъ случаѣ совершенное отсутствіе въ этихъ псалмахъ спеціальныхъ отношеній къ историческимъ событіямъ Давидова времени, при полной вѣроятности Давидова происхожденія большей части другихъ псалмовъ съ такимъ же надписаніемъ: לְדָוִד, не только не можетъ

послѣ всѣхъ тѣхъ событій (Kurtz—zur Theologie d. Ps.), къ концу его жизни, когда съ приближеніемъ къ смерти, но мѣрѣ отрѣшенія отъ настоящаго, предъ взоромъ его яснѣе раскрывалось будущее и живѣе представлялся образъ обѣтованнаго ему царя Мессіи, какъ это можно заключать изъ послѣдней его пророческой пѣсни (Delitzsch на этотъ Пс. ср. Cramer's—Einleit. in die Psalmen. C. XVII).

быть принято за признакъ недостовѣрности ихъ надписаній, а напротивъ скорѣе служитъ къ подтвержденію ихъ достовѣрности, давая видѣть, что въ этихъ псалмахъ надписанія основываются не на какихъ либо неясныхъ историческихъ указаніяхъ, извлеченныхъ изъ содержанія псалмовъ позднѣйшими ихъ собирателями, а исключительно на древнемъ преданіи о ихъ писателѣ, съ какимъ они сохранились въ левитскомъ хорѣ пѣвцовъ, и съ которыми внесены были въ сборникъ священныхъ пѣсней, составившій со временемъ настоящую Книгу Псалмовъ. Признакомъ позднѣйшаго происхожденія оно могло быть въ томъ лишь случаѣ, когда бы содержаніе и духъ или языкъ разсматриваемыхъ псалмовъ представляли очевидную несообразность съ лицемъ и временемъ Давида, или когда бы другія не менѣе древнія и вѣроятныя свидѣтельства какимъ либо образомъ подрывали вѣроятность свидѣтельствъ о писателѣ псалмовъ, представляемыхъ ихъ надписаніями. Но что касается содержанія и характера означенныхъ псалмовъ, то въ этомъ отношеніи не представляется въ нихъ ничего несвойственнаго «рабу Господню» Давиду (Пс. 18, 12 и 14; ср. 2 Ц. 7, 19—21. 25—29. Пс. 17, 1. 26, 9. 30, 17. 143, 10 и проч.), и съ этой стороны никто не высказывалъ возраженій противъ достовѣрности ихъ надписаній именемъ Давида. Сочувственное отношеніе къ окружающей видимой природѣ и благоговѣйное созерцаніе безконечнаго величія Божія въ различныхъ ея явленіяхъ, еще большее удивленіе предъ величественными явленіями премудрости, всевѣденія, благости, правосудія и другихъ безконечныхъ совершенствъ божественныхъ въ управленіи міромъ нравственнымъ, въ исторіи избраннаго народа и въ частности въ высокомъ совершенствѣ богодарованнаго ему закона, а также въ опытахъ собственной жизни псалмопѣвца; живое ощущеніе всегдашней близости своей къ вездѣсущему Промыслителю и глубокое сознаніе своей крайней человѣческой ограниченности своего недостоинства и грѣховности предъ Нимъ, успокоивающееся въ чувствѣ полнѣйшей преданности Его святой волѣ и упованіи на Его безпредѣльное милосердіе: эти и другія подобныя мысли и чувства, равно какъ самый образъ выраженія, дышащій силою и свѣжестію первоначальнаго, неподдѣльнаго одушевленія лучшихъ временъ священной поэзіи, все это вполнѣ идетъ къ Давиду и встрѣчается во многихъ другихъ псалмахъ, которыхъ принадлежность ему доказана и изъ коихъ нѣкоторые, какъ 8, 10, 11, 17, равно какъ благодарственная мо-

литва послѣ полученія обѣтованія во 2 Ц. 7 гл., не оспориваются у него даже самими раціоналистами [1]). Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ языку разсматриваемые псалмы не представляютъ никакихъ особенныхъ препятствій къ тому, чтобы признавать ихъ пѣснями Давида. Если же по мѣстамъ и встрѣчается въ нихъ, особенно въ Пс. 102, 138 и 144 (по евр. 103, 139 и 145) употребленіе грамматическихъ формъ и словъ арамейскаго происхожденія [2]), то оно не на столько значительно, чтобы необходимо требовало низводить эти псалмы въ рядъ писаній позднѣйшаго періода, когда еврейскій языкъ, вслѣдствіе неизбѣжныхъ сношеній съ Ассиріянами, Вавилонянами и другими народами, принялъ въ себя

---

[1]) См. Ewald's — Die Dichter d. A. B. и Hitzig's — die Psalmen ausgelegt..—Многія мѣста разсматриваемыхъ псалмовъ буквально сходны съ различными мѣстами упомянутыхъ нами и другихъ Давидовыхъ пѣсней, или представляютъ повтореніе частію тѣхъ же, частію подобныхъ мыслей въ нѣсколько отличныхъ выраженіяхъ. Такъ ср. Пс. 8, 2—4 съ 18, 2—7; ст. 5—6 съ Пс. 102, 13—16; Пс. 10, 4—7 съ Пс. 138, 1 и дал. и 144, 13. 17. 20; Пс. 11, 7 и 17, 31 съ 18, 8—11; Пс. 17, 3. 21 — 24 съ Пс. 18, 12. 15; ст. 8 — 16 съ Пс. 28, 3—10;—ст. 26—28 и Пс. 11, 6 съ Пс. 102, 6. 17. 18 и 144, 14. 17. 20; 2 Ц. 7, 18—20 съ Пс. 138, 1—6 и 102, 13—14;—ст. 22. 26. 28 съ Пс. 144; ст. 23 съ Пс. 102, 7; 1 Пар. 29, 10 съ Пс. 144, 1;—ст. 11, 12 и 13 съ Пс. 144, 3—5 и 2. Ср. также Пс. 18, 2—7 съ 64, 7—14; Пс. 18, 13—14 съ 24, 7. 11. 18. 50, 4. 5. 11; Пс. 102, 3. 8—12 и 144, 8—9 съ 24, 6. 8. 29, 3. 4. 6. 31, 5. 7. 10. 64, 4; Пс. 28. 11 съ 27, 9. 3, 9; Пс. 138 съ Пс. 22; Пс. 138, 23—24 съ 25, 2; Пс. 144, 14—16 съ 67, 6. 7. 10. 11 и 64, 10 и проч., особенно же ср. Пс. 144 съ Пс. 33 и др.

[2]) Таково напр. употребленіе а) словъ: רַע въ значеніи — «мысль» (ἅπ. λεγομ.) въ Пс. 139. 2. 17 вмѣсто употребительнаго מַחְשָׁבָה; אֹרַח вм. הֲלָךְ и רֶבַע вм. מִשְׁפָּב въ ст. 3; מִלָּה вм. דָּבָר въ ст. 4; וָקֶה вм. אֶמֶץ или תֹּכֶן въ Пс. 145, 14; б)—ָה paragogum (יִבְרְכוּכָה) въ Пс. 145, 10 и 139, 2; в)—окончанія וֹת вм. ָה или ת־ (מַלְכִיּוֹת вм. מַמְלָכָה или מַמְלָכֹת) въ Пс. 145, 11 и 13; г)—суффиксовъ ־כִי вм. ־ךָ и ־וֹכִי вм. ־וֹךְ въ Пс. 103, 3—5, и д) сочетанія имени съ управляющимъ глаголомъ дѣйствительнаго значенія чрезъ לְ objecti вм. אֶת (בַּנּוֹתָה לְרַעְיִ) въ Пс. 139, 2 и проч.

много элементовъ арамейскихъ и сиро-халдейскихъ, но объясняется, подобно какъ и въ другихъ древнихъ пѣсняхъ, напр. въ пѣсни Деворы, и особеннымъ свойствомъ еврейской поэзіи, всегда отличавшейся предпочтительнымъ употребленіемъ словъ, грамматическихъ формъ и оборотовъ рѣчи наиболѣе рѣдкихъ, мало употребительныхъ въ языкѣ разговорномъ, прозаическомъ и заимствованныхъ изъ другихъ сродныхъ нарѣчій, особенно арамейскаго [1]). Во всякомъ случаѣ, сомнѣваться въ Давидовомъ происхожденіи разсматриваемыхъ псалмовъ на основаніи лишь нерѣшительныхъ свидѣтельствъ языка и потому уже неосновательно, что древняя іудейская церковь, безъ сомнѣнія, всегда хранившая въ хорахъ своихъ пѣвцовъ преданія о происхожденіи исполняемыхъ ими священныхъ пѣсней и которой, какъ по ея хорошему знакомству съ языкомъ всего Священнаго Писанія, такъ равно по живому языку своему, можно было гораздо ближе и вѣрнѣе опредѣлить эпоху появленія той или другой пѣсни, всегда вѣрила въ достовѣрность свидѣтельства надписаній объ ихъ писателѣ и не изъявляла сомнѣній въ составленіи ихъ дѣйствительно Давидомъ. LXX дѣлаютъ въ надписаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ псалмовъ прибавки, содержащія въ себѣ указанія относительно времени преимущественнаго употребленія ихъ при богослуженіи, какъ въ надписаніи 28-го псалма: «при окончаніи праздника кущей» [2]),

---

[1]) См. о такихъ особенностяхъ языка въ еврейской поэзіи Gesenius hebr. Grammatik herausg. v. Rödiger. Lpz. 1866. S. 12; ср. Hengst. на Пс. 139 и 141. Кромѣ того относительно арамейскихъ формъ въ окончаніяхъ словъ извѣстный, современный намъ ученый оріенталистъ Д. Хвольсонъ утверждаетъ, что онѣ скорѣе служатъ признаками древности, чѣмъ позднѣйшаго происхожденія тѣхъ писаній, въ которыхъ онѣ встрѣчаются. См. его Ист. ветхоз. текста въ Хр. Чт. 1874 г. II, стр. 20, 35—36, 38, 42 и 43.

[2]) По русскому переводу Псалтири. Въ славян. переведено: «исхода скиніи»; но въ греч. текстѣ читается не ἐξόδου σκηνῆς,—какъ читали нѣкоторые изъ отцевъ церкви: Василій В., бл. Θеодоритъ и др.,—но ἐξοδίου,—что по употребленію въ Свящ. Писаніи означаетъ попраздничество, или отданіе праздника, напр. кущей въ Лев. 23, 36. Числ. 29, 35. Неем. 8, 18, Пасхи, какъ во Втор. 16, 8, или освященія храма Соломонова, какъ 2 Пар. 7, 9. Потому, сообразно съ такимъ употребленіемъ слова ἐξόδιον, и опредѣленіе его σκηνῆς слѣдуетъ

и 138-го: «Захаріи, во время разсѣянія», т. е. пѣвшійся во времена Захаріи, когда еще многіе Іудеи находились въ разсѣяніи между различными народами; но при этомъ оставляютъ въ надписаніяхъ какъ этихъ, такъ равно и прочихъ изъ разсматриваемыхъ псалмовъ, имя Давида, ясно показывая тѣмъ, что, не смотря на свидѣтельствуемое ими богослужебное употребленіе нѣкоторыхъ изъ этихъ псалмовъ въ позднѣйшую эпоху церкви іудейской, они вполнѣ признавали ихъ пѣснями древняго псалмопѣвца Израилева, царя Давида. Равнымъ образомъ и церковь христіанская, въ лицѣ своихъ представителей св. Отцевъ и учителей церковныхъ, всегда признавала писателемъ этихъ псалмовъ Давида, котораго имя имѣютъ они въ своихъ надписаніяхъ [1]). Принимая все это во вниманіе, и мы съ своей стороны не видимъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности свидѣтельствъ ихъ надписаній о ихъ писателѣ и придавать какое либо значеніе произвольнымъ и разнорѣчивымъ догадкамъ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ хитроумныхъ толкователей о позднѣйшемъ ихъ происхожденіи [2]).

понимать въ значеніи ἑορτῆς σκηνῶν (Лев. 23. 34. 36) или σκηνοπηγίας (Втор. 16, 16), какъ это и принято въ русск. перев. Псалтири изд. Библ. Общ. и Синод.

[1]) Этому не противорѣчитъ и замѣчаніе св. Аѳанасія В. о Пс. 28: «настоящій псаломъ поется по отверженіи Израильтянъ и по введеніи на мѣсто ихъ язычниковъ» (См. изъяс. Пс. въ русск. пер. Тв. Св. Оо. Т. 22 стр. 120); потому что этимъ замѣчаніемъ св. Отецъ хочетъ выразить только пророчественное отношеніе псалма ко временамъ новозавѣтнымъ, а не отвергаетъ свидѣтельства надписанія о его писателѣ, которое онъ привелъ предъ изъясненіемъ псалма. Въ такомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать и его замѣчаніе о Пс. 138: «псаломъ сей, хотя относится къ лицу Захаріи, но изображаетъ и Божію о насъ попечительность» (стр. 457); такъ какъ далѣе въ самомъ изъясненіи псалма онъ прямо называетъ писателемъ его Давида (см. также и на стр. 458 въ изъясн. ст. 4). Богослоны нашей церкви, занимавшіеся изученіемъ и изъясненіемъ Псалтири, также всѣ эти псалмы приписываютъ Давиду. См. Толк. Иринея и Обозр. Пс. Павскаго.

[2]) Таковы догадки Гитцига, что Пс. 28 (29 евр.), на основаніи случайнаго сходства ст. 12 съ Іер. 13, 16 и ст. 3 и 10 съ Іер. 10, 10 и 13, принадлежитъ Іереміи;—Пс. 102 относится къ обстоятельству описанному въ 1 Макк. 9, 43—49: Пс. 138 (139)—къ 1 Макк.

Что касается наконецъ *остальныхъ трехъ псалмовъ съ надписаніемъ: «Давиду»,—52, 69 и 107-го,—то они представляютъ собою почти буквальное повтореніе уже разсмотрѣнныхъ выше Давидовыхъ псалмовъ*: 52-й—псалма 13-го; 69-й—послѣдней части псалма 39-го, ст. 14—18; 107-й—конца псалмовъ 56-го, ст. 8—12 и 59-го, ст. 7—14. Изъ сличенія текста тѣхъ и другихъ, особенно изъ сложнаго состава 107 Пс., не трудно видѣть, что Пс. 52, 69 и 107-й представляютъ позднѣйшую измѣненную редакцію тѣхъ Давидовыхъ псалмовъ, изъ которыхъ они составлены; но измѣненія, допущенныя въ этой редакціи, ограничиваются лишь перемѣною именъ Божіихъ: יְהוָה (Сущій, Вѣчный, въ слав.- Господь. Ср. Пс. 14, ст. 2. 4. 6 и 7. и Пс. 40, 14 и 17) и אֲדֹנָי (Господь, Владыка, въ Пс. 40, 18[а]) на אֱלֹהִים (Богъ, Всемогущій. Ср. Пс. 53, ст. 3. 5. 6 и 7 и Пс. 70, 2. 5 и 6[а]), и наоборотъ: אֱלֹהִים (Пс. 40, 18[б]) и אֲדֹנָי (Пс. 57, 10) на יְהוָה (Пс. 70, 6[б]; Пс. 108, 4), также опущеніемъ (רְצֵה Пс. 40, 14; יְהוָה и לְסַפְּרָה ст. 15; נָבוֹן לִבִּי Пс. 57, 8), или вставкою нѣкоторыхъ

16, 14 и дал.; Пс. 144 (145)—ко 2 Макк. 12, 35 и дал. и представляетъ подражаніе нѣкоторымъ мѣстамъ изъ книги Даніила, ср. ст. 15 съ Дан. 3, 33 (слав. 100) и 4, 31, не смотря на то, что у Даніила въ приведенныхъ мѣстахъ языкъ сиро-халдейскій, а въ псалмѣ—чисто еврейскій, хотя и допускающій иногда арамеизмы. Съ своей стороны Ленгерке полагаетъ, что Пс. 28-й по ст. 11 относится ко времени какого то угнетенія отъ внѣшнихъ враговъ въ позднѣйшій періодъ царства Іудейскаго; Пс. 102—ко времени возвращенія изъ плѣна, потому что прославляетъ милость Божію въ прощеніи грѣховъ и избавленіи отъ наказаній; Пс. 138 — къ Симону Маккавею, который по 1 Макк. 14, 14 истреблялъ всякаго беззаконника и злодѣя, о чемъ будто бы и говорится въ Пс. 138, ст. 19—22; Пс. 144—къ Маккавейскому времени не позже обстоятельствъ, описанныхъ въ 1 Макк. 16, 5—10. Какъ мало вѣроятны всѣ эти и подобныя имъ догадки, очевидно уже отчасти изъ указанныхъ нами основаній, на которыхъ опираются они, а еще болѣе изъ сличенія псалмовъ съ цитованными здѣсь мѣстами Маккавейскихъ и др. книгъ Свящ. Писанія. Напротивъ того другіе изъ новѣйшихъ иностранныхъ толкователей: O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg, не сомнѣваются въ Давидовомъ происхожденіи этихъ псалмовъ. Изъ нихъ 18 и 29 признаютъ Давидовыми Ewald и Delitzsch (Пс. 18 и Hitzig), считая остальные только позднѣйшими подражаніями Давиду.

словъ (לֹא־ הָיָה כַּהַר Пс. 53, 6), или же замѣною ихъ другими созвучными синонимическими (יָשׂובוּ Пс. 70, 4 вм. יָשֻׁמּוּ Пс. 40, 16; כְּלוֹ סָג Пс. 53, 4 вм. הַכֹּל סָר Пс. 14, 3. Ср. особ. Пс. 14, 5—6 съ 53, 6), такъ что псалмы остаются существенно тѣ же самые, какъ и разсмотрѣнные нами, изъ которыхъ они составлены, и такимъ образомъ, кому бы ни принадлежала такая измѣненная редакція ихъ, не перестаютъ быть псалмами Давидовыми. Но судя по употребленію въ надписаніяхъ ихъ древнихъ техническихъ терминовъ, сверхъ употребленныхъ уже въ надписаніяхъ тѣхъ псалмовъ, изъ которыхъ они составлены (עַל־מַחֲלַת מַשְׂכִּיל Пс. 53. לְחַנּוֹכִיר Пс. 70; שִׁיר מִזְמֹר Пс. 108), безъ сомнѣнія, эта измѣненная редакція ихъ относится къ очень древнему времени и, можетъ быть, даже принадлежитъ самому Давиду: потому что вообще нѣтъ ничего невѣроятнаго или недостойнаго для его великаго генія псалмопѣнія, чтобы онъ съ особенною цѣлію богослужебнаго употребленія измѣнилъ составъ прежнихъ своихъ пѣсней и составилъ изъ нихъ новыя. Такъ какъ Давидъ, слѣдуя примѣру Моисеевыхъ писаній, въ однихъ изъ своихъ псалмовъ любилъ называть Бога почти исключительно именемъ Елогимъ и Адонай, въ другихъ только именемъ Іегова [1]), то очень вѣроятно предположить съ его стороны желаніе, чтобы нѣкоторыя изъ пѣсней его употреблялись различно, и съ тѣмъ и съ другимъ именемъ Божіимъ, чтобы такимъ образомъ одними и тѣми же пѣснями славить Бога и какъ Всемогущаго Творца, и какъ Бога завѣта, хранителя и осуществователя обѣтованій, дарованныхъ избранному народу Его Израилю [2]).

Такимъ образомъ изъ 73 псалмовъ, надписывающихся въ еврейскомъ текстѣ именемъ Давида, мы не находимъ ни одного, котораго бы нельзя было съ полною вѣроятностію приписать этому псалмопѣвцу, какъ писателю, или который съ большею основательностію слѣдовало бы отнести къ позднѣйшимъ временамъ плѣна Вавилонскаго и слѣдующимъ за нимъ, включительно до Маккавейскаго періода, какъ того хотятъ толкователи псалмовъ раціоналисты. Основанія,

---

[1]) См. De psalmorum indole partim jehovica partim elohimica,— въ «Symbolae ad Psalmos illustrandos isagogicae»,—Delitzsch'a. Lipsiae, 1846 г.

[2]) Подобнаго мнѣнія держится Hengstenberg, см. его Comm. in Ps. 53, 70 и 108.

представляемыя въ доказательство позднѣйшаго происхожденія ихъ, по большей части не выдерживаютъ критики и прямо исключаются очевидными и положительными данными за составленіе ихъ Давидомъ; въ другихъ же случаяхъ хотя имѣютъ нѣкоторый видъ основательности, но сравнительно стоятъ ниже основаній въ пользу Давидова происхожденія, а если иногда и равняются съ ними въ представляющейся вѣроятности, то и тогда на сторонѣ этихъ послѣднихъ остается значительное преимущество въ ручательствѣ представляемаго надписаніями древняго преданія, какого не имѣютъ за себя догадки новѣйшихъ толкователей и которое потому и должно дать перевѣсъ въ рѣшеніи вопроса о писателѣ. Но *кромѣ псалмовъ приписываемыхъ Давиду въ еврейскомъ текстѣ, есть вполнѣ вѣроятныя основанія отнести къ нему и нѣкоторые изъ псалмовъ, не имѣющихъ надписаній въ подлинникѣ и надписывающихся его именемъ только у LXX и въ другихъ древнихъ переводахъ, каковы псалмы: 1, 2, 32, 70 и 103-й.*

О псалмѣ 2-мъ мы имѣемъ прямое и ясное свидѣтельство новозавѣтнаго откровенія, что онъ есть пророчественная пѣснь Давида о Мессіи. Апостолы въ общей молитвѣ своей къ Богу, жалуясь словами этого псалма на возстаніе людей противъ Мессіи Іисуса, единодушно исповѣдуютъ, что такъ возвѣстилъ Богъ «устами праотца Давида раба своего, — сказавъ Духомъ Святымъ: что мятутся язычники и народы замышляютъ тщетное?» (Дѣян. 4, 25). Нѣтъ нужды доказывать, что въ приведенныхъ словахъ Апостоловъ заключается прямое указаніе вдохновеннаго писателя псалма; потому что если вообще и справедливо, что иногда на языкѣ Свящ. Писанія слова: «пѣснь Давида» и «псаломъ»—слова синонимическія, то въ настоящемъ случаѣ самое выраженіе: «сказалъ Богъ устами Давида раба своего», на столько ясно и опредѣленно, что пониманіе его въ несобственномъ общемъ смыслѣ простаго указанія Книги Псалмовъ—представляется очевидно натяжкою и извращеніемъ дѣйствительнаго его значенія. Нельзя, конечно, отрицать того, что называя Давида писателемъ втораго псалма, Апостолы въ этомъ случаѣ повторяютъ древнее преданіе церкви Іудейской, сохранившееся и доселѣ въ надписаніи псалма въ переводѣ LXX и у замѣчательнѣйшихъ изъ іудейскихъ толкователей; но это нисколько не уменьшаетъ важности и достовѣрности свидѣтельства ихъ: потому что никакимъ образомъ нельзя предполагать, чтобы богопросвѣщенные

проповѣдники откровенной истины сообразовались въ этомъ случаѣ съ ошибочными взглядами и понятіями своихъ современниковъ, или какъ либо несознательно повторяли ошибочное вѣрованіе ихъ въ Давидово происхожденіе псалма, которому они въ своей проповѣди о Христѣ придавали особенно важное значеніе. Но непререкаемое въ самомъ себѣ свидѣтельство Апостольское должно имѣть для насъ полную силу доказательства Давидова происхожденія 2-го псалма и потому уже, что и содержаніе псалма всего ближе подходитъ къ Давиду и Давидову царствованію. Псалмопѣвецъ созерцаетъ въ этомъ псалмѣ возстаніе народовъ и князей на Бога и Его Помазанника (ст. 1—3), слышитъ гнѣвъ Іеговы и гласъ Его, нарекающій Помазанника царемъ Сіонскимъ (4—6); слышитъ гласъ самого Помазанника, возвѣщающаго славное о себѣ опредѣленіе Іеговы,—опредѣленіе, какъ о Сынѣ Божіемъ и царѣ народовъ (7—9), и обращаясь къ непокорнымъ царямъ и народамъ, увѣщеваетъ ихъ благоговѣть предъ Сыномъ Божіимъ (ст. 10—12). Съ перваго взгляда легко замѣтить, что подобныя созерцанія, разсматриваемыя въ связи между собою, вовсе не историческаго, а пророческаго характера. и что черты изображаемаго здѣсь Помазанника Божія въ цѣломъ своемъ составѣ не могутъ быть приложены ни къ одному изъ царей еврейскаго народа, кромѣ обѣтованнаго Мессіи, который одинъ только есть истинный и собственный Сынъ Іеговы (2 Ц. 7, 14. Иса. 9, 6—7. Лук. 1, 32. Іоан. 1, 14—18. Евр. 1, 5), Помазанникъ Его (Пс. 44, 8. Евр. 1, 8) и царь Сіона, владычествующій надъ царями и народами во всѣхъ концахъ земли (Пс. 109, 2. Иса. 2, 3. Дан. 2. 44. Зах. 9, 9—10. Лук. 24, 47), сокрушающій мятежниковъ какъ сосуды горшечника (Пс. 109, 2. 5. 6, 2 Ц. 23, 6—7. Ис. 63, 3—6. Мѳ. 21, 41—44. Апок. 12, 5. 19, 15) и дарующій блаженство преданнымъ Ему (Иса. 35, 10. 51, 11. 61, 1 и дал. Мѳ. 25, 34. 1 Петр. 2, 6—7 и проч.). Въ пророчественномъ смыслѣ о славномъ царѣ Мессіи изъясняло его и древнее преданіе церкви Іудейской [1]); о Христѣ Спасителѣ объясняетъ его намъ и новозавѣтное откровеніе [2]). Но съ другой стороны и про-

[1]) Собраніе іудейскихъ преданій о Мессіанскомъ смыслѣ 2 псалма см. R. Martini, Pugio fidei ed. Karpzov, или у Schöttgen, de Messia p. 227 sq.

[2]) См. Дѣян. 4, 24—27. 13, 32—33. Евр. 1, 5. 5, 5. Апок. 12, 5. 19, 15 и др.

рочества, происходя во времени, имѣютъ историческіе поводы и отъ современныхъ историческихъ событій заимствуютъ образы для представленія предвозвѣщаемыхъ ими событій будущихъ. Поэтому историческій элементъ въ большей или меньшей степени находится во всѣхъ пророчествахъ и тѣмъ умѣстнѣе въ пророчествахъ псалмопѣвцевъ, которые по преимуществу отличаются субъективнымъ характеромъ и объективныя истины откровенія любятъ сообщать въ формѣ, заимствованной отъ своихъ личныхъ отношеній и обстоятельствъ своего времени. Съ этой точки зрѣнія второй псаломъ, разсматриваемый какъ прямое пророчество о царѣ-Мессіи, предполагаетъ историческіе поводы, возвысившіе псалмопѣвца къ пророчественному созерцанію Мессіи, и отношенія его къ тѣмъ или другимъ событіямъ тогдашняго времени, сообщавшимъ ему настоящій образъ и форму выраженія. То и другое представляется намъ въ исторіи именно Давидова времени. Давиду чрезъ пророка Наѳана возвѣщено было Божіе обѣтованіе, что по немъ возстанетъ сѣмя его, котораго престолъ управленъ будетъ до вѣка, которому самъ Іегова будетъ Отцомъ и которое Ему будетъ Сыномъ (Ц. 7, 12 и 16) и сдѣлается первенцемъ превыше царей земли (Пс. 88, 28 ср. 26). Вотъ начало и основа содержащихся во 2-мъ псалмѣ пророческихъ созерцаній о Мессіи, какъ Сынѣ Божіемъ и вѣчномъ царѣ, владычествующемъ надъ всѣми царями и народами. Съ другой стороны, царствованіе Давида извѣстно многочисленными возстаніями внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и почти безпрерывными войнами, въ которыхъ онъ силою Іеговы одерживалъ славныя побѣды, усмиряя мятежниковъ, истребляя непокорныхъ и подчиняя своей власти враждебныхъ царей и народовъ (См. особ. 2 Ц. гл. 8, 10 и 12, 26—31). Эти обстоятельства объясняютъ намъ происхожденіе того образа Мессіи, въ какомъ изображаетъ его псалмопѣвецъ во 2-мъ псалмѣ. Возвышаясь вѣрою къ своему обѣтованному потомку, имѣющему нѣкогда устроить вѣчное царство въ Израилѣ, Давидъ естественно переноситъ на него въ увеличенномъ размѣрѣ свои собственныя отношенія, созерцая духомъ съ одной стороны возстаніе противъ него царей и народовъ земли, а съ другой—торжество его надъ всѣми своими противниками, какъ избраннаго Помазанника и Сына Божія, господствующаго надъ міромъ божественною силою и властію. Послѣ Давида ветхозавѣтная исторія не знаетъ другаго царствованія, въ которомъ бы соединялось столько данныхъ для объясненія со-

держанія и характера втораго псалма. Царствованіе Соломона, ко времени котораго относятъ нѣкоторые происхожденіе втораго псалма [1]), было царствованіе мирное и потому не могло служить образомъ для представляемаго въ этомъ псалмѣ царства Мессіи въ борьбѣ его съ непокорными и мятежными царствами земными и народами. Если же къ концу царствованія Соломона исторія упоминаетъ о нѣкоторыхъ возмущеніяхъ (3 Ц. 11, 14 и 23), то мятежники его были и незначительны по своей силѣ, и не находились въ союзѣ между собою. Притомъ же чрезъ нихъ самъ Господь наказывалъ согрѣшившаго царя, тогда какъ въ псалмѣ Богъ могущественно вступается противъ мятежниковъ за царя Сіонскаго, какъ своего возлюбленнаго сына (ст. 7 и 8). Что же касается преемниковъ Соломона на царствѣ Іудиномъ, то они большею частію были или слабые, или нечестивые, которые потому самому не могли служить для пророковъ прообразомъ праведнаго царя Мессіи. Если же нѣкоторые изъ нихъ, какъ Іосафатъ или Езекія, и были вѣрными чтителями Іеговы и въ тоже время вели удачныя войны съ сосѣдними народами, то все же въ царствованіе ихъ не представляется ничего подобнаго соединенному возстанію прежде находившихся подъ ихъ властію какихъ либо царей и народовъ, какъ это мы видимъ въ изображеніи царства Мессіи въ псалмѣ 2-мъ [2]). Но кромѣ того за Да-

---

[1]) Rosenmüller, Ewald, Bleek, Nöldecke, Bunsen и др. Послѣдній признаетъ при этомъ и Мессіанское значеніе псалма.

[2]) Въ этомъ родѣ существуютъ мнѣнія Meier'a, который относитъ псаломъ ко времени Озіи, и Maurer'a, приписывающаго его временамъ Езекіи. Но не говоря уже о томъ, что ни того, ни другаго изъ царей нельзя считать прямо предметомъ псалма, какъ того хотятъ названные толкователи, не видно изъ исторіи, чтобы ихъ царствованія могли дать псалмопѣвцу образы для изображенія царства Мессіи. Озія и Езекія дѣйствительно были цари могущественные и вели удачныя войны съ сосѣдними народами, но при нихъ не было ни одного возстанія прежде подвластныхъ имъ царей и народовъ. Объ Озіи извѣстно, что онъ возвратилъ Іудеѣ Елаѳъ, Идумейскій городъ при Черномъ морѣ (4 Ц. 14, 22); но о возстаніи при немъ Идумеевъ или другихъ какихъ либо подвластныхъ народовъ нигдѣ ничего не говорится. Вѣроятно, что Елаѳъ, завоеванный еще Давидомъ, утраченъ былъ Іудеями послѣ раздѣленія царствъ еще задолго до Озіи, и, можетъ быть, для возвращенія этого

видово происхожденіе псалма говоритъ и близкое сходство съ другими пророчественными пѣснями Давида о Мессіи, какъ-то: послѣднею его пѣснію о Владыкѣ Израилевомъ во 2 Ц. 23 и псалмомъ 109-мъ, который и въ Новомъ Завѣтѣ поставляется на ряду съ Пс. 2-мъ, какъ свидѣтельство о Мессіи—Іисусѣ, вѣчномъ Первосвященникѣ и Сынѣ Божіемъ (Евр. 5, 5—6). Всѣ эти пѣсни представляютъ развитіе одного и того же дарованнаго Давиду обѣтованія о Мессіи (во 2 Ц. *7 гл.) и почти совершенно сходятся между собою въ изображеніи его, какъ праведнаго и могущественнаго царя Сіонскаго, божественною силою владычествующаго надъ царями и народами земли, покоряя и истребляя всѣхъ противящихся Ему. Особенно же сходство между псалмами 2 и 109-мъ представляется до такой степени близкимъ и въ образахъ, и въ самыхъ выраженіяхъ, что было бы неестественно относить ихъ къ различнымъ писателямъ и, приписывая одинъ изъ нихъ Давиду, признавать другой только позднѣйшимъ подражаніемъ ему. Почему и LXX, признавая близкое соотношеніе между обоими псалмами, которое они ясно засвидѣтельствовали тѣмъ, что 3-й ст. 109-го псалма перевели не по нынѣшнему мазоретскому чтенію («какъ роса изъ чрева зари, такъ у тебя

города и ведены были войны съ Идумеями отцемъ Озіи Амасіею (4 Ц. 14, 7). Подобнымъ образомъ Езекія побѣдою надъ Филистимлянами возстановилъ утраченныя отцемъ его Ахазомъ (2 Пар. 28, 18) владѣнія въ землѣ Филистимской (4 Ц. 18, 8); но при немъ не было ни одного возстанія покоренныхъ народовъ, а напротивъ извѣстно, что самъ онъ отложился отъ царя ассирійскаго (4 Ц. 18, 7 и 20). Что касается мнѣнія Hitzig'a, который, защищая свою любимую мысль о Маккавейскихъ псалмахъ, относитъ этотъ, какъ и сходный съ нимъ 109 Пс., ко времени маккавейскаго князя Александра Іанней, извѣстнаго продолжительною и жестокою борьбою съ возмутившимися противъ него іудейскими его подданными, то подобная догадка его представляетъ рѣшительную психологическую несообразность. Поставлять такую возвышенную пѣснь въ какое-либо соотношеніе съ правленіемъ недостойнаго, жестокаго и кровожаднаго, запятнавшаго себя братоубійствомъ, ненавистнаго для Іудеевъ правителя—значитъ прямо извращать и мессіанскій и нравственный характеръ псалма и искажать самое значеніе и достоинство свящ. поэзіи, какое всегда имѣли и имѣютъ за собою пѣсни Псалтири и въ церкви іудейской и христіанской.

юношество твое» [1]), а согласно съ мыслію и выраженіемъ ст. 7 во 2 Пс.: «изъ чрева прежде денницы я родилъ тебя» [2]), не усумнились въ прибавленномъ при этомъ ими надписаніи приписать 2-й псаломъ Давиду [3]), подобно какъ приписывается ему 109-й псаломъ въ надписаніи подлинника. Не сомнѣвались, конечно, въ Давидовомъ происхожденіи его и древнѣйшіе собиратели Псалмовъ, которымъ принадлежитъ послѣдняя редакція Псалтири, такъ какъ невѣроятно, чтобы они поставили его въ началѣ длиннаго ряда Давидовыхъ псалмовъ только по одной связи его съ первымъ псалмомъ, отличающимся общимъ, пригоднымъ для вступленія характеромъ. Равнымъ образомъ позднѣйшіе іудейскіе толкователи нашей христіанской эры, рѣшившись «для противорѣчія еретикамъ» (т. е. христіанамъ) отрицать признававшійся издревле Мессіанскій смыслъ псалма, никогда не отвергали и не отвергаютъ отношенія его къ

---

[1]) По русск. пер. Библ. Общ., который въ этомъ мѣстѣ ближе соотвѣтствуетъ нынѣшнему мазоретскому чтенію: מִרֶחֶם מִשְׁחָרְךָ לְךָ טַל יַלְדֻתֶךָ. Новый Синод. пер. нѣсколько отступаетъ отъ этого чтенія: изъ чрева прежде денницы подобно росѣ рожденіе твое, вѣроятно считая מ въ словѣ מִשְׁחָר за praefix (см. מִן צָהַר), хотя отсутствіе дагеша въ ש и вообще особенность пунктуаціи показываютъ, что мазоретами оно принималось за словообразовательный преформативъ имени, а слово יַלְדוּת, принимая какъ синонимъ происходящихъ отъ того же корня словъ מוֹלֶדֶת или יֶלֶד въ значеніи рожденія, въ какомъ оно однакожъ по мазоретскому тексту вовсе не встрѣчается въ Библіи. См. Еккл. 11, 9—10.

[2]) Какъ и въ нашемъ славянскомъ: «изъ чрева прежде денницы родихъ тя». Чтеніе LXX принято и въ исправленномъ русск. перев. въ Душеп. Чт. 1868, Апрѣль, только съ дополненіемъ опущенными въ немъ словами изъ еврейскаго: לְךָ טַל, именно: «изъ чрева прежде зари, подобно росѣ, я родилъ Тебя». Преимущественное достоинство этого чтенія предъ нынѣшнимъ мазоретскимъ, кромѣ отцевъ и учителей церкви, признавали многіе ученые: Michaelis, Cramer (см. его Einleit. in die Ps. с. XII) и др. Ср. Notes du Ps. с. IX, v. 4 въ Scr. S. Curs. comp. и замѣчанія В. Преосвященнаго Филарета М. Московскаго о догматич. достоин. и охранит. употр. перев. LXX, въ Прибавл. къ Тв. Св. Оо. Ч. XVII, стр. 470.

[3]) Надписаніе: «Давиду» повторяется затѣмъ въ переводахъ ефіопскомъ, арабскомъ и нашемъ славянскомъ.

Давиду и его времени [1]). Такимъ образомъ всѣ вообще внутреннія основанія и внѣшнія свидѣтельства преданія съ древнѣйшихъ временъ сводятся къ одному заключенію, что писателемъ втораго псалма слѣдуетъ признавать царя Давида, какъ, согласно съ вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Апостоловъ, и признавала всегда церковь христіанская, и какъ признаетъ значительная часть лучшихъ изъ новѣйшихъ ученыхъ толкователей Псалтири [2]). Самаго момента изъ времени Давидова царствованія, къ какому относится составленіе псалма, по недостатку прямыхъ указаній, конечно, нельзя опредѣлить съ точностію. Несомнѣнно только то, что *онъ написанъ послѣ перенесенія ковчега завѣта на гору Сіонскую*, содѣлавшаго ее горою Святою (Пс. 2, ст. 6) и сосредоточіемъ Θеократіи, *и послѣ полученія Давидомъ обѣтованія о происхожденіи отъ него Мессіи*. Къ этому можно прибавить, какъ вѣроятную догадку, что *ближайшимъ поводомъ къ написанію его была союзная Сирійско-Аммонитская война*, въ которой Сирійцы, уже прежде покоренные Давидомъ (2 Ц. 8, 3—6), соединились съ Аммонитянами и другими сирійскими племенами, чтобы свергнуть съ себя ненавистное иго израильское (2 Ц. 10, 6. 8. 15 и дал.), но силою Іеговы посрамлены были, приведены въ смятеніе (ст. 4 ср. 2 Ц. 10,

---

[1]) См. свидѣтельства Ярхи, Кимхи, Абен-Езры и др. въ Scr. S. Curs. compl. T. XIV p. 1173—1174.

[2]) Отцы и учители церкви, изъяснявшіе 2 псаломъ, или приводившіе изъ него мѣста, всѣ согласно признавали писателемъ его царя Давида, какъ Оригенъ, Аѳанасій, бл. Θеодоритъ, Иларій (въ изъясн. Пс.), Іустинъ (въ Апол. 2), Тертулліанъ (contra Marcion lib. IV), Кипріанъ (adv. Judeos lib. 1) и др. Точно также согласно признаютъ это и толкователи нашей русской церкви: см. Изъясн. 2 Пс. Иринея Псковскаго (въ его Толков. Псалтири), Филарета Митр. Моск. (Толк. 2 Пс., въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1873 г. № 1), Иннокентія Пензенскаго (въ Собр. соч. Ч. II. М. 1821), Іером. Θеодора (въ Прибав. къ Тв. Св. Оо Ч. VIII стр. 353). Также Павскаго,—Обозр. Пс. стр. 30. Изъ иностранныхъ новѣйшихъ того же мнѣнія держатся: O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg см. ихъ Comment. in d. Ps), Hofmann (Weiss. und Erfull. I, 160 ff. Berlin 1841), Ehrt (Darstell. der hebr. Poesie. 1865, S. 70), также и Delitzsch, хотя нерѣшительно. Kurtz считаетъ несомнѣннымъ происхожденіе псалма изъ времени Давида, оставляя при этомъ безъ рѣшенія вопросъ о писателѣ (Zur Theologie der Ps. S. 31).

12—14 и 18) и должны были снова покориться Его помазаннику (ст. 2 и 10 ср. 2Ц. 23, 1. гл. 10, 1[9]). Сходство обстоятельствъ этой войны съ изображаемымъ въ псалмѣ возстаніемъ царей и народовъ противъ Мессіи, Сына Божія, пораженія ихъ и покоренія Его власти силою Іеговы, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что псаломъ воспѣтъ былъ пророкомъ Давидомъ вскорѣ послѣ указанныхъ событій, когда образъ ихъ еще живо предносился предъ пророческимъ взоромъ его; а судя по обращенному къ царямъ и судіямъ земли увѣщанію пророка вразумиться и покориться Господу и его помазаннику (ст. 10—12), кажется, можно полагать, что псаломъ написанъ не въ послѣднее мирное время Давидова царствованія, но когда войны съ иноземными народами продолжались еще и между сосѣдними царями и народами оставались еще такіе, которые не смирились предъ силою Давида, подобно царямъ Сиріи (2 Ц. 10, 19), но продолжали безпокоить его царство своими нападеніями. Впрочемъ, повторяемъ, это не болѣе, какъ вѣроятныя догадки, основанныя на предположеніи можетъ быть преувеличенной нами субъективности въ пророческомъ изображеніи царя Мессіи въ настоящемъ псалмѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ псалмопѣвецъ-пророкъ могъ гораздо менѣе ограничиваться субъективными образами отъ современныхъ ему предметовъ и событій, но, простирая взоръ свой въ отдаленное будущее, созерцать его болѣе отрѣшенно отъ своего настоящаго, а такимъ образомъ и въ своемъ увѣщаніи къ царямъ и судіямъ земли могъ, независимо отъ враждебныхъ народовъ своего времени, разумѣть такихъ царей и народовъ земли въ царствѣ Мессіи, съ которыми не вело борьбы и которыхъ не знало въ своихъ сношеніяхъ царство Давидово.

Признавая писателемъ 2-го псалма царя Давида, мы тѣмъ самымъ уже произносимъ рѣшеніе и относительно писателя псалма перваго. По древнему преданію, одинаково распространенному въ Церкви Христіанской и между Іудеями, оба эти псалма считались за двѣ составныя части одного цѣлаго. Во многихъ древнихъ греческихъ спискахъ Новаго Завѣта, въ Дѣян. 13, 33, о приводимыхъ тамъ словахъ втораго псалма: «Сынъ Мой еси Ты»... (ст. 7) замѣчается, что они находятся ἐν τῷ πρώτῳ ψαλμῷ, какъ это мѣсто читали уже Іустинъ мученикъ (во 2 Апол.), Тертулліанъ (contra Marcion lib. IV) и нѣкоторые другіе изъ древнихъ отцевъ и учителей церкви. Подобнымъ образомъ между Іудеями съ древнѣйшихъ временъ со-

хранится преданіе, что первый псаломъ и начинается, и оканчивается, т. е. во 2 Пс., 12 ст., упоминаніемъ о блаженствѣ [1]), или, какъ замѣчается въ Талмудѣ, 1 и 2 Пс. составляютъ одно цѣлое (חדא פרשה) [2]). И дѣйствительно во многихъ древнихъ еврейскихъ и греческихъ кодексахъ Ветхаго Завѣта второй псаломъ соединялся съ первымъ, считаясь съ нимъ за одинъ первый псаломъ. De Rossi насчитываетъ до семи такихъ списковъ [3]), и о существованіи ихъ упоминается уже у Оригена [4]), извѣстнаго знатока древняго священнаго текста, и у другихъ древнихъ церковныхъ писателей [5]). Мы не думаемъ этимъ доказывать, что оба псалма слѣдуетъ считать за одинъ, такъ какъ каждый изъ нихъ самъ по себѣ достаточно округленъ и законченъ, чтобы можно было считать за отдѣльный псаломъ. Тѣмъ не менѣе въ обоихъ псалмахъ представляется очень много такого, что̀ наводитъ на мысль о ближайшемъ ихъ соотношеніи между собою. Занимая положеніе одинъ подлѣ другаго, въ началѣ Псалтири, предъ длиннымъ рядомъ псалмовъ Дави-

---

[1]) Psalmus primus incipit a beatitudine et terminatur in beatitudinem,—говорилъ Альбертъ В. (въ XIII в.) о древне іудейскомъ взглядѣ на 1 и 2 Пс. (См. у Делича—Die Psalmen S. 57. Leipz. 1867). И еще прежде Альберта В. тотъ же взглядъ на 1 и 2 Пс. приводится у греч. толкователя Псалтири XII в. Евѳимія Зигабена въ заключеніи изъясненія 2-го псалма: Οἱ γοῦν τὸν παρόντα (δεύτερον) ψαλμὸν τῷ πρώτῳ συνάπτοντες, ἐντεῦθεν ἰσχυρίζονται, λέγοντες, ἀπὸ μακαρισμοῦ Δαβὶδ ἀρξάμενος, εἰς μακαρισμὸν κατέληξεν. См. Patrolog. curs. compl. ed. Migne T. CXXVIII. 1864. p. 88.

[2]) 6 Beracholh 9b; ср. j Taanith II. 2.

[3]) Въ его Variae lectiones V. T. 1784—88. Подобнаго рода греческіе списки у Ферранда, упомин. въ Приб. къ Тв. Св. Оо. Ч. VIII, стр. 353.

[4]) Hexapl. ed. Montfaucon p. 475. Paris. 1713.

[5]) Деличъ приводитъ схолію изъ Оригена и Евсевія, въ которой говорится, что 1 и 2 псаломъ ἐν τῷ Ἑβραϊκῷ συνημμένοι,—и свидѣтельство о томъ же Аполлинарія: Ἐπιγραφῆς ὁ ψαλμὸς εὑρέθη δίχα,
Ἡνωμένος δὲ τοῖς παῤ Ἑβραίοις στίχοις.

Преосвящ. Иннокентій Еп. Пензенскій въ изъясненіи 1-го Пс. (въ собр. его сочин. Ч. 2. М. 1821) упоминаетъ о подобномъ же свидѣтельствѣ Космы Индикоплевста.

довыхъ, оба они развиваютъ сходную мысль о двухъ противоположныхъ состояніяхъ и жребіяхъ праведныхъ и нечестивыхъ, съ тою только разницею, что въ первомъ псалмѣ она излагается въ общихъ чертахъ, представляя какъ бы фонъ и общую основу для втораго, между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ она раскрывается въ особенномъ примѣненіи къ царю Мессіи, въ возстаніи противъ Него представляя картину борьбы двухъ противоположныхъ царствъ добра и зла. При этомъ оба псалма соприкасаются между собою и въ развитіи своей мысли, и въ самомъ образѣ выраженія. Псаломъ первый начинается прославленіемъ блаженства праведниковъ (אַשְׁרֵי הָאִישׁ וגו ст. 1): тою же мыслію итѣмъ же выраженіемъ второй псаломъ оканчивается (אַשְׁרֵי כָּל־חוֹסֵי בוֹ ст. 12); и наоборотъ первый заключается возвѣщеніемъ божественнаго суда надъ нечестивыми (ст. 4—6): второй начинается съ этого пункта и продолжаетъ его развитіе (ст. 1. 4. 5. 9); въ псалмѣ первомъ, изображая послѣднюю судьбу нечестивыхъ, псалмопѣвецъ говоритъ, что «*путь нечестивыхъ погибнетъ*» (דֶּרֶךְ רְשָׁעִים תֹּאבֵד ст. 6): тѣми же словами въ Пс. 2 онъ угрожаетъ непокорнымъ и мятежнымъ царямъ земнымъ, если они не покорятся Мессіи, Сыну Божію: «почтите Сына, чтобы Онъ не прогнѣвался, и чтобы *вамъ не погибнуть въ пути вашемъ* (וְתֹאבְדוּ דָרֶךְ ст. 12)». Наконецъ самое изображеніе мятежныхъ замысловъ противъ Мессіи въ Пс. 2: «племена *замышляютъ* тщетное» (ст. 1), получаетъ больше силы и значенія, когда разсматривается въ противоположеніи съ *размышленіемъ* праведныхъ о законѣ Господнемъ, о чемъ говорится въ 1 Пс. ст. 2 и притомъ въ одинаковомъ выраженіи (יֶהְגֶּה Пс. 1, 2 и יָהְגוּ Пс. 2, 1). Такое близкое соприкосновеніе обоихъ псалмовъ и въ мысляхъ, и въ тоже время въ словахъ и выраженіяхъ странно было бы представлять явленіемъ случайнымъ, не имѣющимъ никакихъ разумныхъ основаній. По нашему крайнему разумѣнію, оно должно быть естественнымъ слѣдствіемъ или тожества писателя обоихъ псалмовъ, или преднамѣреннаго подражанія писателя одного изъ нихъ другому. Послѣднее предположеніе о подражаніи, послѣ того какъ мы уже признали писателемъ втораго псалма царя Давида, естественно возможно только въ отношеніи къ псалму первому: потому что иначе мы должны бы были или возводить его происхожденіе ко временамъ древнѣе Давида, или же самого Давида считать подражателемъ кому либо

изъ его современниковъ. Понятно, что общее содержаніе перваго псалма, одинаково свойственное всѣмъ временамъ существованія царства Божія на землѣ, само по себѣ нисколько не препятствуетъ считать его позднѣйшимъ подражаніемъ кого либо изъ пѣвцовъ послѣ Давидова времени; только въ этомъ случаѣ происхожденіе его слѣдуетъ относить ко времени прежде Іереміи: такъ какъ въ одной изъ рѣчей этого пророка, любившаго пользоваться пророчествами и изреченіями своихъ предшественниковъ, мы встрѣчаемъ уже распространенный нѣсколько перифразъ перваго псалма (Іер. 18, 5—8), не оставляющій сомнѣнія въ томъ, что во времена Іереміи псаломъ этотъ не только существовалъ, но въ качествѣ священной пѣсни пользовался извѣстностію и уваженіемъ, что только и могло служить для пророка побужденіемъ включить его въ составъ своей рѣчи. При такомъ отношеніи къ писаніямъ Іереміи становится очевидною неосновательность попытки нѣкоторыхъ низвести его происхожденіе ко временамъ Ездры [1]), и даже къ Маккавейскому періоду, какъ того хотятъ новѣйшіе толкователи изъ западныхъ раціоналистовъ [2]). Но съ другой стороны, по той же общности содержанія подражательное отношеніе его къ Пс. 2-му представляется совершенно неестественнымъ. Мы уже замѣтили, что псаломъ 1-й представляетъ общую основу или какъ бы введеніе для втораго псалма, составляющаго частнѣйшее развитіе его мысли въ примѣненіи къ царству Мессіи, а это предполагаетъ уже обратное отношеніе обоихъ псалмовъ и зависимость втораго отъ перваго. Такимъ образомъ представляется гораздо лучше принять другое предположеніе, что *псаломъ 1-й принадлежитъ одному со 2-мъ псалмомъ писателю Давиду и составляетъ съ нимъ двухъ-частное цѣлое произведеніе или соединенную пару псалмовъ*, подобно какъ такого рода пары представляютъ псалмы 19 и 20, 41 и 42 или соединенные у насъ въ одинъ (9-й), но раздѣленные по еврейскому тексту псалмы 9 и 10. Предположеніе это вполнѣ объясняетъ намъ и взаимоотношеніе обоихъ псалмовъ, и положеніе ихъ одного подлѣ другаго въ началѣ длин-

---

[1]) Такое мнѣніе приводится у Калиета, въ Толк. Пс. Преосв. Иннея Псковскаго (Ч. I, стр. 1 по изд. 1823 г.) и Иннокентія Пензенскаго (въ собр. его сочин. Ч. II, стр. 129. М. 1821).

[2]) Rudinger. Hitzig, Olshausen и др.

наго ряда псалмовъ Давидовыхъ, и въ тоже время не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго [1]): такъ какъ первый псаломъ по всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ вполнѣ достоинъ пера Давида, и по своей возвышенной и благородной простотѣ, своему спокойному и въ тоже время живому характеру, тѣсно примыкаетъ къ несомнѣнно Давидовымъ псалмамъ, каковы напримѣръ 8, 14, 22, 36, изъ которыхъ особенно съ послѣднимъ онъ имѣетъ много сходнаго и въ самомъ образѣ выраженія. Да и самые противники Давидова происхожденія перваго псалма никогда не представляли, и едва ли представятъ когда, довольно сильныя возраженія, которыя бы могли возбудить основательныя сомнѣнія въ достаточной его вѣроятности. При этомъ, принимая во вниманіе, что предположеніе о Давидовомъ происхожденіи 1-го псалма принималось уже древними греческими переводчиками, которые точно также, какъ и псаломъ 2-й, надписали его именемъ Давида, и что наконецъ во всѣ времена оно признаваемо было Христіанскою Православною Церковію и никто изъ отцевъ или учителей ея не изъявлялъ сомнѣнія въ совершенной достовѣрности его [2]), мы имѣемъ такимъ образомъ всѣ вѣроятныя основанія съ не меньшею увѣренностію относить этотъ псаломъ къ

---

[1]) Указываютъ впрочемъ на употребленіе слова לֵצִים въ значеніи «губители» (слав.), — по русскому перев. Псалт.: «развратители», или точнѣе: вольнодумцы, кощунники,—въ такомъ значеніи невстрѣчающагося болѣе въ Псалтири и вообще въ книгахъ Свящ. Писанія до Соломонова времени, изъ чего Delitzsch выводитъ заключеніе, что слово это впервые введено въ употребленіе только Соломономъ и слѣд. 1-й Пс., въ которомъ оно употребляется, не могъ быть написанъ ранѣе времени Соломона. Но почему же не принять, что начало употребленію его и было положено именно въ этомъ псалмѣ царемъ Давидомъ, отъ котораго потомъ могли заимствовать его Соломонъ и др. свящ. писатели? Вѣдь неупотребленіе такого слова въ другихъ псалмахъ Давидовыхъ еще нельзя принимать за доказательство того, что оно вовсе неизвѣстно было Давиду: потому что точно также не употребляется оно и въ псалмахъ самого Соломона, и въ псалмахъ другихъ позднѣйшихъ писателей, изъ чего однакожъ никакъ не слѣдуетъ, что писателямъ всѣхъ этихъ псалмовъ неизвѣстно было слово לֵצִים и что всѣ псалмы эти древнѣе Соломона.

[2]) См. объ этомъ въ толк. 1-го Пс. Иринея Псковскаго и Иннокентія Пензенскаго.

Давиду, чѣмъ и псалмы, надписанные его именемъ въ еврейскомъ текстѣ.

Подобными вѣроятными основаніями подтверждается принадлежность Давиду и прочихъ указанныхъ нами псалмовъ— 32, 70, 105—изъ числа ненадписанныхъ въ еврейскомъ текстѣ, но усвояемыхъ этому псалмопѣвцу въ надписаніяхъ LXX и другихъ древнихъ переводовъ. Всѣ они точно также, какъ 1-й и 2-й, или въ еврейскомъ текстѣ Пс. 10, занимаютъ въ псалтири мѣсто около или между псалмовъ Давидовыхъ: Пс. 32-й стоитъ среди длиннаго ряда псалмовъ (3—40), надписанныхъ именемъ Давида и несомнѣнно принадлежащихъ ему; 70-й заключаетъ группу псалмовъ Давидовыхъ (67—69); 103-й слѣдуетъ за псалмомъ Давидовымъ (102). Равнымъ образомъ, какъ первый псаломъ, по содержанію своему, характеру и образу выраженія, тѣсно примыкаетъ къ слѣдующему за нимъ второму псалму, или какъ по еврейскому тексту анонимный 10-й псаломъ соединяется въ одно двухчастное цѣлое съ предшествующимъ ему Давидовымъ Пс. 9-мъ; такъ и всѣ разсматриваемые нами псалмы тѣсно примыкаютъ каждый къ своему предшествующему псалму, представляя вмѣстѣ съ ними пары псалмовъ, соединенныхъ между собою не случайнымъ или подражательнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ выраженій, а имѣющихъ между собою внутреннюю, такъ сказать, органическую связь, которая вполнѣ удовлетворительно можетъ быть объяснена только тожествомъ ихъ писателя. Такъ псаломъ 32-й начинается съ призыванія праведныхъ торжествовать и радоваться о Господѣ, которымъ оканчивается предшествующій ему 31-й, и представляетъ не случайное только повтореніе заключенія его, но естественное и необходимое продолженіе его и развитіе. Въ радостномъ сознаніи прощенія грѣховъ своихъ псалмопѣвецъ естественно желаетъ, чтобы радость его о Господѣ раздѣляли всѣ вѣрные Израильтяне, и потому благодарственно-поучительную пѣснь свою о блаженствѣ получившихъ прощеніе грѣховъ заключаетъ обращеніемъ къ праведникамъ радоваться о Господѣ. Но такое обращеніе, вытекая непосредственно изъ чувства псалмопѣвца, а не изъ содержанія псалма, въ отношеніи къ этому послѣднему представляетъ слишкомъ рѣзкій и не совсѣмъ естественный переходъ отъ частнаго къ общему, и оставленное безъ всякаго развитія, какъ оно находится въ заключеніи 31 псалма, не могло бы быть ни понятнымъ, ни убѣдительнымъ для тѣхъ, къ кому оно относится,

и не могло бы потому производить на нихъ желаемаго впечатлѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ псалмопѣвецъ, останавливаясь спокойнымъ взоромъ на произведеніи своего религіознаго вдохновенія, не могъ не сознавать, что испытываемое имъ чувство святой радости о Господѣ не могло быть достаточнымъ побужденіемъ къ такой же радости для всѣхъ сыновъ Израиля, и потому естественно было ожидать отъ него или измѣненія заключительной мысли 31-го псалма, или же ея уясненія и развитія. Псаломъ 32-й, начинаясь съ этой заключительной мысли, и представляетъ ожидаемое ея объясненіе и развитіе, указывая для Израиля въ величественныхъ свойствахъ Божіихъ и дѣлахъ творенія и промышленія о мірѣ и особенно о немъ самомъ, какъ избранномъ народѣ, такія побужденія, которыя дѣйствительно могутъ располагать къ духовной радости о Господѣ и къ прославленію Его. И если Пс. 32 представляетъ развитіе заключенія Пс. 31-го, то Пс. 70-й составляетъ продолженіе рѣшительно одной и той же молитвы гонимаго праведника о помощи, какая содержится въ Пс. 69, и вообще оба псалма такъ тѣсно соприкасаются между собою въ содержаніи, характерѣ и языкѣ, и въ частности въ нѣкоторыхъ повторяющихся въ нихъ выраженіяхъ (ср. 69, 2—3 съ 70, 12—13 и 24), напоминающихъ собою повторительные стихи, составляющіе особенность нѣкоторыхъ псалмовъ (какъ Пс. 55, 5 и 11 — 12. 56, 6 и 12. 58, 10 и 18 и др.),—что многіе ученые считаютъ 69-й псаломъ введеніемъ къ Пс. 70-му, и мы съ своей стороны никакъ не признали бы ихъ отдѣльными псалмами, если бы не находили ихъ раздѣльными въ Книгѣ Псалмовъ. Такое близкое, доходящее до тожества, сходство этихъ псалмовъ подтверждается и тѣмъ еще обстоятельствомъ, что оба они представляютъ измѣненное нѣсколько, свободное воспроизведеніе сходныхъ по содержанію Давидовыхъ псалмовъ изъ времени гоненій Саула и Авессаломова возстанія [1]). Подобнымъ же образомъ и Пс. 103-й близко сходится съ Пс. 102, какъ по тожественному имъ обоимъ

---

[1]) Ср. Пс. 69, ст. 3—5 съ Пс. 34, 4. 21. 25 и 26 и Пс. 108, 29; ст. 6 съ Пс. 68, 30. 108, 22 и 26; Пс. 70 съ Псс. 21, 30, 34, 68 и 108; и въ частности ст. 1—3 съ Пс. 30, 2—4; ст. 5—6 съ Пс. 21, 10—11; ст. 10—11 съ Пс. 40, 6—9. 3, 3 и 7, 3; ст. 12—13 съ Пс. 108, 29; ст. 20 съ Пс. 68, 27; ст. 22 съ Пс. 32, 2. 68, 31; ст. 23 съ Пс. 108, 30; ст. 24 съ Пс. 34, 28.

началу и заключенію (ср. Пс. 103, 1 и 35 съ 102, 1 и 22) [1]), такъ равно и по своему живому, высоко-поэтическому характеру и самому содержанію; потому что въ обоихъ псалмахъ прославляется премудрость и благость Божія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Пс. 103 псалмопѣвецъ созерцаетъ величественныя свойства Божіи въ твореніи и сохраненіи міра видимаго, а въ Пс. 102—въ управленіи міромъ нравственнымъ и въ преимущественномъ промышленіи объ избранномъ народѣ Божіемъ, Израилѣ [2]). Вообще близкое взаимоотношеніе разсматриваемыхъ псалмовъ съ предшествующими имъ псалмами настолько ясно и очевидно, что его не отвергаютъ даже ученые отрицательнаго направленія [3]), а напротивъ, на основаніи его утверждаютъ, что каждая такая пара псалмовъ принадлежитъ какому либо одному писателю. Потому, признавая, что 31, 69 и 102 псалмы, согласно съ ихъ надписаніями, принадлежатъ Давиду, мы имѣемъ такимъ образомъ основаніе относить къ Давиду же и парные съ ними ненадписанные псалмы 32, 70 и 103. Очень вѣроятно, что собиратели псалмовъ потому именно и оставили ихъ безъ надписанія именъ писателей, что при тѣсной связи ихъ съ предшествующими псалмами, въ надписаніяхъ которыхъ указаны уже ихъ писатели, повтореніе подобныхъ указаній, подобно какъ и у Пс. 10 (съ евр.) и 42, представлялось излишними вставками, которыя, не прибавляя ничего для ихъ современниковъ, только бы прерывали непосредственную послѣдовательность каждой такой пары псалмовъ, какъ двухчастнаго цѣлаго, или по крайней мѣрѣ взаимносвязнаго произведенія одного и того же писателя. Но какова бы ни была дѣйствительная причина того, что въ еврейской Библіи псалмы эти остались не надписанными, древнее преданіе церкви Іудейской, засвидѣтельствованное греческими надписаніями этихъ псалмовъ въ переводѣ LXX, и непрерывное убѣжденіе Церкви Христіанской въ лицѣ ея богопросвѣщенныхъ пастырей и учителей, занимавшихся изъясненіемъ псалмовъ,—всегда были согласны за ихъ Давидово

---

[1]) Ср. кромѣ того по евр. Пс. 104, ст. 4 съ 103, 20—21; ст. 24. 31 съ 103, 22; ст. 28 съ 103, 5; ст. 29—30 съ 103, 15—16.

[2]) Подобнымъ образомъ и Преосв. Ириней въ Толк. 103 Пс. Ч. 2 стр. 378—9 по изд. 1823 г.

[3]) Каковы: Hitzig, Lengerke, Olshausen и др.

происхожденіе, и для насъ не представляется никакихъ достаточныхъ побужденій не слѣдовать въ этомъ случаѣ голосу церковнаго преданія. Ни въ содержаніи, ни въ характерѣ, ни въ языкѣ псалмовъ не представляется ничего такого, что было бы не сообразно съ лицемъ или временемъ царя Давида; а напротивъ того въ Пс. 32 и 70 есть даже такія черты, которыя всего лучше объясняются изъ исторіи его царствованія. Упоминаніе о враждебныхъ для Израиля замыслахъ народовъ, ниспровергаемыхъ Іеговою-защитникомъ его (Пс. 32, ст. 10), и сознаніе ненадежности для спасенія одной человѣческой силы безъ помощи божественной,—будетъ ли это сила могущественнаго царя, храбраго исполина или вооруженной конницы (ст. 16—17),—все это очень хорошо идетъ къ царствованію Давида, извѣстному двумя неудавшимися коалиціями противъ Израиля сосѣднихъ языческихъ народовъ (2 Ц. 8, 3—6 и 10, 6 и др.) и славному неоднократными своими побѣдами надъ Сирійцами и Филистимлянами, изъ которыхъ первые славились въ то время своей конницей (2 Ц. 8, 4. 10, 18), а послѣдніе—своими исполинами (1 Ц. 17, 4 и дал. 2 Ц. 21, 16—22). Изъ времени Давидова же царствованія исторически объясняется и происхожденіе мысли, что Господь во время голода пропитаетъ боящихся Его (ст. 19); такъ какъ, по свидѣтельству исторіи, во дни Давида былъ въ землѣ Израильской трехлѣтній голодъ, когда боящіеся Господа дѣйствительно могли испытать на себѣ упоминаемую здѣсь милость Его. И въ Пс. 70-мъ образъ благочестиваго старца, отъ юности преданнаго Господу, котораго онъ славитъ на псалтири и гусляхъ, много испытавшаго въ своей жизни и великихъ бѣдъ, и еще большихъ милостей Божіихъ, прославленнаго и возвышеннаго, но теперь гонимаго беззаконными врагами, которые совѣтуются погубить его, — такой образъ, по многимъ чертамъ своимъ уже знакомый намъ изъ другихъ псалмовъ Давидовыхъ, вполнѣ идетъ къ лицу царя Давида во время Авессаломова возстанія, когда онъ почти уже семидесятилѣтнимъ старцемъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ преслѣдованія мятежнаго сына своего и его сообщниковъ [1]) (ср. особ. ст. 4, 10 и 11 съ 2 Ц. 15, 31. 16, 7—8. 20 и 17, 1—3).—Старцемъ на-

[1]) Такого мнѣнія держится и Преосвящ. Ириней Псковскій (въ Толк. Псалтири).

зываетъ себя Давидъ и въ другой своей пѣсни изъ того же времени, составленной, какъ можно полагать, по случаю печальной участи мятежниковъ [1]), съ цѣлію преподать современникамъ урокъ—твердо держаться пути добродѣтели и не завидовать обманчивому счастію порочныхъ: «я былъ молодъ и состарѣлся и не видалъ праведника оставленнымъ» (Пс. 36, 25 ср. Пс. 70, 5 и 9. 11. 18).—Псаломъ 103 не представляетъ никакихъ историческихъ признаковъ времени его происхожденія: содержаніе его есть вдохновенный плодъ глубокаго познанія закона Божія, видимой природы и промыслительныхъ въ ней дѣйствій Творца и Міроправителя, и одинаково свойственно всѣмъ временамъ ветхозавѣтной церкви, когда только существовали богопросвѣщенные мужы, разумѣвавшіе тайны естественнаго и сверхъ-естественнаго откровенія Божія. Но потому самому не представляется основаній оспоривать его и у Давида, мужа Божія любившаго дни и ночи поучаться въ законѣ Божіемъ, и хорошо знакомаго съ видимой природой, съ которою онъ уже съ дѣтства находился въ непосредственномъ обращеніи, и въ которой онъ въ годы мужества, въ продолжительный періодъ гоненій своихъ отъ Саула, изучалъ величественныя дѣйствія всеуправляющаго Промысла,—тѣмъ болѣе, что царь Давидъ дѣйствительно любилъ воспѣвать величіе Божіе въ видимой природѣ и въ Книгѣ Псалмовъ оставилъ намъ не мало вдохновенныхъ гимновъ Творцу и Промыслителю вселенной, имѣющихъ много сходства съ 103 псалмомъ (Ср. Пс. 8 и 17, ст. 7—17; Псс. 18, 28, 64, 143, 144; ср. и Пс. 32, 6—9). Одно только «аллилуіа», которымъ заканчивается псаломъ въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ и нашемъ русскомъ переводѣ, можетъ наводить на мысль о позднѣйшемъ его происхожденіи; такъ какъ объ этомъ хвалебномъ восклицаніи въ первый разъ упоминается только въ книгахъ Паралипоменонъ (1 Пар. 16, 36; Ср. 2 Пар. 5, 13. 20, 19. 29, 30) и Ездры (3, 11), написанныхъ уже по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, и потому обыкновенно полагаютъ, что оно вошло въ употребленіе не ранѣе этого времени. Но а) очень возможно допустить, что «аллилуіа» не принадлежитъ къ первоначальному составу псалма и прибавлено было къ нему позднѣйшимъ собирателемъ псалмовъ на основаніи богослужебнаго

[1]) См. выше о Пс. 36-мъ. Ср. такое же мнѣніе и у Св. Златоуста въ Бес. на Псс. Т. I стр. 14.

употребленія его во времена втораго храма съ такою заключительною формулой [1]), подобно тому какъ къ псалмамъ 40, 71 и 88, на томъ же основаніи прибавлена другая заключительная формула: «аминь. аминь» (слав. «бу́ди, бу́ди»), точно также не относящаяся къ первоначальному ихъ составу. А б) съ другой стороны очень вѣроятно, что «аллилуіа» въ нынѣшнемъ еврейскомъ текстѣ только ошибочно отнесено къ концу 104-го (у насъ 103) псалма и должно на самомъ дѣлѣ составлять надписаніе или начало слѣдующаго 105 (у насъ 104) псалма,—что было бы гораздо сообразнѣе съ закономъ однородности или внутренней аналогіи (lex homogeneitatis vel analogiae internae), по которому, какъ замѣчаютъ [2]), расположены псалмы въ Псалтири; потому что въ такомъ случаѣ два рядомъ стоящіе псалма 104 и 105 (евр. 105 и 106) и начинались бы и оканчивались словомъ: «аллилуіа». Такого именно мнѣнія и держится древній греческій переводъ LXX, Вульгата и нашъ славянскій переводъ, равнымъ образомъ и всѣ древніе церковные толкователи псалмовъ, отцы и учители церкви, которые всѣ согласно относятъ «аллилуіа» къ началу 104-го псалма [3]), и такимъ образомъ устраняютъ сомнѣніе въ древнемъ

---

[1]) Мнѣніе это допускаютъ даже Lengerke и Hitzig, не смотря на то, что они стараются доказать позднѣйшее происхожденіе псалма (см. ихъ Comm. zu d. Ps.).

[2]) Законъ аналогіи въ расположеніи псалмовъ замѣченъ уже древними церковными толкователями: Златоустомъ (см. Бес. на Пес. Т. I стр. 165 и 441. Т. 2 стр. 27, 428 и 463), Ѳеодоритомъ (Тв. Св. Оо. Т. 27, стр. 14, 73, 248—249 и проч.) и др., и подробно развитъ въ толкованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ: Генгстенберга, Кёстера, Гитцига (см. ихъ Comm. zu d. Ps.) и особенно у Делича въ его Symbolae ad Ps. illustrandos isagogicae (II p. 40 sq.).

[3]) См. напр. толкованія на 104-й псаломъ св. Аѳанасія и бл. Ѳеодорита. Согласно съ отцами церкви и нашъ отечественный толкователь псалмовъ Преосв. Ириней (см. его Толков. на 104-й Пс.). Въ нашемъ церковномъ уставѣ 103-й Пс. также не входитъ въ число 20 хвалитныхъ псалмовъ, которыми считаются имѣющіе въ себѣ въ началѣ, или въ концѣ «аллилуіа» (ср. о псалмахъ хвалитныхъ въ Воскр. Чт. 1833/4 № 51); да и у самихъ Евреевъ, не смотря на свое окончаніе въ еврейскомъ текстѣ словомъ הַלְלוּיָהּ, онъ не входитъ въ число соотвѣтствующихъ нашимъ хвалитнымъ псалмовъ, называемыхъ הַלֵּל (См. Tractat Sofrim, c. 18. § 2).

происхожденіи предшествующаго ему псалма 103. Еще менѣе можно сомнѣваться въ древности происхожденія псалма 70-го на томъ основаніи, что во многихъ спискахъ перевода LXX, а равно и въ нашемъ славянскомъ, въ надписаніи его вслѣдъ за именемъ Давида прибавлено: «сыновъ Іонадавовыхъ (Рихавитовъ, см. Іер. 35, 1—11) и первыхъ плѣнившихся»; потому что приведенная прибавка, какъ указывающая на цѣлое общество лицъ, очевидно не имѣетъ ничего общаго съ указаніемъ писателя, но, точно также какъ прибавочное надписаніе вслѣдъ за именемъ Давида въ Пс. 64 («Іереміи и Іезекіиля съ народомъ переселеннымъ»), должна быть понимаема въ смыслѣ указанія времени преимущественнаго употребленія этого псалма, и такимъ образомъ нисколько не противорѣчитъ приводимому въ томъ же надписаніи имени Давида. Безъ сомнѣнія сдѣлавшіе такую прибавку хотѣли чрезъ нее обозначить только то, что этотъ Давидовъ псаломъ былъ любимою пѣснію благочестивыхъ сыновъ Іонадава и другихъ Іудеевъ, плѣненныхъ при Іоакимѣ. По своему скорбно-молитвенному содержанію псаломъ дѣйствительно очень хорошо подходитъ къ положенію Вавилонскихъ плѣнниковъ, и потому могъ, конечно, сдѣлаться ихъ любимою пѣснію. Если же это и не даетъ еще намъ объясненія, почему онъ по преимуществу усвоенъ былъ Рихавитами; то съ другой стороны изъ предполагаемой надписаніемъ особенной любви ихъ къ этой пѣсни еще никакъ не слѣдуетъ отрицать всякое значеніе упоминаемаго въ томъ же надписаніи предъ ихъ именемъ имени Давида и вмѣстѣ съ Деличемъ выводить заключеніе, что псаломъ принадлежитъ Іереміи, на томъ лишь основаніи, что въ его книгѣ упоминается о Рихавитахъ и что они всего скорѣе, будто бы, могли усвоить себѣ пѣснь названнаго пророка въ признательность къ нему за то, что онъ похвалилъ ихъ за ревность въ исполненіи преданій родоначальника ихъ Іонадава, сына Рихавова [1]).

Кромѣ исчисленныхъ 78 псалмовъ у LXX-ти, а за ними и въ другихъ древнихъ переводахъ, приписываются Давиду и еще многіе псалмы изъ числа ненадписанныхъ въ евр. текстѣ и частію приписывающихся другимъ писателямъ [2]). Но судя по содержанію и

---

[1]) Мнѣніе Делича о принадлежности псалма Іереміи см. въ его Comm. über die Psalmen. S. 447.

[2]) Изъ анонимныхъ по евр. тексту псалмовъ, кромѣ тѣхъ, которые

характеру такихъ псалмовъ, а также и по нѣкоторымъ другимъ основаніямъ, съ большею вѣроятностію слѣдуетъ относить ихъ къ другому времени и къ другимъ писателямъ, какъ мы и постараемся показать это въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

в) Псалмы Соломоновы.

Кромѣ царя Давида, которому, какъ мы видѣли, принадлежитъ наибольшая часть пѣсней Псалтири, между указываемыми въ надписаніяхъ псалмовъ писателями ихъ въ евр. текстѣ мы встрѣчаемъ имя другаго славнаго царя Израилева,—сына и преемника Давидова Соломона. *Ему приписываются въ еврейскомъ текстѣ два псалма 72-й* (у насъ: 71) *и 127-й* (у насъ: 126). Но въ надписаніи послѣдняго въ переводахъ LXX и нашемъ славянскомъ, какъ и вообще въ надписаніяхъ пѣсней степеней, къ которымъ онъ принадлежитъ, опущено имя писателя; у перваго же надписаніе читается въ измѣненномъ видѣ: «о Соломонѣ, псаломъ Давиду».—такъ какъ бы это былъ псаломъ не Соломоновъ, а Давидовъ, только воспѣтый имъ въ отношеніи къ Соломону, или по случаю вступленія на престолъ сына его Соломона.

Мнѣніе о происхожденіи 71-го (или по евр. 72) псалма отъ Давида вслѣдъ за LXX-ю толковниками повторяютъ и всѣ другіе древніе переводы, а также и древніе церковные толкователи [1]), за

мы приписали Давиду, у LXX и въ нашемъ славянскомъ надписываются его именемъ еще слѣдующіе 12-ть: 42, 66, 90, 92—99 и 136; кромѣ того изъ надписанныхъ въ евр. текстѣ именами другихъ писателей усвояются ему же четыре псалма: 41 (въ одномъ слав.) и 45 (только у LXX)—сыновъ Кореевыхъ; 71—Соломоновъ и 77—Асафовъ (только въ греч.). Тѣже псалмы, за исключеніемъ 99, 41, 45 и 77 приписываются Давиду и въ Вульгатѣ, и почти тѣже, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ и частію съ прибавленіемъ другихъ, и въ переводахъ сирскомъ, арабскомъ и халдейскомъ (см. Herbst, Einleitung in d. Ps. II. 2. S. 202 и Biblia Polyglotta, ed. Walton., Lond. 1657.

[1]) Тому же мнѣнію большинства слѣдуютъ и наши русскіе богословы. См. русс. пер. Пс. Митр. Амвросія, Библ. Общ. и Синод. изд. 1871 г., Толк. Преосв. Иринея Псковскаго и Палладія Еп. Сарапульскаго,

исключеніемъ только перевода халдейскаго и изъ толкователей.— Евсевія Еп. Кесарійскаго, которые, согласно съ еврейскимъ надписаніемъ, приписываютъ псаломъ Соломону. Главнѣйшимъ основаніемъ такого мнѣнія и для переводчиковъ, и для толкователей одинаково служитъ помѣщенное послѣ заключительнаго славословія псалма замѣчаніе неизвѣстнаго намъ собирателя псалмовъ: «кончились молитвы Давида, сына Іессеева» [1]). Понимаемое въ строго-буквальномъ смыслѣ такое замѣчаніе очевидно ведетъ къ заключенію, что всѣ предшествующіе ему псалмы собранія принадлежатъ Давиду, а слѣдовательно и заканчивающій это собраніе Пс. 71-й также слѣдуетъ считать произведеніемъ царя Давида. Отсюда далѣе естественное слѣдствіе, что находящееся въ надписаніи этого псалма указаніе לִשְׁלֹמֹה, надобно понимать не о писателѣ псалма и переводить не τῷ или τοῦ Σαλωμών—псаломъ Соломоновъ, какъ обыкновенно понимали и переводили לְדָוִד или указанія другихъ собственныхъ именъ въ надписаніяхъ священныхъ пѣсней, но въ значеніи указанія предмета псалма, какъ пѣсни о Соломонѣ, или относящейся къ Соломону—εἰς Σαλωμών, in Salomonem. Однакоже на самомъ дѣлѣ такое основаніе Давидова происхожденія 71-го псалма далеко не представляетъ достаточной основательности. Не видно никакой причины, почему бы замѣчаніе: «кончились молитвы Давида»... слѣдовало понимать непремѣнно въ строго буквальномъ смыслѣ, а надписаніе לִשְׁלֹמֹה въ несобственномъ, по крайней мѣрѣ въ совершенно необычномъ значеніи и вообще въ книгахъ Священнаго Писанія при подобномъ же грамматическомъ сочетаніи собственныхъ именъ, такъ въ частности и въ этомъ самомъ собраніи псалмовъ,—будемъ ли распространять его на всю вторую часть Псалтири отъ 41—71 Пс., или же ограничимъ только одними псалмами съ именемъ Давида отъ 50—71 Пс. Напротивъ того уже самая необычность употребленія собственныхъ именъ въ соединеніи съ ל въ надписаніяхъ различныхъ пѣсней въ какомъ либо иномъ значеніи, чѣмъ указаніе писателей тѣхъ

Обозр. Пс. Павскаго (стр. 32), Предъизображеніе І. Хр. въ В. З.—Смирнова (М. 1852 г. стр. 122), Руковод. къ послѣд. чт. уч. кн. В. З.—Х. Орды (Кіевъ 1871 г.) и др.

[1]) Въ евр. ст. 20; у LXX и въ слав.—въ надписаніи слѣдующаго 72-го псалма.

пѣсней, ведетъ къ обратному заключенію, что скорѣе замѣчаніе объ окончаніи псалмовъ Давидовыхъ слѣдуетъ понимать не въ строго-собственномъ значеніи. Къ тому же заключенію побуждаетъ и то еще, что въ самой второй части Псалтири отъ 41—71 Пс.,—если только она тожественна съ собраніемъ, къ которому относится означенное замѣчаніе, — находится нѣсколько псалмовъ, надписанныхъ именемъ сыновъ Кореевыхъ (41, 43—48) и одинъ именемъ Асафа (Пс. 49), которые по тону и характеру замѣтно отличаются отъ пѣсней Давидовыхъ и вообще не представляютъ основаній къ тому, чтобы оспоривать ихъ у названныхъ писателей. Но нельзя на основаніи указаннаго замѣчанія приписывать всѣ псалмы собранія Давиду и въ томъ даже случаѣ, если оканчиваемое такимъ замѣчаніемъ собраніе слѣдуетъ начинать только съ 50-го псалма [1]), откуда идетъ рядъ пѣсней, большею частію надписанныхъ именемъ Давида; потому что и въ этомъ ряду все же есть четыре пѣсни (Пс. 65, 66, 70 и 71) безъ имени Давида, изъ коихъ у трехъ (Пс. 65, 66 и 71) отсутствіе имени этого псалмопѣвца представляло бы совершенно необычное явленіе, если бы они принадлежали ему, а не другому писателю. Надобно замѣтить, что въ отношеніи указанія писателей псалмовъ, въ первыхъ трехъ книгахъ Псалтири, преданіе было скорѣе слишкомъ щедро, нежели скупо, и,—если не считать двухъ первыхъ ненадписанныхъ псалмовъ, которые вѣроятно присоединены были къ древнѣйшему собранію псалмовъ Давидовыхъ въ качествѣ введенія къ нему и къ цѣлой Псалтири, при позднѣйшей уже ея редакціи,—оно обыкновенно оставляло безъ надписаній только тѣ псалмы, которые по тѣсной связи съ предшествующими надписанными псалмами, соединяясь съ ними какъ бы въ одно двухчастное цѣлое произведеніе, естественно не нуждались въ отдѣльныхъ указаніяхъ писателей, каковы псалмы 10 (по евр.), 32, 42 и 70. Нельзя указать подобныхъ основаній для опущенія имени Давида въ надписаніяхъ псалмовъ 65, 66 и 71, и это представляется тѣмъ болѣе страннымъ и непонятнымъ, что такое опущеніе очевидно противорѣчитъ цѣли нашего собирателя, если онъ, по смыслу заключительнаго замѣчанія (71, 20), имѣлъ въ виду дать своимъ современникамъ собраніе именно псалмовъ Давидовыхъ. Нельзя думать, чтобы

---

[1]) Какъ думаетъ начинать Павскій въ Обозр. Пс. стр. 31—32.

собиратель не осмѣливался дѣлать въ надписаніяхъ Давидовыхъ псалмовъ какія либо собственныя замѣчанія и указанія и помѣщалъ ихъ въ собраніи своемъ съ тѣми лишь надписаніями, съ какими находилъ ихъ въ свое время; гораздо вѣроятнѣе предположить противное,—что большая часть надписаній принадлежитъ именно собирателямъ псалмовъ;— но если даже и возможно допустить такое маловѣроятное предположеніе, то и тогда по цѣли собирателя требовалось по крайней мѣрѣ въ надписаніи 71-го псалма прибавить имя Давида, какъ это сдѣлано въ надписаніяхъ предшествующихъ ему псалмовъ 38 и 61, гдѣ также встрѣчается собственное имя другаго лица—Идѳума, не бывшаго ихъ писателемъ: оставлять его съ однимъ именемъ Соломона значило какъ бы намѣренно возбуждать сомнѣніе въ принадлежности его Давиду или поставлять своихъ читателей въ неразрѣшимое недоумѣніе,—чѣму больше слѣдуетъ вѣрить,—надписанію ли псалма или слѣдующему за нимъ заключительному замѣчанію, и кому такимъ образомъ приписывать псаломъ, — Соломону ли на основаніи свидѣтельства перваго, или Давиду—по утвержденію послѣдняго?! Все это ведетъ къ заключенію, что помѣщенное послѣ 71 псалма замѣчаніе объ окончаніи псалмовъ Давидовыхъ не можетъ быть понимаемо въ строго-буквальномъ смыслѣ; иначе сказать, оно не заключаетъ въ себѣ мысли, будто всѣ предшествующіе ему псалмы собранія принадлежатъ Давиду, подобно тому какъ не доказываетъ, что послѣ него нѣтъ или не можетъ быть псалмовъ Давидовыхъ [1]). Сами LXX, а также и другіе переводчики, какъ

---

[1]) Мы не беремся съ точностію опредѣлить подлинный смыслъ замѣчанія: «окончились молитвы Давида...»; да такое опредѣленіе въ настоящее время и невозможно, также какъ невозможно рѣшить, кому принадлежитъ такое замѣчаніе, собирателю ли оканчиваемой имъ части Псалтири, который, быть можетъ, хотѣлъ чрезъ то означить только конецъ составленнаго имъ сборника пѣсней, извѣстныхъ вообще подъ именемъ Давида, какъ преимущественнаго ихъ писателя и отца псалмопѣнія, или же собирателю слѣдующихъ за тѣмъ псалмовъ, поставившему себѣ задачею пополнить прежнія собранія по преимуществу Давидовыхъ пѣсней пѣснями другихъ пѣвцовъ и, можетъ быть, дѣйствительно не имѣвшему у себя подъ руками псалмовъ Давидовыхъ: такъ какъ единственный въ 3 части Псалтири (Пс. 72—88) Давидовъ псаломъ 85-й могъ быть внесенъ въ него при позднѣйшей редакціи Псалтири на основаніи

кажется, не отрицаютъ того, что въ разсматриваемомъ собраніи псалмовъ могутъ быть псалмы и не принадлежащіе царю Давиду; по крайней мѣрѣ принадлежащій къ этому собранію псаломъ 65 они не надписываютъ именемъ Давида [1]) по примѣру прочихъ анонимныхъ въ еврейскомъ текстѣ псалмовъ, чего бы въ случаѣ признанія его псалмомъ Давидовымъ тѣмъ естественнѣе было ожидать отъ нихъ, что у остальныхъ, не надписанныхъ именемъ Давида псалмовъ того же собранія (66, 70 и 71). они не забыли сдѣлать такое надписаніе. Если же такимъ образомъ замѣчаніе: «окончились молитвы Давида», вообще не исключаетъ собою возможности существованія въ заканчиваемомъ имъ собраніи и псалмовъ не-Давидовыхъ; то очевидно, на основаніи его одного, безъ другихъ какихъ либо болѣе прямыхъ внутреннихъ или внѣшнихъ основаній, *нельзя псаломъ 71-й приписывать Давиду, извращая для этой цѣли общепринятый смыслъ его надписанія, свидѣтельствующій о принадлежности его Соломону.* Между тѣмъ псаломъ не даетъ никакихъ другихъ основаній, по которымъ бы можно было съ большею вѣроятностію приписать его Давиду, нежели Соломону. По содержанію своему онъ есть вдохновенная молитва о томъ, чтобы Богъ даровалъ

упомянутаго выше закона сродства въ содержаніи его съ предшествующимъ ему и послѣдующимъ за нимъ псалмами (ср. Пс. 85, 2 съ 84, 9; 85, 11 и 16 съ 84, 8; 85, 15 съ 84, 11; 85, 9 съ 86, 4). Во всякомъ случаѣ изъ представленныхъ нами основаній несомнѣнно, что имя Давидовыхъ пѣсней дается въ этомъ замѣчаніи псалмамъ собранія не въ исключительномъ смыслѣ, а только a potiori, въ какомъ смыслѣ употреблено и здѣсь же стоящее слово «молитвы» (какъ то признаетъ и Павскій въ Обозр. Пс. стр. 51 прим.), а этого для нашей цѣли вполнѣ достаточно.

[1]) Calmet въ Comm. in h. Ps. замѣчаетъ, что «нѣкоторыя древнія Псалтири прибавляютъ (въ надписаніи 65 псалма) имя Давида, такимъ образомъ: «*псаломъ Давидовъ, пѣснь воскресенія*»; иныя только: «*въ конецъ, псаломъ Давидовъ*», опуская слово «воскресенія». Какія это Псалтири, греческія или латинскія или другихъ переводовъ,—Калметъ не говоритъ. Вѣроятно это какія либо маловзвѣстные списки Псалтири, такъ какъ во всѣхъ извѣстныхъ древнихъ греческихъ и латинскихъ кодексахъ, равно какъ въ текстѣ, приводимомъ въ толкованіяхъ отцевъ и учителей церкви, имени Давида въ надписаніи 65 Пс. не находится.

царю мудрость и правду, дабы онъ судилъ народъ свой разумно и справедливо (ст. 1 — 4), чтобы царствованіе его было продолжительно и счастливо (ст. 5—7), чтобы власть его простиралась на самые отдаленные народы (ст. 8—11), въ предѣлахъ царства его господствовали бы миръ и довольство (ст. 12 — 16) и всѣ благословляли имя Его (ст. 17). Въ выраженіи просьбъ своихъ предъ Богомъ и благожеланій царю псалмопѣвецъ нерѣдко переступаетъ за предѣлы естественной человѣческой возможности (см. ст. 5. 7. 11—12. 17), такъ что полнаго осуществленія ихъ нельзя искать ни въ одномъ земномъ царѣ, кромѣ обѣтованнаго царя Мессіи; тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что первымъ и ближайшимъ предметомъ молитвы былъ царь Соломонъ [1]), частію осуществившій,

---

[1]) По Hitzig'y (Psalmencommentar) одинъ изъ египетскихъ царей, которому только и могъ быть усвоенъ титулъ בֶּן־מֶלֶךְ (ст. 1) по аналогіи съ אֲבִימֶלֶךְ (Быт. 20, 2. Herod. 2, 143),—и именно Птоломей Филадельфъ, какъ лучшій и благосклоннѣйшій къ Іудеямъ изъ царей египетскихъ послѣ-плѣннаго періода, искупившій изъ рабства многихъ іудейскихъ плѣнниковъ, на что будто бы и указывается въ 14 ст.: догадка несообразная ни съ религіознымъ характеромъ псалма, ни съ характеромъ отношеній Евреевъ къ иноземнымъ правителямъ; потому что какъ бы ни была велика благосклонность Птоломея Филадельфа къ Іудеямъ, все же ни одинъ истинный Израильтянинъ никогда бы не могъ позволить себѣ воспѣвать такимъ образомъ языческаго царя, не объявляя себя въ тоже время измѣнникомъ вѣры, и если бы кто изъ лицемѣрныхъ льстецовъ допустилъ такую измѣну, то пѣснь его никогда бы не была принята вѣрными Израильтянами и внесена въ ихъ молитвенную книгу. Очевидно также, что בֶּן־מֶלֶךְ употреблено не въ значеніи титула царскаго, а просто какъ эпитетъ царя, наслѣдовавшаго престолъ по праву рожденія, подобно какъ въ ст. 4 употреблено בְּנֵי־אֶבְיוֹן—сыны нищаго, т. е. нищіе по своему происхожденію; а мнимый намекъ въ ст. 14 на выкупъ плѣнныхъ Іудеевъ изъ рабскаго состоянія Филадельфомъ, при совершенной несообразности съ лицемъ этого царя большей части другихъ мыслей и выраженій, нельзя признавать за основаніе отношенія къ нему псалма. Вообще неосновательность этой догадки до того очевидна, что даже Ленгерке, въ другихъ случаяхъ ревностный защитникъ гипотезъ Гитцига, въ настоящій разъ расходится съ нимъ, и на основаніи сходства псалма съ пророчествами Исаіи, относитъ его происхожденіе ко времени незадолго до плѣна Вавилонскаго, бездоказа-

частію прообразовавшій въ своемъ лицѣ и царствованіи то, чего проситъ и что созерцаетъ въ пророческомъ взорѣ молящійся псалмопѣвецъ [1]). Но кто же этотъ псалмопѣвецъ? Такъ какъ вся молитва отъ начала до конца приносится въ 3-мъ лицѣ и псалмопѣвецъ ни разу не даетъ замѣтить, что онъ молится о себѣ, и въ себѣ самомъ видитъ прообразъ обѣщаннаго Мессіи, что Соломонъ, или царь и сынъ царевъ, составляющій предметъ его молитвы,—одно съ нимъ лице; то представляется естественнымъ считать его за какое либо другое лицо, отличное отъ Соломона, и съ этой точки зрѣнія получаетъ вѣроятность предположеніе, что псаломъ есть пророчественная молитва Давида, изреченная имъ при воцареніи сына его Соломона о мирномъ и благополучномъ его царствованіи. Но съ другой стороны и молитвы о самомъ себѣ, приносимыя какъ бы отъ другаго лица, равно какъ подобныя же созерцанія въ своемъ лицѣ и времени пророчественныхъ предъуказаній лица и времени обѣщаннаго Мессіи, не представляютъ у псалмопѣвцевъ, какъ и у пророковъ, какое либо необыкновенное и безпримѣрное явленіе. И у Давида, которому хотятъ приписывать этотъ псаломъ, находятся въ такомъ же родѣ молитвы о царѣ, которыя онъ возноситъ о самомъ себѣ отъ лица народа, каковы его Пс. 19 и 20, и есть также пророчественно-мессіанскіе псалмы, въ которыхъ онъ отъ обстоятельствъ своей жизни, — несправедливыхъ гоненій и своего возвышенія или своихъ побѣдъ надъ врагами народа Божія,—возвышается къ лицу Мессіи, то страждущаго, то прославленнаго, и къ побѣдному торжеству его царства надъ всѣми враждебными ему сынами міра, какъ это особенно видимъ въ его Пс. 15, 21, 39, 67, 2, 109 и мн.

тельно замѣчая, что къ болѣе раннему періоду не позволяетъ будто бы относить широта представленія псалмопѣвца (см. его Die 5 Bücher der Psalmen).

[1]) Двоякій смыслъ псалма, буквальный о Соломонѣ и пророческій о Мессіи, согласно признавали извѣстнѣйшіе іудейскіе раввины: Кимхи, Абенъ-Езра и Раши, парафрастъ халдейскій (см. Scr. S. Curs. compl. in h. Ps.), древніе толкователи Церкви Христіанской: Евсевій, бл. Августинъ, Евѳимій Зигабенъ и др., равно какъ и новѣйшіе богословы и толкователи нашей церкви: Ириней Архіеп. Псковскій (въ Толк. Пс.), Павскій (въ Обозр. Пс. стр. 32), Смирновъ (въ Предъизображеніи І. Хр. въ В. З. 1852 г., М. стр. 122) и др.

др. Поэтому не будетъ неестественнымъ и страннымъ допустить, что и въ Пс. 71-мъ подобнымъ же образомъ молится о себѣ самъ Соломонъ; но только какъ посредникъ между Богомъ и своимъ народомъ, имѣющій въ виду не свою собственную славу, а прежде всего народное счастіе и благоденствіе, онъ влагаетъ эту молитву въ уста самихъ своихъ подданныхъ: потому что судьбы ихъ въ его рукахъ и отъ его способностей къ управленію царствомъ зависитъ ихъ счастіе и благоденствіе. Равнымъ образомъ ничего нѣтъ страннаго и неестественнаго въ томъ, если Соломонъ, при озареніи премудростію свыше, созерцавшій вѣчную Ипостасную Премудрость Божію (Притч. гл. 8 — 9), подобнымъ же образомъ и здѣсь въ своей молитвѣ о правосудномъ и мирномъ, счастливомъ царствованіи своемъ проразумѣвалъ въ немъ прообразъ будущаго блаженнаго царства праведнаго Князя мира. Такимъ образомъ, если первое предположеніе о составленіи псалма Давидомъ и представляется вообще возможнымъ и вѣроятнымъ, то съ другой стороны оно вовсе не требуется, какъ необходимое и неизбѣжное, и вызывается исключительно только замѣчаніемъ собирателя, которое, какъ видѣли мы, не исключаетъ существованія въ собраніи псалмовъ и не-Давидовыхъ. Напротивъ того, второе предположеніе, что псаломъ написанъ Соломономъ, прямо требуется по буквальному смыслу надписанія псалма и, въ отношеніи къ содержанію при частнѣйшемъ разсмотрѣніи его и сопоставленіи съ исторіею Соломонова царствованія, является гораздо болѣе естественнымъ и непринужденнымъ, нежели первое, что онъ принадлежитъ Давиду. Не станемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи указывать на то, что отъ Соломона въ историческихъ книгахъ мы дѣйствительно имѣемъ молитву (3 Ц. 3, 5—9; ср. 2 Пар. 1, 8—10), въ сущности очень сходную съ содержаніемъ псалма, которая такимъ образомъ, вмѣстѣ съ слѣдовавшимъ за оною обѣтованіемъ Божіимъ (3 Ц. 3, 11—14; ср. 2 Пар. 1, 11—12), и могла послужить ему матеріей для настоящей пѣсни, между тѣмъ какъ отъ Давида исторія не сохранила намъ подобной же молитвы; потому что, не смотря на молчаніе исторіи, все же такая молитва въ существѣ своемъ естественна и весьма прилична въ устахъ умирающаго царя Давида при воцареніи избраннаго имъ наслѣдника престола, напоминая собою молитвенно-пророческія благословенія древнихъ патріарховъ Исаака и Іакова. Но нельзя того же сказать въ отношеніи къ Давиду объ упоминаемомъ

въ псалмѣ принесеніи воспѣваемому царю даровъ царями Θарсиса и острововъ, Шевы и Савы (ст. 10 и 15). Называемыя здѣсь страны ни разу не упоминаются въ книгахъ Священнаго Писанія до времени Соломона, и исторія не даетъ намъ рѣшительно никакихъ основаній заключать, чтобы уже Давидъ царь или его подданные находились въ какихъ либо сношеніяхъ съ ними. Только при Соломонѣ въ первый разъ упоминаются Θарсисъ, какъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ предпринятой имъ морской торговли, откуда вывозимы были дорогіе металлы и другія рѣдкія произведенія (2 Пар. 9, 21; ср. 3 Ц. 10, 22), и Шева,—народъ счастливой Аравіи, царица котораго съ многочисленною свитою и богатыми дарами предпринимала путешествіе въ Іерусалимъ, чтобы лично удостовѣриться въ мудрости и славѣ знаменитаго царя Израильскаго (3 Ц. 10, 1 — 10. 2 Пар. 9, 1—9); и лишь послѣ Соломонова времени у пророка Исаіи страны эти являются въ синекдохическомъ значеніи всѣхъ вообще отдаленнѣйшихъ царей и народовъ земныхъ, имѣвшихъ нѣкогда вступить въ царство обѣтованнаго Мессіи (Иса. 60, 3. 6. 7. 9). Поэтому какъ бы ни объясняли мы приведенное мѣсто псалма,—въ значеніи ли историческаго намека на событія Соломонова царствованія, прообразовательно указывавшія на будущія событія царства Христова, или же въ прямомъ пророческомъ смыслѣ, какъ образно-поэтическое обозначеніе чрезъ извѣстныя при Соломонѣ отдаленнѣйшія страны міра всѣхъ вообще самыхъ крайнихъ границъ безпредѣльнаго, всемірнаго царства Христова,—во всякомъ случаѣ это мѣсто псалма не можетъ быть съ непринужденностію приписано Давиду, потому что, при всей непосредственности пророческаго созерцанія, историческій и тѣмъ болѣе географическій кругозоръ пророка, откуда онъ заимствовалъ свои образы будущихъ созерцаемыхъ имъ событій, обыкновенно оставался въ предѣлахъ современной ему или прошедшей, вообще извѣстной въ его время исторіи и географіи, и нѣтъ примѣра, когда бы пророкъ называлъ предъ своими слушателями такія страны, которыя до того времени не были бы имъ извѣстны по какимъ либо историческимъ обстоятельствамъ или отношеніямъ. Кромѣ того преобладающій, объективный характеръ псалма и болѣе искуственный, какой-то разсуждающій тонъ, въ замѣнъ свойственнаго Давидовымъ псалмамъ непосредственнаго изліянія чувства, равно какъ аористическое, характеризующее именно Соломоновы писанія изложеніе каждой мысли боль-

шею частію въ двухъ параллельныхъ полустишіяхъ,—все это вмѣстѣ рѣшаетъ вопросъ въ пользу предположенія о написаніи псалма Соломономъ [1]). Безъ сомнѣнія *это—вдохновенное, поэтическо-пророческое воспроизведеніе молитвы, которою Соломонъ въ Гаваонѣ испросилъ себѣ у Бога мудрость и вмѣстѣ съ нею величіе и славу своего царствованія,—воспроизведеніе, сдѣланное имъ для общественнаго богослужебнаго употребленія*, чтобы повтореніемъ предъ Богомъ молитвы своей отъ лица народа упрочить за собою и царствомъ своимъ богодарованныя дары, необходимые для блага и счастія народнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ испросить совершеніе ихъ въ вѣчномъ и всемірномъ царствѣ обѣтованнаго царя Мессіи, въ которомъ благословятся всѣ народы земные (ср. ст. 17).

Подобнымъ образомъ и *псаломъ 126-й*,—на основаніи вышеупомянутаго нами опущенія въ переводѣ LXX имени Соломона въ его надписаніи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе его особеннаго положенія въ Псалтири между пѣснями степеней, употреблявшимися по преимуществу во время и послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго, откуда, безъ сомнѣнія, и произошло у LXX опущеніе въ надписаніяхъ этихъ пѣсней именъ ихъ древнихъ писателей,—очень многіе древніе и новые толкователи оспориваютъ у Соломона и относятъ его происхожденіе ко временамъ послѣ плѣна [2]); другіе же если и соглашаются признать писателемъ его премудраго царя Израильскаго, то все же при этомъ смотрятъ на него, какъ на пророчество о созданіи втораго храма Іерусалимскаго [3]). Содержаніе псалма, представляющее развитіе мысли, что успѣхъ всякаго человѣческаго предпріятія, въ созиданіи ли дома, или въ охраненіи города, равно какъ вообще въ устроеніи благосостоянія семейнаго и гражданскаго, всецѣло зависитъ отъ Бога, а не отъ человѣческихъ

---

[1]) Такого мнѣнія и большинство авторитетнѣйшихъ новѣйшихъ иностранныхъ толкователей: Tolück, Hengstenberg, Delitzsch, Bunsen, Moll. У насъ это мнѣніе высказано архимандритомъ Михаиломъ (см. его «Библейская письменность», въ Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1872 года, № 1, стр. 41).

[2]) Напр. Златоустъ, бл. Θеодоритъ, Иларій, Іеронимъ и др., и наши отечественные толкователи: Преосв. Иринеи Псковскій и авторъ толкованія пѣсней степеней въ Воскр. Чт. 185⁶/₇ г., № 41, стр. 393.

[3]) Какъ св. Аѳанасій Александрійскій въ Толк. на Пс.

усилій,—дѣйствительно идетъ ко времени послѣ плѣна Вавилонскаго. По возвращеніи въ отечество Іудеи съ ревностію приступили къ возстановленію храма и города, но вскорѣ встрѣтили себѣ сопротивленіе въ Самарянахъ и другихъ сосѣднихъ народахъ: Моавитянахъ, Аммонитянахъ, Аравитянахъ, которые всѣми мѣрами старались препятствовать ихъ предпріятію. Посему, чтобы обезопасить себя и свое предпріятіе отъ нападенія враждебныхъ сосѣдей, они поставили вооруженную стражу, которая должна была стеречь городъ, и подъ прикрытіемъ ея съ оружіемъ въ рукахъ производили работы съ ранняго утра до поздняго вечера (1 Ездр. гл. 4. Неем. гл. 4). При такихъ обстоятельствахъ весьма умѣстно было предложить Іудеямъ урокъ, чтобы они не были самонадѣянны и не слишкомъ полагались на принятыя ими мѣры и усилія, а просили бы при этомъ и ожидали себѣ помощи отъ Господа; потому что отъ Него одного, а не отъ собственныхъ усилій человѣка зависитъ и безопасность отъ враговъ и успѣхъ всякаго созиданія и предпріятія человѣческаго (ср. Неем. 6, 16). Но такое близкое соотвѣтствіе содержанія псалма положенію Іудеевъ при возстановленіи Іерусалима и храма, послужившее, конечно, причиною причисленія его къ употреблявшимся тогда пѣснямъ степеней, не только не исключаетъ происхожденія его отъ Соломона, которому онъ приписывается въ еврейскомъ надписаніи, но даже не требуетъ при этомъ непремѣннаго объясненія его въ пророческомъ смыслѣ о временахъ послѣ плѣна Вавилонскаго. Еще *съ большею близостію содержаніе его соотвѣтствуетъ и обстоятельствамъ Соломонова царствованія, представляя собою благодарственно-поучительное исповѣданіе премудраго царя предъ Богомъ и народомъ, что совершонное имъ и стоившее столькихъ заботъ и трудовъ построеніе величественнаго дома Божія въ Іерусалимѣ, равно какъ миръ и безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, и внутреннее благоденствіе и возрастаніе могущества Израиля, отличавшія его царствованіе, не плодъ человѣческихъ усилій его и его подданныхъ, такъ какъ всѣ возможныя человѣческія усилія безъ воли и помощи Божіей совершенно напрасны и безполезны,—а единственно дѣло благости Господа, безъ всякаго труда, во снѣ ниспосылающаго все потребное своему возлюбленному.* Не на основаніи только возможности и цѣлесообразности мы приписываемъ Соломону такое исповѣданіе; мы его слышимъ въ

молитвахъ Соломона при освященіи построеннаго имъ храма Іерусалимскаго, сохранившихся до насъ въ двухъ историческихъ памятникахъ 3 кн. Ц. и 2 Пар. Не себѣ и своимъ стараніямъ приписываетъ премудрый царь израильскій совершеніе этого храма, а Іеговѣ, Богу Израилеву, исполняющему чрезъ него слово Свое, которое изрекъ Онъ рабу Своему Давиду, отцу его; и не своей мудрости усвояетъ миръ и благоденствіе, отличающія его царствованіе, а благости Господа, вѣрнаго Своимъ обѣтованіямъ, какія даровалъ Онъ народу Своему Израилю. «Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, который сказалъ Своими устами Давиду отцу моему и нынѣ исполнилъ рукою Своею (3 Ц. 8, 15 и дал. до 24. Ср. 2 Пар. 6, 4—11. 15). Благословенъ Господь Богъ, Который далъ покой народу Своему Израилю, какъ говорилъ! Да будетъ съ нами Господь Богъ нашъ, какъ былъ Онъ съ отцами нашими, да не оставитъ насъ, да не покинетъ насъ (3 Ц. 8, 56—57)». И что исповѣдалъ Соломонъ, тоже вслѣдъ за тѣмъ подтверждаетъ ему и Самъ Господь въ ночномъ видѣніи, возвѣщая, что могущество и благоденствіе Израиля зависитъ отъ вѣрности его завѣту Іеговы и что ничто не сохранитъ народъ еврейскій отъ тяжкихъ бѣдствій и ужасовъ паденія, если своею невѣрностію завѣту онъ навлечетъ на себя праведный гнѣвъ Божій (3 Ц. 9, 3—9). Такимъ образомъ и собственное сознаніе Соломона, въ виду безпримѣрнаго для того времени внѣшняго величія и внутренней особенной важности для еврейскаго народа воздвигнутаго имъ храма Іерусалимскаго, и при этомъ внушеніе отъ Господа,— въ вѣрности Его завѣту полагать свое счастіе и благоденствіе,— все располагало премудраго царя израильскаго предложить такого рода исповѣданіе для общенароднаго употребленія, и, намъ кажется, что только предзанятое мнѣніе о происхожденіи псалма въ періодъ послѣ плѣна не позволяло бл. Ѳеодориту замѣчать такое близкое соотвѣтствіе содержанія его со временемъ и характеромъ Соломона и вызвало съ его стороны прямо противоположное тому заявленіе, что «пророческое слово (псалма) приличествуетъ не Соломонову построенію, но совершонному Зоровавелемъ по возвращеніи» (т. е. Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго [1]). Между тѣмъ, кромѣ показаннаго общаго соотношенія, въ разсматриваемомъ псалмѣ замѣтны еще

[1]) См. изъясн. Пс. 126 въ Тв. Св. Оо. Т. 28, стр. 358.

черты ближайшаго соотвѣтствія съ исторіею Соломона, чего не представляетъ исторія возстановленія Іерусалима и храма при Зоровавелѣ. Такъ, во 2-й половинѣ 2-го стиха псалмопѣвецъ говоритъ: «тоже самое», т. е. чего вы напрасно домогаетесь своими трудами и усиліями, «Господь подаетъ возлюбленному своему во снѣ (ст. 26)» [1]). По отношенію къ возвратившимся изъ плѣна Іудеямъ слова эти заключаютъ въ себѣ не болѣе, какъ только общую мысль о благоволеніи Господа къ уповающимъ на Него, но въ примѣненіи къ Соломону они получаютъ особое значеніе фактическаго подтвержденія такой мысли, какъ прямое указаніе на описанное въ исторіи Соломона (3 Ц. 3, 5—15. 2 Пар. 1, 7—12) событіе въ Гаваонѣ, когда Господь, внемля молитвамъ благочестиваго юноши-царя, въ сонномъ видѣніи даровалъ ему премудрость и знаніе, а съ ними и все то, что такъ возвысило и прославило его царствованіе. При этомъ и употребленное здѣсь имя возлюбленнаго Іеговы—יְדִיד יְהוָה—(ст. 2) прямо соотвѣтствуетъ имени Соломона יְדִידְיָה, какое по слову Господа наречено было ему при рожденіи прор. Наѳаномъ (2 Ц. 12,

---

[1]) יִתֵּן לִידִידוֹ שֵׁנָא (יהוה) בֵּן. См. по испр. русск. перев. Псс. въ Душ. Чт. 1868 г. Май. Ср. также пер. Преосв. Палладія Сарапульскаго и Мандельштама и изложеніе содержанія 126 псалма въ Рук. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. Орды.—Въ пер. Синод.: «тогда какъ возлюбленному Своему Онъ даетъ сонъ»; подобно какъ и въ пер. Библ. Общ. Но изъ цѣлаго состава стиха ясно видно, что здѣсь рѣчь не о снѣ, а о полученіи отъ Господа возлюбленнымъ Его необходимыхъ житейскихъ благъ при относительно легкомъ трудѣ и большемъ спокойствіи, тогда какъ другіе, не снискавшіе себѣ благоволенія Божія, напрасно стараются достигнуть тѣхъ же благъ усиленнымъ трудомъ безсонныхъ ночей. Но этому слово שֵׁנָה—сонъ представляетъ здѣсь не самый даръ благоволенія Господа къ возлюбленному Его, а только указаніе того состоянія возлюбленнаго раба Божія, при которомъ ниспосылается ему этотъ даръ, въ противоположность другому состоянію тяжелаго труда и безсонныхъ ночей, какое должны испытывать въ своихъ стремленіяхъ къ достиженію того же дара не пользующіеся благоволеніемъ Божіимъ, и такимъ образомъ ближайшимъ опредѣленіемъ слова יִתֵּן,—даетъ или дастъ, надобно считать не שֵׁנָה, а בֵּן, составляющее неопредѣленное обозначеніе получаемыхъ отъ Господа житейскихъ благъ, какихъ другіе напрасно домогаются, и которое потому нужно переводить въ значеніи: *тоже, столько же* (Fürst: ebenso, d. h. so gut und reichlich...).

25), и такимъ образомъ подтверждаетъ вѣроятность нашей догадки, что въ приведенныхъ словахъ псалма заключается намекъ именно на лице Соломона. Нельзя не замѣтить также, что псаломъ представляетъ не мало и внутренняго и внѣшняго сходства съ писаніями Соломона. Главная мысль нашего псалма, что человѣческія усилія безъ помощи Божіей напрасны и что успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ благости Божіей,—есть одна изъ любимыхъ мыслей Соломона, которую онъ неоднократно повторяетъ и развиваетъ въ различныхъ отношеніяхъ въ книгѣ Притчей и Екклезіаста. «Благословеніе Іеговы, только оно обогащаетъ, а трудъ ничего къ нему не прибавитъ» (Притч. 10, 22); «сердце человѣка обдумываетъ дорогу его, но шествіемъ его управляетъ Іегова» (16, 9 ср. 1). «Всѣ труды и заботы человѣка, которыми онъ изнуряетъ себя подъ солнцемъ—суета» (Еккл. 2, 22—3). «Существенное одно: это — бояться Бога и заповѣди Его хранить» (12, 13). «Человѣку, который угождаетъ Ему, Онъ даетъ мудрость и знаніе и радость (2, 26). И если какой человѣкъ ѣстъ и пьетъ и наслаждается благами отъ труда своего, то это—даръ Божій» (3, 13 ср. 5, 18). То же самое только въ другихъ словахъ внушаетъ и псалмопѣвецъ: «Если Господь не созиждетъ дома, напрасно трудятся строющіе его; если Господь не охранитъ города: напрасно бодрствуетъ стражъ. Напрасно вы рано встаете, поздно просиживаете, ѣдите хлѣбъ въ изнуреніи; тоже Онъ подаетъ возлюбленному своему во снѣ. Вотъ наслѣдіе отъ Господа: дѣти; награда отъ Него—плодъ чрева» (ст. 1—3). Впрочемъ и въ образѣ выраженій Пс. также довольно много сходнаго съ книгою Притчей [1]), а форма изложенія до того отличается приточнымъ характеромъ, что, кажется, съ бо́льшимъ удобствомъ можно бы помѣстить его въ составъ названныхъ выше писаній Соломона, нежели въ Книгѣ Псалмовъ; по крайней мѣрѣ навѣрное можно сказать, что если бы онъ помѣщенъ былъ не въ числѣ пѣсней степеней, а гдѣ нибудь въ составѣ кн. Притчей или Екклезіаста, то никто бы не заподозрилъ его неподлинности и не сталъ, какъ теперь, оспоривать принадлежность его писателю

---

[1]) Ср. עֲצַבִּים ст. 2 въ значеніи—«утомительные труды», какъ въ Притч. 5, 10; מְאַחֲרֵי, какъ Притч. 23, 30; בְּנֵי הַנְּעוּרִים ст. 4—«сыны юности», какъ въ Притч. 5, 18; אֵשֶׁת נְעוּרִים—«жена юности»; בַּשָּׁעַר ст. 5, какъ Притч. 22, 22. 24, 7. См. филологическія сравненія у Stier'a и Delitzsch'a на этотъ Пс.

названныхъ св. книгъ, Соломону. Все это вмѣстѣ достаточно показываетъ, что לִשְׁלֹמֹה въ евр. надписаніи псалма не есть случайная и ошибочная прибавка, на которую будто бы не должно обращать вниманія, равно какъ не есть типическое названіе возстановителя Соломонова храма Зоровавеля, какъ думаетъ бл. Ѳеодоритъ [1]), но точно также, какъ и לְדָוִד, или употребленіе другихъ собственныхъ именъ въ надписаніяхъ псалмовъ въ подобномъ же грамматическомъ сочетаніи, есть сохраненное древнимъ преданіемъ имя писателя псалма;—и что псаломъ дѣйствительно принадлежитъ Соломону, премудрому царю израильскому [2]). Напротивъ того не представляется никакихъ достаточныхъ основаній, чтобы не признавать достовѣрности надписанія псалма и отрицать его Соломоново происхожденіе; тѣ же основанія, на которыя ссылаются защитники позднѣйшаго происхожденія псалма, имѣютъ лишь только видъ основательности и нисколько не доказываютъ защищаемой ими гипотезы. Довольно близкое соотвѣтствіе содержанія псалма обстоятельствамъ возстановленія Іерусалима и храма послѣ плѣна Вавилонскаго есть

---

[1]) См. его Изъясн. на этотъ Пс.—По мнѣнію же новѣйшихъ защитниковъ гипотезы о Маккавейскихъ псалмахъ, 127 псаломъ относится къ обстоятельствамъ, описаннымъ въ 1 Макк. 12, 53—13, 3 и 14, 25 и дал. (См. Hitzig's Psalmencommentar); но мы не останавливаемся на этомъ мнѣніи, такъ какъ въ цитованныхъ мѣстахъ 1 Макк. незамѣтно почти никакого отношенія къ содержанію псалма, да къ тому же мнѣніе это опровергается самымъ положеніемъ псалма въ числѣ пѣсней степеней, которыя, по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ и согласному признанію большинства ученыхъ, находились уже въ богослужебномъ употребленіи во времена ближайшія къ возвращенію изъ плѣна. (См. о пѣсняхъ степеней Hengst.—Comment, Bunsen—въ Bibelwerk, Ehrt—Abfassungszeit Psalters S. 103—106 и др., и у насъ въ Воскр. Чтен. 185⁶/₇, № 41, стр. 390—1).

[2]) Мнѣніе о происхожденіи 126 Пс. отъ Соломона у насъ высказываютъ: В. Преосв. Филаретъ Митр. Московскій (въ начертаніи Библ. Ист. стр. 374 изд. 1819), Арсеній М. Кіевскій (Введ. въ св. кн. В. З. Кіевъ 1873, стр. 89), прот. Богословскій (Св. Ист. В. З. стр. 419 изд. 4-е), прот. Г. Павскій (въ Обозр. псалмовъ стр. 36), архим. Михаилъ (въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1872 г. № 1 стр. 41); изъ новѣйшихъ иностранныхъ ученыхъ его защищаютъ: O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg, Moll и др.

не болѣе какъ случайное совпаденіе ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ историческими поводами составленія псалма и удачное приспособленіе его къ позднѣйшему времени, а положеніе его среди пѣсней степеней есть непосредственное слѣдствіе такого приспособленія и общенароднаго, богослужебнаго употребленія его въ періодъ послѣ плѣна. Что же касается опущенія имени Соломона въ переводѣ LXX, то обстоятельство это, не смотря на кажущуюся его важность въ рѣшеніи вопроса о писателѣ псалма, при совершенномъ отсутствіи другихъ данныхъ противъ его происхожденія отъ Соломона, само по себѣ не даетъ еще права утверждать, что LXX переводчиковъ не признавали Соломона писателемъ разсматриваемаго псалма и относили его, какъ и всѣ вообще пѣсни степеней, ко временамъ по возвращеніи изъ плѣна. Гораздо послѣдовательнѣе, а потому и правильнѣе думать, что въ отношеніи къ пѣснямъ степеней LXX остановили все свое вниманіе исключительно на извѣстномъ въ ихъ время богослужебномъ употребленіи этихъ пѣсней и вовсе не касались вопроса объ ихъ писателяхъ и времени происхожденія: иначе чѣмъ объяснить совершенное отсутствіе въ ихъ переводѣ въ надписаніяхъ этихъ пѣсней какихъ бы то ни было замѣчаній по этому вопросу и исключительное, какое то упорное ограниченіе однимъ только Ὠδὴ τῶν ἀναβαθμῶν, тогда какъ вообще замѣтно, что въ другихъ случаяхъ они любили обозначать въ ненадписанныхъ псалмахъ имена ихъ писателей или время написанія (напр. Пс. 1 — 2, 32, 90, 92—99 и др.), а въ надписаніяхъ прибавлять другія имена или дѣлать свои замѣчанія и поправки въ случаѣ, если почему либо не соглашались съ свидѣтельствами евр. текста (какъ въ Пс. 71, 41, 44—48 и др.)? Между тѣмъ, если таково дѣйствительно было отношеніе LXX переводчиковъ къ пѣснямъ степеней, тогда неудивительнымъ становится, что они опустили всѣ встрѣчающіяся въ еврейскихъ надписаніяхъ этихъ пѣсней имена писателей и нигдѣ не сдѣлали никакихъ замѣчаній по вопросу объ ихъ происхожденіи, исключительно ограничиваясь однимъ только названіемъ ихъ пѣснями степеней, которымъ именно обозначалось тогдашнее ихъ богослужебное употребленіе. При этомъ очень можетъ быть, какъ мы уже выше замѣтили, что они заимствовали эти пѣсни для своего перевода изъ какого либо богослужебнаго сборника, гдѣ онѣ находились подъ однимъ только общимъ заглавіемъ пѣсней степеней безъ всякихъ другихъ надписаній, не относящихся къ богослужебному употребленію;

подобный выборъ оригинала для перевода, въ виду предполагаемаго нами отношенія ихъ къ пѣснямъ степеней, является вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Но каковы бы ни были дѣйствительныя причины опущенія имени Соломона въ надписаніи 126 Пс., во всякомъ случаѣ распространеніе подобнаго же опущенія имени писателя на всѣ пѣсни степеней, гдѣ только указываются писатели, и совершенное отсутствіе какихъ либо замѣчаній о времени ихъ написанія и т. п.—показываютъ, что LXX во всѣхъ этихъ случаяхъ только игнорировали указанія писателей псалмовъ, а не отрицали достовѣрности такихъ указаній, и такимъ образомъ לִשְׁלֹמֹה въ надписаніи разсматриваемаго нами псалма должно имѣть для насъ значеніе вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства о его писателѣ.

Къ Соломону же по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ слѣдуетъ отнести и еще одну изъ пѣсней степеней, только не имѣющую въ надписаніи имени писателя,—*Пс. 131-й*. Мнѣнія древнихъ и новыхъ толкователей о его происхожденіи очень расходятся между собою. Одни [1]) считаютъ его молитвою плѣнныхъ Іудеевъ къ Богу объ исполненіи обѣтованій Его дарованныхъ царю Давиду; по мнѣнію другихъ [2]), это—молитва Іудеевъ по возвращеніи изъ плѣна объ устраненіи препятствій и Божіемъ содѣйствіи къ совершенію предпринятаго ими возстановленія храма и Іерусалима; иные [3]) относятъ его къ освященію втораго храма, а нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ [4]) думаютъ даже приспособить его къ событію торжественнаго вступленія Симона Маккавея въ Іерусалимскую крѣпость послѣ очищенія ея отъ остававшихся тамъ сирійскихъ войскъ и съ ними іудейскихъ вѣроотступниковъ (1 Макк. 13, 49—52). Но содержаніе псалма въ цѣломъ его составѣ не благопріятствуетъ ни одному изъ этихъ мнѣній. По ходу и развитію мыслей совершенно ясно видно, что главный предметъ,

---

[1]) Оригенъ (Cm. Scr. S. curs. compl. in h. Ps.), бл. Ѳеодоритъ (см. его Толк. на этотъ Пс.) и др.

[2]) Златоуста (Бес. на Пс. 131, Т. 2, стр. 224) и нашего толкователя пѣсней степеней въ Воскр. Чт. (185⁶/₇ № 41 стр. 394). Ср. также: Hengstenberg, O. v. Gerlach и Köster въ толкованіи на этотъ Пс.

[3]) Calmet, Baur, Ehrt и др.

[4]) Hitzig, Olshausen и Lengerke въ комментаріяхъ на этотъ псаломъ.

около котораго группируются всѣ составныя части псалма, это— торжество по случаю отысканія постояннаго жилища Господу, и именно мѣста пребыванія святаго ковчега Его (ст. 7—8). Псалмопѣвецъ начинаетъ воспоминаніемъ о Давидѣ, о многотрудныхъ и неусыпныхъ заботахъ, съ какими этотъ благочестивый царь израильскій старался устроить прочное жилище ковчегу Божію (ст. 1—5), и отсюда переходитъ къ воспоминанію о странствованіяхъ ковчега завѣта съ одного мѣста на другое, пока не было избрано и устроено мѣсто для его постояннаго пребыванія (ст. 6). Но не трудно видѣть, что всѣ эти воспоминанія вызваны въ душѣ пѣвца современнымъ ему событіемъ, которымъ положенъ конецъ прежнимъ странствованіямъ ковчега завѣта, въ которомъ совершилось то, чего такъ пламенно желалъ Давидъ, что не давало сна очамъ его и вѣждямъ его дреманія. Это—обрѣтеніе мѣста Іеговѣ, жилища крѣпкому Богу Іакова, къ торжеству котораго псалмопѣвецъ вслѣдъ затѣмъ приглашаетъ своихъ современниковъ, вмѣстѣ съ ними умоляя Господа, чтобы Онъ благоволилъ вступить въ новое жилище Свое. «Пойдемъ къ жилищу (Господа), поклонимся подножію ногъ Его. Встань, Господи, на мѣсто покоя Твоего, Ты и ковчегъ могущества Твоего» (ст. 7—8). Но какъ съ устроеніемъ дома Божія въ обѣтованіи, дарованномъ Давиду, соединялось еще обѣщаніе особенныхъ милостей Божіихъ къ его потомству и главнымъ образомъ вѣчнаго утвержденія престола въ его родѣ (2 Ц. 7, 12. 13 и дал. до 16); то совершившееся теперь, давно ожидаемое событіе водворенія святаго ковчега Господня въ новоустроенномъ ему жилищѣ даетъ псалмопѣвцу дерзновеніе напомнить Господу Его обѣтованія и молить Его—ради благочестія раба своего Давида совершить на помазанномъ его преемникѣ и его царствѣ обѣщанныя ему милости Свои (ст. 9—18). Нельзя, конечно, отвергать того, что сами по себѣ мольбы объ исполненіи обѣтованій, дарованныхъ Давиду, весьма приличны были Іудеямъ и во время или послѣ плѣна, какъ и вообще во время ослабленія или упадка престола Давидова (ср. Пс. 88); но въ разсматриваемомъ нами псалмѣ онѣ являются вовсе не какъ слѣдствіе предполагаемаго паденія царства и дома Давидова [1]), а

[1]) Какъ O. v. Gerlach, Hengstenberg.

напротивъ вызываются, какъ видѣли мы, исполненіемъ одной части обѣтованій Божіихъ Давиду, которая естественно должна была напоминать собою соединенныя съ нею прочія обѣтованія. При этомъ торжественный тонъ псалма вовсе не даетъ предполагать бѣдственнаго положенія тогдашнихъ Іудеевъ. Но что всего важнѣе, предположеніе о паденіи царства и дома Давидова рѣшительно опровергается содержаніемъ псалма. Въ 10-мъ и слѣдующихъ стихахъ псалмопѣвецъ умоляетъ Господа—ради Давида и даро-ванныхъ ему обѣтованій не отвратить лица отъ помазанника Своего. По связи мыслей и самому образу выраженія этой молитвы ясно видно, что называемый въ ней помазанникъ не есть кто либо изъ первосвященниковъ, которые послѣ плѣна были единственными помазанными (Исх. 28, 41. 29, 7) представителями верховной власти въ еврейскомъ народѣ [1]), не есть вообще царскій санъ или царственный родъ [2]), или же самый избранный народъ Іудейскій [3]), по отношенію къ которымъ въ Писаніи никогда не употребляется имя помазанника (ср. Авв. 3, 13); очевидно также, что подъ именемъ его нельзя разумѣть и самого Давида, который въ сознаніи народномъ дѣйствительно являлся всегдашнимъ ходатаемъ предъ Богомъ за народъ свой и своихъ потомковъ [4]), равно какъ и обѣтованнаго Мессіи, хотя Ему по преимуществу принадлежитъ имя помазанника [5]); а должно въ прямомъ и собственномъ смыслѣ разумѣть царя-помазанника изъ потомства Давидова, не представляемаго только, воспоминаемаго изъ временъ прошедшихъ или ожидаемаго въ будущемъ, но дѣйствительнаго, настоящаго, существующаго, «того, какъ соглашается и св. Златоустъ, кто тогда былъ помазанъ, управлялъ и стоялъ во главѣ народа» [6]), и именно того, кто происходитъ отъ Давида и возсѣдалъ на престолѣ его (Ср. ст. 10 съ 11 и 12-мъ). Такимъ образомъ пса-

---

[1]) Какъ Hitzig и Lengerke.

[2]) Бл. Ѳеодоритъ въ изъясненіи ст. 10.

[3]) См. у Делича на этотъ псаломъ.

[4]) Hengstenberg и O. v. Gerlach.

[5]) Св. Иларій; изъ новѣйшихъ: Geneбrardus; см. Scr. S. curs. compl. T. XVI, p. 499. Ср. также о Пс. 131 въ Рук. къ чт. книгъ В. и Н. З. Митр. Амвросія.

[6]) Бес. на Пс. Т. II стр. 228.

ломъ рѣшительнымъ образомъ переноситъ насъ въ періодъ царей Іудейскихъ, потому что со времени плѣна, когда отнятъ былъ у Іудеевъ послѣдній помазанникъ Господа (מְשִׁיחַ יְהוָה Плач. 4, 20) изъ рода Давидова, престолъ Давидовъ болѣе не возстановлялся, и самое имя помазанника — מָשִׁיחַ — сдѣлалось именемъ одного только обѣтованнаго царя Мессіи, ожидаемаго возстановителя и устроителя вѣчнаго царства Давидова (Дан. 9, 24—26. Іоан. 1, 42; 4, 25 и др.); бывшіе же послѣ плѣна правители Іудеи, даже самые извѣстнѣйшіе изъ нихъ и пользовавшіеся справедливымъ уваженіемъ всѣхъ современныхъ Іудеевъ, какъ Зоровавель или Симонъ Маккавей, которыхъ нѣкоторые изъ толкователей и хотятъ разумѣть подъ упоминаемымъ въ 10 ст. помазанникомъ [1]), также какъ Неемія и другіе, обыкновенно назывались только פַּחַת יְהוּדָה (Агг. 1, 1 и 14. Ездр. 6, 7. Неем. 5, 14 и 18. 12, 26. Мал. 1, 8), т. е. правителями, областеначальниками или пашами Іудеи [2]) (ἄρχων, какъ Неем. 5, 14; ἔπαρχος Ездр. 6, 6; ἡγούμενος Мал. 1, 8; ср. Ездр. 6, 7 и 1 Макк. 14, 35 и 41), но никогда не назывались священнымъ именемъ помазанниковъ. Съ другой стороны нельзя не признать также нѣкотораго соотвѣтствія содержанія разсматриваемаго псалма съ событіемъ построенія и освященія втораго храма, когда Господь снова вступалъ въ избранное Имъ и возлюбленное жилище Свое (ст. 8. 13. 14): но въ тоже время нельзя не видѣть, что поводомъ къ написанію его послужило не это, а какое либо другое болѣе раннее событіе; потому что подъ водвореніемъ Господа въ своемъ жилищѣ, о которомъ говорится въ псалмѣ, очевиднымъ образомъ разумѣется поставленіе ковчега завѣта на новоустроенномъ для него мѣстѣ, въ Сіонѣ (ст. 8 и 13—14), между тѣмъ какъ ковчегъ завѣта ко времени разрушенія перваго храма былъ утраченъ безвозвратно и во второмъ храмѣ его уже не было [3]). Судя по изложенному выше развитію мыслей въ псалмѣ, воспѣваемое въ немъ событіе (ст. 7—8)

---

[1]) Къ Зоровавелю относятъ это мѣсто Пс. Baur, Ewald и др.

[2]) См. Hebräisch. Handwörterbuch v. Julius Fürst, 1863 подъ словомъ פַּחַת. Въ перев. историч. кн. Св. Пис. Гуляева по преимуществу употребляется послѣднее значеніе.

[3]) См. выше стр. 216, примѣч. 2.

по времени своему было близко къ пребыванію ковчега завѣта въ Кириаѳъ-Іаримѣ,—потому что вслѣдъ за упоминаніемъ о пребываніи ковчега въ этомъ городѣ (ст. 6) псалмопѣвецъ приглашаетъ уже своихъ собратій праздновать водвореніе Господа въ новомъ постоянномъ жилищѣ Его (ст. 18); но это не есть событіе совершоннаго Давидомъ перенесенія ковчега завѣта изъ Кириаѳъ-Іарима въ Сіонскую скинію: потому что эта скинія не была еще прочнымъ мѣстомъ покоя для Господа и потому перенесеніе въ нее ковчега не удовлетворяло вполнѣ задушевныхъ желаній и неусыпныхъ стараній благочестиваго царя—устроить постоянное жилище крѣпкому Богу Іакова, о которыхъ воспоминается въ началѣ псалма (ст. 1—5), и не могло дать основанія для выражаемыхъ далѣе псалмопѣвцемъ надеждъ на исполненіе дарованнаго Давиду обѣтованія о вѣчномъ утвержденіи его престола въ сѣмени его (ст. 10 и дал.). Какъ то, такъ и другое мы видимъ лишь въ построеніи храма Соломонова. Только съ устроеніемъ храма обрѣтено было мѣсто покоя и вѣчнаго пребыванія для Господа, что́ такъ давно лежало на сердцѣ Давида; а съ исполненіемъ этого благочестиваго желанія Давида, согласно съ дарованнымъ ему обѣтованіемъ, подавалась надежда, что Господь исполнитъ и все то, что вмѣстѣ съ обѣтованіемъ о созданіи храма изрекъ Онъ рабу своему. Поэтому всего вѣроятнѣе думать, что разсматриваемый нами *псаломъ воспѣтъ былъ по случаю перенесенія ковчега завѣта изъ скиніи Сіонской въ воздвигнутый Соломономъ храмъ Іерусалимскій* [1]). Вѣроятность этого предположенія подтверждаетъ намъ и близкое сходство псалма не только въ мысляхъ, но даже въ самомъ изложеніи ихъ, съ началомъ благодарственной молитвы Соломона, произнесенной имъ при освященіи новоустроеннаго храма, послѣ поставленія въ немъ ковчега завѣта. Соломонъ также начинаетъ свою молитву воспоминаніемъ о Давидѣ и, благословляя Господа за исполненіе чрезъ него желаній благочестиваго царя-отца своего, переходитъ затѣмъ къ мольбѣ объ исполненіи и прочихъ дарованныхъ ему обѣтованій объ утвержденіи престола царства его. «Я построилъ храмъ въ жилище тебѣ, мѣсто, чтобы пребы-

---

[1]) Какъ Amyraldus, De Wette, Tholuck, а также и Moll, хотя нерѣшительно.

вать тебѣ во вѣки», говоритъ онъ Господу... «У Давида, отца моего, было на сердцѣ построить храмъ имени Господа Бога Израилева..., и Ты исполнилъ рабу Твоему, что говорилъ ему; что изрекъ Ты устами Твоими, то въ сей день совершилъ рукою Твоею... И нынѣ, Господи, исполни рабу Твоему Давиду то, что говорилъ Ты ему, сказавъ: не прекратится у тебя предъ лицемъ Моимъ сидящій на престолѣ Израилевомъ, если только сыновья твои будутъ держаться пути своего, ходя предо Мною такъ, какъ ты ходилъ предо Мною» (3 Ц. 8, 13. 17 и 24—25; ср. Пс. ст. 1—5. 8 и 10—12). Такое сходство псалма съ молитвою Соломона, подтверждая вѣроятность предположенія о написаніи его по поводу перенесенія ковчега завѣта въ храмъ Соломоновъ, въ то же время даетъ еще вѣроятное основаніе предполагать, что онъ написанъ былъ по этому поводу именно самимъ Соломономъ. Въ подтвержденіе какъ того, такъ и другаго предположенія мы имѣемъ и прямое свидѣтельство древняго преданія во 2 кн. Паралипоменонъ. Писатель этой священной книги, которымъ, по наиболѣе принятому и вѣроятнѣйшему мнѣнію, признается живший около времени созданія втораго храма Іерусалимскаго извѣстный ученый и богодухновенный священникъ Ездра [1]), 8-й, 9 и 10 стихи разсматриваемаго псалма вноситъ въ составъ вышеприведенной молитвы Соломона на освященіе новоустроеннаго имъ храма Іерусалимскаго (2 Пар. 6, 41—42), и такимъ образомъ ясно показываетъ, что, не смотря на употребленіе этого псалма вмѣстѣ съ другими пѣснями степеней при богослуженіи втораго храма, онъ и его современники не считали его произведеніемъ времени этого храма, какъ полагаютъ многіе изъ позднѣйшихъ толкователей, а признавали молитвенною пѣснію Соломона на освященіе перваго храма Іерусалимскаго. Думаютъ впрочемъ ослабить свидѣтельство книги Паралипоменонъ тѣмъ предположеніемъ, что писатель ея вовсе не имѣлъ въ виду нашего псалма, и приводимыя подъ именемъ Соломона слова, сходныя съ 8, 9 и 10-мъ ст. псалма, заимствованы имъ не изъ этого послѣдняго, а изъ какого-то другаго источника,

---

[1]) См. Руков. къ чтенію Свящ. Пис. В. и Н. Завѣта М. Амвросія; Чт. объ историч. кн. Св. Пис., Лебедева. М. 1860 стр. 70—71; Ист. кн. Св. П. въ перев. Гуляева,—предисл. и др.

которымъ точно также пользовался и псалмопѣвецъ [1]). Но предположеніе это не измѣняетъ только-что высказаннаго нами заключенія, потому что и тогда не представляется никакого основанія отрицать, что означенныя слова дѣйствительно принадлежатъ Соломону; признавая же принадлежность ихъ Соломону, по тѣсной связи ихъ съ цѣлымъ содержаніемъ псалма, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что и весь псаломъ принадлежитъ тому же писателю. Что же касается другаго, въ связи съ предшествующимъ высказываемаго предположенія, которымъ стараются оправдать несообразность содержанія псалма съ обстоятельствами времени втораго храма, будто бы писатель этого времени употребилъ по отношенію къ торжеству освященія втораго храма безъ всякой перемѣны слова изъ молитвы Соломоновой при освященіи перваго храма [2]); то хотя заимствованіе соотвѣтственныхъ образовъ и представленій изъ прошедшаго для изображенія событій настоящихъ вообще и возможно (ср. напр. начало 67 Пс.), но въ данномъ случаѣ оно не можетъ имѣть мѣста, потому что относится къ словамъ, которыя упоминаютъ о ковчегѣ завѣта и о царствующемъ помазанникѣ изъ рода Давидова, т. е. иначе сказать, заключаютъ въ себѣ представленія, рѣшительно несоотвѣтствующія предполагаемой эпохѣ писателя. При томъ же нельзя допустить такого заимствованія образовъ прошедшаго, чтобы за ними совершенно исчезало настоящее и не оставалось ни одной черты, ни одной отличительной особенности, по которымъ бы можно было по крайней мѣрѣ догадываться о дѣйствительномъ предметѣ пѣсни или времени, къ которому она относится; между тѣмъ въ содержаніи разсматриваемой пѣсни рѣшительно все переноситъ насъ по временамъ Соломона и нѣтъ ничего, что представляло бы хотя неясный намекъ на позднѣйшую эпоху ея происхожденія [3]). Наконецъ

---

[1]) См. Lengerke на этотъ Пс.

[2]) См. Calmeti Comment. in h. Ps.

[3]) Единственные признаки позднѣйшаго происхожденія псалма находятъ въ положеніи его въ концѣ Псалтири и притомъ между пѣснями степеней,—что, какъ уже выше было замѣчено, само по себѣ не ведетъ еще къ желаемому, заключенію,—и потомъ въ употребленіи нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ и сочетаній, свойственныхъ будто бы исключительно позднѣйшему періоду священной еврейской письменности, но

нельзя оставить безъ вниманія и того, что слова псалма, которыя думаютъ считать заимствованными изъ молитвы Соломона, находятся въ такой тѣсной органической связи со всѣмъ содержаніемъ псалма, что рѣшительно исключаютъ всякую мысль о заимствованіи. Иное положеніе ихъ въ кн. Паралипоменонъ, носящей на себѣ ясные слѣды репродуктивнаго происхожденія, гдѣ они стоятъ не въ непосредственной логической связи и послѣдовательности, а только внѣшнимъ образомъ присоединяются къ молитвѣ Соломоновой чрезъ соединительное וְעַתָּה (2 Пар. 6, 41). Поэтому гораздо вѣроятнѣе предположить, что писателемъ Паралипоменонъ они заимствованы были изъ нашего псалма, въ составѣ котораго имѣютъ первоначальное свое происхожденіе, и присоединены къ молитвѣ Соломоновой, какъ изреченіе одного съ нею писателя и притомъ сказанное имъ по одному и тому же обстоятельству [1]). Во всякомъ случаѣ по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ слѣдуетъ признать, что псаломъ 131-й есть пѣснь Соломона, воспѣтая имъ по случаю перенесенія ковчега завѣта изъ скиніи Сіонской въ новоустроенный имъ храмъ Іерусалимскій [2]). Но безъ сомнѣнія, тотъ же псаломъ впослѣдствіи времени вмѣстѣ съ другими пѣснями

на самомъ дѣлѣ встрѣчающихся и въ древнихъ писаніяхъ, каковы по указаніямъ Гитцига, Ленгерке и отчасти Генгстенберга: арамейская форма окончанія ־ַת въ словѣ שְׁנַת въ ст. 4 вм. שָׁנָה, какъ напр. въ Пс. 16, 6. 60, 13 и уже Исх. 15, 2; употребленіе суффикса единств. при множественномъ окончаніи וֹת въ словѣ עֶרְוֹתֵי ст. 12, какъ уже Втор. 28, 59, если только еще можно поручиться за правильность нынѣшней пунктуаціи, и сочетаніе in st. c. совершенно синонимическихъ словъ (въ ст. 3 אֹהֶל בֵּיתִי и עֶרֶשׂ יְצוּעָי, и въ ст. 6 שְׂדֵי־יָעַר), примѣры котораго мы видимъ уже въ Быт. 49, Суд. 5; Псс. 18, 72 (евр.) и мн. др.

[1]) См. это мнѣніе въ Ист. кн. Гуляева,—въ прим. на 2 Пар. 6, 39; у Делича на этотъ псаломъ въ его Comment. uber die Psalmen 1867 S. 718; также въ Abfassungszeit des Psalters v. C. Ehrt. 1869. Lpz. S. 69 ff. и др.

[2]) Такого мнѣнія изъ нашихъ богослововъ: Преосвящ. Ириней Псковскій (Толк. Пс.) и Прот. М. Богословскій (въ его Св. Ист. В. З. стран. 419 по 4 изд.); изъ иностранныхъ толкователей: Amyraldus, Rosenmüller, De Wette, Delitzsch и др.

древнихъ писателей воспѣваемъ былъ при освященіи втораго храма Іерусалимскаго, которое естественно должно было напоминать собою Іудеямъ торжество освященія перваго храма Соломонова (Ср. Ездр. 3, 10 и 12; Неем. 12, 44—46) [1]). Этимъ обстоятельствомъ и объясняется положеніе его между пѣснями степеней, извѣстными по своему употребленію во время и послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго, которое въ свою очередь многимъ толкователямъ подало поводъ и самое его происхожденіе относить къ позднѣйшей эпохѣ, ко времени плѣна или возстановленія храма Іерусалимскаго и т. п.

г) Псалмы Асафовы.

Двѣнадцать пѣсней Псалтири; а именно: *псалмы 49-й и весь отъ 72-го до 82-го включительно, по свидѣтельству ихъ надписаній, принадлежатъ Асафу* (לְאָסָף, τῷ Ἀσάφ) [2]). Кто былъ и когда жилъ этотъ псалмопѣвецъ,—ни надписанія, ни самые псалмы не даютъ на это опредѣленныхъ указаній; но изъ четырехъ лицъ съ именемъ Асафа, упоминаемыхъ въ различныя эпохи ветхозавѣтной исторіи, подъ именемъ Асафа-псалмопѣвца обыкновенно разумѣютъ Левита, сына Берехіи изъ племени Гирсонова, одного изъ трехъ начальниковъ хора при Давидѣ (1 Пар. 6, 31, 39—43. 15, 17 и 19, 25, 1) [3]). Вмѣстѣ съ четырьмя сыновьями своими онъ начальствовалъ надъ четырьмя чредами цѣвцовъ Давидовыхъ, и, играя по наставленію и подъ непосредственнымъ руководствомъ самого царя Давида (1 Пар. 25, 2), является главнымъ распорядителемъ священной музыки и пѣнія предъ ковчегомъ завѣта въ Сіонской скиніи (1 Пар. 16, 4—5). Но при этомъ онъ былъ не

---

[1]) См. Rosenmüller in h. Ps. и въ S. Scr. curs. compl. T. XVI, p. 493.

[2]) Что Пс. 54-й въ слав. текстѣ приписанъ Асафу вм. Давида ошибочно, см. объ этомъ выше стр. 110, прим. 3.

[3]) Остальные три лица съ именемъ Асафа были: а) отецъ Іоаха, дѣписателя Езекіи (4 Ц. 18, 18. 37; Исаіи 36, 3. 22); б) надзиратель царскихъ лѣсовъ у Артаксеркса (Неем. 2, 8), и в) Левитъ, предокъ Матоаніи, начальника хора по возвращеніи изъ Вавилона (1 Пар. 9, 15. Неем. 11, 17).

исполнителемъ только пѣсней Давида или другихъ пѣвцовъ, но и самъ вмѣстѣ съ отцомъ псалмопѣнія участвовалъ въ составленіи псалмовъ для церковно-богослужебнаго употребленія. Св. Писаніе называетъ его пророкомъ (חוֹזֶה) и свидѣтельствуетъ, что пѣсни его и въ послѣдующія времена всегда пользовались глубокимъ уваженіемъ Евреевъ наравнѣ съ пѣснями Давида, на ряду съ этими послѣдними употреблялись при богослуженіи (2 Пар. 29, 30) и, безъ сомнѣнія, подобно имъ, какъ пѣсни одного изъ главныхъ пѣвцовъ, служили образцомъ для послѣдующихъ псалмопѣвцевъ, которые, по замѣчанію Писанія, всегда слѣдовали установленію Давида и Асафа пророка съ прочими знаменитыми пѣвцами Давидова времени (2 Пар. 35, 15. Неем. 12, 45—46). При такомъ глубокомъ уваженіи со стороны Евреевъ и, въ частности, священныхъ богодухновенныхъ писателей, и при постоянномъ богослужебномъ употребленіи, пѣсни Асафа пророка, не смотря на отдаленную древность ихъ происхожденія, естественно могли и должны были сохраниться и до времени образованія свящ. канона и занять мѣсто въ его составѣ, точно также какъ и псалмы Давида, вмѣстѣ съ которыми онѣ употреблялись при богослуженіи. Внесеніе ихъ въ составъ Псалтири наравнѣ съ пѣснями Давида тѣмъ несомнѣннѣе, что Давидъ и Асафъ сопоставляются какъ главы свящ. пѣвцовъ (רָאשֵׁי הַמְשֹׁרְרִים) Израиля уже въ кн. Нееміи (12, 46), происхожденіе которой относятъ ко времени окончательнаго образованія канона,—и о пѣсняхъ этихъ пѣвцовъ по преимуществу упоминается къ книгахъ Паралипоменонъ, писателемъ которыхъ обыкновенно признаютъ священника Ездру, которому приписывается и составленіе св. канона, а слѣдовательно и окончательное собраніе пѣсней Псалтири. Уже это одно даетъ намъ основаніе съ несомнѣнностію полагать, что въ Кн. Псалмовъ, непрерывно и неизмѣнно сохранявшейся въ свящ. канонѣ со времени его образованія, вмѣстѣ съ псалмами Давида должны были находиться и находятся псалмы и современнаго ему пѣвца, Асафа пророка. И такъ какъ Священное Писаніе нигдѣ не называетъ намъ другаго псалмопѣвца Асафа, кромѣ одного только современника Давидова, то надписанія псалмовъ именемъ Асафа, представляющія собою древнее преданіе о ихъ происхожденіи, мы можемъ принимать, какъ доказательство того, что во времена послѣдняго собирателя псалмовъ и составителя свящ. канона существованіе въ Псалтири пѣсней пророка Асафа дѣйствительно признавалось, и что

древнее преданіе указывало ихъ въ числѣ псалмовъ, которые надписываются именемъ Асафа.

Всѣ псалмы, надписывающіеся именемъ Асафа, носятъ на себѣ какой-то особенный типъ, замѣтно отличающій ихъ отъ псалмовъ безъ надписаній или надписанныхъ именами другихъ писателей [1]). Вообще они отличаются тономъ увѣщательно-пророческой настойчивости, и не только тамъ, гдѣ псалмопѣвецъ поучаетъ или обличаетъ своихъ современниковъ (какъ въ Псс. 49, 72, 77, 81), но и тамъ, гдѣ онъ славитъ и благодаритъ Бога за явленныя Имъ милости и благодѣянія къ народу своему (какъ въ Псс. 74, 75, 80), или умоляетъ о помощи и избавленіи его отъ постигшихъ несчастій (какъ въ Псс. 73, 76, 78, 79, 82). Съ другой стороны во всѣхъ родахъ этихъ псалмовъ замѣтно преобладаніе исторически-повѣствовательнаго элемента. Описывая въ томъ или другомъ отношеніи современное положеніе Израиля, псалмопѣвецъ любитъ обращаться ко временамъ прошедшей его исторіи, и то извлекаетъ отсюда уроки благочестія и богоугожденія для блага и счастія народнаго (ср. Пс. 77 и 80, 5—8), то, на основаніи прежнихъ чудесныхъ опытовъ божественнаго водительства, тѣмъ съ большею настойчивостію вѣры и упованія молитъ Господа не оставлять народа Своею милостію и въ настоящемъ его положеніи (ср. Пс. 73, 12—15. 76, 15 и дал. 79, 9—12. 82, 10—12). Кромѣ того, въ Асафовыхъ псалмахъ замѣчаются и нѣкоторыя другія болѣе или менѣе общія имъ характеристическія особенности, таковы: часто встрѣчающіяся картинныя изображенія явленій Бога—Судіи и свойственный по преимуществу пророческимъ писаніямъ обычай говорить отъ лица Божія (Псс. 49, 74, 75, 5—10. 76, 14—20. 77, 65—66. 80, 7—17. 81, 1—7); очень частое сравнительно со всѣми прочими псалмами упоминаніе объ Іосифѣ или колѣнахъ Іосифовыхъ (Пс. 76, 16. 77, 9. 67. 79, 2—3. 80, 6); попеременное употребленіе самыхъ разнообразныхъ наименованій народа

---

[1]) Впрочемъ этого отличія нельзя понимать въ строго исключительномъ смыслѣ: такъ какъ и между анонимными псалмами есть нѣкоторые довольно сходные по своему характеру съ псалмами Асафовыми, какъ напр. Псс. 104, 105, 107, 113, которые потому и относятъ къ школѣ пѣвцовъ Асафовыхъ, какъ подражанія древнему пророку Асафу.

Божія и особенно любимое представленіе отношеній къ нему Бога подъ образомъ Пастыря и стада (Пс. 73, 1. 76, 21. 77, 52; ср. 70—72. 78, 13. 79, 2). Такія общія отличительныя особенности Асафовыхъ псалмовъ естественно предполагаютъ близкое соотношеніе ихъ между собою по своему происхожденію и дѣлаютъ вѣроятными надписанія ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ Асафа. Тѣмъ не менѣе, не смотря на близкое соотношеніе этихъ псалмовъ въ тонѣ, характерѣ и образѣ выраженій, нельзя ихъ всѣ двѣнадцать относить къ одному и тому же писателю—*пророку Асафу, современнику Давидову. Судя по содержанію*, ему *могутъ и должны быть приписаны изъ числа ихъ только пять псалмовъ: 49-й, 72, 77, 80 и 81-й.*

Псаломъ 77-й представляетъ въ своемъ содержаніи ясные признаки происхожденія его во времена царя Давида или не позже, какъ въ первое время царствованія Соломона, а потому писателемъ его, слѣдуя свидѣтельству надписанія, должно признавать именно пророка Асафа, современника Давидова, который, какъ можно видѣть изъ 2 кн. Паралипоменонъ (5, 12), жилъ еще и при преемникѣ Давида Соломонѣ и вмѣстѣ съ прочими пѣвцами участвовалъ въ торжествѣ освященія воздвигнутаго имъ храма Іерусалимскаго. По роду своего содержанія онъ есть поучительная пѣснь, въ которой псалмопѣвецъ, разсмотрѣніемъ древнѣйшей исторіи народа Израильскаго отъ времени изшествія изъ Египта до царствованія Давида, старается предостеречь своихъ современниковъ отъ невѣрія и непослушанія отцевъ своихъ и побудить ихъ къ надеждѣ на Бога и соблюденію закона Божія. Но вникая ближе въ содержаніе этой поучительной пѣсни, нельзя не замѣтить, что она *имѣетъ* при этомъ еще *особенную цѣль—оправдать перенесеніе святилища изъ колѣна Ефремова, изъ Силома, вмѣстѣ съ царскою властію въ колѣно Іудино, на Сіонъ, и удержать недовольныя такимъ перенесеніемъ колѣна Израильскія отъ предусматриваемаго псалмопѣвцемъ отпаденія ихъ отъ Давида, или отъ дома Давидова и законнаго святилища Сіонскаго.* Этою особенною цѣлію псалма и объясняется, почему писатель его по преимуществу останавливается на отверженіи Силома и колѣна Ефремова (ст. 60—67) и на избраніи вмѣсто него Сіона и колѣна Іудова, а изъ сего послѣдняго—царя Давида, повѣствованіемъ о чемъ, какъ главною своею мыслію, и оканчивается пса-

ломъ (ст. 68—72). Здѣсь же заключается причина, почему онъ и въ исторіи древняго невѣрія и непослушанія Евреевъ также преимущественно предъ всѣми колѣнами преступнаго и мятежнаго народа называетъ именно сыновъ Ефремовыхъ (ст. 8—10), какъ бы прямо тѣмъ показывая, что предлагаемое имъ наставленіе изъ всѣхъ современниковъ его особенно относится къ колѣнамъ дома Іосифова, которыя все еще не вразумились примѣромъ предковъ своихъ. Нѣкоторые изъ толкователей такое преимущественное обращеніе обличеній псалмопѣвца къ Ефремлянамъ объясняютъ какъ слѣдствіе совершившагося уже отпаденія 10 колѣнъ отъ дома Давидова и слѣдовавшихъ за тѣмъ враждебныхъ отношеній между царствами Іудейскимъ и Израильскимъ, и потому происхожденіе псалма относятъ къ различнымъ пунктамъ времени послѣ раздѣленія царствъ [1]). Но въ такомъ случаѣ будетъ совершенно непонятно, почему псалмопѣвецъ останавливается на изображеніи грѣховъ Ефрема только до времени Давидова царствованія, и нисколько не упрекаетъ его за отпаденіе отъ богоизбраннаго царственнаго рода Давидова и, упоминая о невѣрности его Богу во времена Судей, ни слова не говоритъ о постыдномъ служеніи идоламъ во времена Іеровоама, между тѣмъ какъ эти послѣдніе грѣхи Ефрема, казалось бы, должны быть, какъ и были для многихъ пророковъ и другихъ

---

[1]). Напр. ко времени царствованія Авіи, какъ Rosenmüller, или Асы, какъ Calmet.—De Wette, Ewald и Köster смотрятъ на этотъ псаломъ, какъ на продуктъ религіозной ненависти Іудеевъ противъ Самарянъ, которые, по своему пребыванію въ предѣлахъ древняго Израильскаго царства, какъ бы заступили его мѣсто, но къ которымъ, слѣдуетъ при этомъ замѣтить, рѣшительно не имѣетъ никакого отношенія примѣръ древняго Ефрема, такъ какъ они не только не отпадали отъ Іеговы, а напротивъ, будучи язычниками, увѣровали въ Него, хотя не оставивъ вполнѣ прежняго язычества, и эту вѣру сохраняли потомъ съ примѣрнымъ постоянствомъ и твердостію. Hitzig и Lengerke, по обычной имъ страсти къ Маккавейскимъ псалмамъ, на основаніи употребленія нѣсколькихъ словъ и выраженій, будто бы позднѣйшаго происхожденія, относятъ этотъ псаломъ ко временамъ Антіоха Епифана, какъ увѣщаніе не отпадать отъ вѣры, и почти совершенно игнорируютъ особенное его отношеніе къ Ефремлянамъ, видя въ этомъ не болѣе какъ утвердившійся будто бы въ позднѣйшія времена обычай всѣ несчастія Іудейскаго народа производить отъ грѣховъ Ефрема.

благочестивыхъ людей того времени (3 Ц. 13, 1 и дал. 16, 1 и дал. 2 Пар. 14, 4—12 и особ. Осіи), предметомъ преимущественнаго обличенія. Оканчивая же свои обличенія временемъ Давида и умалчивая объ отпаденіи отъ его рода и уклоненіи въ идолопоклонство 10 колѣнъ царства Ефремова, псалмопѣвецъ тѣмъ самымъ показываетъ, что эти печальныя событія въ его время не совершились еще, но что Ефремъ, утратившій свое святилище въ Силомѣ, продолжалъ еще оставаться вѣрнымъ Іеговѣ, и не смотря на недовольство свое избраніемъ Іудова колѣна, все еще оставался подъ скипетромъ богоизбраннаго пастыря, царя Давида. Онъ только еще предвидитъ эти печальныя событія и своими обличеніями и предостереженіями хочетъ предотвратить ихъ отъ Израиля. Дѣйствительно во времена Давида, особенно въ послѣдніе годы его царствованія, представлялось не мало поводовъ сомнѣваться въ вѣрности и преданности ему колѣнъ дома Іосифова, къ которымъ мы относимъ и колѣно другаго сына Рахили—Веніамина, вслѣдствіе ли своего тѣснѣйшаго родства по происхожденію, или по чему либо другому, но только ближе, чѣмъ съ другими колѣнами сходившагося съ ними въ своихъ политическихъ стремленіяхъ [1]). Воинственное и богатое Ефремово колѣно уже во времена Судей не разъ заявляло свои притязанія на особое уваженіе къ нему предъ прочими колѣнами (Суд. 8, 1 и дал. 12, 1 и дал.), а гордые своею силою и храбростію сыны Веніаминовы отважились даже однажды вооружиться противъ всѣхъ колѣнъ еврейскаго народа, не желая подчиниться совершенно справедливому рѣшенію ихъ о наказаніи виновныхъ жителей Гивы, одного изъ городовъ Веніаминовыхъ (Суд. 20). Съ воцареніемъ Саула, происходившаго изъ Веніаминова колѣна, честолюбивыя стремленія сыновъ Іосифова дома достигли своего удовлетворенія (1 Ц. 22, 7); но, съ восшествіемъ на престолъ Давида, они естественно должны были лишиться своихъ преимуществъ и потерять свое особенное политическое значеніе въ народѣ израильскомъ. Перенесеніе въ новую столицу религіознаго центра,—святи-

---

[1]) Выраженіе ближайшаго отношенія сыновъ Веніаминовыхъ къ колѣнамъ Іосифовымъ во времена Давида мы видимъ въ словахъ Семея во 2 Ц. 19, 20, который, по своему происхожденію будучи изъ колѣна Веніаминова (тамъ же ст. 16—17. 16, 5 и 11), причисляетъ себя къ дому Іосифову.

лища Іеговы, прежде находившагося то въ Ефремовомъ, то въ Веніаминовомъ колѣнахъ, лишало эти колѣна и еще одного изъ преимуществъ. Само собою понятно, не легко было примириться съ такими потерями. Притомъ же Іудино колѣно, въ которое теперь перешла царская власть и главная святыня, по своему особенному положенію внутри земли обѣтованной, изолированное отъ сношеній съ иноземными народами, кажется, наиболѣе разнилось отъ прочихъ колѣнъ строго-патріархальною замкнутою жизнію. Это въ свою очередь также могло не мало затруднять для прочихъ колѣнъ, и тѣмъ болѣе для колѣнъ дома Іосифова, примиреніе съ новою царственною династіею. Поэтому въ продолженіи 7 лѣтъ только одно колѣно Іудино признавало Давида. Но и послѣ того, какъ Авениръ привелъ въ покорность ему и всѣ прочія колѣна, въ домѣ Іосифовомъ продолжали еще оставаться искры недовольства новою династіей и зависти къ колѣну Іудину, которыя нерѣдко разгорались до опасныхъ размѣровъ. Въ этомъ то недовольствѣ и зависти колѣнъ, особенно Ефремова и Веніаминова, скрывается начало раздѣленій и партій въ народѣ, даже открытыхъ возмущеній, какія мы видимъ въ Давидово царствованіе. Имъ слѣдуетъ приписать первое возникновеніе и дальнѣйшій успѣхъ Авессаломова возстанія [1]); отсюда же, по усмиреніи мятежниковъ, возникло и новое возмущеніе Савеи Веніамитянина (2 Ц. 19, 41—20, 1 и дал.). Можетъ быть и то обстоятельство, что Іоавъ не производилъ счисленія народа въ Веніаминовомъ колѣнѣ (1 Пар. 21, 6), также имѣло свое основаніе въ сопротивленіи этого послѣдняго. Эти и подобныя имъ обстоятельства достаточно могли дать псалмопѣвцу понять, какою опасностію для царства Давидова грозило такое враждебное настроеніе колѣнъ дома Іосифова, а вызванныя тѣмъ опасенія естественно представляли ему побужденія для вразумленія недовольныхъ колѣнъ показать въ своей пѣсни, что они справедливо и по своей винѣ отвержены, а Іуда призванъ

---

[1]) Ср. Verschuir p. 85—по цит. Толюка на Пс. 78: orta ex aemulatione et invidia tribuum, omnem res novas moliendi ac rebellandi occasionem cupide accipientium,—non tam ut filium in patris locum substituerent, quam ut per ejus rebellionem omnibus confusis et turbatis, tandem aliquando viam reperirent, qua se a regno Judae avellerent atque libertatem assererent.

господствовать; потому что, пока святилище находилось въ Силомѣ, въ колѣнѣ Ефремовомъ, Израиль долженъ былъ терпѣть великое поруганіе, такъ что самый ковчегъ завѣта попалъ въ руки непріятелей, доколѣ наконецъ Господь, какъ бы пробудившись отъ сна, не умилосердился надъ своимъ народомъ и снова даровалъ ему побѣды надъ врагами, а вмѣсто Ефремова колѣна избралъ колѣно Іудино и поставилъ Давида раба своего пасти наслѣдіе Свое, Израиля (ст. 60—72). Что эти и подобныя мысли вполнѣ свойственны временамъ Давида, можно указать и на то, что мы встрѣчаемъ ихъ отчасти уже у самого отца псалмопѣнія. Въ Пс. 67, изображая побѣдное возвращеніе ковчега завѣта на гору Сіонскую, онъ довольно ясно даетъ замѣтить, что отъ него не укрылись завистливые взоры, какіе бросали на эту богоизбранную гору сосѣднія высокія и холмистыя горы, которыхъ однако не избралъ Господь въ жилище себѣ, — и подобно Асафу, обличаетъ ихъ неразумную зависть указаніемъ на особенное божественное избраніе Сіона въ жилище Божіе и на то, что это избраніе благодѣтельно для самихъ же завидующихъ ему; такъ какъ и они пользуются дарами побѣдъ, одерживаемыхъ силою обитающаго на Сіонѣ Господа.—«Что вы завистливо смотрите, горы высокія на гору, на которой Богъ благоволилъ обитать, и будетъ Господь обитать вѣчно!.. Ты возшелъ на высоту, привелъ плѣнныхъ, принялъ дары для человѣковъ, даже и для противящихся тому, дабы обиталъ Ты здѣсь, Господи Боже! (ст. 17 и 19)» [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что эти завидующія Сіону и противящіяся избранію его въ жилище Божіе горы холмистыя, между прочимъ суть тѣ же самыя колѣна Іосифова дома [2], которыхъ обличаетъ и пророкъ Асафъ, и называются горами за ихъ надменность и высокомѣріе (Ср. Иса. 2, 12—14), а также вѣроятно и потому, что такой образъ и по внѣшней своей сторонѣ гораздо характеристичнѣе обозначаетъ эти колѣна, какъ обитавшія въ гористой мѣстности, славившейся многими особенно высокими горами [3], и

---

[1]) Ст. 19-й по русск. перев. Библ. Общ. 1822 г. и Филарета М. Моск. въ Прав. Обозр. 1869 Мартъ, съ замѣною оставленнаго въ нихъ безъ перевода имени Божія: «*Іагъ*» словомъ: «*Господи*». См. выше о Пс. 67.

[2]) См. выше стр. 216.

[3]) Ефремово колѣно извѣстно своими, такъ называемыми Ефремовыми горами, между которыми особенно славились: Гевалъ, Гаризинъ,

уже въ пророчествахъ Іакова и Моисея о судьбѣ колѣнъ Израилевыхъ отличаемыя отъ другихъ благословеніями горъ древнихъ и холмовъ вѣчныхъ (Быт. 49, 26. Втор. 33, 15). Впрочемъ о царствованіи Давида, которымъ, какъ мы замѣтили, и оканчивается въ нашемъ псалмѣ обозрѣніе исторіи Израиля, псалмопѣвецъ выражается въ прошедшемъ времени: «Избралъ (Господь) Давида раба своего,... и онъ пасъ (Израиля) чистымъ сердцемъ и водилъ мудрыми руками» (ст. 70. 72). Это, повидимому, побуждаетъ къ заключенію, что псаломъ написанъ былъ уже при Соломонѣ, намекъ на царствованіе котораго видятъ нѣкоторые еще въ выраженіи ст. 69: «устроилъ (Господь) святилище Свое, какъ горнія Свои селенія» [1]), хотя эта послѣдняя догадка, быть можетъ, и неосновательна; такъ какъ не только Соломоновъ храмъ, но и скинія Давидова, устроенная на горѣ Сіонской, въ сравненіи съ древнимъ Силомскимъ святилищемъ, могла казаться, какъ горнія селенія Іеговы. Но *кажется гораздо вѣроятнѣе полагать, что онъ былъ написанъ еще при жизни Давида, во время его старости*, когда на царствованіе его можно уже было смотрѣть, какъ на прошедшее; такъ какъ это время, при слабости правленія дряхлаго старца-царя и существованіи партій внутри его семейства,—разумѣемъ партіи Соломона и Адоніи,—представляло псалмопѣвцу наиболѣе основаній опасаться возбужденія сепаративныхъ стремленій со стороны колѣнъ, недовольныхъ династіею изъ дома Іудина. Кажется, что и самая краткость и скромность похвалы Давидову царствованію (ст. 72) также ведетъ къ заключенію, что она высказана была псалмопѣвцемъ еще при жизни похваляемаго царя [2]). Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ—это пѣснь Аса-

---

Кармилъ и Гелвуй. Въ Манассіиномъ колѣнѣ возвышались Галаадскія горы и Васанъ, который, судя по контексту ст. 16, по преимуществу и разумѣется здѣсь подъ холмистыми горами (ср. Іер. 50, 19).

[1]) Напр. Delitzsch Die Psalmen S. 492 и 500; изъ древнихъ: св. Аѳанасій и нѣкоторые другіе отцы, читавшіе впрочемъ по греческому тексту: „созда яко единорога святилище свое". Ко времени же Соломона относятъ этотъ псаломъ и нынѣшніе раввины. См. Сегаля Ист. Евр. нар. стр. 175 по изд. 2.

[2]) Къ Давидову же времени относятъ этотъ Пс. Cramer, O. v. Gerlach, Tholuck, Muntinghe и Hengstenberg.

фа пророка, одного изъ главныхъ пѣвцовъ царя Давида, и нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности древняго преданія, которое надписало ее именемъ этого пророка.

Съ псалмомъ 77-мъ имѣютъ ближайшее сродство и остальные четыре псалма, которые мы вмѣстѣ съ нимъ приписали пророку Асафу, современнику Давидову. Изъ всѣхъ псалмовъ, надписанныхъ именемъ Асафа, эти псалмы по преимуществу отличаются внушительно-проповѣдническимъ тономъ, показывающимъ, что ихъ писатель по преимуществу пророкъ (חוֹזֶה) между псалмопѣвцами, и только одни изъ числа ихъ—поучительнаго содержанія, тогда какъ всѣ прочіе или молитвенно-просительнаго, или благодарственнаго. Такое ближайшее сродство между собою естественно предполагаетъ принадлежность ихъ одному и тому же писателю, съ чѣмъ соглашаются отчасти даже защитники позднѣйшаго ихъ происхожденія [1]). Правда, кромѣ Пс. 77-го ни одинъ изъ прочихъ псалмовъ, приписываемыхъ нами древнему пророку Асафу, не имѣетъ въ своемъ содержаніи историческихъ признаковъ, которые бы съ большею или меньшею ясностію указывали на время жизни этого псалмопѣвца; но за то, съ другой стороны, они не заключаютъ въ себѣ и ничего такого, что не сообразовалось бы съ лицемъ или временемъ знаменитаго пѣвца Давидова [2]). *Предметы поучительнаго содержанія ихъ вполнѣ идутъ ко времени Давида и очень удобно объясняются изъ различныхъ событій его царствованія.* Такъ *въ Пс. 49-мъ псалмопѣвецъ* отъ лица Самого Бога, Котораго онъ изображаетъ съ Синайскою славою грядущимъ отъ Сіона, чтобы произнести Свой судъ надъ народомъ Своимъ, со всею строгостію *обличаетъ лицемѣрное благочестіе тѣхъ, которые все богоугожденіе полагаютъ въ одномъ лишь устномъ исповѣданіи предписаній закона и наружномъ исполненіи его обрядовыхъ постановленій*, внушая имъ, что Богу не угодны и многочисленныя животныя жертвы, безъ духовной жертвы благодарнаго исповѣданія сердца и благого-

---

[1]) Такъ напр. и Hitzig соглашается признать, что Псс. 73, 78, 81 и 82 (по евр. сч.) относятся къ одному времени и можетъ быть принадлежатъ одному писателю. См. его Psalmencomm. на эти Пс.

[2]) Такого мнѣнія и Moll на эти псалмы.

вѣйной молитвы къ нему, и что проповѣданіе закона одними устами, безъ дѣятельнаго исполненія его въ жизни своей,—грѣхъ предъ Господомъ. Что такая пророческая проповѣдь объ истинной, пріятной Богу жертвѣ и богоугожденіи, которую напрасно считаютъ свойственною лишь временамъ упадка вѣры и благочестія въ періодъ служенія Іереміи (Іерем. 7, 22 и дал.) [1]), или въ которой хотятъ видѣть голосъ утѣшенія для вавилонскихъ плѣнниковъ, съ потерею отечества лишившихся возможности приносить законныя жертвы во храмѣ Іерусалимскомъ [2]), не менѣе умѣстна и цѣлесообразна и во времена благочестиваго царствованія Давида,—это видно изъ того уже, что она часто слышится и въ пѣсняхъ самого благочестиваго царя (см. Пс. 14. 23, 3—6. 39, 7—9. 50, 17—19. 68, 31—32 и др.). Неправильное пониманіе истиннаго богопочтенія въ народѣ еврейскомъ, въ большей или меньшей степени свойственное всѣмъ временамъ его существованія, замѣчено было уже пророкомъ Самуиломъ, еще задолго до воцаренія Давида возвѣстившимъ царю Саулу, что «послушаніе Богу лучше жертвы и повиновеніе лучше тука овновъ» (1 Ц. 15, 22). Тотъ же неправильный взглядъ на богопочтеніе, можетъ быть еще болѣе развившійся въ послѣдніе годы царствованія Саула, естественно оставался въ народѣ и во времена Давида. Почему при возстановленіи и новомъ устройствѣ богослуженія, когда оно по внѣшней своей обстановкѣ являлось въ новомъ блескѣ и торжественности, вполнѣ умѣстно и необходимо было позаботиться о возвышеніи внутренняго его значенія и возбужденіи въ народѣ духа вѣры и истиннаго благочестія, тѣмъ болѣе что и самая торжественность богослуженія представляетъ опасность увлечься исключительно внѣшнею его стороною въ ущербъ внутренней его сущности. И когда самъ Давидъ, вполнѣ сознавая такую необходимость возбужденія и возвышенія въ народѣ духовнаго служенія Богу, не упускалъ случая, чтобы напомнить ему въ своихъ пѣсняхъ, въ чемъ должно состоять это служеніе и кто можетъ достойно восходить на гору Божію (Пс. 14, 1); то удивительно ли, если современникъ благочестиваго царя, пророкъ Асафъ, также воз-

---

[1]) Какъ Hitzig на Пс. 50.

[2]) См. Calmeti commentar in h. Ps.

вышаетъ вдохновенную свою проповѣдь о безполезности одного внѣшняго богопочтенія, и не скорѣе ли напротивъ мы и должны были ожидать такой проповѣди отъ этого пѣвца-пророка, «игравшаго по наставленію царя» (1 Пар. 25, 2) и раздѣлявшаго съ нимъ всѣ труды по возстановленію и устройству богослуженія?

По тѣмъ же побужденіямъ вполнѣ естественно и *справедливо приписать пророку Асафу, современнику Давидову, и псаломъ 80-й, представляющій пасхальную пѣснь* [1]), въ которой послѣ

---

[1]) Не пѣснь новолѣтія, или праздника трубъ 1-го Тишри, по употребленію псалма въ этотъ праздникъ у позднѣйшихъ Евреевъ (см. Delitzsch's Die Psalmen. S. 510 и предисл. къ Толк. эт. Пс. Принея Псковскаго); такъ какъ днемъ праздника называется собственно полнолуніе: „Трубите въ новомѣсячіе трубою, *въ полнолуніе для дня праздника нашего*“ (ст. 4 съ евр. по р. пер. Библ. Общ. и исправл. въ Душ. Чт. 1868 г. Янв.); и не пѣснь праздника кущей, совершавшагося въ полнолуніе послѣ праздника трубъ, т. е. 15 Тишри, коему усвояется этотъ псаломъ въ Таргумѣ, Талмудѣ и другихъ іудейскихъ преданіяхъ (см. тамъ же); потому что между новомѣсячіемъ и полнолуніемъ мѣсяца Тишри въ 10-е число его праздновался великій день очищенія, о которомъ однакожъ въ псалмѣ, не смотря на сопоставленіе въ 4 ст. новомѣсячія и полнолунія, ни слова не говорится. Притомъ же воспоминаніе объ избавленіи отъ рабства египетскаго (ст. 6—8) больше идетъ къ празднику Пасхи (Исх. 12, 3—27. Втор. 16, 1. 3. 6), нежели—кущей, который первоначально является какъ праздникъ собранія осеннихъ плодовъ (Исх. 23. 16. 34, 22. Втор. 16, 13) и лишь впослѣдствіи примѣняется къ воспоминанію странствованія въ пустынѣ (Лев. 23, 39—44); а что касается упоминанія въ ст. 11^6 и 17 о богатомъ плодородіи страны Іудейской, которое, по мнѣнію защитниковъ отношенія псалма къ празднику кущей, очень хорошо согласуется съ этимъ послѣднимъ, какъ праздникомъ собиранія плодовъ, то, надобно сказать, что оно не менѣе хорошо идетъ и къ празднику Пасхи, ко времени котораго въ Палестинѣ поспѣвала первая жатва и во время котораго закономъ Моисеевымъ установлено было приносить Господу первые начатки плодовъ (Лев. 23, 5. 10—11 и дал.). Выраженіе 4 ст.: «трубите въ новомѣсячіе трубою», не препятствуетъ относить Пс. къ празднику Пасхи, такъ какъ оно касается празднованія перваго дня пасхальнаго мѣсяца Низана, предвозвѣщавшаго собою скорое наступленіе Пасхи и бывшаго началомъ церковнаго года (Исх. 12, 2), подобно какъ первое число Тишри—гражданскаго, а это празднованіе, такъ же какъ и новолѣтіе, и вообще новолу-

приглашенія къ торжественному празднованію великаго праздника съ пѣніемъ и звуками священной музыки (ст. 2 — 5), псалмопѣвецъ напоминаетъ объ историческихъ обстоятельствахъ его установленія, освобожденіи изъ Египта и слѣдовавшемъ за тѣмъ странствованіи (ст. 6—8), и, подобно какъ въ Пс. 49, даже отчасти въ одинаковыхъ выраженіяхъ (ср. ст. 9 съ Пс. 49, 7), отъ лица Самого Бога увѣщеваетъ Израильтянъ пребывать вѣрными завѣту Его, чтобы за то побѣждать враговъ своихъ и наслаждаться спокойствіемъ и благоденствіемъ (ст. 9—17.) А что касается мнимыхъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія псалма около времени возвращенія изъ плѣна [1]), или во времена Маккавейскія [2]), какіе думаютъ видѣть въ предостереженіяхъ Израилю отъ уклоненія въ идолопоклонство (ст. 10) и въ намекахъ на притѣсненія отъ враговъ, ненавидящихъ Іегову, (ст. 15—16); то они съ не меньшимъ, если еще не съ большимъ, удобствомъ примѣняются и ко времени Давида; потому что тогда въ Еврейскомъ народѣ еще болѣе скрывалось остатковъ пре-

---

ніе каждаго мѣсяца, совершалось по закону съ трубнымъ звукомъ (Числ. 10, 10 ср. Лев. 23, 24). См. Delitzsch's Die Psalmen S. 511—512. Въ русск. пер. Синод. изд. во 2 половинѣ 4 ст. вм. слова: *въ полнолуніе*, которымъ въ приведенномъ нами переводѣ передается еврейское בַּכֶּסֶה, подобно LXX и Вульгатѣ, читаются слова: *«въ опредѣленное время»* (отъ כָּסָה=כָּסַס computare), — что, конечно, благопріятствуетъ отношенію псалма къ новолѣтію и устраняетъ мысль объ отношеніи его къ Пасхѣ, какъ и вообще къ какому либо празднику полнолунія; но слово כֶּסֶה, по употребленію въ древнемъ сирскомъ пер. (Keso въ 3 Ц. 12, 32. 2 Пар. 7, 10), Лат. и Aq. въ Притч. 7, 20, гдѣ соглашается съ ними и русск. Синод. пер., обыкновенно означаетъ полнолуніе и вообще время второй половины мѣсяца, какъ это, не смотря на разногласіе мнѣній о самомъ псалмѣ, согласно признаютъ въ своихъ переводахъ большинство новѣйшихъ западныхъ ученыхъ: De Wette, Ewald, Hupfeld, Hitzig, Hengstenberg, Delitzsch, Moll и др.

1) Какъ бл. Ѳеодоритъ Кирскій, Ѳеодоръ Ираклійскій, древній толкователь у Кордерія, Беда, Ferrandus. См. у Калмета и въ S. Scr. curs. compl. T. XV, p. 993.

2) Именно будто бы по случаю обновленія храма послѣ очищенія его Іудою Маккавеемъ (1 Макк. 4, 36—54), какъ Hitzig и Lengerke— на эт. Пс.

жней его наклонности къ идолопоклонству, нежели со времени плѣна,—какъ то со всею ясностію доказала послѣдующая исторія,—равно какъ не мало было и временныхъ притѣсненій отъ сосѣднихъ языческихъ народовъ, войны съ которыми наполняютъ почти все продолжительное Давидово царствованіе [1]). Изъ высказываемыхъ въ псалмѣ обѣтованій за вѣрность завѣту Іеговы видно, что во времена Псалмопѣвца Евреи вообще пользовались плодородіемъ и благоденствіемъ, только для пользованія этими благами не имѣли прочныхъ основаній въ будущемъ, и если были притѣсняемы иногда иноплеменными врагами, то вообще побѣждали ихъ, но только не въ состояніи были скоро и вполнѣ привести въ покорность себѣ,—что могли бы совершить при неуклонномъ послушаніи завѣту Божію. «Я скоро смирилъ бы враговъ ихъ; ненавидящіе Господа раболѣпствовали бы имъ, а благоденствіе ихъ продолжалось бы навсегда. Я питалъ бы ихъ тукомъ пшеницы, и насыщалъ бы ихъ медомъ изъ скалы» (см. 15—17). Все это очевидно гораздо лучше идетъ ко времени Давида, нежели къ какому нибудь изъ предполагаемыхъ позднѣйшихъ пунктовъ времени, когда Евреи вообще не пользовались независимостію, спокойствіемъ и благоденствіемъ.

Подобнымъ же образомъ и *содержаніе псалмовъ 81-го и 72-го вполнѣ объясняется изъ времени Давидова царствованія. Первый изъ нихъ представляетъ обличительную пророческую проповѣдь противъ неправедныхъ судей, и могъ быть вызванъ тѣми злоупотребленіями нѣкоторыхъ судей Давидовыхъ*, которые подали Авессалому поводъ возбуждать въ народѣ сомнѣніе въ правосудіи отца своего и недовольство всѣмъ его правленіемъ (2 Ц. 15, 2—6). *Послѣдній*, на основаніи долговременныхъ размышленій и собственнаго опыта псалмопѣвца, *даетъ вѣрнымъ Израильтянамъ предостереженіе отъ увлеченія и соблазна видимыми преимуществами и счастіемъ нечестивыхъ*; потому что всѣ ихъ преимущества и счастіе непрочны и обман-

---

[1]) Филологическія основанія позднѣйшаго происхожденія такъ же слабы; потому что יְהוֹקֵף (ст. 6—съ ה въ Гиф.) и לֹא—съ слѣд. прич. (ст. 14), на которыя указываютъ въ этомъ отношеніи,—не болѣе какъ поэтическія, независимыя отъ времени особенности. См. Hengst. zu d. Ps. 81.

чивы, а истинное блаженство человѣка только въ Богѣ и въ ближайшемъ общеніи съ Нимъ, которое пріобрѣтается чистотою сердца и совершенной преданностію волѣ Божіей. *Такой нравственный урокъ могъ быть извлеченъ псалмопѣвцемъ* и *изъ* недавней *исторіи незаслуженныхъ гоненій со стороны отверженнаго царя Саула* противъ благочестиваго избранника Божія Давида, окончившихся гибелью гонителя и торжествомъ невинно-гонимаго, *и еще лучше изъ обстоятельствъ временнаго успѣха Авессаломова возстанія* и слѣдовавшей за тѣмъ печальной участи мятежника, тѣмъ болѣе что эти послѣднія обстоятельства и самому Давиду подали поводъ въ двухъ своихъ пѣсняхъ (Пс. 36 и 61-мъ) предложить подобные же уроки о непрочности счастія нечестивыхъ [1]). Защитники позднѣйшаго происхожденія псалмовъ, конечно, игнорируютъ подобные поводы изъ времени Давида и охотнѣе ищутъ ихъ то во временахъ плѣна [2]), то еще болѣе поздняго Маккавейскаго періода [3]), когда Іудеи, съ потерею гражданской свободы и независимости, принуждены были терпѣть много притѣсненій, насилія и даже открытыхъ преслѣдованій отъ нечестивыхъ языческихъ своихъ правителей и ихъ намѣстниковъ, и въ тоже время, видя благо-

---

[1]) Вѣроятно на основаніи такого тожества предметовъ содержанія псалма 72 съ Давидовыми 36 и 61 Преосв. Иринеи Псковскій приписываетъ его Давиду (см. его Толк. на 72 Пс.), хотя очевидное различіе его стиля отъ Псс. Давидовыхъ, надписаніе именемъ Асафа и подпись предшествующаго собранія псалмовъ: «окончились молитвы Давида»..., за которою онъ непосредственно слѣдуетъ,—ясно показываютъ невѣроятность подобной догадки.

[2]) Напр. бл. Θеодоритъ и Калметъ на Пс. 72. Сообразно съ этимъ въ нѣкоторыхъ греческихъ изданіяхъ Псалтири псаломъ 72 надписывается: πρὸς τὸν Ἀσσύριον. См. напр. Греч. Псалт. изд. въ Венеціи 1867 года.

[3]) Напр. Hitzig, Lengerke, Olshausen и имъ под., которые оба псалма, какъ и большую часть другихъ Асафовыхъ, относятъ ко времени Антіоха Епифана, думая видѣть въ Пс. 72 (особ. ст. 10 и 27) намеки на отпаденіе нѣкоторыхъ Іудеевъ отъ вѣры, въ правленіе этого гонителя (1 Макк. 1, 11—14. 43. 52), а въ Пс. 81 — жалобы на несправедливыя притѣсненія со стороны намѣстниковъ и полководцевъ Антіоха, какъ то: Лисія, Птоломея, Горгія и Никанора (1 Макк. 3, 32—38 и дал. 4, 28).

денствіе своихъ притѣснителей, могли приходить къ сомнѣнію въ благости и правосудіи Іеговы къ почитателямъ Его и ради земныхъ выгодъ склонялись даже къ отпаденію въ язычество. Содержаніе псалмовъ дѣйствительно представляетъ нѣкоторую аналогію съ указываемыми обстоятельствами; но само собою понятно, что аналогія, на которую съ одинаковымъ правомъ опираются различныя мнѣнія, не можетъ ни для одного изъ нихъ служить достаточнымъ основаніемъ. Еще можно бы было признать за подобными догадками нѣкоторую степень вѣроятности, если бы разсматриваемые псалмы въ какомъ либо отношеніи представляли очевидные признаки позднѣйшаго происхожденія. Но въ Пс. 81-мъ и сами защитники позднѣйшаго происхожденія псалмовъ не указываютъ такихъ признаковъ ни въ содержаніи, ни въ формѣ или словоупотребленіи, и относятъ его къ позднѣйшему времени лишь потому, что онъ занимаетъ положеніе между псалмами, которые они рѣшили приписывать позднѣйшимъ писателямъ [1]). А въ Пс. 72-мъ указываемые въ этомъ отношеніи признаки ограничиваются лишь сходствомъ мыслей съ книгою Іова, которое обще ему съ нѣкоторыми Давидовыми псалмами (36 и 61-мъ), и употребленіемъ нѣсколькихъ, впрочемъ очень немногихъ, словъ, или вообще малоупотребительныхъ, или же рѣдко встрѣчающихся въ древнѣйшихъ писаніяхъ [2]), и очевидно нисколько не говорятъ о позднемъ происхожденіи псалма, а только показываютъ, что писатель его не чуж-

---

[1]) См. коммент. на этотъ Пс. вышеупомянутыхъ раціоналистовъ. Ср. также Генгстенберга о Гитцигѣ и др.

[2]) Таковы: יְמִיקוּ (ст. 8), Гиф. отъ неупотр. מוּק,—одно изъ ἅπ. λεγ., признаваемое позднѣйшимъ по сродству съ употребляемою у Талмудистовъ арамейскою формою מִיק; בַּלְהוֹת (ст. 19), часто встрѣчающееся въ кн. Іова (18, 11. 14. 24, 17. 27, 20. 30, 15), а также у Исаіи (17, 14); אֲנִימוֹ (ст. 5),—однажды только встрѣчающаяся неправильная форма, вѣроятно происшедшая вслѣдствіе описки и потому въ новыхъ изданіяхъ евр. Библіи обыкновенно замѣняемая правильною אֲנִמְּמוֹ (ср. Delitzsch S. 461) и מְשִׁשְׁאוֹת (ст. 18), встрѣчающееся еще только въ Пс. 74 (евр. ст. 3), происшедшемъ около времени плѣна Вавилонскаго, но, по мнѣнію Генгстенберга (на эт. Пс.), заимствованное въ него изъ нашего псалма, подобно тому какъ Притч. 20, 9 представляетъ, кажется, заимствованіе 13 стиха нашего псалма.

дался слѣдовать древнѣйшимъ образцамъ пѣсней, напр. книги Іова, но въ тоже время далекъ былъ отъ рабскаго имъ подражанія и отличался своеобразнымъ языкомъ и образомъ выраженій. Притомъ же въ содержаніи разсматриваемыхъ псалмовъ, при замѣчаемой въ нихъ нѣкоторой аналогіи съ позднѣйшими событіями, представляются и явныя несообразности съ этими событіями, рѣшительно не позволяющія допустить, чтобы псалмы имѣли къ нимъ какое либо отношеніе. Такъ напр. въ Пс. 72-мъ незамѣтно ни одной черты, которая бы давала заключать, что псалмопѣвецъ имѣетъ въ виду не просто опасность свойственнаго всѣмъ временамъ увлеченія примѣромъ счастливыхъ нечестивцевъ, а именно опасность уклоненія въ язычество; напротивъ того изъ ст. 17-го мы ясно видимъ, что въ то время свободно можно было входить во святилище Божіе, чтобы найти тамъ въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ и откровенномъ словѣ Его разрѣшеніе своихъ недоумѣній о жребіяхъ праведныхъ и нечестивыхъ, и такимъ образомъ естественно должны заключить, что происхожденіе псалма не можетъ быть отнесено ни ко времени плѣна, когда святилище уже не существовало, ни ко времени религіознаго гоненія въ періодъ Маккавеевъ, когда, по выраженію историка того времени, «святилище стояло какъ пустыня, жители же Іерусалима бѣжали и онъ сдѣлался жилищемъ чужихъ, а свои сыны оставили его» (1 Макк. 1, 38—39) [1]). Очевидно также, что и въ Пс. 81-мъ, подъ судіями, которыхъ обличаетъ псалмопѣвецъ, нельзя разумѣть языческихъ правителей или ихъ намѣ-

---

[1]) Чтобы примирить ст. 17 съ предполагаемыми обстоятельствами происхожденія псалма во время гоненій Антіоха Епифана, Hitzig и Lengerke объясняютъ его въ несобственномъ смыслѣ, разумѣя подъ вхожденіемъ во святилища Божіи само по себѣ непосредственное вступленіе въ ближайшее общеніе съ Богомъ и уразумѣніе таинъ Его Промысла, т. е. тоже самое, что говорится во 2 половинѣ стиха: «уразумѣлъ конецъ ихъ» (счастливыхъ нечестивцевъ). Но употребленное въ Священномъ Писаніи выраженіе: «святилище» или «святилища Божіи» вездѣ означаетъ скинію или храмъ Іерусалимскій (ср. Пс. 67, 36. 77, 69. 73, 7. Іер. 51, 51. Іез. 21, 7 и др.), и если вообще возможно допустить подобное несобственное значеніе (ср. Толк. Иринея Псковскаго), то оно не исключаетъ буквальнаго значенія, а предварительно предполагаетъ его и на немъ основывается.

стниковъ: потому что усвояемое имъ въ псалмѣ имя боговъ и сыновъ Вышняго въ Свящ. Писаніи Ветхаго Завѣта никогда не дается языческимъ владыкамъ, и въ настоящемъ случаѣ, безъ сомнѣнія, оно заимствовано изъ Пятокнижія (Исх. 22, 28 съ евр. Втор. 1, 17. Ср. Исх. 21, 6 съ евр.), гдѣ относится къ однимъ только Израильтянамъ. Притомъ же и обличенія псалмопѣвца исключительно направлены противъ дурнаго судопроизводства, пристрастія къ нечестивымъ, отказа въ правосудіи бѣднымъ и т. п., что гораздо ближе относится къ собственнымъ Израильскимъ судіямъ, нежели къ языческимъ правителямъ Іудеевъ, тѣмъ болѣе что подобныя же обличенія и наставленія встрѣчаются отчасти уже въ Пятокнижіи (Исх. 23, 6—8. Лев. 19, 15. Втор. 1, 16—17. 16, 18—19), слышатся въ рѣчи благочестиваго царя Іосафата (2 Пар. 19, 5—7) и повторяются у многихъ пророковъ (Иса. 1, 17. 23. 3, 13—15. Мих. 3, 1—4. Ам. 2, 6—7. Іер. 22, 3 и дал.), и вездѣ одинаково обращены къ собственнымъ судіямъ Еврейскаго народа, почему и въ настоящемъ псалмѣ не представляется основанія относить ихъ къ иноземнымъ властителямъ Іудеевъ или ихъ намѣстникамъ. Такимъ образомъ, если разсматриваемые нами псалмы и не представляютъ въ себѣ ясныхъ и опредѣленныхъ признаковъ происхожденія во времена Давида, то, при совершенной сообразности ихъ содержанія и языка съ этимъ временемъ и очевидной несостоятельности предпринимавшихся доселѣ различными толкователями попытокъ отыскать въ позднѣйшей исторіи ближайшіе поводы къ ихъ написанію, или по крайней мѣрѣ доказать ихъ позднѣйшее происхожденіе, все же остается болѣе основательнымъ и вѣроятнымъ признавать, что они принадлежатъ славному пѣвцу Давидову, пророку Асафу, именемъ котораго надписываются и съ пѣснію котораго (Пс. 77-мъ), какъ мы выше замѣтили, имѣютъ наибольшее сходство.

Остальные *семь псалмовъ, надписывающіеся именемъ Асафа (73—76, 78, 79 и 82), какъ мы уже замѣтили, не принадлежатъ пророку Асафу, современнику Давидову.* Содержаніе ихъ представляетъ довольно ясные признаки происхожденія въ различныя эпохи послѣдующей исторіи Іудейскаго царства отъ времени Іосафата до плѣна Вавилонскаго. Кто были *ихъ писатели*—опредѣлить нельзя. Впрочемъ очень вѣроятно, что они *были изъ племени Асафа пѣвца Давидова*, почему и старались подражать ему

въ своихъ пѣсняхъ и свои имена скрыли подъ его именемъ, подобно какъ пѣвцы изъ племени Кореева, не имѣя у себя столь знаменитаго пѣвца-родоначальника, скрыли свои имена подъ общимъ племеннымъ названіемъ сыновъ Кореевыхъ. Во всякомъ случаѣ исторически извѣстно, что фамилія пѣвцовъ, потомковъ Асафа пророка, существовала во всѣ эпохи, къ которымъ, судя по содержанію и другимъ признакамъ, слѣдуетъ относить происхожденіе разсматриваемыхъ семи псалмовъ (2 Пар. 20, 14. 29, 13. 35, 15). Во времена Іосафата изъ числа сыновъ Асафовыхъ исторія называетъ Іозіила пророка, который предсказалъ царю и народу побѣду надъ соединившимися противъ Іудеевъ многочисленными сосѣдними народами (2 Пар. 20, 14 и дал.). Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другія эпохи были въ этой фамиліи подобные же вдохновенные пророки и пѣвцы, но только имена ихъ не сохранила до насъ исторія. Къ числу этихъ-то вдохновенныхъ потомковъ Асафа, конечно, и принадлежали писатели семи псалмовъ, надписывающихся его именемъ.

Псаломъ 82-й, по мнѣнію нѣкоторыхъ, могъ быть написанъ и пророкомъ Асафомъ, современникомъ Давида царя, по поводу его войнъ съ Аммонитянами и другими сосѣдними народами (2 Ц. гл. 8, 10 и 12, ст. 26 и дал.) [1]). Другіе же полагаютъ, что поводомъ къ написанію его послужили враждебныя дѣйствія Самарянъ и другихъ сосѣднихъ народовъ противъ возвратившихся изъ плѣна Іудеевъ при Зоровавелѣ и Нееміи (1 Ездр. 4 гл. Неем. 4 гл. и 6) [2]); а любители Маккавейскихъ псалмовъ утверждаютъ, что онъ воспѣтъ былъ по поводу войнъ Іуды Маккавея съ окрестными народами, которые тогда, въ виду успѣховъ Іудеевъ въ борьбѣ за свою

---

[1]) См. Einleit. in die Psalmen v. Cramer, c. III. Также: Grotius (Annott. 1644), I. H. Michaëlis. (Annott. uberior. 1720), Clauss (Beitrage zur Kritik u. Exegese d. Ps. 1831. S. 428 ff.), Berthier (Notes du Ps. 82 in Scr. S. curs. compl. T. XV, p. 1025. Cmpr. p. 1019—20 et coet.).

[2]) Бл. Θеодоритъ, Θеодоръ Иракл., Евѳимій Зигабенъ; изъ новѣйшихъ: Maurer (Comment. gramm. hist. crit. in V. T. Vol. III, p. 232), Ewald (Dichter des A. B. 2. S. 461. 2 Ausg. u. Gesch. d. Volk. Isr. IV. S. 175), Vaihinger (Die Psalmen übers. u. erkl. zu d. Ps. 83), Dillmann и др.

независимость, какъ бы по данному знаку, со всѣхъ сторонъ поднялись противъ нихъ, чтобы воспрепятствовать ихъ политическому возвышенію и утвержденію своей самостоятельности (1 Макк. гл. 5) [1]). По содержанію своему псаломъ *есть молитва къ Богу объ избавленіи Его народа отъ страшнаго нашествія многочисленныхъ языческихъ народовъ, соединившихся для совершеннаго истребленія Израиля*, и дѣйствительно представляетъ нѣкоторую аналогію съ каждымъ изъ указанныхъ историческихъ событій, въ которыхъ разные толкователи думаютъ видѣть поводы къ его написанію. Но каждое изъ этихъ событій, при незначительномъ сходствѣ съ описанными въ псалмѣ историческими обстоятельствами, представляетъ такъ много непримиримыхъ съ ними несообразностей, что оставаясь безпристрастнымъ, невозможно ни котораго изъ нихъ признать дѣйствительнымъ поводомъ къ написанію псалма. Изображаемый въ нихъ враждебный союзъ многочисленныхъ языческихъ народовъ противъ Израиля далеко не походитъ на враждебные союзы временъ Давида, или возстановленія Іерусалима послѣ плѣна Вавилонскаго, равно какъ и на непріязненныя ополченія окрестныхъ народовъ въ правленіе Іуды Маккавея. Въ составѣ этого союза называются псалмопѣвцемъ десять различныхъ народовъ: Идумеи, Измаильтяне, Моавъ и Агаряне, Гевалъ и Аммонъ и Амаликъ, Филистимляне съ жителями Тира и Ассуръ, изъ которыхъ во главѣ союзнаго войска стоятъ сыны Лотовы (ст. 6—9), т. е. Моавитяне и Аммонитяне (Быт. 19, 37—38). Между тѣмъ, если во главѣ одного изъ враждебныхъ союзовъ при Давидѣ мы

---

[1]) Beda venerabilis, Salomon van Til, Herm. Venema, Bellarminus, Bengel (Opusc. acad. Hamb. 1834. p. 13), van der Palm, Hitzig, Olshausen, Lengerke, Grimm, Bunsen и др. Кромѣ приведенныхъ догадокъ о происхожденіи 82 Пс. существуютъ и многія другія. Такъ напр., нѣкоторые приспособляютъ его къ обстоятельствамъ войны Іорама царя Іудейскаго противъ отложившихся Идумеевъ, другіе къ нашествію на Іудею Сеннахирима, иные—къ нашествію Навуходоносора и проч. Изъ двухъ послѣднихъ мнѣній первое встрѣчается у св. Аѳанасія Александрійскаго, второе — у Евсевія Кесарійскаго (см. также Scr. S. curs. compl. p. 1021). Но съ перваго взгляда очевидно, что предполагаемые въ этихъ послѣднихъ догадкахъ поводы къ написанію псалма очень мало имѣютъ сходства съ описаннымъ въ немъ событіемъ.

и видимъ сыновъ Лота,—Аммонитянъ, то вмѣстѣ съ ними воевали тогда противъ Евреевъ только различныя племена Арамеевъ или Сирійцевъ (2 Ц. 10, 6 и дал.), о которыхъ вовсе не упоминается въ псалмѣ; изъ прочихъ же исчисленныхъ въ немъ народовъ ни одинъ не принималъ въ этомъ союзѣ никакого участія. Въ составѣ двухъ другихъ враждебныхъ Евреямъ союзовъ въ Давидово царствованіе находились исключительно только различныя племена Сирійцевъ (2 Ц. 8, 3—8. 10, 15—19), не называемыя въ числѣ союзныхъ враговъ Израиля, о которыхъ говорится въ псалмѣ. Правда, Давидъ велъ также войны съ Филистимлянами (2 Ц. 5, 17—25. 8, 1), Моавитянами (2 Ц. 8, 2), Идумеями (ст. 13—14; ср. 1 Пар. 18, 12—13 и 3 Ц. 11, 15—16) и Амаликитянами (2 Ц. 8, 12. 1 Пар. 18, 11), которые принимали участіе въ описанномъ у псалмопѣвца союзѣ противъ Израиля; но всѣ эти народы при Давидѣ дѣлали нападенія на Евреевъ каждый отдѣльно, не вступая въ союзъ между собою, или съ какими либо другими народами, тогда какъ во времена писателя разсматриваемаго псалма они «сговорились единодушно, заключили союзъ противъ Господа; стали мышцею для сыновъ Лотовыхъ» (Пс. 82, ст. 6 и 9). При томъ же въ псалмѣ въ числѣ враговъ Израиля называются жители Тира, между тѣмъ какъ, по свидѣтельству исторіи, Тиряне во все время царствованія Давида и сына его Соломона были друзьями Евреевъ и находились съ ними въ мирныхъ торговыхъ сношеніяхъ (2 Ц. 5, 11. 1 Пар. 22, 4. 3 Ц. 5, 1 и дал. 9, 11 и дал.). Еще менѣе соотвѣтствія въ содержаніи псалма съ враждебными дѣйствіями нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ противъ Іудеевъ при возстановленіи ими Іерусалима и храма послѣ плѣна Вавилонскаго. Въ это время главными врагами Іудеевъ были Самаряне (1 Ездр. 4 гл. 2 Ездр. 2, 16—31. 5, 63—70. Неем. гл. 4 и 6), о которыхъ ничего не говорится въ псалмѣ и которыхъ нѣтъ никакого основанія разумѣть подъ именемъ Ассиріянъ или какого либо изъ другихъ названныхъ въ немъ народовъ, какъ произвольно предполагаютъ это нѣкоторые толкователи [1]). При Нееміи выступаютъ противъ Іуде-

[1]) Такъ бл. Ѳеодоритъ въ Толк. на Пс. 82 ст. 9: «Ассиріяне не царствовали въ это время. Посему пророческое слово даетъ разумѣть Самарянъ, поселенцевъ ассирійскихъ, по плѣненіи десяти колѣнъ водворившихся въ ихъ городахъ».

евъ и сыны Лотовы,—Аммонитяне (Неем. 4, 7); но они занимаютъ во враждебномъ союзѣ только второстепенное положеніе, какъ союзники Самарянъ, дѣйствуя по мысли и подъ главнымъ управленіемъ Самарійскаго сатрапа Санаваллата (Неем. 4, 1—3. 7, 6, 1—2). Вмѣстѣ съ ними въ союзѣ противъ Іудеевъ принимали участіе еще Аравитяне и Филистимляне, или собственно Азотяне, жители филистимскаго города Азота (Неем. 4, 7); но участія прочихъ названныхъ въ псалмѣ народовъ, какъ-то: Идумейскихъ племенъ, Моавитянъ, жителей Тира и Ассиріянъ,—рѣшительно не видно изъ исторіи. Напротивъ того о Тирянахъ извѣстно, что во времена Нееміи они мирно вели торговлю съ Іудеями и особенно съ столицею ихъ, Іерусалимомъ (Неем. 13, 16), а что касается Амаликитянъ и Ассиріянъ, то предполагать участіе ихъ вмѣстѣ съ Самарянами въ союзѣ противъ Іудеевъ было бы непозволительнымъ анахронизмомъ, явно изобличаемымъ несомнѣнною исторіею. Оба эти народа еще задолго до времени означеннаго враждебнаго союза покончили свое политическое существованіе. «Уцѣлѣвшіе» отъ пораженій при Саулѣ и Давидѣ «остатки Амаликитянъ», державшіеся въ горѣ Сеиръ, еще въ царствованіе Езекіи окончательно истреблены были Симеоновымъ колѣномъ, и съ того времени самое имя Амалика исчезло изъ исторіи (1 Пар. 4, 41—43). Подобнымъ образомъ и Ассиріяне, еще до плѣненія Іудеевъ покоренные Вавилонянами и Мидянами (Тов. 14, 15; ср. 1, 2—4. 10. 15. 18), вмѣстѣ съ этими послѣдними вошли потомъ въ составъ Персидскаго царства (Herod. lib. III, c. 92; ср. I, 192), и если послѣ этого времени у священныхъ писателей употреблялось иногда имя Ассура (אַשּׁוּר), то оно означало не Ассиріянъ въ собственномъ смыслѣ, а заступившихъ ихъ мѣсто побѣдителей ихъ, Персовъ (1 Ездр. 6, 22. Ср. 2 Ездр. 7, 15), которые, какъ извѣстно, не только не были врагами Іудеевъ, а напротивъ, въ лицѣ своихъ государей, всегда являлись имъ покровителями и защитниками (См. 1 Ездр. 1, 6. 7. Неем. 2 и др.). Тотъ же историческій анахронизмъ является и въ примѣненіи псалма къ войнамъ Іуды Маккавея съ окрестными языческими народами (1 Макк. гл. 5). Напрасно думаютъ устранить очевидную несообразность съ Маккавейскимъ временемъ упоминанія объ Амаликѣ тѣмъ предположеніемъ, что истребленіе Амаликитянъ при Езекіи было не полное и часть

ихъ продолжала существовать до позднѣйшихъ временъ [1]), или же, что имя Амалика употребляется въ псалмѣ не въ собственномъ смыслѣ слова, но какъ поэтическое названіе древнихъ враговъ Израиля [2]): первая догадка не имѣетъ никакого основанія въ исторіи и противорѣчитъ совершенно ясному смыслу вышеприведеннаго сказанія кн. Паралипоменонъ (1 Пар. 4, 42—3); послѣдняя опровергается общимъ историческимъ смысломъ псалма, гдѣ всѣ другія имена народовъ признаются историческими и, судя по ходу рѣчи и по образу выраженія (особ. ст. 9), такъ особенно по сопоставленію ихъ съ воспоминаніями о прежнихъ несомнѣнно историческихъ событіяхъ (ст. 10 – 12), не могутъ быть понимаемы иначе, какъ только въ собственномъ, строго-историческомъ значеніи. Также несостоятельна попытка примирить съ исторіею Маккавейскаго времени и упоминаніе объ Ассиріи. Въ основаніи ея обыкновенно полагается предположеніе, что именемъ Ассиріи псалмопѣвецъ называетъ господствовавшее въ то время въ большей части югозападной Азіи Сирійское царство Селевкидовъ. Дѣйствительно у нѣкоторыхъ языческихъ писателей этого и послѣдующаго времени имена Сиріи и Ассиріи употребляются иногда смѣшанно, одно вмѣсто другаго [3]), и нынѣшній квадратный шрифтъ еврейскій называется въ Талмудѣ כְּתָב אַשּׁוּרִי, т. е. *Ассирійскимъ шрифтомъ*, тогда какъ по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ мѣстомъ происхожденія его была Сирія царство Селевкидовъ [4]). Но ни то, ни другое не ведетъ къ желаемому заключенію, будто подъ именемъ Ассиріи въ псалмѣ слѣдуетъ разумѣть Сирію: потому что замѣчаемое у нѣкоторыхъ языческихъ писателей смѣшеніе названій двухъ различныхъ странъ Сиріи и Ассиріи, имѣющее свое основаніе главнымъ образомъ въ созвучіи обоихъ названій на греческомъ и латинскомъ языкахъ не имѣетъ ничего общаго съ словоупотребленіемъ Священнаго Писа-

---

[1]) Hitzig и Lengerke.

[2]) Olshausen и др. De Wette, Hupfeld хотятъ быть послѣдовательнѣе и утверждаютъ, что все помянное исчисленіе враговъ—не болѣе какъ только поэтическое выраженіе мысли, что всѣ враги Израиля вступили въ союзъ противъ него.

[3]) Herod. VII, 63. Justin. I, 2. 13. Sil. Ital. 13, 886 и др.

[4]) См. обстоятельное изслѣдованіе по этому вопросу Hupfeld'a въ Theol. St. u. Krit. 1830. II, S. 289 ff.

нія Ветхаго Завѣта, на языкѣ котораго Сирія всегда отличается совершенно особеннымъ названіемъ Арама (אֲרָם Числ. 23, 7. 2 Ц. 10, 9. 11. 15. 4 Ц. 5, 1. 2. 5. 16, 7. Ам. 9, 7), или съ прибавленіемъ къ нему другихъ отличительныхъ именъ: Арама рѣкъ (אֲרָם נַהֲרַיִם Быт. 24, 10. Втор. 23, 5. Суд. 3, 8. 1 Пар. 19, 6) или Паданъ-Арама (פַּדַּן אֲרָם—Быт. 25, 20. 28, 2. 48, 7), т. е. Месопотаміи или плоской Сиріи, и Арама Цовавскаго (אֲרָם צוֹבָה 2 Ц. 10, 6. 8. Пс. 60, 2. 1 Пар. 18, 5) и Арама Дамасскаго (אֲרָם דַּמֶּשֶׂק 2 Ц. 8, 5—6. 1 Пар. 18, 5—6); а потому правильнѣе думать, что и названіе *Ассирійскимъ* еврейскаго квадратнаго шрифта, производимаго нѣкоторыми учеными изъ Сиріи, основывается не на этомъ происхожденіи его и слѣдовательно не на смѣшанномъ употребленіи именъ обѣихъ странъ одного вмѣсто другаго, но на древнемъ преданіи, которое первоначальнымъ отечествомъ названнаго шрифта считало Ассирію, откуда вѣроятно и заимствовали его сперва Сирійцы, а потомъ чрезъ этихъ послѣднихъ и Евреи [1]). Впрочемъ если бы даже и можно было допустить употребленіе на библейскомъ языкѣ имени Ассура для означенія Сирійскаго царства Селевкидовъ, то и тогда бы содержаніе псалма одинаково не соотвѣтствовало историческимъ обстоятельствамъ Маккавейскаго періода; потому что при участіи въ союзѣ противъ Іудеевъ могущественное въ то время царство Сирійское должно бы было занимать первенствующее и господствующее положеніе между союзными, большею частію зависимыми отъ него народами, между тѣмъ какъ въ псалмѣ Ассуръ занимаетъ второстепенное и подчиненное положеніе, являясь помощникомъ Моавитянъ и Аммонитянъ: «Ассуръ присталъ къ нимъ (союзнымъ народамъ); они стали мышцею сыновъ Лотовыхъ» (ст. 9). Нельзя наконецъ не замѣтить и того, что по описанію псалмопѣвца всѣ исчисленные имъ народы состояли въ союзѣ противъ Израиля; между тѣмъ во времена Іуды Маккавея многочисленные враги Іудеевъ, если по своимъ именамъ и совпадаютъ большею частію съ врагами, названными въ псалмѣ [2]), то

---

[1]) Такое мнѣніе высказываютъ: Buxtorfius (Lexic. p. 241), Winer (R.-Wörterb. II s. 423—423), Ewald (Lehrb. § 10. S. 42—3. 7 Aufl.), Keil (Einl. § 167. S. 569 ff.), Herzfeld (Gesch. II. S. 47—8 и 76—91), de Jong (a. a. O. S. 42—43) и др.

[2]) Такъ Идумеяне упоминаются въ 1 Макк. 5, ст. 3, Аммонитяне—

почти всѣ они дѣйствовали противъ нихъ отдѣльно, не вступая въ союзъ между собою, и отдѣльно были отражаемы и усмиряемы Іудою (См. 1 Макк. 5, особ. ст. 3. 4. 6. 15. 36. 65. 68). Такимъ образомъ ни одно изъ трехъ приведенныхъ мнѣній о происхожденіи 82-го псалма, не смотря на кажущуюся съ перваго взгляда нѣкоторую вѣроятность, не выдерживаетъ здравой исторической и логической критики. По сличенію описаннаго въ немъ враждебнаго союза съ описаніями другихъ подобныхъ союзовъ противъ Израиля въ его исторіи, наиболѣе сходства и отсутствія историческихъ несообразностей представляетъ *враждебный союзъ противъ Іудеевъ*, бывшій *въ царствованіе Іосафата* (2 Пар. 20), который потому *кажется всего вѣроятнѣе признавать историческимъ поводомъ къ написанію псалма* [1]). Правда, въ исторіи этого событія, во 2 кн. Паралипоменонъ, упоминаются далеко не всѣ народы, которые называются въ числѣ враговъ Израиля въ союзѣ, описанномъ у псалмопѣвца; ихъ упоминается здѣсь даже значительно менѣе, чѣмъ сколько упомянуто въ исторіи войнъ Іуды Маккавея: но происходящія отсюда трудности въ примиреніи этого событія съ содержаніемъ псалма удобно можно устранить, не впадая въ анахронизмы и другія историческія несообразности, чего напрасно стараются до-

---

въ ст. 6, Тиряне въ ст. 15, Аравитяне (Измаильтяне и Агаряне) — въ ст. 39, Филистимляне (собств. городъ Азотъ) — въ ст. 68, Моавитяне (собств. г. Возоръ въ пустынѣ=Бецеръ въ пустынѣ на равнинѣ, Втор. 4, 43)—въ ст. 28. Такимъ образомъ изъ 10 названныхъ въ псалмѣ народовъ недостаетъ только трехъ: Амаликитянъ, Ассиріянъ и Гевалитянъ. Впрочемъ послѣднихъ думаютъ видѣть въ сынахъ Веана (ст. 4), отожествляемыхъ съ жителями Оемана, который бл. Іеронимъ полагаетъ въ землѣ Гевалійской (ср. Hitzig'a a. a. O. II S. 197; противъ него Grimm a. a. O. S. 79). Другіе же сыновъ Веана отожествляютъ съ Агарянами, считая ихъ за южное идумейское племя; а Гевалитянъ относятъ къ Идумеянамъ, какъ сѣверное ихъ племя (Lengerke a. a. O. II, S. 443, и Kenaan. I. 300—301).

[1]) Этого мнѣнія держится и нашъ толкователь Преосвященный Ириней Псковскій и Х. Орда въ Рук. къ послѣд. чт. учит. кн. В. 3. Тому же мнѣнію слѣдуетъ и большинство лучшихъ иностранныхъ толкователей: Calmet, Tolück, Hengstenberg, Mover, Hävernick, Delitzch, Keil, Ehrt, Moll и друг.

стигнуть въ примѣненіи псалма къ Маккавейскому времени и другимъ историческимъ событіямъ [1]). Именно, изъ десяти различныхъ народовъ, исчисленныхъ въ псалмѣ, въ исторіи враждебнаго союза противъ Іудеевъ въ царствованіе Іосафата называются прямо только главные враги Іудеевъ: Моавитяне и Аммонитяне; а что касается союзниковъ ихъ, то они не исчисляются подробно, какъ въ псалмѣ, но обозначаются лишь вообще по мѣсту пребыванія ихъ, какъ жители «страны Маонитской» [2]) (2 Пар. 20) и далѣе какъ «обитатели горы Сеиръ» (ст. 10, 22 и 23). Но въ горѣ Сеиръ обитали многія Идумейскія племена, а въ томъ числѣ и тѣ изъ нихъ, которыя называются между союзными врагами у псалмопѣвца, какъ-то: Идумеи въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, Амаликитяне (Быт. 32, 3. 33, 14. 16. 36, 8. 12. 16), а также и Гевалъ, обитавшіе, какъ полагаютъ, на сѣверномъ склонѣ Сеирскаго хребта, на югъ отъ Мертваго моря [3]). Подобнымъ образомъ подъ Маонитами, обитавшими въ сосѣдствѣ съ Идумеями на востокѣ отъ горъ Сеирскихъ [4]) въ сѣверовосточной части нынѣшней Аравіи, и которыхъ

---

[1]) Поэтому нѣкоторые даже изъ защитниковъ Маккавейскихъ псалмовъ, при сличеніи различныхъ основаній за и противъ происхожденія 82-го Пс.—изъ времени Іосафата и изъ времени Маккавеевъ, отдаютъ преимущество первому мнѣнію. Такъ de Jong, сличая оба приведенныя мнѣнія, говоритъ: «Haec, т. е. мнѣніе о Маккавейскомъ происхожденіи псалма, difficultatibus libera non est, illa, т. е. мнѣніе о происхожденіи изъ времени Іосафата, earum quidem expers, sed hostium inopia laborat. Itaque donec meliora edoctus sim, hostes malo absentes, quam praesentiâ suâ mihi molestos (Ad. h. Ps. p. 44).

[2]) מְהַמְעוֹנִים по исправленному чтенію, примѣнительно къ LXX: ἐκ τῶν Μιναίων вм. испорченнаго нынѣшняго евр. מְהַעַמּוֹנִים (слав. отъ Амманитовъ). См. примѣч. Гуляева на это мѣсто въ его Ист. кн. Свящ. Писанія и Д. Хвольсона въ Христ. Чт. 1870 г. II стр. 277.

[3]) I. Флавія, Древн. Іуд. 2, 1, 2; 3, 2, 1; 9, 9, 1. Ср. также Евсев., бл. Ѳеодор. и Стеф. Визант. на Пс. 82, 8 и д.

[4]) Въ 1 Пар. 4, 39—41 мѣстопребываніемъ Маонитовъ (מְעוֹנִים k'tib. вм. מְעוֹנִים, Fürst's, Hebr. Handwört; LXX: Μιναῖοι.) называется пастбищная страна на востокѣ долины, т. е. точнѣе на юго-восточномъ продолженіи долины, въ которой лежитъ Мертвое море, или тоже что «на востокѣ отъ горъ Сеирскихъ», какъ Хвольсонъ въ вышеприведен. примѣ-

Іосифъ Флавій прямо считаетъ за Аравитянъ [1]), можно разумѣть и называемыя въ псалмѣ Аравійскія имена Измаильтянъ и Агарянъ. Такимъ образомъ остается сомнѣніе лишь относительно участія въ союзѣ противъ Іосафата Филистимлянъ, Тира и Ассура. Исторія этого событія совершенно объ нихъ умалчиваетъ; но только молчаніе это въ настоящемъ случаѣ нельзя считать равносильнымъ отрицанію: потому что оно могло быть естественнымъ слѣдствіемъ общаго характера повѣствованія, по которому историкъ точно также не исчисляетъ поименно и другихъ союзниковъ, и тѣмъ болѣе умѣстно въ отношеніи къ этимъ тремъ народамъ, такъ какъ и въ псалмѣ, при подробномъ исчисленіи союзниковъ, они занимаютъ послѣднее мѣсто, какъ второстепенные помощники сыновъ Лотовыхъ, представлявшіе собою на всякій случай, такъ сказать, резервъ союзнаго ополченія и, быть можетъ, оказывавшіе имъ свое содѣйствіе [2]), не выходя въ поле сраженія. Во всякомъ случаѣ предположеніе участія ихъ въ союзѣ противъ Іосафата не представляетъ историческихъ несообразностей. Филистимляне были всегдашними врагами Іудеевъ и нерѣдко дѣлали нападенія на нихъ въ союзѣ съ Идумеями, Аравитянами и др. народами, какъ это мы видимъ и въ царствованіе сына и преемника Іосафатова Іорама (2 Пар. 21, 16—17. Ср. 8—10). И Тиряне послѣ раздѣленія царствъ измѣнили прежней дружбѣ своей съ Евреями и нерѣдко соединялись противъ нихъ съ исконными ихъ врагами Филистимлянами и Идумеями и другими народами, за что пророки и возвѣщали имъ разрушеніе и опустошеніе ихъ богатыхъ

чанія, что подтверждается и контекстомъ приведеннаго мѣста, такъ какъ въ слѣдующемъ же 42 ст. говорится о горѣ Сеиръ. Ср. также Robins. III S. 127.

[1]) Древн. Іуд. 9, 1, 2. Сопоставленіе ихъ въ Свящ. Писаніи съ Аравитянами (2 Пар. 26, 7) и съ Идумеями, обитавшими въ сосѣдствѣ съ ними (2 Пар. 20, ср. ст. 1 съ 10. 22. 23 и гл. 4, ст. 41—42), смѣшеніе у LXX съ Арабскимъ племенемъ Мадіанитянъ (Суд. 10, 12 ср. по евр. и греч.) и самое названіе Минеями (Μιναῖοι), которые у древнихъ классическихъ писателей—Страбона, Діодора, Птоломея, Плинія и др.—описываются какъ Аравитяне,—все вмѣстѣ ведетъ къ заключенію, что это дѣйствительно были Аравійскія племена.

[2]) «Стали мышцею (חַיִל וְרֹעַ) для сыновъ Лотовыхъ»—тоже что оказывали содѣйствіе, помощь. См. Gesenii thes p. 433b.

владѣній (Іоил. 3, 4. Амос. 1, 9 и дал.; ср. Іер. 47, 4). Ни что не препятствуетъ предполагать въ союзѣ противъ Іосафата и Ассиріянъ, тѣмъ болѣе, что второстепенное положеніе ихъ между союзниками соотвѣтствуетъ тогдашнему политическому состоянію Ассиріи, еще не достигшей верховнаго владычества въ западной Азіи, какъ это было спустя одно столѣтіе послѣ времени Іосафата. Всѣ прочія отличительныя черты непріятельскаго союза, бывшаго при Іосафатѣ и описаннаго въ псалмѣ, вполнѣ совпадаютъ между собою. Тамъ и здѣсь во главѣ союза стоятъ сыны Лотовы: Моавитяне и Аммонитяне, а прочіе народы присоединяются къ нимъ, какъ ихъ помощники; тамъ и здѣсь дѣлаютъ нападеніе съ одною цѣлію, — не съ тѣмъ, чтобы получить только добычу, или чтобы ослабить Израиля и воспрепятствовать его возвышенію, какъ при Нееміи и Іудѣ Маккавеѣ, но чтобы совершенно истребить его изъ числа народовъ и самимъ занять его владѣнія (Пс. 82, ст. 5 и 13. Ср. 2 Пар. 20, 11. 25 [1]); тамъ и здѣсь дѣйствуютъ тайно съ хитростію, такъ какъ, по словамъ псалмопѣвца, враги Израиля «составляютъ коварный умыселъ, совѣщаются противъ хранимыхъ» Богомъ (ст. 4), и въ исторіи нашествія на Іудею союзныхъ враговъ при Іосафатѣ мы видимъ хитро обдуманный планъ, по которому непріятели неожиданно вторгаются въ Іудею съ юга, откуда менѣе можно было опасаться нападенія, и притомъ съ такою быстротою, что вѣсть объ ихъ набѣгѣ дошла до Іерусалима тогда только, когда они уже стояли у Энгадди, не болѣе какъ въ двухъ дняхъ пути отъ столицы Іудеи (2 Пар. 20, 2). Кромѣ того и историческія воспоминанія псалмопѣвца о непріятельскихъ нашествіяхъ на Израиля при Деворѣ и Гедеонѣ и ниспосланныхъ тогда отъ Бога чудесныхъ избавленіяхъ отъ враговъ (ст. 10—12), также, кажется, гораздо ближе подходятъ къ обстоятельствамъ подобнаго нашествія при Іосафатѣ; потому что съ одной стороны мы видимъ здѣсь отчасти тѣхъ же враговъ,

---

[1]) Чрезвычайное богатство полученной Іосафатомъ добычи (ст. 25) показываетъ, что непріятели пришли со всѣмъ своимъ имуществомъ, какъ это обыкновенно бываетъ во время переселенія народовъ, чтобы, поразивши Іудеевъ, прямо занять ихъ страну. И самъ Іосафатъ въ молитвѣ своей къ Богу высказываетъ, что непріятели «пришли выгнать ихъ изъ наслѣдственнаго владѣнія» (ст. 11). См. на это мѣсто Паралип. O. v. Gerlach. Bd. II S. 551 и Keil. S. 246, также Tolück. на Пс. 83.

различныя племена Идумеевъ и Аравитянъ (ср. Суд. 6, 3. 33. 7, 12. 8, 24), а также безъ сомнѣнія и Хананеевъ, къ которымъ принадлежали Филистимляне (Быт. 10, 14) и Финикіяне (Авд. 20),— съ другой и здѣсь и тамъ Самъ «Господь приводитъ враговъ въ замѣшательство» (Суд. 4, 15) и «мечь одного обращаетъ противъ другаго», такъ что союзное войско погибаетъ въ междоусобной войнѣ (Суд. 7, 22 ср. 2 Пар. 20, 22—23). Наконецъ и надписаніе псалма именемъ Асафа тоже замѣчательно согласуется съ названнымъ событіемъ Іосафатова царствованія; такъ какъ въ то время дѣйствительно дѣйствуетъ одинъ изъ потомковъ Асафа пророкъ Іозиилъ, который во время всенародной молитвы къ Богу объ избавленіи отъ враговъ воодушевляетъ Іудеевъ надеждою на помощь Божію, предсказывая имъ на слѣдующій день чудесную побѣду безъ всякаго сраженія (2 Пар. 20, 14—17). При такомъ обиліи сходныхъ отношеній въ содержаніи псалма съ исторіею нашествія на Іудею различныхъ союзныхъ народовъ при Іосафатѣ, не смотря на нѣкоторые, впрочемъ удобовосполнимые недостатки и трудности въ примѣненіи его къ этому событію, кажется, не будетъ произвольнымъ и невѣроятнымъ полагать, что онъ написанъ былъ именно по случаю этого событія и *есть молитвенная пѣснь пророчествовавшаго тогда Іозиила, левита изъ сыновъ Асафовыхъ, которою пѣвцы хвалили Господа, выступая впереди Іосафатова войска на встрѣчу непріятелямъ* (2 Пар. 20, 19—21). Конечно, въ виду вышеупомянутыхъ, хотя и немногихъ и не непреодолимыхъ препятствій къ полному соглашенію псалма съ исторіею указаннаго событія при Іосафатѣ, такое мнѣніе о его писателѣ и обстоятельствахъ написанія не можетъ быть названо вполнѣ и несомнѣнно доказаннымъ; но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться съ тѣмъ, что оно пока есть вѣроятнѣйшее изъ всѣхъ доселѣ высказанныхъ мнѣній о происхожденіи псалма.

Другіе *два псалма изъ надписанныхъ именемъ Асафа, 74-й и 75-й*, по всей вѣроятности *принадлежатъ кому либо изъ потомковъ Асафовыхъ времени царствованія Езекіи*. Послѣдній изъ нихъ уже во многихъ спискахъ древняго греческаго перевода имѣетъ въ своемъ надписаніи прибавку: «πρὸς τὸν Ἀσσύριον» (слав. «ко Ассиріанину») [1]), указывающую на отношеніе его къ бывшему

[1]) Прибавка эта вошла въ большую часть латинскихъ кодексовъ

при Езекіи Ассирійскому нашествію на Іудею. И если подобное замѣчаніе древнихъ переводчиковъ, или же только слѣдовавшихъ за ними другихъ какихъ либо древнихъ издателей греческаго текста, можетъ имѣть для насъ нѣкоторое значеніе по отношенію къ вопросу о происхожденіи псалма; то его съ одинаковою степенью основательности слѣдуетъ относить и къ предшествующему 74-му псалму: такъ какъ оба эти псалма, и по характеру, и по содержанію своему и даже образу выраженій, представляютъ тѣснѣйшую связь между собою, предполагающую единство писателя и времени ихъ происхожденія [1]). Псаломъ 75-й есть, такъ сказать, естественное историческое продолженіе предшествующаго 74-го, представляя собою торжественное, лирическое описаніе совершенія надъ гордыми врагами Іуден того праведнаго суда Божія, который тамъ возвѣщается имъ и ожидается. Но и независимо отъ приведеннаго внѣшняго свидѣтельства о времени и обстоятельствахъ происхожденія, *оба псалма* такъ *много имѣютъ внутреннихъ, очень ясныхъ признаковъ отношенія къ обстоятельствамъ Сеннахиримова нашествія на Іудею* и во многомъ такъ *близко соприкасаются съ исторіею этого событія, какъ она изложена въ 4 кн. Царствъ* (18, 17—19 гл. 37 ст.), *2 Пар.* (32, 1—23) *и у пророка Исаіи* (гл. 36 и 37), что нѣкоторые даже изъ ярыхъ защитниковъ Маккавейскихъ псалмовъ соглашаются признать это событіе историческимъ поводомъ къ ихъ написанію, не рѣшаясь вмѣстѣ съ другими защитниками Маккавейскихъ псалмовъ отстаивать невѣроятную гипотезу объ отношеніи ихъ къ побѣдамъ Іуды Маккавея надъ Аполлоніемъ и Сирономъ, военачальниками Антіоха Епифана (1 Макк. 3, 10—24 [2]).

(Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 879—880), равно какъ и въ нашъ славян. перев.

[1]) Ср. Пс. 74, 3—4 съ 75, 9; 75, 10 съ 74, 8; 75, 7 съ 74 10; 74. 9 съ 75, 10 и др. См. Symbolae Делича стр. 58. Близкое соотношеніе обоихъ псалмовъ и единство ихъ писателя безспорно признается почти всѣми толкователями ихъ, не исключая и раціоналистовъ.

[2]) Какъ напр. Lengerke (Die 5 Bb. d. Psalmen Bd. 2. S. 382 и 386), въ другихъ случаяхъ усердный послѣдователь Hitzig'a, которому принадлежитъ приведенное мнѣніе о Маккавейскомъ происхожденіи псалмовъ (См. его Die Psalmen ausgelegt). У другихъ послѣднее мнѣніе нѣсколько видоизмѣняется. Такъ по Rudinger'у псалмы относятся къ побѣдамъ Іуды

Предметъ содержанія псалмовъ дѣйствительно составляетъ избавленіи народа Іудейскаго отъ враговъ, которые приходятъ отъ сѣвера (Пс. 74, 7), гдѣ находилась Сирія. Но это не Сирійцы временъ Давида, какъ полагали нѣкоторые [1]), и не Сирійцы послѣдующаго времени царствъ Іудейскаго и Израильскаго; потому что они до времени царства Селевкидовъ не представляли господствующаго народа западной Азіи, между тѣмъ какъ по описанію въ псалмѣ, враги Іуды—могущественный народъ, поколебавшій многіе окрестные народы и царства земныя, который потому надмевается своими побѣдами и самонадѣянно говоритъ осажденнымъ, что ни отъ востока, ни отъ запада, ни отъ пустынныхъ странъ юга,—ни откуда нельзя имъ ожидать себѣ помощи и избавленія (Пс. 74, ст. 4—7). Но это и не Сирійцы могущественнаго царства Селевкидовъ, нѣкоторое время дѣйствительно представлявшіе собою побѣдоносную и господствующую въ Азіи націю: потому что господство ихъ падаетъ на то время, когда пророчество въ народѣ Іудейскомъ давно уже безмолствовало (1 Макк. 9, 27. Ср. 4, 46 и 14, 41), между тѣмъ какъ въ Пс. 74-мъ приводится ясное пророчественное обѣтованіе, непосредственно отъ лица Самого Бога изрекающее скорое совершеніе праведнаго суда Его надъ гордыми врагами Его избраннаго народа (ст. 3. 4. 11), и притомъ оба псалма дышатъ такою первоначальною свѣжестію поэзіи, что было бы совершенно неестественно считать ихъ лишь позднѣйшими отголосками и подражаніями древняго уже замолкнувшаго пророческаго слова. Кромѣ того псаломъ 75-й представляетъ и ясные положительные признаки отношенія его къ нашествію Сеннахирима. Мы видимъ здѣсь, что грозные и гордые своимъ могуществомъ сѣверные враги Іудеи разомъ и окончательно низлагаются силою Бога Іаковлева предъ жилищемъ Его въ Салимѣ: «тамъ сокрушилъ Онъ стрѣлы лука, щитъ и мечъ и брань» (ст. 4); но свящ. исторія, какъ замѣтилъ уже Раши, не знаетъ другаго примѣра низложенія враговъ предъ Іерусалимомъ, и притомъ низложенія, совершеннаго исключительно божественною силою, безъ участія силы человѣческой, величественнаго и рѣшительнаго, разомъ

Маккавея надъ Лисіемъ и Горгіемъ (1 Макк. 4) (см. Comment. Rosenmüll. ad. h. Ps. и Scr. S. curs. compl. T. XV p. 870 и 881).

1) Напр. Cramer's Einleit. in die Ps. c. III ср. Scr. S. c. compl. p. 881.

положившаго конецъ войнѣ,—другаго такого низложенія не знаетъ исторія, кромѣ одного чудеснаго низложенія Ассирійскаго Сеннахиримова войска подъ стѣнами іудейской столицы, бывшаго въ царствованіе Езекіи. Нельзя не замѣтить при этомъ, что и самый образъ выраженій, въ какихъ псалмопѣвецъ представилъ низложеніе враговъ, удивительно совпадаетъ съ предсказаніемъ Исаіи пророка о пораженіи Ассиріянъ подъ стѣнами Іерусалима. «Такъ говоритъ Господь о царѣ Ассирійскомъ, предсказывалъ Исаія: не войдетъ онъ въ сей городъ, и не броситъ туда стрѣлы и не приступитъ къ нему со щитомъ и не насыплетъ противъ него вала (4 Ц. 19, 32. Иса. 37, 33)». И псалмопѣвецъ какъ бы подражаетъ изреченію пророка, когда, изображая совершонное Господомъ пораженіе враговъ, выражается вышеприведенными словами: «Тамъ, т. е, предъ Своимъ жилищемъ или Іерусалимомъ, сокрушилъ онъ стрѣлы лука, щитъ и мечь и брань».— И слѣдующій затѣмъ у псалмопѣвца образъ низложенія враговъ также замѣтно намекаетъ на исторію чуднаго истребленія Сеннахиримова войска. «Крѣпкіе сердцемъ стали добычею, уснули сномъ своимъ, и не нашли всѣ мужи силы рукъ своихъ. Отъ прещенія Твоего, Боже Іакова, вздремали, колесница и конь (ст. 6—7)». Что это за сонъ, чрезъ который могущественное и славное своею конницею и колесницами войско могло предъ Іерусалимомъ лишиться своей силы и сдѣлаться добычею другихъ, кого оно считало побѣжденными?—Исторія Сеннахиримова нашествія и — только лишь эта исторія даетъ намъ разрѣшеніе такого поэтическаго образа, когда повѣствуетъ, что большая часть осаждавшаго Іерусалимъ Ассирійскаго войска въ одну ночь погибла отъ меча Ангела Господня, предавшаго смертному сну «всѣхъ храбрыхъ, и главноначальствующаго и начальствующихъ», причемъ уцѣлѣвшіе отъ истребленія не могли уже рѣшиться поднимать болѣе своего оружія противъ Іерусалима, но въ страхѣ и со стыдомъ должны были бѣжать обратно въ свою землю, оставивши свой лагерь въ добычу осаждаемымъ (2 Пар. 32, 21. 4 Ц. 19, 35 — 36. Иса, 37, 36 — 37.). — Такое постыдное пораженіе могущественнаго Ассирійскаго войска, имѣло значеніе не для однихъ только Іудеевъ, но и для всѣхъ окрестныхъ народовъ, которымъ также грозило его нашествіе. Оно остановило завоевательныя стремленія Ассирійскихъ царей и дало окрестнымъ царствамъ и народамъ возможность успокоиться на время отъ ожидавшихъ ихъ страшныхъ политическихъ потрясеній и опустошенія; потому многіе

тогда изъ нихъ, въ чувствѣ радости и благодарности за неожиданное избавленіе, присылали въ Іерусалимъ дары Богу и поздравительные подарки царю Езекіи (4 Ц. 19, 12. 17. 25—28 и 36. 2 Пар. 32, 23). На все это мы также находимъ довольно ясные намеки въ 75-мъ псалмѣ, такъ какъ вслѣдъ за изображеніемъ необыкновеннаго пораженія враговъ въ немъ говорится, что совершившимся судомъ Божіимъ избавлены были всѣ угнетенные земли (ст. 10), укрощенъ духъ владыкъ и царей земныхъ (ст. 13) и возмущенная земля была успокоена (ст. 9), а потому всѣ избавленные и призываются совершить обѣты и принести дары Господу-избавителю (ст. 12). Не лишенъ впрочемъ довольно ясныхъ признаковъ отношенія къ той же исторіи Сеннахиримова нашествія и Пс. 74-й, хотя усматриваемые въ немъ признаки пріобрѣтаютъ полную свою очевидность только при разсмотрѣніи ихъ въ связи съ содержаніемъ слѣдующаго Пс. 75-го. Таково въ немъ обличеніе гордости и самохвальства враговъ (ст. 5—6), какъ бы указывающее на тщеславныя рѣчи Ассирійскихъ полководцевъ къ Іудеямъ подъ стѣнами Іерусалима (4 Ц. 18, 19—25. 28—35. 19, 10—13); таково же слѣдующее затѣмъ выраженіе сознанія ненадежности и безсилія человѣческой помощи противъ враговъ, откуда бы она ни подавалась,— съ востока ли, отъ запада, или со стороны пустыни, съ юга, — и изъявленіе упованія единственно на помощь Божію (Пс. 74, ст. 7—8), — напоминающія молитву Езекіи (4 Ц. 19, 15—19) и представляющія какъ бы отвѣтъ вѣрующей души на угрозы Ассиріянъ Іудеямъ, старавшихся внушить этимъ послѣднимъ, что они ни откуда не могутъ ожидать себѣ помощи противъ могущественныхъ побѣдителей, такъ какъ и Египетъ, представлявшій между сосѣдними народами, повидимому, наиболѣе надежнаго союзника, на самомъ дѣлѣ не болѣе какъ трость надломленная, на которую нельзя безопасно опереться (гл. 18, 19—22); таково и пророческое возвѣщеніе скораго праведнаго суда Божія надъ гордыми нечестивцами къ возвышенію праведника и славѣ Божіей (Пс. 74, 3—4. 9—11), составляющее какъ бы отголосокъ пророчества Исаіи о чудесномъ низложеніи Ассирійскаго войска и избавленіи отъ него Іерусалима (4 Ц. 19, 6—7. 21—34). Все это вмѣстѣ дѣлаетъ вполнѣ вѣроятнымъ высказанное нами въ началѣ предположеніе, что *оба псалма 74-й и 75-й написаны были въ царствованіе Езекіи по случаю избавленія Іерусалима отъ бывшаго тогда*

Ассирійскаго нашествія. [1]) Впрочемъ *первый* изъ нихъ прославляетъ Бога Іаковлева только въ ожиданіи скораго суда Его надъ беззаконными и потому, безъ сомнѣнія, воспѣтъ былъ *еще прежде самаго совершенія чудеснаго избавленія Іерусалима, вслѣдъ за предсказаніемъ о томъ Исаіи пророка*, представляя такимъ образомъ какъ бы лирическій отголосокъ его пророчества и свидѣтельство живой вѣры, съ какою оно принято было тогда народомъ. Но *что касается послѣдняго*, то съ первыхъ же словъ его очевидно, что *онъ воспѣтъ былъ въ благодарность Богу за совершонное имъ чудесное истребленіе предъ Іерусалимомъ могущественнаго Ассирійскаго воинства* (ст. 2—4), и есть одинъ изъ тѣхъ хвалебно-благодарственныхъ гимновъ, о которыхъ незадолго предъ тѣмъ Исаія предсказывалъ Іудеямъ, что пораженіе Ассура «будетъ сопровождаться (у нихъ) тимпанами и гуслями» и «будутъ (у нихъ) пѣсни, какъ въ ночь священнаго праздника (Иса. 30, 29—32 съ евр.). [2]).

По свидѣтельству преданія, сохранившагося въ переводѣ LXX и древнемъ латинскомъ, *къ исторіи же столкновеній Израильскаго народа съ Ассиріянами имѣетъ отношеніе и другой Асафовъ псаломъ 79-й*. Подобно Пс. 75-му въ названныхъ переводахъ онъ имѣетъ надписаніе: «противъ Ассиріи» или «въ отношеніи къ Ассиріянамъ» (ὑπὲρ τοῦ Ἀσσυρίου, pro Assyrio, in Assyrios). [3]) Впрочемъ *историческое положеніе Израильтянъ въ Пс. 79.*

---

[1]) Относительно Пс. 75 такого мнѣнія держались уже бл. Ѳеодоритъ и Евѳимій Зигабенъ; изъ древнихъ іудейскихъ ученыхъ Ярхи, у насъ: Преосв. Ириней Псковскій (Толк. Псалт. Ч. 1, стр. 997. М. 1823 г.) и Х. Орда (въ Руков. къ послѣд. чт. уч. кн. В. З.). Оба псалма относятъ ко времени Езекіи: Calmet, Tolnck, O. v. Gerlach, Hengstenberg, Bunsen, Delitzsch, Moll и др., также іудейскіе новѣйшіе ученые. См. Ист. Евр. народа Сегаля стр. 145 и 176 изд. 2.

[2]) Пророческая рѣчь, изъ которой заимствованы приведенныя слова, произнесена была въ ожиданіи Ассирійскаго нашествія послѣ того, какъ Езекія отложился отъ Ассиріи (4 Ц. 18, 7). См. прим. къ русск. переводу Исаіи,—Гуляева, гл. 30, изд. при Тр. К. Д. Акад.

[3]) Delitzsch (zu d. Ps.) полагаетъ, что надписаніе это есть переводъ еврейскаго לְאַשּׁוּר, и слѣд. по своему происхожденію древнѣе перевода LXX.

также какъ еще въ Асафовомъ псалмѣ 76-мъ, съ которымъ онъ имѣетъ ближайшее сходство, совершенно иное, нежели какъ оно представляется въ разсмотрѣнныхъ нами псалмахъ 75 и 74-мъ. Тамъ мы видѣли Израиля въ опасности отъ могущественныхъ враговъ, безъ надежды человѣческой помощи со стороны какихъ либо союзниковъ, но сильнаго своимъ упованіемъ на Бога и торжествующаго надъ врагами своими Его чудесною силою: здѣсь напротивъ онъ находится въ печальномъ состояніи оставленія отъ Бога, терпитъ нападенія и опустошенія отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, будучи не въ силахъ имъ противиться и не видя себѣ помощи божественной, и до того подавленъ множествомъ и продолжительностію постигшихъ его несчастій, что приходитъ даже къ вопросу сомнѣнія: «неужели навсегда отринулъ Господь, и не будетъ болѣе благоволить? Неужели навсегда престала милость Его, и пресѣклось слово Его въ родъ и родъ (Пс. 76, 8—9)?» Перенесенный изъ Египта виноградъ Божій, нѣкогда прекрасный и цвѣтущій, простиравшій вѣтви свои до моря и отрасли свои до рѣки, величественно расширявшійся какъ кедры Божіи и покрывавшій тѣнію своею горы, т. е. иначе сказать, простиравшій границы свои отъ Средиземнаго моря до Евфрата и отъ знаменитаго своими кедрами Ливанскаго хребта до горъ Аравійской пустыни (ср. Втор. 11, 24), ко времени писателя 76 и 79-го псалмовъ стоитъ уже пожженный и обсѣченный, съ разрушенною оградою, обрываемый всѣми проходящими по пути, подрываемый лѣснымъ вепремъ и полевымъ звѣремъ объѣдаемый (Пс. 79, 9—17). Какихъ именно враговъ разумѣетъ псалмопѣвецъ подъ этими аллегорическими названіями, и вообще къ какому времени относится описанное бѣдственное положеніе Израиля, мы не имѣемъ на то никакихъ опредѣленныхъ указаній. Несомнѣнно впрочемъ, что это было уже послѣ разрушенія и плѣненія Израильскаго царства Ассиріянами, когда послѣ паденія этой передней ограды Израиля со стороны могущественныхъ завоевателей Азіи, таже участь грозила и Іудѣ: потому что этимъ только обстоятельствомъ и объясняется совершенно необычная при существованіи обоихъ, почти всегда соперничествовавшихъ другъ съ другомъ царствъ, молитва псалмопѣвца къ Господу, чтобы Онъ воздвигнулъ силу Свою предъ Ефремомъ, Веніаминомъ и Манассіею (Пс. 79, 3), которые обыкновенно признавались представителями царства Израильскаго, подобно

какъ Іуда является всегда представителемъ царства Іудейскаго. [1]) Этимъ же, кажется, объясняется и греческое надписаніе 79-го Пс.: «противъ Ассиріи», потому что далѣе при описаніи бѣдствій, постигшихъ виноградникъ Божій, псалмопѣвецъ не останавливается на однихъ какихъ либо врагахъ его, которыхъ бы древній составитель надписанія и могъ признать за Ассиріянъ, но говоритъ о нападеніяхъ и опустошеніяхъ со стороны многихъ различныхъ сосѣднихъ народовъ (ст. 7. 13. 14), не выдѣляя никого изъ нихъ особенно, и такимъ образомъ не представляетъ болѣе никакого повода къ означенному надписанію. Однако же нельзя полагать, чтобы описанное бѣдственное положеніе народа Божія относилось ко времени царствованія благочестиваго Езекіи, въ шестой годъ котораго совершилось паденіе царства Израильскаго; потому что, если вскорѣ послѣ того Ассиріяне произвели опустошенія также въ царствѣ Іудейскомъ и даже грозили самой столицѣ его, то тѣмъ не менѣе, не смотря на понесенныя при этомъ потери, все еще Іудея представляла тогда довольно сильное и цвѣтущее царство, и не только не имѣла поводовъ жаловаться на оставленіе отъ Бога, а напротивъ даже многими событіями того времени ясно свидѣтельствуетъ объ особенномъ къ ней благоволеніи Божіемъ. Съ другой стороны не подлежитъ также сомнѣнію, что оплакиваемое положеніе было еще прежде плѣна Вавилонскаго [2]); потому

---

[1]) Колѣно Веніаминово во многихъ мѣстахъ Свящ. Писанія представляется составною частію царства Іудейскаго (3 Цар. 12, 21. 2 Пар. 11, 3. 23. 15, 8 и дал.), но оно принадлежало ему не въ полномъ своемъ составѣ, такъ что за домомъ Давидовымъ, по выраженію 3 Ц. 11, 13. 32. 36, оставалось собственно одно только колѣно, именно Іудино; другою же своею частію, гдѣ напр. лежали города Веениль, Галгалы, Іерихонъ и проч., оно принадлежало царству Израильскому (ср. Ewald's Gesch. III S. 439—441 Ausg. 3). Поэтому въ сопоставленіи съ колѣнами Іосифова дома его слѣдуетъ считать представителемъ Израильскаго царства; а въ сопоставленіи съ Іудинымъ колѣномъ—царства Іудейскаго, и Lengerke (zu d. Ps.) ошибается, полагая, что въ приведенномъ мѣстѣ Веніаминъ означаетъ Іудино царство, а Ефремъ и Манассія—Израильское, вмѣстѣ же эти три колѣна — весь народъ еврейскій.

[2]) По мнѣнію Калмета оба псалма представляютъ собою молитвы Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ. Подобное же мнѣніе и въ Руков. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. Относительно Пс. 79 тоже мнѣніе нахо-

что виноградникъ Божій если и является уже лишеннымъ прежняго своего величія, забытымъ и оставленнымъ на запустѣніе, то все же онъ находится еще въ святой землѣ и не исторгнутъ изъ того мѣста, гдѣ насадила его десница Божія. Притомъ же изъ содержанія псалмовъ не видно, чтобы писатель ихъ пережилъ разрушеніе св. города и храма: потому что иначе онъ не могъ бы не упомянуть объ этомъ, одномъ изъ самыхъ главныхъ бѣдствій для каждаго вѣрнаго чтителя Іеговы: напротивъ того и назначеніе псалмовъ: «начальнику хора», т. е. для исполненія при общественномъ богослуженіи, чего мы не видимъ въ надписаніяхъ псалмовъ изъ времени послѣ разрушенія храма, какъ въ Пс. 73 и 78,—тоже ведетъ къ заключенію, что храмъ въ то время еще существовалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало совершаться въ немъ законное богослуженіе, съ священнымъ пѣніемъ и музыкою «по установленію Давида и Асафа пророка» (ср. 2 Пар. 29, 25—30. 35, 15). Воспоминаніе же о рабствѣ Египетскомъ, равно какъ и неоднократно повторяющееся въ Пс. 79 молитвенное воззваніе: «Боже! возстанови насъ» (собственно—*возврати* насъ הֲשִׁיבֵנוּ ст. 4. 8. 20),—не представляютъ еще достаточнаго побужденія относить псалмы ко времени плѣна Вавилонскаго, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ толкователей: потому что то и другое могло быть вызвано отведеніемъ въ рабство 10 колѣнъ Израильскаго царства и близкою опасностію плѣна, при описанныхъ печальныхъ обстоятельствахъ, неминуемо грозившею и царству Іудейскому. Еще менѣе имѣетъ основанія догадка объ отношеніи ихъ ко времени Маккавеевъ [1]), такъ какъ она опирается почти единственно на предвзятомъ, неправильномъ и не разъ уже опровергнутомъ нами мнѣніи, что вся группа Асафовыхъ псалмовъ (72—82)—Маккавейскаго происхожденія [2]). Что же касается предполагаемаго при этомъ указанія на

димъ у бл. Ѳеодорита въ Толков. Пс., Иринея Псковскаго (Т. 2, стр. 56. Москва, 1823 г.) и Обозр. Кн. Псалмовъ Павскаго (стр. 38).

[1]) Hitzig и Lengerke Пс. 76 (евр. 77) относятъ ко времени, когда по низложеніи Сирона двинулось противъ Іудеевъ новое многочисленнѣйшее Сирійское войско (1 Макк. 3, 38—39), а Пс. 79 (евр. 80)—ко времени вступленія Іуды Маккавея въ опустошенный Іерусалимъ послѣ побѣды надъ Лисіемъ (1 Макк. 4, 35—40).

[2]) Впрочемъ Lengerke великодушно допускаетъ исключеніе для Пс.

прекращеніе пророчества въ приведенной выше жалобѣ псалмопѣвца: «неужели пресѣклось слово Господне въ родъ и родъ» (Пс. 76, 9), то предположеніе это не подтверждается контекстомъ рѣчи, по которому приведенныя слова заключаютъ въ себѣ гораздо тѣснѣйшій смыслъ о продолжительномъ прекращеніи не вообще пророчества, а только милостивыхъ обѣтованій Божіихъ. И кромѣ того, если предположить Маккавейское происхожденіе псалмовъ, то было бы непонятно, почему псалмопѣвецъ, исчисляя прежнія милости Божіи къ избранному народу и вспоминая объ освобожденіи его изъ рабства Египетскаго, нисколько не упоминаетъ о ближайшемъ къ его времени Божіемъ благодѣяніи,—освобожденіи изъ плѣна Вавилонскаго, какъ это видимъ мы въ другихъ псалмахъ послѣ-плѣннаго происхожденія (напр. въ Псс. 105, 106, 135). Еще непонятнѣе было бы тогда упоминаніе объ Іосифѣ и колѣнахъ Іосифова дома, Ефремѣ, Веніаминѣ и Манассіи, которые, какъ мы уже замѣтили, всегда считались представителями давно уже и навсегда разрушеннаго Израильскаго царства, и за исключеніемъ Веніамина,—насколько онъ входилъ въ составъ царства Іудина,—никогда не назывались и не были въ составѣ Іудейскаго народа со времени его политическаго возрожденія по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго (1 Ездр. гл. 2 и 4, 1. Неем. 7, 6—67 и гл. 11). Такимъ образомъ по всѣмъ представленнымъ соображеніямъ можно съ несомнѣнностію полагать, что описанное въ разсматриваемыхъ псалмахъ положеніе Израиля *не восходитъ далѣе періода времени между царствованіемъ Манассіи и окончательнымъ паденіемъ царства Іудейскаго при Седекіи, и есть то самое бѣдственное положеніе, которымъ Господь угрожалъ Іудеямъ при нечестивомъ Манассіи*, говоря, что Онъ «отвергнетъ остатокъ удѣла Своего, и отдастъ ихъ въ руку враговъ ихъ, и будутъ на расхищеніе и на разграбленіе всѣмъ непріятелямъ ихъ (4 Ц. 21, 14)». Въ большей или меньшей степени оно относится ко всему этому періоду, который справедливо можно назвать періодомъ постепеннаго паденія царства Іудейскаго. Во все это время

---

74 и 75 (евр. 75 и 76), которые онъ, уступая очевиднымъ историческимъ признакамъ ихъ содержанія, относитъ ко времени Езекіи. См. выше объ эт. Пс.

одни народы за другими нападаютъ на Іудею и производятъ въ ней опустошенія; при Манассіи ее опустошаютъ Ассиріяне, которые и самого царя постыднымъ образомъ отводятъ въ плѣнъ (2 Пар. 33, 11); при Іосіи и его преемникѣ — египетскій фараонъ Нехао (4 Ц. 23, 29—35. 2 Пар. 35, 20—36, 4); далѣе, при Іоакимѣ и Іехоніи—Вавилоняне съ толпами Халдеевъ, Сиріяне, Моавитяне и Аммонитяне (4 Ц. 24, 1—16. 2 Пар. 36, 5—10), пока наконецъ при Седекіи Навуходоносоръ, царь Вавилонскій, въ новомъ своемъ нашествіи не довершилъ ея опустошенія, положивъ вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ политическому существованію народа Іудейскаго (4 Ц. 25). Къ которому именно изъ этихъ опустошеній относится написаніе псалмовъ,—нельзя рѣшить. Судя по тому, что псалмопѣвецъ жалуется на продолжительность бѣдствій и множество враговъ, кажется вѣроятнѣе относить составленіе ихъ ко времени Іоакима. Въ этомъ случаѣ, *быть можетъ, жалоба на то, что виноградникъ Божій «обрываютъ всѣ проходящіе по пути»* (Пс. 79, ст. 13), *представляетъ историческій намекъ на недавнее двукратное опустошеніе Іудеи фараономъ Нехао*, когда онъ проходилъ чрезъ нее на войну съ царемъ Ассиріянскимъ и обратно въ свою землю. *Въ частности относительно псалма 76-го* нѣкоторые ученые полагаютъ [1]), что онъ древнѣе пѣсни пророка Аввакума (въ 3 гл. его кн.) и послужилъ образцомъ при составленіи ея. Сходство псалма съ означенною пѣснію дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію (ср. особ. ст. 17—20 съ Авв. 3, 10—13); только, по нашему мнѣнію, трудно рѣшить, пророкъ ли подражалъ псалмопѣвцу, или наоборотъ — псалмопѣвецъ старался воспроизводить звуки лиры пророческой. Но если принять первое, то *нужно будетъ предположить, что псаломъ написанъ былъ не позже Манассіи*, потому что вскорѣ послѣ него, или даже уже подъ конецъ его царствованія, выступилъ и Аввакумъ на свое пророческое служеніе.

Остальные два псалма изъ надписывающихся именемъ Асафа, 73 и 78-й, по содержанію своему относятся ко времени нашествія на Іудею и особенно на Іерусалимъ какихъ-

---

[1]) Hengstenberg, Caspari (zu d. Ps.) и Delitzsch (Comment. zu Habak. 1843. S. 118—128 и Die Psalmen. S. 484.

то жестокихъ и кровожадныхъ враговъ, которые все предали поруганію и истребленію и произвели страшное опустошеніе и кровопролитіе. Какіе это были враги Іудеевъ и къ какому времени относится оплакиваемое въ этихъ псалмахъ ужасное нашествіе,—на это мы не имѣемъ прямыхъ и точныхъ указаній; но за то псалмопѣвецъ съ подробностію рисуетъ предъ нами печальную картину постигшаго его соотечественниковъ тяжкаго бѣдствія. «Язычники пришли въ наслѣдіе Божіе, осквернили святый храмъ Божій (Пс. 78, 1), рыкаютъ среди собраній Господа и свои знаки поставили на мѣсто Его знаменій (Пс. 73, 4); все разрушили во святилищѣ (73, 3), всѣ рѣзьбы въ немъ въ одинъ разъ разбили сѣкирами и бердышами, самое святилище предали огню и сожгли всѣ мѣста собраній Божіихъ на землѣ (73, 6—8); опустошили жилище Іакова (Пс. 78, 7) и Іерусалимъ превратили въ развалины (78, 1); трупы рабовъ Божіихъ отдали на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ, пролили кровь ихъ, какъ воду, вокругъ Іерусалима и некому было похоронять ихъ (78, 2—3)», а оставшіеся въ живыхъ находятся въ состояніи «узниковъ, обреченныхъ на смерть» (78, 11), «сдѣлались посмѣшищемъ у сосѣдей своихъ, поруганіемъ и посрамленіемъ у окружающихъ» народовъ (78, 4); Господь видимо оставилъ народъ Свой, который Онъ издревле избралъ въ достояніе Себѣ (Пс. 73, 1. 78, 5), и попустилъ врагамъ «хулить имя Свое (Пс. 73, 10. 18)»; не видно стало знаменій Его присутствія,—«нѣтъ болѣе пророка» и вообще никого, «кто бы зналъ, доколѣ это будетъ (73, 9)». Такое описаніе постигшихъ Іудею бѣдствій даетъ намъ отчасти ключъ къ разрѣшенію вопроса о времени происхожденія псалмовъ. Сходныя съ описанными бѣдствія мы видимъ три раза въ іудейской исторіи,—при разрушеніи Іерусалима Халдеями ок. 589 г. предъ Р. Хр., во времена жестокаго правленія Селевкидовъ, особенно Антіоха Епифана и одного изъ ближайшихъ его преемниковъ Димитрія Сотера между 170 и 162 гг. предъ Р. Хр., и наконецъ при разрушеніи Іерусалима и разсѣяніи Іудеевъ Римлянами въ 70 г. по Р. Хр. [1]). Но слишкомъ позднее время послѣдняго несчастнаго со-

---

[1]) Vaihinger подобное положеніе Израиля думаетъ видѣть еще во время жестокаго правленія Геволіи, которое будто бы псалмопѣвецъ пред-

бытія, относящагося уже къ нашей христіанской эрѣ, когда появляющіяся вновь іудейскія писанія, подобно осужденнымъ отъ Іисуса Христа человѣческимъ преданіямъ, собраннымъ впослѣдствіи въ Талмудѣ, не могли уже получить у христіанъ авторитета Свящ. Писаній и войти въ составъ священнаго канона,—дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ высказываемое нѣкоторыми предположеніе, что разсматриваемые нами псалмы написаны были по поводу именно этого событія [1]). Притомъ же изъ псалма 78-го, и даже по греческому переводу его, приводятся 2-й и 3 стихи въ 1-й кн. Маккавейской (7, 17), которая, по всей вѣроятности, написана была около времени правленія Іоанна Гиркана († 104 предъ Р. Хр.) [2]), а ко времени разрушенія Іерусалима Римлянами существовала уже въ греческомъ переводѣ, въ которомъ и пользовался ею жившій тогда извѣстный іудейскій историкъ Іосифъ Флавій [3]). Такимъ

ставляетъ подъ образомъ языческаго нашествія; но тогда не было ничего подобнаго разграбленію и разрушенію Іерусалима и храма. И вообще въ исторіи Іудейскаго царства до Седекіи, если и говорится по временамъ о нашествіяхъ языческихъ народовъ и разграбленіи Іерусалима и даже храма, какъ напр. при Ровоамѣ, или при Іорамѣ, но во все это время никогда не было такого разрушенія и опустошенія Іерусалима, и тѣмъ болѣе разрушенія и сожженія храма, какъ это описывается въ псалмахъ. Равнымъ образомъ и оскверненіе храма персидскимъ полководцемъ Вагозомъ (I. Флавій, Древ. Іудейск. XI, 7.), къ которому прежде Евальдъ относилъ эти псалмы, нейдетъ къ описанному въ нихъ положенію, потому что оно вовсе не было соединено съ разрушеніемъ Іерусалима и сожженіемъ храма. Ср. Delitzsch's zu d. Ps. 74 S. 470.

[1]) См. объ этой гипотезѣ у Calmet'a и Berthier—въ Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 846—847 и 965. 855 и 967. На основаніи той же гипотезы въ наше время Мандельштамъ, въ своемъ такъ называемомъ буквальномъ переводѣ псалмовъ, слова: בְּסִבְכֵי־עֵץ קַרְמוֹת (Пс. 74, 5) переводитъ: «сѣкира въ связкѣ древесной», замѣчая въ объясненіе, что это—«fasces, знакъ власти у римскихъ начальниковъ».

[2]) См. Eichhorn's Einleit. in die Bb. des A. T. S. 223 ff., Bertholdt's S. 1048 ff.; De Wette, Thl. 1. S. 411. Другіе относятъ ея происхожденіе прямо ко времени Іоанна Гиркана и даже его самого считаютъ писателемъ ея, какъ Hengstenberg, Преосв. Филаретъ М. Московскій (Библ. Ист. стр. 659 по 2 изд.), П. Лебедевъ (Чт. объ ист. кн. В. З. стр. 91—92) и др.

[3]) См. Древн. Іуд. XII. XIII.

образомъ намъ остается сдѣлать выборъ только между двумя историческими событіями—разрушеніемъ Іерусалима и храма Навуходоносоромъ и обстоятельствами жестокаго правленія Селевкидовъ,— Антіоха Епифана и Димитрія Сотера.

Большинство толкователей новѣйшаго времени стоятъ за отношеніе разсматриваемыхъ псалмовъ къ обстоятельствамъ правленія Селевкидовъ и признаютъ его настолько очевиднымъ и несомнѣннымъ, что на эти псалмы, также какъ еще на одинъ изъ Кореевыхъ, Пс. 43-й, указываютъ, какъ на доказательство существованія въ Псалтири псалмовъ Маккавейскаго происхожденія [1]). Въ подтвержденіе такого мнѣнія въ самомъ содержаніи этихъ псалмовъ указываютъ много такихъ особенностей, которыя будто бы объясняются исключительно лишь Маккавейскимъ ихъ происхожденіемъ и прямо говорятъ противъ отношенія ихъ къ халдейской катастрофѣ. Главнѣйшіе изъ такихъ признаковъ Маккавейскаго происхожденія слѣдующіе: а) указаніе на прекращеніе пророчества (въ Пс. 73, 9: «нѣтъ уже пророка»...), составляющее отличительную особенность Маккавейскаго времени (ср. 1 Макк. 9, 27. 4, 46. 14, 41); б) ясный намекъ на существованіе особенныхъ мѣстъ собраній Божіихъ (מוֹעֲדֵי־אֵל ст. 8), или синагогъ, которыя особенно умножились во времена гоненій Антіоха Епифана и вовсе не упоминаются въ исторіи около времени плѣна Вавилонскаго; в) по преимуществу религіозный характеръ описываемой войны, опустошеній и жестокостей со стороны вторгнувшихся тогда въ Іудею язычниковъ (Пс. 73,

---

[1]) Каковы напр. Rudinger, Venema, Rosenmüller, Hitzig, Lengerke, Olshausen. Grimm, van der Palm, Kuenen, de Jong и др. Къ мнѣнію о Маккавейскомъ происхожденіи склоняются Bunsen и Delitzsch, а также нашъ отечественный толкователь псалмовъ Преосв. Ириней Псковскій и авторъ объяснительныхъ примѣчаній къ стихотворнымъ переложеніямъ псалмовъ изд. Шигина 1869 г. Спб. Ср. также Слово свящ. В. Нечаева на праздн. въ память освобожденія Москвы отъ непріят. нашествія 1812 г., произн. въ Моск. Усп. Соб. 11 Окт. 1864 г.—въ Душ. Чт. 1864 г. Окт. отд. 2 стр. 29.—Древніе церковные толкователи: св. Аѳанасій, Евсевій, бл. Ѳеодоритъ, также признавали отношеніе этихъ псалмовъ ко времени Антіоха Епифана, но только въ смыслѣ пророчества объ этомъ времени, не касаясь при этомъ вопроса, когда они были написаны.

3—8. 10. 18. 22. 78, 1—3. 10. 12), именно свойственный времени религіозныхъ гоненій, каковы и были Антіоховы гоненія (см. 1 Макк. 1, 41—64 и проч.); г) названіе умерщвленныхъ во времена писателя псалмовъ благочестивыхъ рабовъ Божіихъ именемъ חסידים (Пс. 78, 2), составлявшемъ отличительное наименованіе благочестивыхъ ревнителей вѣры и закона Божія, исповѣдниковъ и мучениковъ Маккавейскаго времени (ср Ἀσιδαῖοι 1 Макк. 2, 42. 7, 13. 2 Макк. 14, 6), и д) наконецъ прямое свидѣтельство 1-й Маккавейской книги (7, 17), въ которой 2-й и 3-й стихи 78-го псалма приводятся въ подтвержденіе повѣствованія о бывшемъ въ правленіе Димитрія Сотера вѣроломномъ избіеніи первосвященникомъ Алкимомъ 60-ти Асидеевъ (1 Макк. 7, 1—17), чѣмъ естественно предполагается уже отношеніе и всего 78-го псалма къ этому событію или по крайней мѣрѣ къ близкимъ къ нему по времени обстоятельствамъ того же Маккавейскаго періода. Однако же эти мнимоочевидные признаки отношенія псалмовъ къ событіямъ Маккавейскаго времени еще не ведутъ къ заключенію о несомнѣнности такого отношенія. При разсмотрѣніи съ другой точки зрѣнія, они легко теряютъ свою исключительно-маккавейскую особенность и не только удобно примиряются и съ обстоятельствами разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ, но даже гораздо болѣе говорятъ за отношеніе псалмовъ къ этому послѣднему событію. Такъ: а) мнимое указаніе на свойственное Маккавейскимъ временамъ прекращеніе пророчества съ большею естественностію и основательностію можно разумѣть какъ жалобу псалмопѣвца только на временное лишеніе пророческихъ утѣшеній о скоромъ измѣненіи современныхъ ему печальныхъ обстоятельствъ на лучшее будущее, не имѣющую ничего общаго съ мыслію о совершенномъ прекращеніи служенія пророческаго. Уже самое выраженіе: «нѣтъ уже пророка, и нѣтъ съ нами, кто зналъ бы доколѣ (это будетъ)»,—показываетъ, что сущность его составляетъ не то, что вообще не стало пророковъ или совершенно прекратилось служеніе пророческое, но только отсутствіе такихъ пророковъ, которые бы могли утѣшить Іудеевъ предсказаніями, долго ли будетъ тяготѣть надъ ними постигшее ихъ бѣдствіе, и именно отсутствіе ихъ тамъ, гдѣ находился въ то время псалмопѣвецъ (съ нами אתנו). Въ этомъ смыслѣ жалоба псалмопѣвца, что «нѣтъ уже пророка»... весьма удобно примиряется и со временемъ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ и плѣненія Вавилонскаго. Хотя въ то

время и оставался еще въ живыхъ пророкъ Іеремія, а въ самомъ плѣну пророчествовалъ Іезекіиль [1]); но тѣмъ не менѣе она могла быть вполнѣ умѣстна и естественна въ устахъ псалмопѣвца, если съ одной стороны примемъ во вниманіе, что въ рѣчахъ тогдашнихъ пророковъ больше раздавались плачь (кн. Плача Іереміи) и горе (Іез. 2, 10), а мало слышно было ожидаемыхъ утѣшеній о скоромъ избавленіи отъ постигшихъ бѣдствій; съ другой — допустимъ предположеніе, что разсматриваемыя нами скорбныя пѣсни воспѣты были на развалинахъ Іерусалима въ то время, когда Іеремія толпою Іудеевъ увлеченъ былъ въ Египетъ и когда такимъ образомъ опустошенная страна іудейская дѣйствительно надолго оставалась безъ пророковъ. Правда, еще до наступленія плѣна и разрушенія Іерусалима, пророкомъ Іереміею предсказано было, что Іудеи 70 лѣтъ будутъ находиться въ плѣну Вавилонскомъ (Іер. 25, 12. 29, 10), и нѣтъ сомнѣнія, что благочестивому псалмопѣвцу не безъизвѣстно было такое предсказаніе; но 70 лѣтъ—почти столѣтіе, и когда въ печальномъ настоящемъ и въ ближайшемъ будущемъ не видно было основаній надѣяться на лучшее положеніе, то очень естественно, что этотъ продолжительный срокъ тяжкаго испытанія для большинства Іудеевъ казался загадкою безъ разрѣшенія (Дан. 9 гл.), а потому неудивительно, если и при существованіи пророчества о времени окончанія плѣна изъ души псалмопѣвца вырывается жалоба: «нѣтъ съ нами, кто зналъ бы, доколѣ (это будетъ)». Тяжесть бѣдствія и глубокая скорбь нерѣдко вызываютъ изъ души страдальцевъ такіе вопли, которые нельзя принимать въ строго-буквальномъ смыслѣ; тѣмъ естественнѣе въ тогдашнее время приведенная жалоба псалмопѣвца, что она составляетъ лишь отголосокъ вопля самого Іереміи (Плачь 2, 9), которому принадлежитъ пророчество объ окончаніи плѣна чрезъ 70-ть лѣтъ, а также изреченій другихъ прежнихъ и современныхъ пророковъ, которые время пребыванія въ плѣну Вавилонскомъ обыкновенно изображали, какъ состояніе безъ царя, безъ богослуженія, безъ пророковъ или откровеній пророческихъ

[1]) О Даніилѣ, другомъ пророкѣ плѣна Вавилонскаго, мы не упоминаемъ потому, что время его пророчества падаетъ на вторую половину плѣна, тогда какъ псалмы находятся въ ближайшемъ отношеніи къ началу его и не позже какъ спустя одно десятилѣтіе послѣ разрушенія Іерусалима.

(Ос. 3, 4. Ам. 8, 11. 2 Пар. 15, 3. Іез. 7, 26; ср. пѣснь трехъ отр. у Дан. 3, 38). Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія жалоба псалмопѣвца на отсутствіе пророковъ и предсказаній пророческихъ объ окончаніи постигшихъ Іудею бѣдствій, въ примѣненіи къ обстоятельствамъ разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ и плѣненія Іудеевъ, не только не представляетъ въ себѣ странности или исторической несообразности, а напротивъ является наиболѣе естественною и сообразною для того времени, чѣмъ въ какое либо другое время и при другихъ событіяхъ. б) Такъ же мало основательнымъ оказывается и другой изъ признаковъ Маккавейскаго времени,—мнимо-ясный намекъ на существованіе во времена псалмопѣвца синагогъ въ 8 ст. 73-го псалма: «сожгли (враги) всѣ мѣста собраній Божіихъ на землѣ» (Ср. также ст. 4). Мы не можемъ съ точностію сказать, какія именно мѣста собраній Божіихъ разумѣетъ здѣсь псалмопѣвецъ подъ именемъ מוֹעֲדֵי־אֵל. Слово מוֹעֵד въ Свящ. Писаніи по преимуществу употребляется въ значеніи опредѣленныхъ священныхъ временъ, или праздниковъ (מוֹעֲדֵי יְהוָה Лев. 23, 2. 4. 44; ср. 2 Пар. 8, 13. 31, 3. Пл. Іер. 1, 4. 2, 6), и праздничныхъ и вообще религіозныхъ собраній, откуда и скинія, при которой были такія собранія, получила названіе скиніи собранія (אֹהֶל מוֹעֵד Исх. 27, 21. 28, 43. Лев. 1, 1. 4, 4. 3 Ц. 8, 4 и др.), также какъ впослѣдствіи Іерусалимъ, какъ главный центръ религіозныхъ собраній народа, назывался иногда городомъ собраній (קִרְיַת מוֹעֲדֵינוּ Ис. 33, 20). Съ прибавленіемъ эпитета «Божій» слово это употребляется еще только въ кн. Плача Іереміи и, судя по контексту рѣчи, въ значеніи храма Іерусалимскаго (2, 6а). [1]) Но въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ מוֹעֲדֵי־אֵל замѣтно отличаются отъ храма; такъ какъ упоминаются съ опредѣленіемъ словами כָּל «весь» и בָּאָרֶץ «на землѣ» или «въ странѣ», показывающими ихъ множественность, неумѣстную при единствѣ храма, и при томъ о сожженіи ихъ говорится вслѣдъ за тѣмъ, какъ въ предъидущемъ стихѣ уже сказано было о сожженіи святилища Божія, или храма (ст. 7.), и когда такимъ образомъ, при тождествѣ ихъ съ этимъ послѣднимъ, говорить

---

[1]) וַיַּחְמֹס כַּגָּן שֻׂכּוֹ שִׁחֵת מֹעֲדוֹ—«Онъ (Господь) опустошилъ какъ садъ скинію Свою, погубилъ мѣсто собраній Свое» (См. русск. пер. въ Тр. Кіевск. Д. Ак. Окт. 1871 г.).

это объ нихъ было бы совершенно излишнимъ повтореніемъ. [1]) Посему изъ представленнаго словоупотребленія и контекста рѣчи можно и должно заключать лишь только то, что это были какія-то отдѣльныя отъ храма мѣста благочестивыхъ собраній Іудеевъ, которыя также были сожжены непріятелемъ; но были-ль это освященныя какими либо божественными откровеніями и священными воспоминаніями мѣста собраній благочестивыхъ Іудеевъ для общественной молитвы, какимъ, напримѣръ, долгое время послѣ устроенія скиніи и затѣмъ храма въ Іерусалимѣ былъ Гаваонъ,—мѣстопребываніе древней скиніи Моисеевой, или же это были какіе нибудь особенные домы, въ видѣ ли древнихъ пророческихъ школъ или позднѣйшихъ синагогъ, куда собирались для молитвы и поученія въ законѣ Божіемъ,—нельзя сказать съ опредѣленностію. Правда, исторія послѣднихъ царей Іудейскихъ не упоминаетъ о существованіи какихъ бы то ни было мѣстъ религіозныхъ собраній, а существованіе синагогъ во времена Маккавеевъ подтверждается прямыми историческими свидѣтельствами; [2]) но это не даетъ еще основанія заключать, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ псалма разумѣются именно синагоги Маккавейскаго времени. Молчаніе исторіи объ извѣстномъ явленіи еще далеко не равносильно отрицанію его, тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ непрерывность служенія пророческаго и особенное усиленіе его предъ временемъ плѣна ведутъ къ предположенію непрерывнаго поддержанія и продолженія въ народѣ іудейскомъ древнихъ пророческихъ школъ или существованія другихъ какихъ либо подобныхъ учрежденій для благочестивыхъ упражненій и религіознаго просвѣщенія Іудеевъ. Съ другой стороны исторія, свидѣтельствуя о существованіи синагогъ въ Маккавейское время, точно также молчитъ о времени и образѣ первоначальнаго ихъ возникновенія, между тѣмъ какъ очень вѣроятно, что начало ихъ скрывается во временахъ предшествующихъ плѣну, или, если они въ опредѣленномъ

---

[1]) Впрочемъ, не смотря на все это, Hengstenberg (zu d. Ps.) утверждаетъ, что ст. 8 представляетъ развитіе 7 стиха и מוֹעֲדֵי־אֵל означаютъ тоже святилище или храмъ со всѣми его притворами и отдѣленіями.

[2]) I. Флавій, о войнахъ Іуд. VII, 3. 3; ср. Дѣян. 15, 21, гдѣ существованіе синагогъ возводится къ древнимъ родамъ. Ср. также Дѣян. 16, 13.

своемъ видѣ и возникли въ плѣну уже, какъ обыкновенно полагаютъ, [1]) то не какъ новое учрежденіе, а именно изъ тѣхъ и по примѣру тѣхъ благочестивыхъ собраній, какія существовали во времена предшествующія. Вообще, не смотря на молчаніе исторіи, нѣтъ ничего невѣроятнаго предполагать, что и предъ временемъ плѣна существовали въ томъ или другомъ видѣ опредѣленныя мѣста благочестивыхъ собраній для слушанія пророковъ и поученія въ законѣ Божіемъ, а слѣдовательно также нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ предположеніи, что эти-то именно мѣста благочестивыхъ собраній и слѣдуетъ разумѣть подъ מוֹעֲדֵי אֵל въ словахъ псалмопѣвца. Но что всего важнѣе, самая общность и неопредѣленность названія מוֹעֲדֵי אֵל говоритъ именно въ пользу предположенія объ отношеніи его къ благочестивымъ собраніямъ какого либо времени, предшествующаго окончательному образованію синагогъ,—каково и предполагаемое нами время разрушенія Іерусалима Навуходоносоромъ,—и напротивъ того представляется странною и непонятною въ примѣненіи къ синагогамъ Маккавейскаго времени. Къ этому послѣднему времени синагоги получили уже окончательное свое образованіе, а потому естественно должны были отличаться какими нибудь опредѣленными названіями, которыя не могли не быть извѣстны современникамъ или не сохраниться по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ потомствѣ. Тоже слѣдуетъ предположить и относительно имени מוֹעֲדֵי אֵל, если только оно дѣйствительно было именемъ синагогъ Маккавейскаго времени. Между тѣмъ въ значеніи синагогъ оно въ первый разъ встрѣчается только во 2-мъ вѣкѣ по Р. Хр., и притомъ исключительно лишь въ переводахъ Акилы и Симмаха [2]), тогда какъ другіе переводчики и толкователи до послѣдняго времени не придавали ему такого значенія. Такъ древнѣйшіе изъ переводчиковъ, — составители

---

[1]) См. Kirchen-Lexikon v. Wetzer u. Welte, Artk.: Synagogen, Bd. X, S. 578; у насъ Филар. Библ. Ист. 525—526 и 582 по изд. 2. Спб. 1819 г., Исторія Новоз. канона Рождественскаго въ Хр. Чт. 1873 г. Янв. стр. 57, прим. 2 и др.

[2]) См. указанія на эти переводы у Delitzsch'a (Die Psalmen. S. 472. Leipzig. 1867) и Lengerke (Die 5. Bb. d. Ps. Bd. II. S. 377. Königsb. 1847). Послѣдній указываетъ еще на Онкелоса, но это безъ сомнѣнія ошибка; потому что подъ именемъ Онкелоса извѣстенъ лишь Таргумъ на Пятокнижіе.

извѣстнаго подъ именемъ LXX Александрійскаго греческаго перевода Псалтири, жившіе, по сознанію самихъ защитниковъ Маккавейскаго происхожденія псалмовъ во времена ближайшія къ предполагаемому этими послѣдними времени написанія разсматриваемыхъ псалмовъ [1]), явно показываютъ, что имъ неизвѣстно было подобное названіе синагогъ: такъ какъ они переводятъ его словами: τὰς ἑορτὰς τοῦ Θεοῦ — праздники Божіи [2]), не смотря даже на то, что такой переводъ видимо не сообразовался съ значеніемъ управляющаго глагола: «сожгли» (שָׂרְפוּ=κατακαύσουσι или въ 1-мъ лицѣ: κατακαύσωμεν [3]),

---

[1]) Такъ по мнѣнію Lengerke и Olshausen'a окончательное собраніе псалмовъ совершилось при Маккавейскомъ князѣ Симонѣ (143—135 до Р. Хр.) или при Іоаннѣ Гирканѣ (135—107), вскорѣ послѣ чего будто бы сдѣланъ былъ и греческій переводъ Псалтири (см. у Delitzsch'a Die Psalmen. Abth. 3. и въ Real-Encyklop.. v. Herzog. Bd. XII. S. 373—374). Но разсмотрѣніе и сличеніе съ греческимъ переводомъ мѣстъ изъ псалмовъ, приводимыхъ въ кн. I. сына Сирахова, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ переводчика этой книги (въ греч. предисловіи), ведутъ къ заключенію, что греческій переводъ Псалтири LXX существовалъ уже во времена писателя ея, т. е. около 172 или 192 г. предъ Р. Хр. См. выше о Пес. Давидовыхъ. Также Eichhorn's, Einl. in d. Apokr. S. 40 ff., DeWette, Einl. in die Bb. A. T. S. 61 и 433—434 и др.

[2]) Такъ въ 6 греческомъ переводѣ въ экзаплахъ Оригена и у бл. Іеронима. См. Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 859.

[3]) На основаніи такого перевода у LXX, и чтобы избѣжать несообразности его съ управляющимъ глаголомъ: «сожгли» (שָׂרְפוּ), Muntinghe, Köster, Ehrt и Moll полагаютъ, что въ нынѣшнемъ мазоретскомъ текстѣ это мѣсто читается неправильно и что вмѣсто שָׂרְפוּ слѣдуетъ читать: שָׁבְתּ וְכָל־מוֹעֲדֵי־אֵל. Почему 8 ст., по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы перевести: «уничтожимъ у нихъ все, — субботы и всѣ праздники Божіи въ странѣ», — чрезъ что самая мысль о синагогахъ совершенно бы устранялась. Такое чтеніе, кромѣ перевода LXX, имѣетъ за себя и другія вѣроятныя основанія, какъ-то: устраненіе неправильнаго сопоставленія въ одномъ предложеніи двухъ глаголовъ: «разоримъ» и «сожгли», употребленныхъ въ разныхъ лицахъ и временахъ и при этомъ даже не имѣющихъ между собою соединительной частицы; чисто еврейская конструкція въ сочетаніи соединеннаго съ суффиксомъ 3 л. мн. ч. глагола נִיָּם съ слѣдующимъ объектомъ שַׁבָּת וְכָל־מ; частое сопоставленіе въ Свящ. Писаніи слова מוֹעֵד съ словомъ

и потому потребовалось замѣнить его другимъ болѣе соотвѣтствующимъ глаголомъ: «упразднили» (καταπαύσωμεν, слав.: «отставимъ»). Послѣдующіе затѣмъ переводчики, не исключая составителя и древнѣйшаго послѣ LXX-ти халдейскаго перевода Псалтири (Таргума), [1]) который въ настоящемъ случаѣ можетъ имѣть для насъ особенно важное значеніе,—такъ какъ онъ произошелъ изъ предлагавшихся въ самыхъ же синагогахъ перифрастическихъ изъясненій или переводовъ на халдейскій языкъ тѣхъ или другихъ отдѣленій Св. Писанія, предварительно читавшихся на еврейскомъ, [2])—большею частію буквально или только съ незначительными отступленіями слѣдуютъ LXX, разумѣя подъ מוֹעֲדֵי־אֵל праздники или праздничныя собранія, но не называютъ ихъ синагогами [3]). Равнымъ образомъ и въ церковно-богослужебномъ языкѣ послѣдующихъ Евреевъ синагоги не называются מוֹעֲדֵי־אֵל, тогда какъ, казалось бы, это имя, въ качествѣ библейскаго имени синагогъ,—если бы только оно дѣйствительно было ихъ именемъ въ періодъ Маккавеевъ,—должно бы было, подобно многимъ другимъ библейскимъ терминамъ, занять почетное мѣсто въ священной библейской терминологіи. Между тѣмъ обыкновенное, принятое въ Талмудѣ и въ живой рѣчи названіе синагогъ

שַׁבָּת, напр. Ис. 1, 13. 14. 2 Пар. 8, 13 и особенно въ параллельномъ разсматриваемому мѣстѣ Плач. Іер. 2, 6: контекстъ слѣдующаго стиха, гдѣ идетъ рѣчь объ обрядахъ: «обрядовъ нашихъ мы не видимъ» (ст. 9). Впрочемъ, не смотря на представляющуюся вѣроятность такого объясненія, мы удерживаемся отъ принятія его, считая вообще опаснымъ въ дѣлѣ изъясненія Писанія прибѣгать къ предположеніямъ о поврежденности существующаго еврейскаго или другаго какого текста, тѣмъ болѣе, что LXX не предполагали подобнаго измѣненнаго чтенія.

[1]) Слѣды существованія халдейскаго перевода псалмовъ замѣтны уже въ Мѳ. 27, 46. Вѣроятно онъ произошелъ еще до Р. Х. и такъ же, какъ Таргумъ на пророковъ, принадлежитъ кому либо изъ учениковъ Гиллела. См. Zunz gottesdienstl. Vort. d. Juden. S. 64; Hävernick's Einl. in d. A. T. S. 88; De Wette, Einleit. § 62. S. 94. vgl. § 59 S. 91—92, и Библ. Ист. Филарета, изд. 2 стр. 660.

[2]) Megilla c. 4. § 10, ed. Surenhus. II. 402; Maimonid, Hilcoth Thephillin c. 12; ср. Vitringa, De synag. vet. p. 689 sq. 1015 sq.; De-Wette, Einl. in d. A. T. § 57. S. 89 и др.

[3]) См. Biblia Polygl. Lond. ed. Walton. 1657.

издавна составляетъ у нихъ בָּתֵּי הַכְּנֶסֶת [1]) и только развѣ болѣе рѣдкое названіе בָּתֵּי וַעַד [2]) можно считать жалкимъ подобіемъ מוֹעֲדֵי אֵל,—такъ какъ וַעַד и מוֹעֵד сходятся между собою по словопроизводству отъ одного общаго имъ корня. Такимъ образомъ, судя по этимъ даннымъ, кажется гораздо вѣроятнѣе думать, что въ псалмѣ разумѣются мѣста благочестивыхъ собраній Іудеевъ, которыя предшествовали окончательному образованію синагогъ въ томъ видѣ, какъ они являются намъ въ Маккавейское время. Во всякомъ случаѣ, догадка о существованіи синагогъ въ этомъ видѣ во времена писателя псалма представляется слишкомъ сомнительною и не только не можетъ служить основаніемъ для заключенія о Маккавейскомъ происхожденіи псалма, а сама напротивъ нуждается въ основаніяхъ и можетъ получить вѣроятность подъ тѣмъ только условіемъ, когда предварительно съ несомнѣнностію будетъ доказано Маккавейское происхожденіе псалма.—в) Что касается указанія на религіозный характеръ описываемыхъ въ псалмахъ войнъ, опустошеній и жестокостей со стороны вторгнувшихся язычниковъ, то это еще менѣе можетъ служить признакомъ исключительно Маккавейскаго времени. Для Израиля, котораго Господь избралъ и отдѣлилъ отъ прочихъ народовъ, положивъ раздѣленіе и вражду съ этими послѣдними, всякая война съ иноплеменнымъ народомъ была религіозною войною, какъ это достаточно показываютъ уже его войны съ хананейскими и другими сосѣдними народами при занятіи земли обѣтованной (см. Исх. 17, 16. Числ. 25, 17—18. 33, 55—56. Втор. 31, 3—8. Суд. 11, 20—27 и др). Съ другой стороны, если нынѣшніе просвѣщенные христіанскіе народы нерѣдко отличаются крайнею религіозною нетерпимостію въ отношеніи къ обрядамъ другаго христіанскаго же исповѣданія и во время войнъ съ какимъ либо народомъ иного исповѣданія позволяютъ себѣ оскорблять святыни этого послѣдняго, грабить его храмы, или превращать ихъ въ стойла и казармы; то для древнихъ, неразвитыхъ языческихъ народовъ въ ихъ враждебныхъ отношеніяхъ къ другимъ иновѣрнымъ народамъ и особенно къ Іудеямъ, которые наиболѣе рѣзко отдѣлялись

---

[1]) См. Synagogen der Juden въ Real-Encyklopädie v. Herzog Bd. XV. S. 300 и Vitringa de Synagoga vetere l c. p. 77 sq. и др.

[2]) Такое названіе употребляется въ Mischna, Sota IX, 15. ed. Berlin. 1831. Surenhusius III p. 308.

отъ нихъ своею религіею, подобный образъ дѣйствій и, конечно, въ еще болѣе грубой формѣ, представлялся совершенно естественнымъ и законнымъ, и былъ почти обыкновеннымъ образомъ дѣйствія побѣдителей въ отношеніи къ побѣжденнымъ, или вообще нападающаго народа въ странѣ, подвергшейся нападенію. Такимъ образомъ всѣ вообще извѣстныя въ исторіи Евреевъ нашествія на нихъ языческихъ народовъ представляли собою возстанія противъ Іеговы и въ большей или меньшей степени отличались характеромъ религіознаго гоненія. Таковы же по преимуществу были и нашествія Навуходоносора; потому что во время этихъ нашествій главная святыня Іудеевъ,—Іерусалимскій храмъ, неоднократно подвергался разграбленію, оскверняемъ былъ кровопролитіями и наконецъ, лишенный всѣхъ своихъ священныхъ принадлежностей, сосудовъ и дорогихъ украшеній, былъ сожженъ и разрушенъ, а первосвященникъ и священники отведены были въ плѣнъ, гдѣ многіе изъ нихъ были умерщвлены, и страна іудейская надолго осталась безъ установленнаго законнаго богослуженія (4 Ц. 24, 13. 25, 9—21. 2 Пар. 36, 7. 10. 17—21). Этими обстоятельствами, безъ всякихъ другихъ предположеній, вполнѣ объясняются жалобы псалмопѣвца на поруганіе язычниками имени Божія, и мольбы его къ Господу, чтобы Онъ возсталъ и защитилъ Свое дѣло (Пс 73, 10. 18. 22. 23. 78, 1—3. 10. 12). Равнымъ образомъ и выраженіе: «поставили (враги) знаки свои вмѣсто знаменій нашихъ» (Пс. 73, 4),—вовсе не требуетъ для объясненія своего непремѣнно видѣть въ немъ указаніе на бывшее въ гоненіе Антіоха Епифана запрещеніе іудейскихъ обрядовъ и насильственное введеніе вмѣсто нихъ обрядовъ языческихъ, или на поставленіе въ храмѣ Іерусалимскомъ, на самомъ алтарѣ Іеговы, алтаря и идола Юпитера Олимпійскаго (1 Макк. 1, 44 - 61. 2 Макк. 6, 1 и дал.); потому что оно съ не меньшею ясностію и основательностію объясняется и о Халдеяхъ, которые уже самымъ разграбленіемъ и разрушеніемъ святилища Божія на мѣсто прежнихъ знаменій Божія владычества и благоволенія въ народѣ іудейскомъ поставили знаки своего владычества надъ нимъ и, безъ сомнѣнія, выразили это и внѣшнимъ образомъ въ поставленіи, можетъ быть, въ самомъ храмѣ Іерусалимскомъ до его сожженія своихъ трофеевъ и вообще военныхъ или религіозныхъ знаковъ. [1]) – г) Употребленіе имени

[1]) Bunsen въ объясненіи на это мѣсто (См. Bibelwerk) замѣчаетъ,

חֲסִידִים объ умерщвленныхъ язычниками рабахъ Божіихъ (Пс. 78, 2) также само по себѣ не можетъ служить признакомъ Маккавейскаго происхожденія псалма. Имя это, подобно какъ יְשָׁרִים или צַדִּיקִים, издавна уже употреблялось въ Писаніи въ общемъ значеніи благочестивыхъ или вѣрныхъ Израильтянъ (1 Ц. 2, 9. 2 Ц. 22, 26. Пс. 4, 4. 12, 2. 30, 5. 31, 24. 37, 28 по евр. и мн. др.), иногда же въ преимущественномъ смыслѣ усвоялось священникамъ и левитамъ (2 Пар. 6, 41. Пс. 132, 9 по евр.), какъ служителямъ вѣры и благочестія, а также и всему іудейскому народу (Пс 145, 10. 50, 5. 85, 9), какъ призванному и, въ силу своего призванія, долженствовавшему быть народомъ благочестивымъ и святымъ (Исх. 19, 5—6), и хотя со времени религіозныхъ гоненій Антіоха Епифана получило болѣе тѣсное значеніе отличительнаго названія выступившихъ тогда на защиту истинной вѣры благочестивыхъ ревнителей закона Божія (Асидеевъ, Ασιδαίων), въ противоположность нечестивымъ отступникамъ, стремившимся къ введенію въ народѣ языческой цивилизаціи (Ср. 1 Макк. 1, 11. 9, 23 и 2, 42—44. 2 Макк. 14, 6 и др.), но въ приведенномъ мѣстѣ и вообще въ цѣломъ содержаніи псалмовъ нѣтъ никакого болѣе или менѣе прямаго указанія на употребленіе его въ послѣднемъ тѣснѣйшемъ значеніи, или на ближайшее отношеніе ко временамъ Маккавеевъ. Мало того, древнѣйшій греческій переводъ разсматриваемаго мѣста, а вслѣдъ за нимъ и всѣ другіе переводы явно не благопріятствуютъ пониманію слова חֲסִידִים въ тѣснѣйшемъ Маккавейскомъ значеніи: всѣ они обыкновенно переводили его въ общемъ библейскомъ смыслѣ: «святые», «преподобные» ὅσιοι, sancti, и нѣтъ ни одного, въ которомъ бы оно переводилось собственнымъ именемъ: «Асидеи», какъ это принято было греческими писателями и переводчиками во времена Маккавеевъ (1 Макк. 2, 42. 7, 13. 2 Макк. 14. 6), и чего бы слѣдовало ожидать въ слу-

---

что «Халдеи до сожженія храма вѣроятно употребляли его, какъ казарму (ср. Авд. 16) и потому разставили въ немъ свои военные или религіозные знаки». Древніе церковные толкователи: св. Аѳанасій и бл. Ѳеодоритъ также подъ знаками враговъ разумѣли здѣсь ихъ военные знаки, знамена и побѣдные трофеи. См. Тв. Св. Оо. Т. XXII. стр. 281 и Т. XXVIII, стр. 29.

чаѣ Маккавейскаго происхожденія псалма, особенно отъ древнѣйшихъ его переводчиковъ, время жизни которыхъ въ этомъ случаѣ естественно должно бы было очень близко совпадать со временемъ Маккавеевъ. Поэтому предполагаемое указаніе псалма на Асидеевъ не представляетъ вѣроятности: напротивъ того ничто не мѣшаетъ, и представляется гораздо вѣроятнѣе понимать слово חסידים въ обыкновенномъ, общеупотребительномъ библейскомъ значеніи и относить его къ Іудеямъ, умерщвленнымъ при Халдейскомъ нашествіи, между которыми, безъ сомнѣнія, были и благочестивые въ собственномъ смыслѣ этого слова, а также находились первосвященникъ и священники, которые, какъ мы замѣтили, иногда по преимуществу отличались такимъ названіемъ (2 Пар. 36, 17. 4 Ц. 25, 18—21; ср. Іер. 52, 24—27 и 39, 6).—д) Что касается наконецъ указанія на 2-й и 3-й стихи 78-го псалма въ 1 Маккавейской книгѣ примѣнительно къ описываемому тамъ событію вѣроломнаго умерщвленія лже-первосвященникомъ Алкимомъ 60-ти Асидеевъ (1 Макк. 7, 12—17), то и это обстоятельство само по себѣ не представляетъ еще доказательства Маккавейскаго происхожденія псалма. Значеніе такого доказательства оно могло бы имѣть въ томъ лишь только случаѣ, когда бы предварительно было доказано, что цитуемое въ 1 Макк. кн. мѣсто псалма приводится тамъ въ качествѣ свидѣтельства современника описываемому событію, подобно тому какъ Моисей и нѣкоторые другіе священные писатели при описаніи тѣхъ или другихъ событій ссылались иногда на свидѣтельства современныхъ пѣсней или другихъ писаній, въ которыхъ описывались такія событія (ср. Числ. 21, 14. 15. 17. 18. 27—30. I. Нав. 10, 13. 1 Ц. 1, 18 и дал. 3 Ц. 14, 19. 29. 15, 31 и др.). Но чтобы оно приводилось въ такомъ именно смыслѣ,—доказать этого рѣшительно нельзя. Рядомъ съ обычаемъ ссылаться въ подтвержденіе сообщаемыхъ историческихъ сказаній на какія либо современныя писанія, мы видимъ у ветхозавѣтныхъ писателей и другой еще обычай — приводить мѣста изъ древнѣйшихъ священныхъ писаній, особенно же изреченія пророковъ, въ которыхъ они видѣли предсказанія о современныхъ имъ событіяхъ, и этотъ послѣдній обычай, проистекая изъ самой сущности богооткровенной религіи, именно, основываясь на вѣрѣ въ божественный авторитетъ Св. Писанія, является еще въ большемъ развитіи, проходитъ чрезъ всю исторію ветхозавѣтнаго откровенія и не только не прекращается съ прекращеніемъ

пророческаго дара, но дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ послѣдующихъ іудейскихъ писателей и переходитъ въ наслѣдіе Церкви Новозавѣтной. Писатель 1 Маккавейской книги также не чуждъ этого обычая и, подобно другимъ ветхозавѣтнымъ писателямъ, нерѣдко съ большею или меньшею буквальностію приводитъ мѣста изъ древнихъ священныхъ писаній (1 Макк. 1, 39 ср. съ Ам. 8, 10;—1, 54 съ Дан. 11, 31;—3, 45 съ Дан. 8, 13;—14, 12 съ 3 Ц. 4, 25. Мих. 4, 4 и Зах. 3, 10;—2, 63 съ Пс. 145, 4;—9, 23 съ Пс. 91, 10), хотя и не обозначаетъ своего заимствованія особымъ указаніемъ въ родѣ того, какое дѣлаетъ онъ, ссылаясь на слова изъ псалма 78-го. Впрочемъ выраженіе: «по слову написанному» (κατὰ τὸν λόγον, ὃν ἔγραψεν [1]), т. е. вѣроятно Ἀσάφ, какъ у Евсевія, или ὁ προφήτης, какъ въ спрскомъ переводѣ), которымъ онъ обозначаетъ приводимыя имъ слова псалма, одинаково можетъ идти и къ словамъ современнаго пѣвца, и древнѣйшаго писателя, и даже чаще употребляется въ послѣднемъ, нежели въ первомъ значеніи [2]). Посему очень вѣроятно, что писатель 1 Маккавейской книги ссылается на слова 78-го псалма лишь въ смыслѣ пророчества или прообразовательнаго указанія на описываемое имъ событіе, хотя они на самомъ дѣлѣ сказаны были по другому случаю, и въ прямомъ историческомъ смыслѣ относились и относятся къ другимъ древнѣйшимъ обстоятельствамъ, подобно тому какъ въ Новомъ Завѣтѣ нерѣдко приводятся въ отношеніи къ Іисусу Христу такія изреченія изъ ветхозавѣтныхъ писаній, которыя въ историческомъ смыслѣ относились къ другимъ лицамъ или даже къ цѣлому народу Израиль-

---

[1]) По другимъ спискамъ: κατὰ τοὺς λόγους οὓς ἔγραψεν, какъ и въ нашемъ славянскомъ переводѣ: «по словесѣхъ, якоже писано есть».

[2]) Ср. напр. выраженія: «по слову Господа, которое Онъ изрекъ»... (3 Ц. 16, 34. 4 Ц. 23, 16; также 2 Пар. 36, 20—21. 1 Ездр. 1, 1. Дан. 9, 2. Мѳ. 1, 22. 2, 15. 4, 14. 8, 17 и мн. др.), «какъ написано» (Мѳ. 2, 5. 26, 31. Іоан. 8, 17. 12, 14. 10, 34), «какъ говоритъ писаніе» (Іоан. 7, 38), «какъ прямо сказалъ Моисей» и проч. (2 Макк. 7, 6), «да сбудется слово написанное»... (Іоан. 16, 25) и проч. Всѣ эти выраженія представляютъ почти буквальное сходство съ употребленнымъ въ 1 Макк. 7, 16 и между тѣмъ всѣ указываютъ на пророческія предсказанія или вообще писанія прежняго времени, а не современныя описываемымъ событіямъ.

скому (ср. Мѳ. 2, 15. 18. 23. 13, 35. Іоан. 19, 36). Такимъ образомъ мнимое доказательство Маккавейскаго происхожденія псалма, какое думаютъ видѣть въ указаніи на слова его писателемъ 1 Маккавейской кн., на самомъ дѣлѣ представляетъ не болѣе, какъ сомнительную гипотезу, съ не меньшею вѣроятностію допускающую и другое объясненіе, которое прямо ведетъ насъ къ противоположному заключенію о древнѣйшемъ происхожденіи псалма. Мало того, есть основанія за этимъ послѣднимъ объясненіемъ признавать наибольшую вѣроятность, нежели за первымъ. Мы уже видѣли, что цитуемое въ 1 Макк. кн. мѣсто псалма древнѣйшіе греческіе переводчики понимали и переводили вовсе не въ Маккавейскомъ смыслѣ по отношенію къ Асидеямъ, къ умерщвленію которыхъ лже-первосвященникомъ Алкимомъ примѣняетъ его историкъ Маккавейскаго времени. Не въ Маккавейскомъ же смыслѣ приводится оно и въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ намъ греческомъ текстѣ 1 Маккавейской книги, который впрочемъ считаютъ переводомъ съ первоначальнаго еврейскаго. Не смотря на примѣненіе къ упомянутому умерщвленію благочестивыхъ ревнителей вѣры, которыхъ въ описываемое время принято было называть и которые только что предъ этимъ и названы были Асидеями (1 Макк. 7, 13), въ приводимомъ вслѣдъ за тѣмъ мѣстѣ псалма слово חֲסִידִים переводится не въ этомъ частнѣйшемъ тогдашнемъ смыслѣ, т. е. собственнымъ именемъ: «Асидеи», но, согласно съ греческимъ переводомъ LXX-ти, въ общемъ библейскомъ значеніи этого слова — нарицательнымъ именемъ: «святые» или «преподобные» (ὅσιοι — ст. 17). Не есть ли это ясное свидѣтельство, что какъ древніе греческіе переводчики псалма не относили его къ Маккавейскому событію умерщвленія Асидеевъ, такъ и греческій переводчикъ 1 Макк. книги смотрѣлъ на приводимое въ ней мѣсто псалма не какъ на свидѣтельство современнаго пѣвца, но какъ на свидѣтельство древности, въ которомъ признавалъ пророчество объ описываемомъ событіи Маккавейскаго времени? Въ такомъ же смыслѣ древнѣйшаго пророческаго предсказанія понимали указаніе Маккавейской книги на слова 78-го псалма и большая часть другихъ древнихъ переводовъ и толкователей церковныхъ [1]), хотя они и

[1]) Какъ Таргумъ и переводы сирскій, арабскій, латинскій и др. (См. Bibl. Polygl.) и Оо. и учители церкви: св. Аѳанасій, Иларій, Евсевій, бл. Ѳеодоритъ и др.

не сходились во мнѣніяхъ о времени написанія псалма. Но понимаемое въ этомъ послѣднемъ значеніи указаніе Маккавейской книги на слова псалма будетъ уже прямымъ свидѣтельствомъ противъ его Маккавейскаго происхожденія, показывая, что онъ древнѣе того Маккавейскаго событія, къ которому приспособляютъ его, что своимъ происхожденіемъ восходитъ онъ еще ко времени существованія пророковъ, въ періодъ Маккавеевъ составлявшихъ уже предметъ однихъ только воспоминаній и желаній народныхъ (1 Макк. 9, 27. 4, 46. 14, 41), и слѣдовательно относится къ другому изъ двухъ указанныхъ пунктовъ іудейской исторіи, къ которымъ можетъ относиться по своему содержанію,—именно ко времени Халдейскаго нашествія.

И такъ всѣ вообще доказательства Маккавейскаго происхожденія 73 и 78 псалмовъ, при правильномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи, или оказываются слишкомъ слабыми, недоказательными, и съ одинаковою вѣроятностію допускаютъ и такое и иное объясненіе, и pro и contra доказываемой гипотезы, или даже скорѣе и основательнѣе объясняются въ пользу мнѣнія о составленіи ихъ по поводу разрушенія и опустошенія Іерусалима и всей Іудеи во времена Халдейскаго нашествія. Но кромѣ того въ обоихъ псалмахъ находятся и такія черты, которыя прямо говорятъ въ пользу этого послѣдняго и не могутъ быть съ непринужденностію соглашены съ гипотезою о Маккавейскомъ ихъ происхожденіи. Такова въ особенности въ псалмѣ 73 жалоба псалмопѣвца предъ Богомъ, что враги «предали огню святилище» Его (ст. 7). Выраженіе ея настолько просто, ясно и по ходу рѣчи естественно и послѣдовательно, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ о храмѣ Іерусалимскомъ и именно о совершенномъ его сожженіи, и что это выраженіе, какъ и всю вообще картину разрушенія въ псалмѣ, слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ прямомъ, буквальномъ, историческомъ смыслѣ, а не въ какомъ либо иносказательномъ или гиперболически-поэтическомъ. Это подтверждаетъ и ближайшій контекстъ второй параллельной половины того же стиха, въ которой, по свойству еврейскаго параллелизма членовъ, мы и должны ожидать развитія и объясненія мысли, заключенной въ первомъ полустишіи. Здѣсь мы читаемъ, что «враги» «совсѣмъ»—буквально съ еврейскаго: «до земли», т. е. до совершеннаго низложенія и превращенія въ прахъ земной [1]),—«осквер-

[1]) Ср. подобныя же выраженія Пл. Іер. 2, 2. Іер. 19, 13. Іез. 28,

нили жилище имени Божія» (ст. 7); а такое осквернение жилища Божія или храма именно предполагаетъ окончательное разрушеніе его, или совершенное сожженіе, какъ это и говорится прямо въ первой половинѣ стиха. Но ветхозавѣтная исторія не знаетъ другаго сожженія храма, кромѣ бывшаго при Халдейскомъ нашествіи. Во времена гоненій Антіоха Епифана, по ясному свидѣтельству исторіи, «святилище было опустошено, жертвенникъ осквернень (языческими жертвоприношеніями.—2 Макк. 6. 5. 1 Макк. 1, 54). ворота сожжены и въ притворахъ. какъ въ лѣсу или на какой либо горѣ, поросли растенія, и хранилища были разрушены» (1 Макк. 4, 38); но кромѣ упоминаемаго въ приведенномъ свидѣтельствѣ сожженія воротъ храма, о которомъ дважды упоминается и во 2 Макк. кн. (1, 8 и 8, 33), никакого другаго сожженія во храмѣ, а тѣмъ болѣе сожженія и разрушенія цѣлаго храма не было, а потому и въ псалмѣ этого времени также не могло быть рѣчи о подобномъ сожженіи и разрушеніи. Правда, въ псалмѣ 78 упоминается лишь только объ осквернении храма (ст. 1), а ничего не говорится о его сожженіи; но этого нельзя считать свидѣтельствомъ въ пользу Маккавейскаго происхожденія псалма: потому что здѣсь вообще не говорится, въ чемъ именно состояло осквернение храма, между тѣмъ какъ, по совершенному тожеству предмета этого псалма съ псалмомъ 73-мъ, и здѣсь, какъ и тамъ, подъ осквернениемъ храма въ частности слѣдуетъ разумѣть вступленіе въ него язычниковъ и поставленіе ихъ трофеевъ и другихъ знаковъ на мѣстѣ священныхъ знаменій служенія Іеговѣ, разграбленіе и разрушеніе всѣхъ украшеній храма и наконецъ всецѣлое его сожженіе и разрушеніе (ср. Пс. 73, ст. 2 — 7). Объ отношеніи къ Халдейскому же нашествію свидѣтельствуетъ и молитвенное обращеніе псалмопѣвца къ Богу: «подвигни стопы твои къ вѣковымъ развалинамъ» (Пс. 73, 3); такъ какъ выраженіе: «вѣковыя развалины» предполагаетъ, что ко времени написанія псалма Іерусалимъ и вообще земля іудейская нѣсколько лѣтъ уже, и по крайней

16—17, почему въ русск. пер. Библ. Общ. переведено: «*на землю низринувъ* осквернили жилище имени Твоего». J. Fürst въ Hebr.-Chald. Wörterb. словамъ חָלַל לָאָרֶץ также даетъ значеніе «низвергать, niederstürzen. Bd. 1. S. 404a, Lpz. 1863.

мѣрѣ хотя одно десятилѣтіе, находились въ состояніи опустошенія, какъ это могло быть и было только послѣ Халдейскаго нашествія, но чего вовсе не было послѣ нашествій Антіоха Епифана и его полководцевъ, когда Іерусалимъ и другіе города іудейскіе, благодаря мужеству и благоразумію своихъ защитниковъ и правителей, Маккавеевъ, не оставались долго въ развалинахъ (1 Макк. 1, 54 и 4, 48—52. 60—61. 5, 1 и дал. 2 Макк. 10, 1 и дал.). Равнымъ образомъ и названіе Іудеевъ узниками, обреченными на смерть (Пс. 78, 11), также гораздо лучше идетъ къ состоянію ихъ послѣ Халдейскаго нашествія, когда большая часть ихъ отведены были въ плѣнъ и частію умерщвлены, частію обращены въ рабство и такимъ образомъ въ буквальномъ смыслѣ слова представляли собою узниковъ, обреченныхъ на смерть, какъ нерѣдко и называются въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія (ср. Иса. 10, 4. 14, 17. Пс. 101, 21. Пл. Іер. 3, 34); между тѣмъ какъ такое названіе не употребляется и съ меньшею естественностію и непринужденностію можетъ быть усвоено Іудеямъ во время гоненій Антіоха Епифана, когда они, подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей своихъ, Маккавеевъ, мужественно и съ успѣхомъ боролись противъ гонителя. Въ связи съ указанными признаками преимущественнаго отношенія разсматриваемыхъ псалмовъ ко времени и обстоятельствамъ Халдейскаго нашествія немаловажное значеніе имѣетъ и то, что оба эти псалма не только въ мысляхъ, но и въ образѣ выраженія нерѣдко до буквальнаго тожества сходятся съ писаніями современнаго Халдейскому нашествію скорбнаго пророка Божія Іереміи, и вообще въ языкѣ своемъ носятъ колоритъ, свойственный писаніямъ этого времени [1]). Обстоятельство это, вмѣстѣ со многими другими признаками и основаніями, подтверждая вѣроятность отношенія 73 и 78 псалмовъ къ Халдейскому нашествію, показываетъ кромѣ того, что здѣсь разумѣется не отношеніе въ несобственномъ, пророческомъ или прообразовательномъ смыслѣ [2]),

---

[1]) Ср. особ. по евр. Пс. 74, 2 съ Іер. 10, 16. 51, 19; 74, 4 съ Пл. Іер. 2, 7;—ст. 7 съ Пл. Іер. 2, 2; также Іер. 19, 13; ст. 9 съ Пл. 2, 9; Пс. 79, 1 съ Іер. 26, 18;—ст. 6—7 съ Іер. 10, 25;—ст. 8 съ Іер. 11, 10;—ст. 11 съ Іер. 16, 9;—ст. 12 съ Іер. 52, 18;—ст. 13 съ Іер, 10, 21. 23, 1. 3 и 49, 20 и др.

[2]) Замѣчаемъ это потому, что нѣкоторые толкователи принимаютъ

въ какомъ онѣ могутъ быть примѣняемы, какъ и примѣняются писателемъ 1 Маккав. кн. и послѣдующими толкователями Церкви Христіанской, къ событіямъ жестокаго правленія и религіозныхъ гоненій Антіоха Епифана и его преемниковъ, или даже къ обстоятельствамъ послѣдняго разрушенія Іерусалима и храма Римлянами [1]), но отношеніе въ прямомъ, буквальномъ, въ историческомъ смыслѣ,—иначе сказать, показываетъ, что означенные псалмы *написаны были около времени Халдейскаго нашествія, и именно по поводу этого событія* [2]). Впрочемъ уже суда по

отношеніе разсматриваемыхъ нами псалмовъ къ Халдейскому нашествію только въ смыслѣ пророчества объ этомъ событіи, а самое написаніе ихъ, на основаніи надписаній именемъ Асафа, приписываютъ пророку и пѣвцу Асафу, современнику Давидову (Cramer, Einleit in die Psalmen III, Grotius,—См. Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 847). Справедливо, что Господь для предостереженія народа своего отъ уклоненія въ нечестіе и идолопоклонство, заранѣе предвозвѣщалъ ему чрезъ пророковъ грозный судъ свой, который Онъ совершилъ потомъ надъ нимъ въ Халдейскомъ нашествіи и плѣненіи. Такова напр. пророчество Исаіи въ гл. 63, 17—19 и 64, 1—11, представляющее нѣкоторыя очень сходныя черты съ разсматриваемыми псалмами. Но во всякомъ случаѣ нельзя допустить изреченія пророчества о разрушеніи Іерусалима и храма въ Давидово время когда Іерусалимъ только что начинаетъ свое религіозно-гражданское существованіе, а храмъ существовалъ лишь въ мысли царя Давида, которую ему не суждено было привести въ исполненіе. О будущемъ разрушеніи храма Іерусалимскаго въ первый разъ возвѣщаетъ Господь только послѣ построенія и освященія его царю Соломону (3 Ц. 9, 7—9), но изъ послѣдующаго хода событій видно, что эта угроза Божія и послѣ сего долго еще не была извѣстна народу іудейскому, чего, конечно, не могло бы быть при существованіи пророчествующихъ о томъ псалмовъ, которые, какъ извѣстно, имѣли общественное употребленіе.

[1]) Мнѣніе это встрѣчается у бл. Θеодорита (на Пс. 73) и было принимаемо многими послѣдующими толкователями (Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 846—7 et coet.); но какъ псалмы по формѣ изложенія своего представляютъ молитвы объ избавленіи отъ предвозвѣщаемыхъ такъ. образомъ бѣдствій, то уже бл. Августинъ не одобрялъ подобнаго приспособленія псалмовъ, находя недостойнымъ пророка молиться объ отвращеніи того праведнаго суда Божія, который неминуемо долженъ былъ постигнуть отверженный народъ еврейскій (ibidem p. 967).

[2]) Въ такомъ именно смыслѣ изъясняютъ эти псалмы: De Wette,

строгому соотвѣтствію ихъ исторіи, и кромѣ того въ Пс. 73 по особенному обилію подробностей въ описаніи бѣдствій, постигшихъ Іудею при Халдейскомъ нашествіи, а также по замѣчательной живости скорбно-молитвенныхъ чувствованій псалмопѣвца, какія онъ изливаетъ предъ Богомъ отъ лица страждущихъ своихъ соотечественниковъ, нельзя сомнѣваться, что *псалмы эти, подобно пѣсни Плача Іереміи, принадлежатъ кому либо изъ современниковъ и очевидцевъ описываемаго печальнаго событія. Кажется, что писатель ихъ, подобно Іереміи пророку, воспѣлъ ихъ послѣ опустошенія Іудеи и разрушенія Іерусалима и храма, оставаясь на развалинахъ своего несчастнаго отечества* и, такъ какъ оба псалма надписываются именемъ Асафа, то, безъ сомнѣнія, это былъ кто либо изъ благочестивыхъ пѣвцовъ многочисленной фамиліи Асафа, непрерывно продолжавшей свое существованіе до времени и послѣ плѣна Вавилонскаго и ставшей потомъ во главѣ хора пѣвцовъ втораго храма Іерусалимскаго (Ездр. 2, 41. Неем. 7, 44 и 11, 22). Нѣкоторые впрочемъ полагаютъ, что псалмы эти могли быть воспѣты кѣмъ либо изъ другихъ благочестивыхъ мужей или пѣвцовъ того времени, только по образу псалмовъ Асафовыхъ [1]); но какіе же мужи всего болѣе могли цѣнить и предпочтительнѣе предъ другими древними священными пѣснями избрать за образцы себѣ псалмы Асафа, если не потомки этого славнаго пѣвца Давидова?

д) Псалмы Емана и Ефана Езрахитовъ.

Вмѣстѣ съ пророкомъ Асафомъ, именемъ котораго надписываются и которому отчасти принадлежатъ разсматривавшіяся предъ этимъ двѣнадцать пѣсней Псалтири, во главѣ многочисленнаго хора пѣвцовъ Давидовыхъ стояли, какъ извѣстно, еще два богопросвѣщенные левита-прозорливца: Еманъ изъ племени Каѳа и Ефанъ

Köster, Maurer, Hengstenberg, Hupfeld, Ehrt, Moll. Тоже мнѣніе высказывается и въ Рук. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. Орды, стр. 121. Кіевъ. 1871 г.

[1]) Какъ Delitzsch на Пс, 74 и въ Symbolae ad Ps. illustr. isag. p. 30, NB. 35.

(LXX и слав. Еѳамъ) изъ племени Мерари, иначе называемый Идиѳуномъ [1]) (1 Пар. 6, 31—33. 44. 15, 17. 19. 25, 1—6; ср. 2 Пар. 35, 15). Въ Книгѣ Псалмовъ мы также встрѣчаемъ двѣ пѣсни, изъ коихъ одна, *Пс. 87-й, написывается именемъ Емана*, а другая, *Пс. 88-й, приписывается Ѳану*, но только здѣсь оба эти пѣвца называются *Езрахитами* (הָאֶזְרָחִי) [2]), тогда какъ пѣвцы Давида никогда въ исторіи не упоминаются съ такимъ наименованіемъ. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ, кто такіе были писатели 87 и 88-го псалмовъ, Езрахиты Еманъ и Ѳанъ,—были ли они одни и тѣже лица съ левитами Еманомъ и Ѳаномъ, пѣвцами Давида, или же это были отдѣльные отъ нихъ. и только соименные имъ пѣвцы какого либо другаго времени? Исторія не даетъ намъ достаточно яснаго рѣшенія этого вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что писатели этихъ псалмовъ тѣже самые Езра-

---

[1]) Что Ѳанъ, одинъ изъ начальниковъ хора пѣвцовъ Давидовыхъ, и Идиѳунъ (LXX и слав.: Идиѳумъ) одно и тоже лицо, видно изъ сличенія совершенно параллельныхъ по содержанію мѣстъ одной и той же 1-й кн. Паралипоменонъ, именно гл. 6, ст. 31—33. 39 и 44 и гл. 15, ст. 17 и 19 съ гл. 16. ст. 5. 37 и 41—42 и гл. 25, 1—6, въ которыхъ во всѣхъ одинаково говорится о трехъ начальникахъ хора Давидова и двое изъ нихъ вездѣ одинаково называются Асафомъ и Еманомъ, а третій—въ первыхъ изъ указанныхъ мѣстъ называется Ѳаномъ, а въ послѣднихъ Идиѳуномъ. Вѣроятно онъ переименованъ былъ въ Идиѳуна, т. е принадлежащаго къ хвалебному хору (См. Hebräisch. Handwörterbuch v. J. Fürst), со времени поставленія его на должность въ Гаваонѣ, чтобы славить (לְהוֹדוֹת) Господа (1 Пар. 16, 39. 41 и 42). Ср. Cramer's Einleit. in d. Ps. c. III и Delitzsch's zu d. Ps. 39-й. За одно лице Ѳана и Идиѳуна признаютъ и наши богословы: Побѣдинскій-Платоновъ (въ Ист. царств. Давида въ Душ. Чт. 1872, III стр. 357 и 361), составитель Руков. къ чт. учит. кн. В. З. (Кіевъ 1871 г. стр. 52) и вообще большинство изъ новѣйшихъ, за исключеніемъ впрочемъ Преосв. Палладія Еп. Саранульскаго, который, оставаясь вѣрнымъ господствовавшему у насъ до послѣдняго времени мнѣнію Оо. церкви (Аѳан. Злат. Ѳеодорита. Ср. Начерт. библ. Ист. Филарета Митр. Моск., стр. 366 изд. 1819 г.), различаетъ ихъ, какъ два отдѣльныя лица, бывшія начальниками хоровъ при Давидѣ (Толк. на Пс. стр. X—XI).

[2]) Не Израильтянами, какъ ошибочно въ греч. и слав. переводахъ.

хиты Еѳанъ и Еманъ, какіе упоминаются въ 3-й кн. Царствъ вмѣстѣ съ Халколомъ и Дардою, сынами Махола [1]), въ числѣ знаменитыхъ мудрецовъ, которые поставляются въ сравненіе съ Соломономъ (3 Цар. 4, 31; съ евр. 5, 11); но при этомъ упоминаніи не говорится, когда жили такіе мудрецы и были ли они отдѣльныя лица или же одни и тѣже съ соименными имъ прозорливыми пѣвцами Давида. Неопредѣленность эта подала поводъ къ различнымъ догадкамъ относительно личности и времени жизни Езрахитовъ Емана и Еѳана. Писатель 1 кн. Паралипоменонъ, безъ сомнѣнія, на основаніи словопроизводства прозванія אֶזְרָחִי отъ имени זֶרַח=Зара, которое носилъ одинъ изъ сыновей патріарха Іуды (Быт. 38, 30), считалъ ихъ, равно какъ и упоминаемыхъ вмѣстѣ съ ними въ 3 кн. Царствъ другихъ двухъ мудрецовъ, потомками Іуды и прямо вноситъ ихъ въ родословіе колѣна Іудина подъ именемъ сыновей Зары (1 Пар. 2, 3—6). Изъ позднѣйшихъ же ученыхъ изыскателей и толкователей псалмовъ одни отожествляли ихъ съ извѣстными, вышеупомянутыми начальниками пѣвцовъ Давида, стараясь только придумать какія либо болѣе или менѣе вѣроятныя объясненія для наименованія ихъ Езрахитами; другіе прямо отличали ихъ отъ соименныхъ имъ левитовъ, пѣвцовъ Давида, и относили къ колѣну Іудину, къ потомству Зары. Но при этомъ какъ изъ представителей перваго мнѣнія многіе не соглашались признавать Давидовыхъ пѣвцовъ Емана и Еѳана писателями псалмовъ, надписывающихся ихъ именами и относили эти псалмы то ко времени предъ наступленіемъ плѣна Вавилонскаго [2]), то къ еще болѣе позднему времени Маккавеевъ [3]); такъ и представители втораго мнѣнія расходились въ опредѣленіи времени жизни предпола-

---

[1]) Въ слав. почему-то сынами «Самада». Откуда взялось такое имя вм. еврейскаго מָחוֹל или греческаго Μαοὺλ, — трудно рѣшить. Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ другихъ переводовъ подобнаго имени не встрѣчается.

[2]) Какъ уже Venema, и за нимъ O. v. Gerlach, Tolück, Hengstenberg и др. Нѣкоторые въ частности Пс. 87-й приписывали еще прокаженному Озіи. (См. у Rosenmüller'a въ Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1085); другіе, какъ Michaelis, относили къ пораженному болѣзнію царю Езекіи и проч.

[3]) Какъ Hitzig, Lengerke, Olshausen и др.

гаемыхъ ими сименныхъ пѣвцамъ Давида потомковъ Зары, и нѣкоторые считали ихъ современниками Соломона [1]), который сравнивается съ ними по своей мудрости въ 3 кн. Царствъ; иные же относили ко времени жизни писателей 3-й кн. Царствъ или 1-й кн. Паралипоменонъ, которые будто бы и упоминаютъ объ нихъ именно потому, что это были извѣстные мудрецы и знаменитости ихъ времени [2]). Мы съ своей стороны прежде всего замѣтимъ, что нельзя указать никакого достаточнаго основанія, почему бы названіе именъ Емана и Еѳана въ надписаніяхъ 87 и 88 псалмовъ слѣдовало понимать не въ собственномъ и обыкновенномъ смыслѣ указанія писателей этихъ псалмовъ, и потому считаемъ себя не въ правѣ отдѣлять вопроса о личности и времени жизни Емана и Еѳана Езрахитовъ отъ вопроса о времени происхожденія псалмовъ, надписывающихся именами этихъ мудрецовъ. Съ этой точки зрѣнія само собою очевидно, что Емана и Еѳана Езрахитовъ нельзя въ собственномъ смыслѣ считать сынами Зары, сына патріарха Іуды, какъ называетъ ихъ писатель 1 кн. Паралипоменонъ, потому что въ этомъ случаѣ нужно бы было допустить, что они древнѣе Моисея и жили въ первое время рабства Египетскаго, тогда какъ содержаніе псалма 88-го прямо указываетъ на время царствованія кого-то изъ потомковъ Давидовыхъ (ст. 20—39. 50. 52) [3]). Потому же самому нельзя относить Емана и Еѳана или приписываемыхъ имъ псалмовъ и ко времени написанія книгъ Паралипоменонъ, а тѣмъ болѣе къ Маккавейскому времени. Въ это послѣднее время царствованіе дома Давидова было только предметомъ ожиданій и надеждъ іудейскаго народа, равнымъ образомъ и происхожденія кн. Паралипоменонъ не восхо-

---

[1]) Delitzsch, Vaihinger, Moll и др.

[2]) Какъ Павскій въ Обозр. Пс. стр. 42.

[3]) Впрочемъ, не смотря на очевидную историческую и логическую несообразность такого мнѣнія, и оно находитъ себѣ мѣсто въ іудейскихъ преданіяхъ. По одному изъ такихъ преданій Еманъ и его братья, т. е. остальные три мудреца изъ числа сравниваемыхъ съ Соломономъ, были дѣти Зары и жили въ Египтѣ какъ пророки или мудрецы (Seder Olam Rabba p. 51 ср. Толк. Пс. 87 св. Аѳанасія Алекс.); другое іудейское преданіе отожествляетъ Еѳана съ Авраамомъ, Емана съ Моисеемъ, Халкола съ Іосифомъ. См. у Іеронима, Comment. in 3 Reg. 5, 11).

дитъ ранѣе Ездры [1]) и слѣдовательно падаетъ за предѣлы существованія царства Іудина, между тѣмъ какъ изъ Пс. 88-го ясно видно, что при написаніи его царство Іудино еще существовало и имѣло на престолѣ своемъ помазанника изъ рода Давидова, хотя впрочемъ униженнаго и обезславленнаго отъ какихъ то могущественныхъ побѣдителей (ст. 38 и дал) [2]). Судя по этому состоянію безславія и униженія помазанника изъ дома Давидова, болѣе вѣроятнымъ казалось бы происхожденіе разсматриваемыхъ псалмовъ полагать около времени послѣднихъ царей Іудейскихъ Іехоніи и Седекіи, или около времени происхожденія 3-й и 4-й книгъ Царствъ, которое, по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ, относится не позже, какъ къ началу второй половины плѣна Вавилонскаго [3]). Но если бы догадка эта была справедлива и такимъ образомъ писатели разсматриваемыхъ псалмовъ Еманъ и Ефанъ Езрахиты дѣйствительно были современниками писателя 3-й кн. Царствъ или по крайней мѣрѣ въ его время извѣстными и настолько знаменитыми мудрецами, что ихъ можно было ставить въ сравненіе съ Соломономъ; то странно было бы представить, чтобы такіе мудрецы, къ какому бы племени они не принадлежали,—къ Іудину или Левіину,—ко времени Ездры, которому обыкновенно приписываютъ составленіе книгъ Паралипоменонъ, и слѣдовательно не болѣе какъ чрезъ два или три поколѣнія, могли быть забыты своими потомками, тогда какъ извѣстно, что Іудеи высоко цѣнили и съ особеннымъ стараніемъ

---

[1]) См. выше стр. 306.

[2]) Чтобы устранить такую несообразность съ позднѣйшимъ временемъ происхожденія псалмовъ нѣкоторые изъ защитниковъ этой гипотезы думаютъ подъ именемъ помазанника разумѣть самый народъ іудейскій; но при этомъ сами сознаются, что такой смыслъ имени מְשִׁיחַ есть лишь изобрѣтеніе позднѣйшаго Мидраша (См. Lengerke, Die 5 Bb. d. Ps. 1847, Konigsb. S. 480—481. 490); между тѣмъ какъ въ Св. Пис. имя это никогда не употребляется въ такомъ значеніи. Притомъ же въ псалмѣ ясно идетъ рѣчь не просто о помазанникѣ, а именно о помазанникѣ изъ дома Давидова, чего уже никакъ нельзя примѣнить къ цѣлому народу.

[3]) См. Рук. къ чт. кн. В. и Н. З. Амвросія § 13. II и Введ. къ перев. Ист. кн. В. З. Гуляева стр. VI—VIII. Ткж. De Wette, Einleit. in die Bb. d. A. T. § 185, Keil's-Comm. uber die Bb. der Konige,—Einleit. S. 10—11 и др.

хранили свои родословія (см. 1 Пар. гл. 1 — 9. 1 Ездр. 7, 1—5) и во время Ездры, за исключеніемъ рабовъ и пришельцевъ, нашлись лишь очень немногіе изъ отдаленныхъ поколѣній священническихъ, которые не могли подтвердить своихъ правъ на принадлежность къ священству родословными записями (1 Ездр. 2, 58—62). Между тѣмъ изъ 1 кн. Паралипоменонъ совершенно ясно видно, что писатель ея рѣшительно не зналъ ни происхожденія, ни времени жизни приводимыхъ въ 3 кн. Царствъ въ сравненіе съ Соломономъ знаменитыхъ мудрецовъ Емана, Еѳана, Халкола и Дарды, и не только не считалъ ихъ современниками или близкими ко времени писателя означенной книги, а напротивъ, на основаніи названія первыхъ изъ нихъ Езрахитами, относилъ ихъ къ слишкомъ древнимъ, патріархальнымъ временамъ, признавая ихъ сынами Зары, внуками патріарха Іуды (1 Пар. 2, 6). Напрасно думаютъ прибѣгать къ перетолкованію этого мѣста родословія и стараются придать ему такой смыслъ, что будто бы «писатель книги Паралипоменонъ, не входя въ родословіе Зары, именуетъ только изъ его племени жившихъ въ свои времена мудрецовъ» [1]). Настоящій смыслъ этого мѣста настолько простъ и ясенъ, что не допускаетъ другаго пониманія кромѣ того, что означенные четыре мудреца писателемъ Паралипоменонъ называются сынами Зары въ прямомъ и собственномъ смыслѣ слова: такъ какъ и прежде и послѣ упоминанія объ нихъ онъ ведетъ родословную патріарха Іуды совершенно въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, согласно съ изложеніемъ ея въ древнѣйшихъ писаніяхъ (Быт. 38, 30 и I. Нав. 7, 1) и, приступая къ исчисленію сыновъ Зары, прежде всего упоминаетъ дѣйствительнаго его сына Зимри или Завдія, къ которому присоединяетъ потомъ означенныхъ четырехъ мудрецовъ, и заключаетъ исчисленіе прибавленіемъ: «всѣхъ ихъ», т. е. сыновей Зары, «пятеро», а вслѣдъ за тѣмъ упоминаетъ о внукѣ Зары Хармі и правнукѣ Ахарѣ, которыхъ, конечно, онъ не сталъ бы ставить послѣ лицъ своего времени. Очевидно, что писатель 1 кн. Паралипоменонъ вовсе не зналъ о происхожденіи и времени жизни Емана и Еѳана и прочихъ мудрецовъ и только лишь на основаніи названія ихъ Езрахитами, съ какимъ они упоминаются въ 3 книгѣ Царствъ, вывелъ заключеніе,

---

[1]) Слова Павскаго въ Обозр. Пс. стр. 41—42 примѣч. в.

что они были сыны Зары, почему и внесъ ихъ въ родословіе сего послѣдняго, заимствованное имъ изъ кн. I. Навина. А отсюда естественное слѣдствіе, что они точно также не были современниками или близкими и ко времени писателя 3 кн. Царствъ, изъ которой, быть можетъ, или съ которою изъ одного источника имена ихъ были заимствованы въ кн. Паралипоменонъ, и что онъ приводитъ ихъ въ сравненіе съ Соломономъ, вовсе не потому, что это были извѣстные мудрецы въ послѣднее время Царствъ, но безъ сомнѣнія потому, что такое сравненіе находилось уже въ первоначальной «исторіи Соломона» (3 Ц. 11, 41) или «ежедневныхъ лѣтописяхъ царей» (3 Ц. 14, 19. 15, 31. 16, 5. 14. 20. 27 и проч.), которыми онъ пользовался при составленіи своей книги. А такъ какъ названная «исторія Соломона» и другія первоначальныя историческія записи ведены были современниками описываемыхъ лицъ и событій (Ср. 1 Пар. 29, 29. 2 Пар. 9, 29. и др.), то вмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ заключенію, что *Еманъ и Еѳанъ Езрахиты*, такъ же какъ и другіе два упоминаемые съ ними мудреца, *были современниками первоначальнаго историка Соломонова, или что тоже, современниками самого премудраго царя Израильскаго*. Но въ такомъ случаѣ время жизни этихъ мудрецовъ-псалмопѣвцевъ совпадаетъ съ временемъ жизни соименныхъ имъ Давидовыхъ пѣвцовъ и начальниковъ хора Емана и Еѳана, такъ какъ они, подобно Асафу-пророку [1]) и вмѣстѣ съ нимъ, жили и стояли во главѣ богослужебныхъ хоровъ и въ царствованіе Соломона (2 Пар. 5, 12). Сходятся они съ этими послѣдними и по другимъ важнѣйшимъ отличительнымъ признакамъ: и тѣ и другіе носятъ одинаковыя имена; одни представляются какъ извѣстные мудрецы, достигавшіе богодарованной мудрости Соломона, и другіе описываются какъ мужи богопросвѣщенные,—«прозорливцы, по словамъ Божіимъ» (1 Пар. 25, 1. 5 и 2 Пар. 35, 15); первымъ приписывается составленіе двухъ названныхъ выше пѣсней Псалтири, и послѣдніе вмѣстѣ съ пророкомъ Асафомъ, по самому своему служенію, были и извѣстны какъ замѣчательнѣйшіе пѣвцы и устроители богослужебной музыки и пѣнія, что̀ естественно даетъ предполагать въ нихъ, такъ же какъ и въ пророкѣ Асафѣ, не простыхъ только

[1]) См. выше о Пс. 77 на стр. 312.

исполнителей, но и самостоятельныхъ составителей священныхъ пѣсней [1]). Такимъ образомъ разница между тѣми и другими ограничивается лишь тѣмъ только, что Еманъ и Еѳанъ, пѣвцы Давида, извѣстны какъ левиты; современные же имъ мудрецы Соломоновы того же имени не называются левитами, а носятъ прозваніе Езрахитовъ. Но разница эта не представляетъ непреодолимаго препятствія къ тому, чтобы и тѣхъ и другихъ считать одними и тѣми же лицами. Съ цѣлію устраненія встрѣчающагося при этомъ затрудненія придумано не мало различныхъ объясненій наименованія пѣвцовъ Давида Езрахитами. Всего бы легче и естественнѣе, конечно, устранялось затрудненіе, если бы можно было объяснить это наименованіе изъ родословія самихъ пѣвцовъ Давидовыхъ; почему нѣкоторыми толкователями псалмовъ и сдѣланы были попытки объяснить его словопроизводствомъ отъ имени Азаріи, одного изъ предковъ пѣвца Емана (1 Пар. 6, 14 и 36, по евр. 5, 40 и 6, 21) [2]), или отъ имени Зераха, одного изъ родственниковъ обоихъ пѣвцовъ, только по другой родовой линіи отъ Гирсона, предка Асафова (1 Пар. 6, 21 и 41, по евр. ст. 6 и 26) [3]). Но имя Азаріи, предка Еманова, мало имѣетъ отношенія къ Еѳану, принадлежавшему къ другой родовой линіи, и притомъ по еврейскому написанію עֲזַרְיָה настолько отличается отъ אִזְרָחִי, что производство отъ него этого послѣдняго совершенно немыслимо; производство же отъ имени левита Зераха—זֶרַח, хотя грамматически и совершенно правильно [4]), но въ отношеніи къ Еману и Еѳану не представляется достаточно основательнымъ: такъ какъ рѣшительно не видно причины, почему бы такіе знаменитые пѣвцы могли быть названы по имени очень дальняго и мало извѣстнаго ихъ родственника, и притомъ по другой родовой линіи, тогда какъ и прямые его потомки, напр. Асафъ про-

---

[1]) См. выше исторію псалмопѣнія стр. 67.

[2]) Какъ Calmet, см. Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1085.

[3]) См. Hebr.-Chald. Handwörterbuch v. J. Fürst. 1863. Lpz. Bd. I S. 496.

[4]) אִזְרָחִי отъ זֶרַח съ ִי prostet. вм. זַרְחִי (какъ Числ. 26, 13 и 20), по формѣ образованія именъ אַכְזָב, אַצְבַּע и пр. См. Hebr. Handwörterb. v. J. Fürst подъ этимъ словомъ, Lehrbuch d. Hebr. Sprache v. J. Olshausen § III и др.

рокъ или сыновья его, никогда не назывались Езрахитами. Поэтому гораздо вѣроятнѣе, кажется, принять другое словопроизводство этого прозванія,—отъ имени Зары זֶרַח, сына патріарха Іуды, какъ это мы видѣли уже у писателя кн. Паралипоменонъ; только при этомъ нельзя, подобно писателю названной книги, полагать, что Еманъ и Еѳанъ, пѣвцы Давидовы, были дѣйствительными потомками Зары, сына Іудина, но будто бы потомъ за свое искусство въ музыкѣ и пѣніи были перечислены въ колѣно Левіино [1]): такъ какъ предположеніе подобнаго перечисленія въ другое колѣно мало находитъ себѣ подтвержденія въ исторіи Израиля, а въ настоящемъ случаѣ прямо опровергается сообщаемымъ въ 1 кн. Паралипоменонъ совершенно яснымъ и полнымъ левитскимъ родословіемъ обоихъ пѣвцовъ. Достаточно предположить, какъ это дѣлаютъ другіе изслѣдователи Писанія, что наименованіе Езрахитовъ получили они не вслѣдствіе своего происхожденія изъ рода Зары отъ колѣна Іудина, а потому что долгое время жили въ колѣнѣ Іудиномъ среди потомковъ Зары, подобно тому какъ левитъ Цуфъ, одинъ изъ предковъ Самуила, называется Ефремляниномъ (אֶפְרָתִי) [2]) отъ мѣста жительства своего въ горѣ Ефремовой (1 Ц. 1, 1), или какъ о левитѣ, упоминаемомъ въ кн. Судей въ повѣствованіи объ идолослуженіи Михи, говорится, что онъ изъ колѣна Іудина (מִמִּשְׁפַּחַת יְהוּדָה) на томъ основаніи, что жилъ въ Виѳлеемѣ іудейскомъ (Суд. 17, 7; ср. 2 Ц. 19, 16 съ ст. 20 и гл. 20, ст. 1 съ ст. 21) [3]). Но кромѣ указанныхъ, вполнѣ вѣроятныхъ внѣшнихъ признаковъ *тожества писа-*

---

[1]) Какъ Ewald въ Gesch. d. Volkes Israel. III S. 355 ff.

[2]) LXX, а за ними и русск. переводятъ: «Ефраѳянинъ», т. е. житель Ефраѳы, или Виѳлеема, города въ колѣнѣ Іудиномъ, какъ 1 Ц. 17, 12; но это не сообразно съ ближайшимъ указаніемъ мѣста жительства его מֵהַר אֶפְרָיִם. Почему אֶפְרָתִי и слѣдовало перевести въ смыслѣ указанія на принадлежность, хотя только по мѣсту жительства, къ колѣну Ефремову, какъ уже переводилось оно у Іосифа Флавія: τῆς Ἐφραίμου κληρουχίας, и въ слав. чрезъ повтореніе словъ: «отъ горы Ефремли», и какъ переводится у LXX и въ русск. въ другихъ мѣстахъ: Суд. 12, 5 и 3 Ц. 11, 26.

[3]) Такое объясненіе даетъ Hengstenberg zu d. Ps. 88, Keil, zu 1 Kön 5, 11 и др.

телей псалмовъ Емана и Ефана Езрахитовъ съ левитами-пѣвцами того же имени, мы имѣемъ и прямое свидѣтельство о томъ въ самомъ надписаніи *псалма 87-го*, въ которомъ, кромѣ частнѣйшаго указанія собственнаго имени писателя псалма Емана Езрахита, находится еще болѣе общее указаніе въ качествѣ писателей—сыновъ Кореевыхъ (לִבְנֵי קֹרַח... לֵהֹימָן הָאֶזְרָחִי), и такимъ образомъ ясно показывается, что *называемый Езрахитомъ писатель этого псалма Еманъ принадлежалъ къ фамиліи сыновъ Кореевыхъ, или, что тоже, былъ одно и тоже лицо съ начальникомъ хора Емановъ, который, какъ показываетъ его родословіе, именно былъ Кореянинъ* (1 Пар. 6, 33, 38): почему доказывающіе различіе писателя псалма отъ начальника хора Давидова и стараются обыкновенно или заподозрить подлинность которой либо части надписанія псалма [1]), или извратить естественный, общепринятый смыслъ его какимъ либо натянутымъ, искуственнымъ переводомъ [2]), но безъ достаточнаго на то основанія. Что же касается внутренняго и внѣшняго характера и содержанія псалмовъ, приписываемыхъ Ману и Ефану Езрахитамъ, то въ нихъ не предста-

---

[1]) Такъ напр. Delitzsch въ предислов. къ Пс. 88 отрицаетъ подлинность первой части надписанія псалма, какъ позднѣйшую прибавку, рѣшительно не сообразную со второю древнѣйшею его частію, т. е. иначе сказать, съ предвзятымъ мнѣніемъ самого Дедича, что Еманъ Езрахитъ былъ изъ племени Іуды и не могъ быть названъ Кореянином. Между тѣмъ единственнымъ основаніемъ предполагаемаго позднѣйшаго происхожденія 1 части надписанія можетъ быть развѣ одно только необычное положеніе въ срединѣ полнаго надписанія слова לְמַעְנַת, которое въ другихъ надписаніяхъ обыкновенно ставится въ началѣ; но это могло быть слѣдствіемъ происхожденія всего этого надписанія отъ другаго составителя.

[2]) Такъ Павскій переводитъ: «псаломская пѣснь сыновъ Кореевыхъ, начальствующему надъ хоромъ (данная), дабы пѣть въ соотвѣтствіе поучительной пѣсни Емана Езрахита»,—и затѣмъ изъ этого придуманнаго имъ перевода, какъ бы единственно вѣрнаго, выводитъ заключеніе, что Еманъ Езрахитъ не принадлежалъ къ сынамъ Корея, подобно какъ Еманъ, начальникъ хора Давидова, и что даже писателемъ этой пѣсни былъ вовсе не онъ, а сыны Кореевы, а имя его принадлежитъ какой то другой неизвѣстной намъ пѣсни, по подражанію которой составленъ 87-й псаломъ (Обозр. Пс. стр. 41—42).

вляется ничего такого, чего нельзя бы было согласить съ временемъ жизни знаменитыхъ пѣвцовъ Давидовыхъ. Построеніе рѣчи и вообще языкъ псалмовъ, по общему признанію наиболѣе компетентныхъ судей по этому предмету [1]), вполнѣ сообразны съ временемъ если не Давида, такъ Соломона, при которомъ они ясно упоминаются въ описаніи торжества освященія новоустроеннаго храма Іерусалимскаго (2 Пар. 5, 12). На тоже время указываетъ отчасти и близкое сходство 87-го псалма во многихъ мысляхъ и выраженіяхъ съ нѣкоторыми псалмами Давида и съ современнымъ ему 41 псалмомъ сыновъ Кореевыхъ, а также и многочисленныя соприкосновенія обоихъ псалмовъ съ книгою Іова [2]), нынѣшняя редакція которой, по-крайней мѣрѣ по литературной обработкѣ ея, по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ восходитъ къ Соломонову времени [3]). Правда, содержаніе обоихъ псалмовъ Емана и Ефана очень мрачнаго настроенія, по видимому не совсѣмъ гармонирующее съ богатымъ свѣтлыми чертами временемъ Давида или Соломона. Но Пс. 87 носитъ на себѣ по преимуществу индивидуальный характеръ и, можетъ быть, относится къ какому либо неизвѣстному намъ эпизоду собственной жизни псалмопѣвца, представляя собою скорбно-молитвенное изліяніе его личныхъ чувствованій подъ гнетомъ какихъ либо нравственныхъ страданій и тяжкой душевной борьбы, которыя онъ могъ испытать, конечно, и въ самую счастливую пору царствованія Давида или Соломона. Но съ другой стороны и въ царствованіе Давида были и печальныя событія, которыя исторгали изъ души его самыя тяжелыя вопли къ Богу о помощи, каковы были его гоненія отъ сына его Авессалома. Не радостнымъ же характеромъ отзывается и послѣднее время царствованія Соломона, когда, съ упадкомъ вѣры и благочестія

---

[1]) Какъ Ewald (о Пс. 88 въ Poet. Bb. I. 213) и Delitzsch (объ этихъ Псс.), которые по отношенію къ еврейскимъ древностямъ изъ всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ по преимуществу заслуживаютъ такого имени.

[2]) Ср. Пс. 87, ст. 3 съ Пс. 17, 7; ст. 5 съ 27, 1; ст. 6 съ 30, 23; ст. 18 съ 21, 17; ст. 19 съ 30, 12; ст. 11 — 13 съ 6, 6; ст. 5 съ Іов. 14, 10; ст. 9 съ Іов. 30, 10. 31, 34; ст. 19 съ Іов. 17, 9. 19, 14; Пс. 88, 38 съ Іов. 16, 19; ст. 48 съ Іов. 7, 7; ст. 49 съ Іов. 14, 14 и мн. др.

[3]) См. Delitzsch'a «Comm. über. d. Buch Iob. и С. Писарева: «о происхожденіи книги Іова» въ Прав. Обозр. 1865, II. особ. стр. 18—19.

въ Израилѣ, то внѣшніе враги его, то внутренніе возмутители производили безпокойства въ странѣ и грозили разрушить миръ и благоденствіе, пріобрѣтенные столькими трудами и усиліями предшествующаго времени царствованія. Какъ тѣ, такъ и другія печальныя событія для царя и царства также естественно могли подать прозорливцу царскому поводъ къ подобному изліянію предъ Богомъ глубокой скорби, каковъ именно его псаломъ 87-й [1]) Труднѣе согласить съ тѣмъ же временемъ 88-й Пс. Ефана, гдѣ псалмопѣвецъ оплакиваетъ предъ Богомъ лишеніе прежнихъ Его милостей и нарушеніе Его обѣтованій, дарованныхъ Давиду, о вѣчномъ и непоколебимомъ утвержденіи его престола въ сѣмени его: потому что престолъ царствующаго помазанника изъ дома Давидова разрушенъ сильными врагами, вѣнецъ его поверженъ на землю, ограды его разрушены и крѣпости его превращены въ развалины, самъ онъ безвременно состарѣлся отъ скорби и вмѣстѣ съ своимъ народомъ сдѣлался посмѣшищемъ враговъ и всѣхъ сосѣдей своихъ. Подобное несчастное состояніе царства и царя еврейскаго народа, очевидно, не подходитъ ко времени Давида, такъ какъ рѣчь идетъ прямо объ одномъ изъ его преемниковъ; равнымъ образомъ не находитъ оно соотвѣтственнаго положенія и въ исторіи царствованія Соломона, хотя въ послѣдніе его годы не мало уже обнаружилось печальныхъ задатковъ скораго наступленія бѣдствій, подобныхъ описаннымъ у псалмопѣвца. Но вскорѣ послѣ смерти Соломона едва удержавшееся за домомъ Давидовымъ двухколѣнное царство Іудейское дѣйствительно испытало такого рода бѣдствія. Въ 5-й годъ царствованія сына Соломонова Ровоама двинулся на Іудею съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ египетскій царь Сусакимъ (или Сесонхисъ, первый изъ фараоновъ 22-й династіи), овладѣлъ укрѣпленными городами ея, вторгнулся въ столицу царства Іерусалимъ, ограбилъ храмъ и дворецъ царскій, захвативъ съ собою всѣ ихъ сокровища, собранныя Соломономъ, и только смиренное раскаяніе Ровоама и всего народа предъ Богомъ, по замѣчанію священныхъ историковъ этого времени, спасло ихъ и царство Іудейское отъ конечной гибели (3 Ц. 14, 25—26. 2 Пар. 12, 2—12). Событіе это, какъ вообще по своему печальному характеру, такъ и по част-

[1]) См. статью Leyrer'a-Heman въ Real-Encyklopadie v. Herzog, Bd. V.

нѣкоторыми его отличительнымъ особенностямъ, вполнѣ сходится съ оплакиваемымъ въ псалмѣ Еѳана. Поэтому, если допустить совершенно вѣроятное предположеніе, что Еѳанъ началъ свое служеніе при Давидѣ въ званіи начальника хора еще въ молодыхъ лѣтахъ и пятью-шестью годами пережилъ Соломона, такъ что былъ еще очевидцемъ описаннаго печальнаго событія при Ровоамѣ, то ничто не мѣшаетъ намъ видѣть въ его псалмѣ плачь предъ Богомъ по поводу этого событія [1]). Можетъ быть, впрочемъ, какъ полагаютъ нѣкоторые [2]), что псалмопѣвецъ и не видѣлъ еще на самомъ дѣлѣ оплакиваемыхъ имъ печальныхъ событій, но, какъ прозорливецъ, только пророчески изобразилъ ихъ предъ своими соотечественниками, чтобы предостеречь ихъ отъ уклоненія въ нечестіе и идолопоклонство, слѣдствіемъ которыхъ обыкновенно были всѣ несчастія Израиля,—хотя живость скорбныхъ чувствованій и настойчиво-молитвенный тонъ псалма, особенно же его жалобы предъ Богомъ, что Онъ забылъ свои обѣтованія, скорѣе даютъ предполагать отношеніе псалма къ настоящимъ, нежели къ будущимъ событіямъ. Но какъ бы то ни было, если мы и не можемъ опредѣлить историческихъ поводовъ къ написанію 87 и 88 псалмовъ и указать въ жизни признаваемыхъ нами за ихъ писателей пѣвцовъ Емана и Еѳана такіе пункты времени, къ которымъ бы относились они по своему происхожденію; то, во всякомъ случаѣ, возможность происхожденія ихъ изъ времени жизни этихъ пѣвцовъ не подлежитъ сомнѣнію. Поэтому имѣя въ виду вышеизложенные многочисленные признаки и основанія тожества означенныхъ пѣвцовъ съ называемыми въ надписаніяхъ разсматриваемыхъ псалмовъ писателями ихъ, Езрахитами того же имени, изъ многихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ мнѣній о времени происхожденія этихъ псалмовъ мы находимъ болѣе вѣроятнымъ признать, что *псалмы эти принадлежатъ начальникамъ пѣвцовъ Давидовыхъ Еману и Еѳану* [3]) *и*

---

[1]) См. подобное мнѣніе у Delitzsch'a и Moll'я, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что они отличаютъ писателя отъ начальника хора Емана. Ср. Zeitschrift d. deutschen morgenländ. Gesellschaft Bd. 15. S. 223 ff.

[2]) См. Толк. бл. Ѳеодорита и Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 1121.

[3]) Такое мнѣніе находимъ мы у протоіерея М. Богословскаго въ его Свящ. Ист. В. З. (стр. 286 по изд. 1871 г.) и Побѣдинскаго-Платонова въ Ист. царств. Давида (Душ. Чт. 1872 г. III стр. 360 — 361).

по своему происхожденію относятся къ Давидо-Соломонову времени. Что до ближайшаго опредѣленія времени происхожденія этихъ псалмовъ, то съ вѣроятностію можно сказать лишь только то, что изъ нихъ Пс. 88-й, если бы даже мы понимали его не въ историческомъ, а пророческомъ смыслѣ, никакъ *не могъ быть написанъ ранѣе царствованія Соломона*, — такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь ясно о помазанникѣ отъ сѣмени Давидова, — и притомъ не ранѣе послѣдняго времени этого царствованія, которое только и могло послужить первымъ поводомъ къ пророческому изображенію угрожающей въ будущемъ, еще болѣе печальной судьбы царственнаго потомка Давидова. *Псаломъ же 87-й могъ быть написанъ* гораздо ранѣе, — *еще въ царствованіе Давида, въ которомъ*, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ событій, *наиболѣе можетъ имѣть отношенія къ печальнымъ обстоятельствамъ возстанія Авессалома. Послѣдній же самый крайній предѣлъ*, до котораго впрочемъ только особенно близкое сходство псалма 88-го съ Сусакимовымъ нашествіемъ при Ровоамѣ позволяетъ намъ продолжить жизнь писателей разсматриваемыхъ псалмовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ время для написанія послѣднихъ, — это *первыя пять-шесть лѣтъ царствованія Ровоама*. Въ дальнѣйшемъ царствованіи злосчастнаго сына Соломонова мы не видимъ такихъ событій, которыя бы своимъ сходствомъ съ какимъ либо изъ псалмовъ давали достаточное побужденіе считать ихъ преимущественными поводами къ написанію его, а потому возводить происхожденіе того или другаго псалма далѣе указаннаго времени, продолжая для этой цѣли и безъ того уже очень продолжительную жизнь пѣвцовъ Емана и Ефана, кажется намъ совершенно произвольнымъ и невѣроятнымъ.

е) Псалмы сыновъ Кореевыхъ.

Мы уже видѣли, что въ надписаніи Пс. 87-го съ именемъ писателя его Емана соединяется еще наименованіе цѣлой фамиліи *сыновъ Кореевыхъ*, къ которой принадлежалъ этотъ псалмопѣвецъ. Съ такимъ же наименованіемъ въ надписаніяхъ, только безъ при-

---

Ср. также Олесницкаго: Древне-Еврейская музыка и пѣніе въ Тр. Кіевской Дух. Ак. 1871 г. Ноябрь, стр. 124.

бавленія собственныхъ именъ писателей, мы находимъ въ Псалтири и еще *10 псалмовъ*: *41-й*, *45—48*, *83*, *84 и 86-й*. *Сыны Кореевы были левиты изъ племени Каафа*, называвшіеся такъ по имени Корея, внука Каафова, извѣстнаго въ исторіи по возмущенію противъ Моисея и Аарона и постигшему его за то наказанію Божію (Числ. 16). Постоянное ли народное воспоминаніе о печально-поучительной участи Корея дало имъ такое наименованіе, или же они сами усвоили его себѣ въ наученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность своимъ усерднымъ служеніемъ царству Божію искупить въ себѣ имя злополучнаго своего предка,—исторія не даетъ намъ на это никакого рѣшенія. Во всякомъ случаѣ изъ употребленія имени сыновъ Кореевыхъ въ Священномъ Писаніи не видно, чтобы оно когда либо ставилось въ укоризну носившей его левитской фамиліи; напротивъ того мы видимъ, что фамилія эта, не смотря на печальную судьбу своего родоначальника, съ древнѣйшихъ временъ пользовалась въ іудейской церкви почетнымъ положеніемъ и извѣстностію. «Кореяне, по дѣлу служенія своего, какъ замѣчается въ кн. Парал., издавна были стражами у пороговъ скиніи, а отцы ихъ охраняли входъ въ станъ Господень (1 Пар. 9, 19)». То же древнее призваніе стражей и охранителей входа въ жилище Господа остается наслѣдственнымъ въ Корейской фамиліи и послѣ того, какъ на мѣсто скиніи воздвигнутъ былъ Соломономъ постоянный храмъ въ Іерусалимѣ (2 Пар. 8, 14; ср. съ 1 Пар. 26, 1—19). Въ званіи привратниковъ и стражей дома Божія мы видимъ наконецъ Кореянъ и послѣ плѣна Вавилонскаго, по созданіи втораго храма Іерусалимскаго (1 Пар. 9, 17—19; ср. Неем. 11, 19). Но такимъ образомъ, постоянно сохраняя за собою древнее свое призваніе, уже со времени Давида сыны Кореевы выступаютъ еще въ новомъ служеніи при самомъ святилищѣ въ качествѣ пѣвцовъ и музыкантовъ. Это-то собственно служеніе и поставляетъ ихъ въ отношеніе къ предмету нашего изслѣдованія. Первоначальную подготовку къ нему сыны Кореевы получили, вѣроятно, подъ руководствомъ происходившаго изъ ихъ фамиліи пророка Самуила въ основанныхъ имъ школахъ пророческихъ. Этимъ-то, конечно, обстоятельствомъ объясняется и раннее сближеніе ихъ съ царственнымъ псалмопѣвцемъ Израилевымъ, Давидомъ, который Самуиломъ же былъ помазанъ на царство и точно также сношеніямъ съ этимъ пророкомъ и пророческими школами обязанъ былъ

развитіемъ природнаго своего дара псалмопѣнія. Впрочемъ съ другой стороны и самая близость ихъ къ Давиду въ то время, когда онъ гонимый отъ Саула лишь только въ пѣсняхъ своихъ почерпалъ утѣшеніе и воодушевленіе для себя и для своихъ сподвижниковъ, также не мало могла вліять на возбужденіе и развитіе въ нихъ музыкальныхъ и поэтическихъ способностей. Но такъ или иначе, во всякомъ случаѣ во время гоненій отъ Саула мы видимъ сыновъ Кореевыхъ въ числѣ усерднѣйшихъ приверженцевъ и сотрудниковъ Давида, которые дѣлили съ нимъ всѣ опасности и лишенія тогдашняго бѣдственнаго положенія и готовы были мечемъ защищать его отъ гонителя (1 Пар. 12, 1—6 ср. ст. 18. 20. 21); а изъ сотрудниковъ въ борьбѣ съ опасностями гоненія они сдѣлались потомъ столь же ревностными его сотрудниками въ устроеніи богослужебной музыки и пѣнія. Въ составѣ учрежденнаго Давидомъ многочисленнаго хора свящ. пѣвцовъ и музыкантовъ они имѣли преимущество предъ другими, составлявшими его левитскими фамиліями изъ племени Гирсона и Мерари въ томъ отношеніи, что послѣ трехъ главныхъ начальниковъ хора, избранныхъ Давидомъ по одному изъ всѣхъ трехъ левитскихъ племенъ, большинство второстепенныхъ начальниковъ надъ 24-мя очередными отдѣленіями хора, именно 14-ть были изъ Кореевой фамиліи (14 сыновей главнаго начальника Емана), тогда какъ изъ остальныхъ двухъ фамилій вмѣстѣ было лишь 10 такихъ начальниковъ (4-ро сыновей Асафа и 6 Еѳана) (1 Пар. 25 гл.). Что касается главныхъ начальниковъ хора, то первенство между ними принадлежало, повидимому, Асафу изъ племени Гирсона (1 Пар. 16, 5), [1]) а не Ееану, который былъ изъ племени Каѳова, т. е. изъ сыновъ Кореевыхъ (см. 1 Пар. 6, 33—38); но за то этотъ

[1]) Впрочемъ въ порядкѣ исчисленія пѣвцовъ въ кн. Парал., если только этотъ порядокъ можетъ имѣть значеніе для опредѣленія относительной важности положенія ихъ въ составѣ хора, обыкновенно первое мѣсто занимаетъ Еманъ, а за нимъ слѣдуютъ Асафъ и Еѳанъ (1 Пар. 15, 17 и 19). Въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ и родословія ихъ, при чемъ замѣтимъ, что Еманъ занималъ главное мѣсто, въ срединѣ по правую сторону его становился Асафъ, по лѣвую—Еѳанъ (1 Пар. 6, 31—47). Встрѣчается однако и другой порядокъ исчисленія, гдѣ на первомъ мѣстѣ поставляется Асафъ, а Еманъ—то на второмъ, то на третьемъ мѣстѣ (см. 1 Пар. 25, 1—6. 2 Пар. 5, 12 и пр.).

послѣдній отличается въ исторіи именемъ «прозорливца царскаго, по словамъ Божіимъ, чтобы возвышать славу его (1 Пар. 25, 5)». Это показываетъ, что Еманъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ царю Давиду и въ воспѣваемыхъ имъ пѣсняхъ по преимуществу восхвалялъ милости и благодѣянія Господа къ избранному Его помазаннику, чтобы тѣмъ возвышать славу царства обѣтованія. Послѣ Давида о сынахъ Кореевыхъ въ качествѣ священныхъ пѣвцовъ упоминается только въ исторіи царствованія Іосафата (2 Пар. 20, 19), да еще при Соломонѣ въ повѣствованіи объ освященіи храма вмѣстѣ съ другими начальниками хора, въ числѣ поющихъ и играющихъ, называется Еманъ съ сыновьями и братьями (2 Пар. 5, 12), которые, какъ извѣстно, всѣ были Кореяне. Но такъ какъ установленія царя Давида во всѣ времена признавались священными и непремѣнно обязательными (2 Пар. 7, 6. 8, 14—15. 23, 18. 29, 25—30. 35, 4. 15. Неем. 12, 45—46): то, безъ сомнѣнія, и званіе пѣвцовъ въ Корейской фамиліи, подобно какъ и древнѣйшее званіе привратниковъ и стражей дома Божія, сдѣлалось наслѣдственнымъ и сохранялось въ ней во всѣ времена существованія ветхозавѣтной церкви.

Въ надписаніяхъ исчисленныхъ выше псалмовъ по еврейскому тексту имя сыновъ Кореевыхъ вездѣ стоитъ въ такомъ грамматическомъ сочетаніи, какое обыкновенно употребляется для обозначенія писателей пѣсней (съ ל auctoris—לִבְנֵי־קֹרַח, подобно какъ לְדָוִד, לְמֹשֶׁה, לְאָסָף, לְהֵימָן, לְאֵיתָן и проч.). Но LXX, а вслѣдъ за ними и другіе переводчики псалмовъ, такъ же какъ и нашъ славянскій переводъ, считали сыновъ Кореевыхъ только пѣвцами, а не писателями псалмовъ, почему при имени ихъ въ надписаніяхъ нѣкоторыхъ псалмовъ и поставили имя Давида въ значеніи писателя. [1]). Принимая во вниманіе съ одной стороны неопредѣленность указанія вообще на сыновъ Кореевыхъ, а не на извѣстное изъ нихъ лице, съ другой—то обстоятельство, что въ исторіи они называются только пѣвцами и никому изъ нихъ, за исключеніемъ Емана, не приписывается какихъ либо пѣсней или способности къ самостоятельному священно-поэтическому творчеству, многіе древніе и новые толкователи также

---

[1]) См. надп. Пс. 44, 45, 46, 47 и 48 по греч. изд. напр. нашего Библ. Общ. 1821. Москва и Пс. 41 по слав.

слѣдовали мнѣнію древнихъ переводчиковъ, что сыны Кореевы не были писателями псалмовъ, и что псалмы, надписанные ихъ именемъ, только назначены были имъ для пѣнія и музыкальнаго исполненія или найдены были собирателемъ въ ихъ хорѣ [1]). Нѣтъ, конечно, ничего невѣроятнаго въ томъ, что псалмы, надписанные именемъ сыновъ Кореевыхъ, пѣлись и хранились въ хорѣ этихъ пѣвцовъ; но предположеніе это представляетъ еще большую вѣроятность, когда съ тѣмъ вмѣстѣ, согласно буквальному смыслу надписаній, будетъ допущено, что они и написаны были первоначально кѣмъ либо изъ лучшихъ пѣвцовъ того же хора сыновъ Кореевыхъ. Какъ ни древне мнѣніе, отвергающее такое происхожденіе псалмовъ, и какъ ни благовидно кажется оно съ перваго взгляда, тѣмъ не менѣе мы не видимъ достаточныхъ основаній, чтобы принять его. Общность и неопредѣленность указанія писателей именемъ цѣлой фамиліи могла произойти и отъ того, что всѣ псалмы Корейскихъ пѣвцовъ, подобно пѣснямъ степеней, первоначально составляли отдѣльный сборникъ подъ общимъ названіемъ «пѣсней сыновъ Кореевыхъ», или другимъ подобнымъ тому заглавіемъ, которое потомъ при составленіи полнаго сборника Псалтири перенесено было въ надписаніе каждой отдѣльной такой пѣсни; а можетъ быть въ кругу Корейскихъ пѣвцовъ, по авторской ли скромности, или изъ желанія возвысить имя злополучнаго своего предка, существовалъ фамильный обычай скрывать собственныя имена за усвоеннымъ ими общимъ фамильнымъ именемъ, подобно тому какъ псалмопѣвцы Асафовой фамиліи скрывали свои имена подъ именемъ своего предка Асафа, знаменитаго пѣвца Давидова. Если же исторія называетъ сыновъ Кореевыхъ только пѣвцами и ничего не говоритъ о составленіи ими какихъ либо собственныхъ пѣсней, то это еще не ведетъ къ заключенію, что они не были или не могли быть писателями псалмовъ; потому что лучшіе пѣвцы ветхозавѣтной церкви вмѣстѣ съ дарами музыки и пѣнія по большей части соединяли въ себѣ и даръ самостоятельнаго поэтическаго творчества и такіе

---

[1]) Таковы напр. изъ древн. Оо. и учителей Ц.: св. Аѳанасій, Златоустъ, Ѳеодоритъ, Августинъ и др.; изъ позднѣйшихъ толкователей: Cramer, Bellarmin, у насъ Преосв. Ириней Псковскій, Филаретъ М. Московскій (въ Начерт. Библ. Ист. стр. 374 по 2 изд.) и др.

пѣвцы-поэты существовали во всѣ времена ветхозавѣтной церкви, между тѣмъ какъ исторія прямо упоминаетъ только о пѣсняхъ самого Давида и его современника Асафа, а въ послѣдующія времена говоритъ лишь вообще о пѣвцахъ-левитахъ и богослужебномъ пѣніи, не упоминая о составленіи самостоятельныхъ пѣсней и ихъ составителяхъ. При томъ же всѣ пѣсни, надписанныя именемъ сыновъ Кореевыхъ, не смотря на разнообразіе предметовъ содержанія и очевидное отношеніе къ различнымъ временамъ исторіи Израиля, свидѣтельствующее о разновременности ихъ происхожденія, тѣмъ не менѣе замѣтно носятъ на себѣ одинъ и тотъ же отличительный характеръ: всѣ одинаково отличаются особенною, имъ только свойственною мягкостью и элегическою нѣжностію чувствованій [1]), живостію и быстротою теченія мыслей, высокимъ полетомъ пророческо-поэтическаго вдохновенія; всѣ дышатъ высокою силою вѣры и упованія на Бога, глубокимъ религіозно-патріотическимъ чувствомъ привязанности къ своему народу и царствующему помазаннику, особенно же къ Іерусалиму и Сіонскому святилищу, какъ избранному величественному жилищу Божію; всѣ сходятся въ прославленіи Бога, Господа силъ, какъ вышняго Царя Израилева, имѣющаго престолъ вой въ Іерусалимѣ, и показываютъ какое-то преимущественно близкое отношеніе пѣвцовъ ихъ къ Сіонскому святилищу и богослуженію. Во всемъ этомъ, конечно, есть много сходнаго съ характеристическими особенностями псалмовъ Давида, которому, быть можетъ, поэтому и приписывали нѣкоторые изъ Кореевыхъ псалмовъ древніе переводчики; но въ то же время замѣтенъ въ нихъ преобладающій оттѣнокъ особенной мягкости и нѣжности и вмѣстѣ съ тѣмъ высоты и силы возбужденія духовнаго, какихъ мы не видимъ въ псалмахъ пѣвца Израилева [2]). Къ тому же псалмы сыновъ Кореевыхъ,

---

[1]) Потому, можетъ быть, они и надписываются по преимуществу предъ другими псалмами מַשְׂכִּיל (Псс. 42, 44, 45, 88, 47, ст. 8 по евр.), что по объясненію знатоковъ еврейскихъ древностей означаетъ думу или размышленіе и нѣжную мелодическую пѣснь (см. Hebr. Handwörterb. v. Fürst и Delitzsch zu d. Ps. 32).

[2]) Относительно послѣдней изъ отличительныхъ особенностей Кореевыхъ псалмовъ отъ Давидовыхъ Rosenmüller замѣчаетъ: Quotquot inter Psalmos Coraitorum praescriptum habent nomen majori et orationis et sententiarum sublimitate exsurgunt, atque affectus spirant con-

какъ мы замѣтили, по многимъ яснымъ признакамъ относятся своимъ происхожденіемъ къ различнымъ временамъ, и многіе изъ нихъ указываютъ на историческія обстоятельства гораздо позднѣе царствованія Давида: очевидно поэтому, что общее и близкое сходство ихъ между собою никакъ не можетъ быть объясняемо отношеніемъ всѣхъ ихъ къ Давиду, какъ и вообще къ какому нибудь одному писателю или даже къ нѣсколькимъ писателямъ одного времени. Такимъ образомъ, чтобы понять, откуда могло произойти такое сродство Кореевыхъ псалмовъ, при ихъ разновременномъ происхожденіи, естественно слѣдуетъ допустить, что они, какъ и псалмы, надписанные именемъ Асафа, принадлежатъ цѣлому классу пѣвцовъ одной и той же фамиліи, жившихъ въ различныя времена, но въ силу принадлежности своей къ одной фамиліи и особеннаго уваженія къ первымъ, происшедшимъ изъ нея образцамъ священныхъ пѣсней, усвоившихъ себѣ въ псалмопѣніи особенный типъ, которымъ и отличаются всѣ псалмы ихъ фамиліи, кѣмъ бы изъ нихъ и когда бы ни были они составлены. Но тоже самое свидѣтельствуетъ намъ и буквальный смыслъ надписаній разсматриваемыхъ псалмовъ, по которому всѣ они принадлежатъ писателямъ одной фамиліи сыновъ Кореевыхъ. Равнымъ образомъ и внутренніе признаки, которыми характеризуются писатели этихъ псалмовъ въ самомъ ихъ содержаніи, также болѣе подходятъ къ пѣвцамъ Кореевой фамиліи, которые, какъ извѣстно, отличались особенною привязанностію къ царю Давиду и отъ которыхъ потому естественнѣе, чѣмъ отъ другихъ пѣвцовъ, ожидать въ ихъ пѣсняхъ выраженія сочувствія къ помазаннику, въ которомъ не трудно видѣть Давида, или къ царственному роду Давидову, такъ равно и ко всѣмъ учрежденіямъ Давидовымъ, изъ коихъ ближайшія къ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важнѣйшія въ религіозно-политическомъ отношеніи безспорно составляли избраніе Сіона и Іерусалима въ жилище Господу и установленіе тамъ торжественнаго общественнаго богослуженія. Кромѣ того, между неоднократными выраженіями стремленія къ Сіону, дому

---

citatiores vehementioresque, quam quae a Davide proficiscuntur carmina, quippe quae remissiora et planiora sunt animumque produnt variarum aerumnarum pondere quasi depressum. Подобн. образомъ говорили C. S. Hensler и Eichhorn. S. Scr. curs. compl. T. XV. p. 410.

Божію или ко дворамъ Господнимъ, и близкаго отношенія писателей псалмовъ къ общественному богослуженію въ скиніи или храмѣ, вообще указывающими въ нихъ участвовавшихъ въ богослуженіи пѣвцовъ-левитовъ (см. Пс. 41, 3. 5. 6. 42, 3—5. 47, 10. 46, 6—8. 83, 2—5. 86, 7), въ одномъ изъ псалмовъ мы встрѣчаемъ еще довольно ясный намекъ на особенное служеніе его писателя «у порога въ домѣ Божіемъ» (Пс. 83, 11), т. е. въ званіи привратника, а это званіе, какъ мы видѣли, съ давнихъ поръ и по преимуществу принадлежало Кореевой фамиліи [1]). Такимъ образомъ всѣ вообще вѣроятнѣйшія основанія и признаки сходятся къ тому, что *псалмы, надписанные именемъ сыновъ Кореевыхъ*, согласно буквальному смыслу выраженія לִבְנֵי־קֹרַח, *дѣйствительно написаны были живыми въ разныя времена благочестивыми пѣвцами фамиліи сыновъ Кореевыхъ*, скрывшими имена свои подъ общимъ своимъ фамильнымъ наименованіемъ, подобно какъ пѣвцы Асафовой фамиліи скрыли свои имена подъ именемъ знаменитѣйшаго изъ пѣвцовъ своего рода, Асафа пророка. Само собою разумѣется, что при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было частнѣйшихъ и личныхъ указаній писателей мы не можемъ назвать ни одного изъ сыновъ Кореевыхъ, котораго бы по преимуществу слѣдовало считать писателемъ того или другаго псалма изъ числа надписанныхъ именемъ ихъ фамиліи; но за то содержаніе этихъ псалмовъ достаточно богато признаками, которые даютъ намъ возможность съ вѣроятностію опредѣлить время и обстоятельства, при которыхъ они были написаны.

Древнѣйшіе изъ псалмовъ сыновъ Кореевыхъ по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ *относятся*, какъ и слѣдовало ожидать, *ко времени царя Давида*, когда они, вмѣстѣ съ левитами другихъ фамилій, въ первый разъ выступили въ качествѣ священныхъ пѣвцовъ при общественномъ богослуженіи. *Таковы псалмы 41, 43, 48 и 83-й*. Къ числу ихъ слѣдуетъ отнести *и неимѣющій над-*

---

[1]) Calmet въ объясненіе Пс. 83 (евр. 84) замѣчаетъ: Leviticum munus suum, imo et janitorum, luculentissime significant iis verbis: Melior est dies una in atriis tuis super millia. Elegi objectus esse in domo Dei mei janitorem agere et liminis custodem, quam habitare in tabernaculis peccatorum.

писанія псалмъ 42-й, какъ по содержанію своему, такъ и по формѣ поэтическаго построенія и образу выраженія совершенно сходный съ предшествующимъ 41-мъ и явно составляющій продолженіе его или третью и послѣднюю строфу одного цѣлаго псалма, заключающуюся тѣми же словами упованія и преданности волѣ Божіей (Пс. 42, 5), какъ и двѣ предшествующія строфы (ср. Пс. 41, 6 и 12). Мнѣніе о такомъ соотношеніи 41 и 42 псалмовъ мы находимъ уже у Евсевія [1]), а древній іудейскій Мидрашъ и нѣкоторые изъ древнихъ іудейскихъ и христіанскихъ списковъ Псалтири прямо соединяли ихъ въ одинъ псаломъ [2]).

Относительно времени и обстоятельствъ происхожденія 41 и 42 псалмовъ новѣйшая критика развертываетъ предъ нами цѣлую карту разнообразнѣйшихъ гипотезъ, которыми они возводятся къ различнымъ печальнымъ событіямъ іудейской исторіи и преимущественно позднѣйшаго времени. Одни полагаютъ, что это скорбно-молитвенная пѣснь левитовъ, изгнанныхъ изъ отечества Гоѳоліею [3]); по мнѣнію другихъ псалмы эти воспѣты были во время отведенія Іудеевъ въ плѣнъ [4])—царемъ ихъ Іехоніею [5]), или кѣмъ либо изъ плѣненныхъ съ нимъ левитовъ, когда они при отправленіи въ Вавилонъ проводили ночь въ странѣ Ермонской [6]); иные относятъ ко

---

[1]) Вотъ слова Евсевія объ этомъ псалмѣ: «Ἀνεπίγραφος παρ' Ἑβραίοις ὁ Ψαλμός. διὸ οὐδὲ παρὰ τοῖς λοιποῖς ἑρμηνευταῖς ἐπιγραφὴν ἔχει, ἀλλὰ καὶ ὅτι μέρος ἔοικεν εἶναι τοῦ πρὸ αὐτοῦ. δεδήλωται ἐκ τε τῶν ὁμοίων ἐν ἀμφοτέροις λόγων, καὶ ἐκ τῆς ἐμφεροῦς διανοίας». См. Expositio Patrum Graec. in Psalmos a Corderio. T. I. Antverp. 1643.

[2]) Какъ въ 37 Codd. Kenn. и de-Rossi. О древнихъ іудейскихъ спискахъ такого рода упоминаетъ Delitzsch,—Die Psalmen. S. 14—15 и 301.

[3]) См. напр. Vaihinger, die Psalmen der Urschrift gemäss metrisch übersetzt und erklärt,—zu d. Ps. 42—43.

[4]) Köster zu d. Ps.

[5]) Ewald,—Die Dichter d. A. B. Thl. I. 2. S. 255.

[6]) Clericus и Reuss (въ Nouvelle Revue de Théologie. 1858). Сходно съ этимъ многіе изъ древнихъ толкователей,— бл. Ѳеодоритъ, Ѳеодоръ Иракл., Евѳимій Зигаб., Беда и др.,—считали эти псалмы молитвою плѣнныхъ Іудеевъ въ Вавилонѣ. Мнѣнію ихъ слѣдуетъ и Калметъ (См. Scr. S. curs. comp. T. XV. p. 421).

времени правленія Птоломеевъ или Селевкидовъ, думая видѣть въ писателѣ ихъ кого либо изъ священниковъ, увлеченнаго непріятелями во время тогдашнихъ войнъ изъ Іерусалима по направленію къ Сиріи [1]), и т. п. Всѣ эти и подобныя догадки основываются на томъ, что писатель псалмовъ изображаетъ себя въ какомъ-то насильственномъ удаленіи отъ Сіонскаго святилища въ странѣ Іорданской при горахъ Ермонскихъ, гдѣ онъ, окруженный врагами своими, которые издѣваются надъ оставленіемъ его отъ Бога, утѣшаетъ возмущенную, жаждущую возвращенія душу свою крѣпкою надеждою на скорую помощь Божію. Конечно, предположеніе существованія при которомъ либо изъ указываемыхъ толкователями печальныхъ историческихъ обстоятельствъ какого нибудь левита или другаго благочестиваго пѣвца въ удаленіи отъ святилища — само по себѣ не представляетъ ничего неестественнаго или невозможнаго; но только эта естественность и возможность не находитъ для себя никакого фактическаго подтвержденія въ исторіи и съ одинаковою степенью вѣроятности можетъ быть распространяема и на всякое другое время религіозныхъ гоненій или непріятельскихъ нашествій, не ограничиваясь только тѣми обстоятельствами, какія указываются въ приведенныхъ гипотезахъ. Въ царствованіе Гоѳоліи исторія не знаетъ ни о какихъ изгнаніяхъ левитовъ, и вообще ни при одномъ изъ указанныхъ историческихъ обстоятельствъ не упоминаетъ о существованіи какихъ либо левитовъ или другихъ благочестивыхъ мужей, которые бы принуждены были пребывать въ удаленіи отъ дома Божія и св. горы Сіонской въ странѣ Іорданской на Ермонѣ. Если же при отведеніи въ Вавилонъ, или въ печальное время Египетско-Сирійскаго владычества надъ Іудеею, и могли находиться въ названной странѣ какіе либо благочестивые изгнанники или плѣнники, то

---

[1]) См. на эти Пс. комм. Rudinger'a, Lengerke, Olshausen'a и Hitzig'a. Послѣдній съ опредѣленностію говоритъ, что писателемъ этихъ псалмовъ былъ священникъ изъ времени Птоломео-Селевкидскихъ войнъ, вѣроятно первосвященникъ Онія III, который будто бы послѣ завоеванія Іерусалима предводителемъ Птоломеева войска Скопою, ок. 199 г. предъ Р. Хр., отведенъ былъ въ Панейскую крѣпость, находившуюся при истокахъ Іордана близъ главной возвышенности Ермонскаго хребта. Но І. Флавій, у котораго находится описаніе похода Скопы (Древн. Іуд. кн. XII, гл. 3), ничего не говоритъ объ отведеніи Оніи въ Панейскую крѣпость.

ёдва ли можно допустить, чтобы предполагаемый изъ числа ихъ писатель псалмовъ, тоскуя о своемъ отчужденіи отъ святилища Божія и жалуясь на свои личныя оскорбленія и насмѣшки отъ враговъ, позволилъ себѣ совершенно умолчать о тогдашнихъ осквернніяхъ и разграбленіяхъ святилища, опустошеніи всей Іудеи и разрушеніи святаго города, объ ужасныхъ кровопролитіяхъ, поруганіи и рабствѣ, какимъ подвергались тогда такъ многіе рабы Божіи (4 Ц. 24, 11—16 и дал. и Пс. 73 и 78. См. также 1 Макк. 1, 20 и дал. 7, 16 и дал.). Молчаніе обо всемъ этомъ служитъ яв-нымъ свидѣтельствомъ, что оплакиваемыя въ псалмахъ гоненія имѣли болѣе частный или личный характеръ, не простирались на весь народъ іудейскій или исповѣдуемую имъ религію и не касались св. города и его святилища. Притомъ же самая чистота языка, живость и свѣжесть поэзіи, свойственныя лучшей классической порѣ псалмопѣнія, также говорятъ за болѣе раннее происхожденіе псалмовъ, чѣмъ времена плѣна и тѣмъ болѣе времена Маккавейскія. Туда же, къ классическому времени священной поэзіи, возводитъ происхожденіе разсматриваемыхъ псалмовъ и исторія. Только *въ исторіи царствованія Давида*, и именно въ этой одной исторіи, *мы находимъ соотвѣтствующее описанному въ псалмахъ изображеніе благочестиваго пѣвца*, всегда горѣвшаго любовію къ Богу и къ святому жилищу Его (Пс. 41, 2. 3. 42, 3; ср. Пс. 17, 2—4. 25, 8. 26, 4. 60, 5. 62, 2—3. 64, 5), въ многочисленномъ сонмѣ торжествующаго народа ходившаго въ домъ Божій, чтобы тамъ предъ жертвенникомъ на гусляхъ воздавать славу всегдашнему своему Заступнику и Спасителю, Богу радости и веселія своего (Пс. 41, 5—6. 42, 3—5; ср. 2 Ц. 6, 2. 14 и дал. 1 Пар. 16. 37—41 и 25, 2. 6. Пс. 54, 15. Пс. 121, 1—4 и дал.), но который, при совершенной безопасности отъ внѣшнихъ враговъ и вполнѣ цвѣтущемъ религіозномъ и гражданскомъ состояніи Израиля, подвергается гоненію отъ внутреннихъ, личныхъ враговъ, отъ человѣка лукаваго и несправедливаго, отъ народа недобраго (Пс. 42, 1. 41, 10 ср. 2 Ц. 15, 12. 13 и 31. Пс. 40. 10. 54, 13—14. 17, 44), такъ что находитъ себя вынужденнымъ бѣжать изъ святаго города (2 Ц. 15, 14) и, преслѣдуемый ихъ оскорбленіями и ругательствами (Пс. 41, 4. 10. 11. 42, 2; ср. 2 Ц. 16, 5—13), укрывается за Іорданомъ при горахъ Ермонскихъ (Пс. 41, 7. ср. 2 Ц. 17, 22—24. 19, 15—18). *Этотъ самъ царь Да-*

видъ, который, во время возстанія сына своего Авессалома, долженъ былъ удалиться изъ Іерусалима и пребывать вдали отъ жилища Божія въ восточной заіорданской странѣ, въ Маханаимѣ (2 Ц. 17, 24),—левитскомъ городѣ (I. Нав. 21, 38) Галаадской области (2 Ц. 2, 8—9; ср. Быт. 32, 2 и 31, 23. 25. 47 и 48. I. Нав. 13, 25—26), примыкавшей сѣверною своею границею къ юго-восточнымъ оконечностямъ хребта Ермонскаго [1]). Правда, главная возвышенность Ермонская лежала далѣе къ сѣверу на границѣ Палестины и Сиріи (Втор. 3, 8—9. I. Нав. 12, 1); но въ виду особенно-близкаго сходства описываемаго въ псалмахъ благочестиваго изгнанника съ Давидомъ, мы не находимъ побужденія въ словахъ псалмопѣвца къ Богу: «вспоминаю о тебѣ съ земли Іорданской, съ Ермона» (Пс. 41, 7), разумѣть не примѣнимое къ Давиду мѣстопребываніе его на сѣверной возвышенности Ермона при истокахъ Іордана, какъ этого хотятъ защитники происхожденія псалмовъ изъ времени Египетско-Сирійскаго владычества, тѣмъ болѣе, что разумѣющаяся здѣсь часть Ермона вслѣдъ затѣмъ отличается названіемъ горы Мицаръ [2]), что значитъ *малой горы* (LXX: ὄρους μικροῦ), а такое названіе, конечно, всего скорѣе идетъ къ которой либо изъ вершинъ не очень высокихъ юговосточныхъ отраслей хребта Ермонскаго, но никакъ не къ главному сѣверному кряжу великаго Ермона, особенно славившагося своею высотою (до 12 тыс. футовъ надъ поверхн. моря), почему онъ иначе и назывался у Евреевъ Сіономъ (שִׂיאֹן Втор. 4, 48), т. е. высокою горою [3]). Можетъ показаться страннымъ, что псалмопѣвецъ для обозначенія пребыванія въ Маханаимѣ указываетъ на болѣе отдаленныя отъ этого города юговосточные оконечности Ермона преимущественно предъ ближайшими къ нему горами Галаадскими; но эта странность исчезаетъ, если принять во вниманіе,

---

[1]) См. Священно-Церков. Географію, сост. В. П. П. СПБ. 1848 г., стр. 43. § 30. 1.

[2]) הַר מְצֹעָר,—не Цоаръ, какъ въ русск. пер. Синод. изд. 1871 г. потому что מ нельзя здѣсь считать за предлогъ, который уже имѣется предъ הַר (מֵהַר) и болѣе совсѣмъ не нуженъ. Тоже подтверждаетъ и принятое Мазоретское чтеніе מְצֹעָר, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы читать מִצֹּעַר, какъ Быт. 20, 30 или מִצָּעַר, какъ Іер. 48, 34.

[3]) Отъ שׂוּא возвышаться, см. эти слова въ Hebr.-Chald. Handwörterbuch. v. J. Fürst. 1863.

что на ту же часть Ермона, въ противоположеніи возвышающейся параллельно ей на западной сторонѣ Іордана горѣ Ѳавору, указываетъ намъ и другой псалмопѣвецъ Давидова времени Еѳанъ для обозначенія восточной заіорданской страны или востока[1]), изъ чего видно, что подобное обозначеніе восточной стороны было тогда въ употребленіи. Въ настоящемъ же случаѣ такого рода указаніе могло быть предпочтительно избрано псалмопѣвцемъ и потому еще, что оно въ тоже время выражало отдаленность убѣжища преслѣдуемаго Давида отъ столько вожделѣннаго ему святилища на святой горѣ Сіонской: такъ какъ тѣ же Ермонскія горы въ своемъ дальнѣйшемъ протяженіи были и самыя отдаленныя изъ горъ Палестины и составляли крайнюю ея границу на сѣверѣ. Во всякомъ случаѣ достаточно сравнить эти псалмы съ псалмами Давида изъ времени его бѣгства отъ Авессалома, особенно 25, 26, 27, 60, 62, чтобы убѣдиться въ томъ, что и тѣ и другіе относятся къ одному и тому же времени. Всѣ жалобы и надежды, какія псалмопѣвецъ высказываетъ здѣсь предъ Богомъ, звучатъ совершенно такъ же, какъ жалобы и надежды Давида во время Авессаломова возстанія. Та же глубокая скорбь объ удаленіи отъ дома Божія, та же томительная жажда боголюбивой души благочестиваго изгнанника скорѣе видѣть силу и славу Божію, созерцать красоту Господню и посѣщать святый храмъ Его, и то же успокоеніе въ Богѣ Спасителѣ и въ упованіи на помощь Его. Образъ дѣйствій и черты характера враговъ также и тамъ и здѣсь одинаковы; есть даже нѣкоторое сходство и въ обозначеніи тогдашняго мѣстопребыванія благочестиваго изгнанника: потому что какъ Давидъ говоритъ Господу: «отъ конца земли взываю къ Тебѣ въ унынін сердца моего» (Пс. 60, 3), такъ и здѣсь мы слышимъ скорбно молитвенный зовъ псалмопѣвца: «унываетъ во мнѣ душа моя; посему я вспоминаю о Тебѣ съ земли Іорданской съ Ермона» (Пс. 41, 7), т. е. тоже, что съ конца земли, такъ какъ горы Ермонскія, какъ выше было замѣчено, простираясь по восточной сторонѣ Іордана, составляли въ то же время и крайнюю границу земли

[1]) Пс. 88, 13: «Сѣверъ и югъ Ты сотворилъ; Ѳаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ радуются». Что Ѳаворъ и Ермонъ называются здѣсь для обозначенія запада и востока,—въ этомъ согласны всѣ толкователи, не исключая и поборниковъ Маккавейскаго происхожденія псалмовъ, каковы: Hitzig, Lengerke и Olshausen.

обѣтованной на сѣверѣ. Неудивительно послѣ того, что LXX прямо приписывали эти псалмы самому Давиду (см. надпис.). Но такъ какъ эти псалмы, какъ мы уже замѣтили, при всемъ своемъ сходствѣ съ Давидовыми псалмами, имѣютъ свой особенный типическій характеръ, свойственный только псалмамъ сыновъ Кореевыхъ, именемъ которыхъ и надписывается Пс. 41, то мы не сомнѣваемся, что *писателемъ ихъ былъ кто либо изъ преданныхъ Давиду пѣвцовъ-левитовъ Кореевой фамиліи, сопровождавшихъ его въ изгнаніи*, который, по примѣру скорбно-молитвенныхъ пѣсней самого изгнаннаго царя, всегдашняго руководителя своего въ псалмопѣніи (1 Пар. 25. 6), и воспроизводитъ предъ нами наполнявшія тогда его душу мысли и чувствованія [1]).

Что сказали мы о происхожденіи псалмовъ 41 и 42, то же самое слѣдуетъ сказать и *о происхожденіи псалма 83-го* [2]). Псаломъ этотъ весьма близко сходится съ ними не только въ содержаніи и мягкомъ, задушевномъ элегическомъ тонѣ и характерѣ, но и въ самомъ образѣ выраженія [3]), и потому безспорно принадлежитъ одному и тому же пѣвцу-левиту изъ племени сыновъ Кореевыхъ, который здѣсь замѣтно намекаетъ на свое левитское служеніе во дворѣ святилища (ст. 3 и 11), а не въ самомъ святилищѣ, и на особое призваніе сыновъ Кореевыхъ быть стражами у порога дома Божія (ст. 11) [4]). *Предметъ псалма—общій всѣмъ псалмамъ изъ времени бѣгства отъ Авессалома, это глубокая скорбь объ удаленіи отъ Сіонскаго святилища и горячая молитва о скорѣйшемъ возвращеніи къ нему.* Псалмопѣвецъ здѣсь не указываетъ намъ, какъ въ 41 псалмѣ, мѣста удаленія благочестиваго изгнанника, но въ замѣнъ того даетъ намъ болѣе ясное и опредѣленное понятіе о лицѣ его, прямо называя его помазанникомъ (ст.

---

[1]) Такого мнѣнія держится большинство новѣйшихъ иностранныхъ толкователей: Rosenmüller, O. v. Gerlach. Tholuck. Hengstenberg, Havernick, Delitzsch. Moll и др.

[2]) См. тѣхъ же толкователей. Moll впрочемъ колеблется въ признаніи такого времени происхожденія псалма, считая это недостаточно доказаннымъ.

[3]) Ср. אֵל חַי Пс. 84, 3 и 42, 3; מִשְׁכְּנוֹתֶיךָ Пс. 84, 2 и 43, 3; וֵאלֹהָי 84. 4 и 42, 12. 43, 5; также Пс. 84. 8 съ Пс. 42, 3 и вообще начало обоихъ псалмовъ 84, 2—3 и 42, 2—3 и проч.

[4]) См. выше о сынахъ Кореевыхъ стр. 388.

10). А такъ какъ имя помазанника въ прямомъ и ближайшемъ своемъ смыслѣ обыкновенно означало царя и въ такомъ именно смыслѣ почти исключительно употреблялось со времени помазанія перваго царя Израилю (1 Ц. 12, 3. 5. 24. 7. 26. 9—10. 16. 2Ц. 1, 14. 16. 19, 21. 22, 51. 23, 1. Пс. 17, 51. 19, 7), съ другой же стороны не видно никакого побужденія въ настоящемъ псалмѣ понимать его какъ либо иначе,—напр. въ значеніи избраннаго народа, какъ того хотятъ защитники Маккавейскаго происхожденія псалмовъ [1]), — тѣмъ болѣе, что въ одномъ параллельномъ мѣстѣ другаго псалма подобнаго же содержанія оно прямо замѣняется именемъ царя (Пс. 60, 7); то это названіе удаленнаго отъ святилища раба Божія, въ связи съ другими указанными признаками времени происхожденія разсматриваемаго псалма, представляетъ намъ новое свидѣтельство за *отношеніе его къ царю Давиду во время его бѣгства отъ Авессалома*, устраняя различныя болѣе или менѣе остроумныя догадки нѣкоторыхъ толкователей о позднѣйшемъ его происхожденіи [2]), потому что исторія Израиля не знаетъ кромѣ Давида другаго благочестиваго царя, который бы находился когда либо въ насильственномъ удаленіи отъ святилища. Что же касается быв-

---

[1]) Напр. Hitzig и Lengerke въ объясненіи на это мѣсто Пс. Ср. выше прим. на Пс. 88 стр. 372.

[2]) Каковы напр. гипотезы: Nic. Nonnen. Бременскаго богослова прошлаго стол. (въ его Diss. de Tzippor et Deror etc. 1741), что псаломъ относится ко времени Іосафата и имѣетъ своимъ предметомъ обращеннаго тогда къ истинному богопочтенію одного Ефремлянина (2 Пар. 19, 4); св. Аѳанасія и бл. Ѳеодорита, съ которыми согласны Calmet, Ewald и нашъ толкователь Палладій Еп. Саранульскій,—что псаломъ есть пѣснь плѣнныхъ Іудеевъ въ Вавилонѣ, или Herder'a, Muntinghe, Bunsen'a, полагающихъ, что это—пѣснь путешествовавшихъ въ Іерусалимъ на великіе праздники Іудеевъ изъ времени вскорѣ послѣ плѣна Вавилонскаго; Brunigsii (in Miscellan. Groninganis T. 2. Fasc. 1. p. 89 sq), который думалъ объяснять его изъ обстоятельствъ опустошенія храма Іерусалимскаго при Антіохѣ Епифанѣ (Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 1031—1033); Hitzig'a и Lengerke (см. ихъ комм. на Пс.), которые относятъ его ко времени вслѣдъ за побѣдами надъ Антіохомъ Епифаномъ, когда Іудеи принуждены были бороться еще съ различными окрестными языческими народами и т. п.

шихъ въ такомъ удаленіи, именно находившихся въ плѣну нечестивыхъ царей Манассіи (2 Пар. 33, 9—11), Іоахаза (4 Ц. 23, 31—34), Іехоніи (24, 8—15) и Седекіи (ст. 18—25, 7), то, конечно, они по самому своему нечестію, за которое обличали ихъ всѣ пророки того времени, не могли возбуждать къ себѣ сочувствія какого либо благочестиваго пѣвца и быть предметомъ такой или тому подобной священной пѣсни [1]), и къ тому же въ ихъ время псалмопѣвецъ не могъ бы умолчать о бывшихъ тогда опустошительныхъ непріятельскихъ нашествіяхъ на Іудею и на самую ея столицу Іерусалимъ, гдѣ находилось святилище, по которомъ такъ томилась и къ которому такъ пламенно стремилась благочестивая душа его [2]).

Очень можетъ быть также, что *вскорѣ послѣ Авессаломова возстанія написанъ былъ и еще одинъ псаломъ сыновъ Кореевыхъ*, — *48-й*. Это поучительная пѣснь, изображающая суетность счастія и особенно богатства нечестивыхъ, такъ какъ ничто не мо-

---

[1]) Какъ мало можно было ожидать отъ благочестивыхъ современниковъ этихъ нечестивыхъ царей какихъ-либо сочувственныхъ имъ пѣсней, достаточно видно изъ того, что пр. Іеремія, оплакавшій въ своей плачевной пѣсни смерть благочестиваго царя Іосіи, вотъ что говоритъ о нечестивомъ Іоакимѣ: «не будутъ объ немъ плакать: увы, братъ мой, увы, государь, увы величіе! Онъ будетъ похороненъ какъ оселъ! Вытащатъ его и бросятъ за ворота Іерусалима». (Іер. 22, 18—19). А цари Іоахазъ, Іехонія и Седекія нисколько не были благочестивѣе Іоакима, но такъ же, какъ и онъ, по выраженію историка, «дѣлали неугодное въ очахъ Господнихъ во всемъ такъ, какъ дѣлали отцы ихъ» (см. 4 Ц. 23, 32 и 37. 24, 9 и 19), Манассія же въ своемъ нечестіи превзошелъ даже тѣхъ народовъ, которыхъ истребилъ Господь отъ лица сыновъ Израилевыхъ (4 Ц. 21, 2. 9).

[2]) Какъ на признакъ происхожденія псалма изъ времени Давида Hengstenberg и Delitzsch указываютъ на то, что псалмопѣвецъ, говоря о домѣ Божіемъ, противополагаетъ его шатрамъ или скиніямъ нечестія אָהֳלֵי רֶשַׁע ст. 11), а не чертогамъ или храмамъ (הֵיכָלִים), и т. образомъ даетъ заключать, что домъ Божій въ его время былъ только шатеръ или скинія—אֹהֶל, а храмъ—הֵיכָל не былъ еще построенъ. Но только אֳהָלִים могло быть употреблено псалмопѣвцемъ въ общемъ, безразличномъ значеніи жилища, какъ напр. въ Суд. 7, 8. Притч. 14, 11. 3 Ц. 12, 16. Іов. 8, 22. 21, 28, и въ такомъ случаѣ не можетъ вести къ заключенію о той или другой формѣ существованія тогдашняго святилища.

жетъ избавить ихъ отъ смерти и они должны будутъ всѣ свои сокровища оставить другимъ, между тѣмъ какъ Богъ освобождаетъ душу праведниковъ отъ преисподней и пріемлетъ ее къ Себѣ. Псалмопѣвецъ извлекаетъ предлагаемыя наставленія изъ постояннаго жизненнаго опыта и, по видимому, изъ какихъ то важныхъ историческихъ событій того времени, которыя возбуждали и обращали на себя всеобщее вниманіе его современниковъ (ст. 2 — 3). Сходство содержанія съ Давидовыми псалмами 36 и 91 и Асафовымъ 72, которые по многимъ вѣроятнымъ признакамъ написаны были по поводу Авессаломова возстанія, даетъ основаніе думать, что и для этого псалма историческимъ поводомъ послужило то же возстаніе, временный успѣхъ котораго и слѣдовавшій за тѣмъ печальный исходъ для мятежниковъ, особенно ужасная смерть главнаго виновника возстанія, Авессалома, естественно наводили внимательнаго къ путямъ Промысла благочестиваго пѣвца на мысль о непрочности счастія нечестивыхъ и вызывали его преподать своимъ современникамъ урокъ предосторожности отъ увлеченія обманчивыми призраками такого счастія. Правда, за исключеніемъ общаго соотвѣтствія съ характеромъ названнаго печальнаго событія, содержаніе псалма не представляетъ какихъ либо болѣе или менѣе опредѣленныхъ указаній ни на Авессалома, ни на обстоятельства его возстанія; но это могло быть слѣдствіемъ того, что псалмопѣвецъ, зная о горячей любви Давида къ мятежному своему сыну, намѣренно ограничивался въ своемъ описаніи нечестивыхъ только общими чертами, чтобы не растравлять еще свѣжія душевныя раны любимаго царя. Впрочемъ общія отличительныя черты характера нечестивыхъ, которыхъ имѣетъ въ виду псалмопѣвецъ, — гордость, тщеславіе, самонадѣянность, — точно также видимъ мы и въ характерѣ Авессалома. Мало того, мы замѣчаемъ въ немъ сходство съ описываемыми въ псалмѣ нечестивцами даже въ одномъ совершенно случайномъ проявленіи тщеславія, — въ желаніи обезсмертить свое имя въ какомъ либо историческомъ названіи. Чтобы увѣковѣчить свое имя, тщеславные нечестивцы, по словамъ псалмопѣвца, «земли свои называютъ своими именами» (ст. 12); такъ по свидѣтельству исторіи поступилъ и Авессаломъ, который, чтобы «сохранить память своего имени, еще при жизни поставилъ себѣ памятникъ въ царской долинѣ и назвалъ его своимъ именемъ» (2 Ц. 18, 18). Во всякомъ случаѣ въ содержаніи псалма нѣтъ ничего такого, что не сообразовалось бы съ

указанными обстоятельствами Давидова времени, или что вело бы къ предположенію о болѣе позднемъ времени его происхожденія. Внѣшній характеръ псалма,—его чистый классическій языкъ, смѣлая форма изложенія и даже самое положеніе его въ одной изъ древнѣйшихъ частей Псалтири рядомъ съ псалмами Давидова времени (49, 50 и дал.),—все говоритъ за древность его написанія, что́ признавали уже и древніе греческіе переводчики, которые въ своемъ надписаніи прямо приписывали его самому Давиду [1]). Такимъ образомъ если и нельзя вполнѣ доказать, что онъ былъ написанъ во времена Давида по поводу Авессаломова возстанія, то все же предположеніе это, очевидно, слѣдуетъ признать вѣроятнѣйшимъ изъ всѣхъ возможныхъ предположеній о времени и обстоятельствахъ его происхожденія [2]).

Къ Давидову же времени слѣдуетъ отнести и еще псаломъ сыновъ Кореевыхъ 45-й. По содержанію своему онъ есть скорбная молитва Израильтянъ къ Богу о помощи послѣ постыднаго и жестокаго пораженія отъ какихъ-то враждебныхъ сосѣдей, понесеннаго ими въ то время, когда они пребывали вѣрны завѣту своему съ Богомъ и не уклонялись къ идолопоклонству и нечестію. Вспоминая о прежнихъ милостяхъ Божіихъ къ Израилю и о чудесномъ Божіемъ содѣйствіи въ завоеваніи земли обѣтованной (ст. 2—9) и, представляя при этомъ настоящее положеніе Израильскаго на-

---

[1]) См. выше стр. 384. Св. Амвросій и въ латинскомъ переводѣ читалъ надписаніе: Psalmus David (Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 495). Новѣйшіе ученые изслѣдователи Псалтири: Ewald, Bunsen, Moll, не опредѣляя съ точностію времени происхожденія этого Пс., соглашаются признать глубокую его древность. Delitzsch же прямо склоняется къ мнѣнію о написаніи его во времена Давида, по поводу Авессаломова возстанія.

[2]) Каковы напр. предположенія: о составленіи его въ плѣну Вавилонскомъ въ утѣшеніе и наученіе Іудеевъ, которые, не смотря на свое истинное богопочтеніе, должны были терпѣть отъ нечестивыхъ язычниковъ (см. Calmeti comm. ad. h. Ps.), или—послѣ смерти Іероваама II, въ предостереженіе отъ увлеченія примѣромъ этого нечестиваго царя, не смотря на свое нечестіе имѣвшаго очень счастливое и продолжительное царствованіе (ср. Сегаля,—Ист. Евр. нар. стр. 176 по 2 изд.). По нѣкоторымъ же это—пѣснь въ утѣшеніе гонимыхъ Іудеевъ во времена Ант. Епифана (Olshausen и др.).

рода, псалмопѣвецъ съ глубокою скорбію жалуется предъ Богомъ, что Онъ оставилъ народъ Свой и не выходитъ съ войсками его, но обратилъ его въ бѣгство отъ врага и предалъ на разграбленіе, поруганіе, умерщвленіе и разсѣяніе между окрестными народами (ст. 10—17) и, въ сознаніи его вѣрности предъ Богомъ и незаслуженности всѣхъ постигшихъ его бѣдствій (ст. 18—23), молитъ Господа, чтобы Онъ вспомнилъ угнетенныхъ рабовъ Своихъ и ниспослалъ бы имъ Свою помощь и избавленіе (ст. 24—27). Но при этомъ псалмопѣвецъ не называетъ самыхъ враговъ, отъ которыхъ соотечественники его потерпѣли оплакиваемое пораженіе, и не указываетъ съ опредѣленностію времени, когда, — и обстоятельствъ, при которыхъ совершилось такое печальное событіе. Эта неопредѣленность и послужила причиною разнообразныхъ мнѣній о времени и историческихъ поводахъ къ написанію псалма, изъ коихъ значительная часть издавна склонялась къ признанію за нимъ Маккавейскаго происхожденія. Уже древнѣйшіе церковные толкователи Свящ. Писанія, св. Златоустъ и бл. Ѳеодоритъ, не отрицая прямо древняго происхожденія этого псалма, полагали, что онъ по содержанію своему относится ко времени Маккавеевъ и представляетъ собою пророчественное описаніе бывшихъ тогда жестокихъ гоненій отъ Антіоха Епифана и другихъ царей Сирійскихъ и Египетскихъ [1]). То же подтверждаетъ и сохранившееся въ Талмудѣ древнее іудейское преданіе, которое свидѣтельствуетъ, что во времена Маккавеевъ псаломъ этотъ былъ обычною молитвенною пѣснію при ежедневномъ богослуженіи. Левиты, сообщаетъ это преданіе, каждый день тогда восходили на возвышеніе (מַעֲלֶה), находившееся при входѣ во дворъ священниковъ, и возглашали словами этого псалма: «возстань, что спишь Господи (ст. 24)!» Но впослѣдствіи эти скорбныя воззванія левитовъ отмѣнены были первосвященникомъ Іохананомъ, т. е. Іоанномъ Гирканомъ, который нашелъ ихъ несообразными съ своимъ временемъ: потому что говоритъ: «что спишь, Господи», — прилично лишь при бѣдственномъ состояніи Израиля, когда въ то же время другіе народы на-

---

[1]) Тому же мнѣнію слѣдовали, — въ церкви восточной: Евѳимій Зигабенъ, на западѣ: Николай де-Лира и Беллярминъ, у насъ: Преосв. Ириней Псковскій.

слаждались спокойствіемъ и благоденствіемъ [1]). Конечно, богослужебное употребленіе псалма во времена Маккавеевъ и тѣмъ болѣе пророчественное отношеніе его къ тому времени сами по себѣ очень мало имѣютъ общаго съ мыслію о Маккавейскомъ его происхожденіи; тѣмъ не менѣе многіе изъ извѣстныхъ позднѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей и толкователей Свящ. Писанія, исходя изъ того же самаго начала, соотвѣтствія содержанія псалма Маккавейскому времени, при одностороннемъ взглядѣ на дѣло, пришли именно къ тому заключенію, что псаломъ воспѣтъ былъ по поводу какого либо изъ событій Маккавейскаго періода [2]). Въ общихъ чертахъ жалобы псалмопѣвца на угнетеніе и посрамленіе со стороны враждебнаго народа дѣйствительно соотвѣтствуютъ характеру событій этого періода; но въ опредѣленіи историческаго повода къ написанію псалма нельзя ограничиваться только общими чертами сходства его съ какимъ либо событіемъ: потому что иначе онъ одинаково хорошо можетъ подходить и ко многимъ другимъ событіямъ непріятельскихъ нашествій, неудачныхъ сраженій, угнетеній и порабощеній сосѣдними народами и тому подобнымъ событіямъ, которыми такъ богата исторія Израиля. Что же до частностей, въ которыхъ собственно и заключаются отличительные историческіе признаки времени и обстоятельствъ написанія псалма, то они представляютъ не мало разностей, которыхъ никакъ нельзя согласить съ событіями Маккавейскаго времени. Такъ, само собою очевидно, что псаломъ не можетъ относиться просто только къ религіознымъ гоненіямъ на Іудеевъ Антіоха Епифана или другихъ царей Сирійскихъ и Египетскихъ; потому что, по совершенно ясному, буквальному смыслу псалма, Израиль занимаетъ въ немъ не страдательное только положеніе гонимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствующее положеніе воюющей стороны и всѣ несчастія, какія оплакиваетъ псалмопѣвецъ, являются слѣдствіемъ того, что Господь не выхо-

---

[1]) Talmud. Babil. b. Sota 48ᵃ. Cm. Delitzsch's Die Psalmen S. 308.

[2]) Таковы: Esrom Rudinger (Libri Pss. paraphr. latine 1580—81. lib. II, p. 18 sq), Venema (Comm. in. Ps. III. p. 64 sq.), Dathe (in. h. Ps. p. 147), Rosenmüller (II p. 998), de Wette (Psalmencomment. zu. d. Ps.), Hitzig (Die Ps. ausgel. 1863. I. S. 240 ff.), Hesse (a. a. O. S. 23 ff.), Lengerke (I. S. 218 vgl. 294 ff), Olshausen (S. 194), van der Palm, Küenen, van Hengel, de Jong и др.

дитъ съ войсками народа своего (ст. 10 и дал.), т. е. иначе сказать, слѣдствіемъ неудачнаго сраженія и пораженія его отъ непріятелей. Но онъ не можетъ также относиться и къ войнамъ, которыя вели мужественные Маккавеи въ защиту своего гонимаго исповѣданія; такъ какъ оружіе ихъ постоянно было побѣдоносно и Іудеи не могли тогда жаловаться Господу: «Ты отринулъ насъ и невыходишь съ войсками нашими». Правда, среди славныхъ побѣдъ этого времени извѣстны намъ и два пораженія Іудеевъ: одно во время войнъ Іуды Маккавея съ окрестными языческими народами, нанесенное Сирійскимъ военачальникомъ Горгіемъ отряду іудейскаго войска, находившемуся подъ предводительствомъ Іосифа и Азаріи и стóившее Іудеямъ потери двухъ тысячъ человѣкъ (1 Макк. 5, 56—60),—другое при сраженіи Іуды Маккавея со многочисленнымъ Сирійскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Вакхида и Алкима, которое стоило жизни самому храброму вождю и защитнику Израиля (1 Макк. 9, 3 — 18). Но оба эти пораженія были слѣдствіемъ самонадѣянности іудейскихъ вождей, неосторожнаго увлеченія ихъ славою предшествующихъ побѣдъ и самолюбивымъ желаніемъ снискать себѣ еще большую славу, и такимъ образомъ произошли по собственной винѣ Іудеевъ, между тѣмъ какъ то, которое оплакиваетъ псалмопѣвецъ, представляется незаслуженнымъ испытаніемъ Божіимъ Израилю, постигшимъ его въ то время, когда онъ не уповалъ на лукъ и мечъ свой и его сердце не отступало отъ пути Божія (ст. 7. 18. 19). Притомъ же пораженіе Іосифа и Азаріи, при множествѣ славныхъ побѣдъ самого Іуды Маккавея, не было особенно чувствительно для Іудеевъ и, судя по описанію въ 1 Макк. кн. (гл. 5, ст. 61 — 62), скорѣе возбуждало въ нихъ справедливое негодованіе противъ понесшихъ такое пораженіе неосторожныхъ искателей славы, нежели вопли и жалобы къ Богу объ оставленіи ихъ своею помощію, какъ это мы видимъ въ псалмѣ. Иное значеніе имѣло для Іудеевъ пораженіе самого Іуды Маккавея; оно лишало ихъ лучшаго вождя и защитника и совершенно предавало ихъ въ руки ихъ угнетателей, потому произвело «великое сокрушеніе въ Израилѣ, какого не было съ того дня, какъ не видно стало у нихъ пророка» (1 Макк. 9, 27). Но «сокрушались и плакали тогда Израильтяне» не вообще о пораженіи, а именно о смерти вождя своего Іуды Маккавея. «Зачѣмъ палъ сильный, спаситель Израиля»,—вотъ что составляло сущность ихъ скорби и плача (ст.

20 и 21). Того же естественно ожидать и въ псалмѣ, воспѣтомъ по случаю этого пораженія. Но въ нашемъ псалмѣ мы видимъ вообще только скорбь о пораженіи и слѣдовавшихъ затѣмъ бѣдствіяхъ народа, и ни слова, ни одного намека не встрѣчаемъ о потерѣ какого либо славнаго вождя и защитника Израилева; а это уже ясно показываетъ, что предметомъ псалма служитъ какое либо другое пораженіе Израиля, но не пораженіе Іуды Маккавея. Кромѣ того, нельзя еще не замѣтить и того обстоятельства, что во времена Маккавеевъ и въ народѣ Іудейскомъ не мало было отступниковъ отъ вѣры, стремившихся къ введенію языческой цивилизаціи, которые, по свидѣтельству исторіи, и были главными виновниками тогдашнихъ смутъ между Іудеями, гоненій и нашествій со стороны ихъ Египетскихъ и Сирійскихъ правителей (1 Макк. 1. 11—15. 6, 18—27. 7, 5—7. 12—18. 2 Макк. 3, 4—6. 4, 1. 2. 7—17 и др.). Описывая печальныя послѣдствія смерти Іуды Маккавея, историкъ этого времени замѣчаетъ, что такіе «беззаконные люди» и «дѣлатели неправды» явились тогда «во всѣхъ предѣлахъ Израильскихъ», а чрезъ нихъ, во время бывшаго тогда голода, и «вся страна впала въ отступничество» (1 Макк. 9, 23—24). Само собою понятно, могъ ли послѣ этого псалмопѣвецъ того времени жаловаться на незаслуженность тогдашнихъ бѣдствій своего народа и говорить отъ лица его Господу: «все это пришло на насъ; но мы не забыли Тебя, и не нарушили завѣта Твоего, не отступило назадъ сердце наше, и стопы наши не уклонились отъ пути Твоего» (ст. 18—19). Не забудемъ наконецъ, что противъ Маккавейскаго происхожденія псалма говоритъ также и новозавѣтное свидѣтельство Ап. Павла, который въ словахъ его (ст. 23) видитъ пророчество о гоненіяхъ на христіанъ (Рим. 8, 36) и слѣдовательно, явно относитъ его къ древнѣйшему времени существованія пророковъ, такъ какъ исторія Маккавейскаго времени прямо и неоднократно сознается, что пророковъ тогда не было.— Но и во времена древнѣйшія до самаго времени царствованія Давида мы не находимъ ни одного обстоятельства, которое бы болѣе или менѣе не стояло въ противорѣчіи съ содержаніемъ нашего псалма и могло быть признано историческимъ поводомъ къ его написанію. Прежде всего въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе обстоятельства несчастныхъ войнъ и опустошительныхъ непріятельскихъ нашествій предъ наступленіемъ плѣна Вавилон-

скаго [1]) и затѣмъ такого же рода обстоятельства въ предшествующее время существованія царства іудейскаго [2]); но изъ всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ, за исключеніемъ Ассирійскаго нашествія при благочестивомъ Езекіи (2 Пар. 32, 1 и дал.) и пораженія Египетскимъ фараономъ Нехао столько же благочестиваго Іосіи (2 Пар. 35, 21—24), мы не знаемъ ни одного такого несчастія, которое бы не было прямымъ наказаніемъ Божіимъ за нечестіе Іудеевъ и отступленіе ихъ отъ завѣта Божія, или при которомъ можно бы было по крайней мѣрѣ сказать: «мы не забыли имя Бога нашего и не простерли рукъ нашихъ къ Богу чужому» (ст. 21). Что же касается двухъ упомянутыхъ непріятельскихъ нашествій при благочестивыхъ царяхъ Езекіи и Іосіи [3]), то и къ нимъ содержаніе нашего псалма также не можетъ относиться,— къ первому потому, что оно рѣшительно не сообразно съ духомъ тѣхъ утѣшительныхъ рѣчей, съ какими тогда Езекія обращался къ своему народу (2 Пар. 32, 7—8), и притомъ Езекія вовсе не вступалъ съ Ассиріянами въ сраженіе и слѣдовательно не могъ жаловаться на обращеніе свое въ бѣгство или на то, что Господь не предводительствуетъ войсками его;—къ послѣднему потому, что въ псалмѣ, написанномъ по этому случаю, прежде и болѣе всего естественно ожидать выраженія скорби и сожалѣнія о безвременно павшемъ любимомъ царѣ, котораго, по свидѣтельству исторіи, оплакивалъ плачевною пѣснію пророкъ Іеремія и всѣ пѣвцы и пѣвицы іудей-

---

[1]) Такого рода взглядъ встрѣчаемъ у Tolück'a и G. Baur'a, изъ коихъ первый старался объяснить происхожденіе псалма изъ времени царствованія Іехоніи, а послѣдній изъ времени царствованія Іоакима. Подобнымъ же образомъ Clericus, Köster и нашъ ученый богословъ протоіерей Павскій думали видѣть въ этомъ псалмѣ «признаки несчастныхъ временъ плѣна» (Обозр. Пс. стр. 40). Напротивъ того Ewald высказываетъ догадку, что псаломъ относится къ бѣдственному состоянію Іерусалима послѣ плѣна Вавилонскаго, въ періодъ Персидскаго владычества, хотя при этомъ не можетъ указать, какую неудачу и въ какой войнѣ разумѣетъ псалмопѣвецъ (Die Dichter d. A. B. I. 2, S. 437—439).

[2]) Напр. въ царствованіе нечестиваго Іорама (2 Пар. 21, 16—17), какую догадку приводитъ Деличъ (zu d. Ps. S. 308).

[3]) Къ послѣднему относятъ псаломъ: Bunsen (въ Bibelwerk Bd. VI Abth. 2, Thl. 2. S. 622) и Ehrt (въ Abfassungszeit des Psalters. S. 13—14).

ского царства (2 Пар. 35, 25), между тѣмъ въ нашемъ псалмѣ мы видимъ только скорбь о пораженномъ врагами и бѣдствующемъ народѣ еврейскомъ, и нѣтъ ни слова, ни намека о томъ, что должно бы было составлять главный предметъ его, — о смерти Іосіи. Только лишь въ царствованіи Давида мы находимъ наиболѣе соотвѣтствующее и удовлетворительное объясненіе содержанія разсматриваемаго псалма. *Обстоятельство послужившее поводомъ къ написанію* его съ совершенною ясностію указано намъ въ надписаніи и содержаніи сходнаго съ нимъ, какъ по мыслямъ и характеру, такъ и по самому образу выраженій, принадлежащаго самому Давиду псалма 59-го [1]). Это было *внезапное вторженіе въ Іудейскую землю съ юга Идумеевъ въ то время, когда Давидъ со всѣмъ своимъ войскомъ находился на сѣверѣ и занятъ былъ войною съ Адраазаромъ, царемъ Сувскимъ и его Сирійскими союзниками.* Такимъ образомъ подвергшаяся нападенію страна находилась въ беззащитномъ положеніи и неожиданно застигнутые имъ, неуспѣвшіе приготовиться къ какой либо оборонѣ мирные ея обитатели, дѣйствительно, походили, по выраженію псалмопѣвца, на овецъ, обреченныхъ на закланіе (ст. 23), которымъ только въ бѣгствѣ оставалось единственное средство къ спасенію (ст. 11). Идумеи разграбили беззащитную страну и произвели въ ней страшное кровопролитіе (ср. ст. 23), такъ что посланный противъ нихъ Давидомъ военачальникъ Іоавъ нашелъ ее наполненною трупами и долженъ былъ на нѣкоторое время остаться тамъ для погребенія убитыхъ (3 Ц. 11, 15). Безъ сомнѣнія, Идумеи захватили съ собою и множество плѣнныхъ Іудеевъ, съ тѣмъ, чтобы за какую нибудь ничтожную плату распродать ихъ въ неволю между сосѣдними народами; такъ какъ они, подобно Финикіянамъ, Филистимлянамъ и Аравитянамъ, издавна и во всѣ времена вели торговлю плѣнными Израильтянами (Ам. 1, 6 и 9 Іоил. 3, 2—8; ср. Быт. 37, 28—36). Этимъ, конечно, и объясняются жалобы псалмопѣвца Богу: «Ты разсѣялъ насъ между народами, безъ выгоды продалъ народъ свой, и не возвысилъ цѣны его» (ст. 12—13). Само собою понятно, что Израильтяне чрезъ это пораженіе и

---

[1]) Ср. ст. 10 и 11 съ Пс. 59, 3. 4. 5. 12; ст. 6 и дал. съ Пс. 59, 14; ст. 27 съ Пс. 59, 13 и проч.

подобную продажу въ рабство должны были сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ и поруганія между окружающими иноплеменными народами, на что вслѣдъ затѣмъ и жалуется псалмопѣвецъ (ст. 14—17). Нѣкоторымъ впрочемъ кажется, что жалобы псалмопѣвца на пораженіе врагами слишкомъ уже велики для того очень незначительнаго сравнительно съ побѣдами Давида пораженія, какое потерпѣли тогда Іудеи при вторженіи Идумеевъ. Но на это нужно замѣтить, что въ еврейскомъ народѣ неудачи въ войнѣ съ язычниками мѣрились по иному маштабу, нежели обыкновенный. Проникнутый живымъ сознаніемъ своего божественнаго избранія и основанной на томъ необходимости всегдашняго божественнаго покровительства и защиты, народъ еврейскій всѣ и незначительныя неудачи въ войнѣ слишкомъ принималъ къ сердцу, обращаясь къ Богу съ пламенною молитвою о помощи. Что напр. было незначительнѣе пораженія Израильтянъ при городѣ Гаѣ? и однако отъ него, по выраженію Писанія, «сердце народа растаяло и стало какъ вода» (I. Нав. 7, 5) и мы знаемъ, что по поводу его I. Навинъ обращается къ Богу съ глубоко-скорбною молитвою, которая, нужно замѣтить, по своему характеру имѣетъ не малое сходство съ молитвенными жалобами нашего псалма (ср. ст. 10—15 съ I. Нав. 7, 7—9) [1]). Внезапное же нашествіе Идумеевъ на Іудею, если бы они вздумали продолжать наступленіе къ сѣверу въ тылъ Давидову войску и дѣйствовать согласно съ Сирійскими союзными войсками, не только могло остановить всѣ доселѣшніе успѣхи Давида, но, какъ выше мы уже имѣли случай замѣтить, могло даже рѣшительно измѣнить весь ходъ войны его и поставить недавняго побѣдителя въ опасное положеніе отъ непріятелей, отрѣзавъ ему всякое отступленіе [2]). Представляя себѣ такую опасность, псалмопѣвецъ невольно приходитъ къ мысли, что

---

[1]) «Неужели столь страшна потеря 36 человѣкъ?» — спрашиваетъ В. Преосв. Филаретъ Митр. Моск. въ своей Библ. Исторіи (стр. 246 по изд. 1819 г.) по поводу описанія глубокой скорби Евреевъ послѣ пораженія при Гаѣ, и въ разрѣшеніе представляющагося недоумѣнія даетъ слѣдующій отвѣтъ: «Поелику Евреи надѣялись не на свои силы, а на Бога: то всякая потеря равно была велика; ибо значила отсутствіе Божіей помощи». Этимъ отвѣтомъ вполнѣ рѣшается и возраженіе о мнимой несообразности глубоко-скорбнаго содержанія разсматриваемаго псалма съ обстоятельствами Идумейскаго нашествія въ царствованіе Давида.

[2]) См. выше о псалмахъ 123, 9 и 59-мъ.

Господь оставляетъ отселѣ Израиля Своею помощію, не выходитъ болѣе съ войсками его, и предаетъ ихъ на посрамленіе (ст. 10), а эта мысль въ свою очередь естественно вызываетъ изъ души его вопли: «Возстань, что спишь, Господи! не отринь навсегда. Для чего скрываешь лице Твое, забываешь скорбь нашу и угнетеніе наше?» (ст. 24. 25 и дал.). Съ другой стороны скорбь псалмопѣвца увеличивало его глубокое сознаніе вѣрности его народа завѣту Божію и незаслуженности тѣхъ несчастій, какія онъ тогда испытывалъ (ст. 18—22), а такое сознаніе, готовое подвергнуть себя испытанію всевѣдущаго правосудія Божія,—сознаніе, подобное которому находимъ мы только въ пророческихъ изображеніяхъ страждущаго Мессіи и въ лицѣ великихъ его ветхозавѣтныхъ прообразовъ, Іова, Давида, Іереміи, — представляетъ намъ новое свидѣтельство за отношеніе псалма ко времени Давида: потому что его только царствованіе и еще первая половина царствованія Соломона представляютъ въ исторіи Израиля такое время, когда народъ въ цѣломъ его составѣ могъ назваться вѣрнымъ Господу и свободнымъ отъ иноземнаго языческаго культа. Конечно, изображеніе незаслуженныхъ страданій народа Израильскаго въ нашемъ псалмѣ имѣетъ, по изъясненію Апостола (Рим. 8, 23), значеніе пророчественнаго предъуказанія гоненій на Церковь Христову; но смыслъ прообразовательный основывается на историческомъ и точно также ведетъ насъ ко времени Давида, потому что только вѣрный Іеговѣ народъ, какъ достойный представитель царства обѣтованія, могъ во время своихъ незаслуженныхъ испытаній послужить для вдохновеннаго пѣвца прообразомъ гонимой Церкви Христовой. Такимъ образомъ все вообще содержаніе псалма всего лучше и естественнѣе объясняется изъ времени Давида и именно изъ обстоятельствъ бывшаго въ его царствованіе опустошительнаго Идумейскаго нашествія. И такъ какъ при этомъ онъ имѣетъ еще близкое сходство съ написаннымъ по поводу того же обстоятельства 59-мъ псалмомъ Давида, то становится вполнѣ вѣроятнымъ, что онъ *воспѣтъ былъ кѣмъ либо изъ современныхъ Давиду Кореевыхъ пѣвцовъ* точно также *по случаю Идумейскаго нашествія и составляетъ отголосокъ пѣсни самого царя Давида* [1]).

[1]) Такого же мнѣнія O. v. Gerlach, Hengstenberg, Keil, Delitzsch, Moll и нѣк. др.

Остальные шесть псалмовъ сыновъ Кореевыхъ принадлежатъ различнымъ временамъ исторіи Израиля послѣ царствованія Давида. Но какъ имя сыновъ Кореевыхъ въ послѣдній разъ встрѣчаемъ мы въ исторіи перваго времени по возвращеніи изъ плѣна,—въ книгахъ 1-й Пар. (9, 17—19) и Нееміи (11, 19), такъ и самый поздній изъ псалмовъ, надписанныхъ ихъ именемъ, какимъ почти всѣ толкователи согласно признаютъ *псаломъ 84-й, не восходитъ далѣе времени Нееміи*. Прочіе же по всѣмъ вѣроятнымъ признакамъ относятся по своему происхожденію къ древнѣйшимъ временамъ Израильской исторіи, которые извѣстны наибольшимъ процвѣтаніемъ священной поэзіи,—именно *псаломъ 44-й ко времени Соломона; 45, 46 и 47-й—ко времени Іосафата, 86-й—ко времени Езекіи.*

За *происхожденіе псалма 44-го изъ времени Соломонова царствованія ясно* говоритъ уже замѣтное сродство его съ Соломоновыми писаніями,—псаломъ 71-мъ и книгою Пѣснь Пѣсней, особенно же близкое и несомнѣнное отношеніе содержанія его къ историческому образу царя Соломона. Съ перваго взгляда очевидно, что въ основаніи 44-го, также какъ и 71-го псалмовъ лежитъ одно и тоже дарованное Давиду обѣтованіе о вѣчномъ и непоколебимомъ престолѣ сѣмени его, и оба они одинаково имѣютъ предметомъ своимъ обѣтованнаго Давиду славнаго и могущественнаго царя, съ кроткою и мудрою справедливостію непоколебимо царствующаго надъ всѣми народами земными. Съ другой стороны, подобно Пѣсни Пѣсней, 44-й псаломъ воспѣваетъ супружескій союзъ этого славнаго царя, съ тою впрочемъ разницею, что избранная имъ невѣста и царица представляется здѣсь не какъ пастушка, но какъ дочь царская, которая въ богатомъ украшеніи, въ сопровожденіи ликующихъ подругъ своихъ вводится въ чертогъ царя, чтобы стать его супругою. Уже изъ сдѣланнаго нами общаго указанія предмета псалма достаточно видно, что образъ воспѣваемаго вѣчнаго царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и образъ его царственной супруги не могутъ находить себѣ полнаго соотвѣтствія въ исторіи давно уже несуществующаго царства Израилева. Полное осуществленіе такого образа находимъ мы только въ лицѣ Царя Мессіи и въ Его вѣчномъ духовномъ союзѣ съ предобрученною Ему невѣстою,—Его святою Церковію. Въ такомъ пророчественномъ смыслѣ о Мессіи понимали этотъ псаломъ уже LXX и другіе древніе іудейскіе переводчики, которые

всѣ согласно имя אֱלֹהִים въ 7 и 8 ст., приличное одному Богу, прямо и непосредственно относили къ лицу изображаемаго царя [1]), и тѣмъ ясно показывали, что признавали его за лице Божественное, а парафрастъ халдейскій и нѣкоторые іудейскіе толкователи прямо говорили, что изображаемый въ Пс. «прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ есть Царь Мессія» [2]). Такое же объясненіе даетъ намъ новозавѣтное откровеніе, въ которомъ, въ посл. къ Евр. 7-й и 8 ст. этого псалма приводятся именно какъ ясное пророчество объ Іисусѣ Христѣ, «Сынѣ» Божіемъ (πρὸς τὸν υἱόν. Евр. 1, 8 и 9). Тѣмъ не менѣе напрасно нѣкоторые изъ нашихъ и иностранныхъ богослововъ [3]), въ силу этого пророчественно-Мессіанскаго значенія 44-го

---

[1]) LXX: ὁ θρόνος σου ὁ Θεὸς εἰς τὸν αἰῶνα τοῦ αἰῶνος... ἔχρισέ σε ὁ Θεός σου ἔλαιον ἀγαλλιάσεως παρὰ τοὺς μετόχους σου, т. е. точно также, какъ и въ слав. и русск. переводахъ: «Престолъ Твой, Боже, во вѣкъ... Помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости болѣе соучастниковъ Твоихъ». Совершенно сходно съ LXX перевели и Акила, Симмахъ, Ѳеодотіонъ и парафрастъ халдейскій. Само собою разумѣется, что совсѣмъ иначе переводятъ тѣ изъ новѣйшихъ переводчиковъ, которые не хотятъ признавать Мессіанскаго смысла псалма: «престолъ твой божественный вѣченъ... Помазалъ тебя Богъ, Богъ твой... или помазалъ тебя твой всемогущій Богъ... и проч. См. напр. переводы Paulus'a, de Wette, Hitzig'a, Lengerke и т. п., а также русскіе переводы нынѣшнихъ евреевъ: Мандельштама и Пумпянскаго.

[2]) Таргумъ на 3 ст. Ср. также комментаріи Давида Кимхи, Абенъ-Езры, Ибнъ-Веггаи (Введеніе въ Прав. Бог. Макарія стр. 185 по 3 изд. Schoettgen de Messia p. 234) и пр.

[3]) См. Толк. Преосв. Иринея Псковскаго по 1-му изданію; также статьи: «Пророчество Давида (?) о Мессіи въ 44 Пс.» (въ Воскр. Чт, 1856 г. № 38); «Ученіе о Лицѣ І. Хр.» (въ Прибав. къ Тв. Св. Оо. 1847 стр. 404); «Разсмотр. мѣстъ изъ В. З., приводим. въ посл. къ Евреямъ» (въ Упражненіяхъ студ. СПБ. Ак. Ч. III. стр. 326); «Объясненіе 44-го псалма» въ Прав. Соб. 1866 г. (ч. III. стр. 36—47), и статью Полотебнова: «Мессіанское значеніе типологическихъ псалмовъ» (Чт. Общ. люб. дух. просв. 1872, №№ X—XII), хотя данное 44-му псалму въ заглавіи послѣдней названіе «типологическаго», иначе прообразовательнаго, требуетъ признать, что Мессіанское значеніе этого псалма не исключаетъ историческаго типа, подъ которымъ псалмопѣвецъ представляетъ образъ грядущаго Мессіи, какъ опредѣляются такого рода псалмы у Павскаго,

псалма, усиливаются отрицать всякое его ближайшее историческое отношеніе. Какъ ни ясно носился предъ взоромъ вдохновеннаго пѣвца образъ обѣтованнаго Царя Мессіи и Его Церкви, но достаточно только всмотрѣться въ начертанное въ псалмѣ его изображеніе, — въ цѣломъ ли то, или только въ частностяхъ, чтобы придти къ тому же заключенію, какое приняли мы уже относительно сходнаго съ нашимъ Пс. 71-го и другихъ пророческихъ псалмовъ, — именно, что пророкъ созерцалъ свой божественный образъ сквозь призму современныхъ историческихъ отношеній, въ нихъ находилъ поводъ къ пророческому созерцанію и отъ нихъ заимствовалъ черты и краски, въ которыхъ представилъ намъ этотъ образъ въ своемъ пророчествѣ. Но всѣ такого рода отношенія, черты и краски, составляющія естественную историческую основу богооткровеннаго образа Царя Мессіи, безспорно сосредоточиваются въ исторіи одного только Соломона и его царствованія, какъ это издавна составляло убѣжденіе большинства толкователей [1]). Дѣлавшіяся нѣкоторыми попытки отыскать въ исторіи Израиля какой либо другой болѣе соотвѣтствующій воспѣваемому въ псалмѣ образъ царя, послужившій для вдохновеннаго пѣвца прообразомъ Мессіи, сравнительно съ образомъ царя Соломона почти не заслуживаютъ никакого вниманія: такъ какъ указывавшіеся при этомъ историческіе образы представляются или совершенно недостойными лица Мессіи, или очень мало представляютъ соотвѣтствія съ содержаніемъ псалма, ограничиваясь слишкомъ незначительными, случайными совпаденіями, которыя не могутъ вести къ какому либо выводу [2]). Не таковъ образъ царя Соломона. Сынъ обѣтованія Божія

на котораго опредѣленіе предъ тѣмъ только сослался Полотебновъ (№ X. стр. 201. Ср. и № XI—XII стр. 309). Изъ иностранныхъ: Michaëlis, O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg, и др.

[1]) См. Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 441. и Zur Theologie der Psalmen v. Kurtz. 1865. Dorpat. S. 46 ff. Преосв. Ириней Псковскій, доказывавшій въ первомъ изданіи своего Толкованія псалмовъ исключительно пророчественное отношеніе псалма къ Мессіи, въ послѣдующихъ изданіяхъ также соглашается допустить при этомъ и смыслъ буквальный о Соломонѣ. См. по 4 изд. М. 1823. Ч. I стр. 600 и дал.

[2]) Таковы напр. догадки De Wette и Rosenmüller'a. (въ перв. изд. его коммент.), которые, на основаніи только употребленія о невѣстѣ царя слова שַׁגָּל, какъ назывались впослѣдствіи персидскія царицы

(1 Пар. 22, 9), названный при рожденіи пророческимъ именемъ Іедидія (יְדִידְיָה 2 Ц. 12, 25.), т. е. возлюбленнаго Господомъ, Соломонъ всегда былъ предметомъ особеннаго благоволенія Божія (2 Ц. 7, 14—15), а потому ему съ его возлюбленной царицею (Пс. 44, 12) болѣе чѣмъ всякой другой четѣ прилична «пѣснь о возлюбленныхъ» (שִׁיר יְדִידֹת), какъ называется 44-й псаломъ въ своемъ надписаніи. Далѣе приличны Соломону и его супругѣ и всѣ другія черты, которыми псалмопѣвецъ изображаетъ воспѣваемаго царя и царицу. Благословенный Богомъ царь его — прекраснѣйшій изъ сыновъ человѣческихъ и благодать изливается изъ устъ его (ст. 3): и Соломона всеобщее убѣжденіе всѣхъ временъ, подтверждаемое свидѣтельствомъ хотя также прообразовательной по своему содержанію кн. Пѣснь Пѣсней (5, 10—16), обыкновенно представляло идеаломъ царственной красоты, а по свидѣтельству исторіи, изъ устъ его изливалась такая мудрость и краснорѣчіе, которыя изумляли всѣхъ мудрецовъ того времени (3 Ц. 4, 29—34. 10, 24. Притч. 1, 1—6. Еккл. 1, 12—17). Воспѣваемый царь любитъ правду и ненавидитъ беззаконіе и потому удостоивается отъ Бога благодатнаго помазанія преимущественно предъ всѣми соучаст-

---

(Дан. 5, 2. 3. Неем. 2, 6), предполагали, что псаломъ написанъ былъ по поводу брака какого нибудь изъ царей персидскихъ, или—Olshausen'a, который еще болѣе произвольно поводомъ къ написанію считаетъ бракъ Сирійскаго узурпатора Александра Баласа съ египетскою принцессою Клеопатрою (1 Макк. 10, 57 и дал.). Въ такомъ же родѣ мнѣнія Hitzig'a и даже Delitzsch'a, изъ коихъ первый относитъ псаломъ къ браку нечестиваго Израильскаго царя Ахава съ Тирскою принцессою Іезавелью, а послѣдній—къ браку сына и наслѣдника Іосафатова Іорама съ дочерью Ахава Гоѳоліею, бывшему впрочемъ задолго еще до вступленія Іорама на престолъ (ср. 2 Пар. 18, 1—2 и дал. съ 4 Ц. 1, 17 и 3, 1. 8, 16), тогда какъ псаломъ воспѣваетъ дѣйствительнаго, могущественнаго и славнаго царя. Оба послѣднія мнѣнія основываются главнымъ образомъ на томъ, что въ псалмѣ упоминается о дворцѣ изъ слоновой кости, какой по исторіи извѣстенъ только у Ахава (3 Ц. 22, 39), и о принесеніи царицѣ даровъ отъ Тира, что хотятъ объяснить происхожденіемъ Іезавели, а чрезъ нее и Гоѳоліи, изъ Тирскаго царственнаго дома. Существуютъ въ томъ же родѣ и другія предположенія о происхожденіи Пс., изъ коихъ нѣкоторыя приводятся въ Scr. S. curs. compl. T. XV. p. 441.

никами своими (Пс. ст. 8): и о Соломонѣ извѣстно, что онъ до паденія своего любилъ Господа и хранилъ завѣтъ Его, удалялся отъ неправды и строго каралъ нечестіе и беззаконіе (3 Ц. 3, 3—14. 1, 52. 2, 23 и дал.), а равно, какъ извѣстно также, что онъ былъ помазанъ на царство по особенному Божію избранію предпочтительно предъ всѣми своими братьями (1 Пар. 3, 1—9), хотя нѣкоторые изъ нихъ, какъ Адонія, по старшинству рожденія, могли усвоять себѣ преимущественное право на наслѣдіе престола отца своего (3 Ц. 2, 15). Точно также, подобно воспѣваемому въ псалмѣ царю, Соломонъ былъ знаменитѣйшій и могущественнѣйшій изъ царей своего времени, владѣлъ многочисленною конницею и множествомъ вооруженныхъ колесницъ и потому былъ страшенъ для всѣхъ прежде враждебныхъ Израилю царей и народовъ, такъ что они не смѣли возставать противъ него (Пс. ст. 4—6 ср. 3 Ц. 4, 26. 9, 17—19. 22. 10, 26. 5, 4); но въ тоже время онъ преимущественно предъ всѣми царями Израиля отличался миролюбіемъ, и строгое правосудіе растворялъ мудрою снисходительностію, управляя такимъ образомъ обширнымъ своимъ царствомъ именно, какъ выражается псалмопѣвецъ, въ истинѣ, кротости и правдѣ» (Пс. ст. 5 ср. 3 Ц. 3, 9. 12. 28. 1, 52. 2, 26. 1 Пар. 22, 9. Пс. 71, 1—4. 12—14). Изображеніе царицы, какъ царской дочери изъ чуждаго Израилю народа, который она должна забыть сдѣлавшись супругою царя, и при этомъ упоминаніе о многихъ другихъ дѣвахъ и царскихъ дочеряхъ въ чертогахъ царя между почетными его (Пс. ст. 10—16), — также напоминаютъ царя Соломона, въ многочисленномъ гаремѣ котораго вѣроятно были и дочери нѣкоторыхъ окрестныхъ царей или князей (3 Ц. 11, 1—3; ср. Числ. 25, 15—18), но изъ всѣхъ женъ котораго исторія особенно отличаетъ одну, — дочь Фараона, царя Египетскаго (3 Ц. 3, 1. 7, 8. 9, 16. 24), безъ сомнѣнія имѣвшую первенство предъ прочими его женами и которой потому по преимуществу принадлежало званіе царицы (ср. П. Пѣсней 6, 8—9 и Есѳ. 2, 17). Равнымъ образомъ описаніе богатства царя (ср. 3 Ц. 10, 7. 14. 15. 27.) и великолѣпія его чертоговъ (ср. Пс. ст. 9—10 и 3 Ц. 7, 1 и дал 10, 21), упоминаніе о множествѣ дорогихъ благовоній (Пс. ст. 9 ср. 3 Ц. 10, 10. П. Пѣсн. 3, 6. 4, 13—14), объ офирскомъ золотѣ (Пс. ст. 10 ср. 3 Ц. 9, 26—28. 10, 11—12), о богатыхъ дарахъ отъ Тира (ст. 13 ср.

3 Ц. 5, 7 — 10. 9, 11. 14. 27. 28. 10, 11. 24 — 25),—все это также очень хорошо идетъ къ Соломону и его царствованію. Не желающіе признать историческое отношеніе псалма къ Соломону указываютъ впрочемъ въ содержаніи его нѣкоторыя несообразности съ исторіей премудраго царя Израильскаго, какъ то: упоминаніе о чертогахъ изъ слоновой кости (ст. 9), тогда какъ въ исторіи о подобныхъ чертогахъ въ первый разъ упоминается только при Ахавѣ (3 Ц. 22, 39); приглашеніе псалмопѣвцемъ воспѣваемаго царя къ оружію и вообще употребленіе о немъ нѣкоторыхъ выраженій, свойственныхъ воинственному герою-побѣдителю (ст. 4—6), тогда какъ царство Соломона извѣстно намъ какъ царство мира, равнымъ образомъ усвоеніе этому царю многихъ царственныхъ предковъ и предвозвѣщеніе еще болѣе славныхъ сыновъ, которыхъ онъ поставитъ князьями по всей землѣ (ст. 18), между тѣмъ какъ Соломонъ имѣлъ одного лишь царственнаго предка, своего отца Давида, а изъ дѣтей его исторія знаетъ одного только сына Ровоама который едва удержалъ за собою одну меньшую часть изъ наслѣдованнаго имъ обширнаго царства Израильскаго [1]). Но всѣ эти несообразности представляются такими только съ перваго взгляда, на самомъ же дѣлѣ весьма легко примиряются съ исторіею Соломона и ни въ какомъ случаѣ не стоятъ съ нею въ противорѣчіи. Такъ упоминаніе о чертогахъ изъ слоновой кости и при совершенномъ молчаніи о нихъ исторіи Соломонова времени никакъ еще не можетъ считаться въ отношеніи къ этому времени историческимъ анахронизмомъ: такъ какъ устроеніе подобныхъ чертоговъ Соломономъ вполнѣ соотвѣтствуетъ необыкновенному богатству и роскоши его двора, молчаніе же о нихъ исторіи нельзя принимать за отрицаніе ихъ существованія, потому что исторія умалчиваетъ также и о нѣкоторыхъ другихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искуства и роскоши двора Соломонова, напр. о богатыхъ носилкахъ, или такъ называемомъ одрѣ Соломоновомъ (П. Пѣсней 3, 9—10), и о столпѣ изъ слоновой кости (П. Пѣсней 7, 5), существованіе которыхъ однако не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если же потомъ въ дальнѣйшей исторіи мы встрѣчаемъ замѣчаніе о построеніи дома изъ слоновой кости Израильскимъ ца-

---

1) Такого рода возраженія см. у Толюка. Генгстенберга и Делича, а также въ Воскр. Чт. 185⁶/₇ г., стр. 367.

ремъ Ахавомъ, то уже самый характеръ замѣчанія, сдѣланнаго совершенно мимоходомъ, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ либо совершенно небываломъ, но о болѣе или менѣе извѣстномъ сооруженіи, которое впрочемъ заслуживало вниманія читателей или по своей рѣдкости или, быть можетъ, потому, что въ Израильскомъ царствѣ представляло еще первое явленіе. Но если бы даже и можно было доказать, что у Соломона не было въ собственномъ смыслѣ дворца изъ слоновой кости, то и въ этомъ случаѣ не могъ ли псалмопѣвецъ съ полнымъ правомъ употребить названіе его о существующемъ дворцѣ Соломоновомъ, въ которомъ находились большой престолъ и столпъ изъ слоновой кости (3 Ц. 10, 18 — 20. П. Пѣсн. 7, 5) и безъ сомнѣнія не мало было и другихъ украшеній изъ слоновой кости, которая тогда вмѣстѣ съ дорогими металлами и разными рѣдкостями въ изобиліи привозима была изъ Офира (3 Ц. 10, 22)? — Еще менѣе несообразнаго съ лицемъ Соломона и характеромъ его царствованія въ усвоеніи воспѣваемому царю нѣкоторыхъ свойствъ воинственнаго героя, предъ которымъ преклоняются враждебные народы (ст. 4 — 6): потому что и Соломонъ былъ могущественнѣйшій изъ царей того времени и дѣятельно заботился о лучшемъ устройствѣ военныхъ силъ и укрѣпленіи предѣловъ своего царства (3 Ц. 9, 17 — 19. 4, 26. 10, 26) и только подъ тѣмъ условіемъ и могъ быть царемъ мира, что предъ его могуществомъ съ покорностію преклонялись всѣ прежде враждебные Израилю цари и народы отъ рѣки Евфрата до земли Филистимской и до предѣловъ Египта (3 Ц. 4, 21—24), и никто не смѣлъ ему противиться (3 Ц. 5, 4). А съ другой стороны и псалмопѣвецъ, призывая воспѣваемаго царя къ оружію и предвозвѣщая ему покорность народовъ, нисколько не отрицаетъ при этомъ мирнаго характера его царствованія, а напротивъ самое вооруженіе его представляетъ условіемъ охраненія мира и господствованія надъ враждебными народами. «Препояшь себя по бедру мечемъ твоимъ, сильный... Поспѣши, возсядь на колесницу ради истины и кротости и правды!.. Падутъ предъ тобою народы», потому что иначе противникамъ и непокорнымъ угрожаетъ строгое отмщеніе: «остры стрѣлы твои; онѣ въ сердцѣ враговъ царя» (ст. 4—6) [1]). Что касается наконецъ предсказанія псалмопѣвца о

[1]) На основаніи 2 Пар. 8, 3: «и пошелъ Соломонъ на Емаѳъ Сува, и

великой славѣ потомковъ воспѣваемаго царя, имѣющей превзойти славу его предковъ: «вмѣсто отцевъ твоихъ будутъ сыновья твои; ты поставишь ихъ князьями по всей землѣ (ст. 17)»; то и это предсказаніе удобно примиряется съ лицемъ Соломона, если подъ отцами его разумѣть старѣйшинъ или князей колѣна Іудина, которые издавна уже занимали первенство въ ополченіяхъ сыновъ Израилевыхъ (Числ. 10, 14), или если все это предсказаніе понимать въ томъ смыслѣ, что недостатокъ царственныхъ предковъ восполнятъ для него славные сыны прообразуемаго имъ Мессіи, которые въ лицѣ Апостоловъ и другихъ проповѣдниковъ Евангелія распространили Его царство между всѣми народами (Мѳ. 28, 19) и сдѣлались, по выраженію Апокалипсиса, царями и священниками Богу своему, чтобы царствовать на землѣ (Апок. 5, 10) [1]). Въ

взялъ его»,—нѣкоторые (напр. Bertheau) полагаютъ, что Соломонъ предпринималъ походъ для усмиренія одной изъ областей покореннаго отцомъ его царства Сирійскаго, возмущенной можетъ быть Разономъ, о которомъ въ 3 Ц. 11, 25 замѣчается, что онъ былъ противникомъ Израиля во всѣ дни Соломона. При такомъ предположеніи слова: «остры стрѣлы твои: онѣ въ сердце враговъ царя»,—можно бы было понимать въ прямомъ буквальномъ смыслѣ о наказаніи Соломономъ его мятежниковъ оружіемъ. Укрѣпленіе Соломономъ сѣверныхъ Сирійскихъ владѣній, предполагающее съ этой стороны какую либо опасность для Израиля, а также всегдашняя строгость Соломона въ отношеніи къ врагамъ царства (3 Ц. 2, 23—27. 29—34. 42—46. 11, 40). вмѣстѣ съ приведеннымъ замѣчаніемъ о Разонѣ, даютъ нѣкоторую вѣроятность догадкѣ о его походѣ въ Сирію. Но такъ какъ общее убѣжденіе стоитъ за рѣшительное отсутствіе какихъ бы то ни было войнъ въ его царствованіе, а о походѣ въ Сирію кромѣ приведеннаго стиха нигдѣ болѣе не говорится и притомъ вслѣдъ за выраженіемъ: «взялъ его עֶלְיָה יְהוּדָה», рѣчь идетъ объ укрѣпленіи городовъ Емаѳа (2 Пар. 8, 4), то, кажется, правильнѣе будетъ и это выраженіе понимать также объ укрѣпленіи области Емаѳъ Сува въ предупрежденіе отпаденія ея отъ его власти, хотя въ дѣйствительности въ ней не было никакихъ возмущеній. Открытое возстаніе Разона относится только къ послѣднему времени царствованія Соломона (ср. Keil's Comm. zu 1 Kön. XI, 24—25).

[1]) Подобнымъ образомъ св. Аѳанасій, Златоустъ и бл. Ѳеодоритъ; тоже и Деличъ, хотя онъ относитъ псаломъ не къ Соломону, а къ Іораму. См. его Comm. a. a. O.

послѣднемъ случаѣ, конечно, мы ограничиваемся однимъ только пророчественнымъ Мессіанскимъ смысломъ; но вѣдь въ смыслѣ буквальномъ разсматриваемыя слова псалмопѣвца одинаково не примѣнимы къ какому бы то ни было изъ царей Израильскихъ или имѣвшихъ отношеніе къ народу Израильскому. Нельзя забывать, что кого бы мы ни признали историческимъ предметомъ псалма, во всякомъ случаѣ онъ былъ для псалмопѣвца только прообразомъ Мессіи и, какъ прообразъ, не можетъ представлять полнаго соотвѣтствія или равенства съ прообразуемымъ: но уже то одно обстоятельство, что воспѣваемый царь является въ псалмѣ прообразомъ обѣтованнаго Давиду Царя Мессіи, ведетъ насъ къ заключенію, что это Соломонъ: потому что изъ всѣхъ извѣстныхъ въ еврейской исторіи царей послѣ Давида Св. Писаніе не знаетъ никакого другаго прообраза Мессіи, кромѣ Соломона, который именно и служилъ ближайшимъ прообразомъ Царя Мессіи въ обѣтованіи отцу его Давиду (2 Ц. 7, 12—17) и съ тѣхъ поръ на всѣ послѣдующія времена развитія обѣтованій о Мессіи оставался прообразомъ Его до самаго Его пришествія (ср. Ис. 9, 6—7. Мих. 4, 4. Зах. 3, 10. Мѳ. 12, 42. Евр. 1. 5). Все это вмѣстѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что *44-й псаломъ* дѣйствительно *имѣетъ ближайшимъ предметомъ своимъ царя Соломона и былъ воспѣтъ кѣмъ либо изъ современныхъ ему Кореевыхъ пѣвцовъ по поводу бракосочетанія его, вѣроятно, съ дочерью царя Египетскаго*; но только водимый Духомъ Божіимъ пѣвецъ, подобно самому премудрому царю Израильскому, въ его 71 псалмѣ и Пѣсни пѣсней, смотрѣлъ на него во свѣтѣ дарованнаго Давиду обѣтованія, какъ на ближайшаго наслѣдника обѣщаннаго ему вѣчнаго престола и живой прообразъ имѣвшаго возсѣсть нѣкогда на этомъ престолѣ Царя Мессіи, а потому и въ брачномъ его союзѣ созерцалъ образъ духовнаго союза Мессіи съ церковію и всякою душею вѣрующею [1]).

Не менѣе очевиднымъ и несомнѣннымъ представляется, что слѣдующіе затѣмъ *три псалма сыновъ Кореевыхъ, 45-й, 46 и 47-й*.

---

[1]) Такого мнѣнія о происхожденіи 44-го псалма Calvin, Grotius, O v. Gerlach, Moll и мн. др. Тоже мнѣніе высказывается и у насъ въ Руков. къ чт. учит. кн. В. З. стр. 98.

составлены были кѣмъ либо изъ пѣвцовъ этой фамиліи во времена Іудейскаго царя Іосафата. Всѣ они очень сходнаго содержанія и представляютъ собою хвалебно-благодарственные гимны Богу, Господу силъ, крѣпкому, заступнику Іаковлеву, *за избавленіе народа Его и святаго жилища Его въ Сіонѣ отъ нашествія многочисленныхъ царей и народовъ*. При этомъ они такъ много имѣютъ сродства между собою въ языкѣ и въ образѣ выраженія мыслей [1]), что нельзя сомнѣваться въ томъ, что они составляютъ плодъ религіознаго вдохновенія одного и того же пѣвца Кореевой фамиліи, вызваннаго однимъ и тѣмъ же событіемъ чуднаго избавленія Израиля отъ непріятельскаго нашествія. Событіе это, какъ можно заключать изъ содержанія псалмовъ, относится къ лучшей порѣ въ исторіи народа Божія, когда Іудейская страна представляла не какое либо жалкое, опустошенное жилище низверженнаго народа, въ какомъ видѣ описывается она предъ наступленіемъ плѣна, во время его и послѣ возвращенія изъ него или во времена Маккавеевъ (1 Макк. 3, 43—45. 4, 37—40 или Неем. 1, 3. 2, 3. 17. 7, 4 и 4 Ц. 24—25 гл.), но представляла собою славное наслѣдіе Божіе, величественную красу возлюбленнаго Іакова (Пс. 46, 5. 10. 45, 8. 11. 12. 47, 2. 10—12. и проч.);—когда Іерусалимъ являлся еще прекрасно устроеннымъ и укрѣпленнымъ городомъ Божіимъ (Пс. 45, 5. 47, 2. 3. 12—14), и въ немъ существовалъ еще храмъ Божій со всею торжественностію его богослуженія (Пс. 47, 4. 10), и Господь, какъ Царь Израиля, во образѣ ковчега завѣта видимо восходилъ и нисходилъ съ народомъ Своимъ при громкихъ восклицаніяхъ, пѣніи и гласѣ трубномъ (Пс. 46, 6. 7. 8 ср. Числ. 10, 6. 9. 10. 35 и проч.). При такихъ обстоятельствахъ мы знаемъ о двухъ непріятельскихъ нашествіяхъ на Іудейскую страну, окончившихся чудеснымъ пораженіемъ враговъ и избавленіемъ Израиля отъ грозившей опасности. Это нашествіе соединенныхъ народовъ Мо-

---

[1]) Ср. особенно по евр. тексту изображеніе Господа, какъ великаго Царя, владычествующаго на всей землѣ, надъ всѣми народами Пс. 45, 11. 46, 3. 8. 9 и 47, 3. 11, или описаніе Іерусалима, какъ величественнаго града Божія и святаго жилища Всевышняго Пс. 45, 5—6 и 47, 2—4. 12—14, страшнаго нашествія и чудеснаго пораженія враговъ 45, 4. 7—10, 46, 4—5 и 47, 5—7. См. сличеніе этихъ псалмовъ у Делича въ Symbolae ad Ps. illustrandos isagogicae, p. 54 и др.

авитянъ, Аммонитянъ и Идумейскихъ племенъ при Іосафатѣ (2 Пар. 20) и еще грозное опустошительное нашествіе Ассирійскаго царя Сеннахирима при Езекіи (2 Пар. 32). Частое обращеніе псалмопѣвца къ Сіону и святому городу, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей [1]), говоритъ болѣе за отношеніе псалмовъ къ послѣднему событію, такъ какъ тогда опасность прямо грозила Іерусалиму и именно во градѣ Господнемъ, подъ стѣнами своей столицы, видѣлъ Израиль свое чудесное избавленіе (ср. Пс. 47, 9 и 4 Ц. 18. 17—19. ст. 35). Къ тому же располагаетъ и нѣкоторое сходство ихъ съ псалмомъ 75, а также съ нѣкоторыми образами и выраженіями въ рѣчахъ пророка Исаіи, относящихся къ бывшему при Езекіи Ассирійскому нашествію [2]). Но только эти особенности не представляютъ какого либо важнаго препятствія относить разсматриваемые псалмы и къ нашествію соединенныхъ народовъ при Іосафатѣ: потому что и при этомъ случаѣ враги находились уже при Θекоѣ (2 Пар. 20, 20), т. е. въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Іерусалима [3]), и слѣдовательно столицѣ Іудейской также грозила большая опасность, а сходство съ мыслями и выраженіями у Исаіи и псалмопѣвца временъ Езекіи могло быть слѣдствіемъ подражанія этихъ послѣднихъ пѣснямъ

---

[1]) Каковы напр. Hitzig, Lengerke, Ewald, Bunsen, Tholuck и др. Послѣдній впрочемъ, вопреки очевиднымъ признакамъ тожества писателя и времени происхожденія Пес. 45—47, хочетъ Пс. 46-й относить къ Давиду, такъ какъ упоминаемое въ немъ шествіе Бога, т. е. ковчега завѣта съ войны, не можетъ идти къ Ассирійскому нашествію, когда Іудеи вовсе не выходили противъ непріятелей. Подобная же непослѣдовательность у Hengstenberg'a, который, принимая, что Пес. 46 и 47 (по евр. 47 и 48) относятся къ нашествію при Іосафатѣ, въ то же время старается доказать, что 45 (евр. 46) псаломъ относится къ Ассирійскому нашествію. См. подобн. же мнѣнія въ Scr. S. curs. compl. T. XV.

[2]) Ср. Пс. 45, 5 и 47, 2. 4 съ Пс. 75, 2 и 3; 46, 3 съ Пс. 75, 8. 13; Пс. 45, 7. 10 съ Пс. 75, 4 и 9; Пс. 45, 3—4 съ Иса. 17, 12. 8, 7; Пс. 45, 5 и 47, 8 съ Иса. 33, 21; Пс. 46, 7 и 9 и Пс. 47, 2 съ Иса, 12, 4—6; Пс. 48, 7 съ Иса. 33, 14; Пс. 47, 13 и Пс. 45, 6 съ Иса. 33, 20; Пс. 47, 15 съ Иса. 33, 22.

[3]) См. Robinson T. II S. 407 и Хр. Чт. 1870 г. Авг., стр. 277 и 288.

Іосафатова времени, такъ какъ онѣ воспѣты были при подобныхъ же обстоятельствахъ. Между тѣмъ въ содержаніи этихъ псалмовъ мы находимъ и такого рода черты, которыя, вполнѣ соотвѣтствуя обстоятельствамъ нашествія союзныхъ враговъ при Іосафатѣ, не могутъ съ непринужденностію относиться къ Ассирійскому нашествію въ царствованіе Езекіи. Такъ въ псалмахъ 45-мъ (ст. 7) и 47-мъ (ст. 5) говорится, что двинулись противъ Израиля народы и царства, сошлись многіе цари, но прошли всѣ мимо; въ Пс. 46-мъ изображается торжественное шествіе Бога, т. е. видимаго Его образа—ковчега завѣта послѣ чудеснаго пораженія враговъ при пѣніи, восклицаніяхъ и трубномъ звукѣ (ст. 6—7; ср. Пс. 67, 19. 25. 26), а въ Пс. 47-мъ упоминается о крушеніи кораблей Ѳарсійскихъ (ст. 8). Все это вполнѣ идетъ ко времени Іосафата. При немъ дѣйствительно соединились противъ Израиля многіе народы—Моавитяне и Аммонитяне, а съ ними нѣкоторые изъ страны Маонитской и другіе обитатели горы Сеира (2 Пар. 20, 1. 10. 22), Израильтяне же выступали противъ нихъ, равно какъ и возвращались въ Іерусалимъ послѣ чудеснаго ихъ пораженія, въ торжественномъ шествіи съ трубами и другими музыкальными орудіями, славословіемъ и восклицаніями (2 Пар. 20, 21. 27. 28), при чемъ, безъ сомнѣнія, несенъ былъ и ковчегъ завѣта, съ которымъ издавна существовалъ обычай выступать на войну противъ непріятелей (ср. Числ. 10, 35. I. Нав. 6, 6 и дал.). Извѣстно также и то, что Іосафатъ въ союзѣ съ Охозіей построилъ было корабли для отправленія въ Ѳарсисъ, но что они были разбиты бурею, еще не выходя изъ Еціонъ-Гавера (2 Пар. 20, 36—37. 3 Ц. 22, 48). Ничего подобнаго не видимъ мы въ исторіи царствованія Езекіи. Тогда не только не было никакого враждебнаго союза царей и народовъ противъ Израиля, напротивъ того всѣмъ окрестнымъ царямъ и народамъ Азіи наравнѣ съ Израилемъ грозила общая опасность отъ одного могущественнаго непобѣдимаго народа Ассирійскаго, и отъ одного только воинственнаго царя его Сеннахирима (4 Ц. 18, 9. 13. 33. 34 и проч.). Равнымъ образомъ во время Ассирійскаго нашествія, какъ тогда, когда Сеннахиримъ съ своимъ войскомъ бралъ одинъ за другимъ укрѣпленные города іудейскіе, такъ равно и во время осады Іерусалима, Іудеи заботились только о томъ, чтобы крѣпче запереться въ городскихъ стѣнахъ и отнять у непріятеля средства продовольствія, чтобы такимъ образомъ заставить его снять осаду

(2 Пар. 32, 1—10. 4 Ц. 18, 13—15); но ни разу не выступали противъ нихъ съ оружіемъ и исторія этого времени не знаетъ ни о какихъ военно-религіозныхъ процессіяхъ съ священнымъ пѣніемъ и музыкою при несеніи ковчега завѣта, который все время оставался въ домѣ Божіемъ въ Іерусалимѣ (4 Ц. 19, 14—15). Точно также исторія Езекіи ничего не знаетъ и о крушеніи кораблей Ѳарсійскихъ, съ которымъ псалмопѣвецъ сравниваетъ воспѣваемое имъ чудесное пораженіе враговъ Израиля, и едва ли можно допустить, чтобы такое сравненіе заимствовано было псалмопѣвцемъ изъ исторіи не ближайшаго къ нему настоящаго, а отдаленнаго прошедшаго времени; такъ какъ при множествѣ другихъ различныхъ опытовъ всемогущества Божія въ пораженіи враговъ Израиля, которые бы еще съ большимъ удобствомъ могли идти въ сравненіе съ воспѣваемымъ событіемъ (ср. Пс. 67, 8—13. Пс. 82, 10—12). мы не видимъ никакого побужденія приводить въ сравненіе такое менѣе относящееся къ предмету пѣсни и болѣе случайное событіе, если только воспоминаніе объ немъ не было вызываемо особенной его близостью ко времени писателя псалма и наибольшей извѣстностію его современникамъ. Нельзя наконецъ не обратить вниманія и на то, что самый образъ нашествія и избавленія отъ враговъ въ 47 псалмѣ гораздо ближе соотвѣтствуетъ извѣстному событію при Іосафатѣ, нежели при Езекіи. «Вотъ сошлись цари, и прошли всѣ мимо; увидѣли и изумились, смутились и обратились въ бѣгство» (ст. 5—6). Здѣсь все говоритъ объ особенной быстротѣ и неожиданности нашествія враждебныхъ царей на Израильскую землю и въ то же время о его непродолжительности, безвредности для подвергшейся ему страны, и чрезвычайной поспѣшности удаленія враговъ, какъ это именно и было при Іосафатѣ, когда союзные враги внезапно появились вблизи іудейской столицы, но, не успѣвши еще причинить Іудеямъ какого либо вреда, съ такою же быстротою и внезапностію погибли въ междоусобной войнѣ, а остатки ихъ обратились въ бѣгство, такъ что выступившее противъ нихъ іудейское войско нашло только трупы въ оставленномъ ими лагерѣ (2 Пар. 20, 1. 2. 16. 20—24). Но едва ли тоже самое можно сказать о многолѣтнихъ завоевательныхъ походахъ Ассиріянъ, которые опустошили іудейскую страну, овладѣли многими укрѣпленными городами (4 Ц. 18, 13—17 и дал. 19, 29—30) и довольно долгое время держали Іерусалимъ въ осадѣ (4 Ц. 18, 17. 19, 8—9), если же послѣ чуднаго истребленія многочисленной части

ихъ войска подъ стѣнами Іерусалима и должны были снять осаду и со стыдомъ возвратились въ свою страну, то все же это отступленіе мало имѣетъ общаго съ обращеніемъ въ бѣгство, о которомъ говорится въ псалмѣ. По всѣмъ этимъ признакамъ, кажется, гораздо естественнѣе и непринужденнѣе, а потому и вѣроятнѣе полагать, что *изъ двухъ событій чудеснаго избавленія Израиля отъ нашествія враждебныхъ народовъ при Іосафатѣ и при Езекіи, къ которымъ только и можетъ быть приспособляемо содержаніе псалмовъ 45—47, историческимъ поводомъ къ ихъ написанію послужило первое событіе* [1]). Когда же такимъ образомъ ко времени послѣдняго событія они уже существовали, то нисколько не удивительно, если, при тожествѣ предмета и характера обоихъ событій, они могли уже служить образцами для новыхъ пѣсней тогдашнихъ пророковъ и псалмопѣвцевъ, чѣмъ и объясняется ихъ сходство съ нѣкоторыми писаніями времени Езекіи [2]).

---

[1]) Изъ новѣйшихъ толкователей такой же взглядъ высказываютъ Delitzsch и Moll. Послѣдній впрочемъ нерѣшительно. Относительно же псалмовъ 46 и 47 (евр. 47 и 48) къ тому же мнѣнію склоняются: Venema, Rosenmüller, O. v. Gerlach и Hengstenberg. Нашъ толкователь Ириней Псковскій о Пс. 46 замѣчаетъ, что «онъ сложенъ по случаю принесенія ковчега во храмъ», не указывая въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ; а псалмы 45 и 48 называетъ благодарственными пѣснями «за сохраненіе Іерусалима отъ нѣкоего великаго бѣдствія», опять таки не опредѣляя, отъ какого именно. Впрочемъ эти неопредѣленныя предположенія о происхожденіи псалмовъ, какъ и все его объясненіе на эти псалмы, ни мало не говорятъ противъ отношенія ихъ ко времени Іосафата.

[2]) Примѣръ подобнаго приспособленія мыслей, образовъ и выраженій изъ древнѣйшихъ пѣсней къ позднѣйшимъ событіямъ мы уже видѣли въ Пс. 78, изъ котораго 2 и 3 ст. писатель 1 Макк. книги буквально примѣняетъ къ обстоятельствамъ своего времени. Не мало подобныхъ приспособленій древнихъ пѣсней къ позднѣйшимъ событіямъ мы находимъ и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ христіанской эры, каковы напр. наши богослужебныя пѣсни. Для примѣра можно указать на кондакъ изъ канона въ память Полтавской побѣды (27 Іюня), гдѣ къ празднуемому событію буквально приспособляются образы и выраженія изъ Пс. 79 (ст. 14—16), относящіеся собственно къ состоянію Іудеевъ предъ временемъ плѣна Вавилонскаго. См. выше объ этомъ Пс. стр. 342 и дал.

Но есть, какъ мы выше замѣтили, *между Кореевыми пѣснями одинъ псаломъ*, который, *по всей вѣроятности, воспѣтъ былъ во время Езекіи, по случаю чудеснаго избавленія отъ Ассирійскаго нашествія. Это псаломъ 86-й.* По содержанію своему онъ представляетъ торжественно-хвалебный гимнъ возлюбленному и охраняемому Господомъ Сіону, предвозвѣщающій будущее вступленіе язычниковъ въ царство Божіе. Но, подобно большей части другихъ пророковъ, вдохновенный псалмопѣвецъ созерцаетъ будущее величіе и славу Сіона съ точки зрѣнія настоящаго прославленія Господомъ Его святаго города и, изображая будущее всемірное царство Божіе, называетъ между сынами его современныхъ представителей языческаго міра: Раава, т. е. Египетъ [1]), Вавилонъ, Ѳеіопію. Тиръ и Филистимлянъ (ст. 4). Это и даетъ намъ основаніе заключать, что псаломъ составленъ былъ именно при указанныхъ обстоятельствахъ во время Езекіи: такъ какъ ни раньше, ни позже Езекіи нельзя указать въ исторіи Израиля какого нибудь событія, которое бы, возбуждая пророческій взоръ псалмопѣвца къ созерцанію будущей славы духовнаго Сіона, давало ему право называть означенные въ псалмѣ народы въ числѣ духовныхъ чадъ грядущаго всемірнаго царства Мессіи. До времени Езекіи священная исторія ничего не знаетъ о Вавилонѣ и не представляетъ никакого повода, по которому бы псалмопѣвецъ могъ упомянуть о немъ, какъ одномъ изъ представителей языческаго міра для изображенія будущаго вступленія язычниковъ въ царство Божіе. Въ болѣе раннюю этоху псалмопѣнія, — во времена Давида, представителями міра въ этомъ отношеніи служили Египетъ и Ѳеіопія (Пс. 67, 31—32); въ Соломоново время къ нимъ присоединяются еще извѣстныя тогда своимъ богатствомъ царства: Тиръ (Пс. 44, 13), Ѳарсисъ, Аравія и Сава (Пс. 71, 10), съ которыми премудрый царь Израильскій находился въ дружественныхъ сношеніяхъ. О Вавилонѣ же въ первый разъ упоминается только въ исторіи времени Езекіи и въ писаніяхъ современныхъ ему пророковъ Исаіи (гл. 13—14. 21. 39, ст. 6—7) и Михея (4, 1—8), когда посольство Вавилонскаго царя Меродаха Валадана къ Езекіи и неумѣ-

---

[1]) רָהַב волненіе, гордость, упорство; образно: чудовище (Fürst's Hebr. Hadwörterb.),—поэтическое имя Египта (Пс. 89, 11. Пс. 51 9), по происхожденію египетское (см. Jablonsky opusc. ed. te Water I, 228).

ренная довѣрчивость къ нему со стороны послѣдняго подали пророкамъ поводъ раскрыть предъ Іудеями будущую судьбу Вавилона и его отношеній къ настоящему и грядущему царству Божію Но съ другой стороны точно также нельзя низводить 86 Пс. и ко времени позднѣе Езекіи [1]): потому что со времени его царствованія и не только до наступленія плѣна, но и во всѣ послѣдующія времена по возвращеніи изъ плѣна, іудейская исторія не знаетъ уже болѣе такихъ величественныхъ явленій благоволенія Божія къ Сіону, которыя бы прославили его между всѣми окрестными народами. И названіе Египта именемъ Раавъ, что значитъ гордость, упорство (ср. Ис. 30, 7. Іов. 9, 13. 26, 12. Пс. 51, 9. Пс. 74, 13), также не идетъ къ позднѣйшему времени; потому что вскорѣ за царствованіемъ Езекіи наступило для Египта предсказанное пророкомъ Исаіею (гл. 19) время междоусобій и анархіи, въ которое древнее могущественное царство постепенно клонится къ паденію, а вслѣдъ затѣмъ немного спустя въ сраженіи при Кархемисѣ (Іер. 46, 2) нанесенъ былъ уже рѣшительный ударъ, которымъ упорство его было сломлено и гордость его навсегда унижена. Лишь только впослѣдствіи подъ чуждымъ,—греческимъ владычествомъ Птоломеевъ Египетъ снова на нѣкоторое время возвышается до степени сильнаго государства; но въ то время едва ли умѣстно было на ряду съ нимъ упоминать о Тирѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ окончательно разрушенъ Александромъ Великимъ, и особенно о Вавилонѣ, давно уже лежавшемъ въ развалинахъ, котораго и имя совершенно не упоминается въ іудейскихъ писаніяхъ того времени. Нельзя не замѣтить также, что послѣ Езекіи, со времени паденія еѳіопской династіи въ Египтѣ, и имя Еѳіопіи въ значеніи народа или царства ни разу не встрѣчается у священныхъ писателей, и въ исторіи іудейскаго

---

[1]) Напр. ко времени обновленія Іерусалима и храма послѣ осквернения и опустошенія ихъ Антіохомъ Епифаномъ (1 Макк. 4, 37 — 61), какъ полагаютъ Hitzig, Lengerke, Olshausen, и подобные имъ толкователи, а равнымъ образомъ и ко времени возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго, какъ Calmet, Ewald, Hupfeld, и наши толкователи Преосв. Ириней Псковскій и Павскій (въ Обозр. Пс., стр. 40, прим.), хотя этому послѣднему времени вообще и не чужды были надежды и предсказанія о будущемъ вступленіи язычниковъ въ царство Божіе. См. Зах. 8, 20.

народа не представляется никакого повода къ тому, чтобы упоминать объ немъ. Только одно время Езекіи съ совершившимся тогда чудеснымъ избавленіемъ Іерусалима отъ Ассирійскаго нашествія даетъ намъ полное и непринужденное объясненіе какъ главной мысли псалма, такъ и частностей ея развитія. Въ тогдашнемъ избавленіи Іерусалима дѣйствительно очевиднѣйшимъ образомъ открылось, по выраженію псалмопѣвца, что «любитъ Господь врата Сіона болѣе всѣхъ селеній Іакова» (ст. 2), потому что въ то время единственно лишь врата Сіона остались замкнуты для враговъ, тогда какъ всѣ другіе, подвергшіеся нападенію города іудейскіе взяты были и опустошены непріятелями (ср. 4 Ц. 18, 13 и 19, 32—36). Нимало не преувеличенными въ отношеніи къ этому явленію особеннаго покровительства Божія Сіону представляются и слѣдующія затѣмъ выраженія псалмопѣвца о распространеніи славы Сіона между окрестными народами: «славное возвѣщается о тебѣ, градъ Божій (ст. 3)!.. О Сіонѣ будутъ говорить:... Самъ Всевышній укрѣпилъ его» (ст. 5). Совершившееся тогда чудесное избавленіе Іерусалима имѣло спасительное значеніе не для однихъ только Іудеевъ, но и для всѣхъ другихъ окрестныхъ народовъ, которымъ также грозило Ассирійское нашествіе, а потому слава объ немъ дѣйствительно быстро распространилась во всемъ окружающемъ языческомъ мірѣ, такъ что, по свидѣтельству исторіи, «многіе тогда приносили дары Господу въ Іерусалимъ и дорогіе подарки Езекіи, царю Іудейскому, который очень возвысился въ глазахъ всѣхъ народовъ» (2 Пар. 32, 23). А такъ какъ чрезъ это чудное явленіе помощи Божіей общій главный врагъ тогдашняго міра былъ побѣжденъ, другіе же народы приходили въ Іерусалимъ съ дарами Господу, то это естественно возводило пророческій взоръ псалмопѣвца ко временамъ обѣтованнаго царства Мессіи, когда всѣ племена и народы обратятся къ истинному Богу и сдѣлаются чадами духовнаго Сіона,—св. Церкви Его. Называемые при этомъ языческіе народы (ст. 4) также вполнѣ соотвѣтствуютъ времени Езекіи, такъ какъ всѣ они не только существовали въ то время, но и находились въ ближайшемъ отношеніи къ Езекіи и совершившемуся тогда избавленію Іерусалима отъ Ассирійскаго нашествія. Египетъ въ то время былъ союзникомъ Іудеи, и подъ управленіемъ храбраго и воинственнаго царя своего изъ еѳіопской династіи—Тиргаки представлялъ еще могущественное царство, такъ что вполнѣ заслу-

живалъ имени Раава,—т. е. гордости, упорства,—какъ и называлъ его тогдашній пророкъ Исаія (Ис. 51, 9. 30, 7), и не безъ основанія обращалъ на себя надежды Іудеевъ (Ис. 30, 1—2. 31, 1 и пр.). Когда Сеннахиримово войско находилось подъ стѣнами Іерусалима, Тиргака выступилъ противъ него на помощь Іудеямъ и заставилъ непріятелей на время отступить отъ осажденной іудейской столицы (4 Ц. 19, 8—9). Но тѣмъ не менѣе самому Египту и соединенной съ нимъ Ееіопіи грозила въ то время большая опасность; такъ какъ съ завоеваніемъ Іудеи Ассиріяне пріобрѣтали себѣ безпрепятственный доступъ въ эти Африканскія страны, которымъ они, подобно какъ впослѣдствіи Навуходоносоръ царь Вавилонскій, безъ сомнѣнія и не замедлили бы воспользоваться. Та же участь, какъ показали завоевательные походы Навуходоносора, грозила отъ Ассиріянъ и сопредѣльнымъ съ Іудеею странамъ Финикіи, незадолго передъ тѣмъ опустошенной уже Салманассаромъ [1]), и Филистимской землѣ, завоеваніе которой также началось уже при предшественникѣ Сеннахирима взятіемъ Азота, одной изъ сильныхъ крѣпостей на границѣ съ Египтомъ (Ис. 20, 1). Поэтому чудесное пораженіе Ассирійскаго войска подъ стѣнами Іерусалима, неожиданно принесшее всѣмъ этимъ народамъ избавленіе отъ грозившей имъ опасности, естественно должно было вызвать съ ихъ стороны благодарное сочувствіе къ Езекіи, Іерусалиму и Богу іудейскому, совершившему такое спасительное событіе. Безъ сомнѣнія эти-то народы и были первые изъ тѣхъ многихъ, которые «тогда приносили въ Іерусалимъ дары Господу и дорогіе подарки Езекіи царю Іудейскому», а это въ свою очередь вѣроятно и дало вдохновенному псалмопѣвцу поводъ назвать ихъ въ числѣ чадъ будущаго благодатнаго царства Мессіи [2]). А что касается названія въ числѣ ихъ Вавилона, то поводъ къ этому ясно представлялся тогда въ извѣстномъ посольствѣ къ Езекіи тогдашняго Вавилонскаго царя Меродаха Баладана, который вскорѣ послѣ чудесной

---

[1]) Въ 721 г. предъ Р. Хр. См. прим. къ Ис. 23, 1 въ русск. пер. кн. прор. Исаіи въ Тр. К. Д. А. 1863—68 гг.

[2]) Такой именно поводъ къ написанію псалма предполагаютъ и большая часть лучшихъ западныхъ толкователей: Tolück, Hengstenberg, Vaihinger, Delitzsch и др.

погибели Ассирійскаго войска подъ стѣнами іудейской столицы искалъ союза съ царемъ Іудейскимъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы при помощи его освободиться отъ своей зависимости отъ Ассиріи (4 Ц. 20, 12 и дал. Ис. 39, 1 и дал.) [1]). Тѣже самые народы, обращеніе которыхъ къ истинному Богу предсказываетъ псалмопѣвецъ, называются и въ пророчествахъ современнаго Езекіи пророка Исаіи, который, послѣ возвѣщенія грознаго суда Божія за ихъ нечестіе, точно также предсказываетъ имъ обращеніе къ Господу [2]). И вообще въ разсматриваемомъ нами псалмѣ не только въ существенномъ его содержаніи, но и въ самомъ образѣ выраженій, очень много общаго съ пророчествами Исаіи о будущей славѣ царства Мессіи и вступленіи въ него язычниковъ. И тамъ и здѣсь предвозвѣщаемое всемірное царство Божіе представляется подъ образомъ Сіона, или Іерусалима, —возлюбленнаго города Божія, а вступающіе въ него язычники являются, какъ новорожденныя чада Сіона, торжествующаго предъ Господомъ свое прославленіе (Ср. Ис. 2, 2 и дал. гл. 33. 5—7. 13—17. 20—24. гл. 49, 1 и дал. гл. 54, 1 и дал. 60, 1 и дал. 66, 7—11 и мн. др.). Тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же образъ переписи для означенія предопредѣленнаго въ предвѣчномъ спасительномъ совѣтѣ Божіемъ числа новорожденныхъ чадъ духовнаго Сіона (Пс. 86 ст. 6 ср. Ис. 4, 3); тамъ и здѣсь обиліе спасительной благодати Бо-

---

[1]) Въ цитованныхъ мѣстахъ поводомъ къ посольству представляется желаніе Меродаха поздравить Езекію съ выздоровленіемъ; но причина, вызвавшая такое желаніе, безъ сомнѣнія, заключается въ славѣ объ особенномъ могуществѣ царя Іудейскаго, распространившейся между всѣми народами со времени чуднаго пораженія Сеннахирима (см. 2 Пар. 32, 23). Впрочемъ, такъ какъ пораженіе Сеннахирима и болѣзнь Езекіи были въ одномъ и томъ же 14 году его царствованія (4 Ц. 18, 13 и 20, 6; ср. съ 4 Ц. 18, 2); то будемъ ли посольство Меродаха поставлять въ связь съ первымъ или съ послѣднимъ событіемъ, во времени не представляется никакой разницы, а потому псалмопѣвецъ одинаково могъ отнести его и къ первому событію.

[2]) См. пророчества Исаіи о Египтѣ гл. 19; о Вавилонѣ гл. 13—14, 27 и 21, 1—10; о Филистимлянахъ гл. 14, 28—32; о Тирѣ гл. 23; объ Ефіопіи гл. 18. Объ отношеніи этихъ пророчествъ къ Пс. см. въ введ. къ объясн. его у O. v. Gerlach'a.

жіей въ царствѣ Мессіи обозначается одинаково подъ образомъ источниковъ Сіонскихъ (Пс. ст. 7 ср. Ис. 12, 3, 55, 1. 44, 3). Способъ указанія спасаемыхъ чадъ Сіона въ псалмѣ чрезъ троекратное повтореніе: «сей и сей родился тамъ» (ст. 4. 5. 6), также есть очевидное подражаніе извѣстному изреченію въ подобномъ же пророчествѣ Исаіи: «сей речетъ: Божій есмь, и сей возопіетъ о имени Іаковли, и другій (יהוה) напишетъ рукою своею: Божій есмь, и о имени Израилевѣ возопіетъ (гл. 44, 5)». По всему видно, что псалмопѣвецъ какъ-то особенно близко стоялъ къ пророку Исаіи и воспѣлъ свою пѣснь подъ живымъ впечатлѣніемъ его пророчествъ о будущей славѣ всемірнаго царства Мессіи, а это, въ виду указанныхъ многочисленныхъ признаковъ отношенія псалма ко времени Езекіи, служитъ новымъ подтвержденіемъ высказаннаго въ началѣ мнѣнія, что онъ *составленъ былъ кѣмъ либо изъ современныхъ Езекіи Кореевыхъ пѣвцовъ, по случаю чудеснаго избавленія Іерусалима отъ Ассирійскаго нашествія*, которое, съ предшествующими ему и послѣдующими событіями, послужило поводомъ къ изреченію и многихъ пророчествъ Исаіи объ обращеніи язычниковъ и будущей славѣ Сіона (каковы: гл. 18 — 19. 21. 24—27. 33 и можетъ быть гл. 49. 60 и др.).

Что касается наконецъ *остальнаго изъ Кореевыхъ псалмовъ,—84-го псалма*, который мы признали самымъ позднимъ изъ пѣсней этихъ писателей, то съ первыхъ же словъ его очевидно, что *онъ воспѣтъ былъ вскорѣ по возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго*, когда еще живо было въ душѣ пѣвца чувство недавно тяготѣвшаго надъ народомъ наказанія Божія, и потому тѣмъ живѣе сознавалось величіе милосердія Божія въ ниспосланіи ему избавленія [1]). «Господи! Ты умилосердился къ землѣ Твоей, возвратилъ плѣнъ Іакова; простилъ беззаконіе народа Твоего, покрылъ всѣ грѣхи его, отъялъ всю ярость гнѣва Твоего, отвратилъ лютость гнѣва Твоего» (ст. 2—4). —Правда, выраженіе: «воз-

---

[1]) Такого мнѣнія у насъ Преосв. Ириней Псковскій (См. его Толк. Псалт. Ч. 2 стр. 115 и дал. изд. М. 1823 г.), Павскій (въ Обозр. Пс. стр. 40 прим.) и составитель Руков. къ чт. учит. кн. В. З. (стр. 124). Изъ иностранныхъ толкователей его держатся: Ewald, Tholuck, Delitzsch, Bunsen и нѣк. др.

вратить плѣнъ» (שוב שבות) употребляется иногда у свящ. писателей и въ общемъ обстрактномъ значеніи избавленія отъ какихъ бы то ни было несчастій (какъ Іов. 42, 10. Іез. 16, 53 и можетъ быть въ Пс. 14, 7 по евр.); но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ оно полагается въ основаніе всего дальнѣйшаго развитія мыслей, въ качествѣ опредѣленія сущности милосердія Господа къ землѣ Его, и само опредѣляется въ слѣдующихъ затѣмъ параллельныхъ выраженіяхъ, какъ избавленіе отъ жесточайшаго наказанія Божія за грѣхи народа, то нельзя сомнѣваться, что его слѣдуетъ понимать не иначе, какъ въ буквальномъ значеніи объ освобожденіи изъ плѣна Вавилонскаго, который по преимуществу былъ и называется въ Свящ. Писаніи жесточайшимъ изъ наказаній Божіихъ за грѣхи народа, когда либо постигавшихъ землю Израилеву (ср. Іер. 25, 4—11. 2 Пар. 36, 14—21 и др.). То же самое подтверждаетъ и дальнѣйшее содержаніе псалма. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію Іудеевъ въ первое время по возвращеніи изъ плѣна, когда они, избавившись отъ бѣдствій угнетенія и рабства въ чужой непріятельской странѣ, и въ своемъ родномъ отечествѣ продолжали еще испытывать на себѣ остатки гнѣва Божія, принуждены будучи много терпѣть отъ недостатка и бѣдности, отъ внутреннихъ безпорядковъ (Неем. 1, 3. 2, 17. 5, 1—8. Агг. 1, 6. 10. 11 и др.) и внѣшнихъ враждебныхъ отношеній къ нимъ окружающихъ языческихъ народовъ (1 Ездр. 4, 1—24. Неем. 2, 19. 4, 1—23). Какъ при заложеніи втораго храма Іерусалимскаго чувства радости народной смѣнялись и подавлялись скорбными воспоминаніями о великолѣпіи прежняго храма Соломонова (1 Ездр. 3, 11—13), и какъ благочестивый Неемія при извѣстіи о печальномъ состояніи возвратившихся изъ плѣна въ своемъ отечествѣ повергается предъ Господомъ въ слезной молитвѣ о помощи (Неем. 1, 3—11); такъ и радостно-благодарныя чувства цѣвца, исповѣдующаго милосердіе Божіе къ Его народу въ дарованіи прощенія грѣховъ и освобожденіи его изъ плѣна, при мысли о печальномъ состояніи возвратившихся плѣнниковъ въ своемъ опустошенномъ отечествѣ, естественно переходятъ въ горячую молитву, чтобы милосердый Господь совсѣмъ оставилъ гнѣвъ свой и даровалъ рабамъ своимъ совершенное спасеніе. «Возстанови насъ, Боже, спасенія нашего, и прекрати негодованіе Твое на насъ. Неужели вѣчно будешь гнѣваться на насъ, простреш гнѣвъ Твой отъ рода въ родъ? Не-

ужели снова не оживишь насъ, чтобы народъ Твой возрадовался о Тебѣ? (ст. 6—7)». Но Господь и прежде уже обѣщалъ, и послѣ возвращенія изъ плѣна, въ то время, когда возносились къ Нему подобныя скорбныя молитвы, не переставалъ чрезъ рабовъ своихъ пророковъ утѣшать народъ Свой обѣщаніями даровать ему миръ и благоденствіе, если только самъ онъ пребудетъ въ вѣрности завѣту Божію (См. напр. Лев. 26, 3—13 Ис. 50, 1—51, 12. Агг. 2, 4—10. 18—20. Зах. гл. 8—10. 12, 7—10 и проч. Ср. и Мал. 3, 10б—12. 17—18 и проч.). Псалмопѣвецъ съ вѣрою приклоняетъ слухъ свой къ божественнымъ вѣщаніямъ: «Послушаю, что говоритъ Господь Богъ. Онъ изрекаетъ миръ на народъ Свой и на святыхъ Своихъ, только не возвращались бы къ безразсудству» (ст. 9) [1]). И такимъ образомъ, внимая обѣщаніямъ Божіимъ, онъ утѣшается надеждою на близость помощи божественной и въ духѣ созерцаетъ полноту спасенія, которая должна нѣкогда излиться надъ Сіономъ. «Такъ, близко къ боящимся Его спасеніе Его, чтобы обитала слава въ землѣ нашей! Милость и истина срѣтятся, правда и миръ облобызаются. Истина возникнетъ изъ земли и правда приникнетъ съ небесъ. И Господь дастъ благо, и земля наша дастъ плодъ свой. Правда пойдетъ предъ Нимъ и поставитъ на путь стопы свои». (ст. 10—14). Вообще, въ цѣломъ своемъ составѣ псаломъ нашъ представляетъ какъ бы сокращеніе молитвъ возвратившагося изъ плѣна Іудейскаго народа и бывшихъ къ нему увѣщаній и утѣшеній тогдашнихъ пророковъ Аггея, Захарія и Малахіи. Правда, за исключеніемъ показаннаго нами общаго соотвѣтствія его характера и содержанія съ состояніемъ тогдашнихъ Іудеевъ и съ сущностію пророческихъ писаній того времени, мы не можемъ указать въ немъ никакихъ особенныхъ признаковъ спеціальнаго отношенія ко времени по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго; но такъ какъ съ другой стороны нельзя указать въ его содержаніи и никакихъ рѣшительно побужденій, по которымъ бы употребленное въ началѣ его выраженіе о возвращеніи плѣна Іаковлева слѣдовало понимать не въ собственномъ буквальномъ смыслѣ объ освобожденіи изъ плѣна, а какъ либо вообще въ абстрактномъ значеніи избавленія отъ какого ни-

[1]) По русск. пер. Пс. въ Душеп. Чтеніи 1868 г.

будь другаго несчастія въ болѣе раннее или болѣе позднее время іудейской исторіи [1]), то, въ связи съ такимъ указаніемъ на послѣплѣнную эпоху, и общее соотвѣтствіе его характера и содержанія съ сею эпохою получаетъ силу доказательства, что онъ дѣйствительно относится ко времени вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго. Такое заключеніе имѣетъ для насъ тѣмъ большую вѣроятность, что въ Псалтири находится еще одна пѣснь подобнаго же содержанія и совершенно съ такими же выраженіями о возвращеніи плѣна Сіонскаго, (когда возвращалъ Господь плѣнъ Сіона... возврати, Господи плѣнниковъ нашихъ...), — псаломъ 125 (евр. 126 см. ст. 1 и 4); а отношеніе его ко времени возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго подтверждается самымъ его-надписаніемъ: «пѣснь восхожденія» (שִׁיר הַמַּעֲלוֹת), которое, по общепринятому вѣроятному объясненію, указываетъ на употребленіе его при восхожденіи Іудеевъ изъ плѣна въ свое отечество или при послѣдующихъ затѣмъ ихъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ въ три годовые празд-

---

[1]) Hitzig, Lengerke и др. защитники Маккавейскаго происхожденія псалмовъ, полагающіе, что псаломъ 84-й относится къ тому времени, когда вслѣдъ за гоненіями Антіоха Епифана Іудеи должны были вести продолжительныя войны съ сосѣдними языческими народами (1 Макк. 4, 36 и дал. 5, 1 и дал.), обыкновенно въ защиту своей гипотезы указываютъ на употребленіе въ Пс. слова חֲסִידִים (ст. 9), утверждая, что будто бы подъ именемъ этихъ святыхъ или избранныхъ нельзя никого болѣе разумѣть кромѣ Асидеевъ Маккавейскаго времени (1 Макк. 2, 42. 7, 13. 2 Макк. 14, 6). Но имя это, какъ мы видѣли уже при разсмотрѣніи Псс. 73, 78 и 43, употреблялось и въ древнѣйшія времена въ значеніи людей благочестивыхъ или всего народа Израильскаго, а чтобы въ приведенномъ мѣстѣ слѣдовало понимать его въ значеніи Асидеевъ,—на это псаломъ не даетъ ни малѣйшаго основанія. Мнѣніе о происхожденіи псалма въ древнѣйшія времена встрѣчается только у тѣхъ изъ толкователей, которые сыновъ Кореевыхъ не признавали писателями псалмовъ и приписываемые имъ псалмы усвояли Давиду или современнымъ ему пѣвцамъ: Асафу, Еману и Еѳану (см. напр. Cramer's Einleit. in die Psalm. с. III), или же которые всю Псалтирь считали произведеніемъ Давида, каковы напр. св. Амвросій, бл. Августинъ, Ѳеодоритъ и др. Но они въ этомъ случаѣ основываются только на названіи Псалтири Давидовою или на надписаніи этихъ псалмовъ въ нѣ-

ника [1]). Къ какому именно времени послѣ плѣна слѣдуетъ отнести составленіе разсматриваемаго нами псалма, съ точностію опредѣлить, конечно, нельзя. Судя по обѣщанію мира и особенно плодородія земли отъ Господа, представляющему много сходства съ подобными же обѣщаніями у послѣ-плѣнныхъ пророковъ, особенно Аггея и Захаріи (ср. ст. 9 и 13 и Зах. 8, 12. Агг. 2, 10. 20 и Мал. 3, 10—11. также ст. 11. 12. 14 и Зах. 7, 9. 8, 16. 19), можно полагать, что писатель его внималъ вѣщаніямъ этихъ пророковъ и, можетъ быть, воспѣлъ эту пѣснь *въ то время, когда Іудеи за свое нерадѣніе о скорѣйшемъ возстановленіи храма, по предсказанію пр. Аггея, наказаны были отъ Господа засухою и безплодіемъ* (Агг. 1, 10—11 и 2, 18). Во всякомъ случаѣ надобно признать, что онъ не позднѣе послѣдняго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ; потому что псалмопѣвецъ еще внемлетъ вѣщаніямъ Божіимъ (ст. 9), а со смертію Малахіи живое пророческое слово Божіе замолкло и не раздавалось болѣе во времена ветхозавѣтныя.

ж) Псалмы неизвѣстныхъ писателей.

За исключеніемъ разсмотрѣнныхъ нами псалмовъ, писатели которыхъ съ большею или меньшею опредѣленностію указываются въ ихъ надписаніяхъ, или, при недостаткѣ такого рода указаній, съ достаточною вѣроятностію открываются по другимъ внѣшнимъ или внутреннимъ признакамъ, всѣ остальные затѣмъ *псалмы, занимающіе почти цѣлую треть Псалтири* [2]), *должны быть отнесены къ числу пѣсней неизвѣстныхъ писателей*, такъ какъ ни содержаніе ихъ, ни исторія или преданіе не представляютъ никакихъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ основаній къ опредѣленію,

---

которыхъ переводныхъ спискахъ именемъ Давида, но не указываютъ никакихъ внутреннихъ основаній своего мнѣнія въ самомъ содержаніи псалмовъ.

[1]) См. ниже о пѣснях степеней вообще, и въ частности о псалмѣ 125.

[2]) Именно, *слѣдующіе* 43 *псалма*: 65, 66, 90—99, 101, 104—106, 110—120, 122, 124, 125, 127—129, 133—136 и 145—150.

кто именно были, или, по крайней мѣрѣ, къ какому разряду лицъ въ народѣ іудейскомъ принадлежали ихъ писатели. Многіе, правда, изъ числа этихъ псалмовъ въ переводѣ LXX, равно какъ въ нашемъ славянскомъ и другихъ древнихъ переводахъ, надписываются именемъ Давида (какъ въ нашемъ слав. Пс. 66, 90, 92—99 и 136), а иные именами пророковъ: Іереміи (Пс. 136), Аггея и Захаріи (Пс. 145—148); другіе же нѣкоторые въ самомъ Свящ. Писаніи приводятся подъ именемъ Давида (какъ Пс. 104, 95 и 105 въ 1 Пар. 16. 8—36 и Пс. 94 въ Евр. 4, 7): но ближайшее разсмотрѣніе такихъ псалмовъ обыкновенно показываетъ, что они не могутъ принадлежать Давиду или тѣмъ пророкамъ, которымъ приписываются, да и самыя означенныя свидѣтельства о нихъ, вообще допуская возможность объясненія ихъ не въ смыслѣ указанія писателей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ при соединеніи двухъ различныхъ именъ или другихъ несообразныхъ по времени указаній въ одномъ и томъ же надписаніи [1]), явно обнаруживаютъ употребленіе называемыхъ въ нихъ именъ Давида или пророковъ не какъ писателей псалмовъ, а совершенно въ другомъ значеніи. Впрочемъ неизвѣстность писателей всѣхъ этихъ псалмовъ не лишаетъ насъ возможности болѣе или менѣе приблизительно опредѣлить время, когда они были написаны или, по крайней мѣрѣ, указать эпоху, ближе или далѣе которой нельзя относить ихъ происхожденіе.

Изъ числа псалмовъ неизвѣстныхъ писателей первое мѣсто по времени происхожденія съ наибольшею вѣроятностію можно приписать *псалмамъ 65 и 66-му*. Оба они представляютъ довольно сходныя между собою благодарственныя пѣсни Богу, — первый за избавленіе народа отъ какого то великаго бѣдствія, по молитвѣ псалмопѣвца или другаго благочестиваго раба Божія, отъ имени котораго воспѣвается псаломъ; — послѣдній за ниспосланіе обильной жатвы, съ молитвою о всегдашнемъ продолженіи милостей Божіихъ, причемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ псалмопѣвецъ

---

[1]) Таковы напр. надписанія: Пс. 136-го: «Давиду Іереміемъ», и Псс. 145—148-го: «Аггея и Захаріи»; также надписаніе Пс. 95-го: «Хвала пѣсни Давиду, внегда домъ созидашеся по плѣненіи». Ср. объ этомъ выше стр. 102—103.

призываетъ всѣ народы земные къ прославленію Господа, какъ своего Владыки и благодѣтеля, величественнаго въ дѣлахъ Своихъ надъ сынами человѣческими. О древности этихъ псалмовъ свидѣтельствуетъ уже самое положеніе ихъ въ древнѣйшей части Псалтири между псалмами Давидовыми, равно какъ употребленіе въ нихъ древняго музыкальнаго знака סֶלָה (Пс. 66, 4. 7. 15. Пс. 67, 2. 5 по евр.) и ихъ надписанія съ столь же древними музыкально-поэтическими терминами לַמְנַצֵּחַ (начальнику хора, — въ обоихъ Пс.) и בִּנְגִינֹת (на струнныхъ орудіяхъ въ Пс. 66. евр. 67), которые, какъ и סֶלָה, встрѣчаются въ Псалтири исключительно лишь въ псалмахъ Давида и пѣвцовъ его школы [1]). О томъ же свидѣтельствуетъ чистота языка и живость изложенія, по которымъ они, не смотря на свой подражательный характеръ, не уступаютъ многимъ псалмамъ Давидовымъ (ср. съ Псс. 17, 29, 32 и 56, особ. 64 и 67 и др.). Этихъ свидѣтельствъ достаточно, чтобы видѣть всю несостоятельность мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ относить эти псалмы къ такому позднему періоду іудейской исторіи, какъ времена Египетско-Сирійскаго владычества [2]), когда и

---

[1]) О значеніи этихъ и другихъ подобныхъ терминовъ, какъ свидѣтельствъ древности, см. выше о Псс. Давида стр. 148 и д. Употребленіе לַמְנַצֵּחַ и סֶלָה тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманія, что первое изъ нихъ встрѣчается въ Псалтири 55 разъ, послѣднее 71 разъ и, за исключеніемъ настоящихъ двухъ анонимныхъ псалмовъ, всегда только въ псалмахъ, надписывающихся именемъ Давида и пѣвцовъ его. (См. Делича на Пс. 3 и 4).

[2]) Напр. ко времени царствованія Птоломея Филопатора, какъ Hitzig и Olshausen. Въ основаніе своего мнѣнія, кромѣ случайнаго сходства нѣкоторыхъ мыслей 65 псалма, именно: въ ст. 16—20 съ обстоятельствами, описанными въ 3 Макк. 1, 10—2, 22 и гл. 6, они указываютъ на употребленіе слова עוֹלָם (Пс. 66, 7. по евр.) въ значеніи міра или вселенной (αἰών), которое вошло въ употребленіе лишь только въ Александрійскій періодъ еврейской письменности. Но непосредственное сочиненіе этого слова съ управляющимъ מָשַׁל показываетъ, что оно употребляется здѣсь въ томъ же значеніи, какъ и вездѣ въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, именно въ смыслѣ «вѣкъ», или «вѣчно»; въ противномъ случаѣ оно должно бы было имѣть предъ собою какой либо изъ предлоговъ בְּ (какъ Быт. 24, 2. 45, 8. 26. Втор. 15, 6, I. Нав. 12, 5.

смыслъ употребляющихся въ нихъ музыкально-поэтическихъ терминовъ былъ уже утраченъ Іудеями. Но съ другой стороны и древность ихъ нельзя возводить слишкомъ далеко ко времени Давида, которому по примѣру LXX и другихъ древнихъ переводовъ [1]), приписываютъ ихъ многіе древніе и новые толкователи [2]). Что они не принадлежатъ Давиду, это показываетъ уже отсутствіе въ ихъ надписаніяхъ по подлинному еврейскому тексту имени Давида, такъ какъ въ противномъ случаѣ подобное опущеніе имени писателя въ томъ древнѣйшемъ собраніи Псалтири, въ которомъ находятся эти псалмы, представляло бы, какъ выше мы имѣли случай замѣтить [3]), совершенно необычное и необъяснимое явленіе: потому что въ обѣихъ первыхъ книгахъ Псалтири, за исключеніемъ перваго и втораго псалмовъ, вѣроятно уже впослѣдствіи присоединенныхъ къ древнѣйшему собранію въ качествѣ введенія къ Давидовымъ псалмамъ и къ цѣлой Псалтири, встрѣчаются безъ надписанія именъ писателей только такіе псалмы, которые, по тѣсной связи съ предшествующими надписанными псалмами, составляя съ ними какъ бы одно двухчастное цѣлое произведеніе, какъ Псс. 10 (по евр.) 32, 42 и 70, естественно не нуждались въ отдѣльныхъ

Суд. 8. 22. 3 Ц. 5. 1 (евр.). Пс. 103, 19 (евр.). Притч. 16, 32 и др.) или לוּ (какъ Притч. 28, 15). См. Delitzsch a. a. O. и Fürst's Hebr. Handwörterbuch подъ сл. לוּז.

[1]) См. надписанія этихъ псалмовъ. Въ нынѣшнемъ греческомъ и славянскомъ текстѣ, равно какъ въ Вульгатѣ и другихъ извѣстныхъ спискахъ нѣтъ, но, по свидѣтельству Калмета, въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ оно находилось. Какіе это были списки, латинскіе или греческіе или другіе, этого Калметъ не указываетъ. Comm in h. Ps. Ср. выше примѣч. на стр. 289.

[2]) Какъ св. Иларій и Евсевій Кесар., также Calmet о Пс. 65, Bellanger о Пс. 66. (въ Scr. S. curs compl. T. XV p. 688—689, 701), Hengstenberg; у насъ: Преосв. Ириней Псковскій и Павскій (въ Обозр. Пс. стр. 32). Послѣдній основываетъ свое мнѣніе на «указаніи общаго заключенія», т. е. заключительной подписи 2 части собранія псалмовъ (Пс. 71, ст. 20); но при разсмотрѣніи 71 псалма мы показали, что означенною подписью не исключается возможность существованія и не Давидовыхъ псалмовъ въ оканчиваемомъ ею собраніи. См. выше стр. 286—288.

[3]) См. стр. 287 и дал.

указаніяхъ именъ ихъ писателей. Но нельзя того же сказать о разсматриваемыхъ нами псалмахъ, которые, при всемъ своемъ сродствѣ съ предшествующими и послѣдующими Давидовыми псалмами ясно отличаются отъ нихъ и своимъ содержаніемъ и своимъ подражательнымъ характеромъ. Притомъ же въ нихъ между подражаніями Давиду и другимъ древнѣйшимъ писаніямъ, какъ напр. словамъ древняго священническаго благословенія (Пс. 66, 2 ср. съ Числ. 6, 25—26), представляются также довольно ясные слѣды подражанія и писаніямъ, явившимся уже послѣ Давида какъ-то: нѣкоторымъ псалмамъ изъ времени Іосафата [1]) и пророческимъ пѣснямъ Исаіи (12, 1 — 6. 42, 10. 12 и др.). Равнымъ образомъ и мысль объ обращеніи къ Господу всѣхъ народовъ земныхъ, въ томъ видѣ, какъ она излагается въ этихъ псалмахъ, тоже свидѣтельствуетъ о времени позднѣе не только Давида, но и Соломона. Возвѣщенная первоначально еще въ обѣтованіяхъ древнимъ патріархамъ (Быт. 22, 18. 26, 4. 49, 10), въ славное царствованіе Давида и Соломона она дѣйствительно начинаетъ выступать съ наибольшею ясностію, но не восходитъ далѣе надеждъ, осуществленіе которыхъ представлялось еще въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ (Пс. 21, 28—29. Пс. 71, 11—17. 44, 18). Между тѣмъ въ разсматриваемыхъ псалмахъ вдохновенный пѣвецъ какъ бы созерцаетъ уже начало самаго осуществленія ожиданій Израиля о наступленіи всемірнаго царства Божія и призываетъ всѣ народы къ хваленію Господа (Пс. 65, 1—4. 8. 66, 4 — 6). На этой степени развитія мысль объ обращеніи язычниковъ впервые проявляется только со времени Іосафата, когда въ чудесномъ пораженіи выступившихъ противъ него многочисленныхъ языческихъ народовъ видимымъ образомъ открылось могущественное владычество Божіе надъ всѣми царствами земными (Пс. 46; ср. 2 Пар. 20, 6 и 29); а во всей своей полнотѣ и ясности раскрывается только въ пророчествахъ великаго Исаіи, послѣ того, какъ другое чудесное пораженіе страшнаго ассирійскаго войска обратило взоры и надежды многихъ народовъ къ Іерусалиму и Богу Израилеву (2 Пар. 32, 23; ср. Пс. 75, 12 и Пс. 86, 3 — 6). Такимъ

[1]) Ср. Пс. 65, 5 съ Пс. 45, 9; ст. 1—3 съ Пс. 46, 2—3; ст. 4 и 7 съ Пс. 46, 7—9; Пс. 66, 3 съ Пс. 45, 11.

образомъ, судя по указаннымъ признакамъ, *древность разсматриваемыхъ нами псалмовъ не можетъ восходить ранѣе вѣка Исаіи пророка, или, еще тѣснѣе,—времени избавленія Іерусалима отъ Ассирійскаго нашествія въ царствованіе Езекіи.* Такъ какъ въ Пс. 65, говоря о чудесныхъ явленіяхъ особеннаго покровительства Божія Израилю, въ ст. 9 — 12 псалмопѣвецъ изображаетъ бѣдствія рабства, отъ которыхъ избавилъ Господь народъ свой, совершенно тѣми же чертами, какія тамъ и здѣсь встрѣчаются у пророковъ и псалмопѣвцевъ въ изображеніи бѣдствій плѣна Вавилонскаго [1]), то многіе толкователи считали этотъ, а по связи съ нимъ и слѣдующій 66 псаломъ благодарственными пѣснями за освобожденіе Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго [2]). Но такое мнѣніе очевидно несообразно съ дальнѣйшимъ содержаніемъ того же псалма; такъ какъ въ слѣдующихъ затѣмъ стихахъ (13—20) рѣчь идетъ не отъ цѣлаго народа, а отъ отдѣльнаго лица самого псалмопѣвца, который дарованное Богомъ избавленіе приписываетъ своей собственной молитвѣ, а успѣхъ своей молитвы усвояетъ своей праведности: «Я воззвалъ къ Богу устами моими и превознесъ Его языкомъ моимъ. Если бы я видѣлъ беззаконіе въ сердцѣ моемъ, то не услышалъ бы меня Господь» (ст. 17—18). Между тѣмъ народъ іудейскій, **какъ во время плѣна, такъ и послѣ** него, всегда **живо чувствовалъ свою грѣховность предъ Богомъ и заслуженность такого наказанія Божія**, и свое избавленіе изъ плѣна приписывалъ **исключительно** благости и милосердію Божію (Дан. 9, 5—18. Неем. 1, 6—7. 9, 31—33. Пс. 84, 2—3. 105, 6), **а потому и въ тогдашнихъ молитвахъ его къ Богу, даже въ устахъ дѣйствительныхъ праведниковъ, какъ Даніила пророка и Нееміи, слышится** существенно-другое сознаніе, нежели какое высказываетъ о себѣ и о своей молитвѣ псалмопѣвецъ:

---

[1]) Ср. Пс. 65 ст. 9 съ Пс. 114, 8; ст. 10 съ Іез. 22, 21 — 22; ст. 11 съ Іез. 19, 8—9;—ст. 12а съ Ис. 51, 23. Пс. 128, 3;—ст. 12б съ Ис. 43, 2.

[2]) См. Scr. S. curs. compl. T. XV p. 687 и 699. И бл. Ѳеодоритъ, вообще приписывающій всѣ псалмы Давиду, о Пс. 65 замѣчаетъ, что его «написалъ божественный Давидъ отъ лица плѣнныхъ въ Вавилонѣ, но уже не молящихся о возвращеніи, а получившихъ оное и отправляющихся въ путь». См. Тв. Св. Оо. въ р. перев. Т. XXVII стр. 359.

«Тебѣ Господи, правда, намъ же стыдѣніе лица, и царемъ нашимъ и княземъ нашимъ, и отцемъ нашимъ, иже согрѣшихомъ Тебѣ... и не на наша правды уповающе, повергаемъ моленіе наше предъ Тобою, но на щедроты Твоя многія, Господи (Дан. 9, 8 и 12)». И вообще въ ближайшее время послѣ-плѣннаго періода, которое, пожалуй, можно бы было признать крайнимъ предѣломъ для составленія разсматриваемыхъ нами псалмовъ, исторія, не знаетъ никакого чуднаго избавленія Израиля отъ какой-либо опасности по молитвѣ какого нибудь изъ его праведниковъ. Такимъ образомъ, какъ въ опредѣленіи крайней границы, далѣе которой нельзя возводить древность этихъ псалмовъ, мы остановились на чудесномъ избавленіи Іерусалима отъ Ассирійскаго нашествія при Езекіи, такъ и слѣдуя обратнымъ путемъ въ опредѣленіи другаго крайняго предѣла, далѣе котораго нельзя низводить ихъ происхожденіе, мы опять таки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Пс. 65-му, придвигаемся къ тому же чудесному событію царствованія Езекіи; потому что въ указанныхъ границахъ времени до плѣна Вавилонскаго событіе это представляетъ единственное избавленіе іудейскаго народа отъ одной изъ величайшихъ опасностей, дѣйствительно совершонное силою Божіею по молитвѣ праведника, благочестиваго царя Езекіи, который, по свидѣтельству исторіи, при нашествіи Ассиріянъ повергся предъ Господомъ въ пламенной молитвѣ объ избавленіи народа отъ угрожающаго бѣдствія и тогда же чрезъ пророка Исаію получилъ утѣшительное извѣщеніе, что молитва его услышана (4 Ц. 19, 1—7. 14—20 и дал.). Съ этимъ событіемъ, какъ мы не разъ уже замѣчали [1]), всего лучше согласуется и призываніе всѣхъ народовъ земныхъ хвалить и благословлять Господа; потому что могущественное царство Ассирійское, уже покорившее себѣ многіе царства и народы (4 Ц. 18, 33—34. 19, 11—13. 17), грозило поглотить собою всѣ страны тогдашняго міра отъ Средней Азіи до Египта, и потому пораженіе предъ Іерусалимомъ, поставившее его въ необходимость оставить свои завоевательныя стремленія, естественно должно было обрадовать и обрадовало всѣ какъ покоренные, такъ и угрожаемые имъ народы, такъ что многіе изъ нихъ, какъ бы отзываясь на призывы вдохновенныхъ пѣвцовъ іудейскаго народа, приносили

---

[1]) См. выше о Псс. 75 и 86.

тогда въ Іерусалимъ дары Господу (2 Пар. 32, 23). Отнесеніе псалма къ такому событію естественно можетъ вести къ заключенію, что писателемъ его былъ самъ царь Езекія; такъ какъ псалмопѣвецъ благодаритъ Бога за совершонное Имъ избавленіе отъ своего лица и самое избавленіе приписываетъ своей молитвѣ (ст. 13—20). Но въ этомъ нѣтъ ничего неестественнаго и невозможнаго, что мѣшало бы вѣроятности нашего предположенія о времени происхожденія псалма; потому что Езекія, какъ извѣстно, покровительствовалъ псалмопѣнію (2 Пар. 29, 30. Притч. 25, 1) и самъ составлялъ свящ. пѣсни (Ис. 38, 9),—а съ другой стороны не менѣе возможно допустить, что псаломъ воспѣтъ былъ отъ лица Езекіи и кѣмъ либо изъ другихъ пѣвцовъ его времени, подобно какъ нѣкоторые изъ пѣвцовъ Давидовыхъ пѣли отъ лица самого Давида (Псс. 41, 42, 83). Во всякомъ случаѣ высказанное нами предположеніе о времени происхожденія 65-го псалма представляетъ наибольшую вѣроятность сравнительно со всѣми другими догадками о немъ и въ свою очередь ведетъ насъ къ предположенію, что къ тому же времени слѣдуетъ относить и составленіе сосѣдняго съ нимъ 66-го псалма, такъ какъ псаломъ этотъ, какъ видѣли мы, имѣетъ очень много сходныхъ съ нимъ признаковъ времени и вполнѣ сходится въ призываніи народовъ къ прославленію Господа, а кромѣ того своею молитвою во 2 и 3 ст. («Боже! будь милостивъ къ намъ... дабы познали на землѣ путь Твой, во всѣхъ народахъ спасеніе Твое») онъ даже по самому выраженію напоминаетъ слова молитвы Езекіи при нашествіи Сеннахирима: «Господи, Боже нашъ, спаси насъ отъ руки его! да знаютъ всѣ царства земныя, что Ты, Господи, Богъ одинъ (Ис. 37, 20 ср. 4 Ц. 19, 19)»! Предположеніе это представляется тѣмъ вѣроятнѣе, что если мы допустимъ при немъ другое сродное предположеніе, что ближайшимъ временемъ написанія 66-го псалма была весна третьяго года послѣ Ассирійскаго нашествія, съ предсказаннымъ Исаіею плодородіемъ (Ис. 37, 30. ср. 4 Ц. 19, 29), то для насъ очень удобно объясняется и благодарность псалмопѣвца Богу за ниспосланіе плодовъ земныхъ во второй части псалма (ст. 7). Имѣя за собою недавнее чудесное спасеніе Израиля и всѣхъ народовъ тогдашняго міра отъ Ассирійскаго владычества, а предъ собою, согласно предсказанію пророка, опять поля съ созрѣвающею жатвою, благочестивый псалмопѣвецъ въ это время естественно болѣе, чѣмъ когда либо, могъ чувствовать въ себѣ возбужденіе возблагодарить

Бога за ниспосланное Имъ благословеніе и призывать всѣ народы къ прославленію имени Его.

Можетъ быть *къ тому же времени царствованія благочестиваго Езекіи или же ближайшему къ нему времени принадлежатъ и псалмы 90 и 91-й*. Въ содержаніи обоихъ развивается одна и таже, общая всѣмъ временамъ мысль объ особенномъ покровительствѣ Божіемъ праведнику; но въ раскрытіи этой мысли, особенно въ 90 псалмѣ, указываются такія черты, которыя почти всѣ замѣчательнымъ образомъ идутъ къ лицу Езекіи и обстоятельствамъ его времени. Праведникъ во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни возлагаетъ надежду на Господа (Пс. 90, 2. 9; ср. 4 Ц. 18, 65—66; 2 Пар. 31, 7—8. 4 Ц. 18, 30. 19. 1 и дал. 20, 2), взываетъ къ Нему въ скорби своей и Господь внемлетъ ему,—избавляетъ его отъ всѣхъ опасностей и прославляетъ его (ст. 15. Пс. 91, 5; ср. 2 Пар. 32, 20—23. 4 Ц. 19, 20. 20, 5 и дал.). Подъ охраною Всевышняго онъ безопасенъ и при нападеніи многочисленныхъ враговъ (Пс. 90, 7—8. 91, 8. 10), «не боится ужасовъ ночи, стрѣлы, летящей днемъ, и язвы, ходящей во мракѣ» (Пс. 90, 3. 5. 6; ср. 4 Ц. 19, 32). На его глазахъ враги его гибнутъ, падаютъ тысячами, десятками тысячъ (ст. 7—8. Пс. 91, 10—12; ср. 4 Ц. 19, 35 — 36), и разсыпаются всѣ дѣлающіе беззаконіе (Пс. 91, 10; ср. 4 Ц 19, 28 и 2 Пар. 32, 21), а ему «не приключается зло и язва не приближается къ жилищу» его (Пс. 90, 10. 91, 11; ср. 4 Ц. 19, 29—31). Охраняемый Ангелами Господа во всѣхъ путяхъ своихъ (Пс. 90, 11 ср 4 Ц. 18, 7. 19, 35), онъ цвѣтетъ какъ пальма, возвышается подобно кедру на Ливанѣ (Пс. 91, 13 ср. Ис. 37, 24), и благословляя Господа, своего защитника и благодѣтеля, счастливо достигаетъ долголѣтней старости (Пс. 90, 16. 91, 15—16; ср. 4 Ц. 20, 6. Ис. 38, 15—20). Кто знакомъ съ исторіею благочестиваго царя Езекіи, тому совершенно ясно, что въ приведенномъ изображеніи праведника мы имѣемъ поэтическое ея переложеніе [1]). На-

---

[1]) Въ виду яснаго сходства представленнаго образа праведника съ исторіею Езекіи уже бл. Ѳеодоритъ, вообще приписывавшій всѣ псалмы Давиду, признавалъ Пс. 90 пророчествомъ Давида о Езекіи. Мнѣніе объ отношеніи Пс. 91 къ Езекіи см. въ Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1195.

прасно было бы утверждать, что это—общій отвлеченный поэтическій образъ охраняемаго Господомъ праведника, въ которомъ всѣ случаи избавленій взяты псалмопѣвцемъ совершенно произвольно, безъ всякаго историческаго отношенія, и который столько же идетъ къ Давиду, сколько и къ Езекіи и ко всякому другому праведнику. Уже неоднократное упоминаніе объ избавленіи праведника отъ язвы (ст. 3. 6. 10), истребляющей десятки тысячъ нечестивыхъ (ст. 7—8), ведетъ къ заключенію, что псалмопѣвецъ не случайно указалъ на подобный примѣръ избавленія, но въ обстоятельствахъ своего времени имѣлъ особенное фактическое побужденіе говорить о такомъ избавленіи. Конечно, справедливо, что образъ праведника кромѣ Езекіи хорошо идетъ и къ Давиду; но сходство это не есть естественное слѣдствіе отвлеченной поэтической общности представленнаго образа,—потому что въ такомъ случаѣ онъ такъ же хорошо долженъ бы былъ походить и на многихъ другихъ праведниковъ, съ которыми однако очень немного имѣетъ общаго,—но происходитъ отъ того, что исторія Езекіи представляетъ нѣкоторое сходство съ исторіею Давида, который также во всѣхъ путяхъ своихъ охраняемъ былъ Господомъ, не разъ испытывалъ Божію помощь въ избавленіи народа отъ многочисленныхъ враговъ и по своей молитвѣ видѣлъ сохраненіе себя и Іерусалима отъ страшной язвы, истребившей 70 тысячъ его подданныхъ [1]). Но если такимъ образомъ представленное псалмопѣвцемъ изображеніе праведника и не лишено сходства съ Давидомъ, то въ тоже время нельзя не видѣть, что вполнѣ оно соотвѣтствуетъ только историческому образу Езекіи: потому что о немъ только можно сказать, что онъ видѣлъ истребленіе язвою десятковъ тысячъ враговъ въ возмездіе за ихъ нечестіе (ср. ст. 7—8), такъ какъ при Давидѣ пали отъ язвы не враги его, а по его же винѣ непричастные его грѣху его подданные (ср. 2 Ц. 24, 17),—и едва ли можно допустить, чтобъ въ примѣръ охраненія праведника отъ

---

[1]) Можетъ быть это сходство съ Давидомъ и дало LXX-ти основаніе надписать 90-й псаломъ именемъ Давида. Во всякомъ случаѣ на основаніи этого сходства многіе изъ новѣйшихъ толкователей полагали, что 90 псаломъ написанъ Давидомъ по случаю избавленія отъ моровой язвы (Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1175, 1176 и 1183). Подобнымъ образомъ другіе толкователи Пс. 91-й считали благодарственною пѣснію Давида по усмиреніи Авессаломова возстанія (тамъ же p. 1195 и 1199).

язвы псалмопѣвецъ могъ избрать Давида, который своимъ собственнымъ преступленіемъ предъ Богомъ навлекъ на народъ свой такое страшное бѣдствіе. Вообще отношеніе разсматриваемыхъ псалмовъ, особенно 90-го, къ исторіи Езекіи не можетъ подлежать сомнѣнію, и вопросъ собственно въ томъ только, былъ ли писатель ихъ современникомъ Езекіи, или же онъ жилъ въ позднѣйшія времена и воспѣвалъ благочестіе этого царя и Божіе покровительство къ нему на основаніи лишь дошедшихъ до него историческихъ повѣствованій о его царствованіи? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, по недостатку какихъ либо болѣе или менѣе опредѣленныхъ данныхъ для его рѣшенія, дать нельзя; но кажется вѣроятнѣе принять первое предположеніе, что псалмы написаны были еще при жизни Езекіи, подъ живымъ впечатлѣніемъ тогдашнихъ современныхъ событій, или по крайней мѣрѣ недолго спустя послѣ него, когда вслѣдъ за его смертію начавшійся упадокъ благочестія и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣна дѣлъ къ худшему естественно обращали взоръ благочестиваго пѣвца къ недавнему прошлому и требовали оживить его въ памяти современниковъ для ихъ назиданія. Во времена позднѣйшія, когда въ глазахъ псалмопѣвца были другіе ближайшіе примѣры благочестія (Іосіи, Даніила, Мардохея, Нееміи), а въ современныхъ обстоятельствахъ не представлялось ничего подобнаго бывшему при Езекіи чудесному охраненію Іерусалима отъ губительной язвы и истребленію отъ нея Ассирійскаго войска, на что въ псалмѣ 90 всего болѣе обращается вниманія, едва ли возможно указать какое либо основательное побужденіе для псалмопѣвца изъ многочисленныхъ примѣровъ благочестія въ израильской исторіи остановиться именно на одномъ изъ отдаленнѣйшихъ отъ его современниковъ—примѣрѣ Езекіи. Точно также нельзя указать и другихъ какихъ либо признаковъ позднѣйшаго происхожденія. Надписаніе 91 псалма: «пѣснь на день субботный», принимаемое нѣкоторыми какъ свидѣтельство его послѣплѣннаго происхожденія, [1]) и употребленіе въ 1 Макк. (9, 23) выраженія, сходнаго съ 8 стихомъ этого псалма, на которое защитники гипотезы о Маккавейскихъ псалмахъ указываютъ въ доказательство

---

[1]) См. Abfassungszeit des Psalters v. Ehrt. Lpz. 1869. S. 55 и 136. Ко времени возстановленія Іерусалима послѣ плѣна относитъ эти псалмы и Ewald (Dichter d. A. B. I. S. 2, 404 и 428).

принадлежности его къ Маккавейскому періоду [1]), свидѣтельствуютъ только лишь о томъ, что псаломъ этотъ во времена втораго храма находился уже въ богослужебномъ употребленіи [2]), и что, подобно 78 псалму (ср. 1 Макк. 7, 17), былъ извѣстенъ писателю 1 Макк. книги, но, точно также какъ и замѣчаемыя въ обоихъ псалмахъ подражанія древнѣйшимъ пѣснямъ и другимъ священнымъ писаніямъ [3]), нисколько не говорятъ противъ нашего предположенія о времени происхожденія. Чистота языка, богатство и свѣжесть образовъ, легкое и живое поэтическое изложеніе этихъ псалмовъ, свойственныя лучшей эпохѣ псалмопѣнія, также не позволяютъ низводить ихъ далѣе вѣка Исаіи.

Слѣдующіе затѣмъ *8 псалмовъ, 92—99, по содержанію своему представляютъ какъ бы поэтическое переложеніе пророчествъ Исаіи о вѣчномъ, всемірномъ царствѣ Божіемъ* (гл. 40—66). Это сходныя между собою утѣшительно-хвалебныя пѣсни Господу, всемогущему, страшному и праведному Владыкѣ вселенной, предвозвѣщающія приближающееся откровеніе славнаго царства Его надъ всѣми, дотолѣ враждебными Израилю народами земными, и призывающія всѣ концы земли и всю неразумную природу торжествовать наступающее спасеніе Іеговы и славить святое имя Его. Какъ далеко простирается сходство ихъ между собою и какъ близко отношеніе ихъ къ пророчествамъ Исаіи, можно видѣть изъ того, что всѣ они излагаютъ одни и тѣ же мысли пророка и часто буквально или почти буквально повторяютъ его слова и выраженія. «Господь царствуетъ» (Пс. 92, 1. 95, 10. 96, 1. 97, 6. 98, 1; ср. Ис. 52, 7. 43, 15); «Онъ облеченъ величіемъ и могуществомъ» (Пс. 92, 1. 95, 6; ср. Ис. 51, 9. 59, 17. 63, 1). «Воспойте Господу новую пѣснь» (Пс. 95, 1. 97, 1. 99, 1; ср. Ис. 42, 10); «воздайте славу

---

[1]) Hitzig, Lengerke, Olshausen и др.

[2]) Ср. Delitzsch'a Die Psalmen S. 23 и 564.

[3]) Втор. 32 и 33. Руѳ., Притч., Ис., Пѣс. 2, 49, 72 и т. п. Само собою разумѣется, что тѣ, которые не признаютъ за этими писаніями древности происхожденія, каковы всѣ защитники гипотезы о Маккавейскихъ псалмахъ, въ подражаніи имъ разсматриваемыхъ псалмовъ видятъ лишь подтвержденіе предвзятой своей мысли о принадлежности ихъ къ Маккавейскому времени. Ср. Lengerke—Die 5 Bb. d. Psalmen. Kngsb. 1847. S. 504 ff.

имени Его» (Пс. 95, 8. 99, 4; ср. Ис. 42, 12): «ибо Онъ явилъ спасеніе Свое, открылъ предъ глазами народовъ правду Свою» (Пс. 97, 2. 95, 2[6]; ср. Ис. 51, 5. 6. 8); «всѣ концы земли видѣли спасеніе Бога нашего» (Пс. 97, 3; ср. Ис. 52, 10). «Да веселятся небеса, да торжествуетъ земля; да шумитъ море и что наполняетъ его; да радуется поле и все, что на немъ, да ликуютъ всѣ дерева дубравныя» (Пс. 95, 11—12); «да рукоплещутъ рѣки, да ликуютъ вмѣстѣ горы предъ лицемъ Господа» (Пс. 97, 4. 7. 8. 96, 1; ср. Ис. 42, 10—11. 44, 23. 49, 13. 55, 12—13): «ибо идетъ судить землю; Онъ будетъ судить вселенную по правдѣ и народы по истинѣ Своей» (Пс. 95, 10. 13. 97, 9. 98, 4. 93, 2. 15; ср. Ис. 40, 10. 42, 1—4. 13. 51, 5. 63, 1[6]).—И вообще, всѣ эти псалмы, составляя поэтическое изложеніе мыслей Исаіи пророка о вѣчномъ всемірномъ царствѣ Іеговы, до того переплетаются между собою буквально или близко сходными съ употребляемыми у него образами и выраженіями, что,—если нѣкоторые изъ этихъ и другихъ образовъ и выраженій и встрѣчаются въ другихъ древнѣйшихъ или позднѣйшихъ писаніяхъ,—во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣ они принадлежатъ одному времени и писателю и были составлены имъ подъ вліяніемъ пророчествъ Исаіи и по подражанію имъ. Отсюда естественное слѣдствіе, что *они не могли быть написаны ранѣе времени Исаіи пророка, или точнѣе говоря, — ранѣе происхожденія послѣдней части его пророчествъ* (40—66 гл.), и такимъ образомъ сама собою очевидна несостоятельность мнѣнія какъ тѣхъ изъ древнихъ толкователей, которые, слѣдуя раввинскому преданію, что псалмы безъ надписаній принадлежатъ писателямъ, названнымъ въ надписаніяхъ предшествующихъ имъ псалмовъ, вмѣстѣ съ 90 и 91 псалмами приписывали ихъ писателю 89-го псалма, пророку Моисею [1]),—такъ равно и мнѣнія тѣхъ, которые вмѣстѣ съ LXX-ю приписывали ихъ Давиду [2]),

---

[1]) Таковы: Оригенъ, Иларій и Іеронимъ. См. выше о Пс. 89 стр. 109.

[2]) Таковы всѣ прочіе отцы и учители церкви, занимавшіеся изъясненіемъ Псалтири, и за ними многіе изъ позднѣйшихъ толкователей. Къ числу ихъ принадлежатъ и наши отечественные изслѣдователи Псалтири: Преосв. Ириней Псковскій и прот. Павскій. Послѣдній впрочемъ съ увѣренностію называетъ Давидовыми псалмами только Пс. 94 и 95, а о прочихъ псалмахъ разсматриваемой группы ограничивается неопре-

можетъ быть первоначально на томъ основаніи, что нѣкоторые изъ образовъ и выраженій, заимствованныхъ по нашему мнѣнію ближайшимъ образомъ у Исаіи пророка, встрѣчаются уже въ псалмахъ Давида и слѣдовательно самого Давида имѣли первоначальнымъ своимъ источникомъ и писателемъ [1]). Послѣднее, впрочемъ, мнѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія: такъ какъ въ подтвержденіе достовѣрности его указываютъ на два, повидимому, прямыя свидѣтельства самаго Свящ. Писанія: а) на свидѣтельство св. Апостола Павла въ посл. къ Евреямъ, гдѣ приводятся изъ 94-го псалма послѣдніе четыре стиха (Евр. 3, 7—11 и 4, 5. 7) съ такого рода замѣчаніемъ, что такъ «въ Давидѣ Духъ святый глаголетъ (ἐν Δαβὶδ λέγων, т. е. τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον, какъ гл. 3, 7 или: ὁ Θεὸς, (δς) τινὰ ὁρίζει ἡμέραν и проч. какъ гл. 4, 4. 7): и б) на свидѣтельство 1 кн. Парал, въ которой (16, 23—33) 95-й псаломъ читается какъ составная часть пѣсни, данной Давидомъ для славословія Господу послѣ поставленія ковчега завѣта въ новоустроенной скиніи въ Іерусалимѣ (1 Пар. 16, 7). Но относительно перваго свидѣтельства мы уже имѣли случай замѣтить, что, по точному буквальному его смыслу и принятому въ новозавѣтныхъ писаніяхъ словоупотребленію, оно совершенно равносильно выраженію: «говоритъ Богъ или Духъ святый въ книгѣ, называемой Давидъ» (ἐν βίβλῳ καλουμένῃ Δαβὶδ), или что тоже: «въ Книгѣ Псалмовъ» (ἐν βίβλῳ ψαλμῶν, какъ въ Дѣян. 1, 20), и если въ этомъ смыслѣ и можетъ быть указываемо, какъ доказательство того, что вообще большая часть пѣсней Псалтири изречены были царемъ Давидомъ, то въ частности, въ приложеніи къ вопросу о писателѣ цитуемаго 94-го псалма, само по себѣ ничего не говоритъ и не доказываетъ [2]). А что касается свидѣтельства 1 кн. Паралип., то болѣе или менѣе подробный разборъ еврейскаго, или даже не еврейскаго, а какого

дѣленнымъ замѣчаніемъ, что они «не могутъ принадлежать временамъ, предшествующимъ Давиду, но временамъ Давида и послѣдующимъ—совершенно приличны». Обозр. Пс. стр. 33.

[1]) Ср. Пс. 92, 1 и пр. съ Пс. 102, 19; Пс. 95, 1 и пр. съ Пс. 32, 3; 97, 5 съ Пс. 32, 2; 96, 12 съ 32, 1; 95, 7—8 съ Пс. 28, 1—2; Пс. 95, 10. 13. 97, 9 съ Пс. 9, 9; 98, 1 и пр. съ Пс. 32, 8; 92, 3 съ 64, 8; 99, 2 съ 2, 11.

[2]) См. выше стр. 187.

либо переводнаго текста приводимой тамъ подъ именемъ Давида пѣсни и сличеніе ея по таковому же тексту съ входящими въ составъ ея пѣснями Псалтири,—Пс. 104-мъ (ст. 1—15 ср. 1 Пар. 16, 8—22), 95-мъ (ст. 1—13 ср. 1 Пар. 16, 23—33) и 105-мъ (ст. 1. 47 и 48 ср. 1 Пар. 16, 34, 35 и 36), [1]) даже и неглубокому знатоку филологическихъ и другихъ тонкостей построенія ветхозавѣтныхъ поэтическихъ произведеній ясно даютъ понять, что это не есть первоначальная цѣльная пѣснь, изъ которой будто бы позднѣйшимъ собирателемъ выдѣлены были названные нами псалмы, какъ три отдѣльныя пѣсни, а напротивъ того сама представляетъ позднѣйшую композицію изъ трехъ послѣднихъ пѣсней, части которыхъ соединены лишь внѣшнимъ образомъ и легко различаются при чтеніи (ср. переходы отъ ст. 22 къ 23-му и отъ 33-го къ 34-му). Конечно, составленіе одной новой пѣсни изъ двухъ или трехъ прежде составленныхъ пѣсней само по себѣ еще ничего не говоритъ ни за, ни противъ принадлежности каждой ли изъ нихъ порознь, или всѣхъ вмѣстѣ царю Давиду, подъ именемъ котораго приводится такая пѣснь въ кн. Паралипоменонъ, тѣмъ болѣе, что подобнаго же рода пѣсни, составленныя изъ прежнихъ, существуютъ между псалмами несомнѣнно Давидовыми (Псс. 107, 52 и 69) [2]). Но дѣло въ томъ, что въ пѣсни, приводимой въ кн. Пар., мы видимъ ясные слѣды позднѣйшаго ея происхожденія. Таковы богослужебныя формулы славословія Богу: «аллилуіа» (ст. 36) и «исповѣдайтеся Господу: ибо Онъ благъ, ибо вѣчна милость Его» (ст. 34), — изъ которыхъ о первой самыя раннія свидѣтельства находимъ мы только въ кн. Паралипоменонъ и Ездры, а о послѣдней—въ тѣхъ же книгахъ и еще у Іереміи пророка (33, 11), и которыхъ происхожденіе поэтому всѣ ученые изслѣдователи іудейскихъ древностей не возводятъ ранѣе послѣдняго времени существованія Іудейскаго царства предъ наступленіемъ плѣна Вавилонскаго [3]). Особенно же таково молитвенное обращеніе псалмопѣвца

---

[1]) Подробный ученый разборъ этой пѣсни по еврейскому ея тексту можно видѣть въ сочиненіи Ehrt'a Abfassungszeit des Psalter's Lpz. 1869. S. 43 — 51. Ср. также Delitzsch zu den Ps. 105, 96 и 106, Riehm, Köller и др.

[2]) См. выше объ этихъ Пс. стр. 264—265.

[3]) Zunz. Gottesdienstl. Vortr. S. 22 ff; Delitzsch, Die Psalmen S. 23

къ Богу въ заключеніи пѣсни, ясно указывающее на пребываніе Іудеевъ плѣну, въ разсѣяніи между народами: «спаси насъ, Боже, Спаситель нашъ! Собери насъ и избавь насъ отъ народовъ, да славимъ святое имя Твое, и да хвалимся славою Твоею» (ст. 35)! Очевидно, что пѣснь съ подобнаго рода хронологическими указаніями никакъ не можетъ принадлежать царю Давиду, а равно и всякому другому писателю, жившему ранѣе наступленія плѣна Вавилонскаго. Новѣйшіе раціоналисты обыкновенно пользуются этимъ выводомъ для доказательства недостовѣрности книгъ Паралипоменонъ и совершеннаго произвола древнихъ іудейскихъ писателей въ опредѣленіи писателей и времени происхожденія псалмовъ. Мы, конечно, далеки отъ подобнаго рода заключеній и скорѣе готовы сознаться, что не знаемъ настоящаго смысла того выраженія писателя Паралипоменонъ, въ которомъ видятъ свидѣтельство о принадлежности слѣдующей затѣмъ пѣсни царю Давиду. Очень можетъ быть, что словами: «въ этотъ день (т. е. перенесенія ковчега завѣта въ Сіонскую скинію) Давидъ, въ первый разъ, далъ (псаломъ) для славословія Господу чрезъ Асафа и братьевъ его» (ст. 7),—писатель Паралипоменонъ хотѣлъ выразить только мысль, что съ того дня Давидъ установилъ пѣніе хвалебныхъ и другихъ священныхъ пѣсней при богослуженіи въ скиніи и такимъ образомъ на всѣ послѣдующія времена положилъ начало развитію священнаго псалмопѣнія, въ примѣръ котораго далѣе и привелъ наиболѣе извѣстныя въ свое время пѣсни, какъ непосредственный плодъ того же Давидова установленія и выраженіе сущности обязанной ему своимъ происхожденіемъ, безъ сомнѣнія, приходившей уже тогда къ концу, цѣлой «Книги Хваленій Господу» [1]). Быть можетъ также, что приведеніемъ въ примѣръ установленнаго нѣкогда Давидомъ псалмопѣнія священныхъ пѣсней изъ своего времени, которыя, или подобныя которымъ недавно еще пѣлись при подобномъ описываемому торжествѣ освященія втораго храма (.... הודו ליהוה и התהללו בשם קדשו и проч. ст. 8. 10. 34. 36 ср. Ездр. 3, 11. Неем. 12, 27—46), историкъ имѣлъ въ виду дать своимъ совре-

---

и 618 ff. и др. Ср. также прим. къ русск. перев. Іереміи гл. 33, 11 ст. при Тр. К. Д. Акад.

[1]) Ср. подобное мнѣніе у Hengstenberg'a на Пс. 106.

мениикамъ возможность по этому знакомому примѣру живѣе представить себѣ описываемое отдаленное отъ нихъ торжество освященія Сіонской скиніи, когда въ первый разъ раздались непрекращавшіяся уже потомъ пѣсни хвалы и славословія Господу. Справедливы или нѣтъ наши догадки, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что приведенныя нами слова писателя Паралипоменонъ: «въ этотъ день Давидъ съ первый разъ далъ (псаломъ) для славословія Господу», — нельзя понимать въ смыслѣ свидѣтельства о томъ, что слѣдующая за ними пѣснь написана была Давидомъ. Это показываетъ намъ уже совершенно необычное въ другихъ случаяхъ отсутствіе всякой грамматической связи ихъ съ послѣдующею пѣснею, и особенно отсутствіе въ нихъ послѣ управляющаго глагола: «*далъ* (נָתַן)» опредѣляющаго имени: «*пѣсни*» или «*псаломъ*», и указательнаго къ нему мѣстоименія: «*сей*» (далъ сію пѣснь или псаломъ—נָתַן אֶת־הַשִּׁירָה הַזֹּאת[1]), чего бы непремѣнно нужно было ожидать, если бы слѣдующая далѣе пѣснь принадлежала Давиду, и какъ это признаютъ всѣ переводчики и толкователи, думающіе приписывать ее Давиду, обыкновенно читая для этой цѣли вышеприведенныя слова Паралип. не иначе, какъ съ дополненіемъ недостающаго опредѣленія: «въ тотъ день Давидъ въ первый разъ далъ *эту* или *слѣдующую* пѣснь для славословія Господу»... [2]) Тоже подтверждаютъ намъ и LXX и другіе древнѣйшіе переводчики, которые, не смотря на допускаемое ими

---

[1]) Подобныя опредѣляющія слова мы находимъ вездѣ въ Свящ. Писаніи, гдѣ имѣлось въ виду указать писателя слѣдующей далѣе пѣсни или изрѣченія, и гдѣ такая пѣснь и изрѣченіе не приводятся только случайно въ примѣръ, а имѣютъ непосредственную историческую связь съ лицами и событіями, о которыхъ шла рѣчь. Ср. Исх. 15, 1 (евр.); 20. 1; 21, 1. Втор. 31, 30. 32, 44. 33, 1. 2 Ц. 1, 17. 22, 1. 23, 1. Пс. 18, 1 (евр.). Мало того священные историческіе писатели, при указаніи лицъ, которымъ принадлежитъ извѣстная пѣснь или изрѣченіе, по особенному свойству еврейскаго языка, обыкновенно не довольствуются еще одними вышеприведенными опредѣляющими словами, а приступая къ самой пѣсни или изрѣченію, прибавляютъ еще: *и онъ сказалъ*, или: *они сказали* (см. вышеприведенныя цитаты).

[2]) Каковы напр. переводы: Павскаго, Архимандрита Макарія и Гуляева (въ Ист. кн. Свящ. Писанія).

надписаніе 95 псалма именемъ Давида, переводитъ вышеприведенныя слова Паралипоменонъ внѣ всякой связи ихъ съ послѣдующею пѣснію, какъ бы въ нихъ заключалась только мысль объ учрежденіи Давидомъ священной музыки и пѣнія при богослуженіи въ скиніи, и не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы приводимая далѣе пѣснь принадлежала Давиду или что она была воспѣта при описываемомъ событіи [1]). Особенно же это слѣдуетъ заключать изъ того, что содержаніе пѣсни, приводимой въ кн. Паралипоменонъ, какъ выше было показано. такъ ясно указываетъ на времена плѣна, а писатель названной книги такъ близко жилъ къ этому времени, что ошибочное усвоеніе ея столь раннему писателю, какъ царь Давидъ, представляется рѣшительно невозможнымъ. Такимъ образомъ мнимо-ясныя свидѣтельства Писанія о томъ, что псалмы 94 и 95 написаны были Давидомъ, на самомъ дѣлѣ вовсе не заключаютъ въ себѣ и мысли о ихъ писателѣ или времени происхожденія, и мы должны остаться при выше высказанномъ мнѣніи, что они, какъ и всѣ прочіе сродные съ ними псалмы, 92, 93 и 96—99, по времени своего написанія не восходятъ ранѣе происхожденія пророчествъ послѣдней части книги Исаіи пророка. Однако свидѣтельство книги Паралипоменонъ, не доказывая болѣе ранняго происхожденія 95, а вмѣстѣ съ нимъ и всей группы сродныхъ съ нимъ 92 — 99 псалмовъ, имѣетъ для насъ то важное значеніе, что яснѣйшимъ образомъ опровергаетъ попытки тѣхъ толкователей и ученыхъ, которые хотятъ низводить составленіе этихъ псалмовъ къ позднѣйшему, Маккавейскому времени [2]). Мы видимъ изъ него, что при написаніи книгъ Парали-

---

[1]) Ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ, τότε ἔταξε Δαβὶδ ἐν ἀρχῇ τοῦ αἰνεῖν τὸν Κύριον ἐν χειρὶ Ἀσάφ, καὶ τῶν ἀδελφῶν αὐτοῦ. Такъ точно и нашъ славянскій: «Въ той день устрои Давидъ въ началѣ хвалити Господа рукою Асафа и братіи его». Въ такомъ смыслѣ переводятъ эти слова и русскій переводъ въ Христ. чт. и всѣ новѣйшіе иностранные переводы Библіи и, кажется, что такой переводъ, засвидѣтельствованный древнѣйшимъ и священнымъ авторитетомъ LXX и вполнѣ согласный съ нынѣшнимъ еврейскимъ текстомъ, и слѣдуетъ признать единственно вѣрнымъ переводомъ.

[2]) Какъ Hitzig'a, Olshausen'a, Lengerke и проч.. по мнѣнію которыхъ псалмы эти относятся къ тому времени, когда послѣ побѣдъ Іуды

поменонъ, обыкновенно и по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ приписываемыхъ послѣ-плѣнному священнику Ездрѣ [1]),—псалмы эти уже существовали и находились въ богослужебномъ употребленіи. Это подтверждаетъ намъ и сохранившееся въ переводѣ LXX надписаніе 95 псалма: «*внегда домъ созидашеся по плѣненіи* (ὅτε ὁ οἶκος ᾠκοδομεῖτο—въ другихъ: ᾠκοδόμηται μετὰ τὴν αἰχμαλωσίαν)» [2]), показывая въ тоже время, что 95 Пс. существовалъ и употреблялся при богослуженіи уже нѣсколько ранѣе написанія книги Паралипоменонъ, именно вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна, при созданіи и освященіи втораго храма Іерусалимскаго, какъ объ этомъ отчасти можно догадываться изъ того уже, что писатель Паралипоменонъ приводитъ его между избранными имъ пѣснями своего времени по поводу описанія подобнаго же, хотя и древнѣйшаго событія,—освященія Сіонской скиніи. Поэтому слѣдуетъ предположить, что разсматриваемая нами группа псалмовъ составлена была или вскорѣ послѣ плѣна въ благодарность Богу за дарованіе свободы, или же въ продолженіи самаго плѣна, или наконецъ въ

Маккавея надъ Антіоховымъ войскомъ открылась для Іудеевъ надежда на освобожденіе отъ зависимости языческимъ правителямъ и совершенное возвращеніе теократической свободы. Lengerke впрочемъ, чувствуя силу свидѣтельства книги Паралипоменонъ, дѣлаетъ исключеніе для псалма 95-го, считая его относительно древнѣйшимъ отголоскомъ пророчествъ Исаіи, а всѣ прочіе разсматриваемой группы позднѣйшими его подражаніями, только безъ всякаго на то основанія; потому что изъ сходства этихъ псалмовъ можно вывести одно лишь заключеніе, что всѣ они принадлежатъ одному писателю и времени, но нельзя указать между ними одинъ какой нибудь древнѣйшій оригиналъ для всѣхъ прочихъ.

[1]) См. выше стр. 306 и 372.

[2]) По свидѣтельству Калмета, тоже надписаніе въ нѣкоторыхъ древнихъ кодексахъ имѣетъ и псаломъ 97-й (евр. 98-й; см. его Comment. in h. Ps.). Кажется, о богослужебномъ употребленіи по возвращеніи изъ плѣна свидѣтельствуетъ и надписаніе Пс. 96-го: «егда земля его (Давидова), т. е. Іудейское царство, устроящеся» (Іерон.: возстановлялось, restituta est), въ какомъ смыслѣ понимаютъ его Ewald и Delitsch. Другіе впрочемъ думаютъ видѣть въ немъ указаніе на отношеніе псалма, къ возстановленію престола Давидова, потрясеннаго Авессаломомъ. См. Толк. Пс. Пр. Иринея Псковскаго.

предшествующій ему промежутокъ времени отъ написанія послѣдней части пророчествъ Исаіи, въ ожиданіи предвозвѣщеннаго пророкомъ наступленія всемірнаго царства Божія. Торжественно-хвалебный тонъ псалмовъ, по видимому, наиболѣе гармонируетъ съ временемъ возвращенія изъ плѣна [1]), когда Іудеи, освободившіеся, хотя и не вполнѣ, отъ рабства язычникамъ, въ сознаніи себя теократическою паствой и царствомъ Іеговы, дѣйствительно могли говорить о себѣ: «опять Господь царствуетъ; Онъ Богъ нашъ, и мы—народъ пастбы Его и овцы руки Его: вспомнилъ Онъ милость Свою къ Іакову, и вѣрность Свою къ дому Израилеву; явилъ (намъ) спасеніе Свое, открылъ предъ очами народовъ правду Свою» (Пс. 92, 1. 94, 7. 97, 2—3). Но среди прославленій Іеговы, какъ великаго Царя и Владыки вселенной, тамъ и здѣсь довольно ясно видно, что прославляемое всемірное царство Его еще не наступило, а составляетъ только предметъ ожиданій и надеждъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, которое если въ очахъ вдохновеннаго пѣвца и является какъ бы совершившееся или настоящее, то не какъ дѣйствительное, существующее, а только идеальное, созерцаемое. Прославляя всемірное царство Іеговы, псалмопѣвецъ въ тоже время даетъ замѣтить, что царство это не открылось еще, что Царь вселенной не пришелъ, но только придетъ еще судить вселенную по правдѣ, и народы по истинѣ Своей (Пс. 95, 10. 13. 97, 1. 9); восхваляя простирающееся на всѣ концы земли спасеніе Божіе, въ тоже время онъ представляетъ Израильтянъ еще только на пути къ покою, пророчески увѣщавая ихъ къ достойному принятію даруемаго спасенія (Пс. 94, 8—11); призывая всѣ народы и весь міръ къ ликованію предъ лицемъ Господа, Владыки вселенной, онъ незамѣтно даетъ при этомъ понять, что изображаемое имъ всемірное торжество наступитъ еще только въ будущемъ: «да ликуютъ *тогда...*» (Пс. 95, 12). Напротивъ того въ настоящемъ, не смотря на созерцаемое всеобщее совершеніе спасенія и славное

[1]) Мнѣніе это высказывали уже Беда и древній греческій парафрастъ у Кордерія и др. (Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1291). Тоже впослѣдствіи Calmet (См. объяс. на Псс. 98, 99 и 100 евр.) и изъ новѣйшихъ: Ewald (Dichter d. A. B. I, 2. S. 406 — 413), Delitzsch (Die Psalmen, 1867 S. 568), Ehrt (Abfassungszeit des Psalters S. 56) и др.

владычество Господа надъ всею вселенною, мы видимъ еще враждебное устремленіе языческаго міра противъ царства Божія, угрожающее попрать и истребить наслѣдіе Божіе, осквернить святыню дома Божія и на мѣстѣ святаго праведнаго престола Іеговы утвердить престолъ губительства и нечестія (Пс. 92, 1—3. 5. Пс. 93, 3—6. 16. 17. 20. 21). Но если устремленіе языческаго міра и грозило продолженію святыни дома Божія (Пс. 92, 3 и 5), то въ тоже время видно, что домъ Божій въ Сіонѣ не только существовалъ еще тогда со всею полнотою и торжественностію законнаго богослуженія (Пс. 95, 1. 2. 6. 8. 9. 94, 1. 2. 6, 98, 1—5. 9. 99, 2. 4. 97, 4—6), но что и Господь возсѣдалъ еще на херувимахъ и на святой горѣ совершалось поклоненіе подножію ногъ Его (Пс. 98, 1. 5), т. е. иначе сказать, въ Іерусалимскомъ храмѣ находился еще тогда ковчегъ завѣта, изображавшій собою царственный престолъ Господа, сѣдящаго на херувимахъ (ср. Исх. 25, 18—22. 1 Ц. 4, 4. 2 Ц. 6, 2. Ис. 37, 14—16. Пс. 79, 2), и подножіе ногамъ Его (ср. Пс. 131, 7—8. 1 Пар. 28, 2. Ис. 60, 13. Плач. 2, 1), какъ согласно понимали приведенныя выраженія почти всѣ древніе отцы и учители церкви и какъ объясняютъ ихъ большая часть и послѣдующихъ толкователей, не смотря на разногласіе во мнѣніяхъ относительно времени происхожденія, самыхъ псалмовъ и другихъ писаній, въ которыхъ такія выраженія встрѣчаются [1]). Все это вмѣстѣ естественно ведетъ къ заключенію, что разсматриваемые нами псалмы не могли быть написаны по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, когда Іерусалимъ и храмъ только еще возникали изъ своихъ развалинъ, а ковчегъ завѣта совсѣмъ уже не существовалъ и когда, не смотря на недоброжелательство и козни Самарянъ и нѣкоторыхъ персидскихъ областеначальниковъ, при покровительствѣ царей персидскихъ, не представлялось для Іудеевъ ничего подобнаго описывае-

---

[1]) См. св. Аѳанасія, бл. Ѳеодорита (на Пс. 79, 2), св. Златоуста (на Пс. 131, 7), Иларія и Евѳимія Зигабена (на Пс. 98, 5) и др. Точно также нашъ толкователь Псалмовъ Преосв. Ириней Псковскій (на Пс. 79, 3. 98, 5 и 131, 7), изъ иностранныхъ: Rudingerus, Bellarminus, Genebrardus, (на Пс. 79, 3 и 98, 2. 5,—въ Scr. S. curs. compl. ad. h. l.), O. v. Gerlach, Hengstenberg, Delitzsch (a. a. O.), Keil (на Исх. 25, 18—22) и мн. др.

мымъ въ псалмахъ опасностямъ порабощенія со стороны языческаго міра; равно какъ не могли быть написаны и во время самаго плѣна, когда престолъ губительства стоялъ уже въ наслѣдіи Господа, Іерусалимъ и храмъ лежали въ развалинахъ, а удаленные изъ отечества Іудеи въ чужой, Вавилонской странѣ не смѣли болѣе пѣть торжественныхъ пѣсней Сіонскихъ. Судя по тому же торжественно-хвалебному тону псалмовъ, а равно по представляющемуся въ ихъ содержаніи весьма утѣшительному тогдашнему состоянію вѣры, благочестія и богослуженія въ іудейскомъ народѣ и наконецъ по совершенному отсутствію какихъ либо намековъ на опустошеніе Іудеи, разрушеніе Іерусалима и храма, кровопролитія или плѣненія,—нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что они не могутъ относиться и ко времени послѣднихъ нечестивыхъ царей Іудейскихъ отъ Іоахаза до Седекіи и бывшихъ тогда почти непрерывныхъ опустошеній Іудейскаго царства Египтянами, Халдеями и другими народами, пока наконецъ при послѣднемъ изъ названныхъ царей не былъ положенъ конецъ его существованію [1]). Если при этомъ предположимъ, что послѣдняя часть пророчествъ Исаіи, по подражанію которымъ составлены разсматриваемые псалмы, написана была пророкомъ въ старости его, въ послѣднее время царствованія Езекіи или при Манассіи, то *составленіе псалмовъ*, въ виду вышеуказанныхъ признаковъ времени происхожденія, *слѣ-*

[1]) Напротивъ того св. Аѳанасій о 93 Пс. высказываетъ догадку, что онъ относится (хотя только въ пророческомъ смыслѣ) къ разрушенію Іерусалима Халдеями. Впрочемъ догадка эта основывается на одномъ только своеобразномъ пониманіи встрѣчающагося у LXX и въ другихъ переводахъ надписанія псалма: «въ четвертый день недѣли (τετράδι Σαββάτου)», подъ которымъ св. отецъ разумѣетъ «четвертый мѣсяцъ», т. е. 11 года царствованія Седекіи, «когда начались бѣдствія града Божія, осажденнаго Вавилонянами, какъ повѣствуетъ о семъ Іеремія (39, 2)». Въ Талмудѣ (6. Erachin 11a) также сохраняется преданіе, что 94 (LXX:—93) Пс. пѣтъ былъ левитами при разрушеніи Іерусалима Халдеями; но тогда ли онъ былъ написанъ или же ранѣе, а къ тому времени находился въ богослужебномъ употребленіи, — преданіе о томъ умалчиваетъ. Но, кажется, что преданіе это произошло изъ того же источника, какъ и вышеприведенное мнѣніе св. Аѳанасія, а потому и не можетъ имѣть значенія въ отношеніи къ вопросу о времени написанія псалма.

дуетъ полагать или въ послѣдніе годы царствованія Манассіи [1]), *когда онъ по возвращеніи изъ постыднаго плѣна своего въ Вавилонѣ*, куда отведенъ былъ вторгнувшимися въ его царство ассирійскими военачальниками, отвергнувъ прежнее идолопоклонство и нечестіе, *возстановилъ служеніе истинному Богу* (2 Пар. 33. 15—16), *или же въ царствованіе благочестиваго Іосіи, когда совершено было полное возстановленіе завѣта съ Богомъ* и законное богослуженіе опять явилось во всей своей торжественности, какъ оно устроено было царемъ Давидомъ и Соломономъ, сыномъ его (4 Ц. 23, 1—25. 2 Пар. 34, 30—35; 18). Къ какому именно изъ двухъ пунктовъ времени слѣдуетъ относить составленіе этихъ псалмовъ съ опредѣленностію рѣшить нельзя, *но кажется вѣроятнѣе полагать, что они воспѣты были въ царствованіе Іосіи*. Къ этому располагаетъ съ одной стороны то, что Іосія, по свидѣтельству исторіи, гораздо болѣе, чѣмъ раскаявшійся Манассія, прилагалъ попеченія и имѣлъ успѣха въ возстановленіи истиннаго богопочтенія (ср. 2 Пар. 33, 17 и 4 Ц. 23, 25—26),—при чемъ особенное обращалъ вниманіе на приведеніе богослужебной музыки и пѣнія въ первоначальное ихъ состояніе, въ какое они поставлены были царемъ Давидомъ (2 Пар. 35, 15), и тѣмъ, конечно, не мало содѣйствовалъ развитію въ его царствованіе псалмопѣнія, какъ объ этомъ можно судить по упоминанію въ исторіи его времени о пѣвцахъ и пѣвицахъ, которыхъ плачевныя пѣсни на смерть благочестиваго царя, наравнѣ съ такою же пѣснію Іереміи пророка, еще во времена писателя Паралипоменонъ находились въ употребленіи у Израиля (2 Пар. 35, 25). Съ другой стороны время Іосіи представляло собою наибольшую потребность въ подобнаго рода утѣшительныхъ пѣсняхъ. Въ виду постепенно возрастающаго могущества и завоевательныхъ стремленій съ одной стороны Египта, съ другой—Вавилона, при нравственно-политическомъ разслабленіи царства Іудейскаго, лучшіе и внимательнѣйшіе представители сего послѣдняго не могли не чувствовать приближенія вполнѣ заслуженнаго ихъ соотечественниками угнетенія и порабощенія со стороны языческаго міра, нечестію котораго подражали они. При пробудившемся созна-

[1]) Какъ полагаетъ Bunsen о Пс. 94 (LXX: 93) въ Bibelwerk, Bd. VI. Abth. 2, Thl. 2, S. 611.

нiи своей виновности предъ Богомъ и начавшемся религiозномъ возбужденiи, такое предчувствiе приближающейся опасности естественно могло въ нѣкоторыхъ болѣе робкихъ сердцахъ переходить въ тяжелое, подавляющее чувство страха наказанiя Божiя, нуждающееся въ особенномъ божественномъ утѣшенiи. Въ такомъ именно состоянiи исторiя и представляетъ намъ царя Iосiю. Послѣ прочтенiя забытой прежде книги закона, онъ приходитъ въ ужасъ предъ страшными казнями, какими угрожаетъ Богъ преступникамъ Его закона, и старается снискать утѣшенiе себѣ и своему народу въ откровенiи воли Божiей. «Пойдите, вопросите Господа за меня и за оставшихся у Израиля и за Iуду о словахъ книги (закона); потому что великъ гнѣвъ Господа, который воспылалъ на насъ за то, что не соблюдали отцы наши слова Господня, чтобы поступать по всему, написанному въ книгѣ сей» (2 Пар. 34, 21). Понятно, что при такомъ состоянiи болѣе, чѣмъ когда либо, умѣстно было напомнить Iудеямъ утѣшительныя пророчества Исаiи о вѣчномъ и всемiрномъ царствѣ Божiемъ, въ виду котораго для вѣрныхъ чадъ Израиля не страшны враждебныя стремленiя языческаго мiра (Пс. 92, 1—4. 93, 14—23); потому что пришествiе Судiи и Царя-Господа страшно лишь для непокорныхъ (Пс. 96, 3—7. 95, 13), а для любящихъ Его оно—радость и веселiе, въ которыхъ и должны нѣкогда принять участiе всѣ народы и царства земныя (Пс. 96, 10—12. 95, 1—10. 97, 1—8 и пр.). Такое напоминанiе являлось тѣмъ необходимѣе для Iудеевъ, что, вмѣстѣ съ утѣшенiемъ, оно служило имъ урокомъ и предостереженiемъ въ виду предстоящаго испытанiя не слѣдовать непослушанiю отцовъ своихъ, какъ въ день искушенiя въ пустынѣ, чтобы избѣжать грознаго, пламеннаго гнѣва Божiя, пожирающаго всѣхъ враговъ Его, и не лишиться участiя въ покоѣ и веселiи, которые уготованы въ грядущемъ царствѣ Iеговы для любящихъ Его (Пс. 94, 8—11. 96, 1—7. 93, 1—2. 23. 98, 1. 4. 8 и пр.). На сколько подобныя напоминанiя свойственны были времени Iосiи, видно уже изъ того, что почти тѣ же мысли утѣшенiя и вразумленiя слышатся и въ отвѣтѣ пророчицы Олдамы на вопросъ царя Iосiи, какая судьба ожидаетъ его и народъ его въ будущемъ. Она также возвѣщаетъ, что «гнѣвъ Божiй воспылалъ» на землю Iудину за беззаконiя ея «и не погаснетъ»; но благочестiе царя предотвращаетъ на время угрожающее наказанiе Божiе и «глаза его

не увидятъ того бѣдствія, которое наведетъ Господь» на царство его (4 Ц. 22, 17—20). Если еще принять во вниманіе, что около того же времени пророкъ Аввакумъ съ поражающею ясностію предъизобразилъ угрожающее Іудеямъ наказаніе Божіе въ опустошительномъ нашествіи Халдеевъ и въ тоже время пророчески воспѣлъ грозное для нечестивыхъ и спасительное для вѣрующихъ величественное явленіе Господа, какъ Царя и Судіи всего міра;—что подобныя же мысли мы встрѣчаемъ и у другаго современнаго Іосіи пророка Софоніи, и что наконецъ оба эти пророка въ нѣкоторой, хотя и меньшей степени, подобно разсматриваемымъ нами псалмамъ, и по мыслямъ и по выраженію напоминаютъ собою Исаію пророка [1]): то становится вполнѣ вѣроятнымъ, что и наши псалмы принадлежатъ тому же времени царствованія Іосіи, представляя собою вполнѣ естественный и сообразный съ тогдашними обстоятельствами лирическій отголосокъ и повтореніе того, что еще задолго до того изречено было Исаіею, но что потомъ не разъ повторяемо было современными пророками въ утѣшеніе и назиданіе іудейскаго народа, быстрыми шагами шедшаго на встрѣчу своему политическому паденію и тяжкихъ страданій порабощенія язычниками [2]).

Заключеніе относительно времени происхожденія 95 и сродныхъ съ нимъ псалмовъ, выведенное нами изъ разсмотрѣнія пѣсни, при-

---

[1]) Ср. Аввак. 2, 14 съ Ис. 11, 9; ст. 16 съ Ис. 51, 17;—3, 6 съ Ис. 2, 12—17. 41, 15—16. 54, 10. 63, 19;—ст. 8б съ Ис. 66, 15—16;—ст. 11 съ Ис. 13, 10;—ст. 12 съ Ис. 63, 3. 6;—ст. 13 съ Ис. 51, 5. 62, 11;—ст. 18 съ Ис. 61, 10;. Соф. 3, 8б съ Ис. 66, 15. 16;—ст. 9—10 съ Ис. 2, 2—3. 66, 18—20. 49, 1. 22. 56, 6—7;—ст. 11 съ Ис. 54, 4. 7. 44, 22—23;—ст. 12 съ Ис. 60, 21. 65, 25; ст. 14 съ Ис. 60, 1. 62, 11. 52, 1. 2. 9;—ст. 15 съ Ис. 40, 10. 43, 11. 52, 7;—ст. 17 съ Ис. 49, 26. 60, 16. 62, 5;—ст. 19—20 съ Ис. 49, 7—8. 60, 15. 61, 6—9 и проч.

[2]) Изъ толкователей псалмовъ мнѣніе это высказывали Hengstenberg и O. v. Gerlach, и то послѣдній нерѣшительно. Впрочемъ о Пс. 94 уже Василій В. и бл. Ѳеодоритъ замѣчали, что онъ относится къ обстоятельствамъ царствованія Іосіи, хотя отношеніе это они понимали только въ пророческомъ, а не въ историческомъ смыслѣ, полагая, что псаломъ написанъ былъ царемъ Давидомъ (см. бл. Ѳеод. на эт. Пс. и Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1239).

водимой писателемъ кн. Паралипоменонъ по поводу описанія торжества освященія Сіонской скиніи, естественно имѣетъ полную свою силу и при рѣшеніи вопроса о времени происхожденія и двухъ другихъ, входящихъ въ составъ этой пѣсни *псалмовъ 104 и 105-го*. Какъ извѣстные и находившіеся въ богослужебномъ употребленіи во времена написанія 1 кн. Паралипоменонъ, оба эти псалма, точно также какъ и Пс. 95, конечно, могли и должны были произойти на сколько нибудь ранѣе, а никакъ не позже написанія названной книги [1]), а съ другой стороны, по употребленію въ нихъ позднѣйшихъ богослужебныхъ формулъ славословія Богу: «славьте Господа, ибо Онъ благъ; ибо милость Его вѣчна» (Пс. 105, 1. 104, 1) и «аллилуіа» (Пс. 104, 45. Пс. 105 надп. и ст. 48), о которыхъ не упоминается раньше времени послѣднихъ царей іудейскихъ, не могутъ быть возводимы къ болѣе ранней порѣ Іудейскаго царства и тѣмъ болѣе ко времени Давидова царствованія [2]). Другихъ болѣе опредѣленныхъ признаковъ времени написанія въ содержаніи 104-го Пс. не находится, такъ что, при разсмотрѣніи его отдѣльно отъ Пс. 105-го, мы и должны бы были ограничиться сдѣланнымъ нами приблизительнымъ указаніемъ границъ. ранѣе или позже которыхъ нельзя возводить его происхожденія. Но псаломъ 104 по своему поучительно-историческому содержанію и характеру, равно какъ по

---

[1]) Не смотря однако на всю очевидность этого свидѣтельства, Hitzig и Olshausen упорно настаиваютъ на Маккавейскомъ происхожденіи 104—105 псалмовъ, относя ихъ ко времени, описанному въ 1 Макк. 9, 70—72, и соглашаются сдѣлать уступку въ пользу болѣе древняго происхожденія только приводимыхъ въ кн. Паралипоменонъ 1 — 15 ст. 104 псалма, которые, по ихъ мнѣнію, будто бы первоначально составляли отдѣльную самостоятельную пѣснь. Произвольность подобнаго выдѣленія первыхъ 15 стиховъ изъ цѣлаго состава псалма сама собою очевидна изъ тѣсной послѣдовательной связи ихъ со всѣмъ содержаніемъ псалма. Нашему толкователю псалмовъ Преосв. Иринею Псковскому также почему-то нравится относить 105 псалмовъ, «ко временамъ Антіоха, насильемъ котораго народъ по возвращеніи изъ плѣна паки разсѣянъ былъ» (см. изъясн. ст. 47), хотя отношеніе это онъ понимаетъ только въ пророческомъ смыслѣ, а написаніе псалмовъ 104 — 105 приписываетъ Давиду.

[2]) Какъ Преосв. Ириней Псковскій (см. предш. прим.) и Павскій (Обозр. Пс., стр. 28 и 34).

образу выраженія, находится въ тѣснѣйшей связи съ Пс. 105, который очевидно составляетъ продолженіе прерваннаго въ первомъ изложенія древней исторіи Евреевъ отъ исхода ихъ изъ Египта до плѣна Вавилонскаго (ср. Пс. 104, ст. 43—44 и Пс. 105 ст. 6 и 7 и дал.) [1]), такъ что *нельзя сомнѣваться въ принадлежности обоихъ ихъ одному писателю и времени написанія.* Что же касается псалма 105, то изъ содержанія его ясно видно, что онъ относится ко времени, когда народъ іудейскій находился въ плѣну, въ разсѣяніи между язычниками, въ ожиданіи своего избавленія; такъ какъ псалмопѣвецъ, послѣ упоминанія о состояніи Іудеевъ во время плѣна, сказавши, что Господь «призиралъ на скорбь ихъ, когда слышалъ вопль ихъ, и возбуждалъ къ нимъ состраданіе во всѣхъ плѣнившихъ ихъ» [2]), обращается за тѣмъ съ молитвою къ Господу о возвращеніи ихъ въ свое отечество: «спаси насъ, Господи, Боже нашъ, и собери насъ отъ народовъ, дабы славить святое имя Твое, хвалиться Твоею славою» (ст. 44—47). Выраженія псалмо-

---

[1]) Другія черты соприкосновенія обоихъ псалмовъ: «славьте Господа» (הוֹדוּ לַיהוָה) въ ст. 1 Пс. 104 и 105; усвоеніе Господу памятованія завѣта Его въ Пс. 104, 8. 42 и Пс. 105, 45,—ср. и ст. 4; названіе народа Божія «избранными» (בְּחִירִים)—Пс. 104, 6. 43 и 105, 5, а враговъ его «ненавидящими»—Пс. 104, 25ª и 105, 10. 41; соотвѣтствіе заключительной мысли Пс. 104, 45: далъ Израильтянамъ земли народовъ, «чтобы соблюдали уставы Его и хранили законы Его» и въ началѣ Пс. 105, 3: «блаженны хранящіе судъ и творящіе правду во всякое время». Ср. также Пс. 104, 3 и 105, 5ᵇ и 47ᵇ, 104, 2. 5 (נִפְלְאוֹת) и Пс. 105, 7; Пс. 105 (евр. 106), 7: לֹא זָכְרוּ и призываніе זְכָרֵנִי Пс. 104, 5; выраженіе: «земля Хамова» въ Пс. 104, 23. 27 и 105, 22; Пс. 104, 28: «не воспротивились слову Его» и 105, 12: «повѣрили они словамъ Его»; употребленіе מָרָה—противиться 104 (105) 28 и 105 (106) 43 и проч.

[2]) Ἀιχμαλωτευσάντων αὐτοὺς (LXX), т. е. по отношенію къ извѣстному,—Вавилонскому плѣну, а не «плѣнившихъ», какъ переводятъ нѣкоторые въ общемъ смыслѣ, по отношенію ко всѣмъ бывшимъ въ исторіи Евреевъ порабощеніямъ. По сему переводу слово «весь» указываетъ здѣсь только на совокупность плѣнителей — цѣлый Вавилонскій народъ, но не требуетъ выраженіе שׁוֹבֵיהֶם понимать въ значеніи многократнаго вида.

пѣвца настолько ясны и опредѣленны, что нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы рѣчь въ нихъ шла не о плѣнѣ и разсѣяніи Вавилонскомъ, а о какомъ нибудь другомъ подобномъ бѣдствіи [1]). Поэтому отрицать происхожденіе псалма во время плѣна представляется возможнымъ развѣ въ томъ только случаѣ, если бы можно было допустить предположеніе, что приведенное молитвенное обращеніе псалмопѣвца не принадлежитъ къ первоначальному составу псалма и составляетъ позднѣйшую прибавку отъ времени плѣна Вавилонскаго [2]), точно также какъ слѣдующее за нимъ заключительное славословіе (ст. 48) составляетъ прибавку собирателя псалмовъ, подобныя которой находятся въ заключеніи и другихъ частей Псалтири, за исключеніемъ послѣдней, гдѣ она замѣняется цѣлымъ, хвалебнымъ 150-мъ псалмомъ (Ср. Пс. 40, 14. 71, 18—19. 89, 53). Но это молитвенное обращеніе находится въ такой тѣсной связи и послѣдовательности со всѣмъ содержаніемъ псалма, что рѣшительно не допускаетъ мысли о позднѣйшемъ его привнесеніи въ текстъ псалма. Оно предполагается уже по самому началу псалма, гдѣ псалмопѣвецъ, послѣ призыванія къ прославленію Господа, умоляетъ «посѣтить его своимъ спасеніемъ, дабы онъ могъ видѣть благоденствіе избранныхъ Божіихъ, веселиться веселіемъ Его народа, хвалиться съ наслѣдіемъ Его» (ст. 4—5). Поэтому безъ такого молитвеннаго обращенія въ заключеніи псалма содержаніе его представлялось бы не полно, отрывочно и самая цѣль воспоминанія о древнихъ благодѣяніяхъ

---

[1]) Удивительно, какимъ образомъ Павскій, при разсмотрѣніи 103—106 псалмовъ (Обозр. Пс. стр. 34), въ призываніи къ хваленію Господа «собранныхъ отъ востокъ и западъ и сѣвера и моря» (Пс. 106, 2) видитъ указаніе на времена плѣна, и въ тоже время въ приведенной нами не менѣе ясной молитвѣ псалмопѣвца о «собраніи Іудеевъ отъ народовъ», произносимой притомъ послѣ упоминанія о плѣнившихъ, не видитъ указанія на времена плѣна и приписываетъ 105 Пс. Давиду (ср. стр. 28). Между тѣмъ указанія на времена плѣна такъ очевидны, что даже Lengerke, одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ гипотезы о Маккавейскомъ происхожденіи псалмовъ 4-й и 5-й кн. Псалтири, расходится на этотъ разъ съ другими защитниками означенной гипотезы, соглашаясь признать, что 104 и 105 (евр. 105—6) Пс. написаны были во времена плѣна Вавилонскаго (см. его комм. на эти псалмы).

[2]) Подобную догадку высказываетъ составитель Руков. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. (стр. 132).

Господа къ Его народу затемнялась и терялась бы изъ виду; между тѣмъ какъ чрезъ него начало и конецъ псалма приводятся къ единству и гармоніи и не только этотъ, но и предшествующій ему псаломъ получаетъ полную законченность, завершаясь мольбою о дарованіи сынамъ Израиля возможности прославлять святое имя Господа, съ призыванія къ которому начинаются псалмы. Во всякомъ случаѣ, если бы и можно было это молитвенное обращеніе выдѣлить изъ содержанія псалма, какъ позднѣйшую прибавку, то и тогда не устранялась бы вполнѣ мысль объ отношеніи его ко времени плѣна Вавилонскаго; потому что въ этомъ случаѣ псаломъ оканчивался бы указаніемъ на то, что Господь возбуждалъ къ Іудеямъ сострадание въ плѣнителяхъ ихъ, а это, въ связи съ молитвою о благоденствіи народа въ началѣ псалма (ст. 5), вело бы къ заключенію, что народъ въ то время находился еще въ плѣну, хотя и пользовался сочувствіемъ своихъ поработителей. И вообще надобно замѣтить, что все содержаніе обоихъ псалмовъ вполнѣ идетъ ко времени плѣна Вавилонскаго. Воспоминаніе и размышленіе о прежнихъ благодѣяніяхъ и милостяхъ Господа къ Его народу, постоянномъ чудномъ водительствѣ Божіемъ во всѣ времена предшествующей исторіи, Божіихъ наказаніяхъ за неблагодарность и непослушаніе, и всегдашнемъ милосердіи Его къ обращавшимся къ Нему съ раскаяніемъ и молитвою о помилованіи—представляли для плѣнниковъ наилучшее средство утѣшенія и возбужденія вѣры въ непреложность Божіихъ обѣтованій и упованія на неизмѣнное милосердіе къ кающимся грѣшникамъ. Такой именно характеръ имѣетъ и молитва пророка Даніила (гл. 9, 4—19) объ освобожденіи Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго; въ такомъ же родѣ имѣющая близкое отношеніе къ плѣну и молитва священника Ездры, произнесенная имъ въ день покаянія народа вскорѣ по возвращеніи его въ отечество (Неем. 9, 6—37). Поэтому нельзя сомнѣваться, что *Пс. 104 и 105 воспѣты были въ утѣшеніе и ободреніе Іудеевъ во время плѣна Вавилонскаго, можетъ быть кѣмъ либо изъ находившихся тамъ пѣвцовъ Асафовой фамиліи* (1 Ездр. 2, 41; ср. Неем. 7, 44), которые, по примѣру своего родоначальника, знаменитаго пѣвца Давидова Асафа пророка, любили извлекать уроки вѣры и благочестія изъ прежней исторіи Израиля (ср. Псс. 77; 80; 73, 12 и дал.; 76, 15 и дал.; 79, 12 и дал.; 82, 10 и дал.). Судя по тому, что псалмопѣвецъ находится въ ожиданіи избавленія Израильтянъ изъ плѣна (Пс. 105,

4. 5. 47), и говоритъ о возбужденіи Господомъ состраданія къ нимъ со стороны плѣнившихъ ихъ (ст. 46), слѣдуетъ полагать, что псалмы написаны были около времени окончанія плѣна, вѣроятно по переходѣ всемірнаго владычества отъ Вавилонянъ къ Персамъ, когда положеніе плѣнниковъ значительно улучшилось. Къ такому заключенію располагаетъ насъ и вышеупомянутое сходство ихъ съ молитвою Даніила объ освобожденіи изъ плѣна, происхожденіе которой, какъ извѣстно, относится къ началу Мидо-Персидскаго владычества (Дан. 9, 1—4 и проч.).

Къ тому же *времени плѣна Вавилонскаго слѣдуетъ отнести и написаніе псалма 101-го.* По содержанію и характеру своему онъ сходится отчасти съ скорбными псалмами гонимаго Давида и, подобно Давидовымъ псалмамъ, имѣетъ довольно подробное написаніе съ указаніемъ повода и обстоятельствъ его написанія: «молитва страждущаго, когда онъ унываетъ и изливаетъ предъ Господомъ печаль свою» (ст. 1). Это обстоятельство давало нѣкоторымъ основаніе полагать, что это—молитва Давида, составленная имъ на случай какихъ либо несчастій народа и каждаго вѣрнаго Израильтянина [1]). Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этой молитвы нельзя не видѣть, что она точно также не мало имѣетъ сходства съ пѣснію Плача Іереміи [2]) и другими пѣснями позднѣйшаго происхожденія (ср. ст. 21 съ Пс. 78, 11; ст. 9 и 10 съ Пс. 79, 6—7 и проч.), а во второй своей части содержитъ ясныя указанія на пророчества Исаіи о вѣчномъ всемірномъ царствѣ Божіемъ, «когда соберутся народы вмѣстѣ и царства для служенія Господу» (Пс. ст. 23 съ Пс. 45, 22 — 27. 60, 4) [3]); главное же что предметъ ея составляетъ не вообще мольба объ избавленіи отъ какого бы то ни было несчастія, а именно мольба о возстановленіи Сіона, лежащаго въ развалинахъ (ст. 14—15 и 17), и избавленіи псалмопѣвца и народа, изнывающаго на чужбинѣ (ст. 4 — 8, 12), въ удаленіи отъ лица Божія

---

[1]) Какъ Hengstenberg и другіе, упоминаемые въ Scr. S. curs compl. T. XV p. 1331 и 1341.

[2]) Ср. гл. 3, 1 и дал.; тжж. Пс. ст. 4 и 6 съ Пл. 4, 8;—ст. 5. 10 съ Пл. 2, 10;—ст. 9 съ Пл. 1, 7[б]. 21;—ст. 13 и 28 съ Пл. 5. 19;—ст. 14—15 съ Пл. 2, 7—8 и проч.

[3]) Ср. также ст. 16—18 съ Ис. 59, 19. 60, 2. 10. 51, 3; ст. 20 съ Ис. 63, 15; ст. 21 съ Ис. 42, 7. 61, 1; ст. 25 съ Ис. 38, 10; ст. 26—28 съ Ис. 48, 13 и 51, 6 и 8; ст 29 съ Ис. 65, 9. 66, 22 и проч.

(ст. 29), среди злобныхъ враговъ (ст. 9), въ состояніи обреченныхъ на смерть, безпомощныхъ узниковъ, только отъ Господа ожидающихъ своего разрѣшенія, чтобы «возвѣщать на Сіонѣ имя Его и хвалу Его въ Іерусалимѣ» (ст. 18 — 22). Такое положеніе іудейскаго народа и св. города естественно переноситъ насъ во времена плѣна Вавилонскаго [1]): потому что, если впослѣдствіи подъ Египетско-Сирійскимъ владычествомъ, изъ обстоятельствъ котораго нѣкоторые думаютъ объяснять происхожденіе псалма [2]), Іерусалимъ и подвергался непріятельскимъ нашествіямъ, то никогда не доходилъ до изображаемаго въ псалмѣ состоянія совершеннаго разрушенія и превращенія въ развалины (ср. ст. 15 и Неем. 4, 2[6]), и не оставался долгое время въ запустѣніи; а равнымъ образомъ и народъ іудейскій, если и принужденъ былъ тогда терпѣть гоненія отъ своихъ языческихъ правителей, то все же оставался въ своемъ отечествѣ и притомъ подъ предводительствомъ храбрыхъ вождей своихъ, Маккавеевъ, мужественно и съ успѣхомъ боролся противъ своихъ гонителей [3]). Особенно же къ такому заключенію располагаетъ насъ то, что по совершенно ясному выраженію ст. 14-го оплакиваемое въ псалмѣ тогдашнее бѣдственное состояніе Сіона происходило по особому опредѣленію Господа, предвозвѣстившаго извѣстное время для наказанія Своего народа, истеченіе котораго и даетъ псалмопѣвцу основаніе надѣяться на скорое помилованіе: «Ты возстанешь, умилосердишься надъ Сіономъ; ибо время помиловать его; ибо пришло время». Но ветхозавѣтная исторія не знаетъ никакого болѣе заранѣе опредѣленнаго отъ Господа времени наказанія Іудейскаго народа и запустѣнія Сіона, кромѣ предвозвѣщеннаго Іереміею пророкомъ семидесятилѣтняго продолженія плѣна Вавилонскаго, во все время котораго Сіонъ долженъ былъ оставаться въ развалинахъ (Іер. 25, 11—12. 29, 10). Исполненіе этого времени наказанія Божія дѣйствительно давало Іудеямъ надежду на скорое ихъ избавленіе и возстановленіе Іерусалима, возбуждая благочестивыхъ изъ нихъ къ молитвѣ, чтобы Господь не замедлилъ

---

[1]) Ср. 4 Ц. 25, 9—11. Неем. 4, 2[6]. Пс. 78, 11. Пл. 1, 1—3. Вар. 2, 21—25. 3, 8. 10. 11 и проч.

[2]) Какъ Hitzig, Lengerke, Olshausen и другіе, упоминаемые уже у Калмета (in h. Ps.).

[3]) См. выше стр. 366.

исполненіемъ Своего обѣщанія, какъ это мы и видимъ въ примѣрѣ пророка Даніила, который, на основаніи скораго окончанія предназначенныхъ въ пророчествѣ Іереміи семидесяти лѣтъ запустѣнія Іерусалима, усердно молилъ Господа отвратить праведный гнѣвъ Свой отъ народа Своего и святаго Сіона, гдѣ призывалось святое имя Его (Дан. 9, 2 и дал.). Поэтому нельзя сомнѣваться, что и разсматриваемая нами молитва благочестиваго страдальца о помилованіи и возсозданіи Сіона, также какъ и молитва Даніила, принадлежитъ ко времени предъ окончаніемъ плѣна Вавилонскаго [1]). Если же въ мольбахъ псалмопѣвца находятся и такія черты, которыя не могутъ быть объяснены изъ обстоятельствъ освобожденія изъ плѣна Вавилонскаго и относятся лишь ко времени созданія новаго духовнаго Сіона, въ какомъ смыслѣ нѣкоторыя слова этого псалма и приводятся въ посланіи къ Евреямъ (1, 10—12); то это нисколько не мѣшаетъ относить его къ означенному времени [2]). Еще задолго до наступленія плѣна въ пророчествахъ Исаіи мысль о возвращеніи плѣнниковъ и возстановленіи Сіона идетъ рука объ

---

[1]) И бл. Ѳеодоритъ считалъ этотъ псаломъ пророчественною молитвою объ освобожденіи изъ плѣна Вавилонскаго, хотя написаніе его и приписывалъ Давиду. Ко времени же плѣна, по свидѣтельству Калмета, относили его и многіе другіе древніе отцы и толкователи церковные, равно какъ и самъ Калметъ (Scr. S. curs. compl. T. XV p. 1331) и др. позднѣйшіе толкователи: O. v. Gerlach, Tholuck, Bunsen, Delitzsch, Moll, а также и наши богословы: Преосв. Ириней Псковскій и Павскій (въ Обозр. Пс. стр. 33—34).

[2]) Напротивъ того авторъ статьи: «разсмотрѣніе мѣстъ, приводимыхъ въ посл. къ Евр. изъ книгъ В. Завѣта, усиливается доказать, что псаломъ заключаетъ въ себѣ исключительно Мессіанскій смыслъ, не имѣетъ ничего общаго съ молитвою Даніила и нисколько не относится ко времени плѣна, хотя въ концѣ концовъ соглашается признать, что псалмопѣвецъ отъ современнаго бѣдственнаго состоянія іудейской церкви обращается съ молитвою къ Богу о скорѣйшемъ наступленіи царства Христова (см. Упражн. студ. СПБ. Д. Ак. Ч. III. 1825. СПБ. стр. 330—333). Но вѣдь бѣдственное состояніе церкви іудейской, когда она находилась въ положеніи безпомощныхъ узниковъ, воздыхающихъ о камняхъ и о прахѣ св. Сіона, и есть положеніе въ плѣну Вавилонскомъ, отношенія къ которому не хочетъ признать авторъ названной статьи.

руку съ мыслію о наступленіи вѣчнаго, всемірнаго царства Мессіи (ср. Ис. 44, 21—28. 45, 1—25 и проч.), и съ того времени у всѣхъ пророковъ (ср. Авв. гл. 3. Соф. гл. 3. Іер. гл. 30—33. Іез. гл. 30 — 39 и проч.) и псалмопѣвцевъ (ср. Псс. 92 — 99) мысль о прекращеніи тяжкихъ испытаній Израиля обыкновенно соединяется съ надеждою видѣть пришествіе Мессіи, избавителя и открытіе Имъ видимаго царства Божія на землѣ. Безъ сомнѣнія таже надежда на пришествіе Мессіи одушевляла и пророка Даніила, когда онъ молилъ Господа призрѣть на запустѣніе Его святаго города, почему Господь въ отвѣтъ на его молитву и даетъ ему откровеніе не столько объ освобожденіи изъ плѣна и возстановленіи Іерусалима, сколько о времени открытія на землѣ благодатнаго царства Христова и совершеніи искупленія человѣчества (Дан. 9, 24—27). Нѣтъ потому ничего удивительнаго или неестественнаго въ томъ, что и въ разсматриваемой нами молитвѣ объ избавленіи изъ плѣна и возстановленіи Сіона надежды псалмопѣвца не ограничиваются ближайшимъ избавленіемъ Израиля, а простираются гораздо далѣе, въ царство обѣтованнаго Мессіи, когда соберутся всѣ царства и народы для служенія Господу. Но во всякомъ случаѣ, если бы даже, вопреки ясному, ближайшему историческому смыслу псалма, и нужно было ограничиться однимъ только Мессіанскимъ его значеніемъ, и подъ образомъ освобожденія плѣнниковъ и возстановленія Сіона разумѣть искупленіе человѣчества и устроеніе благодатнаго царства Христова; то и тогда бы мы должны были принять предположеніе, что *онъ воспѣтъ былъ во время плѣна Вавилонскаго, когда Сіонъ лежалъ въ развалинахъ*: потому что только это время и могло дать основаніе для образовъ, подъ которыми созерцается здѣсь совершеніе дѣла искупленія и устроенія благодатнаго царства Христова.

Ко времени же плѣна Вавилонскаго (εἰς τὴν αἰχμαλωσίαν), по греческому надписанію, относится и *Пс. 136-й*. Но уже обыкновенное, несообразное исторически соединеніе съ этимъ указаніемъ надписанія имени Давида или, по другимъ спискамъ, еще имени Іереміи («Давиду», т. е. посвященный или въ подражаніе составленный—«Іереміемъ»—по слав [1]), и все вообще содержаніе псал-

[1]) Другіе: τῷ Δαυὶδ Ἰερεμίου понимаютъ въ томъ смыслѣ, что это псаломъ Давида, воспѣтый имъ для Іереміи, или же въ духѣ и какъ бы

ма, ясно представляющее собою воспоминанія о плѣнѣ, какъ о прошедшемъ уже событіи,—«провозглашаютъ», по рѣзкому выраженію бл. Θеодорита, «неразуміе надписавшихъ псаломъ; потому что Іеремія» и тѣмъ болѣе, прибавимъ, Давидъ, «не былъ отведенъ съ плѣнными въ Вавилонъ», а «посему прилично ли Іереміи или Давиду» сказать: на рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ?» — [1]). Конечно, если понимать псаломъ въ смыслѣ не историческаго а пророческаго описанія состоянія Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ, то, пожалуй, можно допустить и то, что онъ воспѣтъ былъ Іереміею пророкомъ, вовсе не бывшимъ въ плѣну [2]), или Давидомъ, т. е. еще за нѣсколько столѣтій до плѣна Вавилонскаго [3]). Но содержаніе псалма, какъ признавалъ уже бл. Θеодоритъ, а также и другіе древніе толкователи [4]) очевидно исторически-повѣствовательнаго характера. Въ немъ «отведенные въ плѣнъ и потомъ возвратившіеся разсказываютъ то, что было въ Вавилонѣ», (бл. Θеодоритъ) и нѣтъ никакихъ основаній понимать это повѣствованіе въ смыслѣ пророческаго предреченія о плѣнѣ Вавилонскомъ. Предсказанія Іереміи объ этомъ тяжкомъ для Іудеевъ наказаніи Божіемъ совершенно другаго характера: они обыкновенно представляютъ его какъ будущее, угрожающее Іудеямъ бѣдствіе и, ограничиваясь лишь моментомъ наступленія этого бѣдствія,—опустошеніемъ Іудеи и Іерусалима и отведеніемъ Іудеевъ въ рабство царю Вавилонскому, почти вовсе не касаются состоянія плѣнниковъ во время пребыванія ихъ въ Вавилонѣ [5]). Если же поэтому нельзя предполагать, чтобы писателемъ 136-го псалма былъ пророкъ Іеремія, то тѣмъ менѣе возможно приписывать его царю

отъ лица Іереміи, который послѣ подробнѣе предсказывалъ о плѣнѣ Вавилонскомъ. См. Толк. на 136 Пс. Иринея Псковскаго и Scr. S. curs. compl. T. XVI p. 571.

[1]) См. его изъясн. Пс. Тв. Св. Оо. Т. XXVIII, стр. 389.

[2]) Какъ Schnepsius и Grotius,—см. у Калмета на этотъ Пс.

[3]) Gejerus (тамъ же у Калмета), Berthier (Scr. S. curs. compl. T. XVI p. 571) и нашъ толкователь Преосв. Ириней Псковскій.

[4]) Ср. изъясн. Иларія. И св. Златоустъ также объясняетъ этотъ псаломъ исключительно въ исторически-повѣствовательномъ смыслѣ, не смотря на то, что онъ вообще всѣ Пссе. приписывалъ Давиду.

[5]) Ср. Іер. 8, 19—9, 1. 15—22. 10, 18—23. 13, 18—27. 19, 6—20, 6. 25, 9—12. 27, 2—22. 29, 4—18 и проч.

Давиду; потому что Вавилонское царство въ первый разъ вступаетъ въ отношенія къ іудейскому народу лишь только со времени Езекіи и только въ это время у Исаіи мы читаемъ первое пророчество о будущемъ плѣненіи Іудеевъ Вавилонянами (Ис. 39 гл. ср. 4 Ц. 20, 12—18). Но съ другой стороны, принимая согласно съ бл. Ѳеодоритомъ и прямымъ буквальнымъ смысломъ псалма, что содержаніе его представляетъ собою воспоминаніе Іудеевъ о пребываніи въ плѣну Вавилонскомъ послѣ возвращенія ихъ въ свое отечество, нельзя также низводить его происхожденіе и къ слишкомъ позднему времени послѣ-плѣннаго періода, какъ того хотятъ защитники гипотезы о Маккавейскихъ псалмахъ [1]). Въ молитвен-

---

[1]) Какъ Hitzig, Olshausen, Lengerke и др., которые, на основаніи упоминанія о враждебныхъ отношеніяхъ къ Іудеи Идумеянъ (ст. 7) и названія Вавилона именемъ חַשְׂרוּרָה (ст. 8), переводимаго ими словомъ «опустошенная» (verwüstete) и объясняемаго въ смыслѣ указанія на упадокъ этого знаменитаго города послѣ основанія въ сосѣдствѣ съ нимъ Селевкіи,—относятъ написаніе псалма ко времени войнъ Маккавеевъ съ Идумеями въ періодъ Сирійскаго владычества (1 Макк. 5, 3. 65. 2 Макк. 10, 15. 12, 32 и дал.). Неосновательность такого рода основаній очевидна сама собою: потому что а) они касаются лишь двухъ стиховъ псалма, нисколько не объясняя происхожденія цѣлаго и существеннаго содержанія его, именно,—воспоминанія о состояніи Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ; б) ни изъ чего не видно, чтобы упоминаемыя въ ст. 7 враждебныя дѣйствія Идумеевъ имѣли отношеніе къ войнамъ Маккавеевъ съ Идумеями, по прямому же и ясному смыслу всего стиха не подлежитъ сомнѣнію, что они относились ко времени разрушенія Іерусалима, подъ которымъ, по ближайшему контексту (ст. 8), слѣдуетъ разумѣть именно разрушеніе его Вавилонянами, когда Идумеяне, по свидѣтельству пророка Іезекіиля, дѣйствительно радовались и сами старались содѣйствовать погибели наслѣдія дома Израилева (гл. 35, 5—15; ср. Плач. 4, 21. 22); в) нельзя доказать, что переводъ имени חַשְׂרוּרָה словомъ «опустошенная» есть переводъ правильный, а не слѣдуетъ скорѣе переводить словомъ «опустошительница», какъ Таргумъ, Сирск., Симмахъ, и наши русскіе, или «имѣющая быть опустошенною», какъ Ѳеодотіонъ и какъ принимаютъ въ своихъ объясненіяхъ псалма Златоустъ, Ѳеодоритъ и др. Если же г) и допустимъ правильность такого перевода, то вѣдь нельзя доказать, что выраженіемъ «опустошенная» намекается на паденіе Вавилона, именно при Селевкѣ Никаторѣ, а не на какое либо изъ предшествующихъ тому опустошеній Вавилона, какъ напр. на завоеваніе его Киромъ

номъ обращеніи Нееміи къ Богу объ отмщеніи врагамъ Іудеевъ, препятствовавшимъ возстановленію Іерусалима: «помяни, Боже мой, Товію, и Санаваллата по дѣламъ ихъ»... (Неем. 6, 14) — слышится уже нѣкоторое подражаніе молитвенному обращенію нашего псалма объ отмщеніи Идумеянамъ: «напомни, Господи, сынамъ Едомовымъ день Іерусалима... (ст. 7); а это ведетъ къ предположенію, что во времена Нееміи псаломъ нашъ уже существовалъ и принадлежалъ къ числу извѣстныхъ молитвенныхъ пѣсней Израиля. Но если мы и допустимъ, что сходство между приведенными молитвенными обращеніями совершенно случайное и подражанія между ними на самомъ дѣлѣ не существуетъ; то уже выраженія: *«сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ* (בְּשִׁבְתֵּנוּ גַּם־בָּכִינוּ בְּזָכְרֵנוּ) *Сіона*; *на вербіихъ обѣсихомъ органы наша* (תָּלִינוּ כִּנֹּרוֹתֵינוּ), и вообще изложеніе повѣствованія о плѣнѣ отъ перваго лица, — *заставляютъ предполагать въ псалмопѣвцѣ кого-либо изъ числа Іудеевъ, бывшихъ въ плѣну*. Главное же, — воспоминанія о плѣнѣ еще такъ свѣжи, нисколько не ослаблены впечатлѣніями новыхъ страданій отъ другихъ враговъ, какъ это было впослѣдствіи, и образъ плѣнниковъ Вавилонскихъ со всѣми наполнявшими ихъ души чувствами еще такъ живо рисуется предъ взоромъ псалмопѣвца, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ въ этомъ псалмѣ разсказъ еще недавняго очевидца событій плѣна, а никакъ не отдѣльнаго историка, пишущаго по чужимъ разсказамъ. Но такъ какъ псалмопѣвецъ въ заключеніе псалма желаетъ Вавилону жестокаго отмщенія, въ которомъ бы не было пощады и его младенцамъ (ст. 8—9), то надобно полагать, что онъ написанъ былъ еще прежде взятія и опустошенія Вавилона Персид-

---

царемъ Персидскимъ, имѣвшее ближайшее отношеніе къ пребыванію Іудеевъ въ плѣну, которое и составляетъ существенное содержаніе псалма, какъ понимаетъ Hengstenberg. д) Наконецъ выраженіе: «опустошенная» и потому уже нельзя относить къ паденію Вавилона при Селевкѣ, что въ такомъ случаѣ слѣдующее затѣмъ въ псалмѣ желаніе отмщенія Вавилонянамъ было бы совершенно излишне, или обнаруживало бы въ псалмопѣвцѣ какую-то ненасытную жажду мщенія, несообразную съ духомъ хотя бы то и ветхоз. праведника, ожидавшаго вслѣдъ за отмщеніемъ врагамъ Израиля вступленія ихъ въ одно общее для всѣхъ народовъ благодатное царство Божіе (Ис. 66, 15—21 и проч.).

скимъ царемъ Даріемъ Истаспомъ въ 6-й годъ его царствованія, когда желаемое псалмопѣвцемъ отмщеніе исполнилось уже надъ Вавилономъ съ ужасающею буквальною точностію: потому что, по свидѣтельству историка того времени, еще во время бывшей тогда продолжительной осады его Персами сами Вавилоняне изъ опасенія голода удушали своихъ женъ и дѣтей, а послѣ его взятія въ свою очередь персидское войско, раздраженное долговременнымъ упорнымъ сопротивленіемъ и предшествовавшими тому частыми возмущеніями Вавилонянъ противъ Персидскаго владычества, не давало пощады ни полу, ни возрасту и произвело въ нѣкогда славной столицѣ могущественнаго Вавилонскаго царства ужасныя опустошенія [1]). Такимъ образомъ изъ представленныхъ основаній слѣдуетъ заключить, что *написаніе 136-го псалма и надобно полагать въ 20-ти лѣтній промежутокъ времени отъ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна при Кирѣ въ 537 году до Р. Хр. и до завоеванія и опустошенія Вавилона Персами въ 6-й годъ Дарія Истаспа,—въ 517 году до Р. Хр., и слѣдовательно прежде окончанія и освященія втораго храма Іерусалимскаго, бывшаго въ концѣ того же года царствованія Дарія* (1 Ездр. 6, 15) [2]). Ближе опредѣлить время его написанія съ точностію нельзя. Можно впрочемъ догадываться, что *это одна изъ раннихъ пѣсней по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго и, можетъ быть, относится ко времени первоначальнаго возстановленія богослуженія* (1 Ездр. 3, 1—6) и вмѣстѣ съ тѣмъ священной музыки и пѣнія; потому что при такомъ обстоятельствѣ всего умѣстнѣе представлялось для псалмопѣвца напомнить своимъ соотечественникамъ о томъ, что въ бытность свою въ Вавилонѣ они лишь только плакали, не смѣя открыто пѣть

---

[1]) Herod. lib. III. c. 150—159; ср. Prideaux. — Gesch. der Juden. Thl. I. S. 342 ff.

[2]) Подобное же мнѣніе о происхожденіи псалма высказывали уже Rudingerus, Rosenmüller и Calmet (Scr. S. curs. compl. T. XVI p. 564—565); также O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg, Delitzsch, Ehrt (Abfassungszeit des Psalters S. 90), Ewald (Die Dichter d. A. B I, 2 S. 391 Götting. 1866), Moll, Сегаль (Ист. Евр. нар. стр. 167 по 2 изд.); изъ нашихъ богослововъ: Преосв. Игнатій (Бес. на 136 Пс. СПБ. 1849 г.), прот. М. Богословскій (Свящ. Ист. В. Зав. стр. 525 по 4 изд.) и др.

своихъ Сіонскихъ пѣсней, чтобы такимъ образомъ дать имъ живѣе почувствовать и выше оцѣнить дарованное имъ по милости Божіей настоящее ихъ состояніе въ своемъ отечествѣ, когда они снова свободно могутъ пѣть и играть предъ Господомъ. Съ этимъ временемъ хорошо согласуются и выражаемыя далѣе псалмопѣвцемъ желанія и мольбы объ отмщеніи разрушителямъ святаго города Вавилонянамъ и подстрекавшимъ ихъ къ разрушенію сынамъ Едома (ст. 7—8); потому что повсюду представлявшіяся развалины еще не возстановленнаго тогда Іерусалима естественно приводили на память несчастный день его разрушенія и въ душѣ каждаго благочестиваго Израильтянина возбуждали чувства и желанія отмщенія разрушителямъ.

Ко времени послѣ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго безспорно принадлежатъ и всѣ прочіе псалмы неизвѣстныхъ писателей: 106-й, 110—120, 122, 124, 125, 127—129, 133—135 и 145—150. Репродуктивный, подражательный характеръ этихъ псалмовъ, особенный колоритъ языка ихъ, изобилующаго позднѣйшими арамейскими словами, грамматическими формами и оборотами рѣчи [1]), самое положеніе ихъ въ послѣдней части Псалтири при совершенномъ отсутствіи какихъ либо внѣшнихъ или внутреннихъ признаковъ древнѣйшаго происхожденія, надписаніе большей ихъ части по еврейскому или греческому тексту и въ другихъ переводахъ хвалебнымъ, богослужебнымъ воззваніемъ: «аллилуіа» [2]), которое, какъ выше видѣли мы, въ первый разъ встрѣчается только въ пѣсняхъ отъ времени плѣна Вавилонскаго [3]), и кромѣ того многократное употребленіе того же хвалебнаго воззванія и еще другой почти такъ же поздней богослужебной формулы: «славьте Господа, ибо Онъ благъ; ибо милость Его вѣчна», въ самомъ составѣ многихъ псалмовъ [4]), на-

[1]) Объ особенностяхъ языка и внѣшняго построенія этихъ псалмовъ см. въ коммент. Hengstenberg'a, Delitzsch'a, въ изслѣдованіи Ehrt'a— Abfassungszeit des Psalters (S. 80. 81. 84—88) и др.

[2]) По тексту еврейскому изъ числа разсматриваемыхъ нами псалмовъ такое надписаніе имѣютъ Псс. 111—113-й (по счету LXX: 110—112), 135 (LXX: 134), 146 (LXX—145), 148—150; въ греческомъ же и въ другихъ переводахъ кромѣ того еще псалмы: 106, 113—118, 135, 146 и 147.

[3]) См. выше стр. 444.

[4]) Такъ «аллилуіа» въ самомъ составѣ псалмовъ встрѣчается въ Псс.

конецъ и въ содержаніи значительной ихъ части тамъ и здѣсь разсѣянныя болѣе или менѣе ясныя указанія на времена плѣна и освобожденія изъ онаго (Пс. 125, 1—4), на пребываніе іудейскаго народа въ чужой, враждебной странѣ (Пс. 119, 5—6. Пс. 106, 4—7), въ состояніи продолжительнаго униженія и рабства отъ ненавистныхъ враговъ (Пс. 122, 3—4. 124, 3. 135, 23—24) и на разрѣшеніе его отъ узъ рабства (Пс. 128, 4. 106, 10—16. 115, 7; ср. 145, 7), собраніе изъ разсѣянія между народами (Пс. 106, 2—3. 146, 2) и возвращеніе къ жизни послѣ угрожавшей ему смертной опасности (Пс. 106, 17—20. 113, 25—26. 114, 8. 115, 6. 117, 17—18. 118, 87—88),—на возсозданіе Іерусалима (Пс. 146, 2. 147, 1—2; ср. 106, 35—36) и возстановленіе мира и благоденствія Израиля послѣ тяготѣвшихъ на немъ продолжительныхъ бѣдствій (Пс. 106, 33—42. 127, 2—6. 125, 5—6. 112, 5—9. 146, 3—11. 147, 3 и проч.):—все это вмѣстѣ, при близкомъ взаимномъ сродствѣ всѣхъ выше исчисленныхъ псалмовъ между собою, какъ по мыслямъ, такъ и по образу выраженія [1]), не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они принадлежатъ ко времени не прежде возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго. Отношеніе къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ около этого времени въ нѣкоторыхъ изъ числа означенныхъ псалмовъ замѣчали уже и тѣ изъ древнихъ церковныхъ толкователей,

---

112, 1 и 9. 113, 25 и 26 (по евр. 115, 17—18). 115, 10 (по евр. 116 19). 116, 1 и 2. 134, 1. 3 и 21. 145, 1. 2. 10. 146, 1. 147, 1. 9 (евр. ст. 11 и 20). 148. 1—5. 7. 13. 14. 149, 1. 3. 9. 150, 1—5. «Славьте Господа» и проч. употребляется въ Псс. 106, 1. 8. 15. 21. 31. 117, 1—4 и 29. 135, 1—26. Ср. также Псс. 110. 1. 116, 2. 118, 7. 175. 129, 7. 134, 3. 137, 1. 2. 4. 8. 146, 1.

[1]) Кромѣ вышеуказаннаго сходства въ содержаніи и употребленія одинаковыхъ славословій: «славьте Господа»... и «аллилуіа» (въ перев. хвалите Господа), въ примѣръ близкаго сродства разсматриваемыхъ псалмовъ между собою ср. еще Псс. 111, 127, 124, съ 106, 32—43 и 118, 1—2; 112, 145 и 146; 113, 11—16 и 134, 6. 15—18; 113, 17—20. 117, 2—4 и 134, 19—20; 134, 10—12 и 135, 17—22; 106, 35 и 113, 8; 106, 10. 13. 14 и 114, 3. 4. 8 и 119, 1—2; 118, 169—170 и 129, 1—5; 120, 1 и 124, 2; 133, 1—3. 134, 1. 2. 21 и 113, 23 и проч. О внутреннемъ сродствѣ этихъ псалмовъ довольно подробно см. въ изслѣдованіи Ehrt'a—Abfassungszeit d. Psalters S. 80—88 и 96.

которые, какъ св. І. Златоустъ или бл. Θеодоритъ, вообще держались мнѣнія, что всѣ псалмы принадлежатъ Давиду, почему они и старались такого рода псалмы объяснять какъ пророчества Давида о состояніи Іудеевъ во время или послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго [1]); но такъ какъ при разсмотрѣніи такихъ псалмовъ не представляется никакихъ побужденій къ предположенію древнѣйшаго ихъ происхожденія, и усвоеніе ихъ Давиду, кромѣ обычнаго названія всей Псалтири именемъ этого псалмопѣвца, не имѣетъ для себя никакого другаго основанія, то въ настоящее время почти всѣ ученые изслѣдователи и толкователи псалмовъ согласны въ томъ, что разсматриваемые нами анонимные псалмы пятой кн. Псалтири по своему происхожденію не восходятъ ранѣе послѣ-плѣннаго періода. Такимъ образомъ вопросъ о ихъ происхожденіи въ настоящее время собственно въ томъ, къ какому времени послѣ-плѣннаго періода слѣдуетъ относить ихъ написаніе.

Новѣйшіе изслѣдователи Псалтири отрицательнаго направленія, какъ бы въ противоположность мнѣнію древнихъ отцевъ и учителей Церкви о принадлежности всѣхъ или большей части разсматриваемыхъ анонимныхъ псалмовъ царю Давиду, обыкновенно низводятъ ихъ къ позднѣйшей порѣ послѣ-плѣннаго періода,—ко времени Маккавеевъ, стараясь въ исторіи этого времени подъискать какія либо обстоятельства и поводы къ ихъ написанію [2]). Но если

---

[1]) Такъ св І. Златоустъ о Псс. 115 (См. его Бес. въ русск. пер. СПБ. 1860. Т. 2, стр. 91), 119 и прочихъ пѣсняхъ степеней до 133 (стр. 130—131 и 142), 146, 147—149 (стр. 435—6 и 477). О тѣхъ же псалмахъ, за исключеніемъ 115, и еще о псалмахъ 106, 117, 134 и 135, подобнаго мнѣнія и бл. Θеодоритъ (см. его изъясн. на эти Псс. въ XXVIII т. Твор. Св. Оо. въ русск. перев.).

[2]) Такъ Hitzig псалмы 106, 110—120 относитъ ко времени правленія брата Іуды Маккавея Іонаѳана (161—143 г. до Р. Хр.), примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ, описаннымъ въ 1 Макк. 9, 72. 10, 9. 21. 63. 11, 63—74. 12, 48. 13, 23; слѣдующіе за тѣмъ анонимные псалмы до 135 включительно приписываетъ времени Симона Маккавея (143—135 г. до Р. Хр.), примѣняя Пс. 122 и 124 къ 1 Макк. 13. 15—24; Пс. 125-й къ 1 Макк. 14, 7; Псс. 127—129-й къ 1 Макк. 12, 53—13, 3. 14, 25; Псс. 133—135 къ 1. Макк. 14, 8. 13 и проч.:—далѣе псалмы 145—147 относитъ ко времени Іоанна Гиркана (135—104 г. до Р. Хр.); Псс. 148

нѣкоторые изъ числа этихъ псалмовъ по общности своего содержанія дѣйствительно очень удобно примѣняются къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ Маккавейскаго времени; то такое приспособленіе нисколько не исключаетъ возможности и другихъ подобныхъ приспособленій къ историческимъ обстоятельствамъ другаго времени, и потому само по себѣ, безъ другихъ внѣшнихъ или внутреннихъ основаній, не можетъ служить доказательствомъ происхожденія псалмовъ изъ того времени, къ событіямъ котораго они приспособляются. Между тѣмъ защитники Маккавейскаго происхожденія разсматриваемыхъ псалмовъ, за исключеніемъ общаго соотвѣтствія нѣкоторыхъ изъ нихъ тѣмъ или другимъ событіямъ Маккавейскаго времени, не могутъ указать никакихъ другихъ основаній въ подтвержденіе своей гипотезы. Однажды въ исторіи Маккавейскаго времени, именно—въ повѣствованіи о побѣдѣ Іуды Маккавея надъ Горгіемъ, упоминается о прославленіи и благодареніи Господа небеснаго, что Онъ благъ и что во вѣкъ милость Его (1 Макк. 4, 24),—изъ чего можно, конечно, заключать, что въ то время существовали и находились въ богослужебномъ употребленіи нѣкоторые изъ псалмовъ, содержащихъ въ себѣ славословіе: «славьте Господа, ибо Онъ благъ, ибо въ вѣкъ милость Его»; но употребленіе священныхъ пѣсней съ такого рода славословіемъ, извѣстное уже во времена пророка Іереміи (33, 11), вмѣстѣ съ употребленіемъ другихъ сродныхъ съ ними хвалебныхъ пѣсней: «аллилуіа», составляло между прочимъ отличительную особенность торжества закладки втораго храма Іерусалимскаго (1 Ездр. 3, 11) и вообще является обыкновеннымъ и господствующимъ въ богослуженіи во времена написанія книгъ Ездры и Паралипоменонъ (1 Пар. 16, 34. 41. 2 Пар. 5, 13. 7, 3. 6. 20, 21). Такимъ образомъ, если нельзя отрицать, что псалмы съ славословіемъ: «славьте Господа»... извѣстны были и находились въ богослужебномъ употребленіи во времена Маккавеевъ, то въ тоже время мы должны признать, что подобнаго рода псалмы, вмѣстѣ съ псал-

---

и 149-й—ко времени Аристовула (104 г. до Р. Хр.), а Пс. 150-й—ко времени Александра Іанная (103—75 г. до Р. Хр.). Въ такомъ же родѣ мнѣнія Olshausen'a и Lengerke. Послѣдній впрочемъ дѣлаетъ исключеніе для Пс. 106 (евр. 107), соглашаясь признать его благодарственною пѣснію возвратившихся изъ плѣна Вавилонскаго.

мами: «аллилуіа», существовали уже во времена написанія книгъ Паралипоменонъ и Ездры и слѣд. по своему происхожденію восходятъ къ первому времени по возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго. Правда изъ указанныхъ нами свидѣтельствъ кн. Паралипоменонъ и Ездры, также какъ и 1 кн. Маккав., не видно, какіе именно хвалебные псалмы разумѣются въ нихъ, а потому одни эти свидѣтельства, конечно, не даютъ еще основанія выведенное изъ нихъ заключеніе относительно времени происхожденія подобнаго рода псалмовъ прилагать непремѣнно къ псалмамъ этого рода, сохранившимся до насъ въ Псалтири; но мы имѣемъ на это несомнѣнныя основанія частію въ содержаніи нѣкоторыхъ изъ этихъ псалмовъ, частію во внѣшнихъ свидѣтельствахъ вполнѣ вѣроятнаго древняго преданія. Такъ содержаніе *Псалма 106-го*, при очевидной внутренней его связи и внѣшнемъ сопоставленіи съ предшествующимъ псалмомъ [1]), заключающимся молитвою къ Господу объ избавленіи отъ плѣна и разсѣянія между народами, съ обѣщаніемъ славить святое имя Его (ср. Пс. 105, 47), не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это *хвалебно-благодарственная пѣснь возвратившихся изъ плѣна*, «которыхъ избавилъ Господь отъ угнетенія и рабства отъ руки врага и собралъ отъ странъ, отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря (Пс. 106, ст. 2—3. 10—14) [2]),—*вѣроятно воспѣтая ими вскорѣ по*

---

[1]) Близкое сходство 106 псалма по мыслямъ и выраженіямъ съ Пс. 105, а равно и 104-мъ Пс., согласно признаютъ всѣ ученые изслѣдователи текста этихъ псалмовъ, не исключая и защитниковъ гипотезы о Маккавейскомъ ихъ происхожденіи, и на основаніи такого сходства обыкновенно выводятъ заключеніе, что всѣ эти псалмы принадлежатъ одному и тому же писателю. Такъ какъ заключеніе это не представляетъ ничего невѣроятнаго, то, въ виду несомнѣнности происхожденія 104 и 105-го псалмовъ въ послѣднее время плѣна Вавилонскаго, мы можемъ указать на него, какъ на новое доказательство того, что Пс. 106-й написанъ не позже, какъ въ первое время послѣ возвращенія изъ плѣна. Довольно подробное указаніе сходства псалмовъ 106 и 105 (евр. 107 и 106) см. у Hengstenberg'a, Delitzsch'a, Lengerke и др.

[2]) Тоже мнѣніе см. у Преосвящ. Иринея Псковскаго (въ Толков. Псалт.), у Павскаго (въ Обозр. Пс. стр. 34) и въ Руков. къ послѣд. чт. учит. кн. В. З. Орды (стр. 133).

возвращеніи въ отечество, можетъ быть при первомъ же всенародномъ собраніи (ср. ст. 32) *въ Іерусалимѣ въ праздникъ новолунія*, когда сооруженъ былъ жертвенникъ Господу и совершено возстановленіе законнаго богослуженія (ср. ст. 22), «а храму Господню, по замѣчанію историка, еще не было положено основанія» (1 Ездр. 3, 1—6); такъ какъ вездѣ въ псалмѣ рѣчь только объ избавленіи народа, устроеніи города, страны и возстановленіи благосостоянія народнаго (ст. 36—41), но нисколько не упоминается о храмѣ, и притомъ чрезъ весь псаломъ проходитъ одно только свѣтлое, радостное настроеніе, изливающееся въ чувствахъ живѣйшей благодарности предъ Господомъ за избавленіе, и ни мало еще не омрачаемое скорбными воспоминаніями о прежнемъ, невозвратно-потерянномъ благоденствіи народа, какъ это вскорѣ обнаружилось потомъ при закладкѣ втораго храма, когда клики радости сливались уже съ воплями плача народнаго (1 Ездр. 3, 11—13)[1]). Равнымъ образомъ содержаніе *Псалма 117-го*, въ цѣломъ его составѣ, такъ хорошо объясняется изъ событія торжественнаго празднованія освященія втораго храма Іерусалимскаго, съ предшествовавшими тому обстоятельствами его построенія, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что псаломъ этотъ написанъ былъ именно на случай означеннаго празднованія. Изъ расположенія частей и указаній содержанія псалма ясно видно, что это—праздничная пѣснь (ст. 24), пѣвшаяся антифонно между двумя левитскими хорами и народомъ [2]) въ торжественномъ шествіи,—въ родѣ описаннаго у Нееміи при освященіи стѣнъ Іерусалима (12, 31. 38. 41), —направлявшемся къ храму для прославленія въ немъ Господа, которое и останавливается при воротахъ храма, обращаясь къ встрѣчавшимъ его при входѣ священникамъ и левитамъ съ приглашительнымъ воззваніемъ: «отворите врата правды, войду въ нихъ, прославлю Господа» (ст. 19). Уже это воззваніе съ слѣдующимъ на него отвѣтомъ: «вотъ врата Господни, праведные входятъ въ нихъ» (ст. 20), явно представляющіе подражаніе извѣстнымъ обращеніямъ къ воротамъ въ 23 Пс. (ст. 7—10), какія возглашаемы были пѣв-

---

[1]) Подобн. образомъ и Hengstenberg, O. v. Gerlach, Tholuck, Delitzsch и даже Lengerke.

[2]) Такое антифонное расположеніе псалма признается уже въ Талмудѣ (b Pesachim 119 a).

цами при торжествѣ освященія Сіонской скиніи, даютъ основаніе предполагать, что поводомъ къ написанію 117-го Пс. послужило празднество, подобное тому, по случаю котораго воспѣтъ былъ Давидомъ псаломъ 23-й. А слѣдующій далѣе многознаменательный образъ камня, отвергнутаго строителями, но который по дивному устроенію Господа сдѣлался главою угла (ст. 22—23), еще болѣе подтверждаетъ и уясняетъ такое предположеніе. Какъ бы мы ни объясняли этотъ, образъ, — въ ближайшемъ ли значеніи символическаго представленія того, что угнетаемый и презираемый тогдашними устроителями міровыхъ судебъ, могущественными языческими народами, Израиль, по дивному промыслительному смотрѣнію Господа, опять занимаетъ высокое историческое положеніе и становится краеугольнымъ камнемъ устрояемаго Промысломъ величественнаго зданія царства Божія на землѣ, — или же въ дальнѣйшемъ, таинственно-прообразовательномъ смыслѣ объ ожидавшемся тогда Мессіи, Господѣ нашемъ І. Христѣ, Который былъ отвергнутъ строителями церкви іудейской, но послѣ своего уничиженія до смерти крестной былъ превознесенъ и содѣлался основаніемъ новаго зданія церкви искупленныхъ (Мѳ. 21, 42 ср. Мрк. 12. 11 и Лук. 20. 17. Дѣян. 4, 11. 1 Петр. 2, 7), — во всякомъ случаѣ избраніе псалмопѣвцемъ такого образа, и притомъ вслѣдъ за изображеніемъ вступленія торжественной процессіи во врата храма, необходимо требуетъ предположить особенную близость его къ тогдашнимъ представленіямъ псалмопѣвца и народа и какое либо болѣе или менѣе близкое отношеніе его къ храму, или къ только что описанному предъ тѣмъ вступленію въ него торжественной процессіи. Иначе сказать, избраніе такого образа и особенно непосредственный переходъ къ нему отъ изображенія вступленія во храмъ тогда только могутъ быть вполнѣ понятны и естественны, когда мы признаемъ, что *поводомъ къ написанію псалма послужило празднество освященія втораго храма Іерусалимскаго*. При этомъ случаѣ радостное вступленіе во врата новаго храма естественно обращало мысль каждаго Іудея къ прошедшей исторіи его построенія, а тамъ уже при самомъ началѣ слышится глубоко-скорбное сознаніе крайней бѣдности предполагаемаго храма, сравнительно съ величіемъ перваго храма Соломонова (1 Ездр. 3, 11). Такимъ образомъ полагающіе основной камень новаго храма выражаютъ уже нѣкоторое небреженіе къ нему, а вскорѣ затѣмъ, при встрѣтившихся препятствіяхъ къ продолже-

нію построенія, и большая часть Іудеевъ обращаются къ своимъ домашнимъ занятіямъ и выказываютъ полное равнодушіе и небреженіе къ предпринятому ими священному дѣлу, такъ что даже самыя бѣдствія, посылаемыя Богомъ, не пробуждаютъ въ нихъ первоначальной ревности (Агг. 1, 6. 9—11). Но не смотря на всѣ препятствія, по дѣйствію Божественнаго Промысла, храмъ уже совершонъ; презрѣнный, отверженный нѣкогда основной камень его теперь предъ глазами торжествующаго народа является уже во главѣ угла,—поддерживающимъ цѣлое зданіе. «Это отъ Господа, и есть дивно въ очахъ нашихъ»,—невольно должны были сказать теперь всѣ, кому только извѣстна была исторія построенія освящаемаго храма; «сей день», — день празднованія освященія, — «сотворилъ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ оный!» Что таковъ именно первоначальный, буквально-историческій смыслъ многознаменательнаго образа отверженнаго камня, и что на немъ-то именно основывается и дальнѣйшій символическій его смыслъ въ отношеніи къ исторіи еврейскаго народа и совершенію домостроительства спасенія міра,—на это мы имѣемъ несомнѣнное доказательство въ свидѣтельствѣ живщаго при построеніи втораго храма пророка Захаріи, который, предсказывая объ устраненіи препятствій къ построенію храма и объ окончаніи его Зоровавелемъ, употребляетъ подобный же образъ основнаго камня и существенно въ тѣхъ же выраженіяхъ предъизображаетъ тогдашнюю радость народа («будутъ громко восклицать: благодать, благодать ему!»— Зах. 4, 7 и дал. ср. 3, 9), какъ это выражаетъ и нашъ псалмопѣвецъ («О, Господи, спаси же! О, Господи, споспѣшествуй же!»—ст. 25), такъ что нельзя не признать, что разсматриваемый нами псаломъ написанъ былъ имъ подъ живымъ впечатлѣніемъ исполнившагося пророчества Захаріи.—Наконецъ представленное нами историческое отношеніе 117-го Пс. къ освященію втораго храма подтверждаетъ намъ и то еще, что и всѣ остальныя, менѣе ясныя и опредѣленныя его части также хорошо объясняются изъ тогдашнихъ историческихъ обстоятельствъ, въ смыслѣ указаній частію на предшествующія празднованію событія плѣна, освобожденія изъ него (ст. 17—18) и построенія храма, — какъ-то: ненадежность обѣщаній и вѣроломство Персидскихъ царей (ст. 8—9 ср. 1 Ездр. 4, 6—22), враждебныя дѣйствія Самарянъ, старавшихся всѣми мѣрами препятствовать построенію храма и неисповѣренія ихъ замысловъ помощію Божіею (10—16 ср.

1 Ездр. 4, 1. 4—6. 5, 5 и проч.),—частію же какъ указанія на обстоятельства, сопровождавшія самое освященіе храма, каково принесеніе многочисленныхъ жертвъ Господу на новоустроенномъ Ему во храмѣ жертвенникѣ (ст. 27 ср 1 Ездр. 6, 17). Все это вмѣстѣ представляетъ такимъ образомъ цѣлую, законченную поучительную картину созданія втораго храма,—отъ времени возвращенія изъ плѣна, когда только-что дано было еще позволеніе на его построеніе, до совершенія освященія его при радостныхъ, хвалебно-благодарственныхъ восклицаніяхъ священниковъ и народа и многочисленныхъ жертвоприношеніяхъ, такъ что при разсмотрѣніи содержанія псалма въ полномъ его составѣ и послѣдовательной связи, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ предъ собою пѣснь на освященіе втораго храма Іерусалимскаго [1]).

Содержаніе прочихъ псалмовъ со славословіемъ: «славьте Господа» и «аллилуіа», не представляетъ такихъ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній, по которымъ бы съ несомнѣнностію можно было заключать, что и они, подобно 106 и 117-му псалмамъ, также относятся къ первому времени по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, не позже написанія книгъ Паралипоменонъ и Ездры. Впрочемъ и относительно этихъ псалмовъ нельзя не признать за несомнѣнное, что вообще они по своему содержанію очень подходятъ къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ означеннаго времени и не представляютъ никакихъ несообразностей съ нимъ или признаковъ отношенія къ болѣе позднему Маккавейскому періоду. Такъ *содер-*

---

[1]) Подобнымъ образомъ объясняютъ этотъ псаломъ уже Оригенъ, бл. Θеодоритъ и Беда (Scr. S. curs compl. T. XVI. p. 213), а также многіе изъ новѣйшихъ: Stier, Kurtz (Zur Theologie der Psalmen), Delitzsch, Ehrt (Abfassungszeit des Psalters), Bunsen, Moll. И вообще большинство новѣйшихъ толкователей согласны въ томъ, что этотъ псаломъ написанъ вскорѣ послѣ плѣна, и только расходятся въ опредѣленіи случая къ его написанію и одни, какъ Ewald и Tolück, относятъ его къ первому празднованію возвратившимися изъ плѣна праздника кущей (1 Ездр. 3, 1—4), а другіе, какъ Hengstenberg и O. v. Gerlach, къ торжеству закладки втораго храма Іерусалимскаго (1 Ездр. 3, 8 и дал.). Оба мнѣнія довольно согласуются съ содержаніемъ псалма, за исключеніемъ ст. 19—20, которые показываютъ, что ко времени написанія псалма храмъ уже былъ построенъ.

жаніе 112-го псалма, представляющее собою возбужденіе къ прославленію Господа, Который, владычествуя съ пренебеснаго своего престола надъ народами, нисходитъ для благодѣтельнаго попеченія объ угнетенныхъ и несчастныхъ; подобно какъ и содержаніе 106-го псалма, *вполнѣ идетъ къ состоянію Іудеевъ по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго*, когда они еще разъ въ продолженіи своей исторіи самымъ дѣломъ познали всемірное владычество Господа надъ царствами и народами (1 Ездр. 1, 1—3 ср. 2 Пар. 36, 22—23) и на самихъ себѣ испытали благодѣтельное дѣйствіе Его промышленія къ избавленію отъ угнетенія и бѣдствій (Ср. Пс. 112, 6—9 и 106, 36—41). Но возвращеніе изъ плѣна въ отечество, естественно напоминавшее собою Іудеямъ о древнемъ подобномъ же освобожденіи ихъ изъ рабства Египетскаго, еще не возвратило имъ прежней, потерянной ими свободы и благосостоянія. И въ своемъ отечествѣ они продолжали находиться подъ властію языческихъ правителей, принужденные при этомъ терпѣть отъ коварства и насилія полуязыческихъ своихъ сосѣдей,—Самарянъ. Начатое было по указу Кира возсозданіе храма Іерусалимскаго, **служившаго** въ народѣ іудейскомъ видимымъ образомъ существованія гражданственности и **θеократіи**, по проискамъ послѣднихъ, вскорѣ было остановлено вооруженною рукою (1 Ездр. 4), а вызванныя происшедшимъ вслѣдствіе такихъ препятствій охлажденіемъ народной ревности къ продолженію строенія храма Божія наказанія засухою и безплодіемъ (Агг. 1, 5—11. 2, 17—20. Зах. 8, 10 и др.) еще болѣе увеличивали бѣдственное состояніе только что возродившагося іудейскаго народа. Такое *положеніе возвратившихся изъ плѣна*, въ виду прежнихъ чудныхъ явленій промышленія Божія, естественно *должно было каждаго благочестиваго Израильтянина возбуждать къ молитвѣ Господу о помощи*, чтобы въ противномъ случаѣ язычники, видя ихъ бѣдственное состояніе и приписывая свое благополучіе и успѣхи своимъ идоламъ, не стали издѣваться надъ могуществомъ Бога Израилева (ср. Пс. 78, 10. Неем. 4, 1—5. 9.). А *такую именно молитву и имѣемъ мы въ псалмѣ 113-мъ*, гдѣ псалмопѣвецъ, послѣ воспоминанія о древнихъ Божіихъ благодѣяніяхъ къ еврейскому народу, явленныхъ въ избавленіи его отъ Египетскаго рабства и чудномъ водительствѣ на пути въ землю обѣтованную (Пс. 113, ст. 1—8), съ глубокимъ смиреніемъ и вѣрою въ божествен-

ное милосердіе, усердно просить Господа ради славы имени Его не допустить язычниковъ хвалиться своими идолами и говорить: «гдѣ Богъ ихъ» (ст. 9—10); ибо у Него только сила и могущество (ст. 11), а идолы язычниковъ—бездушныя изображенія, и такъ же безсильны и надѣющіеся на нихъ (ст. 12—16), а потому въ заключеніе псалма и приглашаетъ всѣхъ вѣрныхъ Израильтянъ возложить все упованіе на Господа, который одинъ только можетъ извлечь ихъ изъ опасности и дать имъ возможность прославлять святое имя Его (ст. 17—26).

Подобнымъ же образомъ слѣдующіе далѣе *псалмы 114—116 ничто не мѣшаетъ признать благодарственными пѣснями Господу за избавленіе Іудеевъ изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ какихъ находились они при построеніи втораго храма Іерусалимскаго.* Этого отчасти даже требуетъ отъ насъ близкое соотвѣтствіе благодарности 114-го псалма съ предшествующею ему молитвою Пс. 113-го (ср. особ. Пс. 113, ст. 25—26 и 114, 8—9), который мы отнесли ко времени означенныхъ трудныхъ обстоятельствъ; а псаломъ 114-й по содержанію своему находится въ тѣсной связи съ Пс. 115-мъ, такъ что въ еврейскомъ текстѣ оба они обыкновенно соединяются въ одну пѣснь подъ именемъ псалма 116-го. Въ предшествующемъ псалмѣ псалмопѣвецъ молилъ Господа избавить народъ свой отъ постыднаго, унизительнаго положенія его между язычниками и даровать ему свободную, самостоятельную жизнь, дабы онъ могъ всегда благословлять святое имя своего Избавителя (Пс. 113, 9—10. 17—19. 25—26), и вотъ Господь услышалъ молитвенный голосъ его (Пс. 114, 1—2): данное Даріемъ повелѣніе о безпрепятственномъ продолженіи постройки храма возвратило отчасти Іудеямъ миръ и благоденствіе и дало имъ надежду на полное возстановленіе прежняго ѳеократическаго устройства и свободнаго служенія Господу (ст. 7—9 ср. Зах. 8, 10—23). Сила лжи отвратила отъ Іудеевъ благосклонность царей Персидскихъ (1 Ездр, 4, 5—23), и это естественно приводило псалмопѣвца къ сомнѣнію вообще въ человѣческой вѣрности: «я сказалъ въ опрометчивости моей: всякій человѣкъ ложь» (Пс. 115, 2); но тѣмъ живѣе и искреннѣе является затѣмъ благодарность его Господу, которому онъ обѣщается принести благодарственныя жертвы и во дворахъ дома Его совершить обѣты свои (ст. 3—10), какъ бы указывая тѣмъ на ожидавшееся скорое окон-

чаніе храма Іерусалимскаго. Вмѣстѣ съ этимъ ожиданіемъ, при улучшеніи внѣшняго положенія возраждавшагося народа іудейскаго, естественно оживали въ немъ соединявшіяся съ именемъ Сіона и храма Іерусалимскаго древнія надежды на обращеніе къ Господу всѣхъ народовъ земныхъ (Исаіи 2, 2—4. 52, 1—12. 60, 1—22 и проч. Псс. 95, 96, 98, 99 и проч. ср. Агг. 2, 8. Зах. 2, 10—13. 6, 15. 8, 20—23), тѣмъ болѣе что уже и въ настоящемъ повелѣніе языческаго царя о созданіи храма въ Іерусалимѣ, не смотря на все противодѣйствіе тому сосѣднихъ съ Іудеями языческихъ народовъ, невольно возвышало ихъ въ глазахъ этихъ послѣднихъ и вызывало сознаніе могущества и величія Бога Израилева (1 Ездр. 6, 1—13 21. 22; ср. Неем. 6, 16). Отсюда естественно возникалъ тотъ торжественный зовъ псалмопѣвца: «хвалите Господа всѣ народы, прославляйте Его всѣ племена», — какой слышится въ краткомъ, но многознаменательномъ 116-мъ псалмѣ, котораго и потому уже нельзя относить къ позднѣйшему Маккавейскому времени, что онъ, по свидѣтельству Апостола, содержитъ въ себѣ пророчество о всеобщемъ призваніи язычниковъ въ церковь Христову (Рим. 15, 11), и слѣдовательно не можетъ нисходить далѣе времени послѣ-плѣнныхъ пророковъ, закончившихъ собою пророческое служеніе въ ветхозавѣтной церкви іудейской [1]).

Съ не меньшею вѣроятностію *псалмы 134 и 135 можно считать выраженіемъ благодарности возвратившихся изъ плѣна Іудеевъ къ Богу послѣ окончанія постройки храма и, можетъ быть, даже по случаю его освященія.* Псалмопѣвецъ не высказываетъ прямо, что́ было главнымъ и ближайшимъ предметомъ выражаемой имъ хвалы и благодарности Господу. Возбужденный къ благодарному прославленію Господа, онъ не останавливается особенно ни на одномъ изъ явленій милости Божіей, а проводитъ длинную цѣпь различныхъ милостей и благодѣяній Божіихъ къ Израилю со времени освобожденія его изъ Египетскаго рабства до наслѣдованія земли обѣтованной и бывшаго потомъ избавленія его отъ продолжительнаго угнетенія враждебными народами, подъ именемъ котораго, судя по ходу обозрѣнія Израильской исторіи и по сравненію

[1]) Подобнаго мнѣнія о происхожденіи Псс. 112—116 Calmet, O. v. Gerlach, Hengstenberg, Delitzsch, Ehrt и др. О Псс. 113 (евр. 115) и 116 (евр. 117) того же мнѣнія и Bunsen.

съ подобнымъ же обозрѣніемъ въ Пс. 105 (ср. 135, 23—24 и 105, 44—46), безъ сомнѣнія, слѣдуетъ разумѣть освобожденіе Евреевъ изъ плѣна Вавилонскаго [1]). Но принимая во вниманіе, что Пс. 134, по ясному указанію 2 ст., воспѣтъ былъ уже при существованіи храма Іерусалимскаго, когда сыны Израилевы стояли во дворахъ дома Бога своего, и находится въ особенно близкомъ отношеніи къ псалму 113-му, буквально повторяя, только въ другой послѣдовательности рѣчи, высказанныя въ немъ мысли о ничтожествѣ идоловъ и величіи и могуществѣ Іеговы (ср. Пс. 134, 5. 6. 15—18 и 113, 11—16), — весьма естественно заключать, что этотъ, а также и слѣдующій, совершенно сродный съ нимъ Пс. 135-й, написаны были въ то время, когда по милости Божіей устранены были печальныя обстоятельства, вызвавшія 113-й псаломъ, или точнѣе говоря, когда съ окончаніемъ постройки храма, не смотря на всѣ противодѣйствія тому со стороны язычниковъ, которые въ виду своихъ успѣховъ готовы уже были поносить Бога Израилева (Пс. 113, 10), самымъ дѣломъ открылось для Іудеевъ, что «великъ Господь Богъ ихъ, превыше всѣхъ боговъ, что Онъ творитъ, что хочетъ на небесахъ и на землѣ», а идолы язычниковъ бездушныя изображенія, которые безсильны оказать какую нибудь помощь надѣющимся на нихъ. Ближайшимъ временемъ къ выраженію такихъ чувствъ псалмопѣвца послѣ окончанія постройки храма, конечно, могло быть празднованіе освященія храма. Торжественный тонъ обоихъ псалмовъ, частое повтореніе въ одномъ изъ нихъ: «аллилуіа», въ другомъ: «славьте Господа, ибо Онъ благъ»... а также антифонное расположеніе 135-го псалма вполнѣ соотвѣтствуютъ такому празднованію (ср. 1 Ездр. 6, 16 и 3, 10—11); и такъ какъ при этомъ заключеніе 134-го псалма (ст. 19—20) почти буквально сходится съ началомъ воспѣтаго при освященіи втораго храма Іерусалимскаго псалма 117-го (ст. 2—4), то, кажется, не будетъ невѣроятнымъ предполагать, что разсматриваемые псалмы 134 и 135-й, такъ же какъ и 117-й псаломъ, написаны были на случай празднества освященія втораго храма Іерусалимскаго.

Точно также удобно объясняются изъ времени вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна и *три алфавитные псалма — «аллилуіа»: 110,*

---

[1]) Такъ объясняются 23—24 стихи и у бл. Ѳеодорита. Такого же мнѣнія Calmet и O. v. Gerlach.

111 и 118-й, хотя они сравнительно съ прочими псалмами того же рода и отличаются нѣсколько особеннымъ, приточно-поучительнымъ характеромъ. Наставленіе страху Божію и благочестію, похвала закону Божію и прославленіе блаженства благочестивыхъ хранителей закона, составляющія существенное содержаніе этихъ псалмовъ, вообще *очень идутъ ко времени выступившихъ вскорѣ послѣ плѣна благочестивыхъ руководителей іудейскаго народа, Ездры и Нееміи*, которые, при неусыпномъ попеченіи о внѣшнемъ благоустройствѣ возвратившихся изъ плѣна, главною своею заботою поставляли то, чтобы распространить въ народѣ знаніе закона Божія, искоренить въ немъ особенно распространенные пороки и внушить ему страхъ Божій и любовь къ соблюденію заповѣдей Божіихъ (1 Ездр. гл. 9 и 10. Неем. 5, 8 и 9 и проч.). Въ частности *псаломъ 110-й* по самому началу своему: «славлю Тебя, Господи... въ совѣтѣ праведныхъ и въ собраніи» (ст. 1),—напоминаетъ собою о времени Ездры и Нееміи, когда, по свидѣтельству исторіи, довольно часто созываемы были народныя собранія для поученія въ законѣ Божіемъ, которыя обыкновенно начинались и оканчивались прославленіемъ Господа (Неем. 8, 1. 6. 8. 9, 1. 3. 5 и дал. 5, 7—13 и проч.). А образъ богобоязненнаго мужа въ *псалмѣ 111* во всѣхъ характеристическихъ чертахъ своихъ представляетъ разительное сходство съ историческимъ образомъ самого благочестиваго Нееміи. Богобоязненность и любовь къ исполненію заповѣдей Божіихъ (Пс. 111, 1 ср. Неем. 5, 15. 8, 1—18), награждаемыя отъ Господа благословеніемъ этого мужа обиліемъ внѣшнихъ благъ (ст. 2—3 ср. Неем. 5, 14—19. 2, 18); дѣятельное попеченіе его о просвѣщеніи призваннаго къ праведности іудейскаго народа свѣтомъ богооткровеннаго ученія (ст. 4[а] ср. Неем. 8, 1—9 и проч. 9, 3 и проч.); особенная щедрость и благотворительность, побуждающія его употреблять свое богатство на вспоможеніе бѣднымъ и нуждающимся (ст. 4[б]. 5[а]. 9[а] ср. Неем. 5, 7 — 13. 8, 10 и дал.); твердость и неустрашимость характера при исполненіи его благихъ намѣреній, не смотря на клеветы и коварные замыслы завистливыхъ враговъ его (ст. 5[б]. 8. 10 ср. Неем. 4, 1. 7. 8. 11. 14. 6, 10—14. 19 и проч.):— все это черты, которыя мы видимъ въ характерѣ и образѣ дѣятельности благочестиваго Нееміи, такъ что въ виду такого сходства, кажется, не будетъ невѣроятнымъ предположеніе, что писатель псалма жилъ во времена Нееміи и хотѣлъ въ его лицѣ представить своимъ

современникамъ высоко-нравственный образецъ для подражанія [1]). Нѣкоторое сомнѣніе въ принадлежности тому же времени Ездры и Нееміи можетъ еще возникать при ближайшемъ разсмотрѣніи содержанія *псалма 118-го*. Это пѣснь въ похвалу закона Божія, или же точнѣе—молитва одного благочестиваго Израильтянина объ избавленіи среди угнетенія и преслѣдованій истинныхъ почитателей закона Божія отъ нечестивыхъ и вѣроломныхъ нарушителей его, особенно же отъ враждебнаго истинной религіи языческаго правительства, при чемъ псалмопѣвецъ утѣшается сознаніемъ спасительнаго дѣйствія наказующей руки Промысла и поученіемъ въ законѣ Божіемъ. Неоднократное при этомъ указаніе на враждебныя отношенія къ Іудеямъ языческаго правительства (ст. 23. 46. 161) и довольно ясно выражаемое различіе въ самомъ іудейскомъ народѣ благочестивыхъ чтителей Іеговы (ст. 74. 79. 165) и враждебныхъ имъ, нечестивыхъ, вѣроломныхъ отступниковъ (21. 53. 69. 70. 150. 158),—естественно могутъ наводить на мысль о происхожденіи псалма во времена гоненій на Іудеевъ отъ Антіоха Епифана или другихъ Египетско-Сирійскихъ правителей [2]), когда въ іудейскомъ народѣ ясно обнаружились двѣ противныя партіи,—благочестивыхъ охранителей іудейской религіи, Асидеевъ, и нечестивыхъ отступниковъ отъ истинной вѣры, изъ угожденія языческимъ своимъ владыкамъ, стремившихся къ введенію между своими соотечественниками языческой цивилизаціи. Однако же нельзя сказать, чтобы ничего подобнаго не представлялось въ положеніи Іудеевъ и во времена Ездры и Нееміи, когда они находились подъ Персидскимъ владычествомъ. При всей благосклонности Персидскихъ царей, и въ это время Іудеямъ нерѣдко приходилось терпѣть явныя насилія и притѣсненія отъ персидскихъ сатраповъ и эти притѣсненія по преимуществу направляемы были противъ благочестивыхъ чтителей Іеговы, заботившихся о церковномъ и гражданскомъ благоустройствѣ іудейскаго народа, какъ это видимъ въ исторіи самого Нееміи (Неем. 4, 1. 7. 8. 6, 1—14), и иногда прямо принимали характеръ религіознаго гоненія, каковы

---

[1]) Подобнаго мнѣнія о происхожденіи 110 и 111 Пс. уже Бека, Calmet и Genebrardus (Scr. S. curs compl. in h. Ps.). Также Hengstenberg, O. v. Gerlach, Ehrt и др.

[2]) Такое мнѣніе вслѣдъ за Гитцигомъ и др. высказываетъ и Delitzsch.

напримѣръ были совокупныя съ Самарянами старанія нѣкоторыхъ персидскихъ областеначальниковъ остановить постройку храма (1 Ездр. 5, 3. 6 и проч.), особенно же каковы были угнетенія Іудеевъ персидскимъ военачальникомъ Вагозомъ въ царствованіе Артаксеркса III Оха [1]), когда въ теченіе 7 лѣтъ самыя жертвоприношенія во храмѣ Іерусалимскомъ обложены были пошлиною [2]). И вообще какъ ненадежна была благосклонность къ Іудеямъ Персидскихъ государей достаточно видно изъ того, что они часто измѣняли свои обѣщанія и даже извѣстный особенною своею благосклонностію къ Іудеямъ Артаксеркъ I Лонгиманъ (1 Ездр. 7, 11—26. Неем. 2, 1—8), по клеветамъ одного изъ приближенныхъ своихъ царедворцевъ, позволилъ себѣ въ одно время выдать повелѣніе объ истребленіи всѣхъ Іудеевъ по всѣмъ областямъ царства Персидскаго (Есѳ. 3, 8—14) [3]). Равнымъ образомъ изъ свидѣтельствъ І. Флавія и самой кн. Нееміи видно, что и среди самихъ Іудеевъ, даже изъ числа знат-

---

[1]) Безъ сомнѣнія еще при жизни Нееміи, такъ какъ упоминаемый въ его книгѣ первосвященникъ Іонаѳанъ былъ современникомъ Оха (Неем. 12, 11. 22 ср. І. Флав. Древ. Іуд. кн. XI гл. 7. § 2. гл. 8). Нѣкоторые полагаютъ, что имена первосвященниковъ Іонаѳана и Іаддуя внесены въ родословіе впослѣдствіи постороннею рукою (Vitringa,—Observatt. VI. p. 337. Cleric. ad h. l. и проч.); но, не касаясь того, на сколько вѣроятно такое предположеніе по отношенію къ имени Іаддуя, можемъ сказать съ увѣренностію, что Неемія жилъ еще и дѣйствовалъ при первосвященникѣ Іонаѳанѣ; ибо далѣе въ его книгѣ говорится объ удаленіи имъ одного изъ сыновей Іоіады зятя Санаваллатова (гл. 13, 28), а Іонаѳанъ тоже былъ сынъ Іоіады и безъ сомнѣнія еще старшій, почему и преемствовалъ отцу своему въ званіи первосвященника (Ср. Библ. Ист. Филарета Митр. Моск. стр., 543—544 по изд. 1819 г).

[2]) Ср. І. Флав. Древн. Іуд. кн. XI гл. 7 и 8, и прот. Аніона 1, 22. Также хроники Евсевія и Синкелла и Hist. Orosii 3, 7 и проч.

[3]) Въ евр. Библіи этотъ Персидскій царь называется Ахашверошъ, подъ которымъ одни разумѣютъ Дарія Истаспа (какъ въ Ист. кн. Св. П. Гуляева), другіе—Ксеркса (какъ въ Св. Ист. Богословскаго), а нѣкоторые даже Ціаксара (см. Сегаля,—Ист. Евр. нар.). Мы полагаемъ, согласно переводу LXX и мнѣнію І. Флавія (Древн. Іуд. II, 6), что это былъ Артаксеркъ Лонгиманъ, какъ и въ Руководствѣ къ чтенію свящ. П. Амвросія. § 22, и въ Библ. Ист. Филарета М. Московскаго (стр. 374 и 375).

нѣйшихъ изъ нихъ, были въ то время многіе такіе, которые изъ угожденія персидскимъ областеначальникамъ и изъ личныхъ своихъ видовъ, готовы были измѣнить отеческимъ преданіямъ и явно стать гонителями истинныхъ чтителей закона Божія (Древн. Іуд. XI, 7, 1; ср. Неем. 6, 17 — 19. 13, 4 — 8 и проч.). Въ виду такого рода обстоятельствъ, составленіе псалма 118-го во времена Ездры и Нееміи является вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе что выраженіе стремленія къ живому и дѣятельному познанію закона Божія, прославленіе его совершенствъ и важности его храненія, составляющія существенное содержаніе псалма, прекрасно соотвѣтствуютъ сознанной тогда потребности изученія закона и ревностнаго соблюденія его, между тѣмъ какъ за исключеніемъ вышеуказаннаго совпаденія историческихъ признаковъ этого времени съ временемъ Маккавеевъ, въ содержаніи псалма не представляется никакихъ другихъ побужденій относить его именно къ послѣднему времени [1]).

Изъ времени же Ездры и Нееміи удобно объясняются и остальные псалмы «аллилуіа». 145—150, оканчивающіе собою Книгу Хваленій (סִפְרַ תְּהִלִּים), или хвалебныхъ пѣсней израилевыхъ. Благодарность Господу за избавленіе и возвышеніе Израиля среди народовъ, въ связи съ указаніями на устроеніе Іерусалима и укрѣпленіе воротъ Сіона и радостными надеждами на утвержденіе царства Божія на землѣ, и вообще торжественный, ликующій тонъ этихъ псалмовъ,—все это какъ нельзя болѣе идетъ къ празднеству освященія стѣнъ Іерусалима, въ возстановленіи которыхъ Іуден

---

[1]) Такого же мнѣнія о происхожденіи 118 псалма: Hengstenberg, O. v. Gerlach, Ehrt, Сегаль (Ист. Евр. народа, стр. 176 по 2 изд.). Близко къ этому мнѣніе древнихъ: Оригена, Ѳеодора Иракл., древняго греческаго парафраста у Кордерія и Беды, которымъ слѣдуетъ и Калметъ,— именно, что это пѣснь одного изъ Вавилонскихъ плѣнниковъ. Очень вѣроятно, что писатель ея былъ въ плѣну (ср. ст. 54. 61. 67 и 71) и послѣ возвращенія изъ плѣна, вполнѣ сознавая такое благодѣяніе Божіе (ст. 26. 65. 92—93), въ то же время чувствуетъ на себѣ и на своемъ народѣ остатки угнетенія и отъ языческихъ правителей, и отъ внутреннихъ враговъ изъ среды своихъ соотечественниковъ, и почерпаетъ отсюда новое побужденіе сильнѣе прилѣпляться къ закону Божію и въ немъ искать себѣ утѣшенія.

видѣли залогъ своего національнаго возвышенія и потому праздновали это событіе съ особенною радостію и торжественностію [1]). Разсматриваемые по отношенію къ такому празднеству, всѣ эти псалмы представляютъ какъ бы одинъ, раздѣленный на нѣсколько частей торжественный гимнъ, въ которомъ псалмопѣвецъ, внушая торжествующему народу тотъ благочестивый взглядъ на совершившееся предъ нимъ радостное событіе, какой имѣлъ на него и самъ виновникъ торжества Неемія,— именно, что все это есть дѣло «благодѣющей руки Промысла» (Неем. 2, 8. 18. 20. 4, 14. 15. 6, 16.), возбуждаетъ его, а съ нимъ и весь духовный и вещественный міръ къ благодарному прославленію Господа-благодѣтеля. *Псаломъ 145-й*, съ предлагаемымъ имъ наставленіемъ не полагаться на князей земныхъ, а уповать на Господа, въ отношеніи къ цѣлой группѣ вмѣстѣ взятыхъ псалмовъ, представляетъ какъ бы вступленіе, вполнѣ приличное и цѣлесообразное при названномъ нами праздновании. Возстановленіе стѣнъ Іерусалима, совершившееся ближайшимъ образомъ благодаря благосклонности и содѣйствію Артаксеркса (Неем. 2, 5—8), естественно къ нему обращало взоры и надежды плотскихъ Іудеевъ; но недавнія событія возстановленія храма ясно показывали, какъ мало можно полагаться на благосклонность и обѣщанія Персидскихъ государей, которые то являлись покровителями ихъ, то, внимая клеветамъ на нихъ, препятствовали имъ въ возстановленіи храма (1 Ездр. 1, 1—11. 4, 5—24): потому при праздновании освященія стѣнъ святаго города и нужно было предложить такимъ Іудеямъ наставленія не увлекаться ложными надеж-

---

[1]) Такого именно мнѣнія о времени происхожденія 145—150 псалмовъ держались и держатся большая часть новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей Псалтири: Muisius, Grotius, Calmet (Scr. S. curs. compl. in h. Ps.). O. v. Gerlach, Tholuck, Hengstenberg, Ewald, Dillmann, Zunz, Keil, Delitzsch, Ehrt и проч. Подобное мнѣніе объ отношеніи этихъ псалмовъ къ возстановленію Іерусалима послѣ плѣна встрѣчается и у древнихъ церковныхъ толкователей: Оригена (Scr. S. curs. compl. T. XVI. p. 744), Златоуста, Θеодорита, Евѳимія Зигабена, хотя они, за исключеніемъ Оригена, понимали такое отношеніе въ смыслѣ пророчественномъ, считая эти псалмы предсказаніями Давида о временахъ возстановленія Іерусалима послѣ плѣна.

дами на благосклонность земныхъ своихъ покровителей, а возлагать все упованіе на Господа, единственно-вѣрнаго помощника нуждающихся въ помощи [1]). «Не надѣйтесь на князей, на сына человѣческаго, въ которомъ нѣтъ спасенія. Выходитъ духъ его, и онъ возвращается въ землю свою; въ тотъ день исчезаютъ всѣ помышленія его (ст. 3—4)». Такъ со смертію Кира забыты были и едва совершенно не погибли для Іудеевъ его благодѣтельные планы и намѣренія: такая же, конечно, участь ожидаетъ и того земнаго покровителя, въ благосклонности котораго они, въ виду уже оказаннаго имъ содѣйствія къ возстановленію Іерусалима, думали бы полагать залогъ будущаго своего благосостоянія. «Блаженъ только тотъ, кому помощникъ Богъ Іаковлевъ, у кого надежда на Господа Бога его» (ст. 5), Творца и Промыслителя вселенной, Освободителя плѣненныхъ, всегдашняго Защитника и Покровителя несчастныхъ, угнетенныхъ (ст. 6—9), который одинъ лишь вѣчно неизмѣненъ въ Своихъ обѣтованіяхъ (ст. 6[б]) и «будетъ царствовать въ Сіонѣ въ родъ и родъ» (ст. 10). Отсюда естественное заключеніе, что Господу единому принадлежитъ хвала и благодарность за торжествуемое возстановленіе Іерусалима, равно какъ и за всѣ тѣ блага, какія получили Іудеи отъ благоволенія царей Персидскихъ въ возвращеніи изъ плѣна и благоустроеніи въ своемъ отечествѣ. Съ этой именно мысли и начинаетъ псалмопѣвецъ слѣдующій *146-й псаломъ* и развиваетъ ее въ прочихъ четырехъ псалмахъ, призывая освобожденнаго Израиля, новосозданный Іерусалимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ духовный міръ и всю неразумную природу къ благодарному прославленію Господа: «хвалите Господа, ибо благо пѣть Богу нашему, ибо это сладостно,—хвала подобающая. Господь созидаетъ Іерусалимъ, собираетъ изгнанниковъ Израиля» (Пс. 146, 1—2). «Хвали Іерусалимъ Господа; хвали, Сіонъ, Бога твоего, ибо Онъ укрѣпляетъ вереи воротъ твоихъ, благословляетъ сыновъ твоихъ среди тебя; утверждаетъ въ предѣлахъ твоихъ миръ; тукомъ пшеницы насыщаетъ тебя» (Пс. 147, 1—3). «Онъ возвысилъ рогъ народа Своего, славу всѣхъ святыхъ Своихъ (148, 14). «Да веселится Израиль о Создателѣ своемъ; сыны Сіона да радуются о Царѣ своемъ (Пс. 149, 2)»!

---

[1]) Ср. подобное объясненіе въ Душеп. Чт. 1868 г. ч. I, стр. 311—312.

Сопоставленіе созданія Іерусалима съ собраніемъ изгнанниковъ Израиля въ приведенномъ мѣстѣ 146-го псалма, особенно въ связи его съ нераздѣльнымъ съ нимъ по содержанію *псалмомъ 147-мъ* [1]), гдѣ говорится объ укрѣпленіи воротъ Сіона, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что псалмы эти относятся къ тому именно созданію Іерусалима, которое происходило вслѣдъ за возвращеніемъ изъ плѣна и состояло въ возстановленіи стѣнъ святаго города съ ихъ воротами и запорами, т. е. которое совершено было при Нееміи (Неем. 3, 1—32. 6, 15. 7, 1—3). Съ этимъ временемъ и событіемъ вполнѣ согласуются и всѣ другія, исчисляемыя псалмопѣвцемъ благодѣянія Господа къ боящимся Его,—уврачеваніе скорбей (Пс. 146, 3), избавленіе отъ униженія (ст. 6. Пс. 148, 14), утвержденіе мира въ ихъ предѣлахъ и благословеніе обиліемъ плодовъ земныхъ (Пс. 147, 3. 146, 8), потому что совершившееся тогда возстановленіе стѣнъ Іерусалима устраняло всего болѣе опечаливавшее возвратившихся изъ плѣна, беззащитное, бѣдственное положеніе святаго города (Неем. 1, 3. 2, 17), возвышало ихъ въ глазахъ сосѣднихъ языческихъ народовъ и тѣмъ подавало надежду на упроченіе мира въ ихъ странѣ (1 Ездр. 4, 16. Неем. 6, 16), и въ то же время, сопровождаясь обильнымъ урожаемъ ихъ полей (Неем. 12, 44), послѣ не разъ испытанныхъ въ предшествующее время бѣдствій засухи и безплодія (Агг. 1, 6. 2, 17—18. Неем. 5, 3), естественно давало псалмопѣвцу, поводъ поставлять въ непосредственной связи съ нимъ и это благодѣяніе Божіе. *Псаломъ 148-й*, представляющій торжественное призываніе къ прославленію Господа всего видимаго и невидимаго міра, разумной и неразумной природы, и *Псаломъ 149-й*, приглашающій сыновъ Сіона воспѣть новую пѣснь Царю своему, имѣющему воздать отмщеніе враждебнымъ имъ народамъ земнымъ, очевидно составляютъ подражаніе пророчественнымъ пѣснямъ Исаіи пророка о царствѣ Мессіи (Ис. 44, 23. 49, 13; ср. 35, 1—2. 55, 12. 42, 10—13) и безъ сомнѣнія, подобно этимъ пѣснямъ, въ духовномъ смыслѣ относятся къ послѣднему торжеству Церкви Новозавѣтной [2]).

---

[1]) На основаніи особенно близкаго соотношенія этихъ псалмовъ между собою, въ евр. Библіи они обыкновенно соединяются въ одинъ подъ именемъ псалма 147-го.

[2]) Какъ толкуютъ эти псалмы: св. Иларій, бл. Августинъ, Златоустъ

Но принимая во вниманіе, что съ возстановленіемъ Іерусалима послѣ плѣна въ предсказаніяхъ пророковъ обыкновенно соединяется мысль объ откровеніи вѣчнаго всемірнаго царства Іеговы и о судѣ Его надъ непокорными народами (Ис. 60, 1—22. 62, 1—63, 6. 44, 13—25. 45, 14—25. 49, 8—26 и проч.), вполнѣ естественно предположить, что празднованіе ближайшаго исполненія такихъ пророчествъ,—возстановленія святаго города, могло и должно было переносить взоръ благочестиваго псалмопѣвца къ болѣе отдаленному будущему, когда, по дальнѣйшему смыслу тѣхъ же пророчествъ, Іегова придетъ наконецъ совершить судъ Свой надъ народами и утвердить царство Свое во вселенной; а при такомъ пророчественномъ возрѣніи на возстановленіе Іерусалима празднованіе этого событія естественно могло вызвать такіе же хвалебные гимны, какіе по пророчеству Исаіи, должны раздаваться по откровеніи вѣчнаго, всемірнаго царства Божія, послѣ пришествія Мессіи. Впрочемъ высказываемыя въ Пс. 149 надежды на отмщеніе царямъ и народамъ земнымъ могли возникнуть въ душѣ псалмопѣвца по случаю возстановленія стѣнъ Іерусалима и помимо высшихъ стремленій и ожиданій наступленія всемірнаго царства Мессіи, по обыкновеннымъ человѣческимъ чувствамъ и соображеніямъ. Уже тогдашнія языческіе народы сознавали, что съ возстановленіемъ Іерусалима должна начаться для Іудеевъ новая лучшая эпоха политической жизни, съ надеждою на полное освобожденіе отъ зависимости иноземнымъ государямъ (1 Ездр. 4, 16. Неем. 2, 19. 6, 6. 16), почему и старались всѣми мѣрами противодѣйствовать имъ въ исполненіи предпринятаго ими возстановленія стѣнъ святаго города (Неем. 4, 7—8). Нельзя полагать, чтобы и сами Іудеи не соединяли подобныхъ же надеждъ съ своимъ предпріятіемъ, а потому встрѣчаемое со стороны языческихъ народовъ противодѣйствіе къ исполненію его должно было возбуждать въ душѣ ихъ только большее желаніе скорѣйшаго отмщенія противникамъ (Неем. 4, 4—5 6, 14), которое очень естественно и нашло себѣ выраженіе въ благодарственной ихъ пѣсни своему Создателю и Царю, когда они съ возстановленіемъ Іерусалима, увидѣвъ достиженіе ближайшихъ

и др. Ср. Пс. 148 съ Рим. 8, 19—21 и Апок. 5, 13. 19, 1. 5. 6. 12, 12; Пс. 149, 1—3 съ Апок. 14, 2—3; также 15, 2—4.

своихъ стремленій, получали отсюда основаніе надѣяться на исполненіе въ будущемъ и тѣхъ опасеній, какія оно возбуждало въ язычникахъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что самый образъ выраженія, въ какомъ высказывается желаніе отмщенія враждебнымъ народомъ: «да будутъ славословія Богу въ устахъ ихъ, и мечъ обоюдуострый въ рукѣ ихъ для того, чтобы совершать мщеніе надъ народами (ст. 6)», какъ нельзя болѣе идетъ къ указанному случаю, напоминая собою положеніе Іудеевъ при возстановленіи стѣнъ Іерусалима, когда они съ молитвою въ устахъ и съ мечемъ въ рукѣ должны были производить работы (Неем, 4, 9. 14. 17. 23).—И вообще во всѣхъ псалмахъ представленіе собравшагося въ Сіонъ празднующаго народа, непосредственное отношеніе празднованія къ Сіону (Пс. 147, 1—2. 149, 1—2. 145, 10. 146, 1—2), торжественный характеръ празднества съ антифоннымъ пѣніемъ славословій Господу (Пс. 146, 7), и наконецъ исчисленіе въ *Псалмѣ 150-мъ* употреблявшихся при этомъ музыкальныхъ инструментовъ (ст. 3—5),—все вполнѣ соотвѣтствуетъ празднованію освященія стѣнъ Іерусалима, которое дѣйствительно происходило при стеченіи всего народа въ Іерусалимъ (Неем. 12, 27. 30), съ антифоннымъ пѣніемъ славословій Господу (ст. 31. 40), при звукѣ почти всѣхъ тѣхъ орудій, какія упоминаются въ псалмахъ (ст. 27. 35. 36) и отличалось особенно радостнымъ и торжественнымъ характеромъ, такъ что, по выраженію историка, «веселились тогда и жены и дѣти (ср. Пс. 148, 12) и веселіе Іерусалима далеко было слышно (Неем. 12, 43)».

Такимъ образомъ всѣ вышеисчисленные псалмы: «аллилуіа» и «славьте Господа» по содержанію своему или прямо указываютъ на время послѣ возвращенія изъ плѣна и возстановленія храма и Іерусалима, или удобно объясняются въ примѣненіи къ различнымъ обстоятельствамъ этого времени, и во всякомъ случаѣ не заключаютъ никакихъ несообразностей съ нимъ или указаній на времена позднѣйшія. Конечно, возможность примѣненія какихъ либо писаній къ извѣстному времени, равно какъ и отсутствіе въ нихъ признаковъ другаго времени, дѣлая вѣроятнымъ отношеніе ихъ къ первому, сами по себѣ не могутъ еще служить доказательствами дѣйствительнаго историческаго отношенія ихъ къ тому времени, примѣнительно къ которому они объясняются; но въ отношеніи къ разсматриваемымъ псалмамъ, какъ выше было замѣчено, этотъ недостатокъ вос-

полняется внѣшними свидѣтельствами древняго преданія, которыми они приписываются тому же времени по возвращеніи изъ плѣна, какъ это даетъ предполагать и ихъ содержаніе. Именно, въ древнемъ греческомъ переводѣ LXX-ти псалмы 145—148, а также, хотя и не во всѣхъ спискахъ, псалмы 110, 111, 112 и 150 надписываются именами послѣ-плѣнныхъ пророковъ «Аггея и Захаріи» и даже, какъ псалмы 110 и 111, съ опредѣленнымъ указаніемъ на время ихъ пророческаго служенія послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго: «Аллилуіа возвращенія Аггея и Захаріи» [1]). Выше мы уже имѣли случай замѣтить, что такого рода надписанія и самымъ соединеніемъ въ нихъ именъ двухъ лицъ, и особенно тѣмъ, что встрѣчаются еще и при такихъ псалмахъ, которые въ еврейскомъ текстѣ, а вслѣдъ за нимъ и въ переводахъ, приписываются и по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ принадлежатъ Давиду (см. Пс. 137 и 138), ясно показываютъ, что они не имѣютъ значенія указаній писателей обозначенныхъ ими псалмовъ и могутъ быть понимаемы не иначе, какъ только въ смыслѣ свидѣтельствъ о времени, въ какое эти псалмы наиболѣе пользовались извѣстностію, или точнѣе о времени богослужебнаго употребленія ихъ, именно—въ періодъ служенія тѣхъ пророковъ, именами которыхъ означены они въ надписаніяхъ [2]). И съ этой точки зрѣнія мы не находимъ никакихъ

---

[1]) У псалмовъ 145, 147 и 148-го такія надписанія читаются и въ нашемъ славянскомъ переводѣ, равно какъ и въ другихъ древнихъ переводахъ, за исключеніемъ халдейскаго; у прочихъ же псалмовъ большею частію только по греческому и латинскому переводамъ, какъ напр. у Пс. 110-го—въ Вульгатѣ и у бл. Августина, у Пс. 111 тамъ же и у св. Аѳанасія, при 112-мъ псалмѣ—у Евсевія, при 146 Пс.—въ Ватиканскомъ спискѣ LXX-ти и другихъ древнихъ греческихъ и латинскихъ Псалтиряхъ, при 150 Пс.—въ древнемъ греческомъ кодексѣ Кольберта и нѣкот. др. (См. Calmeti Comment. in h. Ps. и Scr. S. curs. compl.).

[2]) См. выше о Псс. 137, 138, 64; ср. также о Псс. 121, 123, 126, 130—132 и общія замѣчанія о надписаніяхъ и псалмахъ анонимныхъ. Такое мнѣніе высказано было уже Salomon van Til'емъ въ его Commentarie op. de Pss. (изд. въ нѣм. пер. въ 1697 г. въ Франкфур.). Тоже мнѣніе высказывали потомъ Cramer (Einleit. in die Ps. S. 30) и Hengstenberg (Comm. zu diesen Pss.). Ср. еще Köhler's Haggai S. 33.

основаній заподозрѣвать достовѣрность ихъ свидѣтельства. Чтобы отказать имъ въ достовѣрности и такимъ образомъ имѣть право обозначенные ими псалмы относить къ позднѣйшему, напр. Маккавейскому времени, какъ того хотятъ защитники Маккавейской гипотезы, для этого нужно предположить въ нихъ или ненамѣренную ошибку, или же намѣренный обманъ со стороны ихъ составителя. Но первое предположеніе представляется возможнымъ и вѣроятнымъ въ томъ только случаѣ, если допустимъ, что между составителемъ надписаній и писателемъ обозначенныхъ ими псалмовъ прошелъ настолько значительный промежутокъ времени, что первоначальное достовѣрное преданіе о времени происхожденія или употребленія тѣхъ псалмовъ успѣло уже утратиться и уступило мѣсто сомнительнымъ догадкамъ, изъ коихъ одна и могла быть занесена потомъ въ собраніе псалмовъ. Наоборотъ, чѣмъ короче промежутокъ времени, отдѣляющій составителя надписаній отъ писателей псалмовъ, тѣмъ менѣе можетъ быть мѣста предположенію со стороны перваго какихъ либо сомнительныхъ догадокъ о времени происхожденія псалмовъ, въ замѣнъ достовѣрнаго о томъ преданія. Еще менѣе, конечно, можетъ имѣть при этомъ вѣроятности предположеніе какихъ либо преднамѣренныхъ несправедливыхъ указаній о времени происхожденія псалмовъ, съ цѣлію возвести ихъ въ какой либо болѣе извѣстной въ исторіи эпохѣ или усвоить какимъ либо наиболѣе авторитетнымъ писателямъ. Но чѣмъ къ позднѣйшему времени мы будемъ низводить происхожденіе тѣхъ или другихъ псалмовъ, тѣмъ они ближе будутъ стоять ко времени составленія ихъ греческаго перевода и нераздѣльно съ тѣмъ ихъ греческихъ надписаній, и слѣдовательно тѣмъ меньше будетъ вѣроятности заподозрѣвать эти послѣднія въ сообщеніи о надписанныхъ ими псалмахъ какихъ либо невѣрныхъ свѣдѣній. Такъ, если слѣдуя господствующему мнѣнію о происхожденіи греческаго перевода Псалмовъ и нераздѣльно съ нимъ греческихъ надписаній около времени перевода другихъ книгъ Свящ. Писанія при Птоломеѣ Филадельфѣ (ок. 271 до Р. Хр.), допустимъ при этомъ, что вышеозначенные псалмы, надписанные въ греческомъ переводѣ именами Аггея и Захаріи, произошли позднѣе времени служенія этихъ пророковъ; то между ихъ первоначальнымъ происхожденіемъ и составленіемъ перевода и надписаній будетъ слишкомъ незначительный промежутокъ времени для того, чтобы можно было съ вѣроятностію

предположить ко времени составленія перевода совершенную утрату всѣхъ историческихъ свѣдѣній объ этихъ псалмахъ, подъ условіемъ которой единственно и возможно было для переводчиковъ на основаніи своихъ догадокъ ошибочно отнести ихъ къ другому, древнѣйшему времени. Еще менѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе подобной утраты вѣрныхъ свѣдѣній и происхожденія въ замѣнъ ихъ ошибочныхъ догадокъ, если согласно съ защитниками Маккавейской гипотезы допустимъ, что вышеозначенные псалмы принадлежатъ Маккавейскому времени. Мы не говоримъ уже о томъ, что принятіе такой гипотезы возможно лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда предварительно будетъ принята другая, не болѣе вѣроятная гипотеза, что греческій переводъ Псалтири сдѣланъ былъ значительно позднѣе перевода другихъ книгъ Св. Писанія, и именно такъ, что прежде его происхожденія успѣли войти въ составъ образовавшагося при Ездрѣ собранія псалмовъ многія позднѣйшія пѣсни Маккавейскаго происхожденія [1]). Допустимъ на время, что все это совершенно вѣроятно и вполнѣ доказано, во всякомъ случаѣ и при этомъ условіи несогласныя съ Маккавейскою гипотезою греческія надписанія разсматриваемыхъ псалмовъ не могутъ быть объяснены ошибкою переводчиковъ, допущенною ими вслѣдствіе утраты достовѣрныхъ историческихъ свѣдѣній объ этихъ псалмахъ. Какъ бы ни поздно было происхожденіе греческаго перевода Псалмовъ, во всякомъ случаѣ оно раньше начала христіанской эры; ибо у Филона, родившагося ок. 20 г. до Р. Хр., вмѣстѣ съ другими книгами Свящ. Писанія цитуются и псалмы по этому переводу, а во времена Іисуса Христа мы видимъ его въ широкомъ употребленіи не только между эллинистами, но и палестинскими Іудеями [2]), да и сами защитники гипотезы о Маккавейскихъ псалмахъ соглашаются признать, что его нельзя низводить позднѣе половины послѣдняго столѣтія предъ Р.

---

[1]) Такое мнѣніе высказываетъ и Delitzsch. См. его Comment. über die Psalmen. S. 9—10. Подробнѣе въ Real-Encyklop. v. Herzog Bd. XII: Die Psalmen 3.

[2]) Ср. мѣста изъ псалмовъ въ Евангеліяхъ и другихъ новозавѣтныхъ писаніяхъ, а также у Флавія. См. Spittler, de usu vers. Alex. ap. Josephum. Gott. 1779. Michaelis, Op. Bibl. V. 221 sq. VII. 189 и проч.

Хр. [1]). Но въ этомъ случаѣ переводчики псалмовъ естественно приходятся почти современниками нѣкоторыхъ изъ предполагаемыхъ Маккавейскихъ псалмопѣвцевъ, какъ Александра Іаннея († 75 до Р. Хр.), и вообще будутъ отдѣляться отъ нихъ очень незначительными промежутками времени [2]), и потому совершенно невѣроятно, чтобы они не могли имѣть достовѣрныхъ свѣдѣній о написанныхъ ими псалмахъ и должны были ограничиваться своими ошибочными догадками. Такая скорая утрата историческихъ свѣдѣній о псалмахъ Маккавейскаго времени тѣмъ невѣроятнѣе, что самый характеръ этого времени съ его патріотически-геройскимъ возбужденіемъ, важное національное значеніе событій, къ которымъ примѣняются предполагаемые Маккавейскіе псалмы, громкая слава предполагаемыхъ писателей, — словомъ, все требовало, чтобы воспѣтыя тогда пѣсни получили себѣ особенную извѣстность между современниками и надолго остались въ памяти потомковъ, какъ живыя свидѣтельства славнаго прошедшаго. При такихъ условіяхъ скорѣе слѣдовало ожидать, что еслибъ переводчиками въ прибавленныхъ ими надписаніяхъ псалмовъ и была какимъ либо образомъ допущена ошибка, то она скоро бы была замѣчена и исправлена ихъ современниками. А при этомъ, конечно, невозможнымъ становится предположеніе и намѣреннаго обмана со стороны составителей надписаній. Впрочемъ, въ отношеніи къ разсматриваемымъ надписаніямъ, рѣшительно не представляется и побужденій прибѣгать къ подобному обману. Единственное, что могло располагать къ нему составителя надписаній, это— желаніе придать надписываемымъ пѣснямъ авторитетъ священной древности и тѣмъ возвысить ихъ значеніе въ глазахъ современниковъ; но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы приписать ихъ не позднѣйшимъ послѣ-плѣннымъ пророкамъ, а скорѣе, наравнѣ съ Пс. 89-мъ, древне-

---

[1]) Hitzig—Die Ps. übers. u. ausleg. 1863—5. Einleit.: cp. Lengerke. 5. Bb. d. Ps. XXIX—XXXI.

[2]) Такъ самый древнѣйшій изъ Маккавеевъ, которымъ, или ко времени которыхъ приписываются псалмы, именно—Іуда Маккавей будетъ отдѣляться однимъ только столѣтіемъ († 161 г. до Р. Хр.), изъ котораго притомъ, безъ сомнѣнія, около половины должно пасть на время жизни переводчиковъ; другіе Маккавеи, конечно, должны отдѣляться еще меньшими промежутками времени, такъ какъ Іонаѳанъ † 143, Симонъ † 135, Іоаннъ Гирканъ и Аристовулъ † 104 г. до Р. Хр.

му пророку и законодателю Моусею, или другому какому либо изъ древнихъ великихъ пророковъ, или же, наконецъ, самому отцу псалмопѣнія Давиду. А съ другой стороны, если большая часть Маккавейскихъ псалмовъ принадлежала благочестивымъ и мужественнымъ защитникамъ вѣры и отечества, братьямъ Маккавеямъ, избавившимъ Израиля отъ угнетенія иноземныхъ языческихъ правителей и прославившимъ его между народами; то для глубоко признательнаго имъ Израиля (ср. 1 Макк. 3, 1—9. 12, 52. 53. 13. 2—9. 14. 25—48 и проч.), въ виду живыхъ еще свидѣтельствъ о ихъ геройскихъ подвигахъ, при общемъ сознаніи всей высокой важности такихъ подвиговъ для блага отечества, казалось бы, и ихъ авторитета было вполнѣ достаточно, чтобы упрочить значеніе составленныхъ ими пѣсней, и во всякомъ случаѣ было бы несообразно съ признательностію Іудеевъ и вообще неблагородно отнимать у нихъ славу—быть, подобно Давиду, не только побѣдителями враговъ и благоустроителями церковнаго и гражданскаго порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвцами Израиля. Такимъ образомъ все располагаетъ насъ признать, что греческія надписанія псалмовъ именами послѣ-плѣнныхъ пророковъ Аггея и Захаріи вовсе не плодъ какихъ либо намѣренныхъ или ненамѣренныхъ, но во всякомъ случаѣ несообразныхъ съ исторической истинною самоизмышленій греческаго переводчика Псалтири [1]), а выраженіе сохранявшагося въ его время преданія о томъ, что во времена означенныхъ пророковъ такіе псалмы уже существовали и находились въ богослужебномъ употребленіи. А такъ какъ эти псалмы, какъ выше было показано, по всѣмъ несомнѣннымъ внутреннимъ и внѣшнимъ признакамъ не могутъ восходить ранѣе времени возвращенія изъ плѣна; то, признавая ихъ существованіе и церковное употребленіе въ періодъ пророческаго служенія Аггея и Захаріи, вмѣстѣ съ этимъ мы естественно приходимъ къ тому же заключенію, къ которому пришли при разсмотрѣніи ихъ содержанія,—именно, что они по своему происхожденію относятся ко времени, въ которое или около котораго жили и проходили свое служеніе названные пророки. Принимая же во вниманіе, что изъ числа

---

[1]) Какъ это съ рѣшительностію утверждаетъ Павскій на томъ лишь впрочемъ основаніи, что «сихъ надписаній нѣтъ въ еврейской Псалтири» (Обозр. Пс. стр. 43).

этихъ псалмовъ 145—150, соотвѣтственно ихъ положенію въ Псалтири, всѣми древними и новыми изслѣдователями объ этой свящ. книгѣ,—за исключеніемъ, конечно, толкователей, которые считали ее всецѣло Давидовымъ произведеніемъ,—согласно признаются, и по всѣмъ вѣроятнымъ признакамъ должны быть признаваемы, позднѣйшими изъ всего собранія свящ. пѣсней, очевидно слѣдуетъ признать, что и всѣ предшествующіе имъ вышеисчисленные анонимные псалмы: «славьте Господа» и «аллилуіа», хотя и не имѣющіе въ греческомъ переводѣ надписаній съ именами Аггея и Захаріи, также не восходятъ далѣе времени служенія этихъ пророковъ, и слѣдовательно должны быть относимы къ тѣмъ именно обстоятельствамъ по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, какія были указаны нами при разсмотрѣніи ихъ содержанія.

Если псалмы 145—150 справедливо признаются самыми поздними изъ пѣсней Псалтири, то выведенное отсюда заключеніе относительно времени происхожденія предшествующихъ имъ анонимныхъ хвалебныхъ псалмовъ, естественно, должно имѣть полную свою силу въ отношеніи и ко всѣмъ прочимъ изъ перечисленныхъ выше анонимныхъ псалмовъ, каковы *необозначенные именами писателей пѣсни степеней*: *Псс. 119, 120, 122, 124, 125, 127—129 и 133-й*. Помѣщенные между послѣ-плѣнными хвалебными псалмами, при довольно ясныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ признакахъ того, что они также, какъ и эти послѣдніе, не восходятъ ранѣе времени возвращенія изъ плѣна, очевидно они, подобно тѣмъ же хвалебнымъ псалмамъ, не могутъ быть низводимы ко времени позднѣе заключительныхъ псалмовъ Псалтири, и слѣдовательно по своему происхожденію падаютъ на промежутокъ времени между возвращеніемъ изъ плѣна и составленіемъ означенныхъ заключительныхъ псалмовъ, или временемъ возстановленія Іерусалима при Нееміи. Заключеніе конечно, слишкомъ общее, и въ отношеніи къ названнымъ псалмамъ слишкомъ внѣшнее; тѣмъ не менѣе мы не можемъ сомнѣваться въ его достовѣрности: такъ какъ оно находитъ себѣ полное подтвержденіе и въ общепринятомъ значеніи наименованія этихъ псалмовъ въ еврейскомъ текстѣ «пѣснями восхожденій»—שִׁירֵי הַמַּעֲלוֹת,— и въ самомъ ихъ содержаніи.

Выше [1]) мы уже имѣли случай замѣтить, что подъ именемъ

[1]) См. о псалмахъ Давида,—общія замѣчанія объ относительной древ-

упоминаемыхъ въ надписаніяхъ этихъ псалмовъ «восхожденій» — הַמַּעֲלוֹת, — согласно употребленію этого слова въ Священномъ Писаніи и мнѣнію большинства древнихъ и новыхъ толкователей псалмовъ, всего вѣроятнѣе слѣдуетъ разумѣть возвращеніе Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго въ свое отечество и слѣдовавшія затѣмъ путешествія ихъ въ Іерусалимъ въ великіе праздники, — а потому *подъ пѣснями восхожденій должно разумѣть пѣсни, воспѣтыя первоначально по случаю возвращенія изъ плѣна и пѣвшіяся потомъ толпами Іудеевъ при ежегодныхъ религіозныхъ путешествіяхъ ихъ въ Іерусалимъ для поклоненія Господу.* Правда, существующее въ переводѣ LXX-ти, а также въ Вульгатѣ и нашемъ славянскомъ, наименованіе этихъ псалмовъ «пѣснями степеней» — ᾠδαὶ τῶν ἀναβαθμῶν, cantica graduum, — не подтверждаетъ предложеннаго объясненія еврейскаго ихъ названія, и, по изъясненію древнихъ іудейскихъ и христіанскихъ писателей, указываетъ на пѣніе этихъ псалмовъ на ступеняхъ втораго храма Іерусалимскаго. Но если LXX, а за ними и другіе переводчики, своимъ переводомъ надписанія שִׁיר הַמַּעֲלוֹת и дѣйствительно хотѣли указать на существовавшій въ ихъ времена обычай пѣть псалмы съ такимъ надписаніемъ на ступеняхъ храма, то это не болѣе, какъ созвучное съ древнимъ историческимъ ихъ названіемъ (т. е. вмѣсто ἄσματα τῶν ἀναβάσεων, какъ Θеодот., или εἰς τὰς ἀναβάσεις, какъ Акила и Симм.) пѣснями восхожденія примѣненіе сего послѣдняго къ настоящему ихъ обычному богослужебному употребленію и никакъ не можетъ считаться равносильнымъ отрицанію первоначальнаго смысла такого ихъ названія [1]).

ности и достовѣрности еврейскихъ надписаній стр. 127, прим. 3 и стр. 156—157 и прим.

[1]) Вѣроятно въ силу указаннаго нами соотношенія между первоначальнымъ (הַמַּעֲלוֹת = ἀναβάσεων) и даннымъ LXX-ю (ἀναβαθμῶν) названіемъ псалмовъ, нѣкоторые изъ древнихъ толкователей не только не видятъ между тѣмъ и другимъ противорѣчія, но считаютъ ихъ совершенно однозначущими. Такъ бл. Θеодоритъ, приведшій то и другое, — пѣснь степеней и пѣснь восхожденія, — замѣчаетъ, что «восхожденія или степени указываютъ на возвращеніе плѣннаго народа изъ Вавилона» (Изъясн. на Пс. 119). Подобнымъ образ. и св. Златоустъ на 119 Пс. и Свида въ своемъ глоссаріѣ на слово ἀναβαθμοί.

Впрочемъ, если указанный нами, какъ первоначальный, смыслъ надписанія разсматриваемыхъ псалмовъ можетъ еще считаться не вполнѣ доказаннымъ, то недостаточность его свидѣтельства въ отношеніи къ вопросу о времени происхожденія этихъ псалмовъ достаточно восполняется внутренними свидѣтельствами о томъ самаго ихъ содержанія. Такъ *псаломъ 125-й* своимъ содержаніемъ со всею ясностію указываетъ на первое время возвращенія Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго, когда другая, большая часть ихъ оставалась еще въ землѣ плѣненія. Утвердившіеся уже на родной землѣ сыны Израиля воспоминаютъ въ немъ то состояніе, въ какомъ находились они при возвращеніи изъ Вавилона. «Когда возвращалъ Господь плѣнъ Сіона, мы были какъ бы видящіе во снѣ. Тогда уста наши были полны веселія и языкъ нашъ—пѣнія; тогда между народами говорили: великое сотворилъ Господь надъ ними! Великое сотворилъ Господь надъ нами: мы радовались» (ст. 1—3). Но отрадныя воспоминанія о своемъ возвращеніи изъ плѣна естественно должны были возбуждать въ нихъ сожалѣніе о томъ, что далеко еще не всѣ сыны Сіона воспользовались дарованнымъ отъ Господа избавленіемъ, но что очень многіе изъ нихъ, не смотря на позволеніе возвратиться въ отечество, по привязанности ли къ своему стяжанію и по недовѣрію къ выгодамъ возвращенія, или же по другимъ какимъ обстоятельствамъ, продолжали еще оставаться въ Вавилонѣ [1]). Поэтому въ радостномъ сознаніи полученнаго благодѣянія Божія, они молятъ Господа, чтобы Онъ возвратилъ и послѣднихъ плѣнниковъ, хотя бы они сами и не хотѣли того по малодушію. «Возврати Господи плѣнниковъ нашихъ, какъ потоки на полдень» (ст. 4), т. е. какъ на жаждущую послѣ лѣтняго зноя полуденную пустыню съ наступленіемъ зимы опять возвращаешь напаяющіе ее плодотворные дождевые потоки. «Сѣявшіе

---

[1]) По признанію самихъ Іудеевъ (I. Флавія Древн. Іуд. кн. XI, гл. 1, § 3.; Talm. Bab. in Kadduschin; сн. Sulp. Sev. Hist. Sacr. lib. II, с. 8), съ Зоровавелемъ и Іисусомъ возвратилась изъ плѣна Вавилонскаго въ отечество только бѣднѣйшая часть народа, а богатѣйшіе остались въ восточныхъ областяхъ, не желая мѣнять прочныхъ выгодъ на переселеніе въ землю, опустошенную и долгое время остававшуюся безъ обработки.

со слезами будутъ пожинать съ радостію. Съ плачемъ несущій сѣмена возвратится съ радостію, неся снопы свои» (ст. 5—6).— Какъ сѣющій, особенно при тогдашнемъ состояніи іудейской страны съ нерѣдко повторявшимися неурожаями, съ печалію и воздыханіемъ бросаетъ въ землю сѣмена свои, потому что не знаетъ, будутъ ли они возвращены ему, но за то въ какой радости бываетъ, когда вмѣсто немногихъ зеренъ приноситъ домой цѣлые снопы: такъ и эти остающіеся плѣнники съ сожалѣніемъ и скорбію оставятъ прибытки и связи въ чужой странѣ, но будутъ обрадованы, когда увидятъ родную землю и благословеніе Божіе въ ней [1]). Подобнымъ же образомъ въ *псалмахъ 119 и 122-мъ* Израиль изображается въ такомъ состояніи, въ которомъ не трудно узнать его положеніе вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна, когда онъ по милости Божіей (Пс. 119, 1; ср. Неем. 9, 27[6] и 28[6]), только что избавившись отъ бѣдствій продолжительнаго пребыванія въ чужой странѣ, между надменными, недружелюбными язычниками (Пс. 119, 6. 122, 4), и въ самомъ отечествѣ своемъ продолжалъ оставаться въ великомъ озлобленіи и поношеніи (Пс. 122, 3—4; ср. Неем. 1, 3. 2, 17. 4, 4), принужденный жить въ сосѣдствѣ съ ненавистными Самарянами и другими враждебными народами (Пс. 119, 5; ср. 1 Ездр. 4, 1. 9. 10. Неем. 2, 10. 19. 4, 7 и проч.), которые своими клеветами старались отвратить отъ него благосклонность Персидскихъ государей и вообще всѣми мѣрами препятствовать его стремленіямъ къ благоустроенію въ своемъ отечествѣ (Пс. 119, 2—4. 122, 3; ср. 1 Ездр. 4, 4—6 и дал. Неем. 4, 7—8. 6, 9. 13 и проч.). Такое положеніе, естественно обращало взоръ Израиля къ Живущему на небесахъ (Пс. 122, 1; ср. Неем. 1, 4. 9, 6) и вызывало изъ глубины души его молитву: «Господи! избавь душу мою отъ устъ лживыхъ, отъ языка лукаваго» (Пс. 119, 2). «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ; ибо довольно мы насыщены презрѣніемъ. Довольно насыщена душа

---

[1]) См. Преосв. Иринея Псковскаго толк. на этотъ Пс. Подобнымъ же образомъ объясняли этотъ Пс. и почти всѣ древніе толкователи: Оригенъ, Ѳеодоръ Ираклійскій, Златоустъ, Ѳеодоритъ, древній греческій парафрастъ Кордерія и др., а также и новые: Tilingius (Disquisitio de ratione inscript. XV Pss. grad. Bremen 1765), Calmet, Rosenmüller, Tholuck, O. v. Gerlach, Hengstenberg, Delitzsch и др.

наша поношеніемъ отъ надменныхъ и уничиженіемъ отъ гордыхъ» (Пс. 122, 3—4; ср. Неем. 3, 36 по евр.) [1]). Равнымъ образомъ и прочія пѣсни восхожденія, если и не указываютъ прямо на возвращеніе изъ плѣна и первое время пребыванія возвратившихся въ своемъ отечествѣ, то во всякомъ случаѣ очень удобно примѣняются къ этому времени и не представляютъ никакихъ противорѣчій и несообразностей, которыя бы могли возбуждать сомнѣніе въ дѣйствительномъ отношеніи ихъ къ тому времени. Такъ *псаломъ 120-й*, гдѣ Израиль возводитъ взоры свои къ горамъ святаго города, откуда обитающій на Сіонѣ Господь (ср. Пс. 131, 13—18. 132, 3) ниспосылалъ и ниспосылаетъ ему помощь Свою, очень хорошо выражаетъ чувства радостнаго упованія Іудеевъ на милостивую защиту Божію и охраненіе отъ всякаго зла, когда они при возвращеніи своемъ изъ плѣна увидѣли священныя горы своего отечества [2]). Но и по возвращеніи въ отечество, на той землѣ которую Господь далъ отцамъ Іудейскаго народа, чтобы «питаться ея плодами и ея добромъ», по молитвенному выраженію того времени, Іудеи должны были еще находиться, «въ великомъ стѣсненіи», оставаясь въ рабской зависимости отъ иноземныхъ языческихъ правителей (Неем. 9, 36—37), которые то являлись ихъ покровителями, то, внимая клеветамъ враждебныхъ имъ сосѣднихъ народовъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними противодѣйствовали ихъ усиліямъ къ возстановленію Іерусалима и храма и утвержденію своего благосостоянія. Въ это смутное тяжелое время, въ продолжительной борьбѣ съ препятствіями, нуждами и лишеніями, въ наиболѣе слабыхъ вѣрою сердцахъ очень естественно могло возбуждаться сомнѣніе въ близости божественной помощи и вообще въ праведномъ мздовоздаяніи благочестія и добродѣтели (Мал. 2, 17. 3, 14), а это въ свою очередь не только ослабляло усердіе къ святому

---

[1]) См. тѣ же толкованія, что и на Пс. 125. Въ частности о Пс. 119 уже въ древнемъ сирскомъ переводѣ замѣчается: dicitur ex persona SoroBaBel, principis exsulum, estque oratio supplicationis (см. Scr. S. curs. compl. T. XVI p. 419).

[2]) Какъ Rosenmüller, ссылаясь на авторитеты древнѣйшихъ толкователей: Тилинга, греческаго парафраста, приводимаго подъ именемъ Евсевія Агелліемъ (Agellius), и Lackenmacher'a въ его Observat. philolog. 3. art. 9.

дѣлу возстановленія Іерусалима (Агг. 1, 2), но и вообще производило холодность и равнодушіе къ дѣламъ вѣры и благочестія (Неем. 13, 1—5. 10—11. 15 и дал. Мал. 1, 7. 2, 10—12 и проч.), мѣсто которыхъ заступали обычныя житейскія заботы объ устроеніи внѣшняго благополучія (Агг. 1, 4. 6. 9), часто съ совершенно-безразличнымъ отношеніемъ къ выбору средствъ для достиженія своекорыстныхъ цѣлей своихъ (Неем. 5, 7. Зах. 7, 9—10), такъ что нѣкоторые изъ Іудеевъ изъ личныхъ своихъ видовъ не стыдились открыто становиться на сторону враговъ Своихъ (Неем. 6, 10—12. 14. 17—19). Въ виду усиливающейся такимъ образомъ опасности для нравственнаго состоянія только-что начинавшаго возрождаться Израиля, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно и нужно было возможно-частое напоминаніе о томъ, что только надежда на Господа и благоговѣйное храненіе закона Его могутъ служить опорою благоденствія и ручательствомъ за безопасность отъ враговъ, что Господь не допуститъ вѣрныхъ рабовъ своихъ оставаться въ угнетеніи и рабствѣ, но какъ прежде неоднократно являлся ихъ защитникомъ и покровителемъ, такъ и нынѣ ниспошлетъ имъ Свою помощь и благословеніе, между тѣмъ какъ беззаконные и всѣ враги Сіона подвергнутся заслуженному наказанію. — Всѣ эти и подобныя мысли составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ наставленій послѣ-плѣнныхъ пророковъ Аггея (1, 4—11. 2, 5—10. 17—20. 23), Захаріи (1, 3—6. 2, 4—13. 3, 7—10. 5, 3—4. 7, 9—8, 23. 10, 1 и дал. 11, 4—6 и проч.) и Малахіи (3, 5—18 и проч.); къ раскрытію ихъ въ народѣ и словомъ и дѣломъ стремились и тогдашніе руководители Израиля Ездра и Неемія (Неем. 2, 20. 4, 9. 14. 20. 5, 7—13. 8, 8—10. 13 гл.): очень естественно, конечно, было ожидать выраженія ихъ и въ пѣсняхъ тогдашнихъ псалмопѣвцевъ; а въ числѣ разсматриваемыхъ нами пѣсней восхожденія *псалмы: 124-й 127 и 128-й* и составляютъ именно краткое, но сильное выраженіе такого рода мыслей [1]). «Надѣющійся на Господа, поучаетъ Пс. 124-й, какъ гора Сіонъ, не подвигнется. Горы окрестъ Іерусалима, а Господь окрестъ народа Своего отнынѣ и во вѣкъ. Ибо

[1]) Объ отношеніи 124 и 127 Пес. къ пророчествамъ Аггея и Захаріи ср. Tilingius и Hengstenberg на эти псалмы.

не оставитъ Господь жезла нечестивыхъ надъ жребіемъ праведныхъ, дабы праведные не простерли рукъ своихъ къ беззаконію. А совращающихся на кривые пути свои да оставитъ Господь ходить съ дѣлающими беззаконіе (ст. 1—3 и 5)». Въ противоположность же съ ожидаемымъ здѣсь наказаніемъ нечестивыхъ и чтобы представить сильнѣйшее побужденіе къ благочестію и упованію на Господа, въ Пс. 127-мъ псалмопѣвецъ живыми красками рисуетъ **предъ глазами Израильтянъ** прекрасную, идиллическую картину семейнаго счастія праведника. «Блаженъ всякъ боящійся Господа, ходящій путями Его. Ты будешь ѣсть отъ трудовъ рукъ твоихъ; жена твоя какъ плодовитая лоза въ домѣ твоемъ; сыновья твои, какъ масличныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей. Благословитъ тебя Господь съ Сіона и увидишь благоденствіе Іерусалима во всѣ дни жизни твоей; увидишь сыновей у сыновей твоихъ (ст. 1—3. 5 и 6)». Но какъ настоящее состояніе Израиля и для людей благочестивыхъ мало представляло утѣшительнаго, то въ Пс. 128 псалмопѣвецъ обращаетъ взоръ Израиля къ прошедшей его исторіи, **гдѣ представлялось** множество ясныхъ доказательствъ всегдашняго **благоволенія Божія къ рабамъ Своимъ**, которыя со всею несомнѣнностію удостовѣряли, что и нынѣ Онъ не оставитъ ихъ Своею всесильною помощію. «Много тѣснили меня отъ юности моей, да скажетъ Израиль; много тѣснили меня отъ юности моей; но не одолѣли. *На хребтѣ моемъ* [1]) орали оратаи, проводили длинныя борозды свои; но Господь праведенъ; Онъ разсѣкъ узы нечестивыхъ». Такъ и нынѣ «да постыдятся и обратятся назадъ всѣ ненавидящіе Сіонъ; да будутъ какъ трава на кровляхъ, которая, прежде нежели исторгнута, засыхаетъ, которою жнецъ не наполнитъ руки своей»... (ст. 1—7) [2]).

---

[1]) עַל־גַּבִּי, кажется, правильнѣе бы было, согласно съ равв. Пумпянскимъ, перевести: *на холмѣ*», т. е. на Сіонѣ, о которомъ далѣе и идетъ рѣчь въ Псалмѣ, ст. 5, и о которомъ, по снес. съ Іер. 26, 18, безъ сомнѣнія, и надобно разумѣть образъ ст. 3.

[2]) Подобнаго же мнѣнія о времени и обстоятельствахъ происхожденія 124, 127 и 128 Пес. Tilingius, Rosenmüller, Calmet (См. Scr. S. curs. compl. ad. h. Ps.), O. v. Gerlach, Hengstenberg, Ehrt (Abfassungszeit d. Ps. S. 105) и др. Ср. Воскр. Чт. 1856—7 г. № 41. Въ частности о Пс. 128 тоже мнѣніе высказывали и древніе отцы и учи-

Не менѣе соотвѣтствуетъ тому же времени и покаянная молитва Израиля къ Господу, какая представляется въ слѣдующемъ *129 псалмѣ*. Нравственная порча, отъ которой предостерегали послѣплѣннаго Израиля его тогдашніе учители и руководители, успѣла уже довольно глубоко проникнуть въ его срéду. Это со скорбію сознавали всѣ еще не совсѣмъ развратившіеся Израильтяне (1 Ездр. 9, 1. 4. 10, 1—2. 9. 12 и проч.); а въ сознаніи своей виновности предъ Богомъ, конечно, не смотря ни на какія увѣренія въ покровительствѣ Господа Своему народу, они не только не могли надѣяться себѣ скораго явленія милостивой защиты Божіей отъ враговъ или того благословенія, которое ниспосылаетъ Господь боящимся Его, но скорѣе должны были ожидать себѣ еще болѣе тяжкаго наказанія Божія. «Беззаконія наши стали выше головы, и вина наша возросла до небесъ... Ты, Боже нашъ, пощадилъ насъ не по мѣрѣ беззаконія нашего, и далъ намъ такое избавленіе... Но не прогнѣваешься ли Ты на насъ даже до истребленія насъ, такъ что не будетъ уцѣлѣвшихъ, и не будетъ спасенія (Ездр. 9, 6. 13. 14)?»—Вотъ что отъ лица народа исповѣдывалъ тогда предъ Богомъ Ездра и что могло говорить внутреннее сознаніе и каждаго Израильтянина. Поэтому Израилю прежде всего нужно было смиренно молить Господа, чтобы Онъ простилъ грѣхи его и по великому Своему милосердію не подвергъ бы его еще большимъ наказаніямъ за беззаконія его. Таковы и были покаянныя молитвы благочестиваго Ездры (1 Ездр. 9, 6—15. Неем. 9, 6—38); такъ безъ сомнѣнія молились тогда и всѣ сыны Израилевы, когда во дни общественнаго покаянія «постящіеся и во вретищахъ, и съ пепломъ на головахъ своихъ исповѣдывались предъ Богомъ въ грѣхахъ своихъ» (Неем. 9, 1—2 и дал.; ср. 1 Ездр. 10, 1). Такую именно молитву представляетъ собою и псаломъ 129-й. Подобно благочестивому Ездрѣ, псалмопѣвецъ живо чувствуетъ всю глубину нравственнаго поврежденія Израиля и въ сознаніи того, что онъ не только недостоинъ милостей Божіихъ, а заслуживаетъ гнѣва и наказанія Божія, возноситъ молитвенный вопль къ Господу, чтобы Онъ не былъ строгимъ судіею и карателемъ его преступленій, но по Своему милосердію, ради обѣщаннаго отъ Него помилованія каю-

---

тели церкви: Златоустъ, Θеодоръ Ирак., Θеодоритъ, Евѳимій (Scr. S. curs. compl. ad. h. Ps.).

щимся грѣшникамъ, даровалъ ему прощеніе всѣхъ беззаконій его. «Изъ глубины взываю къ Тебѣ, Господи. Господи! услышь голосъ мой... Если Ты, Господи, будешь замѣчать беззакоія; Господи! кто устоитъ? Но у тебя прощеніе... Надѣюсь на Господа, надѣется душа моя; на слово Его уповаю. Да уповаетъ Израиль на Господа; ибо у Господа милость и многое у Него избавленіе и Онъ избавитъ Израиля отъ всѣхъ беззаконій его (ст. 1—8)» [1]).—Нельзя впрочемъ оспоривать и другаго мнѣнія, что разсматриваемый псаломъ воспѣтъ былъ первоначально еще во время плѣна Вавилонскаго, а потомъ уже, подобно нѣкоторымъ древнѣйшимъ пѣснямъ Давида и Соломона (Пс. 121, 123, 126, 130, 131 и 132), принятъ былъ въ число пѣсней, которыя пѣлись Іудеями во время и послѣ возвращенія въ свое отечество [2]). Состояніе въ плѣну Вавилонскомъ не меньше, если только не гораздо больше, чѣмъ послѣдующія затѣмъ бѣдствія, пробуждали въ Іудеяхъ сознаніе своей виновности предъ Богомъ и вызывали покаянно-молитвенные вопли о помилованіи (Вар. 1, 5—3 гл.). И тѣмъ живѣе и сильнѣе пробуждались въ сердцахъ плѣнниковъ покаянно-молитвенныя чувствованія, чѣмъ ближе приходилъ къ концу предсказанный Іереміею 70-лѣтній срокъ для продолженія плѣненія, а между тѣмъ еще не видно было наступленія обѣщаннаго отъ Господа избавленія (ср. Дан. 9, 1—4). Въ это-то время въ числѣ многихъ горячихъ молитвъ о прощеніи грѣховъ страждущаго народа и избавленіи его отъ наказанія очень могла произойти и та покаянная молитва, какую представляетъ собою разсматриваемая нами пѣснь восхожденія. Такое предположеніе кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что эта пѣснь не только въ существенномъ своемъ содержаніи, а отчасти и въ самомъ образѣ выраженій очень сходится съ относящеюся къ означенному времени плѣна покаянною молитвою пророка Даніила (гл. 9, 4—19. Ср. особ. ст. 17 и 18[а] съ Пс. 122, 1—2; ст. 5. 7 и 18[б] съ Пс. ст. 3; ст. 9 и 19 съ Пс. ст. 4 и 7[б]; ст. 2 съ Пс. ст. 5[б]) и почти буквально повторяетъ слова изъ молитвы Соломона (2 Пар. 6, 39[а] и

---

[1]) Ср. Воскр. Чт. 1856—7 г. № 41 стр. 394; также Hengstenberg, Ehrt, и Delitzsch. И въ древнемъ сирскомъ переводѣ этотъ псаломъ приписывается времени Нееміи (Scr. S. curs. compl. ad. h. Ps.).

[2]) См. Calmeti. Comment. ad. h. Ps.

40; ср. Пс. ст. 2), которыми премудрый царь Израильскій умоляетъ Господа быть внимательнымъ къ молитвѣ Своего народа, именно во время его плѣненія (ср. 2. Пар. 6, 37—38 и 39—40). Правда, относительно сходства съ словами молитвы Соломоновой нѣкоторые [1]) полагаютъ, что не писатель нашего псалма заимствовалъ изъ нея молитвенное обращеніе къ Господу, а наоборотъ писатель Паралипоменонъ, свободно передавая содержаніе молитвы премудраго царя Израильскаго, воспользовался для нея выраженіемъ изъ нашего псалма, подобно тому какъ дальше пользуется для той же цѣли словами другой, принадлежащей Соломону, пѣсни восхожденія (Пс. 131), и именно слѣдующей за тою, изъ которой только-что предъ этимъ заимствованы были выраженія. Если бы можно было съ несомнѣнностію доказать такое предположеніе, то мы имѣли бы изъ него очень важное заключеніе для цѣлаго состава пѣсней восхожденія,—именно, что во времена писателя Паралипоменонъ эти пѣсни находились уже въ особенномъ сборникѣ, гдѣ были расположены въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одна за другою въ нынѣшней Псалтири, и слѣдовательно по своему происхожденію онѣ никакъ не восходятъ далѣе времени Ездры и Нееміи, какъ это мы и стараемся доказать въ настоящемъ о нихъ изслѣдованіи. А въ то же время предположеніе это нисколько не уменьшаетъ значенія нашего указанія на сходство молитвеннаго обращенія нашего псалма съ словами молитвы Соломона; потому что, допустивъ, что эти слова заимствованы писателемъ Паралипоменонъ изъ нашего псалма, а не наоборотъ—этотъ послѣдній изъ подлинной молитвы Соломона, мы въ то же время естественно приходимъ къ предположенію,—не потому ли писатель Паралипоменонъ для молитвы премудраго царя Израильскаго о томъ, чтобы Господь внималъ покаяннымъ молитвамъ плѣннаго Израиля,—не потому ли именно и заимствовалъ нѣкоторыя выраженія изъ нашего псалма, что считалъ его по его предмету тожественнымъ съ указаннымъ предметомъ молитвы Соломона, или, что то же, признавалъ его покаянною молитвою Израиля объ избавленіи его изъ плѣна Вавилонскаго?

Что касается наконецъ послѣдняго изъ пѣсней восхожденія *псалма 133-го*, то, по ясному указанію его содержанія, происхожденіе

---

[1]) Delitzsch на Пс. 130.

его слѣдуетъ полагать не ранѣе, какъ во времена существованія втораго храма Іерусалимскаго, когда рабы Господни,—священники и левиты,—стояли уже въ домѣ Господнемъ, отправляя обычныя ночныя стражи свои (ср. 1 Пар. 9, 17—18. 22—27 и 33. Неем. 11, 19), и воздѣвали руки свои къ святилищу, благословляя Господа (Пс. 133, 1 и 2; ср. Пс. 134, 2); но это нисколько не противорѣчитъ общепринятому пониманію его названія пѣснію восхожденій, въ смыслѣ пѣсни возвратившихся изъ Вавилона іудейскихъ плѣнниковъ, и нисколько не требуетъ низводить его къ болѣе или менѣе отдаленнымъ отъ возвращенія изъ плѣна временамъ существованія втораго храма Іерусалимскаго [1]). Относительно его литургическаго назначенія и употребленія существуютъ различныя мнѣнія. Одни, на основаніи выражаемаго въ немъ призыванія стоящихъ въ храмѣ рабовъ Господнихъ къ прославленію Господа во время ночи (ст. 1), полагаютъ, что это пѣснь левитскихъ стражей храма, которою они при своихъ смѣнахъ возбуждали другъ друга къ бодрствованію и благоговѣйному исполненію своей должности [2]); другіе же, примѣняясь къ извѣстному понятію о восхожденіяхъ, какъ религіозныхъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ, считаютъ его пѣснію прибывающихъ ко храму іудейскихъ богомольцевъ, которою они призываютъ священниковъ и левитовъ къ совершенію ихъ служенія [3]). Но какое бы мы ни допустили мнѣніе, во всякомъ случаѣ должны признать, что какъ то́, такъ и другое богослужебное назначеніе и употребленіе псалма нисколько не менѣе идетъ и къ первому вре-

---

[1]) Напр. ко времени Симона Маккавея, какъ полагаетъ Hitzig на томъ лишь основаніи, что псаломъ предполагаетъ совершенную свободу отправленія богослуженія во храмѣ (ст. 1—2) и вообще благополучное состояніе Израиля (ст. 3 ср. 1 Макк. 14, 8 – 15), какъ будто бы до времени Симона Маккавея, напр. при Ездрѣ и Нееміи, Іудеи не пользовались свободою богослуженія во храмѣ, а равно и относительнымъ благополучіемъ, такъ что не могли считать себя подъ благословеніемъ Господа, владычествующаго въ Сіонѣ. Но ср. Неем. 12, 43 и уже 1 Ездр. 6, 15—22.

[2]) Tolück, Lisco, Hitzig, Lengerke и др. Мнѣніе это отчасти находитъ себѣ подтвержденіе и въ богослужебномъ употребленіи этого псалма въ нашей Православной Церкви—на полунощницѣ.

[3]) O. v. Gerlach, Hengstenberg, Bunsen и др.

мени послѣ построенія втораго храма, или вскорѣ по возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго, чѣмъ и ко всѣмъ послѣдующимъ временамъ существованія втораго храма, когда только Іудеи пользовались свободою отправленія въ немъ богослуженія. Кажется даже, что къ первому времени по возстановленіи храма Іерусалимскаго приглашеніе священниковъ и левитовъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей при храмѣ идетъ гораздо болѣе, чѣмъ ко всякому послѣдующему времени. Съ построеніемъ втораго храма для священниковъ и левитовъ опять возстановляется давно уже не существовавшій родъ служенія при храмѣ, изъ котораго, сравнительно съ ихъ служеніемъ при отсутствіи храма, конечно, наибольшую особенность представляло постоянное пребываніе на стражѣ при дверяхъ храма, не только днемъ, но и въ продолженіе ночи. При вступленіи въ отправленіе такого давно уже не существовавшаго рода служенія, конечно, какъ нельзя болѣе умѣстно и нужно было напомнить священникамъ и левитамъ о возлагаемыхъ на нихъ обязанностяхъ и о ихъ святомъ долгѣ проходить ихъ во всемъ сообразно съ предписаніями закона Божія. Потребныя при этомъ наставленія и напоминанія, безъ сомнѣнія, и даны были въ свое время первосвященникомъ Іисусомъ, или кѣмъ либо изъ современныхъ пророковъ (1 Ездр. 6, 18; ср. Неем. 10, 28—29), но очень вѣроятно предположить, что вслѣдъ за голосомъ первосвященника или пророковъ, чтобы глубже напечатлѣть ихъ наставленія въ памяти служителей Господнихъ, возвышаетъ свой голосъ и чуткій къ современнымъ религіознымъ потребностямъ псалмопѣвецъ, кратко повторяя ихъ въ своей пѣсни, которою бы, какъ народъ, такъ и сами священники и левиты могли взаимно возбуждать другъ друга къ неуклонному, благоговѣйному исполненію вновь возложенныхъ на нихъ обязанностей. Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что вновь начавшееся служеніе священниковъ и левитовъ при храмѣ производило на народъ особенно отрадное впечатлѣніе. По замѣчанію книги Нееміи (12, 44—45), «Іудеямъ радостно было смотрѣть на стоящихъ священниковъ и левитовъ, которые совершали службу Богу своему, и были пѣвцами и привратниками по установленію Давида и сына его, Соломона». А такое чувство радости народной псалмопѣвецъ вполнѣ естественно и прилично могъ выразить обращеннымъ отъ лица народа къ левитамъ и священникамъ такого рода возбуждающимъ къ служенію воззваніемъ, какое мы имѣемъ въ раз-

сматриваемомъ псалмѣ. «Благословите нынѣ Господа всѣ рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ во время ночи. Воздвигните руки ваши къ святилищу, и благословите Господа» [1]). Нельзя не замѣтить, что и самое выраженіе: «благословите нынѣ» (הִנֵּה вотъ, ἰδοὺ δή, или какъ въ слав.: «се нынѣ»), даетъ предполагать, что рабы Господни, стоящіе теперь въ домѣ Господнемъ, до того времени не благословляли Господа во время ночи и не воздѣвали рукъ своихъ къ святилищу, и что ко времени происхожденія псалма только что положено было начало этого рода служенія Господу; а это въ свою очередь ведетъ къ заключенію, что псаломъ относится къ первому времени послѣ построенія втораго храма Іерусалимскаго, или точнѣе къ открытію въ немъ богослуженія, когда священники и левиты опять поставлены были по чередамъ ихъ, чтобы содержать и днемъ и ночью обычныя стражи при дверяхъ храма и совершать установленное закономъ служеніе во святилищѣ (1 Ездр. 6, 18; ср. Неем. 12, 24—26).

Такимъ образомъ вообще нужно сказать, что содержаніе разсматриваемыхъ нами анонимныхъ пѣсней восхожденія или прямо указываетъ на время возвращенія изъ плѣна и обстоятельства, ближайшія къ нему и тѣсно связанныя съ этимъ событіемъ, или же, если и не даетъ прямыхъ и ясныхъ указаній, то вполнѣ естественно и непринужденно объясняется изъ обстоятельствъ того времени; а это, при тожествѣ языка и характера и близкомъ сходствѣ мыслей и выраженій всѣхъ этого рода псалмовъ между собою, также можетъ имѣть значеніе положительныхъ признаковъ отношенія ихъ ко временамъ возвращенія изъ плѣна, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ нихъ мы не видимъ никакихъ болѣе или менѣе ясныхъ признаковъ происхожденія позднѣе времени Ездры и Нееміи. Нельзя не обратить вниманія и на то, что и изъ древнѣйшихъ пѣсней Давида и Соломона причисляются вмѣстѣ съ этими псалмами къ пѣснямъ восхож-

---

[1]) Подобнымъ образомъ Tilingius и Rosenmüller (ср. въ Scr. S. curs. compl. T. XVI p. 523). Наши толкователи—Преосв. Ириней Псковскій и авторъ статьи о пѣсняхъ степеней въ Воскр. Чтеніи 1856—7 г. № 41—не думаютъ ограничивать смысла псалма отношеніемъ къ однимъ священникамъ и левитамъ, но во всякомъ случаѣ признаютъ въ немъ увѣщаніе или призываніе возвратившихся изъ плѣна Іудеевъ непрестанно благословлять Господа.

деній именно такія, которыя говорятъ объ избавленіи Господомъ Израиля отъ истребленія врагами (Пс. 123) и располагаютъ къ смиренному упованію на помощь Божію (Пс. 130 и Пс. 123, 8), или которыя относятся къ устроенію Іерусалима (Пс. 121) и храма (Псс. 126 и 131) и имѣютъ цѣлію возбудить въ сынахъ Израилевыхъ любовь къ св. городу и дому Божію и расположить ихъ къ благочестивымъ собраніямъ въ установленные дни на поклоненіе Господу предъ избраннымъ жилищемъ Его (Псс. 121 и 132). — словомъ тѣ, которыя по содержанію своему всего ближе подходятъ къ положенію Іудеевъ, только что возвратившихся изъ плѣна и занятыхъ возстановленіемъ храма и святаго города. Это также располагаетъ насъ признать, что разсматриваемыя нами пѣсни, согласно издавна утвердившемуся мнѣнію о значеніи названія ихъ пѣснями восхожденій, относятся по своему происхожденію ко времени восхожденій Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго въ свое отечество и соединенныхъ съ тѣмъ событій послѣ-плѣнной ихъ исторіи. Каково бы ни было впослѣдствіи употребленіе этихъ псалмовъ,—были ли они любимыми пѣснями іудейскихъ богомольцевъ при ихъ ежегодныхъ восхожденіяхъ или путешествіяхъ въ Іерусалимъ на великіе праздники (ср. Ис. 30, 29), или же пѣлись левитами на ступеняхъ втораго храма Іерусалимскаго, — это нисколько не уменьшаетъ вѣроятности высказаннаго нами заключенія относительно времени ихъ происхожденія, а въ нѣкоторой степени даже служитъ подтвержденіемъ его. Надѣемся, никто не будетъ спорить, что такое употребленіе пѣсней восхожденія, по видимому достаточное для объясненія нѣкоторыхъ изъ нихъ [1]), или по крайней мѣрѣ ихъ названія пѣснями восхожденія, во всякомъ случаѣ не есть употребленіе первоначальное, которое бы совпадало съ побужденіемъ и цѣлію ихъ написанія; такъ какъ въ большей части псалмовъ оно не вытекаетъ непосредственно изъ ихъ содержанія и даже не можетъ быть съ непринужденностію поставлено къ нему въ какое либо отношеніе [2]). Поэтому если и допустимъ, что указанное нами употребленіе пѣсней восхожденія около времени составленія греческаго перевода Псалтири, или же во

---

[1]) Напр. употребленіе при путешествіяхъ на праздники въ отношеніи къ псалмамъ 120, 124 и 133-му.

[2]) Каковы напр. въ отношеніи къ путешествіямъ на праздники псалмы 119, 125, 128 и 129.

времена Маккавеевъ, дѣйствительно существовало, то, имѣя въ виду не непосредственное, не первоначальное происхожденіе его, составленіе самыхъ пѣсней мы естественно должны относить къ другому болѣе древнему времени, обстоятельства котораго давали бы достаточныя основанія для объясненія какъ содержанія этихъ пѣсней, такъ и происшедшаго потомъ ихъ употребленія. А такимъ образомъ отъ времени Маккавеевъ или времени происхожденія греческаго перевода Псалтири мы естественно придвигаемся къ первому времени по возвращеніи изъ плѣна, къ которому и отнесли происхожденіе означенныхъ пѣсней. Это время съ своими обстоятельствами, какъ мы видѣли, даетъ намъ вполнѣ естественное и непринужденное объясненіе и названія и содержанія разсматриваемыхъ пѣсней восхожденія; изъ него же, кажется, всего естественнѣе и непринужденнѣе можно объяснить и указанное нами послѣдующее ихъ употребленіе. Какъ живые памятники радостнаго восхожденія изъ плѣна Вавилонскаго въ свое отечество (ср. Пс. 125),—восхожденія, которымъ полагалось начало возрожденію и дальнѣйшему историческому существованію іудейскаго народа, пѣсни восхожденій естественно потомъ приходили на память Іудеямъ при каждомъ послѣдующемъ восхожденіи ихъ къ св. городу, и такимъ образомъ могли со временемъ сдѣлаться любимыми пѣснями іудейскихъ богомольцевъ при ихъ ежегодныхъ восхожденіяхъ, или путешествіяхъ въ Іерусалимъ на великіе праздники. А такъ какъ пѣсни эти предлагаемыми въ нихъ молитвами и утѣшеніями, наставленіями и увѣщаніями имѣли цѣлію возводить новый Израильскій народъ къ нравственному совершенству и матеріальному благополучію; то онѣ могли быть также назначены впослѣдствіи для пѣнія на ступеняхъ храма Іерусалимскаго, чтобы чрезъ этотъ внѣшній символическій образъ сильнѣе возбуждать вниманіе молящихся къ внутреннему значенію преподаваемыхъ уроковъ и тѣмъ успѣшнѣе располагать къ дѣятельному ихъ исполненію [1]). Едва ли возможно подъискать въ позднѣйшей исторіи Израиля такое время для происхожденія разсматриваемыхъ пѣсней восхожденія, которое могло бы дать столько же естественное и непринужденное

[1]) Подобное объясненіе обычая пѣть псалмы восхожденій на ступеняхъ храма см. въ Воскр. Чт. 1856—7 г., № 41, стр. 391.

объясненіе и ихъ содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ позднѣйшаго ихъ употребленія; по крайней мѣрѣ защитники позднѣйшаго происхожденія пѣсней восхожденія, которые считаютъ ихъ пѣснями путешествовавшихъ въ Іерусалимъ іудейскихъ богомольцевъ (Die Lieder der Festreise, или Wallfahrtslieder) Маккавейскаго періода [1]), подъискивая изъ исторіи этого времени различные поводы для ихъ написанія, до сихъ поръ не объяснили, почему тогдашними іудейскими богомольцами избраны были именно эти пѣсни, большею частію по содержанію своему не представляющія никакого отношенія къ ихъ благочестивымъ путешествіямъ, хотя въ то же время существовало не мало псалмовъ, которые по содержанію своему, казалось бы, могли быть въ данномъ случаѣ несравненно болѣе пригодны (см. напр. Пес. 62, 64, 60. 41, 47, 94, 95 и мн. др.).

Къ числу псалмовъ неизвѣстныхъ писателей слѣдуетъ отнести и находящійся въ заключеніи Псалтири въ нашемъ славянскомъ текстѣ неканоническій [2]), или такъ называемый *«особо писанный псаломъ, и внѣ числа 150-ти псалмовъ»* каноническихъ. Онъ написанъ отъ лица Давида и представляетъ какъ бы краткую его автобіографію отъ дней его дѣтства, когда онъ пасъ овецъ отца своего, до времени побѣды его надъ Голіаѳомъ. Повѣствованіе дышетъ вѣрою и дѣтскою преданностію Божественному Промыслу и отличается какою-то особенною, привлекательною простотою и безыскуственностію изложенія, такъ что со стороны содержанія и изложенія не представляется препятствій, чтобы признать его произведеніемъ Давида [3]), коему онъ приписывается въ находящемся

---

[1]) Какъ Hitzig, Lengerke, Olshausen и т. п.

[2]) Въ исчисленіи неканоническихъ книгъ и отдѣльныхъ неканоническихъ мѣстъ въ каноническихъ книгахъ В. Завѣта въ Введ. въ Прав. Богосл. Макарія (§ 127), равно какъ въ введеніи къ Чтенію объ истор. книгахъ В. Зав. П. Лебедева, почему-то этотъ псаломъ совсѣмъ опущенъ. Равнымъ образомъ и въ Руков. къ чт. Свящ. Пис. В. и Н. Зав. Амвросія въ общемъ исчисленіи неканоническихъ писаній не упоминается объ немъ (§ 1, III, 8) и только въ отдѣлѣ о псалмахъ Давидовыхъ (§ 24, II) кратко замѣчается, что онъ не причисляется къ Псалтири.

[3]) Впрочемъ по мнѣнію В. Преосв. Арсенія (Введ. въ Св. Кн. В. З.

при немъ надписаніи, которое гласитъ, что «сей псаломъ особь писанъ Давидовъ, и внѣ числа 150-ти псалмовъ, внегда единоборствоваше на Голіаѳа» [1]). Давиду же приписывали его и нѣкоторые изъ древнихъ отцевъ и учителей церкви,—св, Аѳанасій [2]). неизвѣстный составитель приписываемаго тому же св. отцу Синописса [3]), Вигилій Тапсійскій, Евѳимій Зигабенъ [4]). Но его нѣтъ въ еврейскомъ текстѣ и ни ветхозавѣтная, ни новозавѣтная церковь не приняли его въ число писаній каноническихъ. Поэтому, не смотря на приведенныя свидѣтельства, нельзя считать его произведеніемъ Давида и вообще приписывать ему священной древности писаній каноническихъ. Конечно, нельзя вообще отрицать возможности невнесенія въ канонъ нѣкоторыхъ писаній и такихъ мужей, которые извѣстны своею богодухновенностію и которыхъ другія писанія находятся въ числѣ каноническихъ; но оно можетъ быть допущено лишь въ двухъ только случаяхъ, или по причинѣ преобладающаго мірскаго характера и содержанія писаній, какъ не имѣющихъ прямаго отношенія къ ученію вѣры и дѣятельности, или къ исторіи царства Божія на землѣ, или же вслѣдствіе какимъ либо образомъ происшедшей утраты писаній во время состав-

---

стр. 194) «содержаніе этого Пс., не заключая въ себѣ молитвы, благодаренія или прославленія Бога, вездѣ встрѣчающагося въ псалмахъ Давида, кажется, не согласно съ духомъ сего пророка».

[1]) Οὗτος ὁ ψαλμὸς ἰδιόγραφος τοῦ Δαυὶδ (въ друг. кодексахъ правильнѣе: εἰς Δαυὶδ), καὶ ἔξωθεν τοῦ ἀριθμοῦ (въ другихъ съ прибавленіемъ: τῶν ἑκατὸν πεντήκοντα ψαλμῶν), ὅτε ἐμονομάχησε πρὸς τὸν Γολιάδ (см. Polygl. Waltonii T. III и указаніе разночтеній въ T. VI, 6: Flaminii Nobilii notae p. 124).

[2]) Посланіе къ Маркеллину, въ изд. Твор. Св. Оо. въ русск. перев. Т. 22 стр. 29,

[3]) См. въ Христ. Чт. 1841 г. IV, стр. 354.

[4]) См. Cramer'a Einleit. in d. Ps. S. 6, гдѣ (также какъ въ толков. Пос. Преосв. Палладія) есть еще указаніе на Златоуста; но у сего св. отца находится лишь нѣсколько выраженій, напоминающихъ содержаніе нашего псалма (Бес. къ Антіох. XVI, 11 по р. пер. СПБ. 1848. стр. 559), которыя однако могли быть высказаны на основаніи исторіи Давида въ 1 кн. Ц., безъ всякаго отношенія къ псалму, и ничего не говорятъ ни о писателѣ его, ни о времени написанія.

ленія канона. Безъ сомнѣнія, на первомъ основаніи между прочимъ не были приняты въ каноиъ многія писанія Соломона, поучавшія, какъ замѣчается въ исторіи, о деревахъ отъ кедра до иссопа и другихъ предметахъ видимой природы (3 Ц. 4, 32—33), плачевная пѣснь Іереміи пророка на смерть царя Іосіи (2 Пар. 35, 25), равно какъ изобиловавшія многими излишними для Свящ. Писаній историческими подробностями лѣтописи пророковъ о царяхъ Іудейскихъ и Израильскихъ, на основаніи которыхъ составлены были книги Царствъ и Паралипоменонъ (см. 1 Пар. 29, 29. 2 Пар. 9, 29. 20, 34 и др.). Но разсматриваемый псаломъ, какъ мы уже замѣтили, отличается религіозно-поучительнымъ характеромъ и по предмету своему имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи царства Божія (ср. съ 1 Ц. 16, 4—17, 54), и слѣдовательно съ этой стороны не представляетъ никакого препятствія къ внесенію его въ число писаній каноническихъ, какъ это и показываетъ позднѣйшее присоединеніе его къ Псалтири въ греческомъ, сирскомъ, арабскомъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ латинскаго и въ нашемъ славянскомъ переводахъ. Что же касается послѣдняго предположенія, объ утратѣ его ко времени составленія канона, то оно устраняется уже самымъ сохраненіемъ его въ древнихъ переводахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы допустить совершенно невѣроятное предположеніе, что съ давнихъ поръ и до времени составленія канона псаломъ сохранялся гдѣ-то въ неизвѣстности, что онъ, не смотря на свое богодухновенное происхожденіе и богослужебное употребленіе, никогда не былъ вносимъ въ какой либо сборникъ пѣсней и продолжалъ существовать какъ либо на отдѣльномъ листкѣ, почему и могъ легко затеряться и долгое время оставаться незамѣченнымъ, или же что онъ сохранялся въ какомъ то совсѣмъ забытомъ сборникѣ или неразобранномъ архивѣ; но при немногочисленности еврейской литературы, глубокомъ уваженіи къ богодухновеннымъ писаніямъ и особенной ревности къ собиранію ихъ во времена Ездры и Нееміи (2 Мак. 2, 13), къ которымъ относятъ составленіе канона, очевидно, что все это рѣшительно не можетъ быть допущено. Тѣмъ невѣроятнѣе предполагать забвеніе или утрату, если бы псаломъ дѣйствительно былъ произведеніемъ Давида: глубокое уваженіе, какимъ во всѣ времена пользовались въ іудейской церкви псалмы этого сладкаго цѣвца Израилева, и почти непрерывное употребленіе ихъ при общественномъ богослуженіи, предполагающее съ

одной стороны храненіе ихъ въ хорѣ пѣвцовъ, съ другой—большую или меньшую извѣстность въ народѣ, рѣшительно устраняютъ всякую мысль о возможности продолжительнаго ихъ забвенія или утраты, тѣмъ болѣе, что разсматриваемая нами пѣснь своимъ содержаніемъ прямо указываетъ на принадлежность ея Давиду и тѣмъ самымъ естественно должна была возбуждать къ себѣ особенное вниманіе. По всему этому надобно признать, что онъ произошелъ позднѣе заключенія ветхозавѣтнаго канона. Но такъ какъ мы находимъ его въ переводѣ LXX и при томъ подъ именемъ псалма Давидова, и, судя по строю рѣчи, есть основаніе думать, что онъ представляетъ собою не оригинальный текстъ, а переводъ съ еврейскаго [1]); то надобно полагать, что *онъ написанъ былъ на еврейскомъ языкѣ еще довольно задолго до составленія греческаго перевода Псалтири*, такъ что къ его времени, на основаніи своего содержанія, пользовался уже въ народѣ извѣстностію, какъ одинъ изъ псалмовъ Давидовыхъ,—что, конечно, и послужило побужденіемъ перевести его на греческій языкъ и присоединить къ канонической Псалтири. Въ одной рукописной славянской Псалтири XVI вѣка псаломъ этотъ поставляется не въ концѣ Псалтири, какъ обыкновенно помѣщается, а въ началѣ ея и называется «предсловіемъ Давида пророка на Псалтирь» [2]). Сообщенныя имъ историческія свѣдѣнія о Давидѣ, о первомъ проявленіи въ немъ дара псалмопѣнія и о божественномъ избраніи его, засвидѣтельствованномъ предъ народомъ чудесною побѣдою его надъ Голіаѳомъ, а также и о происхожденіи имени Псалтири,—дѣйствительно всѣ какъ нельзя болѣе идутъ для предисловія къ псалмамъ Давида и цѣлой Псалтири, издавна уже извѣстной подъ его именемъ, и, какъ по предмету содержанія, такъ и по формѣ изложенія отъ лица писателя о самомъ себѣ, совершенно напоминаетъ собою тѣ историческія предисловія, которыми начинается большая часть книгъ пророческихъ (Іер. I гл. Іез. 1—3 гл. Дан. 1 гл. Осіи 1 гл. и проч.). Поэтому можно догадываться, что разсматриваемый нами псаломъ составленъ былъ кѣмъ-либо изъ благочестивыхъ левитскихъ пѣвцовъ или другихъ благочестивыхъ мужей,

---

[1]) Такого мнѣнія и Ewald,—Die Dichter d. A. B. I. 1, S. 266.

[2]) Оп. Ркп. Солов. библ. № 755.

можетъ быть, вскорѣ послѣ заключенія собранія псалмовъ, съ тою именно цѣлію, чтобы, въ соотвѣтствіе книгамъ пророковъ, восполнить его недостающими въ немъ предварительными свѣдѣніями о лицѣ пророка Давида, подъ именемъ котораго извѣстно было собраніе.

Мы указали и разсмотрѣли по возможности тѣ основанія, на которыхъ обыкновенно заключаютъ, и на которыхъ съ наибольшею вѣроятностію можно заключать о писателяхъ и времени написанія отдѣльныхъ пѣсней Псалтири, и въ концѣ концовъ должны были придти къ тѣмъ же выводамъ, которые предварительно изложили въ общемъ историческомъ очеркѣ ветхозавѣтнаго псалмопѣнія. Сущность ихъ въ томъ, что исторія происхожденія Книги Псалмовъ проходитъ чрезъ всю исторію образованія ветхозавѣтнаго канона и обыкновенно идетъ рука объ руку съ развитіемъ пророчества, такъ что ни въ началѣ, ни въ концѣ своемъ не выступаетъ изъ его предѣловъ, или точнѣе сказать,—и въ началѣ, и въ своемъ заключеніи совершенно совпадаетъ съ его предѣлами. Первая и древнѣйшая изъ пѣсней Псалтири есть пѣснь перваго великаго пророка и писателя древнѣйшихъ книгъ Свящ. Писанія—Моисея; наибольшая часть псалмовъ (88 Псс.) относится ко времени вѣнценоснаго пророка Давида, получившаго развитіе своего дара псалмопѣнія подъ руководствомъ пророка Самуила, съ котораго собственно и начинается періодъ непрерывнаго пророческаго служенія въ церкви ветхозавѣтной [1]); равнымъ образомъ изъ остальныхъ пѣсней большая часть падаютъ на особенно выдающіяся эпохи усиленнаго развитія пророческаго дара, на времена Іосафата, Езекіи, Іосіи, наступленія плѣна и возвращенія изъ онаго, и служатъ отголосками возвѣщавшихся чрезъ пророковъ откровеній божественныхъ; самыя позднія пѣсни не восходятъ далѣе времени служенія послѣднихъ пророковъ: Аггея, Захаріи и Малахіи, совпадая такимъ образомъ съ происхожденіемъ послѣднихъ книгъ ветхозавѣтнаго канона. Къ болѣе позднему времени относится только одинъ прибавочный псаломъ 151-й,

---

[1]) Hoc tempus, ex quo sane Samuel prophetare coepit et deinceps, donec reversis Israëlitis Dei domus instavraretur, totum tempus est prophetarum.—Бл. Августинъ,—De civit. Dei, lib. XVII, cap. 5.

происшедшій въ промежутокъ времени между заключеніемъ канона и составленіемъ греческаго перевода Псалтири; но этотъ псаломъ по самому его надписанію не входитъ въ число принятыхъ въ канонъ 150 псалмовъ, составляющихъ Псалтирь, и слѣдовательно ни мало не нарушаетъ общаго заключенія о ея происхожденіи. Но изъ всего состава собственно Псалтири, изъ числа 150 псалмовъ, мы не нашли ни одного, который бы съ достаточною вѣроятностію можно было отнести ко времени Маккавеевъ, или другому какому либо пункту времени послѣ прекращенія въ іудейской церкви пророческаго служенія, и такимъ образомъ должны признать совершенную несостоятельность очень распространенной между новѣйшими учеными толкователями псалмовъ гипотезы о существованіи въ Псалтири пѣсней изъ Маккавейскаго и вообще послѣ-пророческаго періода іудейской исторіи. Но выводы наши относительно Маккавейской гипотезы и времени происхожденія позднѣйшихъ псалмовъ могутъ получить полную свою твердость только лишь послѣ разсмотрѣнія и рѣшенія вопроса о времени окончательнаго собранія отдѣльныхъ разновременныхъ пѣсней въ одну извѣстную намъ Книгу Псалмовъ, происхожденіе которой изъ отдѣльныхъ псалмовъ и составитъ предметъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія.

III.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ СОБРАНІЯ ПѢСНЕЙ ПСАЛТИРИ.

Извѣстное у насъ подъ именемъ Псалтири собраніе псалмовъ въ полномъ своемъ составѣ, конечно, могло произойти не ранѣе, какъ только послѣ происхожденія позднѣйшихъ его пѣсней, и слѣдовательно никакъ не ранѣе возстановленія стѣнъ Іерусалима послѣ плѣна Вавилонскаго (445 г. до Р. Хр.), къ торжеству освященія которыхъ мы отнесли позднѣйшіе, заключительные пѣсни Псалтири. Но въ этомъ случаѣ, если мы и допустимъ, что полное собраніе псалмовъ совершено было непосредственно вслѣдъ за происхожденіемъ названныхъ послѣднихъ пѣсней, то и тогда оно отъ происхожденія главнѣйшей составной части своей, псалмовъ Давидова времени (1060—1020 г. до Р. Хр. [1]), будетъ отдѣляться громаднымъ, шестивѣковымъ промежуткомъ времени. Уже это одно достаточно показываетъ, что *настоящее собраніе псалмовъ, какое представляется въ Псалтири, не есть собраніе первоначальное, непосредственно принадлежащее одному или нѣсколькимъ лицамъ одного времени, а представляетъ лишь послѣднюю дополненную редакцію нѣсколькихъ предшествующихъ собраній, относящихся къ различнымъ эпохамъ исторіи псалмопѣнія*: такъ какъ, принимая во вниманіе всегдашнее высокое уваженіе Евреевъ къ своимъ

[1]) Между этими годами обыкновенно полагаютъ время царствованія Давида; но не должно забывать, что значительная часть его псалмовъ написана была имъ еще прежде его воцаренія. См. выше ист. псалмов. стр. 51—61.

священнымъ пѣснямъ (Пс. 136, 3—4) и особенно ихъ непрерывное со времени Давида богослужебное употребленіе (1 Пар. 15, 16 и дал. 16, 4 и дал. 25 гл. 2 Пар. 5, 12—13. 7, 6. 20, 19. 21. 26—28. 29, 25—30. 35, 15. 1 Ездр. 3, 10. Неем. 12, 45—46), рѣшительно нельзя представить, чтобы такого рода пѣсни оставлены были въ теченіи столѣтій обращаться въ народѣ въ видѣ отдѣльныхъ листковъ до времени предпринятаго наконецъ общаго собранія ихъ въ составѣ извѣстной намъ Псалтири, или книги хвалебныхъ пѣсней Израилевыхъ. Правда, ветхозавѣтные писатели, не смотря на неоднократныя ихъ замѣчанія о важности и богослужебномъ употребленіи псалмовъ Давида и другихъ священныхъ писателей, ни разу не упоминаютъ о существованіи какихъ либо собраній такихъ пѣсней. Самое первое и, можно сказать, единственное прямое свидѣтельство о собраніи псалмовъ во 2 кн. Маккавеевъ (2, 13) относитъ его лишь ко времени Нееміи, къ которому мы отнесли происхожденіе позднѣйшихъ заключительныхъ псалмовъ Псалтири, т. е. именно, какъ мы замѣтили, не ранѣе, какъ спустя около шести столѣтій послѣ происхожденія псалмовъ Давидова времени, занимающихъ почти двѣ трети всего собранія псалмовъ.—Подобная небрежность не допускалась у Евреевъ даже въ отношеніи къ храненію памятниковъ и не священной, а обыкновенной мірской письменности. Намъ извѣстно, что у нихъ съ раннихъ поръ уже существовали сборники національныхъ пѣсней, которые отъ времени до времени были пополняемы вновь составлявшимися пѣснями. Такъ уже у Моисея упоминается сборникъ пѣсней подъ именемъ «книги браней Господнихъ» (Числ. 21, 14—15. 17—18. 27—30), содержавшій въ себѣ, какъ можно судить по приводимымъ изъ него отрывкамъ, пѣсни въ прославленіе побѣдъ еврейскаго народа и другихъ радостныхъ событій во время его странствованія по пустынѣ; а во времена Іисуса Навина существовалъ и другой подобный сборникъ подъ именемъ «книги праведнаго» (I. Нав. 10, 13—14), въ составъ которой, по свидѣтельству 2 кн. Царствъ (1, 17—18 и дал.), внесена была и пѣснь Давида на смерть Саула и Іонаѳана. Точно такъ же въ послѣдующія времена извѣстенъ былъ еще особенный сборникъ такъ называемыхъ «плачевныхъ пѣсней», въ который между прочимъ вписаны были надгробная пѣснь Іереміи пророка и такого же рода пѣсни другихъ пѣвцовъ и пѣвицъ на смерть царя Іосіи (2 Пар. 29, 25). Въ виду такой заботливости Евреевъ о собраніи своихъ

пѣсней мірскаго содержанія и характера, имѣвшихъ лишь значеніе литературно-историческихъ памятниковъ, нельзя, конечно, допустить, чтобы они до времени Неемін не позаботились о собраніи священныхъ своихъ пѣсней, къ тщательному храненію которыхъ, кромѣ литературно-историческаго значенія, обязывало ихъ и уваженіе къ богопросвѣщеннымъ писателямъ священныхъ пѣсней, и высокое религіозно-нравственное значеніе самыхъ пѣсней, и ихъ богослужебное употребленіе.

Разсмотрѣніе состава Псалтири также требуетъ признать, что прежде этого полнаго собранія псалмовъ существовало уже нѣсколько меньшихъ собраній, которыя и послужили для его составленія. Не трудно замѣтить, что расположеніе псалмовъ Псалтири слѣдуетъ вообще, хотя не въ строгомъ смыслѣ, порядку времени, подчиняясь въ то же время порядку однородности предметовъ. Въ началѣ Псалтири помѣщаются псалмы древнѣйшіе, за которыми въ большей или меньшей, хотя въ не строгой постепенности, слѣдуютъ позднѣйшіе, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе располагаются группами, большею частію по принадлежности ихъ однимъ и тѣмъ же писателямъ. Въ виду такого основнаго закона расположенія псалмовъ, еслибы собраніе ихъ всецѣло принадлежало одному лицу, казалось бы, слѣдовало ожидать, что псалмы каждаго изъ называемыхъ въ немъ писателей будутъ сопоставлены всѣ вмѣстѣ, представляя собою цѣлыя, нераздѣльныя группы, и никакъ не должны дробиться на нѣсколько мелкихъ группъ, раздѣляемыхъ одна отъ другой группами другихъ писателей, иначе говоря,—нужно было ожидать, что псалмы Давида всѣ будутъ собраны въ одну большую группу, за которою будутъ слѣдовать точно также цѣлыми группами псалмы, надписывающіеся именами пѣвцовъ Давидовыхъ и другихъ неизвѣстныхъ писателей. Между тѣмъ въ составѣ нашей Псалтири мы не видимъ, чтобы всѣ псалмы каждаго изъ называемыхъ въ ней писателей стояли вмѣстѣ цѣлыми, нераздѣльными группами, а напротивъ они являются намъ въ видѣ нѣсколькихъ разсѣянныхъ по собранію группъ, отдѣляющихся одна отъ другой группами псалмовъ другихъ писателей. Такъ псалмы Давидовы, вмѣсто того, чтобы стоять одною цѣлою группою, представляютъ намъ пять, очень неравномѣрныхъ между собою, разсѣянныхъ по всему собранію группъ (1—40. 50—64. 67—70. 107—109. 137—144), отдѣляющихся одна отъ другой большими ими меньшими группами псалмовъ другихъ писателей и

другаго времени происхожденія. Точно также и псалмы сыновъ Кореевыхъ расположены не одною, а двумя группами (41—48 и 83—88, за исключ. 85 Давидова Пс.), между которыми помѣщаются двѣ довольно большія группы псалмовъ Давидовыхъ (50—70) и Асафовыхъ (72—82). Такая дробность и разрозненность группъ псалмовъ однихъ и тѣхъ же писателей, при очевидномъ стремленіи къ сопоставленію ихъ между собою, не можетъ быть объяснена изъ того, что собиратель не строго слѣдуетъ принятому имъ основному началу расположенія псалмовъ по времени и принадлежности однимъ и тѣмъ же писателямъ: потому что, если при этомъ и замѣчается по мѣстамъ преимущественное сопоставленіе псалмовъ по близкому сродству предметовъ содержанія,—какъ, можетъ быть, поставленъ Асафовъ 49 псаломъ между Кореевымъ 48 и Давидовымъ 50 и Давидовъ 85 между Кореевыми, или какъ сопоставляются Давидовы Псс. съ позднѣйшими въ группѣ псалмовъ 100—106[1]),—или

---

[1]) По мнѣнію древнихъ и новыхъ толкователей, Пс. 49-й Асафовъ поставленъ между 48-мъ Кореевымъ и 50-мъ Давидовымъ потому, что онъ съ первымъ сходится въ обличеніи и возвѣщеніи суда нечестивымъ, забывающимъ Бога (Пс. 48. 6—16 и 49, 15—22), и въ призываніи всѣхъ народовъ земли внимать преподаваемымъ урокамъ благочестія (48, 2. и 49, 7. См. Злат. на Пс. 49, Т. I, стр. 444; ср. бл. Ѳеодорита на тотъ же Пс. Т. II, стр. 278), а съ послѣднимъ раскрызаетъ одну и туже истину, что животныя жертвы и вообще внѣшнее богопочтеніе, безъ внутренняго сердечнаго расположенія, не угодны Богу (Пс. 49, 8—15. 23. 50, 18—19. См. Köster и Hitzig на Пс. 49—50 и Delitzsch Symbolae ad Psalm. illustr. isag. p. 54—55). Поставленіе Давидова 85 Пс. между Кореевыми объясняется тѣмъ, что съ предшествующимъ 84 псалмомъ онъ представляетъ очень сходную молитву къ Господу о помилованіи, а слѣдующій за нимъ 86 Пс. составляетъ развитіе выраженной въ немъ (ст. 9) мысли объ обращеніи язычниковъ (см. Symbolae p. 60). Давидовы псалмы 100, 102 и 103 сопоставляются съ позднѣйшими (101 и 104—106) по тожеству развивающейся въ нихъ мысли о безконечной благости и правдѣ Божіей (ср. Köster на Пс. 101 и Hengst. IV, 1, S. 126 и 166. Symbolae p. 62). О сопоставленіи Псс. 102—106 по сродству ихъ между собою въ указанномъ отношеніи хорошо замѣчаетъ нашъ ученый изслѣдователь Псалтири Прот. Павскій. Сказавъ, что въ Пс. 102 Давидъ благословляетъ Господа, вѣнчающаго боящихся Его милостью и щедротами и призываетъ всѣ небесныя силы

по однородности и одновременности литургическаго ихъ употребленія,—какъ сопоставляются древнѣйшіе и позднѣйшіе псалмы между пѣснями восхожденія, Псс. 119 — 133 [1]); то подобныя отступленія отъ основнаго порядка расположенія псалмовъ слишкомъ незначительны и почти незамѣтны въ цѣломъ составѣ Псалтири, и, во всякомъ случаѣ, никакъ не требуютъ замѣчаемаго въ немъ нарушенія цѣлости группъ псалмовъ однихъ и тѣхъ же писателей. По наблюденіямъ новѣйшихъ ученыхъ, совмѣстно съ указаннымъ нами основнымъ началомъ расположенія псалмовъ въ Псалтири по порядку времени и по принадлежности однимъ и тѣмъ же писателямъ, замѣчается еще другой порядокъ расположенія по употребленію въ псалмахъ именъ Божіихъ Іегова (יְהוָה, въ слав. Господь) и Елогимъ (אֱלֹהִים, въ слав. Богъ), по которому въ началѣ (Псс. 1—41 по евр.) и въ концѣ Псалтири (Пс. 85 по евр.—150) помѣщаются псалмы, въ которыхъ исключительно или по преимуществу употребляется имя Іегова, или *псалмы іеговическіе*, а средину Псалтири (Пс. 42—84 по евр.) занимаютъ псалмы съ преимущественнымъ употребленіемъ имени Елогимъ, а также Ель (אֵל), Адонай (אֲדֹנָי) и сложныхъ именъ Божіихъ יְהוָה צְבָאוֹת Господь силъ, въ слав. Господь Саваоѳъ, יְהוָה אֱלֹהִים צְבָאוֹת Господь Богъ силъ, въ слав. Саваоѳъ), или *псалмы елогимическіе* [2]). Но этотъ порядокъ расположенія псалмовъ, какъ частнѣйшее примѣненіе одного общаго въ расположеніи псалмовъ на-

---

къ прославленію Его, онъ продолжаетъ: «собиратель послѣдней части псалмовъ, внимая сему воззванію, присовокупляетъ къ его (Давида) псалму другіе четыре, всѣ подобные между собою въ томъ, что прославляютъ смотрѣніе Божіе, Его премудрость и благость, созерцаемую въ природѣ (Пс. 103), въ устроеніи на землѣ церкви (104 и 105) и въ общежительныхъ дѣлахъ человѣческихъ (106 Пс.)». (Обозр. Пс. стр. 34).

[1]) О поставленіи Давидовыхъ (121, 123, 130 и 132) и Соломоновыхъ (126 и 131) псалмовъ между пѣснями восхожденій см. выше въ изслѣдованіи объ этихъ псалмахъ стр. 211, 225—6, 294—5 и 308—9.

[2]) Первоначально такое расположеніе псалмовъ открыто было Евальдомъ (Poetische Bb. I, S. 190—192) и потомъ подробно изслѣдовано C. P. Caspari и Delitzsch'емъ (Symbolae). Ср. также Hengst. Comment. über die Ps. IV. 2 Beitr. 6.

чала однородности, вполнѣ и совершенно удобно могъ бы быть соблюденъ при самой строгой группировкѣ псалмовъ по ихъ писателямъ [1]), а потому ни мало не можетъ служить къ оправданію замѣчаемой въ Псалтири разрозненности группъ псалмовъ однихъ и тѣхъ же писателей, тѣмъ болѣе, что такая разрозненность замѣчается и между псалмами одного и того же елогимическаго (какъ Давидовыми Псс. 50—64 и 67—70 и Кореевыми 41—48 и 83) и іеговическаго отдѣла (какъ разрознены Давидовы Псс. 107—109 и 137—144), которые уже въ силу этой послѣдней однородности должны бы, казалось, стоять цѣлыми отдѣльными группами. Вообще, ни въ содержаніи или въ другихъ какихъ-либо свойствахъ псалмовъ, ни въ особенностяхъ расположенія ихъ, нельзя указать основаній, которыя бы объясняли происхожденіе указанной разрозненности псалмовъ. Единственное, чѣмъ можно объяснить такое явленіе, это предположеніе, что въ основѣ настоящаго полнаго собранія псалмовъ лежитъ

---

[1]) Такъ группы Давидовыхъ псалмовъ изъ послѣдней іеговической части, Псс. 107—109 и 138—144, очень удобно бы можно было перенести въ первую іеговическую часть и поставить вслѣдъ за первою большою группою Давидовыхъ псалмовъ 1—40, а далѣе послѣ 144-го псалма помѣстить елогимическіе Давидовы псалмы 50—64 и 67—70; потомъ, послѣ Соломонова 71-го и Асафовыхъ 72—82-го, поставить одною цѣлою группою Псс. Кореевы 41—48 и 83—88, и наконецъ всѣ остальные 89—150, за исключеніемъ перемѣщенныхъ 107—109 и 137—144. При такомъ расположеніи,—если бы мы и не коснулись положенія псалмовъ, представляющихъ собою исключенія въ общемъ ихъ порядкѣ, 49-го Асафова и 85, 100, 102 и 103-го Давидовыхъ, а также древнѣйшихъ псалмовъ между пѣснями степеней,—всѣ же почти всѣ псалмы Давидовы, Асафовы и Кореевы стояли бы цѣлыми непрерывными группами, и при этомъ порядкѣ расположенія псалмовъ по именамъ Божіимъ также не только бы былъ соблюденъ, но даже представлялъ бы болѣе соразмѣрности въ частяхъ; такъ какъ въ первой іеговической части, послѣ перемѣщенія въ нее изъ послѣдней части Псс. 107—109 и 137—144, вмѣсто сорокъ одного псалма, считая по евр. тексту, было бы—52 псалма, а въ послѣдней іеговической, за исключеніемъ вышеозначенныхъ псалмовъ, оставалось бы 55 вмѣсто 66. Такого или подобнаго тому расположенія псалмовъ и слѣдовало ожидать, если бы собраніе псалмовъ всецѣло было дѣломъ одного лица.

нѣсколько прежде него существовавшихъ меньшихъ собраній [1]). Конечно, при этомъ нужно допустить что *составителемъ Псалтири, при пользованіи имъ существовавшими уже сборниками псалмовъ, удержанъ былъ существенный составъ этихъ послѣднихъ;* но подобное отношеніе къ памятникамъ древности у священныхъ писателей не представляетъ ничего невѣроятнаго. Ветхозавѣтные священные писатели, при пользованіи древнѣйшими источниками, обыкновенно старались какъ можно ближе держаться подлинника, и заимствуемыя ими свѣдѣнія большею частію переда-

---

[1]) Разновременнымъ составленіемъ Псалтири объяснялъ разрозненное положеніе въ ней псалмовъ однихъ и тѣхъ же писателей и св. Аѳанасій. — «Нѣкто изъ пророковъ, говоритъ онъ въ предисловіи къ толкованію псалмовъ, вмѣстѣ съ прочими книгами собралъ и Книгу Псалмовъ, отыскавъ ихъ не всѣ вдругъ, но въ разныя времена, и въ началѣ помѣстилъ тѣ псалмы, которые найдены прежде другихъ. Посему то находимъ, что не всѣ псалмы Давидовы по порядку, но между ними встрѣчаются помѣщенными въ книгѣ то псалмы сыновъ Кореевыхъ и Асафа, и Соломона и Моисея и Израильтянина (по ошибочн. чтенію греческ. перев. вм. Езрахита) Ѳеама и Емана, то опять псалмы Давидовы. не потому, что въ этомъ порядкѣ они написаны, но потому что такъ были отысканы» (Тв. Св. Оо. въ р. пер. Т. XXII стр. 40). Правда, понятіе разновременности собранія псалмовъ въ приведенныхъ словахъ св. отца ограничивается лишь предѣлами жизни одного послѣдняго собирателя псалмовъ или составителя Псалтири, но онъ не отрицаетъ при этомъ предсуществованія до того времени меньшихъ собраній псалмовъ; такъ какъ замѣчаніе, что псалмы отысканы были не всѣ вдругъ, а въ разныя времена, никакъ еще не требуетъ думать, чтобы псалмы, по мнѣнію св. отца, отыскиваемы были составителемъ Псалтири непремѣнно по одиночкѣ, а не большими или меньшими собраніями. Судя по тому, что, говоря о разрозненномъ положеніи псалмовъ въ составѣ Псалтири, онъ указываетъ на псалмы Кореевы, Асафовы, Давидовы, а всѣ эти псалмы расположены, если и не всѣ по порядку, то все же большими или меньшими группами, кажется, напротивъ слѣдуетъ заключить, что, по его мнѣнію, псалмы эти отысканы были составителемъ Псалтири, хотя и не всѣ вдругъ, а въ разныя времена то все таки и не по одиночкѣ, а собранными въ небольшія группы, которыя, будто бы, и были расположены въ Псалтири одна за другою, по времени ихъ отысканія.

вали со всѣми тѣми подробностями и въ томъ порядкѣ, какъ находили ихъ въ первоначальныхъ записяхъ. Такого рода отношеніемъ къ древнѣйшимъ памятникамъ и объясняются отчасти встрѣчающіяся въ свящ. историческихъ книгахъ по мѣстамъ отступленія отъ послѣдовательнаго порядка и повторенія, только съ большею или меньшею полнотою, однихъ и тѣхъ же свѣдѣній,—каковы напр. неоднократныя повторенія однѣхъ и тѣхъ же родословныхъ таблицъ (ср. 1 Пар. 2, 3—4 и дал. съ 4, 1 и дал.; 6, 1—2 съ 16—18; 23, 6 и дал.; 3—9 съ 50—53 и 24, 1—2 и дал.) и списковъ лицъ служившихъ при Давидѣ (ср. 1 Пар. 6, 31—48 съ 16, 4—6 и 25, 1 и дал.; 9, 10 и дал. съ 23, 7 и дал.; 2 Ц. 8, 16—18 и 20, 23—26), также какъ нѣкоторыя, неумѣстныя во времена позднѣйшаго писателя замѣчанія, въ родѣ встрѣчающагося во 2 Пар. (5, 19) замѣчанія, что носила (шесты) ковчега завѣта и послѣ поставленія его во храмѣ Соломоновомъ оставались въ кольцахъ его «до сего дня», хотя извѣстно, что 2 кн. Пар. написана была уже тогда, когда ковчегъ завѣта вовсе не существовалъ[1]). Потому же самому совершенно естественно допустить, что и позднѣйшій собиратель псалмовъ и составитель нашей Псалтири, пользуясь древнѣйшими собраніями псалмовъ, если въ расположеніи ихъ вообще и старался слѣдовать извѣстному опредѣленному порядку хронологической послѣдовательности и сродства псалмовъ между собою, то тѣмъ не менѣе не рѣшился сдѣлать въ составѣ этихъ собраній какихъ либо существенныхъ измѣненій и соединялъ ихъ между собою въ одинъ цѣлый сборникъ большею частію только внѣшнимъ образомъ; а естественнымъ слѣдствіемъ такого рода пользованія древнѣйшими собраніями Псалтири и должна была произойти та разрозненность группъ псалмовъ однихъ и тѣхъ же писателей, какая замѣчается въ Псалтири.

Существованіе нѣсколькихъ меньшихъ собраній псалмовъ, прежде составленія одного полнаго сборника, подтверждается наконецъ свидѣтельствомъ сохранившагося послѣ 71-го псалма (евр. 72) замѣчанія древняго собирателя псалмовъ: «*кончились молитвы Да-*

[1]) Такого же рода замѣчанія въ 3 Ц. 8, 8. 9, 21. 4 Ц. 8, 22. и др. См. объ этомъ въ Историч. кн. Свящ. Писанія, пер. Гуляева VIII и примѣч.; также Keil'я на цитованныя мѣста изъ книгъ Царствъ и Delitzsch'a,—Die Psalmen, Einleit. IV и др.

вида сына Іессеева» (ст. 20). Мы не можемъ сказать, кому или какому времени принадлежитъ такое замѣчаніе, но, во всякомъ случаѣ, оно ясно показываетъ, что тѣ части Псалтири, къ которымъ оно имѣетъ прямое отношеніе, принадлежатъ иному составителю, а не тому, которымъ собраны послѣднія части Псалтири, или которому принадлежитъ составленіе цѣлаго собранія. По прямому, буквальному смыслу этого замѣчанія слѣдуетъ заключить, что псалмомъ 71-мъ заканчивалось собраніе псалмовъ по преимуществу Давида, и въ то время, когда произошло такое замѣчаніе, въ собраніи псалмовъ послѣ 71-го не было болѣе псалмовъ Давидовыхъ. Тому ли или другому собирателю принадлежитъ собраніе слѣдующей непосредственно за приведеннымъ замѣчаніемъ части Псалтири (Псс. 72—88), и ему ли или же кому другому принадлежитъ составленіе самаго замѣчанія; во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что въ этой части помѣщаются цѣлыми непрерывными группами только псалмы Асафовы и сыновъ Кореевыхъ и, за исключеніемъ одного только 85-го Пс., который можно считать вставкою, сдѣланною при позднѣйшей редакціи Псалтири, вовсе нѣтъ псалмовъ Давидовыхъ, даетъ основаніе заключать, что составитель этого собранія понималъ означенное замѣчаніе въ прямомъ буквальномъ смыслѣ, какъ указаніе конца собранія псалмовъ Давидовыхъ. Между тѣмъ въ дальнѣйшихъ частяхъ Псалтири мы опять встрѣчаемъ 17-ть псалмовъ съ надписаніемъ Давиду, изъ которыхъ притомъ большая часть (11 псалмовъ) расположены группами (107—109 и 137—144), такъ что не могутъ считаться позднѣйшими вставками. Такое очевидное противорѣчіе состава послѣднихъ частей Псалтири съ вышеприведеннымъ замѣчаніемъ объ окончаніи псалмовъ Давида естественно никакъ не позволяетъ думать, чтобы и первыя части Псалтири, до 71 и 88 псалмовъ, и послѣднія, отъ 89 до 150, собраны и приведены были въ настоящій составъ однимъ и тѣмъ же лицемъ: потому что, какой бы ни былъ этотъ собиратель, во всякомъ случаѣ рѣшительно нельзя представить, чтобы онъ сталъ продолжать собраніе псалмовъ Давидовыхъ, когда за нѣсколько псалмовъ предъ тѣмъ замѣтилъ, что окончились псалмы Давида, или чтобы позволилъ себѣ сдѣлать такое замѣчаніе, когда имѣлъ въ виду въ томъ же самомъ сборникѣ представить и представилъ еще довольно значительную коллекцію псалмовъ Давидовыхъ. Конечно, противорѣчіе между составомъ послѣд-

нихъ частей Псалтири и замѣчаніемъ объ окончаніи псалмовъ Давидовыхъ послѣ 71 псалма не устраняется совершенно и въ томъ случаѣ, когда мы признаемъ, что эти части собраны и присоединены были къ древнѣйшему собранію другимъ позднѣйшимъ собирателемъ. Если при этомъ нельзя сказать, что собиратель впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, то съ другой стороны нельзя не упрекнуть его за то, что онъ не исключилъ изъ принятаго имъ въ составъ Псалтири древняго собранія псалмовъ такого замѣчанія, которое стоитъ въ противорѣчіи съ дальнѣйшими частями составленнаго имъ полнаго сборника. Но допущеніе подобнаго противорѣчія со стороны составителя Псалтири вполнѣ объясняется вышеуказаннымъ нами обычаемъ древнихъ священныхъ писателей приводить заимствуемыя ими изъ древнѣйшихъ писаній мѣста съ буквальною точностію, со всѣми ихъ подробностями, хотя бы нѣкоторыя изъ такихъ подробностей, въ родѣ приведеннаго выше изъ кн. Паралипоменонъ замѣчанія о носилахъ ковчега завѣта, вовсе не сообразовалось съ временемъ этихъ писателей. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ [1]), во избѣжаніе представляющейся несообразности разсматриваемаго нами замѣчанія объ окончаніи псалмовъ Давида съ составомъ послѣднихъ частей Псалтири, придумываютъ такого рода объясненіе, что будто бы оно, не исключая возможности существованія и послѣ него псалмовъ Давида, имѣетъ своимъ назначеніемъ только отдѣлять обширнѣйшій циклъ поставленныхъ въ связи между собою и не смѣшанныхъ съ другими псалмовъ этого псалмопѣвца отъ области прочихъ его пѣсней, разсѣянныхъ между псалмами другихъ писателей. Но такого рода объясненіе, кромѣ своей натянутости, представляетъ очевидную несообразность съ составомъ слѣдующей непосредственно за объясняемымъ замѣчаніемъ части Псалтири (72 – 88), которая, какъ мы замѣтили, отсутствіемъ въ ней псалмовъ Давида говоритъ именно за признаніе дѣйствительнаго окончанія съ предшествующею частью псалмовъ по преимуществу этого писателя. Но, что всего важнѣе, при подобномъ объясненіи замѣчаніе: «кончились молитвы Давида».... рѣшительно теряетъ всякій смыслъ и является какою-то безцѣльною, совершенно излишнею прибавкою.

---

[1]) См. Hengstenberg's Comment. in d. Pss. Bd. IV, 2, Beitr. 6.

Напрасно стараются подтвердить это объясненіе аналогіею объясняемой замѣтки собирателя псалмовъ съ подобнымъ же замѣчаніемъ книги Іова: «*кончились слова Іова*» (31, 40), послѣ котораго Іовъ однако же еще два раза является говорящимъ (39, 33—35. 42, 1—6). Если сравнить эти послѣднія слова Іова съ предшествующими его рѣчами, послѣ которыхъ поставлено означенное замѣчаніе, то ясно становится, что замѣчаніе это не просто лишь служитъ къ отдѣленію главнѣйшей массы рѣчей Іова отъ послѣдующихъ краткихъ его отвѣтовъ, а дѣйствительно въ прямомъ и собственномъ смыслѣ слова означаетъ конецъ *защитительныхъ рѣчей* Іова; такъ какъ въ послѣдующихъ краткихъ отвѣтахъ этого праведника на рѣчь Іеговы слышится лишь выраженіе глубочайшаго смиренія предъ Промысломъ и рѣшительный отказъ говорить что-либо предъ Нимъ въ свою защиту. Между тѣмъ въ Псалтири, какъ предшествующіе разсматриваемому замѣчанію, такъ и послѣдующіе за нимъ псалмы Давидовы въ своемъ содержаніи и характерѣ не представляютъ такого различія, по которому бы слѣдовало или можно было отдѣлить ихъ одни отъ другихъ подобнаго же рода формулой: *окончились*... Нѣтъ основанія къ такому раздѣленію и въ расположеніи псалмовъ той и другой части Псалтири: потому что и въ этомъ отношеніи между тѣми и другими нѣтъ существеннаго различія; такъ какъ и первые не чужды смѣшенія съ псалмами другихъ писателей (каковы 41—49. 65—66. 71), и послѣдніе, при всей своей разбросанности между другими псалмами, все-же большею частію стоятъ замѣтно отдѣляющимися отъ нихъ группами (какъ Псс. 107—109 и 137—144). Притомъ же, если бы составителю Псалтири хотѣлось отдѣлить группу несмѣшанныхъ съ другими псалмовъ Давида, то такое раздѣленіе, конечно, слѣдовало бы обозначить послѣ псалма 40-го, которымъ дѣйствительно заканчивается собраніе исключительно псалмовъ Давидовыхъ. Но чтобы раздѣлять между собою, какъ нѣчто особенное, такія части Псалтири, которыя различаются между собою единственно только количественнымъ содержаніемъ псалмовъ Давидовыхъ, рѣшительно нѣтъ никакого разумнаго основанія. Генгстенбергъ, которому между прочимъ принадлежитъ разбираемое объясненіе, старается напротивъ доказать неосновательность и неумѣстность замѣчанія объ окончаніи псалмовъ Давида при дѣйствительномъ ихъ окончаніи; такъ какъ, по его

мнѣнію, «совершенно излишне обозначать конецъ особенною заключительною формулой, когда онъ и безъ всякаго обозначенія даетъ знать о себѣ». Но если подобное обозначеніе конца какого либо писанія и можетъ представляться излишнимъ, тѣмъ не менѣе оно съ древнѣйшихъ и до послѣднихъ временъ было въ обычаѣ у очень многихъ писателей, а также употребляется и въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, какъ въ кн. пророка Іереміи (51, 64) и отчасти въ вышеприведенномъ мѣстѣ кн. Іова (31, 40). Поэтому, при кажущемся своемъ излишествѣ, оно все-таки никакъ не можетъ считаться невозможнымъ и невѣроятнымъ и со стороны древнихъ собирателей псалмовъ; тогда какъ напротивъ рѣшительно уже невѣроятно, чтобы какой либо собиратель псалмовъ или другой какой писатель сталъ обозначать особенною формулою: «конецъ псалмамъ Давида», тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого конца и не представляется никакихъ основаній для подобнаго обозначенія. Такимъ образомъ, не смотря на усилія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ ученыхъ объяснить сохранившееся въ Псалтири послѣ 71 псалма замѣчаніе: «окончились молитвы Давида сына Іессеева», въ не собственномъ значеніи раздѣлительной формулы,—наибольшая вѣроятность, согласно съ мнѣніемъ большинства толкователей, остается на сторонѣ пониманія его въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ и побуждаетъ признать, что *прежде нашей Псалтири существовали меньшія собранія псалмовъ, изъ которыхъ въ одномъ послѣ псалма 71 дѣйствительно не было болѣе псалмовъ Давидовыхъ.*

Но не сомнѣваясь, что прежде составленія Псалтири существовало нѣсколько меньшихъ собраній псалмовъ, *мы не можемъ съ опредѣленностію рѣшить, каковы были и въ какое время или какими лицами составлялись такія собранія.* Не мало различными учеными сдѣлано было попытокъ въ настоящемъ расположеніи псалмовъ отыскать возможно полное разрѣшеніе этихъ вопросовъ; но сдѣланныя ими въ этомъ отношеніи открытія не восходятъ дальше болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ, которыя тѣмъ меньше имѣютъ вѣроятности, чѣмъ больше, по видимому, отличаются опредѣленностію [1]). Группообразное расположеніе псалмовъ по при-

[1]) Такова напр. теорія происхожденія Псалтири *Гофмана* (Hofmann, Psalmencommentar; ср. въ Real-Encyklop. v. Herzog. Bd. XII. Die Psalmen. S. 276), который въ настоящемъ составѣ этой книги думаетъ

надлежности однимъ и тѣмъ же писателямъ или одному времени и т. п., какъ остатокъ древнѣйшихъ собраній псалмовъ, дѣйствительно представляетъ намъ нѣкоторыя данныя къ рѣшенію этихъ вопросовъ, но только далеко не точныя, не рѣшительныя. Разли-

---

прочитать всю исторію постепеннаго ея образованія и даже открыть кто были древнѣйшіе собиратели псалмовъ. По его мнѣнію Книга Псалмовъ составилась изъ 9 отдѣльныхъ собраній, численный составъ которыхъ онъ думаетъ, согласно съ Генгстенбергомъ (Comm. in die Ps. Bd. IV. 2 Beitr. 5), основать на особенно важномъ значеніи у Евреевъ чиселъ: 3, 5, 7, 10, 12, хотя самъ не вездѣ удачно выдерживаетъ этотъ числовой принципъ. Собранія эти слѣдующія: 1) Псс. 3—41 (по евр. сч.), собранные самимъ Давидомъ Давидовы псалмы, съ прибавленіемъ Пс. 2-го, который, по ясному указанію въ 7 ст. на данное Давиду обѣтованіе, заступаетъ мѣсто надписанія его имени (И того отъ 2 по 41=40 Псс.= 4×10); 2) Псс. 42—50 (=3×3+40=49=7×7),—псалмы современниковъ Давида и Соломона, собранные Асафомъ, съ его 50 псалмомъ, который заступаетъ мѣсто подписи его имени; 3) Псс. 51—71 (=7×3+49=70=7×10),—псалмы Давида, собранные Соломономъ, съ присоединеніемъ его 72 псалма вмѣсто подписи его имени; 4) Пс. 73—85 (7+2×3 или 10+3=13+71=84=7×12),—псалмы современниковъ Давида и Соломона, больше всего Асафовы. Это—четыре основныя собранія; изъ нихъ второе, третье и четвертое—елогимическія, соотвѣтственно временамъ Соломона, которому однакожъ, замѣтимъ, свойственны не только елогимическія писанія, какъ кн. Екклезіаста, но также и іеговическія, какъ книга Притчей и Псалмы 126 и 131-й. Затѣмъ слѣдуютъ три собранія: 5) Псс. 86—100 (=15, т. е. 12+3 или 3×5); 6) Пс. 101—107 (=7 Псс.); 7) Псс. 108—118 (=11, т. е. 2×3+5), которыя всѣ, начинаясь Давидовыми, оканчиваются богослужебными псалмами изъ времени предъ наступленіемъ плѣна, не смотря на то, что, прибавимъ отъ себя, начиная съ 105-го псалма, всѣ послѣдняго рода псалмы содержатъ въ себѣ или молитвы объ избавленіи изъ плѣна и разсѣянія, или благодарность Господу Богу за избавленіе. Послѣ того какъ эти три послѣднія собранія соединены были съ четырьмя первыми, приставленъ былъ въ началѣ ихъ Пс. 1-й. Эта древнѣйшая Псалтирь изъ времени предшествующаго плѣну увеличена была потомъ: 8) Псс. 120—137 (=18, т. е. 3×5+3),—собраніемъ пѣсней степеней, оканчивающимся двумя богослужебными 135 и 136, съ присоединеніемъ отъ автора Пс. 137, слѣдовательно послѣ плѣна; и 9) Псс. 138—149 (=12),—новымъ дополнительнымъ собраніемъ Давидовыхъ псалмовъ,

чая группы въ какомъ либо отношеніи сродныхъ между собою псалмовъ, мы не имѣемъ при этомъ твердыхъ основаній къ опредѣленію границъ, гдѣ оканчивается одно и откуда слѣдуетъ считать другое собраніе: такъ какъ одинаково возможно допустить, что псалмы Давидовы (1 — 40) и Кореевы того же времени (въ группѣ Псс. 41—49) или Асафовы (72 — 82) и Кореевы (83 — 88) принадлежали къ одному собранію псалмовъ, или же признать, что каждая изъ группъ этихъ псалмовъ составляетъ отдѣльное собраніе. Нельзя даже съ рѣшительностію опредѣлить, гдѣ слѣдуетъ полагать конецъ и того собранія, въ которомъ мы читаемъ извѣстную заключительную формулу: «окончились псалмы Давида»...; такъ какъ формула эта, свидѣтельствуя о различіи того собранія, къ которому принадлежитъ заключаемая ею группа псалмовъ Давида, отъ собраній, въ которыхъ мы опять встрѣчаемъ псалмы того же писателя, не можетъ въ то же время считаться несомнѣнно точнымъ указателемъ границы между двумя различными собраніями, потому что, будучи весьма умѣстна въ заключеніи отдѣльнаго собранія псалмовъ Давидовыхъ, она не менѣе могла бы быть умѣстна и въ томъ случаѣ, если бы слѣдующіе за нею псалмы Асафовы и другихъ пѣвцовъ принадлежали къ одному собранію съ предшествующею ей группою псалмовъ Давидовыхъ. Но съ другой стороны, если бы и возможно было въ настоящемъ собраніи псалмовъ провести точныя границы между заключающимися въ немъ древнѣйшими собраніями, то и тогда мы не могли бы болѣе или менѣе рѣшительно указать приблизительное время происхожденія каждаго изъ такихъ собраній. Въ составѣ нѣкоторыхъ группъ псалмовъ,—какъ напр. Кореевыхъ и Асафовыхъ, между древнѣйшими псалмами Давидовыми мы видимъ не мало также псалмовъ позднѣй-

---

съ прибавленіемъ богослужебныхъ отъ времени по возвращеніи изъ плѣна, съ Пс. 150-мъ, какъ заключительною подписью собирателя. Оба эти собранія присоединены были къ Книгѣ Псалмовъ 1—118, съ прибавленіемъ впереди ихъ 119 Пс., который есть распространеніе Пс. 1-го, въ духѣ субъективнаго благочестія. Какъ мало вѣроятна эта или подобныя ей теоріи происхожденія Псалтири, достаточно можно видѣть изъ предложенныхъ далѣе общихъ замѣчаній, а еще болѣе изъ очевидной произвольности всей этой теоріи, и потому мы считаемъ излишнимъ останавливаться на ея разборѣ.

шаго происхожденія, которые притомъ располагаются не въ хронологическомъ порядкѣ, но, какъ нужно полагать, по ближайшему сродству ихъ между собою въ мысляхъ и въ образѣ выраженія [1]). Очевидно, что составленіе этихъ и подобныхъ имъ группъ псалмовъ въ настоящемъ ихъ видѣ мы не можемъ приписать никакому опредѣленному времени, а должны предположить, что онѣ составились или уже послѣ происхожденія позднѣйшихъ изъ входящихъ въ нихъ псалмовъ, или же образованіе ихъ совершалось постепенно, по мѣрѣ происхожденія составляющихъ ихъ псалмовъ, которые такимъ образомъ мало по малу вносились въ составъ древнѣйшаго сборника. Наконецъ, если справедливо, что составителемъ Псалтири удержанъ былъ отчасти существенный составъ дошедшихъ до него древнѣйшихъ собраній псалмовъ, то съ другой стороны, составляя изъ отдѣльныхъ разновременныхъ собраній одно цѣлое, расположенное по извѣстному опредѣленному плану, онъ естественно не могъ не допустить въ составѣ ихъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, которыхъ однакожъ мы не въ состояніи указать въ настоящее время, и потому легко можемъ относить къ первоначальному или древнѣйшему составу собраній псалмовъ то, что сдѣлано лишь при послѣдней редакціи Псалтири. По всему этому мы находимъ рѣшительно невозможнымъ дать сколько нибудь точное рѣшеніе вопроса о древнѣйшихъ собраніяхъ псалмовъ и постепенномъ образованіи Псалтири до происхожденія ея въ настоящемъ ея составѣ и должны ограничиться лишь нѣсколькими общими вѣроятными предположеніями. Такъ, принимая во вниманіе, что наибольшая часть пѣсней Псалтири имѣла прямымъ своимъ назначеніемъ богослужебное употребленіе и очень многіе изъ нихъ прямо надписываются: «начальнику хора» т. е. для исполненія, или имѣютъ другія надписанія, свидѣтельствующія о древнемъ богослужебномъ ихъ употребленіи, —

---

[1]) Такъ напр. въ группѣ Асафовыхъ псалмовъ 72—82 сопоставляются между собою псалмы 72, 77. 80 и 81 изъ Давидова времени, 73 и 78 изъ времени разрушенія Іерусалима Халдеями, 74 и 75 изъ времени Езекіи, 76 и 79 изъ времени предъ наступленіемъ плѣна, и 82 изъ времени Іосафата. Вѣроятные признаки сродства этихъ, равно какъ и другихъ псалмовъ, на основаніи изслѣдованій разныхъ ученыхъ, указаны въ сочиненіи Делича: Symbolae ad Pss. illustrandos isagogicae, p. 57 sq.

надобно предположить, что *древнѣйшія собранія псалмовъ получили свое образованіе съ богослужебною цѣлію въ хорахъ левитскихъ пѣвцовъ*, и въ первый разъ, безъ сомнѣнія, при Давидѣ, вскорѣ послѣ введенія псалмопѣнія въ богослужебное употребленіе; а такъ какъ самыми первыми богослужебными пѣснями были псалмы Давида, то, конечно, и самыми первыми сборниками псалмовъ должно признать сборники псалмовъ Давидовыхъ. Такъ это мы видимъ отчасти и въ составѣ нашей Псалтири. Впрочемъ, если въ составѣ нашей Псалтири нѣкоторые изъ псалмовъ Давидовыхъ занимаютъ мѣсто въ концѣ ея, на ряду съ пѣснями позднѣйшаго происхожденія, то такое положеніе ихъ въ Псалтири нельзя считать признакомъ очень поздняго ихъ собранія. Высокое уваженіе къ Давиду и всему, что̀ носило имя Давида, не позволяетъ допустить, чтобы при внесеніи его пѣсней въ собранія между ними дѣлался выборъ по личному вкусу собирателя и, чтобы одни изъ псалмовъ вносились въ собранія, другіе же до позднѣйшихъ временъ оставались не внесенными. Напротивъ скорѣе должно предположить, что пѣсни Давида, какія мы имѣемъ въ Псалтири, всѣ были внесены въ тѣ или другіе сборники еще при жизни самого псалмопѣвца, вскорѣ послѣ того, какъ онѣ были переданы имъ для употребленія при богослуженіи. Но эти первоначальныя собранія, безъ сомнѣнія, очень мало имѣли общаго съ тѣми группами Давидовыхъ псалмовъ, какія представляются въ настоящей Псалтири. Составляемыя въ левитскихъ хорахъ пѣвцовъ съ цѣлію богослужебнаго употребленія они, конечно, заключали въ себѣ тѣ пѣсни, какія поручались этимъ хорамъ для исполненія и богослужебнаго употребленія. Но намъ извѣстно, что во времена Давида, и даже нѣкоторое время послѣ него, хоры левитскихъ пѣвцовъ различались по мѣсту своего служенія, — одни при новой Сіонской скиніи въ Іерусалимѣ (1 Пар. 16, 37), другіе—при древней Моисеевой въ Гаваонѣ (ст. 39 и 41), и если во дни великихъ праздниковъ обыкновенно сходились всѣ вмѣстѣ и сливались въ одинъ общій голосъ къ восхваленію и славословію Господа (ср. 2 Пар. 5, 12—13 и 1 Пар. 15, 16—28); то въ прочее время не всегда получали однѣ и тѣ же пѣсни для исполненія, но однѣ изъ пѣсней назначались напр. для хора Идиѳунова (см. надп. Пс. 38 и 61), а исполненіе другихъ поручалось Асафу (1 Пар. 16, 7) или другимъ пѣвцамъ. Поэтому надобно предположить, что одновременно въ различныхъ хорахъ пѣвцовъ

существовало нѣсколько собраній псалмовъ Давида, содержавшихъ частію однѣ и тѣ же, частію же нѣкоторыя особенныя пѣсни, назначенныя для исполненія въ томъ хорѣ, которому принадлежало собраніе. Само собою понятно, что такія первоначальныя собранія псалмовъ, какъ заключавшія въ себѣ много однѣхъ и тѣхъ же пѣсней, должны были значительно измѣнить свой видъ при внесеніи ихъ въ составъ одного общаго собранія Псалмовъ или Псалтири. Вѣроятнѣе впрочемъ, думать, что они не прямо и не непосредственно послужили къ составленію Псалтири; но что изъ нихъ съ теченіемъ времени составлены были болѣе или менѣе обширныя общія собранія псалмовъ Давида, которыя собственно и легли въ основу нашей Псалтири, и остатки которыхъ мы видимъ въ настоящихъ группахъ псалмовъ Давидовыхъ. Подобно пѣснямъ Давида, въ каждомъ хорѣ пѣвцовъ въ тоже время собираемы были въ отдѣльные сборники и пѣсни другихъ богопросвѣщенныхъ мужей, какія поручаемы были тому или другому хору для исполненія (ср. надп. Пс. 76), особенно же пѣсни богопросвѣщенныхъ пѣвцовъ и начальниковъ того самаго хора, въ которомъ составлялись собранія. И эти богослужебныя собранія пѣсней, пополняясь съ теченіемъ времени новыми пѣснями, составлявшимися, или же употреблявшимися въ извѣстномъ хорѣ, съ теченіемъ времени присоединяемы были къ сборникамъ пѣсней Давидовыхъ и составили извѣстные подъ общимъ именемъ пѣсней Асафа, или сыновъ Кореевыхъ группы псалмовъ, какія мы находимъ въ составѣ Псалтири. Между тѣмъ различныя историческія обстоятельства, располагая богодухновенныхъ мужей къ составленію новыхъ пѣсней, въ тоже время возбуждали иногда особенное вниманіе къ нѣкоторымъ изъ пѣсней древнѣйшаго происхожденія, которыя по содержанію своему въ какомъ либо отношеніи соотвѣтствовали потребностямъ времени, и тѣмъ вызывали усиленное употребленіе ихъ при тогдашнемъ богослуженіи. Естественнымъ слѣдствіемъ этого, конечно, должно было произойти, что эти пѣсни, въ свое время уже вошедшія въ составъ первоначальныхъ богослужебныхъ или послѣдующихъ болѣе общихъ сборниковъ, опять были приняты въ составъ новыхъ богослужебныхъ собраній псалмовъ и уже въ сопоставленіи съ этими позднѣйшими псалмами вошли въ составъ послѣдняго общаго собранія псалмовъ. Такъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ объяснять положеніе нѣкоторыхъ Давидовыхъ и Соломоновыхъ псал-

мовъ между пѣснями степеней, большинство которыхъ послѣ-плѣнаго происхожденія [1]); такъ съ вѣроятностію объясняется и положеніе цѣлыхъ группъ Давидовыхъ псалмовъ (100—109; 137—144) къ концу Псалтири на ряду съ псалмами позднѣйшаго происхожденія. Такимъ образомъ, допустивъ, что древнѣйшія собранія псалмовъ вызваны были практическимъ назначеніемъ этихъ послѣднихъ для богослужебнаго употребленія, мы можемъ съ вѣроятностію предположить, что древнѣйшими ихъ собирателями были пѣвцы-левиты, или, общѣе говоря, левитскіе хоры пѣвцовъ, которымъ тѣ или другія пѣсни поручались для исполненія. А такъ какъ большая часть пѣсней составлялись прямо для богослужебнаго употребленія, по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ обстоятельствъ (см. напр. о Псс. 14, 23, 121, 133, 19, 20 и проч.), и вообще введеніе псалмовъ въ богослужебное употребленіе слѣдовало вскорѣ за ихъ составленіемъ; то отсюда надобно заключить, что и *время происхожденія древнѣйшихъ собраній псалмовъ вообще близко совпадаетъ, или по крайней мѣрѣ слѣдуетъ вскорѣ за временемъ ихъ происхожденія, и слѣдовательно такимъ временемъ прежде всего нужно считать время Давида, послѣ введенія имъ пѣнія псалмовъ въ богослуженіе, и время преемника Давидова Соломона*, когда еще оставались въ живыхъ извѣстные пѣвцы Давидовы, *а затѣмъ* извѣстныя эпохи пробужденія священнаго псалмопѣнія въ царствованіе благочестивыхъ царей іудейскихъ *Іосафата, Езекіи* и *Іосіи*, а также время *предъ наступленіемъ, во время и послѣ плѣна Вавилонскаго*. Безъ сомнѣнія, къ тѣмъ же временамъ слѣдуетъ отнести и соединеніе этихъ первоначальныхъ собраній псалмовъ въ болѣе или менѣе общіе, систематическіе сборники, остатки которыхъ мы находимъ въ составѣ нашей Псалтири; такъ какъ эти времена по преимуществу отличались религіознымъ возбужденіемъ и соединеннымъ съ тѣмъ усиленнымъ богослужебнымъ употребленіемъ и древнихъ и новыхъ священныхъ пѣсней (1 Пар. 16, 4 и дал. 25 сн. 2 Пар. 5, 12 — 13 и 8, 14. 20, 19 и дал. 29, 25—30. 35, 15. 1 Ездр. 3, 10 — 11. Неем. 12, 24—27 и дал.), и кромѣ того эти времена въ исторіи священной письменности особенно извѣстны своею ревностію, какъ

[1]) См. выше о Псс. 121, 123, 130, 132, 126 и 131.

въ составленіи новыхъ писаній, такъ и въ собраніи древнихъ памятниковъ священной письменности (1 Пар. 29, 29. 2 Пар. 9, 29. 20, 34. Притч. 25, 1).

Но для цѣли нашего изслѣдованія не столько важно опредѣленіе способа и времени происхожденія древнѣйшихъ собраній псалмовъ, сколько рѣшеніе вопроса о томъ, кому или какому времени принадлежитъ послѣднее собраніе псалмовъ и составленіе извѣстной намъ Псалтири. *Древнее церковное преданіе*, сохранившееся въ писаніяхъ Оригена [1]), бл. Іеронима [2]), бл. Θеодорита [3]), въ Синопсисѣ, приписываемомъ св. Аѳанасію [4]) и всегда признававшееся нашею Церковію [5]), обыкновенно *приписываетъ послѣднее собраніе псалмовъ въ одну книгу извѣстному послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго, ученому, богодухновенному священнику Ездрѣ*, подъ именемъ котораго извѣстна намъ одна изъ книгъ Свящ. Писанія, излагающая исторію возстановленія храма Іерусалимскаго и вообще церковнаго и гражданскаго порядка въ іудейскомъ народѣ послѣ возвращенія изъ плѣна. Преданіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ другомъ еще болѣе древнемъ и еще болѣе распространенномъ и въ Іудейской и въ Христіанской Церкви преданіи, что весь вообще ветхозавѣтный канонъ получилъ окончательное свое образованіе въ царствованіе Персидскаго царя Артаксеркса [6]), и именно составленъ былъ Ездрою, при содѣйствіи Нееміи и жив-

---

[1]) Въ изъясн. псалмовъ. См. отрывки изъ Оригена, изд. Монфокономъ in hexaplis T. I, praelimineria, p. 85.

[2]) Epist. ad Sophronium. См. ed. Bened. T. I. p. 835;—также Scr. S. curs. compl. T. XIV. p. 1033.

[3]) Предисл. къ толк. Пс., Тв. Св. Оо. Т. XXVII, стр. 5.

[4]) См. въ Христ. Чт. 1841 г. Ч. IV, стр. 345 и 347.

[5]) См. изд. Св. Синод. Руков. къ чт. Св. Пис. В. и Н. Зав.—Митр. Амвросія (по 4 изд. стр. 101) и Начерт. Церк. Библ. Ист. Филарета (по 2 изд. стр. 374). Можетъ быть въ виду несомнѣнной увѣренности нашей Церкви въ достовѣрности этого преданія, Прот. Павскій (въ Обозр. Пс. стр. 15) и не считалъ нужнымъ останавливаться на вопросѣ о времени заключенія Псалтири, ограничившись только двумя словами: «во времена Ездры она довершилась». (См. выше въ введ. къ изслѣд. стр. 20).

[6]) Іос. Флав. с. Аріоп. lib. I. § 7—8. См. это свидѣтельство выше въ заключеніи исторіи псалмопѣнія, стр. 85—86. прим. 2.

шихъ въ тѣ времена пророковъ [1]). Но оно имѣетъ и ближайшее подтвержденіе себѣ въ составѣ самой Псалтири и свидѣтельствахъ ветхозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія. Книга Псалмовъ, не смотря на свое образованіе изъ нѣсколькихъ древнѣйшихъ разновременныхъ собраній псалмовъ, слѣды которыхъ мы замѣчаемъ въ ея составѣ, носитъ на себѣ печать одного упорядочивающаго духа, представляя собою единичное, болѣе или менѣе стройное цѣлое. Въ составѣ ея ясно различаются слѣдующія пять книгъ или частей: Псс. 1—40, 41—71, 72—88, 89—105 и 106—150, изъ которыхъ первыя четыре заключаются очень сходными между собою славословіями, оканчивающимися въ трехъ книгахъ словами: «аминь и аминь» (слав. бу́ди, бу́дп. См. Пс. 105, 48); въ послѣдней же мѣсто такого заключительнаго славословія, конечно, занимаетъ псаломъ 150, какъ полнозвучный финалъ цѣлаго собранія. Нѣтъ нужды доказывать, что указанное раздѣленіе Псалтири произошло не случайно, вслѣдствіе соединенія въ одинъ сборникъ пяти разновременныхъ собраній псалмовъ, или что оно есть только кажущееся, потому что встрѣтились псалмы, оканчивающіеся упомянутыми славословіями [2]): но близкое буквальное сходство заключительныхъ

---

[1]) См. указаніе свидѣт. объ эт. преданіи выше въ общ. замѣч. о Псс. Давида, стр. 114—115.

[2]) В. Преосв. Филаретъ Митр. Моск., игнорируя заключительныя славословія частей Псалтири и считая признаками пятичастнаго раздѣленія ея только лишь заключительныя восклицанія: *аминь* и *аллилуіа*, находитъ такое раздѣленіе Псалтири произвольнымъ и полагаетъ, что «по тѣмъ же признакамъ правильнѣе было бы раздѣлить ее на семь частей: 1) Пс. 1—40 съ заключ. восклицаніемъ: *аминь и аминь*; 2) Пс. 41—71 — *аминь и аминь*; 3) Пс. 72—88 — *аминь и аминь*; 4) Пс. 89—105 — *аминь, аллилуіа*; 5) Пс. 106—116 — *аллилуіа*; 6) Пс. 117—134 — *аллилуіа*, и 7) Пс. 135—150 — *аллилуіа*. «Между сими предѣлами раздѣленія.—замѣчаетъ онъ далѣе,— видно точное и тонкое соотвѣтствіе. Аминь заключаетъ три первыя книги; аллилуіа оканчиваетъ три книги послѣднія; средняя книга, какъ связь двухъ троичностей, соединяетъ оба признака раздѣленія: *аминь, аллилуіа*». (Руков. къ позн. Кн. Пс. въ Чт. Общ. люб. дух. просв. 1872, № 1, стр. 9. Тоже въ Введ. въ Св. Кн. В. Зав., В. Преосв. Арсенія, стр. 92—93).—Не трудно однакожъ замѣтить, что предлагаемое седмичастное дѣленіе Псалтири, при кажущейся съ перваго взгляда его правиль-

славословій, отличающихся притомъ характеромъ благословеній изъ времени втораго храма (ср. Неем. 9, 5 и Пс. 134, 19—21. 113, 26. 117, 1 и дал.), ясно показываетъ, что они были дѣломъ не разновременныхъ писателей или собирателей псалмовъ, а какого либо одного послѣ-плѣннаго собирателя, и этотъ позднѣйшій собиратель, при составленіи такого рода славословій, конечно, не просто только руководился желаніемъ обозначить границы имѣвшихся у него подъ руками древнѣйшихъ сборниковъ псалмовъ; такъ какъ въ этомъ случаѣ, онъ не приминулъ бы отдѣлить подобными же славословіями отъ предшествующихъ и послѣдующихъ псалмовъ и такъ называемыя пѣсни степеней (Псс. 119—133), которыя, безъ всякаго сомнѣнія, составляли отдѣльное богослужебное собраніе псалмовъ,—а также и группу псалмовъ пѣвцовъ Давидовыхъ, Псс. 41 — 49, отъ послѣдующихъ псалмовъ самого Давида, которую, казалось бы, естественнѣе было считать продолженіемъ перваго, нежели началомъ втораго собранія псалмовъ, съ тѣмъ чтобы второе собраніе опять начать псалмами главнаго виновника псалмопѣнія, за которымъ слѣдовали и которому подражали прочіе псалмопѣвцы Израилевы [1]). И самое число частей Псалтири, — пять, — соотвѣтствующее числу частей Закона Моисеева, устраняетъ мысль о случайномъ происхожденіи раздѣленія ея, тѣмъ болѣе, что четвертая изъ составныхъ ея частей или книгъ (Пс. 89 — 105) начинается

ности, не болѣе какъ схоластическая тонкость, не имѣющая основанія въ самой Псалтири и даже не отличающаяся логическою послѣдовательностію: такъ какъ, если изъ одного окончанія псалмовъ словомъ: *аллилуіа* заключать объ указаніи имъ особой части Псалтири, то логически слѣдовало бы признать подобныя же указанія отдѣльныхъ частей и въ псалмахъ: 112, 113, 115, 145, 147, 148 и 149, которые всѣ, точно также какъ и 116, 134 и 150 оканчиваются словомъ *аллилуіа*, и вообще никакъ не менѣе послѣднихъ псалмовъ годятся быть заключительными псалмами отдѣльныхъ частей Псалтири.

[1]) И по мнѣнію Павскаго, начинать каждую часть Псалтири псалмами Давида гораздо естественнѣе и правильнѣе, почему онъ и старался, хотя и неудачно (см. выше стр. 19, прим. 3), придумать такое дѣленіе Псалтири на 3 части, при которомъ бы всѣ такія части начинались псалмами Давидовыми. (Обозр. Кн. Пс. стр. 29 и примѣч. къ ней подъ буквою б.).

скорбною пѣснію ветхозавѣтнаго Законодателя о кратковременности жизни человѣческой (Пс. 89), представляя такимъ образомъ соотвѣтствіе четвертой кн. Закона, — Числъ, повѣствующей о сорокалѣтнемъ странствованіи Евреевъ въ пустынѣ, въ продолженіи котораго по суду Божію долженъ былъ вымереть весь непокорный родъ еврейскій, вышедшій изъ Египта, а начало пятой книги (Пс. 105) обличеніемъ невѣрности и неблагодарности Евреевъ Богу-благодѣтелю много напоминаетъ собою пятую книгу Моусееву,—Второзаконіе, существенное содержаніе которой также составляютъ увѣщательно-обличительныя рѣчи Законодателя [1]) По всему этому надобно заключить, что пятичастное дѣленіе Псалтири, какъ догадывались и нѣкоторые изъ древнихъ іудейскихъ и христіанскихъ учителей, съ намѣреніемъ сдѣлано было послѣднимъ собирателемъ псалмовъ, въ соотвѣтствіе пятичастному дѣленію Моусеева Закона, вѣроятно для того, чтобы чрезъ это выразить мысль, что Псалтирь есть какъ бы эхо Моусеева Закона, раздающееся изъ сердца Израиля,— что она есть *Пятокнижіе народа* въ отношеніи къ Іеговѣ, подобно какъ Законъ есть *Пятокнижіе Іеговы* въ отношеніи къ народу [2]). Но признавая, что пятичастное дѣленіе Псалтири принадлежитъ къ окончательной ея редакціи, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что редакція эта совершена уже была ко времени написанія 1 книги Паралипоменонъ: такъ какъ писатель этой книги

---

[1]) Кромѣ того Кн. Псалмовъ представляетъ нѣкоторое сходство съ Закономъ Моусеевымъ и въ томъ еще отношеніи, что въ ней мы видимъ раздѣленіе псалмовъ *іеговическихъ* (1—41 и 85—150 съ евр.) отъ *елогимическихъ* (42—84 по евр.), подобно тому какъ и въ Пятокнижіи поперемѣнно слѣдуютъ отдѣленія то *елогимическія* (напр. Быт. гл. 1—3; гл. 5; 6, 9—8, 19; гл. 9—10; гл. 14 и 17; 19, 29—20, 17 и проч.), то *іеговическія* (напр. Быт. гл. 4; 6, 1—8; 8, 20—22; гл. 11—13; 15—16; 18—19, 28 и проч.).

[2]) Ср. объ этомъ замѣчаніе св. Ипполита, буквально повторяемое Епифаніемъ: Τοῦτό σε μὴ παρέλθοι, ὦ φιλόλογε, ὅτι καὶ τὸ ψαλτήριον εἰς πέντε διεῖλον βιβλία οἱ Ἑβραῖοι ὥστε εἶναι καὶ αὐτὸ ἄλλον πεντάτευχον. Подобнымъ образомъ замѣчается и въ Мидрашѣ на 1 Пс.: «Моусей далъ Израильтянамъ пять книгъ Закона; соотвѣтственно этому и Давидъ далъ имъ Книгу Псалмовъ, которая состоитъ изъ пяти книгъ».—См. Delitzsch, Die Psalmen,—Einleit. S. 11.

(16, 8 — 36), приводя нѣкоторыя изъ употреблявшихся въ его время богослужебныхъ пѣсней, вмѣстѣ съ послѣдними стихами 105 псалма приводитъ и то заключительное славословіе (ст. 36), которымъ въ настоящемъ составѣ Псалтири оканчивается четвертая часть ея (Пс. 105, 48). Но выше мы уже имѣли случай замѣтить, что написаніе книгъ Паралипоменонъ обыкновенно относятъ ко времени Ездры и даже самого Ездру считаютъ ихъ писателемъ [1]). Поэтому надобно заключить, что *настоящее пятичастное собраніе псалмовъ, согласно съ вышеприведеннымъ церковнымъ преданіемъ о времени его происхожденія, дѣйствительно не восходитъ далѣе времени Ездры и*, судя по своему соотвѣтствію пятичастному дѣленію Закона Моусеева, кажется, что изъ числа упоминаемыхъ въ исторіи благочестивыхъ мужей этого времени, *всего лучше приличествуетъ самому Ездрѣ*, какъ преимущественному ревнителю и богопросвѣщенному учителю Закона Моусеева (ср. 1 Ездр. 7, 6. 10—14. 21. Неем. 8, 1 и дал.). Времени и лицу Ездры наиболѣе приличествуютъ и тѣ заключительныя славословія, которыми оканчиваются первыя четыре части Псалтири: такъ какъ изъ свидѣтельствъ книги Нееміи видно, что въ то время было въ обычаѣ возглашать подобныя славословія Господу (Неем. 9, 5) [2]), и самъ Ездра, приступая къ изъясненію закона, обыкновенно «благословлялъ Господа, Бога великаго», на что весь «народъ отвѣчалъ: аминь, аминь» (Неем. 8, 6), какъ это почти буквально слышится въ заключительныхъ славословіяхъ, особенно въ приводимомъ въ книгѣ Паралипоменонъ заключеніи четвертой книги Псалтири: «Благословенъ Господь, Богъ Израилевъ, отъ вѣка и до вѣка! И да скажетъ весь народъ: аминь! аллилуіа» (105, 48)! Правда, Свящ. Писаніе нигдѣ не называетъ Ездру собирателемъ псалмовъ, какъ и вообще умалчиваетъ о его трудахъ по составленію ветхозавѣтнаго канона; но въ виду, того, что древ-

---

[1]) См. выше стр. 306.

[2]) И сказали левиты: «благословите Господа Бога вашего отъ вѣка и до вѣка. Да благословится имя славы Твоей и превознесется выше всякаго благословенія и хвалы». Тоже самое почти буквально и въ заключительныхъ славословіяхъ; особенно же близко къ этому заключительное славословіе второй книги (Пс. 71, 18—19): «Благословенъ Господь Богъ, Богъ Израилевъ.... И благословенно имя славы Его во вѣкъ»....

нее преданіе Іудейской и Христіанской Церкви настойчиво приписываетъ ему заслугу окончательнаго собранія въ одинъ составъ ветхозавѣтныхъ Священныхъ Писаній, и приведенныхъ нами вѣроятныхъ основаній достаточно, чтобы признавать именно Ездру составителемъ нашей Псалтири.

Впрочемъ, какъ вообще въ составленіи ветхозавѣтнаго канона *вмѣстѣ съ Ездрою обыкновенно усвояютъ участіе извѣстному благочестивому сподвижнику его въ устроеніи Іудейской Церкви—Нееміи и пророкамъ того времени;* такъ, безъ сомнѣнія, нужно признать участіе и содѣйствіе этихъ богопросвѣщенныхъ мужей и въ составленіи Псалтири. Относительно участія Нееміи мы имѣемъ прямое свидѣтельство во 2 кн. Маккавейской (2, 13), гдѣ на основаніи записей и памятныхъ книгъ Нееміи говорится, что онъ, «составляя библіотеку собралъ писанія о царяхъ», т. е. книги историческія, «и о пророкахъ»,—книги пророческія, «и писанія Давида», т. е. псалмы, по имени основателя псалмопѣнія и преимущественнаго ихъ писателя обыкновенно вообще называвшіеся Давидовыми [1]). По буквальному смыслу этого свидѣтельства Нееміи представляется даже какъ бы исключительнымъ собирателемъ псалмовъ, какъ и вообще книгъ ветхозавѣтнаго священнаго канона: но это только по видимому. На самомъ дѣлѣ этимъ ни мало не исключается въ составленіи ветхозавѣтнаго канона и въ частности Псалтири дѣятельное участіе Ездры, такъ же какъ на основаніи сохранившагося о томъ же самомъ преданія въ 3-й неканонической книгѣ Ездры, гдѣ составленіе ветхозавѣтнаго канона приписывается одному Ездрѣ (14, 44—46), нельзя исключать участія и содѣйствія въ томъ и Нееміи. Вѣроятно, писатель 2 Маккавейской кн. въ приведенномъ мѣстѣ указываетъ на Неемію въ качествѣ главнаго, уполномоченнаго Персидскимъ царемъ іудейскаго правителя (Тиршаѳа, Неем. 10, 1), почему все, совершившееся въ его правленіе, естественно приписывается только ему, хотя бы то въ строгомъ смыслѣ и было совершено не имъ непосредственно, а только съ его вѣдома и при его участіи. Съ другой стороны нужно принять во вниманіе и то еще, что дѣятельность Ездры и Нееміи въ

---

[1]) См. объ этомъ свидѣт. выше въ общ. замѣч. о Пс. Давидовыхъ стр. 115.

возстановленіи Іерусалима, при единствѣ цѣли и единодушномъ образѣ ихъ дѣйствованія, вообще представляетъ собою одно нераздѣльное цѣлое, одинаково принадлежащее обоимъ дѣятелямъ, а потому позднѣйшіе писатели, при разсмотрѣніи частностей въ ихъ дѣятельности, и не считали нужнымъ проводить различіе между тѣмъ и другимъ, и имя одного могли употреблять вмѣсто другаго [1]). Но если нужно болѣе строгое разграниченіе между дѣятельностію Ездры и Нееміи, то, на основаніи ихъ же собственныхъ писаній, мы должны признать, что церковная и книжная дѣятельность, куда по справедливости слѣдуетъ отнести и составленіе канона Свящ. Книгъ, принадлежитъ по преимуществу Ездрѣ, хотя совершалась при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи Нееміи (1 Ездр. 7, 6 и дал. 9 и 10 гл. Неем. 8 гл. 10, 1); между тѣмъ какъ послѣдній былъ собственно возстановителемъ разрушеннаго Іерусалима и устроителемъ гражданскаго порядка, хотя также дѣйствовалъ при участіи и содѣйствіи Ездры (Неем. 2, 11—7, 73. Ср. Сир. 49, 15). Поэтому, слѣдуя точному смыслу свидѣтельствъ Писанія о дѣятельности Ездры и Нееміи, и въ приведенномъ мѣстѣ Макк. книги приписываемое Нееміи собраніе книгъ Св. Писанія, и въ частности составленіе Псалтири, мы должны относить преимущественно къ Ездрѣ, только признавая при этомъ, что онъ совершилъ это дѣло при участіи и содѣйствіи Нееміи, бывшаго въ то время, въ качествѣ персидскаго намѣстника, гражданскимъ правителемъ Іудеевъ. Вмѣстѣ съ этимъ мы должны признать, что въ составленіи свящ. канона и въ частности Псалтири принимали участіе и жившіе тогда пророки. По свидѣтельству Іосифа Флавія, пересмотръ и новая редакція книгъ Св. Писанія, и тѣмъ болѣе внесеніе въ канонъ новыхъ писаній обыкновенно совершаемы были у Іудеевъ священниками подъ руководствомъ пророковъ; почему, какъ замѣчаетъ онъ далѣе, писанія, происшедшія послѣ времени Артаксеркса, когда прекратилось преемство пророковъ, и не могли быть присоединены къ числу писаній, признаваемыхъ за божественныя [2]). Въ виду такого обычая, конечно, необходимо признать, что и собраніе свящ. пѣсней Псалтири, особенно внесеніе въ составъ ихъ новыхъ, еще недавно написанныхъ псалмовъ, не могло

[1]) Такое же мнѣніе въ Abfassungszeit d. Psalters. v. Ehrt S. 138.

[2]) Contra Apion, lib. I. § 7—8. См. выше стр. 85, прим. 2.

совершиться безъ руководительнаго участія пророковъ: такъ какъ ни Ездра, ни Неемія, хотя и признавали себя свѣдущими въ Законѣ Божіемъ и чувствовали надъ собою руку Іеговы (1 Ездр. 7, 6. Неем. 2, 8 и 12. 7, 5 и проч.), но тѣмъ не менѣе никогда не усвояли себѣ призванія и авторитета пророческаго и потому, естественно, не могли непосредственно принять на себя дѣло, издавна принадлежавшее пророкамъ и требовавшее авторитета пророческаго (Ср. I. Нав. 24, 26. 1 Цар. 10, 25). Таковыми пророками, безъ сомнѣнія, были три послѣдніе пророка: Аггей, Захарія и Малахія [1]), изъ коихъ первые двое, начавши свое пророческое служеніе во время возстановленія храма Іерусалимскаго еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, по всей вѣроятности еще оставались въ живыхъ и продолжали свое служеніе и въ первые годы правленія Ездры и Нееміи [2]), а послѣдній, судя по сходству изображаемаго въ его книгѣ состоянія народа съ описаніемъ его въ послѣдней главѣ книги Нееміи (13, 6 и дал.), надобно полагать, пророчествовалъ во время втораго пребыванія Нееміи въ Іерусалимѣ и былъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ [3]). Въ книгахъ Св. Писанія ничего не говорится объ участіи этихъ пророковъ въ составленіи свящ. канона, какъ не говорится и о трудахъ въ этомъ дѣлѣ Ездры и Нееміи и вообще объ окончательномъ образованіи канона; но, по сохранившемуся у Іудеевъ преданію, они представляются въ числѣ членовъ учрежденнаго Ездрою *великаго собора* (כְּנֶסֶת הַגְּדוֹלָה), или *синагоги* [4]), которой, по другому талмудиче-

[1]) Такого мнѣнія и Преосв. Макарій въ Введ. въ Прав. Богосл. стр. 302 по 3 изд. 1863 г.

[2]) Пророкъ Захарія выступилъ на пророческое служеніе еще *юношею* (Зах. 2, 4), а скончался, по свидѣтельству сообщаемаго у Дороѳея, Исидора и Псевдо-Епифанія преданія, *въ глубокой старости*. Подобное же преданіе мы читаемъ тамъ и о пророкѣ Аггеѣ. По раввинскимъ сказаніямъ, всѣ три пророка представляются современниками Ездры и Нееміи (Otto, lex. rabb. phil. p. 175). Относительно пр. Захаріи, кажется, даетъ это заключать и снесеніе въ кн. Нееміи 12 гл. стиховъ 16, 12 и 26.

[3]) См. Рук. къ чт. кн. В. и Н. З. Амвросія § 47, II, 3 и Comment. über die 12 kl. proph. v. Keil.

[4]) Указаніе на это преданіе у Сольскаго въ Ист. собр. ветхоз. кн. Тр. К. Д. Ак. 1871 г. Т. 3 стр. 78 прим. 4.

скому преданію, и усвояется составленіе канона [1]). Равнымъ образомъ очень вѣроятно, что сдѣланное въ переводѣ LXX надписаніе нѣкоторыхъ псалмовъ пятой части Псалтири именами пророковъ Аггея и Захаріи между прочимъ также служитъ свидѣтельствомъ объ участіи этихъ пророковъ въ составленіи Псалтири [2]), особенно послѣдней ея части, составлявшейся преимущественно изъ новыхъ, недавно написанныхъ псалмовъ, для внесенія которыхъ въ число свящ. пѣсней требовалась потому предварительная пророческая санкція.

Такъ какъ Книга Псалмовъ въ настоящемъ своемъ составѣ, съ пятичастнымъ дѣленіемъ, существовала уже ко времени написанія книгъ Паралипоменонъ, которое, по всѣмъ вѣроятнымъ основаніямъ, не восходитъ далѣе времени Ездры и Неемія, то нѣтъ сомнѣнія, что *собраніе псалмовъ, приписываемое въ вышеприведенномъ мѣстѣ Макк. книги Неемія* и, какъ мы сказали, *вѣроятно совершонное Ездрою при содѣйствіи Неемія и пророковъ того времени, было не иное, какъ та же пятичастная Псалтирь, т. е. въ томъ полномъ, законченномъ своемъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее въ настоящее время.* Къ такому заключенію отчасти приводитъ насъ и то, что Маккавейскій писатель въ перечисленіи писаній, собранныхъ Неміею, или, по нашему объясненію, Ездрою и Неміею, называетъ намъ тѣже самыя части ветхозавѣтнаго канона: книги историческія, пророческія и псалмы, какія съ древнѣйшихъ временъ различали и доселѣ различаютъ въ его составѣ (ср. Сир. 39, 1—3. 44, 3—5. 45, 3. Также предисл. къ греч. перев. кн. Сир. и Лук. 24, 44), и такимъ образомъ даетъ предполагать, что въ то время совершено было полное, законченное образованіе ветхозавѣтнаго священнаго канона, въ которомъ слѣдовательно и Псалтирь имѣла тотъ же видъ, какой она имѣетъ въ нынѣшнемъ канонѣ. Но нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ [3]), соглашаясь, что Книга Псалмовъ во времена Ездры, при бывшемъ тогда собраніи псалмовъ, приведена была въ настоящій законченный видъ съ пятичастнымъ дѣленіемъ,

---

[1]) Pirke Abot I, 1. и Baba Bathra fol. 13. col. 2: 15. 2.

[2]) Такъ именно Köhler. — Haggai S. 33. и Moll въ Theol.-homilet. Bibelwerk v. Lange,—Psalter Thl. II. S. 200 и др.

[3]) Delitzsch,—Die Psalmen, Einleit. III. S. 10.

тѣмъ не менѣе допускаютъ возможность пополненія ея нѣкоторыми новыми пѣснями и во времена послѣдующія, хотя впрочемъ и высказываютъ при этомъ ограниченіе, что число такихъ пѣсней не могло быть значительно, такъ какъ ихъ приходилось вносить уже въ правильно-расположенное и законченное собраніе. Подтвержденіе такого предположенія думаютъ находить отчасти въ томъ, что по іудейскому преданію [1]), принимаемому и нѣкоторыми изъ древнихъ христіанскихъ писателей [2]), окончательное заключеніе ветхозавѣтнаго канона, а слѣд. и Псалтири, принадлежитъ великой синагогѣ, о существованіи которой прямыя историческія свидѣтельства относятся лишь къ Маккавейскому времени (1 Макк. 14, 28); но главнымъ образомъ его хотятъ основать на свидѣтельствѣ 2 кн. Маккав., гдѣ, вслѣдъ за приведеннымъ нами замѣчаніемъ о собраніи книгъ Свящ. Писанія при Нееміи, подобное же собраніе Священныхъ Книгъ приписывается и Іудѣ Маккавею: «подобнымъ образомъ и Іуда (т. е. Маккавей), затерянное по случаю бывшей у насъ войны все собралъ, и теперь оно есть у насъ» (2, 14). Но относительно перваго изъ основаній слѣдуетъ замѣтить, что іудейское преданіе о составленіи ветхозавѣтнаго канона великою синагогою не только ни мало не противорѣчитъ вышеприведенному нами и наиболѣе распространенному іудейскому же и христіанскому преданію, которое составителемъ канона почитаетъ Ездру, а напротивъ еще подтверждаетъ его: такъ какъ по другому подобному же талмудическому преданію и самое учрежденіе великой синагоги приписывается Ездрѣ и одновременно и вмѣстѣ съ Ездрою усвояется ей составленіе свящ. канона [3]). А это послѣднее преданіе, не смотря

---

[1]) Указаніе такого преданія см. на предш. стр., прим. 1.

[2]) См. въ цитованномъ выше отрывкѣ изъ экзапловъ Оригена, изд. Монфок. T. I, p. 85.

[3]) См. Buxtorf. Tiberias c. X—XI; Wolf, biblioth. hebr. II. p. 2 sq; Rau, de Synagoga magna; Aurivillius, de Synag. vulgo dicta magna, in Dissertt. p. 139. Указанія на это преданіе, какъ вѣроятное, находимъ и у современныхъ еврейскихъ и русскихъ писателей: см. Пиркэ Аботъ въ русск. пер. Левина I, 1 прим. 5; Ист. евр. нар. Сегаля стр. 172 по 2 изд.; Введ. въ Прав. Богосл. Преосв. Макарія стр. 302 по изд. 1863 г.; Ист. собр. ветхоз. кн. Сольскаго въ Тр. Кіевск. Дух. Ак. 1871 г. III. стр. 78 и др.

на высказываемыя многими учеными сомнѣнія въ его достовѣрности [1]), находитъ себѣ отчасти подтвержденіе въ Свящ. Писаніи. Такъ въ кн. Ездры и Нееміи вмѣстѣ съ Ездрою, первымъ *книжникомъ* (1 Ездр. 7, 11. 12. 21. Неем. 8, 1. 4. 13), представляется уже *цѣлое общество* священниковъ и левитовъ, которые занимаются чтеніемъ и изъясненіемъ закона (8, 4—8) и подобно ему называются *книжниками* (13, 13); а такое общество книжниковъ, раздѣлявшихъ съ Ездрою его труды по изъясненію закона Божія, безъ всякаго сомнѣнія, раздѣляло съ нимъ и труды по составленію канона и, какъ служившее началомъ образовавшейся изъ него впослѣдствіи великой синагоги, въ позднѣйшемъ преданіи очень могло быть прямо названо великою синагогою. Что же касается свидѣтельства 2 книги Маккав., то оно, по точному буквальному смыслу приписываетъ Іудѣ Маккавею собраніе не какихъ либо новыхъ, не бывшихъ прежде въ канонѣ Свящ. Писаній, но только затерянныхъ или разсѣявшихся (τὰ διαπεπτωκότα, по др. чт. διεσκορπισμένα) по случаю бывшей войны, слѣдовательно тѣхъ писаній, которыя уже были собраны при упомянутомъ предъ тѣмъ собраніи, приписываемомъ Нееміи (ст. 13), но во время бывшихъ войнъ и особенно гоненій Антіоха Епифана, когда, по свидѣтельству Флавія, священныя книги были изыскиваемы и сожигаемы гонителями [2]), очень естественно могли разсѣяться и требовали потому возобновленія собранія [3]). Такимъ образомъ предположеніе, что Іуда Маккавей, возстановляя древнѣйшее собраніе священныхъ книгъ, вмѣстѣ съ тѣмъ пополнилъ его внесеніемъ въ составъ его нѣкоторыхъ новыхъ писаній, а также въ частности пополнилъ и прежнее собраніе псалмовъ нѣкоторыми новыми, дотолѣ не бывшими въ немъ пѣснями, представляетъ очевидную натяжку, никакъ не вытекающую изъ прямаго смысла приводимаго въ основаніе его историческаго свидѣтельства. Что мы нисколько не преувеличиваемъ нашего вывода, это со всею очевидностію подтверждается изъ извѣстнаго намъ съ древнѣйшихъ временъ состава ветхозавѣтнаго

---

[1]) См. Начерт. Ц. Библ. ист. Филарета, стр. 583—4 по изд. 1819 г.; De Wette, Einleit. in die Bb. A. T., Bd. I. S. 15. Berlin 1840 и др.

[2]) Древн. Іуд. кн. XII гл. 5.

[3]) Ср. Сольскаго, Ист. собр. ветхоз. кн. въ Тр. К. Д. А. 1871 г. III стр. 81 прим. 2.

канона, и въ частности Псалтири. Во времена Іуды Маккавея (167—161 г. до Р. Хр.) существовали уже нѣкоторыя благочестивыя, назидательныя писанія, которыми желавшій пополнить древнѣйшее, составленное во времена Ездры и Нееміи собраніе свящ. книгъ могъ бы воспользоваться для внесенія въ составъ ветхозавѣтнаго канона. Таковы были: книга Премудрости Іисуса сына Сирахова, написанная, безъ сомнѣнія, въ промежутокъ времени между 192—172 гг. до Р. Х. [1]), и книга Премудрости Соломоновой, происшедшая никакъ уже не позже времени царствованія въ Египтѣ Птоломея Фискона (145—117 г. до Р. Хр.) [2]), обѣ по высотѣ своего религіозно-нравственнаго ученія и весьма близкому сходству съ каноническими писаніями Соломона,—кн. Притчей и Екклезіаста, по видимому, вполнѣ заслуживающія внесенія въ число писаній каноническихъ [3]). Таковы же были вѣроятно уже существовавшія въ то время и историческія книги Іудиѳи и Товита, которыя, какъ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ нисколько не ниже другихъ историческихъ писаній, содержащихся въ канонѣ [4]). Таковы въ частности изъ числа псалмопѣній были молитвенныя, хвалебныя и благодарственныя пѣсни Богу, содержащіяся въ названныхъ нами неканоническихъ писаніяхъ (Прем. Сол. 9 гл. Сир. 50, 24 — 26. 51, 1—17. Тов. 13 гл. Іудиѳ. 16, 1—17), изъ коихъ нѣкоторыя, какъ молитвенное благословеніе первосвященника Симона въ

---

[1]) См. выше въ общ. замѣчаніяхъ о Псс. Давида стр. 117, прим.

[2]) См. Gfrörer II. 263 ff.; Grimm. S. LXIX. Но особенное направленіе этой книги противъ Египтянъ, какъ притѣснителей народа іудейскаго, даетъ основаніе относить ее даже къ болѣе раннему времени царствованія въ Египтѣ извѣстнаго своею жестокостію къ Іудеямъ Птоломея Филопатора, 221—204 г. до Р. Хр. (См. 3 Макк. 1, 10. 2, 16—17 и дал.). См. Рук. къ посл. чт. учит. кн. В. З. Орды стр. 204, и кн. Прем. Солом. Д. Поспѣхова.

[3] и [4]) Потому въ римско-католической церкви всѣ эти книги со времени Тридентскаго собора (1545—1564 г.) и внесены въ число писаній богодухновенныхъ, подъ именемъ девтероканоническихъ. Кн. Премудр. Сол. и въ нашей Православной Церкви пользуется высокимъ уваженіемъ, и наравнѣ съ каноническими книгами употребляется при богослуженіи. Всѣ эти книги равн. образомъ доселѣ пользуются уваженіемъ и въ церкви іудейской. См. Ист. евр. нар. Сегаля стр. 178 по 2 изд.

кн. Сираха (50, 24—26) и хвалебно-благодарственная пѣснь Іудиѳи (16, 1—17), вѣроятно, употреблялись и при общественномъ богослуженіи. Таковы же были и псалмы такъ называемой Псалтири Соломоновой, составленные вѣроятно во времена гоненій Антіоха Епифана и, какъ по содержанію своему, такъ и по образу выраженія, очень близкіе къ древнимъ каноническимъ псалмамъ и писаніямъ пророческимъ [1]). Между тѣмъ ни одно изъ исчисленныхъ нами писаній, не смотря на ихъ высокое достоинство и церковно-національное значеніе для іудейскаго народа, никогда не находилось, какъ и доселѣ не находится, въ составѣ ветхозавѣтнаго канона. По свидѣтельству І. Флавія въ его время, т. е. во второй половинѣ І-го вѣка нашей христіанской эры, ветхозавѣтный канонъ содержалъ въ себѣ «только 22 книги, справедливо почитаемыя за божественныя», и именно заключался писаніями «времени Персидскаго царя Артаксеркса, преемника Ксеркса», т. е., иначе сказать, писаніями времени Ездры и Нееміи и послѣднихъ пророковъ Аггея, Захаріи и Малахіи, а «со времени Артаксеркса» и до дней самого историка «хотя также все случившееся заключено было въ письмена, но эти писанія уже не пользовались такимъ уваженіемъ, какъ прежнія 22 книги» [2]), т. е. не были почитаемы за божественныя, или, что тоже, не входили въ составъ ветхозавѣтнаго священнаго канона. Такимъ образомъ ясно, что Іуда Маккавей, при возстановленіи составленнаго при Ездрѣ и Нееміи, но во время бывшихъ потомъ войнъ разсѣявшагося опять сборника Свящ. Книгъ, не вносилъ въ него никакихъ новыхъ писаній, которыхъ бы до того времени не было въ его составѣ, а слѣдовательно и возстановленная имъ Псалтирь, какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ частяхъ своихъ, была та же самая, какою она вышла изъ рукъ Ездры и Нееміи и ихъ богопросвѣщенныхъ сотрудниковъ. Мало того, разъясняя причины ограниченнаго у Іудеевъ числа книгъ Священнаго Писанія, приведенный нами іудейскій историкъ ясно показываетъ намъ, что иное, менѣе строгое отношеніе къ составу извѣстнаго отъ временъ Ездры собранія Свящ. Книгъ со стороны Іуды Маккавея, или какого либо другаго возстановителя свящ. сборника, — если такіе

---

[1]) См. выше въ исторіи псалмопѣнія стр. 84, прим.

[2]) Contra Apion. lib. I § 7—8.

возстановители существовали, — было рѣшительно нравственно не возможно. По его словамъ, на которыя мы уже имѣли случай ссылаться, право обнародовать писанія о вѣрѣ принадлежало исключительно «только пророкамъ, кои знали древнѣйшія происшествія по вдохновенію отъ Бога и писали исторію своего времени съ величайшею точностію», а потому со времени Артаксеркса, или иначе послѣднихъ пророковъ, происхожденіе новыхъ каноническихъ писаній естественно должно было прекратиться; «потому что прекратилось преемство пророковъ» [1]). Но сознаніе этого священнаго права пророковъ не менѣе живо было въ іудейскомъ народѣ и во времена Іуды Маккавея или послѣдующія времена предхристіанскаго періода, какъ и во времена І. Флавія, или какъ оно живетъ въ немъ и до настоящаго времени. Во времена Іуды Маккавея, которому приписывается возстановленіе прежняго священнаго канона, при обновленіи оскверненнаго язычниками храма Іерусалимскаго, Іудеи не осмѣливаются принять на себя рѣшеніе, какъ поступить съ камнями оскверненнаго жертвенника и слагаютъ ихъ до времени на горѣ храма, пока придетъ пророкъ и дастъ отвѣтъ о нихъ (1 Макк. 4, 46); тѣмъ болѣе, конечно, въ составѣ священнаго своего канона, составлявшаго основаніе всей іудейской религіи, никто изъ Іудеевъ не могъ позволить себѣ измѣнять какъ либо границы, положенныя пророками, и привнести въ него какія либо писанія, не освященныя авторитетомъ пророческимъ.

Наконецъ надобно замѣтить, что прежде Іуды Маккавея и слѣдовательно прежде, чѣмъ предпринятъ былъ первый пересмотръ составленнаго при Ездрѣ и Нееміи священнаго канона, когда въ первый разъ открывался удобный случай къ внесенію въ него нѣкоторыхъ новыхъ, еще не бывшихъ въ немъ писаній, въ царствованіе въ Египтѣ Птоломея Филадельфа, ок. 270 г. до Р. Хр., совершонъ былъ переводъ Священнаго Писанія на греческій языкъ, извѣстный подъ именемъ перевода LXX толковниковъ. Правда Филонъ и Флавій утверждаютъ, что въ то время переведены были только книги Моусеевы; но если это свидѣтельство и справедливо, то все же надобно признать, что переводъ прочихъ книгъ Свящ. Писанія, и въ частности Псалтири,

---

[1]) Contra Apion. lib. I § 7—8.

послѣдовалъ вскорѣ же за переводомъ Пятокнижія [1]): ибо, какъ выше нами было показано, въ предисловіи къ греческому переводу кн. I. сына Сирахова, сдѣланному ок. 132 г. до Р. Хр., упоминается уже о существованіи въ греческомъ переводѣ всего Священнаго Писанія, въ полномъ его составѣ, и притомъ упоминается вскользь, безъ всякихъ распространеній, какъ о дѣлѣ общеизвѣстномъ предполагаемому переводчикомъ кругу его читателей, и кромѣ того переводчикъ кн. Сираха самъ замѣтно пользовался переводомъ LXX для переложенія на греческій языкъ встрѣчавшихся ему въ переводимой книгѣ разныхъ мѣстъ Свящ. Писанія не только изъ Пятокнижія, но и изъ книгъ пророческихъ, а равнымъ образомъ и изъ Псалтири [2]). Прибавимъ къ этому, что въ подтвержденіе существованія греческаго перевода Псалтири въ разсматриваемое время можно указать еще и на то, что, подобно переводчику кн. Сираха, около того же времени имъ пользовались переводчики и другихъ неканоническихъ писаній, кн. Товита и Іудиѳи, и нѣсколько позже—1 Макк. книги [3]). При существованіи же греческаго перевода Свящ. Писанія, или такъ называемаго канона Александрійскаго, конечно, всякое измѣненіе или пополненіе, сдѣланное въ еврейскомъ текстѣ Свящ. Писанія, или въ Палестинскомъ канонѣ, должно было производить большія или меньшія разности его съ переводомъ LXX: такъ какъ невозможно представить, чтобы внесеніе какихъ либо новыхъ писаній въ составѣ канона производилось всегда одновременно и въ подлинномъ его текстѣ и въ переводѣ, тѣмъ болѣе что первый по преимуществу употреблялся между Палестинскими, а послѣдній между Александрій-

---

[1]) См. Начерт. Ц. Библ. ист. Филарета. Моск. стр. 595 по изд. 1819 г.

[2]) См. выше въ общ. замѣчан. о Псс. Давида стр. 120.

[3]) Ср. Тов. 3, 11. 8, 5. съ Пс. 71, 18—19, также 148, 4; Тов. 12, 20. 22 съ Пс. 70, 17; Тов. 12, 6 съ Пс. 91, 2—3; гл. 13 съ Пс. 144 и проч.; Іудѳ. 16, 15[a] съ Пс. 95, 9—11. 113, 4; Іудѳ. 16, 15[б] съ Пс. 96, 5; Іудѳ. 9, 11. съ Пс. 146, 10—11. 32, 16 и дал.; Іудѳ. 13, 14. 18 съ Пс. 112, 1. 116, 1; Іудѳ. 16, 2. 13 съ Пс. 95. 1. 97, 1. 150, 4—5; 1 Макк. 2, 63 съ Пс. 91, 9; 1 Макк. 7, 17. съ Пс. 78, 2[б]—3; 1 Макк. 7, 38 съ Пс. 149, 6; и проч. См. сличеніе по греч. тексту нѣкоторыхъ изъ цитованныхъ мѣстъ въ Abfassungszeit d. Psalters v. Ehrt. S. 129—130.

скими Іудеями. Между тѣмъ въ составѣ еврейской и греческой Библіи, за исключеніемъ лишь допущеннаго въ послѣдней прибавленія писаній неканоническихъ, не представляется никакого различія. Точно также въ частности и въ Псалтири все различіе ея состава по еврейскому и греческому тексту ограничивается лишь соединеніемъ въ первомъ нѣкоторыхъ псалмовъ (114 и 115, 146 и 147 по греч.). которые въ послѣднемъ стоятъ раздѣльно, и раздѣленіемъ другихъ (9 и 10, 114 и 115 по евр.), которые въ послѣднемъ являются соединенными, и наконецъ прибавленіемъ въ послѣднемъ нѣкоторыхъ надписаній и одного неканоническаго псалма внѣ числа 150-ти. Отсюда естественно слѣдуетъ заключить, что *при возстановленіи древняго собранія книгъ Свящ. Писанія при Іудѣ Маккавеѣ, или другихъ какихъ либо пересмотрахъ этого собранія, бывшихъ впослѣдствіи, составъ его по тексту еврейскому оставался всегда неприкосновеннымъ въ томъ видѣ, какой онъ получилъ во времена Ездры и Нееміи*; *внесеніе* же новыхъ книгъ, или *какихъ либо прибавленій* въ прежнія писанія, *если въ нѣкоторой степени и было допускаемо, то исключительно лишь въ греческомъ переводѣ, но оно*, можно сказать, *вовсе не имѣетъ мѣста въ Псалтири*: такъ какъ о прибавленномъ въ заключеніи греческой Псалтири псалмѣ прямо замѣчается въ его надписаніи, что онъ стоитъ внѣ числа 150 псалмовъ, составляющихъ Псалтирь, или въ строгомъ смыслѣ не принадлежитъ къ Псалтири.

Такимъ образомъ, какъ происхожденіе позднѣйшихъ псалмовъ мы отнесли ко времени Ездры и Нееміи и послѣднихъ послѣ-плѣнныхъ пророковъ, такъ и происхожденіе послѣдняго собранія псалмовъ, или настоящей Псалтири, должны отнести къ тому же времени. Это послѣднее наше заключеніе даетъ намъ право еще разъ и съ большею увѣренностію сказать, что Книга Псалмовъ вся отъ начала до конца—произведеніе пророческаго періода церкви ветхозавѣтной, что всѣ ея пѣсни—непосредственный плодъ священнаго вдохновенія глаголавшаго чрезъ пророковъ Духа Божія, и самый внѣшній составъ ея, съ напоминающимъ о Законѣ пятичастнымъ дѣленіемъ, есть произведеніе богопросвѣщенныхъ учителей Закона Божія въ іудейскомъ народѣ, дѣйствовавшихъ подъ руководствомъ послѣднихъ его пророковъ. Понятно, что при этомъ не можетъ быть и мысли о псалмахъ Маккавейскаго и вообще послѣ-пророческаго происхожденія, какіе думаютъ

отыскать въ Псалтири нѣкоторые изъ ученыхъ новѣйшаго времени; потому что, если вообще подобныя пѣсни и существовали, то онѣ, какъ произведенія одного человѣческаго вдохновенія, хотя и отличавшіяся религіознымъ характеромъ, не могли уже найти себѣ мѣста въ числѣ 150 богодухновенныхъ пѣсней, составляющихъ Книгу Псалмовъ.

Указатель разсматриваемыхъ въ изслѣдованіи псалмовъ въ порядкѣ расположенія ихъ въ нашей Псалтири.

Пс.	Стр.
1	273—278.
2	266—273.
3	131—148; въ частн. 136, 138, 143.
4	202—206.
5	192—202.
6	188—192.
7	130—148; въ частн. 137 и 143.
8	54 и 165—167.
9	206—210.
10	192—202.
11	
12	169—188.
13	
14	217—222.
15	169—188.
16	
17	131—148; въ частн. 136. 137. 139 и 147.
18	259—263.
19	212—214.
20	
21	169—188.
22	202—206.
23	217—222.
24	202—206.
25	192—202.
26	202—206.
27	
28	259—263.
29	131 и д. 136. 142 и до 148.
30	169—188.
31	188—192.
32	278—284.
33	130 и д. 134. 143 и до 148.
34	169—188.
35	
36	202—206.
37	188—192.
38	
39	239—247.
40	192—202.
41	389—394.
42	
43	398—406.
44	407—415.
45	415—420.
46	
47	
48	396—398.
49	318—320.
50	131 и д. 137. 143. 144 и до 148.
51	130 и д. 143 и до 148.
52	264—265.
53	130 и д. 134. 142. 143 и до 148.
54	110. 192—202.
55	130 и д. 143 и до 148.
56	
57	192—202.
58	130 и д. 135—138. 142 и до 148.
59	
60	202—206.
61	
62	131 и д. 136. 142. 143 и до 148.
63	192—202.
64	235—239.
65	431—438.
66	
67	214—217.
— ст. 17—19	316.
68	169—188.
69	264—265.
70	278—284.
71	285—294.
72	322—326.

Пс.	Стр.
73	347—368.
74	337—342.
75	
76	342—347.
77	312—318.
78	347—368.
79	342—347.
80	320—322.
81	322—326.
82	327—337.
83	394—396.
84	426—430.
85	202—206.
86	421—426.
87	368 и д. 377—381.
88	368 и д. 379—381.
— ст. 13	393.
89	45. 103—109.
90	109. 438—441.
91	
92	77—79. 109. 441—454.
93	
94	
95	
96	
97	
98	
99	
100	217—222.
101	459—462.
102	259—263.
103	278—284.
104	454—459.
105	
106	467—494; въ частн. 471—472.
107	264—265.
108	169—188.
109	250—259.
— ст. 3	270—271.
110	467—494; въ частн. 479—480.
111	467—494; въ частн. 480—481.
112	467—494; въ частн. 476.
113	467—494; въ частн. 476—477.
114	467—494; въ частн. 477.
115	467—494; въ частн. 477—478.
116	467—494; въ частн. 478.
117	467—494; въ частн. 472—475.
118	467—494; въ частн. 481—483.
119	494—509; въ частн. 497.
120	494—509; въ частн. 498.
121	226—235.
122	494—509; въ частн. 497.
123	210—212.
124	494—509; въ частн. 499—500.
125	494—509; въ частн. 496—497.
126	294—301.
127	494—509; въ частн. 499—500.
128	
129	494—509; въ частн. 501—503.
130	222—225.
131	301—309.
132	226—235.
133	494—509; въ частн. 503—506.
134	467—494; въ частн. 478—479.
135	
136	462—467.
137	247—250.
138	259—263.
139	192—202.
140	202—206.
141	130 и д. 136 и до 148.
142	188—192.
143	55. 167—169.
144	259—263.
145	467—494; въ частн. 483—485.
146	467—494; въ частн. 485—486 и 488.
147	
148	467—494; въ частн. 485—486.
149	467—494; въ частн. 486—488.
150	467—494; въ частн. 483—488.
151	509—513.